РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

Пров. 50

32611

1870

1 ІЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ГРОДНЕНСКІЙ СЕЙМЪ 1793 ГОДА. Гл. VIII—X. Д. И. Иловайскаго.

II. ТЮРЬМА И ВѢНЕЦЪ. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. И. Х. Зедлица. Переводъ Ѳ. Б. Миллера.

III. АЛЕКСАНДРЪ БЕСТУЖЕВЪ НА КАВКАЗѢ. 1829—1837. Неизданныя письма его къ матери, сестрамъ и братьямъ. М. И. Семевскаго.

IV. МУЖЪ И ЖЕНА. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXI—XXIV.

V. ЕГИПЕТСКІЙ МОГИЛЬНЫЙ МІРЪ. Публичное чтеніе Генриха Бругша.

VI. ПОДСПУДНЫЯ СИЛЫ. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть вторая. Гл. XIX—XXIV. Н. А. Чаева.

VII. РѢШЕНІЕ ГРЕКО-БОЛГАРСКАГО ВОПРОСА. Т. И. Филиппова.

VIII. ВЗГЛЯДЪ НА МАТЕРІАЛЫ НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ВОПРОСА О САМОСТОЯТЕЛЬНОМЪ НАЧАЛѢ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ. Отвѣтъ гг. С. Усову и Н. Аксакову. Г. Е. Струве.

IX. ЧАРЛЗЪ ДИККЕНСЪ. Некрологъ. Нелюбова.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

БУЛГАМПТОНСКІЙ ВИКАРІЙ. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧЪ ЛЬЁ ПОДЪ ВОДОЙ. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Окончаніе первой части. Часть вторая, гл. I—II.

ТАЙНА ЭДВИНА ДРУДА. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. X—XI.

Р. В. 1870.
т. 87. Июнь
32611

ГРОДНЕНСКІЙ СЕЙМЪ

1793 ГОДА*

VIII.

Прусскія требованія.—Сеймъ противится переговорамъ съ Пруссіей.—Онъ принужденъ уступить. — Споръ о полномочіяхъ.

До сихъ поръ прусскій дипломатъ держался въ сторонѣ, чтобы не мѣшать ходу переговоровъ со своимъ русскимъ товарищемъ. Но когда вопросъ объ уступкѣ провинцій въ пользу Россіи былъ рѣшенъ сеймомъ, Бухгольцъ не замедлилъ выступить на передній планъ. Мы видѣли что въ засѣданіи 9го (20го) іюля онъ подалъ ноту, въ которой требовалъ чтобы депутація была снабжена надлежащимъ полномочіемъ для договора съ Пруссіей на основаніи предыдущихъ его нотъ, предъявленныхъ сообща съ русскимъ посланникомъ. Почти всѣ заранѣе предвидѣли что трактатъ съ Пруссіей встрѣтитъ еще болѣе сопротивленія чѣмъ договоръ съ Россіей. Сиверсъ не разъ говоритъ о томъ въ своихъ депешахъ. Тогда какъ большинство сейма состояло изъ сторонниковъ и кліентовъ Россіи, прусская партія насчитывала только немногихъ второстепенныхъ пословъ, за деньги согласившихся поддерживать требованія Пруссіи и подвергаться при этомъ поруганію со стороны большинства (Подгорскій, Древновскій, Влодекъ, Рокитницкій, Рокасовскій и др.).

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 3 и 4.

12го (23го) іюля маршалъ сеймовый, открывая засѣданіе, пригласилъ палату обратить серіозное вниманіе на требованіе прусскаго министра, выраженное въ нотѣ 20го (9го) іюля. Онъ указалъ на смутныя обстоятельства, на невозможность сохранить цѣлость польскихъ предѣловъ; но въ то же время старался утѣшить представителей націи надеждой на лучшее устроеніе республики, которое помогло бы ей забыть свои бѣдствія и упрочить свое будущее.

При чтеніи прусской ноты поднялась цѣлая буря. Многіе послы наперерывъ требовали голоса, чтобы въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ заявить свою оппозицію всякимъ переговорамъ съ Пруссаками. Тутъ вылилась наружу вся горечь накипѣвшая въ душѣ Поляковъ вслѣдствіе вѣроломнаго поведенія Пруссіи начиная съ 1788 года. Ее обвиняли въ томъ что она устроила Полякамъ заладню, возбуждая ихъ противъ Россіи во время Четырехлѣтняго сейма и обманывая ихъ призракомъ союза. Нѣкоторые упрекали прусскій дворъ какъ единственнаго виновника бѣдствій Польши, хотя онъ обязанъ ей своимъ существованіемъ и разбогатѣлъ на ея же счетъ. Другіе издѣвались надъ тѣмъ предлогомъ который Пруссаки выставили для своихъ новыхъ насилій, то-есть надъ мнимымъ якобинствомъ Поляковъ. „Пусть прусскій король будетъ стражемъ тѣхъ якобинцевъ которыхъ онъ нашелъ въ Великой Польшѣ, восклицаетъ Краснодембскій; — но было бы нелѣпо на основаніи подобнаго титула требовать уступки этой области.“ Карскій объявляетъ, что онъ согласится только на такую делегацію которая будетъ имѣть цѣлью очищеніе польскихъ земель отъ прусскихъ войскъ. Микорскій, высчитавъ всѣ поступки Берлинскаго двора въ отношеніи къ Польшѣ съ давняго времени и напомнивъ обязательства принятыя имъ по послѣднему договору, предложилъ проектъ отвѣтной ноты, въ которой содержались бы слѣдующіе вопросы Бухгольцу: Союзъ Прусскаго короля съ Рѣчью Посполитой, заключенный на предыдущемъ сеймѣ, должно ли считать существующимъ или прекратившимся? Если онъ прекратился, то какія причины разрыва? Ходзко объявляетъ, что онъ никогда не согласится на уступку и одной горсти леску.

Гольнскій, посолъ черниговскій, не ограничиваясь оппозиціей прусскимъ требованіямъ, возвращается къ только-что оконченному договору съ Россіей. Онъ распространился о своихъ личныхъ опасностяхъ, о грозившей ему потерѣ имущества и

свободы, вслѣдствіе чего онъ не присутствовалъ на засѣданіи 17го числа; но тѣмъ не менѣе всякая уступка, хотя бы малѣйшей частички польской земли, для него немыслима. Затѣмъ Голынскій предлагаетъ проектъ торжественнаго протеста противъ подписаннаго делутаціей трактата съ Россіей, какъ вынужденнаго насиліемъ, и протестъ этотъ совѣтуетъ разослать ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. По настоянію членовъ оппозиціи, каковы Карскій, Микорскій, Стоинскій, Гославскій и Кимбаръ, проектъ Голынскаго былъ прочитанъ. Тѣ же члены потребовали пустить его на голоса. Но маршалъ сеймовый воспротивился нарушенію закона, только что постановленнаго сеймомъ. Ожаровскій пытается снова обратить вниманіе палаты на требованія Пруссіи, и совѣтуетъ въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ прибѣгнуть къ великодушному покровительству Русской императрицы. Онъ предлагаетъ отнестись чрезъ канцлеровъ къ русскому посланнику съ просьбой о вмѣшательствѣ и добиваться если не полнаго очищенія края, занятаго прусскими войсками, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его частей. Предложеніе Ожаровскаго поддерживаетъ Куницкій; но онъ требуетъ чтобы съ такою же просьбой обратились еще къ Австрійскому двору.

Только къ концу засѣданія, когда патріотическія декламаціи значительно утомили и ораторовъ, и слушателей, поднялся одинъ голосъ въ пользу назначенія делегаціи для переговоровъ съ Пруссіей. Этотъ голосъ принадлежалъ Рокитницкому, послу отъ Плоцка. Если, замѣтилъ онъ, съ одной стороны жалобы противъ Пруссіи справедливы, то съ другой— дальнѣйшее сопротивленіе ея требованіямъ могло бы еще болѣе умножить бѣдствія провинцій занятыхъ прусскими войсками. Разсужденія о прусской нотѣ въ это засѣданіе перемѣшивались еще спорами о Тарговицкой конфедераціи: одни требовали ея уничтоженія, другіе, напротивъ, защищали ея судебное значеніе. Засѣданіе продлилось до девяти часовъ вечера и окончилось безъ всякаго рѣшенія.

На слѣдующій день послышалось уже нѣсколько голосовъ въ пользу назначенія делегаціи, такъ какъ нѣтъ другихъ средствъ отвратить бѣдствія. Кромѣ сеймоваго маршала, въ этомъ духѣ говорили Влодекъ, посолъ равскій, и князь Александръ Понинскій, посолъ закрочимскій. Они также совѣтовали обратиться преимущественно къ посредничеству русскаго посланника и сохранить Тарговицкую конфедерацію, пока нѣтъ

другой болѣе прочной правительственной формы. Но противъ назначенія делегаціи снова поднялись оживленные возгласы. Между прочимъ Суходольскій, каштелянъ Смоленскій, отвергая всякіе переговоры съ Пруссіей, предлагаетъ отнестись прямо къ Петербургскому двору и заявить что польскій народъ не теряетъ своего упованія на помощь „Великой Екатерины". Затѣмъ, въ порывѣ ораторскаго увлеченія, онъ обращается къ королю и проситъ его, какъ добраго отца народа, вести своихъ сыновъ на жертву милой отчизнѣ, подобно тому какъ Авраамъ въ угоду Творцу принесъ на закланіе собственнаго сына, и Царь Царей удержитъ мечъ гнѣва Своего и сохранитъ народъ польскій какъ Онъ сохранилъ жизнь Исааку. *

Кимбаръ, упитскій посолъ, заявивъ свое несогласіе на переговоры съ Пруссіей, требуетъ чтобы канцлеры сообщили сословіямъ, если имѣютъ какія-либо депеши изъ Вѣны отъ польскаго повѣреннаго Войны. Коронный канцлеръ не замедлилъ исполнить это требованіе. Вотъ сущность полученныхъ депешъ. Война имѣлъ нѣсколько откровенныхъ разговоровъ съ австрійскими министрами, барономъ Тугутомъ и кн. Колоредо. Оба они убѣждены въ невыгодныхъ для Австріи результатахъ событій совершающихся въ Польшѣ; но при настоящемъ состояніи дѣлъ въ Европѣ они не могутъ обѣщать Полякамъ что-либо положительное. Петербургскій дворъ, по ихъ словамъ, пользуется затруднительнымъ положеніемъ Австріи и хлопочетъ чтобъ императоръ гарантировалъ Россіи и Пруссіи владѣніе вновь присоединенными отъ Польши провинціями. Стороной Война узналъ что Разумовскій и прусскій повѣренный въ Вѣнѣ всѣми силами стараются добиться этой гарантіи и настаиваютъ на категорическомъ отвѣтѣ; что Разумовскій недавно вручилъ императору отъ императрицы письмо, въ которомъ она будто бы соглашается даже на его участіе въ новомъ раздѣлѣ Польши. Вообще Австрія совершенно погружена въ свою войну съ Франціей, и въ такихъ

* Предложеніе обратиться къ посредничеству русскаго посланника дѣлалось, конечно, не безъ предварительнаго соглашенія съ Сиверсомъ. Въ депешѣ своей вице-канцлеру, составленной поутру того же 13го (24го) іюля, онъ говоритъ: „Сегодня представятъ проектъ о снабженіи депутаціи полномочіемъ; будутъ очень настаивать на выгодахъ торговыхъ и на долгахъ, а также на томъ чтобъ я рѣшительно былъ посредникомъ присутствующимъ на конференціяхъ. Послѣднее мнѣ не совсѣмъ пріятно."

обстоятельствахъ Война совѣтуетъ только выжидать какой-либо перемѣны въ общихъ дѣлахъ Европы. *

Подобныя сообщенія не замедлили дать новую пищу оппозиціи. Она сдѣлалась еще оживленнѣе и не скрывала своихъ великихъ надеждъ на помощь Вѣнскаго двора.

15го (26го) іюля голоса въ пользу делегаціи усиливаются до такой степени что ихъ выслушиваютъ. Древновскій, ломжинскій посолъ, вноситъ проектъ трактованія съ Прусскимъ дворомъ, и замѣчаетъ что отказъ отъ всякихъ договоровъ можетъ быть сочтенъ прусскимъ королемъ за молчаливое согласіе на его узурпацію. Это замѣчаніе произвело впечатлѣніе, такъ что палата допустила чтеніе самого проекта. Сущность его заключалась въ томъ чтобы дозволить депутаціи, подписавшей трактатъ съ Россіей, вступить въ переговоры съ прусскимъ посланникомъ, но начать ихъ не иначе какъ съ торговаго трактата и притомъ результаты переговоровъ сообщать на одобреніе сеймующихъ сословій. Члены оппозиціи попрежнему пытаются отстранить вопросъ о делегаціи. Между прочимъ Шидловскій упрекаетъ епископовъ и короля за ихъ измѣну многократно произнесенной клятвѣ: скорѣе пожертвовать жизнію чѣмъ согласиться на раздѣлъ Польши. Король отвѣчаетъ что онъ всегда готовъ на эту жертву, если она можетъ спасти отечество, но что теперь она безполезна, и дѣло идетъ только о спасеніи остальной Польши. Затѣмъ онъ предлагаетъ уполномочить канцлеровъ чтобъ они подали русскому посланнику ноту съ объясненіемъ всѣхъ причинъ по которымъ сеймъ не соглашается на требованія Пруссіи и съ выраженіемъ готовности положиться на его совѣты въ своихъ дальнѣйшихъ поступкахъ.

Бѣлинскій, Ожаровскій, Лобаржевскій, Млодзяновскій, Скар-

---

* О колебаніяхъ австрійской политики по вопросу гдѣ искать ей вознагражденія за борьбу съ французскою революціей, въ Баваріи, въ Польшѣ или во Франціи? см. мою замѣтку (въ *Русск. Вѣсти.* 1867 г. ноябрь) составленную на основаніи дополнительнаго тома къ *Исторіи Россіи* Германа. Извѣстіе Войны о согласіи Екатерины допустить Австрію къ участію во второмъ раздѣлѣ Польши, конечно, несправедливо; но оно могло легко возникнуть на основаніи уклончивыхъ отвѣтовъ Петербургскаго двора. См. статью Зибеля *Polens Untergang und der Revolutionskrieg* (*Historische Zeitschrift* 1870, I), составленную на основаніи дипломатическихъ документовъ Вѣнскаго архива.

жинскій, Влодекъ, Суфчинскій и Радзинскій поддерживаютъ проектъ короля. А Голынскій, чтобы парализовать его, возобновляетъ предложеніе Куницкаго о подачѣ такой же ноты Вѣнскому двору. Ходзко и Карскій поддерживаютъ эту прибавку. Сеймовый маршалъ ставитъ вопросъ: тронный проектъ будетъ ли принятъ съ дополненіемъ Куницкаго или безъ онаго? 67 голосовъ противъ 52 рѣшаютъ этотъ вопросъ въ пользу троннаго проекта безъ дополненія.

На слѣдующемъ засѣданіи была прочитана отвѣтная нота русскаго посланника. Онъ съ удовольствіемъ видитъ новое доказательство довѣрія которое сеймъ показывалъ его государынѣ; но тѣмъ не менѣе весьма положительныя инструкціи побуждаютъ его настаивать на немедленномъ началіи переговоровъ съ прусскимъ министромъ и на снабженіи делегаціи потребнымъ для того полномочіемъ. Собраніе обратило вниманіе не столько на ясный, опредѣленный смыслъ этой ноты, сколько на ея мягкій тонъ, и нисколько не поспѣшило рѣшеніемъ вопроса. Члены оппозиціи не переставали гремѣть противъ всякой попытки вступить въ переговоры съ Пруссіей. Съ особенною ѣдкостью выражался Скаржинскій, посолъ отъ Ломжи. Онъ не допускалъ никакой уступки земель ни Пруссіи, ни Россіи, и назвалъ безполезнымъ обращеніе къ посредничеству русскаго посланника, который по своимъ инструкціямъ обязанъ былъ поддерживать интересъ Берлинскаго двора наравнѣ съ собственнымъ. Онъ настаивалъ на отправленіи посольства прямо къ русской императрицѣ. Ожаровскій, съ своей стороны, пытается обратить вниманіе сейма на армію, которой не заплачено жалованье уже за многіе мѣсяцы; онъ совѣтуетъ хлопотать о собраніи податей съ провинцій занятыхъ русскими и прусскими войсками. Король поддерживаетъ его совѣтъ и говоритъ также о необходимости прежде всего найти средства на удовлетвореніе арміи.

Епископъ Коссаковскій во время преній о делегаціи высказалъ такую мысль: можно надѣяться на перемѣну въ отношеніяхъ двухъ принимающихъ участіе въ раздѣлѣ дворовъ; а въ ожиданіи этой перемѣны можно открыть переговоры съ Пруссіей. „Это нескромное заявленіе произвело замѣтное впечатлѣніе“, доноситъ Сиверсъ. Послѣ засѣданія онъ сдѣлалъ епископу легкое внушеніе. Кромѣ того, онъ велѣлъ сказать двумъ братьямъ Скаржинскимъ, ломжинскому и черниговскому, что если они въ своихъ рѣчахъ еще позволятъ себѣ выраженія противныя

интересамъ ея величества, то онъ назначитъ экзекуцію въ ихъ земли.

Шидловскій, Карскій и другіе члены оппозиціи не замедлили на другой день снова поднять жалобы на насилія сейму, и предложили депутировать по этому поводу канцлеровъ къ Сиверсу; но они отказались отъ такой депутаціи, и на томъ дѣло кончилось. Такъ какъ наступало 30е іюля, а сеймъ все еще не исполнилъ своей задачи, то въ эти два дня (28 и 29го іюля нов. ст.) пренія о делегаціи перемѣшивались горячими спорами о томъ, должно ли отсрочить засѣданія сейма или продолжить его сессію? Наконецъ вопросъ пущенъ на голоса, и большинствомъ рѣшено продолжить сеймъ опять на двѣ недѣли, то-есть до 15го августа.

На засѣданіи 19го (30го) іюля небольшая прусская партія рѣшилась выступить еще смѣлѣе въ вопросѣ о делегаціи, а русскій посланникъ въ этотъ день подалъ новую ноту, въ которой повторялъ требованіе немедленно выдать полномочія для заключенія трактата съ Пруссіей.

При самомъ началѣ засѣданія Древновскій снова предлагаетъ свой проектъ о торговомъ договорѣ съ прусскимъ королемъ. Но это предложеніе послужило сигналомъ къ крикамъ и декламаціямъ. Оппозиція хватается за проектъ Микорскаго, то-есть чтобы канцлеры подали Бухгольцу ноту съ вопросомъ: считать ли союзъ Пруссіи съ Рѣчью Посполитой разорваннымъ, и какія причины этого разрыва? Когда секретарь сеймовый прочелъ проектъ Микорскаго, Подгорскій, посолъ отъ Волыни, потребовалъ чтенія и проекта Древновскаго, а маршалъ сеймовый предъявилъ упомянутую ноту Сиверса. Тогда поднялись горячія пренія, и палата раздѣлилась на двѣ противныя стороны. Секретарь хотѣлъ читать проектъ Древновскаго; но онъ былъ прерванъ и принужденъ замолчать посреди шумныхъ возгласовъ и личной перебранки. Между прочимъ Ходзко обращается къ королю съ слѣдующимъ восклицаніемъ: „Что скажетъ потомство, увидавъ имя вашего величества подъ актомъ генеральной конфедераціи и внизу ратификаціи этихъ двухъ договоровъ?“ Маршалъ сеймовый умоляетъ короля сказать свое мнѣніе, въ виду раздѣленія палаты на двѣ стороны. Король отвѣчаетъ что потомство, конечно, будетъ на столько справедливо чтобы различить обстоятельства сопровождавшія его присоединеніе къ Тарговицкой конфедераціи отъ тѣхъ въ которыхъ онъ находился въ послѣдствіи.

Относительно вопроса раздѣлившаго палату онъ изъявилъ желаніе услышать прежде мнѣніе сената.

Нѣкоторые сенаторы подаютъ свой голосъ; между прочимъ епископы Скаржевскій и Коссаковскій говорятъ что не имѣется въ виду никакихъ средствъ помѣшать договору съ Пруссіей. Пренія продолжались еще нѣсколько времени. Наконецъ Бѣлинскій ставитъ ad turnum вопросъ: будетъ ли принятъ проектъ Микорскаго или мнѣніе Рокасовскаго (бельзскаго), который предлагаетъ пустить на голоса проектъ Древновскаго? За первый пусть будутъ положительные отвѣты, а за второе отрицательные. Произвели голосованіе, и въ результатѣ получилась „неслыханная вещь, по выраженію Сиверса, если она не была подготовлена“: на каждой сторонѣ 53 голоса. Палата обращается къ королю съ просьбой „развязать“ это равновѣсіе. Король рѣшаетъ въ пользу предложенія Рокасовскаго, но въ то же время поручаетъ канцлерамъ подать Бухгольцу ноту составленную на основаніи проекта Микорскаго. Такимъ образомъ онъ пытается удовлетворить обѣ стороны.

На другой день канцлеры сообщили собранію отвѣтную ноту Бухгольца на ихъ запросъ о томъ, считаетъ ли прусскій король обязательными для себя трактаты 1773 и 1790 годовъ? Посланникъ отвѣчалъ уклончиво, говоря что онъ объяснится на этотъ счетъ съ делегаціей, которая будетъ уполномочена вести съ нимъ переговоры. Въ это засѣданіе проектъ Древновскаго былъ предложенъ на окончательное рѣшеніе и принятъ большинствомъ 65 голосовъ противъ 39. Сиверсъ доноситъ что многіе отсутствовали чтобы не компрометтировать себя участіемъ въ голосованіи, а что вмѣстѣ съ ними, вѣроятно, опять произошло бы равенство сторонъ.

Такимъ образомъ рѣшено было той же депутаціи, которая договаривалась съ русскимъ посланникомъ, вступить въ переговоры съ прусскимъ; но предметомъ этихъ переговоровъ долженъ былъ служить торговый трактатъ. Послѣ нѣкоторыхъ преній о разныхъ дополненіяхъ къ проекту Древновскаго, приняты были палатой еще слѣдующія прибавки къ инструкціи депутатамъ, предложенныя епископомъ Ливонскимъ: 1) во введеніи къ инструкціи сказать что сеймъ согласился на депутацію только вслѣдствіе насилія; 2) упомянуть что сеймъ не можетъ уступить ни малѣйшей части изъ территоріи Рѣчи Посполитой, и 3) все что̀ сдѣлаетъ депутація

будетъ только проектомъ, подлежащимъ рѣшенію сословій. * Чтобы дать канцлерамъ время приготовить всѣ акты необходимые для депутаціи, король на два дня отложилъ засѣданіе.

Около этого времени Сиверсъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, сообщаетъ что видѣлъ секретные отвѣты (канцлеровъ) на депеши всѣхъ польскихъ повѣренныхъ при иностранныхъ дворахъ. Отвѣты эти воздаютъ хвалу сопротивленію короля и сейма и прямо говорятъ что надежды ихъ основаны на томъ чтобы выиграть время и дождаться могущихъ послѣдовать перемѣнъ въ отношеніяхъ и интересахъ европейскихъ дворовъ. О поведеніи иностранныхъ министровъ, аккредитованныхъ при Рѣчи Посполитой, нашъ посланникъ замѣчаетъ что шведскій не скрываетъ злой радости по поводу затрудненій прусскаго; англійскій совершенно равнодушенъ; австрійскій маскируетъ свои чувства лучше шведскаго, но они проглядываютъ вопреки его скрытности.

Между тѣмъ на Рейнѣ счастье повернуло на сторону Пруссаковъ: 22го іюля (нов. ст.) Французы, занимавшіе крѣпость Майнцъ, сдались на капитуляцію. Сиверсъ говоритъ что извѣстіе о взятіи Майнца произвело на Поляковъ большое впечатлѣніе, и что еслибъ оно пришло двадцатью четырьмя часами ранѣе, то повліяло бы на инструкцію составленную для депутаціи. Тонъ этой инструкціи, по его словамъ, показываетъ неразуміе и безтактность (l'imbecilité et la fatuité) собранія. Онъ предупреждаетъ что въ первой конференціи съ прусскимъ министромъ не приметъ участія, но потомъ, конечно, принужденъ будетъ это сдѣлать.

25го іюля (5го августа) происходила первая конференція депутаціи съ прусскимъ посланникомъ. Президентъ депутаціи, князь-епископъ Масальскій, обратился къ посланнику съ выраженіемъ надежды на его участіе и дружеское расположеніе къ польской націи. Посланникъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, но прибавилъ что обстоятельства побудили ихъ величества (русское и прусское) сообща принять мѣры для предохраненія своихъ государствъ отъ печальнаго положенія Европы. Затѣмъ прочли полномочія. Ожаровскій замѣтилъ что прусскій документъ говоритъ объ уступкѣ всѣхъ провинцій занятыхъ прусскими войсками; это обстоятельство препятствуетъ обмѣну полномочій; оно означало бы что депутація заранѣе

* Текстъ инструкціи см. въ *Korresp.*, 1309.

соглашается не только на уступку, но и на весь ея объемъ, тогда какъ въ полномочіи депутатовъ говорилось только о торговомъ трактатѣ. Въ виду такого затрудненія, Масальскій предложилъ ограничиться на первый разъ только прочтеніемъ полномочій; но Бухгольцъ требовалъ ихъ обмѣна; однако послѣ нѣкоторыхъ споровъ уступилъ и уѣхалъ. Депутація рѣшила подать ему ноту.

Въ тотъ же день въ квартирѣ Масальскаго нота была составлена и препровождена Бухгольцу. Она указывала на невозможность дальнѣйшихъ переговоровъ, потому что, на основаніи своей инструкціи, депутація не можетъ принять прусскаго полномочія, въ которомъ первымъ пунктомъ стоитъ уступка земель Рѣчи Посполитой; притомъ и самое полномочіе русскаго посланника не заключало въ себѣ требованія столь рѣзко выраженнаго. На слѣдующій день отъ Бухгольца получена отвѣтная нота, съ замѣчаніемъ что разница въ выраженіяхъ не можетъ быть принята за помѣху къ переговорамъ. На это депутація увѣдомила что въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ она должна обратиться къ сословіямъ, и потому прерываетъ дальнѣйшія объясненія.

Отчетъ объ этихъ затрудненіяхъ былъ представленъ сейму въ засѣданіи 27го іюля (7го августа). Въ томъ же засѣданіи прочтена нота Бухгольца, которая протестовала противъ отказа депутаціи обмѣняться полномочіями, такъ какъ этотъ обмѣнъ былъ простою формальностію, и основою для переговоровъ служатъ не полномочія, а инструкціи. Тогда всталъ Цемневскій, посолъ рожанскій, и предложилъ сословіямъ изъявить благодарность депутаціи за исполненіе обязанностей возложенныхъ на нее сеймомъ. Депутація отвѣчаетъ ему что она желаетъ отъ сейма не похвалъ, а только одобренія своему образу дѣйствія. Маршалъ сеймовый думаетъ ограничиться этими заявленіями. Но нашлись многіе члены собранія которые схватились за предложеніе Цемневскаго и потребовали чтобъ оно было подвергнуто формальному рѣшенію. Посыпались возраженія и поправки къ этому предложенію, и пренія о немъ прекратились только съ закрытіемъ засѣданія.

На слѣдующій день король, по обыкновенію, въ 11ть часовъ прибылъ въ сенатъ; но нашелъ такое небольшое число присутствующихъ что принужденъ былъ отложить засѣданіе до 4хъ часовъ пополудни. Очевидно, многіе члены сейма пытались

ук.. нится отъ участія въ щекотливомъ вопросѣ о депутаціи. Когда же открылось засѣданіе, палата какъ будто забыла объ этомъ важномъ вопросѣ и занялась давно начатыми сужденіями о войскѣ, о его числѣ, преобразованіи и средствахъ уплатить ему жалованье. Послѣ многихъ преній остановились на мысли назначить коммиссію для отобранія у гетмановъ и регментарія отчетовъ о состояніи войска и войсковыхъ кассъ.

А между тѣмъ вопросъ о депутаціи занималъ всѣ умы и вызывалъ самую напряженную дѣятельность. Русскій посланникъ продолжалъ служить центромъ этой дѣятельности. Бухгольцъ обращается къ нему съ настойчивыми просьбами о поддержкѣ своихъ требованій; Поляки также умоляютъ его о помощи. На просьбу о посредничествѣ Сиверсъ официально отвѣчалъ что взаимныя противорѣчія съ обѣихъ сторонъ слишкомъ велики чтобъ онъ могъ дѣйствовать не обижая ни той, ни другой. Однако въ его донесеніи отъ 28го іюля (8го августа) прямо сказано что вопросъ о депутаціи будетъ обсуждаемъ завтра, а рѣшенъ послѣ завтра, то-есть 10го августа нов. стиля. Это указываетъ на непрерывно продолжавшіяся соглашенія между нимъ и большинствомъ сейма.

Все засѣданіе 29го іюля (9го августа) прошло въ горячихъ преніяхъ о депутаціи. Голоса раздѣлились между двумя проэктами: Влодека, посла гостынскаго, и Млодзяновскаго, рожанскаго. Первый предлагалъ чтобы депутація обмѣнялась полномочіями и начала переговоры съ прусскимъ министромъ не дожидаясь непріязненныхъ дѣйствій со стороны прусскихъ войскъ; а второй не допускалъ никакихъ негоціацій, пока полномочія не будутъ измѣнены. Члены оппозиціи, каковы Шидловскій, Кимбаръ, Карскій, Богуцкій, поддерживаютъ Млодзяновскаго; другіе, и особенно Міончинскій, защищаютъ проэктъ Влодека. Наконецъ епископъ Коссаковскій, чтобы помирить противныя стороны, предлагаетъ, по своему обычаю, среднюю мѣру: депутація пусть потребуетъ чтобы прусскій министръ хлопоталъ объ измѣненіи своего полномочія, а въ ожиданіи этого измѣненія пусть трактуетъ съ нимъ, но не active, а только proective, то-есть не положительно, а условно. Вся палата одобрила эту мысль. Окончательное рѣшеніе вопроса о депутаціи отложено до слѣдующаго дня.

Въ этотъ день, то-есть въ субботу 30го іюля (10го августа), засѣданіе открылось чтеніемъ двухъ нотъ, отъ Сиверса и

Бухгольца, которые увѣщевали палату оставить безполезныя пререканія и постановить немедленный обмѣнъ полномочій. Послѣ чтенія нотъ возобновились пренія о томъ какой проектъ предпочесть: Влодека, исправленный депутаціей, или Млодзяновскаго съ поправками каштеляна Суходольскаго? Секретарь сеймовый прочелъ оба проекта. Маршалъ хочетъ пустить ихъ на голоса: но его прерываютъ многіе послы, требуя слова, между прочимъ Краснодембскій и Цемпевскій. Ихъ поддерживаетъ вся оппозиція; а другая часть палаты требуетъ немедленнаго рѣшенія. Послѣ многихъ споровъ маршалъ даетъ голосъ Краснодембскому.

Ораторъ поблагодарилъ товарищей, помогшихъ ему добиться слова, и затѣмъ началъ свою рѣчь. „Наяснѣйшій король, панъ мой милостивый, сказалъ онъ, и пресвѣтлыя сословія Рѣчи Посполитой сконфедерованной! Хотя право войны не есть право справедливости, однако вслѣдствіе обычая, съ незапамятныхъ временъ господствующаго въ испорченномъ мірѣ, оно украсило себя ея подобіемъ, и съ тѣхъ поръ побѣдитель по своей волѣ распоряжается имуществомъ отнятымъ у побѣжденнаго. Но если, по привычкѣ пользоваться чужимъ добромъ, безъ объявленія даже войны, а просто чувствуя себя сильнѣе другихъ, ограбятъ на большой дорогѣ мирнаго путника, то я еще не слыхалъ о такомъ правѣ, на основаніи котораго онъ утратилъ бы способность жаловаться и домогаться предъ судомъ возвращенія своей собственности.“ Съ такимъ-то разбоемъ на большой дорогѣ ораторъ сравниваетъ занятіе польскихъ провинцій иностранными войсками. Онъ протестуетъ противъ ратификаціи какого бы то ни было забору (подразумѣвая, конечно, состоявшійся уже трактатъ съ Россіей) и противъ всякихъ полномочій основанныхъ на вторженіи иностранныхъ войскъ. Пусть наложатъ на него оковы, возьмутъ его имѣніе, самую жизнь, ничто не заставитъ его отступить отъ этой протестаціи.

Затѣмъ въ томъ же смыслѣ и съ такимъ же жаромъ говорилъ Цемпевскій. Онъ думаетъ что нѣтъ другой надежды на спасеніе республики какъ подождать пока императоръ, освободясь отъ войны съ Франціей, получитъ возможность употребить свое могущественное посредничество въ дѣлѣ Польши. Потомъ онъ въ сильныхъ выраженіяхъ нападаетъ на короля Станислава и обвиняетъ его царствованіе во всѣхъ бѣдствіяхъ Польши. „Вся исторія этого несчастнаго царствованія записана въ

черную книгу. Остается только одинъ бѣлый листъ; онъ находится въ твоихъ рукахъ," восклицаетъ неукротимый ораторъ, обращаясь къ королю. „Пусть по крайней мѣрѣ на немъ запишутъ что ты не согласился на уступку нашихъ провинцій! Мы возвели тебя на этотъ высокій постъ и поддержали тебя на немъ. Мы въ изобиліи доставляли тебѣ всѣ нужное, платили твои долги, возвысили твоихъ ближнихъ на первыя мѣста и осыпали ихъ благодѣяніями республики. Кажется, мы имѣемъ право ожидать другаго выраженія признательности, а не того чтобы видѣть тебя постыдно подписывающимъ разореніе и позоръ націи."* Въ заключеніе Цемневскій, подобно Красподембскому, отвергаетъ всякіе переговоры съ Пруссіей и поддерживаетъ проектъ Млодзяновскаго.

Дзѣконскій, надворный литовскій подскарбій, и Анквичъ спѣшатъ сказать нѣсколько словъ въ защиту короля, приписывая несчастія Польши не ему, а упрямству и раздору самихъ обывателей. Но имъ удается только отчасти изгладить впечатлѣніе произведенное рѣчью Цемневскаго.

Затѣмъ маршалъ ставитъ ad turnum вопросъ о томъ, какой проектъ принимаетъ палата, Влодека или Млодзяновскаго? За первый оказалось 63 голоса, за второй 26. Такимъ образомъ рѣшено чтобы депутація продолжала переговоры съ прусскимъ посланникомъ и обмѣнялась съ нимъ полномочіями.

Въ концѣ засѣданія король счелъ нужнымъ оправдаться во всѣхъ обращенныхъ къ нему упрекахъ и произнесъ длинную рѣчь, мѣстами не лишенную оттѣнка искренности и правды. Онъ сдѣлалъ историческій обзоръ всѣхъ событій своего царствованія, начиная отъ времени Семилѣтней войны. Въ несчастномъ стеченіи обстоятельствъ, въ недостаткахъ правительства, въ поведеніи сеймовъ и интригахъ партій онъ указалъ источникъ всѣхъ золъ, которымъ не могли воспрепятствовать его извѣстная рѣшимость и его девизъ: „король съ народомъ и народъ съ королемъ". Дошедши до эпохи Тарговицкой конфедераціи, то-есть до своей измѣны 3му мая и вообще дѣлу патріотовъ, Станиславъ Августъ продолжаетъ оправдывать свое поведеніе слѣдующими словами:

„Я спрашиваю еще разъ, въ душѣ короля, какое рѣшеніе должно было одержать верхъ: жажда славы и обманчивый ея призракъ чтобы продолжать войну, слѣдствіемъ которой

* Депеша Сиверса отъ 4го (15го) августа.

было бы взятіе столицы и потеря всей страны, или онъ долженъ былъ предпочесть сохраненіе отечества? Кто слышалъ меня тогда и кто подписалъ актъ генеральной конфедераціи, тотъ не можетъ упрекать меня за то что я положился на данныя мнѣ увѣренія и, ради цѣлости государства, принесъ жертву, лично для меня самую чувствительную. Съ той минуты какъ я приступилъ къ Тарговицѣ, у меня была отнята всякая дѣятельность и всякая власть. Очень хорошо всѣмъ извѣстно какъ другая власть, которая мнѣ наслѣдовала, распорядилась нашимъ войскомъ, и какъ потомъ она воспрепятствовала всякому на этотъ счетъ улучшенію.

„Когда эта власть потребовала чтобъ я созвалъ настоящій сеймъ, что̀ сдѣлалъ я такое къ чему бы не былъ обязанъ какъ глава націи, которая еще имѣла титулъ свободной и независимой? Я сказалъ этому сконфедерованному сейму: „Какъ представитель нашего справедливаго дѣла, буду защищать его до тѣхъ поръ пока вы сами за него стоите.“ И я исполнилъ свое слово. Насилія, употребляемыя противъ насъ, постепенно возрасли до того что наконецъ намъ сказали: „Или „сегодня подпишите, или завтра вы будете имѣть войну.“ И какую войну? Не ту которая началась бы у нашихъ границъ, но среди нашей земли, занятой 180.000 иноземцевъ; изъ нихъ одинъ корпусъ, расположенный въ четырехъ лагеряхъ, окружаетъ самое мѣсто нашихъ совѣщаній, а другой занимаетъ нашу столицу. И что̀ остается намъ противъ нихъ? Около 30.000 человѣкъ, безъ артиллеріи, безъ запасовъ и безъ денегъ, маленькими кучками разсѣянныхъ по всему пространству республики и окруженныхъ вшестеро сильнѣйшими войсками, которыхъ кормитъ наша несчастная страна, не получившая до сихъ поръ и десятой доли вознагражденія.

„Все это уже было вамъ указано. Вы признали полную необходимость уступить; рѣшало ваше большинство. Итакъ гдѣ же моя вина? Сегодня вы также рѣшили большинствомъ то что̀ считаете наиболѣе удобнымъ: развѣ мнѣ позволительно теперь, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, выступать противъ вашего рѣшенія? Пусть это послужитъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ кто еще сегодня возбуждалъ меня къ сопротивленію. Еслибы достаточно было однихъ словъ чтобъ отвѣчать на дѣйствія иноземныхъ войскъ, то конечно мы бы не поскупились на нихъ.“ Въ заключеніе король поблагодарилъ Дзѣконскаго и Анквича за ихъ стараніе доказать его невинность.

Послѣ этого засѣданія Сиверсъ написалъ длинное письмо русскому уполномоченному въ Берлинѣ, Алопеусу: послѣдній увѣдомилъ его о явномъ неудовольствіи Берлинскаго двора на то что договоръ Польши съ Пруссіей не былъ подписанъ въ одно время съ русскимъ договоромъ. Сиверсъ старается объяснить свое поведеніе и показать всю трудность задачи. „Если вы прочтете бюллетени всего сейма“, писалъ онъ Алопеусу, „то увидите сколькихъ усилій стоило мнѣ привести умы къ заключенію моего трактата. Еслибъ я не получилъ отъ моего двора приказаніе договариваться отдѣльно, то не заключилъ бы его и до сихъ поръ; тѣмъ не менѣе они продержали меня пять недѣль.“ „Мнѣ не оставалось ничего другаго какъ обѣщать горы и чудеса и подмѣшивъ угрозы къ самой обширной системѣ подкупа.“ „Никакія объясненія и заявленія не заставили бы ихъ дозволить обмѣнъ полномочій и продолженіе конференцій, еслибы не мои ноты. Большинство подававшихъ голоса объявило что оно уступаетъ только изъ повиновенія Россіи. Поставьте себя на мое мѣсто. Секвестровавъ доходы короля, назначивъ военную экзекуцію въ имѣнія Валевскаго, Ржевускаго, Тышкевича и другихъ: остановивъ проходъ судовъ, уплату за съѣстные припасы и за фуражъ, что мнѣ оставалось другаго дѣлать какъ не предписать прямыя непріятельскія дѣйствія? Но король, съ его 30.000.000 долга, оба гетмана, обѣ арміи и большинство сеймовыхъ пословъ, также обремененныхъ долгами, желаютъ этихъ непріятельскихъ дѣйствій. Что могли бы мы выиграть въ силѣ трактата, наступивъ на нихъ съ оружіемъ? Мнѣ кажется, лучше повременить и придти къ той же цѣли нѣсколькими недѣлями позже, хотя не безъ насилія, за то безъ пролитія невинной крови, не рискуя отчаяніемъ націи и вліятельствомъ завистливой Австріи, а также враждою Турціи и Швеціи, подстрекаемыхъ Французами.“

„Относительно границы на Ченстоховъ, чрезъ Раву и Сольдау, Пруссаки отступили отъ прямой линіи, которая подразумѣвалась (въ конвенціи съ Россіей), и взяли лишнихъ отъ 70 до 80 квадратныхъ льё въ странѣ очень обработанной Полякамъ это тѣмъ чувствительнѣе что граница близко подходитъ къ Варшавѣ, и я былъ уполномоченъ объявить что демаркаціонная коммиссія имѣла приказъ вести границу извилинами по назначенной линіи, не разрѣзывая малыхъ владѣній и вознаграждая каждую сторону въ другихъ мѣстахъ.

А прусскій проектъ договора требуетъ всего что̀ занято и двухъ цѣлыхъ воеводствъ Равскаго и Плоцкаго, тогда какъ линія дѣлитъ ихъ на двое.“

„Статья о религіи также представляетъ нѣкоторыя затрудненія.“ „Я предвижу что они (Поляки) будутъ оспаривать каждый пунктъ шагъ за шагомъ. Боюсь что мнѣ придется вмѣшиваться очень часто для отстраненія затрудненій. Надобно чтобы посредствомъ торговаго трактата Поляки убѣдились что съ ними хотятъ договариваться на равной ногѣ. Гуманность и мудрость этого требуютъ.“ „Уменьшеніе голландскаго долга короля на одну треть или на одну четверть привлекло бы его на сторону (прусскихъ требованій).“

Всѣ эти объясненія обращены были къ Алопеусу конечно съ тѣмъ чтобъ онъ показалъ ихъ прусскому министерству. Сиверсъ предварительно прочелъ свое письмо Бухгольцу, и говоритъ что послѣдній, повидимому, остался имъ доволенъ. То что̀ русскій посланникъ писалъ о своихъ затрудненіяхъ было справедливо; но онъ умалчиваетъ о главномъ, то-есть о неудовольствіи Пруссаковъ на его недостаточно усердную поддержку ихъ требованій и о своихъ отношеніяхъ къ большинству сейма. Впрочемъ его замѣчаніе объ излишнемъ захватѣ Пруссаками земель противъ условленной линіи ясно намекало имъ на главную причину его сдержанности. Кромѣ разногласія между союзниками по данному пункту, на это недостаточное усердіе въ поддержкѣ прусскихъ требованій вліяло и другое обстоятельство: императрица считала нужнымъ показать Пруссакамъ что сами-по-себѣ, безъ помощи Россіи, они не могутъ ничего добиться отъ Польши.

Еще письмо Сиверса не успѣло достигнуть своего назначенія, какъ Бухгольцъ сообщилъ ему вновь полученныя отъ своего двора депеши, въ которыхъ тономъ болѣе сильнымъ чѣмъ прежде высказывалось неудовольствіе на замедленіе переговоровъ. Прусское правительство даже назначило срокъ для подписи трактата, именно 20е (9е) августа; въ противномъ случаѣ грозило начать непріятельскія дѣйствія. Сиверсъ замѣтилъ Бухгольцу что этотъ срокъ невозможенъ, и просилъ подождать пока получится отвѣтъ на его письмо къ Алопеусу. „Положеніе мое, замѣчаетъ онъ въ своемъ донесеніи вице-канцлеру, весьма непріятно. Вѣнскій уполномоченный молчитъ, шведскій злобно радуется, англійскій уѣхалъ на двѣ недѣли въ Варшаву.“

Между тѣмъ движеніе на сеймѣ, произведенное сильными выходками Цемневскаго противъ короля, не ограничилось 30мъ іюля; оно наполнило собою и бо́льшую часть слѣдующаго засѣданія 1го (12го) августа. Многіе послы спѣшатъ засвидѣтельствовать свою преданность королю и принимаютъ на себя его защиту. Очевидно, въ промежуткѣ между этими двумя засѣданіями королевская партія условилась употребить всѣ усилія чтобъ изгладить непріятное впечатлѣніе рѣчи Цемневскаго. Особеннымъ усердіемъ въ апологіи Станислава Августа отличились Подгорскій, посолъ отъ Волыни—одинъ изъ королевскихъ шамбеляновъ, и Шидловскій, посолъ подлясскій. * Они напоминаютъ его благодѣянія странѣ, особенно указываютъ на его заслуги народному образованію и на его покровительство искуствамъ. „Это ужь обычное свойство Поляковъ, замѣтилъ Подгорскій, огорчать своихъ королей при ихъ жизни и потомъ покрывать цвѣтами ихъ могилу.“ Цемневскій дѣлаетъ попытку оправдать неумѣренность своихъ выраженій, но не можетъ удержаться отъ слѣдующихъ словъ обращенныхъ къ королю: „Вы видите, государь, что если вамъ придется услышать отъ кого-нибудь голосъ правды, тотчасъ поднимаются другіе которые стараются заглушить его голосомъ лести.“

Тотъ же Цемневскій предложилъ на этомъ засѣданіи, въ видахъ сокращенія расходовъ, отмѣнить уплату пенсій тѣмъ военнымъ сановникамъ которые пребываютъ въ чужихъ земляхъ и не думаютъ нисколько объ исполненіи своихъ обязанностей. Такой проектъ подаетъ Гославскому, послу сендомірскому, поводъ распространиться вообще о вельможахъ которые, преслѣдуя свои личные интересы, навели на страну иностранныя войска, а сами теперь спокойно проживаютъ за границей, покинувъ отечество посреди смутъ и бѣдствій. Проектъ принятъ ad deliberandum.

Въ заключеніе засѣданія Суфчинскій, посолъ холмскій, снова восхваляетъ дѣянія короля и, чрезъ посредство сеймоваго маршала, проситъ допустить собраніе къ цѣлованію руки его величества. Король отвѣчаетъ что „нѣжный отецъ прижимаетъ къ

* Этого Шидловскаго, старосту Мѣльницкаго, не должно смѣшивать съ двумя другими Шидловскими, цѣхановскимъ и особенно плоцкимъ — извѣстнымъ ораторомъ сеймовой оппозиціи и также однимъ изъ королевскихъ шамбеляновъ.

сердцу своихъ дѣтей, особенно тѣхъ которые привыкли оказывать ему любовь и почтеніе вмѣстѣ съ признательностію.“ Происходитъ церемоніальное лобзаніе королевской руки.

IX.

Ратификація русскаго договора.—Конференціи съ прусскимъ посланникомъ.—Сиверсъ посредникъ. — Празднества и общественная жизнь въ Гроднѣ.

Въ ночь на 2е (13е) августа въ Гродно прискакалъ изъ Петербурга курьеръ, который привезъ высочайшее подтвержденіе договора 11го (22го) іюля между Россіей и Польшей. Вмѣстѣ съ этимъ подтвержденіемъ была прислана для Сиверса Андреевская лента при весьма милостивомъ рескриптѣ.

Сиверсъ немедленно препроводилъ къ канцлерамъ ноту съ извѣстіемъ о полученной имъ ратификаціи и съ изъявленіемъ надежды что со стороны короля и сословій въ скоромъ времени будетъ изготовлена такая же ратификація для обмѣна съ русскимъ посланникомъ. Когда эта нота была сообщена сейму, Анквичъ вслѣдъ за тѣмъ внесъ и самый проектъ ратификаціи. Нѣкоторые члены оппозиціи, чтобы замять рѣчь о непріятномъ предметѣ, послѣшили обратить вниманіе палаты на другіе вопросы; напримѣръ, одинъ вноситъ проектъ о награжденіи бригадира Добровскаго за его услуги отечеству, другой подаетъ проектъ объ уменьшеніи податей. Но Шидловскій, посолъ плоцкій, прямо нападаетъ на ратификацію и говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„И въ древности падали народы, истребляемые вражескимъ мечомъ; но въ самомъ паденіи своемъ они оставили намъ прекрасные примѣры для подражанія, относительно усердія, мужества и твердости при защитѣ своей земли. Мы же, привыкшіе къ подлости, уже въ другой разъ изъ одного только страха отдаемъ наши земли, съ обманчивою надеждой спасти остальное. Пресвѣтлыя сословія! придетъ, можетъ-быть, время скоро отдать и въ третій разъ. Ибо въ нашъ вѣкъ никто не можетъ полагаться на трактаты и союзы. Все можетъ быть потеряно; но пусть по крайней мѣрѣ честь останется при насъ. Пусть вся Европа услышитъ что Поляки, безсильные, утѣсненные, но не устрашенные, не хотѣли подло уступить

своихъ соотечественниковъ чужому владычеству, хотя уже не могли сохранить ихъ. Я говорю въ томъ смыслѣ что никогда не признаю дѣло насилія; на теперешній проектъ не согласенъ, и противъ внесенія его протестую самымъ рѣшительнымъ образомъ.

„Милая отчизна! услышь голосъ мой, съ которымъ уже не въ первый разъ стою предъ тобою: буду стоять и впредь, и посреди гибели Рѣчи Посполитой смѣло скажу: братья мои! я не могъ васъ уберечь отъ неволи, хотя всѣми силами старался удержать при цѣлости и вольности! Отвергнутый большинствомъ голосовъ, я при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могъ сдѣлать ничего добраго."

Въ заключеніе своей рѣчи Шидловскій проситъ канцлеровъ сообщить собранію все что̀ заключали въ себѣ послѣднія депеши польскихъ повѣренныхъ при заграничныхъ дворахъ. Палата поддержала его просьбу, и канцлеры представили отчетъ о депешахъ. Сущность ихъ была слѣдующая. Въ Вѣнѣ французскія дѣла поглощаютъ все вниманіе, и тамъ идетъ вопросъ о важной негоціаціи съ Пруссіей; въ Берлинѣ заняты приготовленіями къ энергическому веденію войны съ Французами; Англія уговариваетъ Данію послѣдовать ея мѣрамъ въ торговлѣ съ Франціей. Шведскій и датскій дворы ничего не сдѣлаютъ для Польши безъ совѣта съ заинтересованными державами; отъ Гаги также нечего ожидать безъ согласія съ ея союзницей Англіей; а послѣдняя занята только войною съ Франціей и стараніями усилить коалицію. *

Въ томъ же засѣданіи прочтены были отвѣтныя ноты Сиверса и Бухгольца относительно податей въ провинціяхъ занятыхъ союзными войсками. Тутъ снова обнаружилась ихъ разница въ тонѣ. Между тѣмъ какъ русскій посланникъ призналъ справедливость желаній сейма и выразилъ увѣренность что императрица согласится на возвращеніе задержанныхъ ея войсками сборовъ, Бухгольцъ отвѣчалъ что этотъ предметъ долженъ подвергнуться обсужденію въ числѣ другихъ пунктовъ трактата, и что его государь назначитъ потребную для того коммиссію.

Это засѣданіе достаточно показало какой еще бури надлежало ожидать по поводу русской ратификаціи, хотя дѣло объ уступкѣ было уже рѣшено, и ратификація представляла простую

* Депеша Сиверса отъ 4го (15го) августа.

дополнительную формальность. По предварительному условію русскаго посланника съ вождями большинства, предположено было чрезъ Анквича внести проектъ ратификаціи на сеймъ въ пятницу 5го (16го) августа, а на слѣдующій день произвести обмѣнъ. Но вопреки условію, проектъ былъ внесенъ не въ пятницу, а въ субботу, то-есть 6го (17го) августа. Засѣданіе этого дня представило удивительную картину смятенія и безпорядка.

Маршалъ сеймовый приглашаетъ прочесть предложеніе Анквича. Тогда встаютъ Карскій, Микорскій, Краснодембскій, Шидловскій и еще нѣсколько членовъ оппозиціи, и требуютъ слова. Маршалъ отказываетъ имъ въ томъ до прочтенія проекта, и повторяетъ приглашеніе. Но когда секретарь вышелъ впередъ и хотѣлъ начать чтеніе, мазовецкіе послы схватили его за руку чтобъ отвести назадъ. Тотчасъ подбѣжали Подгорскій и нѣсколько членовъ противной партіи, и схватили секретаря съ другой стороны чтобъ удержать его на мѣстѣ. Тѣснимый и толкаемый въ противоположныя стороны, несчастный Езерковскій не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Эта непристойная сцена происходитъ посреди громкихъ криковъ, изъ-за которыхъ ничего не возможно разслышать. Наконецъ, уловивъ минуту затишья, король обращается къ собранію съ выраженіемъ своего удивленія по поводу такого безпорядка. Маршалъ хотѣлъ воспользоваться этою минутой чтобъ опять попробовать чтеніе проекта. Но тщетно; въ палатѣ снова поднимается шумъ. Какой-то сильный голосъ прокричалъ что такой проектъ можетъ быть сочиненъ только измѣнникомъ, и кто предлагаетъ его читать также измѣнникъ. Услыхавъ это, Анквичъ становится подлѣ маршала и требуетъ для себя сеймоваго суда; но члены оппозиціи не отступаютъ предъ нимъ и требуютъ для себя того же суда. Наконецъ друзья отвели Анквича на его мѣсто; проектъ прочтенъ и на половину прослушанъ. За тѣмъ всѣ въ одно время потребовали опять слова. Маршалъ отказываетъ, говоря что всякій будетъ свободенъ мотивировать свое мнѣніе при подачѣ голосовъ. Недовольные члены оппозиціи обращаются къ великому маршалу литовскому и у него просятъ позволенія говорить. Тотъ жалуется на свое трудное положеніе: изъ четырехъ маршаловъ, ему одному пришлось нести обязанности этого званія при столь критическихъ и печальныхъ обстоятельствахъ. Онъ взываетъ къ миру и совѣтуетъ подчиниться необходимости.

Король вновь начинаетъ увѣщевать собраніе и приглашаетъ окончить безполезныя пренія. Тѣмъ не менѣе оппозиція не умолкаетъ, и королю приходится выслушать много горькихъ укоризнъ.

Маршалъ сеймовый предлагаетъ на рѣшеніе слѣдующій вопросъ: принять проектъ ратификаціи ad turnum, или нѣтъ? Слѣдуютъ многочисленныя рѣчи сопровождающія подачу голосовъ. Между прочимъ Анквичъ говоритъ что напрасно его предложенію даютъ громкое названіе проекта, такъ какъ трактатъ съ Россіей уже подписанъ, а послѣднимъ пунктомъ этого трактата требуется ратификація; онъ только написалъ мнѣніе какими словами занести это рѣшеніе въ сборникъ сеймовыхъ постановленій. Онъ хотѣлъ чтобы ратификація послѣдовала со стороны сейма въ силу уже взятаго на себя обязательства, а не явилась въ видѣ проекта вновь поступающаго на разсмотрѣніе сословій и раскрывающаго еще свѣжую рану, причиненную насиліемъ. Если же его мнѣніе обратилось въ проектъ, то онъ, хотя и неохотно, соглашается на его turnus, то-есть голосованіе. Результатъ голосованія былъ положительный. Затѣмъ постановленъ вопросъ: принять проектъ ратификаціи, или отвергнуть его? Новыя пренія. Наконецъ ратификація утверждена большинствомъ 66 голосовъ противъ 21. Засѣданіе началось въ 5 часу пополудни, а когда оно окончилось, было уже 3 часа пополуночи. Отправляя въ Петербургъ бюллетень „этого замѣчательнаго дня“, Сиверсъ прибавляетъ: „Онъ служитъ доказательствомъ того сколько будетъ трудности совершить заключеніе трактата съ Пруссіей.“

Слѣдующій день былъ воскресенье, и Сиверсъ могъ только въ понедѣльникъ обмѣняться съ депутатами ратификаціей договора; причемъ онъ не забылъ потребовать чтобъ ему былъ врученъ такой экземпляръ въ которомъ русскій титулъ предшествуетъ польскому. При обмѣнѣ канцлеръ Сулковскій и епископъ Масальскій держали къ русскому посланнику рѣчь; они говорили что все счастіе республики зависитъ отъ ея связей съ Россіей, и напоминали послу о надеждѣ поданной имъ на договоръ о союзѣ и торговлѣ. Сиверсъ отвѣчалъ что имѣетъ приказанія удовлетворить этому желанію, и что приготовляются потребныя для того инструкціи и полномочія.

Откланявшись депутаціи, Сиверсъ, по желанію короля, перешелъ въ его кабинетъ, гдѣ нашелъ его блѣднымъ и разстроеннымъ. Станиславъ объявилъ что онъ съ трудомъ держится на

нохъ, и только разными спиртными запахами предохраняетъ себя отъ обморока.

— Довольны ли вы? спросилъ онъ.—И будетъ ли довольна ея императорское величество?

— Да, отвѣчалъ Сиверсъ,—если ваше королевское величество и впредь будете исполнять ея требованія.

Король началъ жаловаться на ужасы которые наговорили ему въ суботнемъ засѣданіи и высказалъ ожиданіе еще бо́льшихъ непріятностей при договорѣ съ Пруссіей.

— И опять вы же заставите меня подписать его! воскликнулъ онъ.—Я былъ бы доволенъ жалованьемъ простаго русскаго солдата, еслибы могъ спасти эту часть Польши.

Онъ продолжалъ еще говорить „въ томъ же отчаянномъ тонѣ". Потомъ перешелъ къ арміи, финансамъ, конституціи, къ полному слиянію обѣихъ частей Рѣчи Посполитой, то-есть короны и Литвы, убѣждалъ опять перенести сеймъ въ Варшаву, жаловался на свое безденежье, и просилъ оставить его доходы въ цѣлости хотя до Новаго Года. Относительно перенесенія сейма Сиверсъ отказалъ наотрѣзъ, а насчетъ доходовъ согласился, съ тѣмъ чтобы предварительныя мѣры для уплаты королевскихъ долговъ понемногу начались съ сентября.

Но возвратимся къ прусскимъ переговорамъ.

1го (12го) августа происходила вторая конференція между Бухгольцемъ и депутаціей. * Князь-епископъ виленскій заявилъ прусскому послу что сеймъ удовлетворяется его отвѣтомъ, то-есть принимаетъ выраженія его полномочій за формальность не заключающую никакого обязательства; сословія разрѣшили ихъ обмѣнъ, въ надеждѣ что въ теченіи негоціаціи посолъ получитъ отъ своего правительства другое полномочіе, болѣе согласное съ ихъ желаніями; а до того времени не можетъ состояться никакого рѣшительнаго постановленія, но только одни проекты.

Обмѣнявшись полномочіями, епископъ предлагаетъ слѣдующій вопросъ: считаетъ ли себя его прусское величество связаннымъ трактатами 1773 и 1790 годовъ? Такъ какъ тягостное для населенія пребываніе его войскъ въ земляхъ республики противорѣчитъ характеру установленныхъ тогда дружественныхъ отношеній, то сословія имѣютъ право ожидать

* Всѣ свѣдѣнія о конференціяхъ депутаціи какъ съ русскимъ посланникомъ, такъ и съ прусскимъ, почерпнуты нами исключительно изъ донесеній Сиверса.

что его величество выведетъ свои войска. На это наивное заявленіе Бухгольцъ отвѣчалъ тѣмъ же тономъ дипломатической комедіи: его величество весьма расположенъ выполнить условія предыдущихъ договоровъ во всемъ что̀ не будетъ противорѣчить новому порядку вещей; онъ даже готовъ возобновить трактатъ 1790 года, хотя этотъ трактатъ почти отмѣненъ послѣдующими перемѣнами во внутреннемъ состояніи Польши и событіями грозившими спокойствію сосѣднихъ съ нею государствъ. 3е мая причинило много несчастій. Дѣло этого дня совершено безъ согласія его величества; оно даже скрывалось до послѣдней минуты отъ прусскаго посланника Гольца. „Я знаю, прибавилъ Бухгольцъ, что обыкновенно ссылаются на письмо короля одобряющее эту перемѣну; но оно было результатомъ ложнаго свѣта въ которомъ представлено дѣло его величеству особой отправленною поспѣшно въ Берлинъ на другой день революціи.“

Затѣмъ Бухгольцъ перешелъ къ чтенію проекта договора между Пруссіей и Польшей. Онъ начинался обычною уже въ то время ссылкой на смуты произведенныя революціей 3го мая, которыя и побудили ихъ величества, русское и прусское, сообща принять мѣры для безопасности своихъ государствъ. Проектъ состоитъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) о взаимной и вѣчной дружбѣ. 2) *Основаніемъ для этой дружбы послужитъ уступка провинцій* занятыхъ прусскими войсками, по чертѣ отъ Ченстохова на Раву и Сольдау, и кромѣ того городовъ Данцига и Торна съ ихъ округами. 3) Послѣ этой уступки прусское величество за себя и своихъ преемниковъ отказывается отъ всякихъ притязаній на тѣ земли которыя составляютъ теперь владѣнія республики и гарантируетъ ей эти владѣнія. 4) Польская республика съ своей стороны гарантируетъ владѣнія Пруссіи. 5) Католики въ уступленныхъ провинціяхъ будутъ пользоваться всѣми своими правами и свободой религіи. 6) Прусскій король обязуется поддерживать въ Польшѣ внутренній порядокъ и спокойствіе. Далѣе слѣдуютъ три пункта о формальностяхъ договора.

Епископъ Масальскій, продолжая играть дипломатическую комедію, выразилъ прусскому послу удивленіе что, послѣ всѣхъ увѣреній въ дружескомъ расположеніи, въ проектѣ договора на первомъ планѣ стоитъ уступка провинцій. Онъ просилъ для депутаціи времени подумать о сообщенныхъ предложеніяхъ. На томъ и окончилась вторая конференція.

Чрезъ два дня собрались опять. Но депутація объявила что ея отвѣтъ на предложенный договоръ еще не готовъ, и просила отложить его до слѣдующаго засѣданія. Выведенный изъ терпѣнія этими отсрочками, Бухгольцъ поѣхалъ тотчасъ къ Сиверсу и настоятельно убѣждалъ его принять участіе въ конференціяхъ. Сиверсъ обѣщалъ, если будетъ приглашенъ къ тому сеймомъ и депутаціей. Въ этомъ приглашеніи онъ, конечно, не сомнѣвался. Вѣроятно и проволочки со стороны депутаціи происходили не безъ задней мысли вынудить Бухгольца чтобъ онъ самъ хлопоталъ объ участіи Сиверса въ переговорахъ.

Дѣйствительно, на засѣданіи 3го (14го) августа, епископъ Скаржевскій, отъ имени депутаціи, внесъ въ палату предложеніе просить россійскаго посланника чтобъ онъ присутствовалъ на конференціяхъ и былъ посредникомъ въ переговорахъ съ прусскимъ министромъ. Со стороны сейма это предложеніе конечно не могло встрѣтить препятствій, потому что большинство надѣялось найти въ русскомъ посланникѣ опору противъ прусскихъ притязаній. Но нѣкоторые члены оппозиціи воспротивились немедленному утвержденію проекта. Краснодембскій объявилъ что беретъ его ad deliberandum. А Гродзицкій замѣтилъ что посредничество Сиверса не принесетъ никакой пользы республикѣ, такъ какъ между Петербургскимъ и Берлинскимъ дворами существуетъ соглашеніе относительно Польши. Король совѣтуетъ принять проектъ Скаржевскаго, тѣмъ болѣе что извѣстно дружественное расположеніе русскаго посланника къ польской націи. Маршалъ хотѣлъ перейти къ вотированію; но по закону оно не могло быть допущено безъ предварительнаго обсужденія, если былъ хотя одинъ голосъ который этого потребовалъ или, какъ тогда выражались, взялъ проектъ ad deliberandum. Король попытался склонить Краснодембскаго чтобъ онъ отказался отъ своей оппозиціи, но тотъ отвѣчалъ что не имѣетъ обыкновенія измѣнять разъ принятое имъ рѣшеніе. На слѣдующемъ засѣданіи, 5го (16го) августа, продолжаются пренія о проектѣ Скаржевскаго. Краснодембскій развиваетъ ту же мысль которую высказалъ Гродзицкій, то-есть о безполезности русскаго посредничества; обращаться къ нему значитъ признавать за Россіей право диктовать законы Польшѣ какъ своей провинціи, и вмѣшательство это только ускоритъ заключеніе договора съ

Пруссіей. Тѣмъ не менѣе, когда вопросъ перешелъ ad turnum, проектъ принятъ почти единогласно.

Начиная съ понедѣльника 8го (19го) августа, открылся рядъ дѣятельныхъ конференцій съ участіемъ Сиверса, и конференціи эти продолжались каждый день до 13го (24го) числа включительно. Ободренная присутствіемъ русскаго посла, депутація рѣшилась вступить въ переговоры объ уступкѣ провинцій, хотя въ ея полномочіяхъ говорилось только о торговомъ трактатѣ. Но за то она усердно оспаривала каждый пунктъ прусскаго проекта. Самыя горячія пренія завязались по поводу пограничной линіи. Сиверсъ представилъ для нея свою карту, составленную на основаніи Петербургской конвенціи. Послѣ многихъ споровъ, Бухгольцъ согласился отодвинуть нѣсколько назадъ прусскій кордонъ. Затѣмъ перешли къ вопросу о духовныхъ имѣніяхъ: депутація требовала чтобъ имѣнія эти попрежнему были свободны отъ всякаго вмѣшательства со стороны свѣтской власти. Не мало затрудненій представили епархіи польскаго примаса и познанскаго епископа, которыя отчасти переходили въ Пруссію, отчасти оставались за Польшей. Сиверсъ предложилъ учредить новую епископію, Варшавскую, и къ ней приписать остававшіяся части этихъ епархій. Далѣе, духовные члены депутаціи (Масальскій, Скаржевскій и Коссаковскій) предъявили требованіе чтобы знаменитый Ченстоховскій образъ Богородицы, какъ національная святыня, былъ оставленъ въ Польшѣ, и конечно вмѣстѣ съ его сокровищами. А. Бухгольцъ возражалъ что образъ принадлежитъ той церкви въ которой онъ находится, что Поляки переходящіе къ Пруссіи тоже католики и также дорожатъ сохраненіемъ этой святыни, и что религія католическая хотя не сдѣлается въ Пруссіи господствующею, однако будетъ пользоваться полною свободой. Потомъ слѣдовали пренія о торговлѣ и пограничныхъ пошлинахъ. Наконецъ депутація обратилась къ Сиверсу съ представленіемъ чтобъ онъ довелъ до свѣдѣнія императрицы просьбу Поляковъ о ея медіаціи и гарантіи въ точномъ исполненіи прусскаго договора.

Понятно какъ щекотливо было положеніе русскаго посланника между двумя спорившими сторонами. Изъ Петербурга онъ постоянно получаетъ подтвержденія дѣйствовать мягко, осторожно, не прибѣгать къ насиліямъ и поддерживать Поляковъ въ вопросахъ о пограничной линіи и о выгодномъ торговомъ трактатѣ. Пользуясь его поддержкой, депутація

продолжала свою неуступчивость въ отношеніи прусскихъ требованій. А Бухгольцъ выходилъ изъ себя и настаивалъ на немедленномъ принятіи предложеннаго имъ трактата. Онъ нѣсколько разъ грозилъ прервать переговоры, и Сиверсъ употреблялъ не мало усилій чтобъ удержать его отъ всякаго крайняго рѣшенія и вынудить разныя уступки или смягченія въ его проектѣ. Въ то же время онъ долженъ былъ вступить въ дѣятельную переписку съ прусскимъ главнокомандующимъ Мёллендорфомъ, который показывалъ видъ что намѣренъ перейти за свой кордонъ и занять воеводства Краковское и Сендомірское. Сиверсъ убѣждаетъ его подождать, а Мёллендорфъ объявляетъ что 27го августа (нов. ст.) онъ переступитъ границу, если до того времени договоръ не будетъ подписанъ. „Мнѣ дана задача развязать Гордіевъ узелъ не прибѣгая къ мечу", замѣтилъ Яковъ Ефимовичъ въ письмѣ къ Зубову.

Нетерпѣніе Пруссіи и ея неудовольствіе на задержки въ Польшѣ въ это время особенно усилились вслѣдствіе тревожныхъ извѣстій изъ Вѣны. Дѣло въ томъ что Австрія уже начала терять надежду относительно своего вознагражденія на западѣ: Англія воспротивилась присоединенію къ ней Баваріи, а пріобрѣтенія со стороны Франціи становились все болѣе и болѣе сомнительными. Вслѣдствіе того вѣнскіе дипломаты стали поговаривать что ихъ правительство будетъ искать вознагражденія „въ полномъ раздѣлѣ Польши". Но такого исхода не желали ни Россія, ни Пруссія.

Вотъ что̀ пишетъ Бухгольцъ къ генералу Мёллендорфу отъ 22го августа (н. ст.): * „У меня ежедневныя конференціи съ делегаціей. На нихъ, по желанію сейма, присутствуетъ русскій посланникъ; но онъ не обнаруживаетъ той энергіи какую показалъ при заключеніи своего трактата. При его содѣйствіи у насъ оспариваютъ много земли въ Равскомъ воеводствѣ, и это, кажется, идетъ изъ Петербурга, гдѣ хотятъ отодвинуть насъ отъ Варшавы. Мы всегда думали что Вѣнскій дворъ будетъ намъ содѣйствовать; а онъ не только измѣняетъ намъ, но посредствомъ своихъ креатуръ открыто противъ насъ работаетъ. Еслибъ я не подвигался впередъ осторожно, то рисковалъ бы прервать переговоры, и тогда враги наши могли выиграть дѣло. А еслибы вздумалъ договариваться одинъ (безъ русскаго товарища), тогда они смѣялись бы надъ моими угрозами, ибо какая нужда Литовцамъ до того

* Hermann, 429.

что происходитъ въ великой Польшѣ и въ Краковскомъ воеводствѣ?

„На наши переговоры надобно смотрѣть съ другой точки зрѣнія чѣмъ на русскіе, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Польша уже привыкла находиться подъ русскимъ вліяніемъ; 2) она вела войну съ Россіей, 3) а съ нами только думаетъ воевать, и наконецъ 4) Поляки ненавидятъ Нѣмцевъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ мое положеніе очень труднымъ. Притомъ Россія имѣетъ свои войска по всей Польшѣ, а мы нѣтъ".

Еще сильнѣе раздаются жалобы Бухгольца, въ письмѣ отъ 25го августа: „Россія пользуется запутаннымъ положеніемъ въ которомъ находится нашъ дворъ и заставляетъ насъ дорогою цѣной купить трактатъ объ уступкѣ, а сама желаетъ при этомъ разыграть законодательную власть. Это высказывается въ поведеніи русскаго посланника. Поляки не хотятъ имѣть съ Пруссіей никакого дѣла и прячутся за Россію. Господинъ баронъ фонъ-Сиверсъ позволилъ себѣ увлечься ихъ внушеніями или желаніемъ польстить своей государынѣ. О вступленіи нашихъ войскъ въ Краковское воеводство посланникъ не хочетъ и слышать, и сказалъ что не имѣетъ разрѣшенія допустить войну съ Поляками. Онъ начинаетъ показывать чрезвычайное къ нимъ пристрастіе; обѣщаетъ принудить ихъ къ подписи трактата, но почти все другое отъ себя отклоняетъ. А трактатъ онъ ни за что не хотѣлъ принять въ томъ видѣ въ какомъ я получилъ его отъ моего двора, и требуетъ отъ меня всѣхъ возможныхъ уступокъ, которыя я и сдѣлалъ въ большей части пунктовъ, хотя не безъ возраженій и объясненій. Однимъ словомъ, чтобы не разстроить всего дѣла, я долженъ былъ согласиться на трактатъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ приложенъ къ этой депешѣ. Теперь онъ будетъ представленъ сейму, такъ какъ съ конференціями мы покончили. Положеніе мое поистинѣ отчаянное. Затянуть переговоры еще долѣе чрезвычайно опасно; господинъ посланникъ отъ роли моего сотоварища перешелъ къ роли посредника." Спустя нѣсколько дней Бухгольцъ замѣчаетъ: „Въ Варшавѣ и до времени заключенія трактата съ Россіей я имѣлъ всѣ поводы быть весьма довольну поведеніемъ господина фонъ-Сиверса; но вотъ уже пять или шесть недѣль какъ онъ совсѣмъ перемѣнился."

Между тѣмъ какъ въ Гроднѣ совершался такимъ образомъ приговоръ исторіи надъ Рѣчью Посполитой, собравшееся здѣсь польское общество нисколько не думало измѣнять своимъ

привычкамъ повеселиться и попировать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Пиры и праздники эти, разумѣется, главнымъ образомъ сосредоточивались вокругъ русскаго посланника. 14го (25го) іюля пришлись его именины, и представители Рѣчи Посполитой съ жаромъ схватились за этотъ случай.

„Вчера, пишетъ Сиверсъ младшей дочери, праздновали день моихъ именинъ. Поздравленія сыпались съ какимъ-то неистовствомъ! Мнѣ присылали корзины и горшки съ цвѣтами, букеты и даже италіянскіе стихи. Князь-епископъ Виленскій далъ большой обѣдъ на 50 приборовъ, а госпожа каштеляншa графиня Ожаровская устроила большое вечернее собраніе и ужинъ; въ послѣднемъ я не принималъ участія, опасаясь что вамъ это не понравится."

Король со своимъ секретаремъ прислалъ именинницу подарки для его дочерей, именно браслетъ и ожерелье. Послѣдній не только отказался ихъ принять, но не захотѣлъ и видѣть. Секретарь со слезами на глазахъ увѣрялъ что король прикажетъ ему отослать вещи по ихъ назначенію съ первымъ курьеромъ. Сиверсъ строго замѣтилъ, что если онъ осмѣлится это сдѣлать, то пусть нога его никогда не переступитъ за порогъ посольскаго дома. „Не огорчайтесь, мои милыя дѣти, прибавляетъ Сиверсъ, извѣщая дочерей о своемъ отказѣ; пусть вознаградится это съ другой стороны, только не со стороны бѣднаго короля, которому я въ тотъ же день велѣлъ возвратить на 25.000 дукатовъ драгоцѣнныхъ камней, принесенныхъ имъ въ даръ государству."

Празднества въ честь Якова Ефимовича не ограничились однимъ днемъ; они продолжались цѣлую недѣлю, въ видѣ обѣдовъ, раутовъ, ужиновъ, фейерверковъ и иллюминацій; а поздравительныя письма лились неудержимымъ потокомъ. Сиверсъ наконецъ началъ подозрѣвать что всѣ эти празднества имѣютъ заднею мыслію обольстить его и убаюкать заявленіями преданности, чтобы сдѣлать изъ него полонофила и возбудить къ дѣятельному заступничеству противъ прусскихъ притязаній. „Все показываетъ, пишетъ онъ дочери, что меня не знаютъ, или что-нибудь худшее (то-есть хотятъ подкупить). Это очень плохой народъ, мнѣ не улучшить его, и я готовъ отказаться отъ такой задачи." И нѣсколько времени спустя: „Въ этой несчастной странѣ нѣтъ никакой добродѣтели, или ея очень мало. Можетъ-быть она скрывается въ крестьянскихъ

хижинахъ; но она далека отъ чертоговъ короля, отъ сейма, отъ общества вельможъ и фигурантовъ. Меня безпрестанно обманываютъ, я безпрерывно сержусь, и все понапрасну! А король,—это настоящее бѣдствіе для несчастной Польши, несмотря на всю его любезность."

Именинные праздники заключились 21го іюля (1го августа), и заключились съ большимъ блескомъ. Въ этотъ день былъ у нунція парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали многія дамы; пили не только здоровье Якова Ефимовича, но и здоровье его дочерей. Послѣ обѣда посланника ожидалъ пріятный сюрпризъ. Баронесса Гейкингъ, жена депутата отъ курляндскаго рыцарства, и графиня Камелли, обладавшая плѣнительнымъ голосомъ, устроили для него спектакль за городомъ въ павильйонѣ. Вотъ какъ разказываетъ о немъ самъ Сиверсъ своей дочери: „Сначала давали небольшую французскую піесу подъ заглавіемъ *Le proverbe*, а потомъ еще одну маленькую, сочиненную барономъ Гейкингъ. Я пришлю ее вамъ съ первымъ курьеромъ. Стихи и музыка вѣрно вамъ понравятся: стихи прославляютъ вашего папà и поощряютъ его къ добру; но вы знаете что я не люблю похвалъ. При этомъ раздавались аплодисменты полутораста зрителей. Ничего не говорю о музыкѣ, которая сверхъ того сопровождалась плѣніемъ Камелли. Это были мои любимыя мелодіи; а ея братъ Мартини представлялъ комическаго капельмейстера. Графъ Морелли спѣлъ прекрасную пѣсню съ аккомпаниментомъ гитары; онъ игралъ аббата Дусѐ. Наконецъ молодая и весьма красивая баронесса Гейкингъ, племянница барона, очень хорошо сыграла Marquerie, хотя въ началѣ конфузилась."

Послѣ обѣда общество перешло въ ботаническій садъ (разведенный извѣстнымъ литовскимъ подскарбіемъ Тизенгаузомъ при медико-хирургической академіи). Здѣсь приготовлены были разныя увеселенія маршаломъ конфедераціи Пулавскимъ, и тутъ собралась многочисленная публика, такъ какъ приглашены были всѣ сеймовые послы, русскіе и польскіе офицеры. Каштеляншa Ожаровская собственноручно зажгла великолѣпный фейерверкъ, стоившій, по словамъ Сиверса, до 800 дукатовъ. При концѣ фейерверка вспыхнули буквы J. S., то-есть вензель русскаго посланника. Потомъ зажгли блестящую иллюминацію, и на самомъ видномъ мѣстѣ ея загорѣлся тотъ же вензель. Между тѣмъ публику пригласили къ ужину, который былъ приготовленъ въ смежномъ палаццо (постройки

того же Тизенгауза) и въ нарочно устроенныхъ бесѣдкахъ.* Послѣ ужина заигралъ польскій, и посланникъ съ каштеляншей Ожаровской открылъ балъ. Но сберегая свои силы, онъ уѣхалъ около 11 часовъ, а балъ и иллюминація продолжались цѣлую ночь.

На слѣдующій день новое празднество. Такъ какъ это были именины супруги наслѣдника русскаго престола Маріи Ѳеодоровны, то Сиверсъ давалъ большой обѣдъ на 60 особъ.

Спустя нѣсколько дней тотъ же Пулавскій устроилъ у себя новое пиршество въ честь графа Николая Зубова (младшій братъ Платона), который остановился въ Гродиѣ проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву. Зубовъ разсказалъ посланнику какъ за нѣсколько часовъ до его отъѣзда изъ столицы туда прибылъ курьеръ изъ Гродна и представилъ только что заключенный трактатъ, и какъ императрица осталась очень довольна трактатомъ.**

Лесть и заискиванія польскаго общества не оставались однако безъ нѣкотораго вліянія на нашего посланника, несмотря на всю его увѣренность въ своей проницательности и неподкупности. Жалобы на нравственную испорченность Поляковъ не мѣшаютъ ему иногда предаваться мечтамъ о возможности облагодѣтельствовать и осчастливить эту несчастную націю. Онъ все болѣе и болѣе начинаетъ принимать въ ней сердечное

* Korresp. 1336. Въ настоящее время дворецъ Тизенгауза, невысокое каменное зданіе расположенное покоемъ, занято губернаторскимъ помѣщеніемъ; бывшій ботаническій садъ, теперь публичный, извѣстенъ также подъ именемъ губернаторскаго. Эта часть города называется *Городищемъ*; она лежитъ на правой сторонѣ рѣчки Городничанки, впадающей въ Нѣманъ между двумя крутыми холмами. На лѣвомъ холмѣ виднѣются остатки древняго королевскаго замка, а на правомъ—уцѣлѣвшая часть Коложской церкви, когда-то изящный памятникъ древне-русскаго зодчества.

** Курьеръ этотъ, какъ мы знаемъ, былъ племянникъ Сиверса баронъ Гильденгофъ; онъ получилъ въ награду чинъ поручика артиллеріи. „Это выигрышъ пятнадцати лѣтъ службы! говоритъ Яковъ Ефимовичъ въ письмѣ къ дочери. Благодареніе Богу! Еслибы сестра моя (мать Гильденгофа) была жива, она бы порадовалась вмѣстѣ со мною.“ Вообще Сиверсъ на своемъ высокомъ посту не упускалъ случая благодѣтельствовать и выдвигать впередъ родственниковъ и земляковъ, которыхъ онъ не малое число имѣлъ въ своей свитѣ. Съ обмѣненною ратификаціей договора курьеромъ въ Петербургъ былъ отправленъ молодой баронъ Кампенгаузенъ.

участіе. Такъ, извѣщая дочь о полученномъ имъ Андреевскомъ орденѣ при милостивомъ рескриптѣ, онъ прибавляетъ: „Благодареніе Богу! Но не столько за голубую ленту, сколько за то что я заслужилъ одобреніе отъ моей безсмертной государыни: она извлекла меня изъ моего тихаго уголка чтобы почтить блестящею и вмѣстѣ трудною должностью — можетъ-быть для счастья милліоновъ человѣческаго рода.“ Плѣнительный голосъ графини Камелли, повидимому, имѣлъ также свою долю участія въ пробужденіи симпатій къ бѣдной Польшѣ. „Я вывожу для тебя эти строки—говорится въ письмѣ отъ 12го (23го) августа—въ то время когда диктую посланіе къ генералу Мёллендорфу, чтобы воздержать его отъ военныхъ дѣйствій противъ несчастныхъ Поляковъ, которые упорно отказываются отъ подписи своего бѣдствія. О милое мое дитя! Какъ часто сердце обливается у меня кровью. Я посредникъ между сильнымъ и слабымъ, если еще что-нибудь не хуже. Однако они подпишутъ. Сегодня вечеромъ я слушалъ графиню Камелли; она пѣла какъ ангелъ венеціянскую мелодію и русскую пѣсню.“

Черезъ недѣлю, получивъ отъ младшей дочери давно ожидаемую имъ вѣсть о разрѣшеніи ея отъ бремени, и къ тому же сыномъ, Сиверсъ между прочимъ пишетъ: „Сегодня былъ для меня тройной праздникъ. Случаю угодно было чтобъ я назначилъ на этотъ день большой концертъ; а извѣстіе о твоемъ разрѣшеніи напомнило мнѣ что это есть также день моего рожденія. Концертъ былъ очень хорошъ, благодаря прекрасному голосу графини Камелли и вновь изобрѣтенному кларнетъ-маршу. Послѣ того играли и ужинали; только около полуночи могъ я оставить общество чтобы лечь въ постель и написать тебѣ эти строки.“

Если загляднемъ въ общественную жизнь, кипѣвшую въ то время въ Гроднѣ, то увидимъ оригинальное явленіе: параллельно съ выраженіями грусти и отчаянія наполнявшими сеймовыя засѣданія, въ домахъ обывателей течетъ почти непрерывная струя веселья и разгула. Городъ въ осадномъ положеніи, его улицы и окрестности наполнены русскими солдатами и казаками; повсюду виднѣются лагери, пикеты и патрули; а между тѣмъ рауты, обѣды, балы, ужины и т. п. смѣняютъ другъ друга. Разумѣется, всѣ эти удовольствія оплачивались русскими и прусскими деньгами; не считая пировъ которые давали русскій посланникъ и самые крупные вожди сеймоваго

большинства, обыкновенно всякій вліятельный сеймовый посолъ (особенно членъ депутаціи) получалъ субсидіи, чтобъ угощать своихъ пріятелей и держать для нихъ открытый столъ какъ обѣденный, такъ и карточный. Многіе члены сейма и Тарговицкой конфедераціи явились въ Гродно со своими женами, дочерьми, или племянницами. * Дамское общество, вино и карты, повидимому, дѣлали все возможное чтобы поддерживать представителей Рѣчи Посполитой въ нѣкоторомъ чаду и разсѣевать ихъ политическія тревоги; слѣдовательно, дипломатія не даромъ тратила деньги и поощряла веселую жизнь. Русскіе офицеры принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ: они исправно пили венгерское и шампанское съ польскими панами, проигрывали имъ въ карты и ухаживали за ихъ женами; въ послѣднемъ отношеніи мужья не были очень строги, особенно если любезности сопровождались значительными подарками. Но вѣроятно для того чтобы не возбуждать національнаго чувства видомъ иноземнаго мундира, офицеры имѣли приказъ являться внѣ службы въ гражданскомъ костюмѣ. (Въ этомъ костюмѣ они нерѣдко замѣшивались и въ среду арбитровъ на сеймовыхъ засѣданіяхъ.)

Нѣкто Охоцкій посѣтилъ въ то время Гродно, и въ воспоминаніяхъ своихъ оставилъ намъ нѣсколько яркихъ чертъ для характеристики собравшагося тамъ общества.

Охоцкій пошелъ на какое-то вечернее собраніе и встрѣтился тамъ со своимъ люблинскимъ пріятелемъ Яномъ Л., однимъ изъ сеймовыхъ пословъ, и съ его сестрой Франциской, которая оказалась теперь женой другаго люблинскаго знакомца, Іосифа Ж., также сеймоваго посла. Франциска оставила танцы и посвятила остальное время на бесѣду съ Охоцкимъ. Надобно замѣтить что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ они были неравнодушны другъ къ другу и теперь занялись воспоминаніями о прежнемъ времени. Костюмъ молодой женщины обратилъ на себя особое вниманіе собесѣдника. Первое что его поразило, это ея босыя ножки, на каждомъ пальцѣ которыхъ надѣты были перстни съ дорогими каменьями; вмѣсто башмаковъ служили какія-то сандаліи въ родѣ калуцинскихъ, привязанныя бѣлыми лентами, которыя оплетали ногу

* По замѣчанію записокъ Л. Н. Энгельгардта, красотою своею затмевала всѣхъ прочихъ княжна Четвертинская.

до колѣна. Всматриваясь далѣе, онъ замѣтилъ что на ней не было сорочки, а только платье изъ какой-то легкой матеріи, фестономъ приподнятое у правой ноги выше колѣна; при этомъ грудь совсѣмъ почти открытая. Когда Охоцкій выразилъ свое удивленіе такому наряду, Франциска встала и повернулась предъ нимъ, чтобы показать всю гармонію своего костюма. „Онъ очень шелъ къ ней, замѣчаютъ мемуары,—ибо рѣдко кого природа одарила такъ щедро; но, выигрывая въ красотѣ, она утратила скромность, наибольшее украшеніе женщины". Проходя съ ней по салонамъ, онъ убѣдился что дамы большею частію были одѣты подобнымъ же образомъ; такъ что непривычному человѣку можно было вообразить себя на Олимпѣ, посреди пригрезившихся Венеръ, Діанъ, Психей, или въ Аѳинахъ и въ Римѣ, гдѣ выступали предъ нимъ Аспазіи и весталки; а нѣкоторыя пани, въ костюмѣ à la sauvage, пожалуй переносили воображеніе на островъ Отаити. Въ одной кадрили Охоцкій замѣтилъ красивую даму, съ головы до ногъ сверкавшую брилліянтами. На вопросъ, кто такая? ему отвѣчали: маркиза Люлли, новая возлюбленная короля. Оказалась что она-то главнымъ образомъ и вводила здѣсь нескромныя моды, привезенныя ею изъ Парижа, гдѣ, какъ извѣстно, въ то время господствовало подражаніе античному міру. *

На слѣдующее утро Охоцкій, приглашенный къ завтраку, явился въ жилище гг. Ж. и былъ удивленъ роскошью ихъ окружавшею. Когда окончился завтракъ, лакей доложилъ о приходѣ бригадира Ціціанова. Хозяйка зарумянилась и

* Что касается до убранства мущинъ, то между ними встрѣчалось значительное разнообразіе. Кое-гдѣ еще можно было увидать старопольскіе кунтуши, подбритыя головы, длинные усы и кривыя сабли на пышныхъ полсахъ, обдѣланныхъ серебромъ и золотомъ. Но чаще мужскіе костюмы представляли смѣсь старопольскаго съ французскимъ и англійскимъ. А наиболѣе усердные франты держались придворной моды, то-есть носили фракъ съ высокою короткою таліей и длинными остроконечными фалдами, со стальными пуговицами и огромнымъ воротникомъ, завитые локоны вокругъ головы, на шеѣ длинный платокъ, завязанный такъ что въ него уходилъ весь подбородокъ, на ногахъ чулки и башмаки, и съ боку шпага на перевязи. Между молодыми людьми нерѣдко попадался красивый костюмъ народовой кавалеріи (тёмносиняя куртка съ красными отворотами, венгерскіе панталоны съ красными лампасами и невысокіе сапоги)—равно удобный для верховой ѣзды и для мазурки. (*Polska w roku 1793*, Fryderyka Szulca.)

очевидно смутилась; мужъ и братъ приказали просить. Вошелъ господинъ во фракѣ, лѣтъ около тридцати, небольшаго роста, лысый, рябоватый, вообще не видный, но очень любезный и благовоспитанный. Онъ служилъ въ гвардіи, и въ то время находился въ отпуску. * Хозяева познакомили между собою двухъ гостей. Циціановъ вскорѣ сошелся съ Охоцкимъ, откровенно признался ему въ своей страсти къ пани Францискѣ, и сильно жаловался на ея суровость; интрига стоила ему уже до 30.000 рублей; дама принимаетъ подарки и сюрпризы, а до сихъ поръ не отвѣчаетъ на его чувства. Когда Охоцкій заговорилъ о немъ съ пани, она отвѣчала что не любитъ Циціанова, но что мужъ ея къ нему очень расположенъ.

На другой день Охоцкій былъ приглашенъ къ обѣду, и нашелъ у Ж. большое общество мущинъ и дамъ, между прочимъ съ десятокъ Русскихъ во фракахъ, все офицеровъ гвардіи и болѣе или менѣе изъ хорошихъ фамилій. Серебряный сервизъ, саксонскій фарфоръ, отлично приготовленныя блюда и отборныя вина опять обратили на себя вниманіе гостя, такъ какъ хозяева были прежде извѣстны ему за людей весьма посредственнаго состоянія. Послѣ кофе разложили большой зеленый столъ, и мущины, не теряя дорогаго времени, принялись за банкъ, а дамы разъѣхались. Вечеромъ Охоцкій, по просьбѣ мужа, отвезъ хозяйку въ театръ, гдѣ у нея была абонированная ложа; въ антрактахъ въ ея ложу былъ большой приливъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Воротились домой; тамъ еще продолжалась игра; въ двѣнадцатомъ часу забастовали. На другой день повторилось то же самое. На третій день Охоцкій очутился на балѣ у русскаго посланника, благодаря Яну Л., которому досталось нѣсколько билетовъ. Здѣсь все показалось ему чрезвычайно пышнымъ и роскошнымъ. Три огромныя залы Сапѣжинскаго палаца и нѣсколько меньшихъ покоевъ были наполнены гостями. ** Многочисленная прислуга безпрестанно

---

* Если тутъ рѣчь идетъ о князя Павлѣ Дмитріевичѣ Циціановѣ, будущемъ героѣ Кавказа и Грузіи, то онъ родился въ 1754 году, слѣдовательно въ то время имѣлъ около 40, а не 30 лѣтъ. Притомъ онъ находился въ Гродиѣ не въ отпуску, а командовалъ здѣсь гренадерскимъ полкомъ.

** Сапѣжинскій дворецъ, фасадомъ выходящій на рынокъ, былъ въ то время красивѣйшимъ зданіемъ въ Гродиѣ, по замѣчанію современника (*Polens Ende*, von Sirisa). Въ настоящее время онъ извѣстенъ подъ именемъ дома Любецкаго, хотя недавно перешелъ въ руки

разносила разнаго рода сласти и прохладительное. Внутри палацъ былъ освѣщенъ нѣсколькими тысячами восковыхъ свѣчъ, а снаружи разноцвѣтными стаканчиками. Для игры разставлено много столовъ, и на нихъ блистали кучи золота. Когда подали великолѣпный ужинъ, Франциска объявила мужу что ей нездоровится, и тотъ поручилъ Охоцкому проводить ее домой. Нѣсколько дней спустя Циціановъ попросилъ его и гг. Ж. на пирушку, которую онъ устроилъ въ гостиницѣ на предмѣстьѣ. Здѣсь было нѣсколько дамъ, Полекъ и Русскихъ; генеральша Муханова занимала мѣсто хозяйки. Веселились до пятаго часа утра; причемъ карты работали по обыкновенію.

Однажды Охоцкій не утерпѣлъ и спросилъ своего пріятеля Яна Л., откуда у него и зятя его Іосифа Ж. явились средства къ такой роскошной жизни. Вмѣсто отвѣта Янъ открылъ коммодъ и показалъ ему десять кошельковъ по тысячѣ дукатовъ въ каждомъ, потомъ отворилъ шкафъ, и тамъ оказалось одиннадцать кошельковъ съ рублями. „Счастливая игра, разные обороты“.... проговорилъ хозяинъ. Подошелъ панъ Іосифъ, повелъ гостя въ свое отдѣленіе и тамъ показалъ ему такую же кассу. Дѣло въ томъ что оба они были членами депутаціи трактовавшей съ сосѣдними державами. Въ слѣдующемъ году, во время возстанія, и тотъ и другой попали въ число проскриптовъ и должны были спасаться бѣгствомъ. *

одного еврея. Въ немъ особенно обращаетъ на себя вниманіе главная зала, въ старинномъ вкусѣ, съ двойнымъ свѣтомъ и слѣдами хоръ, теперь уже не существующихъ.

* Участіе въ депутаціи заставляетъ насъ предположить что тутъ подъ буквами Л и Ж скрываются вѣроятно Лопотъ, экъ-обозный литовскій, посолъ новогродскій, и Жиневъ, староста березницкій, посолъ гродненскій.

Во всемъ этомъ разказѣ Охоцкій, очевидно для красоты слова, позволяетъ себѣ нѣкоторыя преувеличенія. Вотъ еще примѣры его неточностей. Указывая на нескромныя моды и обычаи, вводимые маркизой Люлли, онъ замѣчаетъ: „некому было наблюдать за сохраненіемъ приличій, не было пани Краковской, Тышкевичевой, Комиской и Умѣцкой, почтенныхъ матронъ, служившихъ украшеніемъ того вѣка“. Но извѣстно что сестра короля, пани Краковская, присутствовала тогда въ Гроднѣ, а также и его племянница графиня Тышкевичъ (если здѣсь о ней идетъ рѣчь). О своихъ пріятеляхъ Л. и Ж. Охоцкій говоритъ что одинъ участвовалъ въ делегаціи трактовавшей съ однимъ дворомъ, а другой въ делегаціи трактовавшей съ другимъ. Онъ, повидимому, не зналъ или забылъ что съ обоими послан-

Охоцкій бывалъ на сеймовыхъ засѣданіяхъ, и видалъ тамъ короля, возсѣдающаго на тронѣ, при которомъ стояли на стражѣ польскіе гвардейцы, между тѣмъ какъ входъ въ залу охранялся русскими часовыми. Онъ нашелъ разительную перемѣну въ наружности Станислава Августа сравнительно съ тѣмъ что̀ было за два года, то-есть во время Четырехлѣтняго сейма. Тогда физіономія короля еще сохраняла свою пріятность и живость; а теперь это былъ худой, жалкій старикъ, съ желтымъ, сморщеннымъ лицомъ, съ потухшимъ, опущеннымъ взоромъ, какъ будто онъ только всталъ съ одра тяжкой болѣзни. Въ воскресные дни, свободные отъ сеймовыхъ засѣданій, король по обыкновенію дѣлалъ парадный выходъ въ тронную залу на публичную аудіенцію. Охоцкій былъ на одной изъ такихъ аудіенцій и нашелъ тамъ небольшое число придворныхъ и другихъ лицъ, такъ что вокругъ короля замѣтна была значительная пустота.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія Охоцкій оставилъ Гродно, вмѣстѣ съ генераломъ Дзялынскимъ. На прощаньѣ паны Л. и Ж. задали для нихъ обѣдъ болѣе чѣмъ на 60 человѣкъ. Послѣ обѣда Франциска, ея мужъ, братъ и Циціановъ проводили Охоцкаго до первой станціи, гдѣ еще роспили нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Охоцкій наивно намекаетъ на свои отношенія къ пани Францискѣ; но не знаетъ, имѣлъ ли какой успѣхъ совмѣстникъ его Циціановъ. Онъ не знаетъ также, какъ далеко зашелъ въ своихъ исканіяхъ третій претендентъ, хлопотавшій въ то же время, панъ Дзялынскій.

Одинъ лифляндскій путешественникъ, проѣзжавшій чрезъ Гродно предъ самымъ началомъ сейма, оставилъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько легкихъ замѣтокъ, не лишенныхъ для насъ интереса. „Открывшійся съ горы видъ на городъ, пишетъ онъ, былъ очень красивъ. Много костеловъ съ колокольнями и нѣкоторое число палацовъ построенныхъ въ новомъ вкусѣ, разсѣянныхъ тамъ сямъ, выступаютъ на темномъ фонѣ деревянныхъ хижинъ, которыя собственно и составляютъ городъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города я встрѣтилъ немалое

никами вела переговоры одна и та же депутація. Впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго что въ мемуарахъ, писанныхъ спустя значительное время, по памяти, могли вкрасться разныя неточности; но это не уничтожаетъ ихъ интереса относительно характеристическихъ бытовыхъ подробностей.

количество лушекъ, на него направленныхъ. Въѣздъ довольно хорошъ; его украшаютъ королевскій замокъ и панскіе дома, сгруппированные тутъ въ значительномъ числѣ. Миновавъ эту часть, достигаютъ до новаго большаго моста и до самаго города, въ которомъ, какъ обыкновенно въ польскихъ городахъ, разнообразнѣйшія строенія скучены вмѣстѣ. Подлѣ порядочнаго дома стоятъ двѣ или три деревянныя хижины, грозящія паденіемъ; за ними палацъ; далѣе костелъ; мостовая едва ли можетъ называться этимъ именемъ, потому что при всякомъ дождѣ покрывается болотомъ.

„Впрочемъ Гродно представлялось теперь люднымъ и оживленнымъ городомъ. Кромѣ сильнаго русскаго гарнизона, тутъ были многіе послы со своими домашними, главный штабъ всѣхъ войскъ расположенныхъ въ окрестностяхъ, и тѣ польскіе магнаты которые имѣли отвагу выступить на предстоявшемъ сеймѣ. Въ городѣ совсѣмъ незамѣтно было чтобы тамъ находился король; онъ жилъ въ замкѣ со своимъ небольшимъ дворомъ совсѣмъ отдѣльною и замкнутою жизнію. Предъ замкомъ я не встрѣтилъ ни одного экипажа, но за то очень много предъ жилищемъ нашего (то-есть русскаго) посланника. Наши штабъ-офицеры въ лышныхъ коляскахъ, запряженныхъ шестеркой или четверкой коней, разъѣзжали по улицамъ; а польскіе магнаты въ скромныхъ экипажахъ держались отъ нихъ къ сторонкѣ. Много лавокъ открытыхъ варшавскими модистками; ибо сюда пріѣхало значительное количество красивѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ *дѣвицъ*, чтобы своимъ примѣромъ (какъ полагаю) склонить разныя партіи и разныя народности къ уступчивости и взаимному соглашенію. Городъ относительно малъ для такого большаго съѣзда; окрестный край не отличается большимъ изобиліемъ; поэтому квартиры и съѣстные припасы непомѣрно дороги. Комната съ постелью стоила въ день отъ одного до трехъ дукатовъ; а порядочный обѣдъ отъ осьми до двѣнадцати злотыхъ. За возикъ сѣна платили отъ трехъ до четырехъ дукатовъ. Все остальное этому соотвѣтствовало.“ *

---

* *Reise eines Lifländers von Riga nach Warschau.* Berlin, 1795. (См. *Polska w roku 1793*). Вотъ что говоритъ о Гроднѣ другой современникъ: „Послѣ Вильны это лучшій городъ въ Литвѣ, но считаетъ только 4.000 жителей; изъ нихъ четвертая часть Евреи. (Въ настоящее время изъ 19.000 населенія слишкомъ 10.000 Евреевъ. *Бобровскій.*) Нѣтъ ни воротъ, ни стѣнъ; лежитъ частію на горѣ, частію въ долинѣ, и окруженъ

X.

Отчетъ депутаціи о конференціяхъ съ Бухгольцемъ. — Подгорскій и оппозиція.—Бурное засѣданіе 18го (29го) августа.

Въ понедѣльникъ 15го (26го) августа маршалъ сеймовый объявилъ собранію что депутація, назначенная договариваться съ прусскимъ министромъ, желаетъ представить сословіямъ отчетъ о своихъ конференціяхъ. Епископъ Скаржевскій, за президента депутаціи Масальскаго, доложилъ сейму что депутаты строго держались своихъ инструкцій, въ подтвержденіе чего представилъ протоколы конференцій. Затѣмъ онъ обратился къ Гродзицкому, послу краковскому, и просилъ его прочесть содержаніе протоколовъ, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ ходомъ переговоровъ и участвуетъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ. Бѣлинскій повторилъ ту же просьбу отъ имени рыцарскаго сословія. Гродзицкій началъ читать содержаніе протоколовъ, изложенное на 20 листахъ и обнимающіе конференціи съ 5го августа по 24е включительно. Здѣсь по порядку излагались: обмѣнъ полномочій, споры съ Бухгольцемъ, приглашеніе русскаго посланника къ посредничеству, его поправки въ прусскомъ проектѣ договора, настоятельное требованіе Бухгольца чтобы депутація постаралась о немедленномъ утвержденіи трактата; запросъ депутаціи, по какимъ причинамъ король прусскій изъ недавняго союзника Рѣчи Посполитой обратился въ ея непріятеля? Этотъ запросъ депутація подкрѣпила

еще горами. Старый королевскій замокъ, опоясанный глубокимъ рвомъ, находится въ развалинахъ; только одинъ его флигель можетъ быть обитаемъ. Новый замокъ великъ, правильно построенъ и красивъ. Особенно хороши большая зала, сенаторская зала и капелла. Въ городѣ девять католическихъ, одна лютеранская и двѣ греческія церкви, и еще каменная синагога." Потомъ идетъ описаніе фабрикъ, основанныхъ Тизенгаузомъ и въ то время уже покинутыхъ. *Polens Ende* von Sirisa. Warschau, 1797.

Главнѣйшій памятникъ прошлаго столѣтія, такъ-называемый новый королевскій замокъ (построенный Августомъ II), сохраняя свой наружный видъ, внутри совершенно передѣланъ, такъ что мы не нашли въ немъ почти никакихъ слѣдовъ сеймовой залы и королевскихъ покоевъ. Тамъ помѣщается теперь военный госпиталь.

нѣкоторыми документами изъ временъ Четырехлѣтняго сейма, и между прочимъ представила протоколъ памятной конференціи прежняго прусскаго посланника въ Варшавѣ, графа Гольца, съ литовскимъ подканцлеромъ Хребтовичемъ, происходившей 16го мая 1791 года въ присутствіи нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ Рѣчи Посполитой. Гольцъ сообщалъ что Фридрихъ Вильгельмъ поручилъ заявить Полякамъ свое удовольствіе по поводу ихъ новой конституціи и выбора Саксонской династіи на польскій престолъ. Вмѣстѣ съ протоколомъ этой конференціи Гродзицкій прочелъ и депешу князя Яблоновскаго, въ то время польскаго посла въ Берлинѣ. Яблоновскій извѣщалъ о своей аудіенціи у прусскаго короля, на которой онъ докладывалъ его величеству о переворотѣ 3го мая. Король принялъ это извѣстіе весьма благосклонно, и сказалъ между прочимъ что „Польша всегда найдетъ въ немъ искренняго союзника".

Собраніе въ глубокомъ молчаніи слушало отчетъ депутаціи. Но когда прочитаны были послѣдніе документы, напоминавшіе Полякамъ гибельныя для нихъ послѣдствія вѣроломной прусской политики, они не могли удержать своего негодованія. Поднялся шумъ, такъ что Гродзицкій не могъ продолжать чтеніе, а король велѣлъ закрыть засѣданіе.

На другой день окончено чтеніе отчета, и затѣмъ Гродзицкій передалъ сеймовому маршалу прусскій проектъ договора, снабженный поправками Сиверса. Когда собраніе его прослушало, всталъ Адамъ Подгорскій и попросилъ голоса. Это былъ одинъ изъ сеймовыхъ пословъ подкупленныхъ Бухгольцемъ, человѣкъ имѣвшій репутацію шулера. Онъ получилъ отъ сеймоваго маршала позволеніе говорить; но едва произнесъ онъ нѣсколько словъ какъ его заглушили ярые крики со стороны оппозиціи. Затѣмъ произошло сильное смятеніе. Всѣ заговорили разомъ. Противъ Подгорскаго возстали многіе какъ противъ измѣнника, который осмѣливается поддерживать подобный договоръ. Нѣкоторые, напримѣръ Годачевскій, даже предлагаютъ его изрубить; на что съ разныхъ сторонъ послышался крикъ: згода! згода! Подгорскій изо всѣхъ силъ кричитъ что, такъ какъ ему не даютъ говорить, то онъ откладываетъ свое предложеніе. Но смятеніе все увеличивается и продолжается болѣе часу. Наконецъ крики затихли, и тогда Шидловскому (плоцкому) удалось овладѣть вниманіемъ палаты.

Въ рѣчи своей, одной изъ самыхъ сильныхъ, Шидловскій

говоритъ что не знаетъ проекта Подгорскаго, но не сомнѣвается въ его содержаніи: онъ хочетъ уполномочить депутацію подписать только-что прочтенный договоръ съ Пруссіей, то-есть довершить гибель отечества. „Пусть оно погибнетъ отъ неправды и насилія! восклицаетъ ораторъ, но да погибнетъ и одинъ изъ этого постыднаго большинства которое явилось для того чтобы помогать нашему уничтоженію! Объявляю что я буду преслѣдовать всякаго кто осмѣлится предложить такой проектъ, и что я привлеку его къ сеймовому суду какъ измѣнника отечеству.“ Тутъ его прерываютъ одобрительныя восклицанія. Одушевленный ими, ораторъ предлагаетъ чтобы лала или его голова, или голова измѣнника. Затѣмъ онъ вноситъ проектъ въ формѣ декларація слѣдующаго содержанія:

Такъ какъ король прусскій не считаетъ обязательными для себя трактаты 1773 и 1789 годовъ, то прерываются всякіе переговоры съ его министромъ какъ безполезные и пагубные для реслубліки.

Оппозиція требуетъ отъ маршала немедленнаго turnum. Въ виду возбужденнаго состоянія палаты, маршалъ хочетъ приступить къ собранію голосовъ. Но Міончинскій и Залѣскій останавливаютъ это движеніе, принявъ проектъ ad deliberandum. „Я знаю, сказалъ Шидловскій, законъ дозволяетъ отсрочку; но не знаю, допускаетъ ли ее патріотизмъ, когда дѣло идетъ о подобномъ проектѣ.“ Въ эту минуту другой Шидловскій, посолъ цѣхановскій, громко назвалъ кого-то измѣнникомъ (здрайцей), но посреди замѣшательства нельзя было разслышать имени.

Затѣмъ встаетъ Краснодембскій и спрашиваетъ канцлеровъ какой былъ результатъ ноты поданной русскому посланнику и заключавшей просьбу очистить польскую территорію отъ русскихъ войскъ, такъ какъ договоръ съ Россіей уже ратификованъ. На этотъ запросъ Платеръ представляетъ отвѣтную ноту Сиверса отъ 13го (24го) августа. Въ ней говорится что войска уже имѣли приказъ отойти къ границамъ Рѣчи Посполитой, но затрудненія возникшія при заключеніи договора съ Россіей и замедленіе трактата съ Пруссіей, а также непрочность правительства, еще не вполнѣ организованнаго, и опасенія за общественное спокойствіе принудили отмѣнить упомянутый приказъ.

Когда палата уже готова была успокоиться и перейти къ

обсужденію безконечныхъ вопросовъ о податяхъ и прочихъ доходахъ республики, вдругъ встаетъ Карскій и опять начинаетъ громить прусскій проектъ договора. Онъ увлекся до того что упрекаетъ короля и напоминаетъ будто тотъ однажды сказалъ: „Пока отъ Польши останется хотя такое пространство которое можно покрыть своею шляпой, я не покину моего мѣста и буду управлять сю.“ Эта выходка вызвала негодованіе палаты. Міончинскій требуетъ чтобы Карскій былъ подвергнутъ сеймовому суду. Король начинаетъ увѣрять что онъ никогда не говорилъ такихъ словъ и снисходительно прощаетъ Карскаго. Но многіе послы настаиваютъ на его осужденіи. Тогда король проситъ ему прощенія. Палата соглашается, но съ условіемъ чтобы Карскій отказался отъ своей рѣчи и извинился предъ королемъ. Тотъ повинуется и цѣлуетъ у короля руку. По предложенію Шидловскаго, вся палата проситъ той же чести и получаетъ ее.

Заканчивая засѣданіе, король предупредилъ пословъ чтобъ они на будущее время не опаздывали, а собирались бы ровно въ четыре часа. Когда послы выходили изъ залы, Міончинскій заступилъ дорогу Шидловскому и спросилъ:

— Не меня ли ваша милость назвалъ здрайцей?

— Того который хотѣлъ бы подать прусскій проектъ, отвѣчалъ посолъ цѣхановскій.

— Стало-быть насчетъ пана Подгорскаго? замѣтилъ Міончинскій.

Пулавскій, чтобы предупредить столкновеніе, сказалъ:

— Да, это о Подгорскомъ.

А когда Міончинскій удалился, Пулавскій, кивая на него, обратился къ Шидловскому и окружающей ихъ кучкѣ пословъ, и прибавилъ:

— Да и самъ-то онъ не лучше. *

Выраженный на этомъ засѣданіи рѣшительный отказъ сейма вступить въ какіе-либо переговоры съ Пруссіей сильно обезпокоилъ Бухгольца. Онъ поспѣшилъ за совѣтомъ и помощью къ Сиверсу. Послѣдній все еще не хотѣлъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и условился дѣйствовать пока на сеймъ общими нотами. При этомъ онъ совѣтовалъ своему товарищу не жалѣть денегъ на умноженіе прусскихъ сторонниковъ между членами сейма. **

* *Diariusz Sejmu Extraordynaryjniego 1793 roku.*

** Экономическій, разчетливый характеръ прусскаго правительства

Сиверсъ призвалъ къ себѣ Подгорскаго и вручилъ ему проектъ полномочія для подписи прусскаго трактата. Этотъ проектъ Подгорскій долженъ былъ на слѣдующій день представить сейму отъ своего имени и поддерживать его своимъ голосомъ. Затѣмъ часть ночи была употреблена на приготовленіе нотъ, русской и прусской, которыя на слѣдующій день, 17го (28го) августа, и были представлены сейму. Эти ноты напоминали ему о порядкѣ и спокойствіи и требовали немедленнаго снабженія депутаціи полномочіемъ къ подписи трактата. Русская нота прибавляла что генералъ Мёллендорфъ уже 20го числа долженъ былъ ввести войска въ Краковское и Сендомірское воеводства; но что его непріятельскія дѣйствія остановлены по просьбѣ русскаго посланника.

Однако всѣ эти заявленія не произвели никакого дѣйствія. Напротивъ, угрожающій тонъ прусской ноты вызвалъ чрезвычайное волненіе. Со всѣхъ сторонъ закричали что прусскій посолъ обращается къ Полякамъ уже не какъ къ вольному народу, а какъ къ своимъ подвластнымъ. Члены оппозиціи требуютъ утвержденія проекта поданнаго наканунѣ Шидловскимъ, то-есть прерванія всякихъ переговоровъ съ Пруссіей. Многіе послы разомъ домогаются голоса, въ томъ числѣ и Подгорскій. Маршалъ сеймовый, конечно заранѣе предупрежденный, даетъ голосъ Подгорскому. Но напрасно послѣдній силится перекричать другихъ. Тогда онъ досталъ изъ кармана проектъ, положилъ его на столъ предъ маршаломъ и сѣлъ на свое мѣсто. Маршалъ приглашаетъ секретаря взять проектъ и прочесть его. Тотъ повинуется; но крики усилились еще болѣе. Шидловскій, Яковскій, Гославскій, Стошскій, Скаржинскій, Кимбаръ, Краснодембскій и Карскій осыпаютъ Подгорскаго бранью и требуютъ чтобъ онъ былъ судимъ какъ измѣнникъ. Тщетно секретарь пытается начать чтеніе; его подвергаютъ угрозамъ и оскорбленіямъ.

Шидловскій вышелъ впередъ, сталъ, по техническому выраженію, „подъ маршальскій жезлъ“, то-есть подлѣ сеймоваго маршала и позвалъ туда же Подгорскаго; это значило что онъ отдавалъ себя и своего противника на судъ сейма. Многочисленные голоса требовали чтобы Подгорскій шелъ подъ жезлъ.

сказался и въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Агентамъ своимъ между сеймовыми послами Бухгольцъ никогда не платилъ впередъ, „какъ это дѣлалъ тороватый русскій посланникъ“, а давалъ имъ только за дѣйствительно оказанныя услуги. (Вегнеръ, 106.

Но тотъ отвѣчаетъ что обвиненіе его въ измѣнѣ неумѣстно и преждевременно, такъ какъ проектъ еще не былъ прочитанъ, и палатѣ неизвѣстно его содержаніе. Нѣкоторые послы подходятъ къ маршальскому столу и, вмѣстѣ съ Шидловскимъ, читаютъ про себя проектъ. Оппозиція продолжаетъ требовать Подгорскаго къ суду и упрекаетъ его въ боязни этого суда. Тогда немногочисленные члены прусской партіи поднимаютъ голосъ въ защиту своего товарища: Іозефовичъ, Виламовскій и Міончинскій настаиваютъ предъ маршаломъ чтобы проектъ былъ прочитанъ. Маршалъ снова приказываетъ секретарю читать проектъ; но ему отвѣчаютъ что секретарь не лакей его, а слуга палаты. Іозефовичъ продолжаетъ настаивать, но его встрѣчаютъ шиканье и брань. Тогда онъ предлагаетъ чтобы весь этотъ споръ былъ взятъ ad deliberandum, а теперь пусть палата перейдетъ къ другимъ вопросамъ. Но Стоинскій объявляетъ что не допуститъ обсужденія никакихъ другихъ вопросовъ лока Подгорскаго не подвергнутъ суду. Посреди этого смятенія Шидловскому опять удается на нѣкоторое время овладѣть общимъ вниманіемъ. Онъ говоритъ что у него есть доказательства измѣны Подгорскаго, что послѣдній за свою измѣну получилъ деньги, и снова требуетъ его къ жезлу. Подгорскій остается на своемъ мѣстѣ и продолжаетъ стоически выносить всѣ оскорбленія. Наконецъ король, чтобы прекратить эти неприличныя сцены, приказываетъ закрыть засѣданіе.

На слѣдующій день Сиверсъ замѣтилъ въ своей депешѣ: „Послѣ вчерашняго засѣданія трудно было думать чтобы могло быть еще болѣе тумное; но это случилось именно сегодня."

Бухгольцъ, конечно, обратился къ русскому посланнику съ новыми просьбами употребить болѣе энергическія мѣры противъ упорства оппозиціи. Сиверсъ, все еще не желая прибѣгать къ крайностямъ, отнесся къ сейму съ новою нотой. Въ то же время онъ отправилъ къ великому маршалу литовскому Тышкевичу записку, въ которой напомнилъ объ его обязанности охранять спокойствіе и тишину сеймовыхъ засѣданій, и строго требовалъ чтобъ изъ сеймовой залы были удалены безъ исключенія всѣ лица не принадлежащія къ сейму, такъ какъ своимъ присутствіемъ они поощряютъ оппозицію и мѣшаютъ робкому большинству заявить свое мнѣніе. *

* Напомнимъ при этомъ читателямъ распредѣленіе мѣстъ въ Сенаторской избѣ, гдѣ засѣдали соединенныя сословія, то-есть совершa-

Вслѣдствіе этого требованія, предъ началомъ засѣданія 18го (29го) августа Тышкевичъ усердно обыскивалъ всѣ углы сеймовой залы и выпроваживалъ всѣхъ не принадлежащихъ къ сейму, въ томъ числѣ и совѣтниковъ конфедераціи, которымъ, вмѣстѣ съ судьями высшей инстанціи предоставлено было право присутствовать на засѣданіяхъ. Члены оппозиціи не замедлили обнаружить свое неудовольствіе на это нарушеніе права, и нѣкоторые восклицаютъ что въ такомъ случаѣ и послы также должны удалиться изъ залы. Тышкевичъ отвѣчаетъ имъ что онъ представитъ палатѣ объясненіе причинъ которыя принудили его къ такому непріятному поступку.

Когда всѣ арбитры были удалены, великій маршалъ литовскій, ударивъ три раза о землю своимъ жезломъ изъ чернаго дерева оправленнымъ въ золото, далъ голосъ сеймовому маршалу, то-есть пригласилъ его открыть засѣданіе. Вдругъ двери залы отворяются, и входитъ Адамъ Подгорскій. Многіе послы, уже взволнованные предыдущею сценой, теперь приходятъ въ страшное негодованіе; со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Измѣнникъ, негодяй!“ и т. п. Крики эти переходятъ въ какой-то дикій ревъ. Мало того, нѣсколько самыхъ горлчихъ крикуновъ подбѣгаютъ къ нему и начинаютъ толкать его вонъ изъ залы. Подгорскій былъ „толстъ какъ бочка“, по выраженію Сиверса, что̀ лишало его надлежащей гибкости чтобъ ускользнуть изъ рукъ своихъ враговъ. Посреди этой суматохи было видно только какъ двери залы съ трескомъ растворились и тотчасъ затворились снова. Подгорскій очутился въ корридорѣ посреди сеймовыхъ гайдуковъ; тутъ ожидали его и высланные арбитры, которые не замедлили подвергнуть несчастнаго посла новымъ оскорбленіямъ. Съ минуту онъ стоялъ въ раздумьѣ куда направиться съ жалобой: къ Бухгольцу или къ Сиверсу? и рѣшилъ отправиться къ послѣднему.

лось сеймованіе. Въ глубинѣ залы стоялъ тронъ короля. Отъ него, съ обѣихъ сторонъ, шли два ряда сенаторскихъ креселъ. За креслами этими, также по обѣимъ сторонамъ, располагались лавки или мѣста для пословъ. Посреди залы оставался широкій свободный проходъ. На другомъ концѣ его, прямо противъ королевскаго трона, помѣщался сеймовый маршалъ на табуретѣ предъ своимъ столикомъ, а по сторонамъ его находились кресла великихъ маршаловъ и другихъ министровъ. Но въ послѣднее время министры, кажется, помѣщались подлѣ трона. Позади посольскихъ мѣстъ, вдоль стѣнъ, шли галлереи для арбитровъ или для публики.

Между тѣмъ въ сеймовой залѣ настала глубокая тишина. Маршалъ открываетъ засѣданіе воззваніемъ къ согласію, какъ къ единственному средству спасти отечество. Затѣмъ онъ извѣщаетъ о новой нотѣ русскаго посланника. Великій маршалъ литовскій, въ оправданіе своего поступка съ арбитрами, сообщаетъ собранію записку Сиверса, писанную по-французски. Собраніе рѣшило чтобъ эта записка, какъ доказательство насилія, была переведена и занесена въ діаріушъ.

Секретарь сеймовый читаетъ русскую ноту:

Выразивъ сожалѣніе о томъ что сеймъ не внялъ его предыдущей нотѣ, посланникъ напоминаетъ сословіямъ о грозѣ висящей надъ ихъ отечествомъ и убѣждаетъ заняться утвержденіемъ прусскаго договора въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредничествѣ. Фельдмаршалъ Мёллендорфъ, побуждаемый приказами отъ своего правительства, увѣдомляетъ его что начнетъ непріятельскія дѣйствія, если присланный имъ курьеръ не привезетъ извѣстія о подписи трактата. Поэтому онъ, Сиверсъ, принужденъ назначить сейму крайніе сроки: 31е августа для снабженія депутаціи надлежащимъ полномочіемъ, а 3е сентября для подписи самого трактата.

Нѣкоторые сторонники Пруссіи требуютъ чтобы былъ прочтенъ проектъ внесенный наканунѣ Подгорскимъ. Но Шидловскій тотчасъ протестуетъ противъ подобнаго требованія, и говоритъ что онъ не успокоится до тѣхъ поръ пока не увидитъ казни измѣнника, хотя бы и самъ долженъ былъ при этомъ пасть. За нимъ всталъ Гославскій. Увлекаемый потокомъ своего краснорѣчія, онъ сравниваетъ современную Польшу съ Римскою республикой во времена ея упадка, а Подгорскаго съ Катилиной. Но если между Поляками нашлись Катилины, за то и въ Цицеронахъ у нихъ нѣтъ недостатка; доказательство тому Шидловскій, который отдаетъ собственную голову, лишь бы подлѣ нея лала голова измѣнника. Но Шидловскій будетъ не единственною жертвой любви къ отечеству, онъ, то-есть Гославскій, также охотно сложитъ свою голову, лишь бы уменьшить число Катилинъ. Нѣкоторые голоса запальчиво восклицаютъ вслѣдъ за Гославскимъ что они готовы послѣдовать тому же примѣру. „Ничего не могло быть комичнѣе подобнаго пьеса для тѣхъ кто знаетъ актеровъ этихъ забавныхъ сценъ“, замѣчаетъ въ своей депешѣ Сиверсъ, не вѣрившій въ польскій патріотизмъ.

Ораторъ переходитъ затѣмъ къ угрозѣ Пруссаковъ, и спрашиваетъ что могутъ они еще прибавить къ своимъ притѣсненіямъ и насиліямъ? Самъ онъ оставилъ въ Сендомірскомъ воеводствѣ престарѣлаго отца и небольшой участокъ земли; но охотно жертвуетъ послѣднимъ, только бы остаться свободнымъ отъ упрека въ томъ что собственными руками подписалъ неволю своихъ великопольскихъ собратій. Въ заключеніе ораторъ проситъ сеймоваго маршала подвергнуть вотированію проектъ Шидловскаго о прерваніи всякихъ переговоровъ съ Пруссіей. Другіе члены оппозиціи горячо поддерживаютъ эту просьбу.

Въ виду продолжающейся запальчивости относительно прусскаго договора, Станиславъ Августъ рѣшается наконецъ прервать свое молчаніе объ этомъ вопросѣ. „Найяснѣйшій панъ кругъ хочетъ говорить!“ возвѣстилъ по обычаю канцлеръ, и въ залѣ снова водворилась тишина. Станиславъ Августъ произноситъ длинную рѣчь. „Для короля любящаго свой народъ и желающаго быть любимымъ, замѣчаетъ онъ, нѣтъ ничего тяжеле какъ высказать правду, когда онъ знаетъ что эта правда будетъ непріятна.“ Далѣе король отдаетъ справедливость патріотизму Шидловскаго и тѣхъ которые поддерживали его проектъ. Но еслибы проектъ былъ принятъ, какія бы вышли изъ того послѣдствія? Только новыя обиды со стороны несправедливаго и сильнаго сосѣда. Поляки противились его требованіямъ въ надеждѣ что время принесетъ какую-либо благопріятную перемѣну и въ упованіи на помощь русской императрицы. Но вотъ уже истощены всѣ способы сопротивленія, а ни откуда не свѣтится лучъ спасенія. Прекрасна готовность каждаго отдѣльнаго человѣка жертвовать собою для отчизны; но обязанность короля, какъ отца народа, разсѣять туманъ навѣянный патріотическимъ пыломъ. Прусское войско войдетъ еще глубже въ край, возьметъ нѣсколько тысячъ рекрутъ, выжметъ милліоны контрибуціи, разоритъ страну и потребуетъ еще большей части въ раздѣлѣ Польши. Послѣдняя нота русскаго посланника не оставляетъ уже никакой надежды на помощь императрицы противъ прусскаго захвата, который есть результатъ соглашенія обоихъ дворовъ. Въ заключеніе своей рѣчи король совѣтуетъ уступить обстоятельствамъ, но при этомъ добиваться по крайней мѣрѣ наименѣе тяжелыхъ условій.

Рѣчь эта, несмотря на свои неопровержимые доводы, не

произвела, повидимому, никакого дѣйствія. Въ концѣ ея въ залу снова явился несчастный Подгорскій, которому Сиверсъ велѣлъ воротиться на свое мѣсто и не взирая ни на что защищать свой проектъ. Едва король пересталъ говорить какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики: „судъ, судъ измѣнику!“ Шидловскій снова становится подъ жезлъ и требуетъ туда же Подгорскаго. Тотъ нѣсколько минутъ колеблется, но осыпаемый угрозами и бранью наконецъ пошелъ и сталъ подлѣ Шидловскаго. Оппозиція обращается къ королю съ просьбой назначить судъ. Міончинскій, чтобы спасти своего товарища, предлагаетъ собранію сперва вотировать вопросъ: Подгорскій долженъ быть подвергнутъ суду или нѣтъ? Въ случаѣ вотированія онъ разчитывалъ на большинство, которое до сихъ поръ только вслѣдствіе стыда и робости слѣдовало за горстью запальчивыхъ патріотовъ. Но предложеніе его потерялось посреди криковъ, требовавшихъ немедленнаго суда. Затѣмъ возникъ долгій споръ о способѣ какимъ долженъ быть судимъ посолъ, обвиненный въ измѣнѣ отечеству. Польское законодательство не представляло въ этомъ отношеніи точныхъ правилъ; изъ прежней сеймовой практики также никто не могъ привести подобнаго примѣра. Обратились за разрѣшеніемъ недоумѣнія къ епископу Коссаковскому, славшему знатокомъ въ старомъ польскомъ законодательствѣ. Онъ отвѣчалъ что въ законахъ не встрѣчается никакого объясненія на этотъ счетъ. Далѣе, разсуждая о выходѣ посла подъ жезлъ, Коссаковскій замѣтилъ что этотъ способъ суда неправиленъ, потому что когда обѣ избы соединены, маршалъ сеймовый не имѣетъ высшей инстанціи: она въ это время остается за великимъ маршаломъ. Въ заключеніе онъ припомнилъ изъ діаріуша какого-то стараго сейма что былъ подобный случай: тогда изба раздѣлилась на посольскую и сенаторскую, и посольскою избой назначено было судебное слѣдствіе. Но такой способъ, прибавилъ Коссаковскій, въ настоящемъ случаѣ неудобенъ и несогласенъ съ достоинствомъ палаты: посолъ не долженъ быть отвѣтственъ предъ судомъ сейма за свои мнѣнія.

Король въ другой разъ пытается утишить волненіе и со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ взываетъ къ христіанскимъ и республиканскимъ чувствамъ палаты. Къ чему послужила бы безполезная кара? Развѣ она отвратила бы несчастіе отечества? Раздѣлъ все-таки останется раздѣломъ.

Зачѣмъ подавать поводъ чтобы Поляковъ называли варварами и смѣшивали ихъ съ ненавистною сектой якобинцевъ. Да и напрасенъ былъ бы судъ, потому что иноземная сила не допустила бы исполнить приговоръ. „Соединимся лучше вокругъ печальныхъ остатковъ нашего отечества; поищемъ средствъ спасти ихъ и обезпечить имъ благосостояніе, если еще возможно на него надѣяться.“

Но и это трогательное увѣщаніе оказалось также безуспѣшнымъ какъ и первое. Снова поднялся шумъ; бо́льшая часть пословъ сходитъ со своихъ мѣстъ, и великій маршалъ тщетно усиливается возстановить какой-нибудь порядокъ. Члены оппозиціи хватаются за примѣръ приведенный Коссаковскимъ; нѣкоторые изъ нихъ берутъ за руку сеймоваго маршала и хотятъ вести его въ посольскую избу чтобы тамъ назначить судъ Подгорскому. Маршалъ отказывается идти. Министры и сенаторы окружили короля, и онъ совѣтуется съ ними о средствахъ успокоить волненіе. Вслѣдствіе этого совѣта король подзываетъ къ себѣ Подгорскаго и говоритъ ему чтобъ онъ хотя на минуту удалился съ глазъ своихъ раздраженныхъ товарищей. Подгорскій уходитъ. * Тогда послы возвращаются на свои мѣста. Гославскій требуетъ чтобъ измѣнникъ особымъ декретомъ навсегда былъ исключенъ изъ сеймовыхъ засѣданій и чтобы проектъ его никогда не былъ читанъ въ палатѣ. Маршалъ, помня данное ему отъ Сиверса порученіе, приказываетъ секретарю читать проектъ Подгорскаго. Секретарь хочетъ начать чтеніе, но горячіе оппоненты снова вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и отталкиваютъ секретаря назадъ. Маршалъ выводитъ его самъ, ихъ отталкиваютъ обоихъ. Палата снова впадаетъ въ шумное замѣшательство.

Тогда встаетъ епископъ Скаржевскій и произноситъ рѣчь. Онъ развиваетъ ту же мысль которая была высказана королемъ: трактатъ требуется необходимостью, которую устранить никто не въ состояніи, потому что относительно ея согласились двѣ державы. Прерваніемъ переговоровъ нельзя возвратить ни одной пяди земли; а переговорами, напротивъ, можно помочь и братьямъ-Полякамъ переходящимъ подъ чужое

* Онъ укрылся въ каморку гдѣ обыкновенно прятала посуду прислуга, которая держала буфетъ въ корридорѣ предъ сеймовой залой. Тутъ онъ оставался часа два, подвергаясь насмѣшкамъ и бранн со стороны прислуги (*Diariusz*).

владычество, и самимъ можно добиться лучшихъ условій. Во-первыхъ, надобно требовать русской гарантіи въ торговомъ трактатѣ и въ сепаратныхъ пунктахъ, и гарантія эта должна быть принята Берлинскимъ дворомъ прежде ратификаціи трактата. Во-вторыхъ, если городъ Ченстоховъ отойдетъ, то чудотворный образъ Богородицы и всѣ сокровища его пусть будутъ перенесены въ Краковъ. Въ-третьихъ, пусть въ случаѣ прекращенія Бранденбургской династіи прекратятся и права Пруссіи на польскія провинціи. Наконецъ, — утѣшалъ епископъ,—трактатъ заключенный между сильнымъ и слабымъ существуетъ только до тѣхъ поръ пока этотъ слабый не сдѣлается сильнымъ и не получитъ возможности потребовать справедливаго вознагражденія.

Голосъ Холмскаго епископа ободрилъ группу прусскихъ партизановъ: Міончинскій, Залѣскій, Виламовскій, Влодекъ, Рокасовскій и Іозефовичъ настаиваютъ на чтеніи проекта Подгорскаго. Но имъ горячо возражаетъ Краснодембскій. Онъ объявляетъ что если не боялся Сибири, когда противился договору съ Россіей, то не болѣе боится Шпандау. Онъ совѣтуетъ отправить посольство въ Петербургъ съ просьбой о помощи, а если Петербургскій дворъ не хочетъ помогать Полякамъ противъ Пруссіи, то пусть дозволитъ имъ прогнать Пруссаковъ собственными силами. Для этого пусть гетманъ и регименторій дадутъ приказъ всѣмъ полкамъ выступить противъ „страшнаго Мёллендорфа“, и пусть созовутъ посполитое рушеніе.

Но большинство собранія было далеко отъ того чтобы слѣдовать подобнымъ совѣтамъ. Секретарь, по приказанію маршала, снова пытается начать чтеніе проекта Подгорскаго и снова голосъ его заглушается криками оппозиціи. Міончинскій со своими единомышленниками требуетъ отъ сеймоваго маршала возвращенія къ порядку, но тотъ молчитъ и только пожимаетъ плечами. А Шидловскій ни за что не хочетъ уйти отъ жезла и воротиться на свое мѣсто, пока измѣнникъ не будетъ преданъ суду. Великій маршалъ литовскій, на обязанности котораго собственно лежали порядокъ и тишина сеймованія, думаетъ дать другой оборотъ дѣлу. Онъ замѣчаетъ что споръ идетъ о проектѣ который никѣмъ не подписанъ и авторъ коего не находится налицо, поэтому совѣтуетъ оставить его въ сторонѣ и просто рѣшить вопросъ: дозволить заключеніе трактата съ прусскимъ королемъ или нѣтъ? Такой

совѣтъ подалъ поводъ еще къ большему смятенію. Карскій подходитъ къ сеймовому секретарю, вырываетъ у него проектъ и удаляется съ нимъ въ глубину залы. На протестацію маршала онъ отвѣчаетъ что это не проектъ, а просто бумага безъ всякой подписи. Маршалъ обращается къ посредничеству короля, и тотъ строгимъ тономъ выговариваетъ Карскому за его поступокъ, который можетъ послужить дурнымъ примѣромъ и для будущихъ сеймовъ. Вслѣдъ за королемъ почти все собраніе настаиваетъ на возвращеніи проекта. Карскій наконецъ уступилъ, подошелъ и съ презрѣніемъ бросилъ проектъ на маршальскій столъ.

Секретарь опять дѣлаетъ попытку чтенія и опять безъ успѣха. Послы снова оставляютъ свои мѣста и толпятся на срединѣ залы; патріоты уже готовы были вступить чуть не въ рукопашную схватку со своими противниками. Маршалъ бросается между ними со своимъ жезломъ и усиливается воротить пословъ на ихъ мѣста. Министры и сенаторы опять становятся полукругомъ около трона. Между тѣмъ, пользуясь безпорядкомъ, изгнанные изъ залы арбитры проникаютъ въ нее снова, смѣшиваются съ послами и усиливаютъ сторону безпокойныхъ патріотовъ.

Не видя другаго способа возстановить порядокъ, король приказываетъ позвать Подгорскаго и приглашаетъ его подписать проектъ. При видѣ его, снова поднимаются крики и ругательства. Подгорскій нѣсколько времени колеблется и не знаетъ на что рѣшиться. Наконецъ онъ изъявляетъ готовность подписать. Тогда враги его спрятали со стола чернильницу. Но король подаетъ ему собственный карандашъ, и онъ идетъ къ столу. Его толкаютъ, стараются помѣшать, однако онъ подписываетъ и спѣшитъ протѣсниться назадъ изъ толпы. Тутъ враги его уже дали волю своимъ рукамъ, и несчастный Подгорскій завопилъ къ великому маршалу литовскому чтобъ онъ исполнилъ свою обязанность и удалилъ бы изъ избы людей къ ней не принадлежащихъ. Тышкевичъ сильно оскорбляется тѣмъ что даже и Подгорскій дѣлаетъ ему выговоръ; онъ хочетъ отказаться отъ столь тягостнаго для немаршальскаго жезла. Слова его вызвали еще сильнѣйшую

„Прочь съ негоднымъ измѣнникомъ!“ кричатъ патріо-

ъ снова приглашаетъ Подгорскаго удалиться изъ

онъ вышелъ, буря на минуту стихла; послы за-

Маршалъ сеймовый хочетъ воспользоваться минутою затишья и приказываетъ секретарю читать проектъ. И опять тщетно. Кимбаръ, Годачевскій, Карскій встаютъ и кричатъ что ни за что̀ не допустятъ чтенія проекта. Міончинскій, Іозефовичъ, Коссаковскій, Виламовскій и Древновскій, напротивъ, требуютъ этого чтенія. Бѣлинскій, наконецъ, думаетъ помочь дѣлу тѣмъ чтобы подвергнуть вотированію слѣдующій вопросъ: „Проектъ Подгорскаго долженъ быть прочтенъ или нѣтъ?“ Но и эта уловка осталась безъ успѣха: робкое большинство, въ виду крайняго раздраженія своихъ противниковъ и арбитровъ, не рѣшилось поддержать маршала. Мануцци, посолъ инфлянтскій, отозвался что законъ не дозволяетъ приступать къ вотированію послѣ восьми часовъ, а теперь былъ уже десятый часъ. Маршалъ опять нѣсколько разъ пытается начать чтеніе проекта, но постоянно безуспѣшно. Неприличныя сцены длятся еще до полуночи. Наконецъ король приказываетъ закрыть это достопамятное засѣданіе.

Такая упорная оппозиція и неуваженіе къ авторитету русскаго посланника, заставили наконецъ Сиверса подумать о крайнихъ мѣрахъ. Но эти мѣры не согласовались ни съ его инструкціями, ни съ его собственнымъ взглядомъ на предметъ. Онъ рѣшилъ еще разъ ограничиться однимъ внушеніемъ.

На слѣдующій день, 19го (30го) августа, Яковъ Евпмовичъ написалъ Тышкевичу что если арбитры снова проберутся въ залу засѣданія, то въ его нмѣнія будетъ посланъ батальонъ солдатъ на экзекуцію. А сейму онъ послалъ третью ноту, въ которой повторилъ прежнія увѣщанія и указалъ на опасность грозящую двумъ дучшимъ воеводствамъ Рѣчи Посполитой, если въ тотъ же день депутація не будетъ уполномочена подписать договоръ. Къ этой нотѣ онъ приложилъ составленный имъ проектъ полномочія, который былъ уже внесенъ Подгорскимъ. Съ трудомъ Бѣлинскій добился чтобъ оппозиція допустила чтеніе ноты. А когда секретарь хотѣлъ перейти къ чтенію проекта, снова произошли тѣ же сцены какъ накануѣ. Съ одной стороны Міончинскій, Залѣскій, Древновскій и другіе сторонники Пруссіи требуютъ чтенія, съ другой оппозиціонная партія рѣшительно противится. Въ жару спора почти всѣ послы опять покинули свои мѣста и столпились въ серединѣ залы. Тышкевичъ, пытавшійся призвать собраніе къ

порядку, получилъ на свою долю нѣсколько толчковъ; Бѣлинскаго бранили въ глаза, а секретаря грозили просто убить. Но кому-то пришла въ голову счастливая мысль: пусть палата дозволитъ чтеніе проекта не какъ самостоятельнаго документа, а только какъ приложеніе къ нотѣ русскаго посланника. Большинство поддержало эту мысль, и столь долго оспариваемый проектъ былъ наконецъ прочтенъ, но посреди волненія и шума, такъ что едва ли кто слышалъ то что̀ читали. Снова посыпались со всѣхъ сторонъ требованія голоса, а голосъ былъ уже обѣщанъ сеймовымъ маршаломъ Скаржинскому. Но король, видя крайне возбужденное состояніе палаты и опасаясь возобновленія неприличныхъ сценъ, объявилъ что о такомъ важномъ предметѣ надобно подумать, и распустилъ собраніе. *

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

---

* Рукописныя записки одного изъ арбитровъ (Людвика Гинета) прибавляютъ что оппозиція кричала вслѣдъ уходившему королю. „Вотъ другой измѣнникъ; это отецъ Подгорскаго!“ Король, повидимому, не слыхалъ этихъ возгласовъ, а можетъ-быть дѣлалъ видъ что не слышитъ.

ТЮРЬМА И ВѢНЕЦЪ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Н. Х. ЗЕДЛИЦА.

ПЕРЕВОДЪ Ѳ. Б. МИЛЛЕРА.

Дѣйствующія лица.

ТОРКВАТО ТАССЪ.
КАРДИНАЛЪ АЛЬДОБРАНДИНИ.
МОНТЕКАТИНО, придворный герцога Феррарскаго.
Кастелланъ больницы Санкта-Анна.
Маска.
Дворянинъ.
Пажъ.
СКІАРА, атаманъ бандитовъ.
1й, 2й } бандиты.
Гражданинъ сорренткіи.
Крестьянинъ.
ЛУКРЕЦІЯ УРБИНО. } Сестры герцога Феррарскаго.
ЭЛЕОНОРА ЭСТЕ. }
АНДЖІОЛЕТТА, племянница кастелланя.
КОРНЕЛІЯ, сестра Тасса.
Два пастуха.
Свита герцога.
Маски, дамы, кавалеры, пажи, крестьяне, пастухи, музыканты, стража.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дворецъ герцога въ Феррарѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛУКРЕЦІЯ. ЭЛЕОНОРА.

ЭЛЕОНОРА.

Благодаренье Богу! Ты со мной!
Вотъ, наконецъ, при мнѣ есть существо
Которому вполнѣ я довѣряю.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ахъ, тяжела и мнѣ была разлука!

ЭЛЕОНОРА.

Какъ страшный ядъ который разрушаетъ
Сосудъ его хранящій, такъ въ груди
Моей хранилась тайна роковая.
Ахъ, сладко мнѣ теперь ее открыть
Моей сестрѣ и другу: я люблю,
Люблю еще несчастнаго Торквато!
Моя любовь была ему проклятьемъ....
Лишь я одна виной что онъ семь лѣтъ
Закабаленъ въ больницѣ Санкта-Анна;
Лишь я виной что эта драгоцѣнность
Италіи, предметъ восторговъ свѣта
И геній нашихъ дней и всѣхъ вѣковъ,
Въ дому умалишенныхъ изнываетъ!
Лишь я виной что въ обществѣ безумныхъ,
Терзаемый подъ лыткой безпрерывной,
Безъ утѣшенья, безъ участья, сталъ
Мрачиться духъ поэта благородный,
Что, возмущенный злобой палачей,
Съ отчаянья впадаетъ онъ въ безумье!

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты въ томъ виной? Возможно ль? Какъ же это?

ЭЛЕОНОРА.

Я, я одна! За то что я его
Люблю; за то что онъ меня любилъ,
Онъ заключенъ въ гробу своей темницы.

ЛУКРЕЦІЯ.

Я слышала что будто онъ наказанъ
За дерзкія слова, что онъ подверженъ
Припадкамъ сумашествія порой.

ЭЛЕОНОРА.

Все это лишь предлогъ чтобъ оправдать
Насиліе! И еслибъ точно онъ
Честь герцога затронулъ оскорбленьемъ,
Такъ изъ того ль бросать алмазъ корону?
Торквато—нашъ алмазъ, онъ честь Феррары;
Свѣтъ назоветъ его монарха имя,
Когда лишь имя Тасса назоветъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Да, это правда, и куда лишь можетъ
Проникнуть гласъ молвы, изъ вѣка въ вѣкъ
Альфонса имя понесетъ пятно,
Когда потомству передастъ сказанье
Какъ уважали при дворѣ Феррары
Того кому подобнаго здѣсь нѣтъ.

ЭЛЕОНОРА.

Не для лѣченья отъ болѣзни мнимой
Онъ заключенъ, но только для того
Чтобы привить болѣзнь ему иную,
И это имъ удастся безъ труда
Съ такой душою пылкой и тревожной.
Сомнѣнья нѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ братъ Альфонсъ
Узналъ зачѣмъ я уклоняюсь брака
Который былъ его мечтой любимой,
Въ немъ ненависть кровавая возникла
Противъ того который взоръ любви
Осмѣлился поднять къ его сестрѣ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Все это такъ. Въ Италіи не разъ
Просили за него. Всѣ государи,

И императоръ, и святой отецъ
Ходатайство за Тасса заявляли
Предъ герцогомъ; чего жь они достигли?
Онъ и для нихъ остался непреклоненъ.

ЭЛЕОНОРА.

Теперь, сестра, попробуемъ опять.
День радости встрѣчаетъ дворъ феррарскій:
Давнишнее горячее желанье
Исполнилось, и радуясь успѣху,
Добрѣе сталъ и кротче братъ Альфонсъ.
Здѣсь во дворцѣ теперь соединилось
Все чѣмъ родство и дружба на него
Подѣйствовать могли бы: испытаемъ
Съ тобой еще въ чемъ можемъ мы успѣть.
Я крѣпко на твою надѣюсь помощь,
А помощи ищу я для Торквато.

ЛУКРЕЦІЯ.

Меня къ тому упрашивать не нужно.
Хотя ему я не кажусь святыней
И существомъ возвышеннымъ какъ ты,
Но мнѣ пріятно то припомнить время,
Когда въ Кастель Дуранте воспѣвалъ
Онъ бѣлизну моихъ прекрасныхъ рукъ.

ЭЛЕОНОРА.

О, не шути, не огорчай меня!
Я ужь давно отвыкла отъ веселья.
Я отреклась отъ счастья и любви
И поклялась безбрачною остаться.
Моя душа давно чужда надеждъ
И сладостныхъ мечтаній не лелѣетъ.
Тотъ Тассъ который мною былъ любимъ
Ужь для меня не существуетъ болѣ:
Я на себя смотрю какъ на вдовицу!
Ахъ! нѣтъ того кто былъ мнѣ божествомъ!
Чего же мнѣ желать? о чемъ мечтать?
Я бѣдному, больному существу,
Гнетомому безумьемъ и темницей,
Которому осталась лишь могила,
Хочу свободу возвратить, хочу

Извлечь его изъ той ужасной ночи
Въ которой онъ провелъ семь тяжкихъ лѣтъ;
Чтобъ онъ опять увидѣлъ Божій свѣтъ,
Чтобы ему передъ его кончиной
Еще хоть разъ могъ улыбнуться міръ,
Чтобъ онъ хоть разъ полюбоваться могъ
На солнца блескъ, на шумъ вѣтвей зеленыхъ,
Чтобъ посмотрѣлъ онъ на цвѣты полей,
Чтобъ встрѣтилъ взоры любящихъ людей,
И на груди сестры своей любимой
Нашелъ привѣтъ въ тоскѣ неутолимой.

ЛУКРЕЦІЯ.

Я не хочу оправдывать Альфонса;
Но недостатка не было и въ томъ
Что и ему нашептывали злое
Чтобъ устранить его отъ кроткихъ мѣръ.

ЭЛЕОНОРА.

Да, милость брата къ Тассу и моя
Ему враговъ доставили у трона;
Здѣсь было все: и злобы тайной ковы,
И зависти коварной клевета,
И оскорбленье гордости надутой,
Которая не можетъ перенесть
Чтобъ надъ ея ничтожностью презрѣнной
Достоинство прямое вознеслось.

ЛУКРЕЦІЯ.

Попробуемъ что можно будетъ сдѣлать.
Любезенъ брату герцогъ Мантуанскій,
Съ нимъ друженъ и Урбино, мой супругъ,
Графиню Санвитале Скандіано
Высоко цѣнитъ онъ, — они всѣ тутъ
И намъ помочь охотно согласятся.

ЭЛЕОНОРА.

Есть у меня еще одно желанье:
Мнѣ хочется Торквато увидать.

ЛУКРЕЦІЯ.

Какъ? увидать его?

ЭЛЕОНОРА.

Еще хоть разъ!
Хоть разъ, пока судьба его рѣшится.

Хочу сама я видѣть какъ разбить
Такой божественно-прекрасный образъ,
Свое чело державшій такъ высоко;
Какъ онъ теперь, отчаяньемъ убитый,
Поникъ во прахъ вѣнчанной головой!
Да, видѣть я хочу какъ эти очи,
Въ которыхъ честь, любовь и вдохновенье,
Свѣтясь, лучами озаряли міръ,
Теперь совсѣмъ угасли, и глядятъ
Остановясь, и только лишь порою
Сверкнутъ огнемъ какъ молнія въ ночи.
Да, я хочу съ нимъ видѣться — и только.
Не говорить и даже для него
Незримой быть. Теперь иль никогда!
И дворъ, и городъ занятъ торжествомъ,
И никому до узника нѣтъ дѣла.
Воспользуюсь удобною минутой,
Чтобы теперь, послѣдній въ жизни разъ,
Лишь на мгновенье увидать того
Въ несчастіи кого я знала въ счастьѣ.

(Звонитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе и ПАЖЪ.

ЭЛЕОНОРА.

Ждетъ кастелланъ въ пріемной?

ПАЖЪ.

Ждетъ, принцесса!

ЭЛЕОНОРА.

Введи его сюда.

ЛУКРЕЦІЯ.

Боюсь, сестра....

ЭЛЕОНОРА.

Что бъ ни было, на все рѣшилась я.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и КАСТЕЛЛАНЪ.

ЭЛЕОНОРА.

Обдумали ль мое вы предложенье,
И можно ли исполнить вамъ его?

КАСТЕЛЛАНЪ.

Надѣюсь, герцогиня. Подлѣ комнатъ
Безумнаго проходитъ галлерея.
Съ которой я во всякую минуту
Могу его секретно наблюдать:
Такой надзоръ надъ нимъ необходимъ.
Такъ если будетъ вамъ угодно, я
Введу васъ тайно въ эту галлерею;
Тамъ изъ окна удобно будетъ вамъ
Взглянуть къ нему, оставшись незамѣтной.

ЭЛЕОНОРА.

Ну, хорошо; такъ ждите же меня.

(Кастелланъ уходитъ.)

Что за свиданье предстоитъ мнѣ, Боже!
Какъ все не такъ сложилось какъ мечтала
Когда-то я въ счастливыя мгновенья!
Былъ сладокъ сонъ, но горько пробужденье!

(Обѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Домъ умалишенныхъ Санкта-Анна. Комната Тасса, со сводами и двумя дверьми по сторонамъ. Вверху, въ углубленіи, видна готическая стеклянная дверь ведущая на галлерею.

ТАССЪ и АНДЖЮЛЕТТА, сидящая за рукодѣльемъ, которое по временамъ она откладываетъ въ сторону чтобы наблюдать за Тассомъ.

АНДЖЮЛЕТТА.

Сегодня ясный, теплый день весны:
Щебечутъ птички, разцвѣли цвѣты,
И къ намъ въ окно несутся ароматы.

ТАССЪ.

Что говоришь мнѣ о веснѣ, о птичкахъ!
Нѣтъ для меня весны, какъ и зимы;
Остановилось время надо мною,
За годомъ годъ летитъ, но неподвижно
Стоитъ стрѣла на каменныхъ часахъ
Моей печальной жизни!
Я позабылъ и ароматъ весны,
И осени роскошной красоту;

Я, на скамьѣ мученій распростертый,
Здѣсь, какъ титанъ закованный, томлюсь
И на себѣ несу страданій міръ.

АНДЖІОЛЕТТА.

О, будьте же спокойнѣе и тверже!
Вы знаете какъ вамъ вредитъ волненье.

ТАССЪ.

О, еслибы вредить оно могло!
Но нѣтъ! Изъ стали трижды закаленной
Отлитъ мой остовъ, какъ ни слабъ на видъ;
Удары молота стучатъ въ мой черепъ,
Но раздробить не могутъ.... вотъ что грустно!

АНДЖІОЛЕТТА.

Вотъ дядюшка.

(Входитъ кастелланъ.)

ТАССЪ.

Что новаго, мой другъ?

КАСТЕЛЛАНЪ.

Синьйоръ Монтекатино видѣть васъ
Желаетъ: герцогъ къ вамъ его прислалъ.

ТАССЪ.

Монтекатино? Нѣтъ.... я не хочу....
Не нужно мнѣ его.... не нужно!

КАСТЕЛЛАНЪ.

Но
Онъ присланъ къ вамъ отъ герцога, по дѣлу;
Вамъ отослать назадъ его нельзя;
Да онъ и самъ едва ли удалится,
Васъ не видавъ. Онъ противъ вашей воли
Увидитъ васъ.

ТАССЪ.

О, Боже милосердый!
Ужели мало имъ того что я
Здѣсь заключенъ и видѣть тѣхъ не смѣю
Кто мной любимъ, а долженъ видѣть тѣхъ
Кого я ненавижу? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Я не хочу! Пусть къ чорту онъ идетъ!

КАСТЕЛЛАНЪ.

Мой добрый господинъ! Зачѣмъ хотите
Вы утруждать обязанность мою?

ТАССЪ.

Отъявленный мерзавецъ, какъ собака
Готовъ во прахѣ пресмыкаться онъ,
Когда вдали почуетъ господина,
И вдругъ дыбится точно гордый конь,
И фыркаетъ, и ноздри раздуваетъ,
Какъ будто бы ему противенъ воздухъ
Которымъ долженъ съ низшимъ онъ дышать!

КАСТЕЛЛАНЪ.

Къ вамъ это вѣдь не можетъ относиться:
Вы дворянинъ такой же какъ и онъ,
Равны ему....

ТАССЪ.

Вы говорите вздоръ!
Я жилы бы себѣ открылъ не медля,
Когда бъ во мнѣ была хоть капля крови
Такой какъ у него! Я равенъ съ нимъ!
Нѣтъ! слава Богу, я ему не равенъ!

КАСТЕЛЛАНЪ.

Не то хотѣлъ сказать я; по породѣ
Вы равны съ нимъ....

ТАССЪ.

Поймите же меня!
Вѣдь я не гордъ. И чѣмъ же мнѣ гордиться?
Мнѣ никакой причины нѣтъ къ тому.
Я знаю самъ себя, и видитъ Богъ,
Я сознаю всѣ слабости мои.
Во мнѣ ихъ больше чѣмъ могу я въ жизнь
Ихъ перечесть. На рядъ моихъ страданій
Въ теченіе семи ужасныхъ лѣтъ
Смотрю я какъ на праведную кару:
Мнѣ Богъ ее послалъ, и я несу.
Но палачи не судьи же мои,
Не предъ людьми я былъ виновенъ въ жизни.
И потому не имъ меня судить.
И еслибъ я былъ черенъ какъ смола, —
Я передъ ними бѣлъ еще какъ снѣгъ.

КАСТЕЛЛАНЪ.

Могу ль ввести я посланнаго?

ТАССЪ.

Какъ?
Наушника, предателя, который
Былъ злобнѣйшимъ врагомъ моимъ всегда?
Пусть былъ бы онъ врагомъ, врагомъ открытымъ,
Грудь противъ груди, мечъ противъ меча,
И еслибъ онъ пронзилъ меня желѣзомъ,
Ему бъ я руку протянулъ съ прощеньемъ.
Но если вспомню какъ старался онъ
Безчестьемъ имя запятнать мое,
Насмѣшкою, коварствомъ, клеветою....
Нѣтъ, къ чорту! Нѣтъ, не нужно мнѣ его.
Хотя бъ всѣ герцоги его прислали!

АНДЖІОЛЕТТА.

Торквато!

ТАССЪ.

Ну?

АНДЖІОЛЕТТА.

О, будьте же спокойнѣй!
Припомните что̀ мнѣ вы обѣщали.

ТАССЪ.

Ты доброе дитя! Ну, не сердись!
Вѣдь это боль моей старинной раны.
Ты права, я не стану волноваться.
Хоть потому что обѣщалъ тебѣ.
Ну, хорошо, введите.... негодяя!

(*Кастелланъ удаляется.*)

АНДЖІОЛЕТТА *(приближаясь къ Тассу).*

О, выслушайте, Тассъ, его съ терпѣньемъ!
Пусть онъ противенъ вамъ, но онъ явился
Отъ герцога, такъ будьте съ нимъ добрѣе.

ТАССЪ.

О, милый мой цвѣтокъ! Тебя Всевышній
Послалъ въ мою печальную темницу!
Когда тебя я вижу, мнѣ сдается
Что я вдыхаю свѣжій горный воздухъ
И вижу вновь лѣса, ручьи, поляны
И солнца свѣтъ, и нѣжный голосъ твой,
Какъ пѣнье птички весенею порой
Изъ-подъ роскошнаго деревьевъ свода,
Летитъ ко мнѣ, и въ немъ звучитъ свобода!

ЯВЛЕНІЕ V

ТѢ ЖЕ, МОНТЕКАТИНО, КАСТЕЛЛАНЪ.

МОНТЕКАТИНО.

Торквато! Мой привѣтъ вамъ! Какъ живете?
Вы долго ждать заставили меня.
Друзей, какъ я, впускаютъ безъ доклада.

ТАССЪ.

Простите! Вамъ извѣстно—я больной,
Какъ говорятъ,—такъ я не ожидалъ
Такого посѣщенія, тѣмъ меньше
Отъ васъ. Но къ дѣлу, если вамъ угодно.
Чему обязанъ я высокой честью
Увидѣть васъ въ стѣнахъ моей тюрьмы?

МОНТЕКАТИНО.

Тюрьмы? Вотъ видите ль—вѣдь это развѣ
Не плодъ мечты болѣзненной? Тюрьмы!
Повѣрьте, герцогъ къ вамъ расположенъ;
А такъ какъ вамъ, при вашемъ положеньи,
Уходъ надежный нуженъ и надзоръ,
То въ этотъ домъ онъ васъ и помѣстилъ,
Послѣдовавъ разумному совѣту
Васъ любящихъ друзей.

ТАССЪ.

Благодарю
Я герцога за милость!

МОНТЕКАТИНО

Вы такъ блѣдны,
Мой другъ: замѣтно что вы нездоровы.
Мнѣ говорили будто бы у васъ
Припадки.... меланхоліи бываютъ.

ТАССЪ.

Синьйоръ!...

МОНТЕКАТИНО.

Но видъ вашъ вовсе не таковъ
Какъ у страдающихъ такимъ недугомъ

ТАССЪ.

Нѣтъ, я, синьйоръ, не такъ еще безуменъ,
Какъ думаютъ, чтобъ отличить не могъ
Того кто честенъ отъ того.... Но къ дѣлу!

МОНТЕКАТИНО.

Ну, вотъ, и я такого же былъ мнѣнья,
Когда шла рѣчь у герцога о васъ:
Вѣдь это лишь тѣлесное страданье—
Простой избытокъ желчи, отъ которой
На васъ находитъ нѣчто въ родѣ бреда.

ТАССЪ (*про себя*).

О Боже! ниспошли Ты мнѣ терпѣнье!

МОНТЕКАТИНО.

Въ своей судьбѣ вы сами виноваты.
Сказать по правдѣ, вы не безъ таланта,
Который мы и цѣнимъ по заслугамъ;
Но, извините, слишкомъ высоко
Въ мечтахъ своихъ взлетѣвъ, вы предались
Надеждамъ, если не преступнымъ, то
До крайности нелѣпымъ.

ТАССЪ (*вздохнувъ*).

Это правда!

МОНТЕКАТИНО.

Поэты всѣ—народъ прещекотливый.
Все раздражаетъ васъ. Сознайтесь сами,
Что Круски * судъ о вашемъ сочиненьи
Навѣрное васъ очень оскорбилъ.

ТАССЪ.

О, нѣтъ, синьйоръ! Когда мой трудъ хорошъ,
То онъ отъ критики не станетъ хуже.
Мой голосъ внутренній велитъ мнѣ духу,
Которымъ я исполненъ, довѣрять.
Не разъ я трогалъ нѣжныя сердца,
Не разъ видалъ я слезы умиленья;
Я увлекалъ отъ низменной земли
Ихъ души въ высь и слышалъ благодарность
И отъ мужей достойныхъ, и отъ женъ,—
Такъ мнѣ ль сужденьемъ Круски оскорбляться!

МОНТЕКАТИНО.

Ха-ха! Ну что же, съ Богомъ, другъ мой!

---

* Академія della Crusca, принявшая въ послѣдствіи Тасса въ число своихъ членовъ. *Пер.*

ТАССЪ.

(Смѣйтесь!

Мой даръ—блаженство данное мнѣ Богомъ.
И я ни съ кѣмъ не помѣнялось имъ.
Ни зависть, ни коварство, ни гоненье,
Ни самая тюрьма не въ силахъ были
Его отнять. Онъ здѣсь, въ моей груди,
И сохранится въ ней до лучшихъ дней.
Не унижалъ высокаго я дара,
Хвалой толпы не льстился никогда,
Я воспѣвалъ лишь то что̀ благородно.
Что̀ жъ для меня насмѣшки и гоненье!
Смѣшонъ я вамъ, такъ смѣйтесь надо мной;
Я не гонюсь за *вашимъ* блескомъ въ свѣтѣ,
Оставьте жъ мнѣ и *мой*—онъ не для васъ!

МОНТЕКАТИНО.

Ему я не завидую, Торквато:
Изъ-за него я быть здѣсь не хочу.

ТАССЪ.

Да, ваша правда. Но, Монтекатино,
Вотъ вы теперь стоите предо мной
Во всемъ сіяньѣ счастья и почета,
Поставленный высоко при дворѣ
И милостью монарха озаренный,
Межъ тѣмъ какъ я, его гонимый гнѣвомъ,
Томлюся здѣсь, оставленный, больной;
Все это такъ. Но, проникая духомъ
Въ далекіе грядущіе вѣка,
Я вижу въ нихъ безсмертіе свое:
И Тасса имя будетъ жить тогда,
Когда о васъ никто и не помянетъ!

МОНТЕКАТИНО.

Какъ же уноситъ васъ мечта!

ТАССЪ.

Пусть это такъ! Пусть при дворѣ толкуютъ
Что я бываю не въ своемъ умѣ,
Примите смыслъ рѣчей моихъ по мѣсту
Гдѣ вы ихъ слышали. Теперь скажите.
Что̀ герцогу угодно отъ меня?

МОНТЕКАТИНО.

Ему письмо недавно вы послали....

ТАССЪ.

Такъ есть отвѣтъ? О, дайте мнѣ скорѣй!

МОНТЕКАТИНО.

Не письменный, изустный.

ТАССЪ.

Какъ? Чрезъ васъ?

МОНТЕКАТИНО.

Мнѣ очень жаль; посолъ вамъ непріятенъ.
Не будетъ вамъ пріятнѣй и посланье.
Строжайше герцогъ запрещаетъ вамъ
Впредь докучать ему присылкой писемъ,
И какъ ему, такъ точно и другимъ.
Вы жалобой своей обременяли
Почти что всѣхъ окружныхъ государей.
Онъ неприличнымъ это признаетъ.

ТАССЪ.

Какъ? Неприличнымъ? то что я скорблю.
Что хлопочу я о своей свободѣ?...
Ужель о ней молить мнѣ неприлично?
Альфонсъ, Альфонсъ!

МОНТЕКАТИНО.

Когда еще хоть разъ
Вы станете просить, васъ будутъ строже
Здѣсь содержать. Мнѣ герцогъ приказалъ
Подъ свой контроль принять всѣ ваши письма
И отсылать лишь тѣ въ которыхъ нѣтъ
Подобнаго.

ТАССЪ.

О, это слишкомъ много!

МОНТЕКАТИНО.

Мнѣ порученъ особенный надзоръ
Надъ вами, добрый Тассъ, и что̀ вамъ нужно,
Скажите мнѣ, а я, сообразуясь
Съ потребностью и вашимъ положеньемъ,
Доставлю вамъ. Вотъ это новый знакъ
Участья къ вамъ Альфонса; онъ заботы
О вашемъ благѣ другу поручилъ.

ТАССЪ.

А. вотъ оно, предчувствіе мое!

МОНТЕКАТИНО.

Прощайте, другъ! Мечты свои умѣрьте,
Вы сами лучшій врачъ своей болѣзни.
Да, вотъ еще: принцесса посылаетъ
Обратно вамъ письмо, не распечатавъ.

(*Подаетъ ему письмо.*)

Вы видите что будетъ трудъ напрасный
Ее впередъ подобнымъ утруждать!

(*Уходитъ въ сопровожденіи кастеллана.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА.

ТАССЪ.

Ахъ, и она! И ты, Элеонора!
Итакъ пропало все, погасло все!
Ничто тебѣ о мнѣ ужъ не напомнитъ,
И голосъ мой до слуха не дойдетъ!
Отверженъ я! забытъ повсюду! мертвъ!...
И тѣни нѣтъ о мнѣ воспоминанья!
Иль не полна моихъ страданій чаша?
Что сдѣлалъ я, что бѣдная душа
Моя должна нести такую муку?
Ребенкомъ—былъ съ отцомъ я осужденъ,
И голова моя оцѣпена;
Сонъ юности едва лишь миновалъ,
Былъ схваченъ я рукою произвола,
И, скованный, лежалъ какъ Прометей,
И слышалъ я надъ головой моей
Крикъ коршуна и клювъ его, и когти,
Впиваясь въ грудь мою, терзали сердце!
Ужели мнѣ терпѣть все это? Нѣтъ!
Я не хочу! Довольно! Если можетъ
Чей взоръ смотрѣть на землю равнодушно,
На ужасы которые на ней
Кишатъ,—я не хочу, я это кончу!

АНДЖІОЛЕТТА.

О, Тассъ! Послушайте меня!

ТАССЪ.

Какъ воютъ
Безумные вокругъ меня! Счастливцы!
Замкнутые во мракѣ вѣчной ночи,
Не чувствуютъ, не думаютъ они!
Не для того ль горитъ въ насъ свѣтъ ума
Чтобъ видѣть мы могли свои страданья
И мѣсто пытки наблюдать?

АНДЖІОЛЕТТА.

Торквато!
Пора бы вамъ принять питье. Оно
Полезно вамъ. Примите!

ТАССЪ.

Прочь! Не надо!
Дай сѣры мнѣ, огня, смолы кипящей,
Но не питья,—я не хочу его!
Свѣтъ—дикая пустыня, человѣкъ
Въ ней хищный звѣрь, который, изловивъ
Свою добычу, рветъ ее на части!
Они за мной, какъ будто за оленемъ,
Охотились съ собаками, лока
Я кровью не истекъ изъ сотни ранъ....
Тогда они въ восторгѣ затрубили
Въ свои рога и стали вкругъ меня,
Чтобъ посмотрѣть какъ я кончаюсь!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тассъ!

ТАССЪ.

Да, это будетъ скоро!... Да и лучше!

АНДЖІОЛЕТТА.

О, Боже мой! Какія рѣчи! Тассъ!
Какъ это вы могли сказать?

ТАССЪ.

Послушай,
Дитя мое, что̀ я тебѣ открою:
Сегодня или завтра поднесутъ
Мнѣ яду въ супѣ, иль въ питьѣ, и вотъ
Рѣшенье всей загадки.

АНДЖЮЛЕТТА.

Вы жестоки!
Не *я* ли вамъ приготовляю пищу?
Могу ли *я* васъ отравить? Но полно:
Скажите мнѣ еще хоть разъ что я
Утѣха вамъ въ несчастьи, и опять
Я вамъ повѣрю....

ТАССЪ.

А не то, такъ ночью.
Проникнувъ въ этотъ домъ, они насильно
Сорвутъ меня съ постели и потащутъ
Туда, въ подвалъ, гдѣ съ факелами будутъ
Ихъ сбиры въ маскахъ ожидать меня,
Чтобъ задушить суровыми руками
Иль грудь мою кинжалами пронзить!

АНДЖЮЛЕТТА.

Вамъ дурно.... Вы шатаетесь, присядьте!

ТАССЪ *(садится на постель).*

Да, дубъ подгнилъ! Я слабъ; но не изъ страха;
Свидѣтель Богъ что я ихъ не боюсь!
Что мнѣ до нихъ! Пускай они приходятъ,
И если я предъ ними задрожу,
Ты рыцаремъ меня не называй.
Но все-таки они убійцы, вѣрь мнѣ;
Не только тѣло, душу бы мою
Они убили, еслибы могли!

(Анджіолетта беретъ цитру и начинаетъ играть.)

ТАССЪ.

А! музыка! О, пусть она играетъ,
Чтобъ подъ ея чарующіе звуки
Душа моя уснула! Спой мнѣ пѣсню!

АНДЖЮЛЕТТА *(поетъ).*

Пѣсня соловьиная
По лѣсу звучитъ;
Много она чуткому
Сердцу говоритъ.
Говоритъ про милаго
Въ дальней сторонѣ....
Ахъ, когда-то свидѣться
Съ нимъ придется мнѣ!

ТАССЪ.

Ахъ, и *она* на сторонѣ враговъ!
Вѣдь это въ мозгъ ударъ и въ сердцѣ рана!
И нѣтъ надежды мнѣ, нѣтъ исцѣленья!
А я любилъ ее—и какъ любилъ!

АНДЖІОЛЕТТА *(поетъ)*.

Сердце безпокойное!
Что же ты дрожишь?
Отчего за другомъ ты
Трепетно слѣдишь?
И любви, и счастія
Тщетно ищешь ты:
Надъ тобою тѣшатся
Лишь одни мечты!

Успулъ онъ! Такъ бываетъ съ нимъ всегда.
Когда его волненье истощаетъ.
О, бѣдный! Какъ ему здѣсь тяжело,
Межъ тѣмъ какъ я не вышла бы отсюда;
Хотя я съ нимъ въ одинѣхъ стѣнахъ живу,
Но нѣтъ во мнѣ желанья ихъ оставить.
Я за порогъ почти не выхожу,
Я не ищу ни пляски, ни забавы,
Все съ нимъ сижу, и рада что могу
Ему внимать, и лишь онъ улыбнется,
Во мнѣ восторгомъ сердце встрепенется!

(Уходитъ въ сосѣднюю комнату.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТАССЪ, ЭЛЕОНОРА и КАСТЕЛЛАНЪ *(являются въ галлереѣ)*.

КАСТЕЛЛАНЪ.

Онъ спитъ; теперь вамъ можно, герцогиня,
Его спокойно разсмотрѣть: онъ спитъ.

ЭЛЕОНОРА *(смотритъ на Тасса; краткое молчаніе)*.

О, Боже мой! Какъ измѣнился онъ!
Какой тяжелый, трогательный видъ!
Ужели это Тассъ? О, силы неба!
Кто скажетъ мнѣ: онъ это или смерть?

КАСТЕЛЛАНЪ.

Да, онъ вполнѣ достоинъ сожалѣнья,

Гораздо больше чѣмъ другіе всѣ
Которые кругомъ его сидятъ.
Они судьбы своей не понимаютъ,
Ихъ умъ затмился, лишь воображенье
Рисуетъ имъ картины. Ихъ мечты
Бываютъ часто веселѣй того
Что̀ имъ даетъ дѣйствительность. Но онъ
Вдвойнѣ страдаетъ, *чувствуя* страданье.

ЭЛЕОНОРА.

Заботьтесь же о немъ какъ только можно,
Старайтесь участь облегчить его!
Я награжу....

КАСТЕЛЛАНЪ.

О, я и безъ награды
Все это исполняю: мы его
Всѣ любимъ, а племянница моя,
Сиротка, взросшая при немъ, всегда
Бываетъ съ нимъ, бесѣдуетъ и нѣжно
Заботится о немъ. И любитъ онъ
Ее какъ дочь, и учитъ, и ласкаетъ.
Но.... онъ проснулся.....

ЭЛЕОНОРА *(про себя).*

Боже! Взглядъ одинъ!
Дрожатъ мои колѣна!

(Тассъ бросаетъ взглядъ вверхъ и вскрикиваетъ. Въ эту минуту кастелланъ затворяетъ стеклянную дверь. Анджіолетта стремительно вбѣгаетъ въ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА.

АНДЖІОЛЕТТА.

Что̀ съ вами? Боже мой!

ТАССЪ.

Она! Она сама! Нѣтъ, я не спалъ!
Я чувствую.... нѣтъ, это не мечта!
Да, то была она!

(Падаетъ на колѣни и простираетъ руки къ галлерее.)

Элеонора!

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната Тасса.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТАССЪ. КАСТЕЛЛАНЪ

ТАССЪ.

Не отрицайте! то была она!
Хотя я много вынесъ въ эти годы,
Сталъ робокъ мой и недовѣрчивъ взоръ.
А умъ порой утрачиваетъ ясность:
Но это былъ не сонъ и не игра
Фантазіи; нѣтъ, то была она!

КАСТЕЛЛАНЪ.

А еслибъ точно то была она?

ТАССЪ.

Зачѣмъ она явилась мнѣ не раньше?
Когда бъ я могъ ее увидѣть прежде,
Теперь здоровъ я былъ бы. Безъ нея,
Какъ тѣнь на брегѣ Леты, я скитался,
Ни жить не могъ, ни умереть. Теперь же
Увидясь съ ней, я укрѣпился духомъ.
Повѣрьте, другъ, что это было мнѣ
Послѣднее прощанье. О, я вѣрю
Тому что̀ мнѣ пророчитъ чуткій духъ!
Имъ смерть моя нужна: пока я живъ,
Я и въ темницѣ слишкомъ близокъ имъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. МОНТЕКАТИНО. АНДЖЮЛЕТТА.

ТАССЪ.

Какъ? ужь теперь? Ну, все равно. Я знаю,
Вы приговоръ пришли мнѣ объявить.
Что̀ жь? я готовъ темницу на могилу
Перемѣнить. Что̀ скажете еще?

МОНТЕКАТИНО.

Я не съ такимъ извѣстьемъ къ вамъ пришелъ;
Напротивъ.....

ТАССЪ.

Говорите не стѣсняясь,
Не думайте что блѣденъ я отъ страха.
На странствіяхъ своихъ, въ былые годы,
Я бархатомъ завѣшивалъ лицо:
Такъ и на казнь пойду,—я не хочу
Чтобъ видѣли они мое лицо;
А то, пожалуй, скажутъ что я блѣденъ
Лишь палачу прилично лицемѣрить;
Но для меня ничтожна смерть; я смѣло
Всегда готовъ ей въ очи заглянуть!

МОНТЕКАТИНО.

Оставьте эти мрачныя идеи!
Не нужно вашей смерти никому.
Васъ герцогъ заключилъ сюда затѣмъ
Что были вы опасны на свободѣ,
Что не умѣли съ ней вы обращаться;
Ну, словомъ, воля герцога была
Васъ видѣть здѣсь. Когда бъ онъ вашей смерти
Хотѣлъ, то васъ казнили бы давно.
Но ни о чемъ подобномъ нѣтъ и рѣчи.
Готовьтесь вѣсть пріятную услышать:
Для васъ теперь отворены всѣ двери;
Тассъ, вы свободны!

ТАССЪ.

Боже!

МОНТЕКАТИНО.

Да, свободны!

ТАССЪ.

Свободенъ!... Погодите!... Вы сказали...

МОНТЕКАТИНО.

Возьмите и читайте.

ТАССЪ.

Не могу!...
Въ глазахъ темнѣетъ!...

АНДЖІОЛЕТТА.

Отдохните, Тассъ!

ТАССЪ *(послѣ краткаго молчанія).*

О, сердце! лишь теперь не сокрушись!
Свободенъ! послѣ столькихъ лѣтъ неволи!

Ахъ, мнѣ во всемъ обширномъ царствѣ слова
Нѣтъ сладостнѣе звука! О, Всевышній!
Дай словъ мнѣ, звуковъ, музыки — такой
Чтобъ выразить восторгъ душевный мой,
Чтобъ высказать всю радость, для которой
Названья нѣтъ на языкѣ земномъ!

МОНТЕКАТИНО.

Но вы свободны только подъ условьемъ:
Вамъ герцогъ запрещаетъ пребыванье
Не только здѣсь, но и въ его владѣньяхъ,
И если вы когда-нибудь опять
Осмѣлитесь въ Феррарѣ появиться,
Васъ большее постигнетъ наказанье.
Вы изгнаны на вѣкъ! Сегодня въ ночь
Отправьтесь въ путь: вамъ долѣе нельзя
Здѣсь оставаться. Помните же это!

ТАССЪ.

О, этого довольно! Пусть, какъ нищій,
Во власяницѣ потащусь я въ путь.
Какъ кающійся грѣшникъ, на колѣняхъ
Я радъ ползти, чтобъ только здѣсь не быть!

МОНТЕКАТИНО.

Какъ вамъ угодно, только чтобъ сегодня.

ТАССЪ.

И смерть, и жизнь—ничто; свобода—все!
Освободиться изъ темницы мрачной,
Бродить въ лѣсу, въ горахъ, въ долинахъ, видѣть
И ночь, и день, и небо, и цвѣты,
Вдыхать душой алкающею воздухъ:
Вотъ это жизнь, лишь это значитъ жить!
О, еслибъ могъ парить я какъ орелъ,
И все смотрѣть, смотрѣть, смотрѣть на землю!

АНДЖІОЛЕТТА.

Теперь, Торквато, это можно вамъ.

ТАССЪ.

Не думалъ я чтобъ могъ я быть свободенъ,
Чтобъ въ состояньи былъ я пережить
Звукъ чудный словъ: „Торквато, ты свободенъ!“

И вотъ я живъ! Когда бъ я въ эти годы
Хоть разъ одинъ увидѣлъ отчій домъ,
Увидѣлъ дымъ Везувія далекій,
Клубящійся въ эѳирѣ голубомъ,
Я думаю, я умеръ бы отъ счастья!
Теперь увижу все: и край родной,
И прикоснусь свободной головой
Къ родной землѣ; сестру свою увижу,
Мнѣ дорогую, добрую сестру!

КАСТЕЛЛАНЪ.

И радость васъ волнуетъ такъ какъ горе.

ТАССЪ.

Монтекатино! Герцогу скажите
Признательность душевную мою!
Скажите что я все, все позабылъ,
И помню лишь его благодѣянье.
Принцессѣ передайте что.... Но чьею просьбой
Былъ тронутъ онъ, когда до этихъ поръ
Никто не могъ къ тому его склонить?
Кому, кому обязанъ я свободой?
Ахъ, не хочу я быть неблагодарнымъ
Ни передъ Богомъ, ни передъ людьми,
Ни даже передъ самыми врагами!

МОНТЕКАТИНО.

За васъ просили многіе; но этимъ
Вамъ услужилъ, какъ думается мнѣ,
Великодушный герцогъ мантуанскій,—
Онъ былъ за васъ порукою.

ТАССЪ.

О Боже!
Благослови его!

МОНТЕКАТИНО.

Теперь прощайте!
Мы не увидимъ больше васъ, а развѣ
Услышимъ и — хорошее, надѣюсь.
Желаю вамъ воспользоваться лучше
И милостью Альфонса, и свободой,
Чтобъ онъ не пожалѣлъ что вамъ ее
Онъ возвратилъ. Желаю вамъ всѣхъ благъ!

ТАССЪ.

Отъ всей души того же вамъ желаю!

(Монтекатино уходитъ въ сопровожденіи кастеллана.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА.

ТАССЪ.

Я такъ доволенъ что вся желчь исчезла
Изъ радостнаго сердца, и меня
Его слова теперь не оскорбляютъ.
Въ послѣдній разъ гляжу на васъ я, стѣны,
Семь долгихъ лѣтъ скрывавшія меня,
Свидѣтели тоски моей и горя!
Сегодня васъ оставлю навсегда!
Но—чудная загадка наше сердце:
Мнѣ ихъ теперь какъ будто стало жаль!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тассъ! вы ужь къ намъ не возвратитесь болѣ,
И никогда я не увижу васъ!

ТАССЪ.

Да, и съ тобой я долженъ разлучиться,
Мое дитя! вотъ капля горькой влаги
Въ напиткѣ такъ меня очаровавшемъ!
Ты дорога для сердца моего,
Дороже чѣмъ ты думаешь, дороже
Чѣмъ я могу сказать; быть-можетъ, я
Тебѣ одной обязанъ тѣмъ что живъ!

АНДЖІОЛЕТТА.

Разстаться!... ахъ, я не снесу разлуки!

ТАССЪ.

Тебя качалъ я на моихъ колѣняхъ,
Малюткой ты играла здѣсь со мной;
Ты близъ меня взросла и стала дѣвой,
Какъ будто вдругъ теперь я это вижу...
Да, тысячью любезныхъ сердцу нитей
Былъ я къ тебѣ привязанъ: ты была
Здѣсь для меня отрадой и утѣхой;

И голосомъ, и цитрою своей,
Какъ арфою Давида, ты вливала
Покой и миръ въ страдающую грудь!
Пошли тебѣ Господь благословенье!

АНДЖІОЛЕТТА.

Торквато! вы меня съ собой возьмите....
Я не оставлю васъ!...

ТАССЪ.

Что ты сказала?

АНДЖІОЛЕТТА.

Возьмите, Тассъ, меня съ собою! Я
Васъ не могу оставить, не хочу!
Остаться здѣсь одной, не видѣть васъ,
Не слышать васъ.... о, никогда!... Возьмите
Меня съ собой! Я буду васъ повсюду
Сопровождать, ухаживать за вами,
Какъ это было здѣсь.

ТАССЪ.

О, что за мысли!

АНДЖІОЛЕТТА.

Вѣдь вы больны; уходъ за вами нуженъ;
Вы очень, очень слабы; вы слабѣе,
Чѣмъ думаете сами—и оставить
Мнѣ васъ однимъ, покинутымъ на свѣтѣ!

ТАССЪ.

Вотъ то-то же! Вѣдь я подгнившій дубъ:
Не сломитъ буря,—рухнетъ самъ собою;
Такъ неужель въ сухихъ его вѣтвяхъ
Свивать себѣ гнѣздо моей голубкѣ?
Нѣтъ, нѣтъ, Анджіолетта! Ты дитя,
Ты при началѣ дней, я при концѣ.
И мнѣ ль отторгнуть розу молодую
Отъ почвы гдѣ цвѣтетъ она такъ пышно,
Чтобъ положить ее на крышу гроба?

АНДЖІОЛЕТТА.

Да, я была дитя, но не теперь!
Я и сама не знаю что со мною
Свершилось вдругъ, но я теперь не та.
Лишь нынче я свои узнала чувства.
Мнѣ мѣсто тамъ гдѣ вы; вы для меня

И свѣтъ, и воздухъ: я могу цвѣсти
Лишь подлѣ васъ; безъ васъ должна увянуть.
Безъ васъ, Торквато, жить я не могу!
Не будьте жъ такъ жестоки, не отбросьте
Вамъ преданнаго, любящаго сердца!

ТАССЪ.

Анджіолетта!

АНДЖІОЛЕТТА.

Да, я васъ люблю!
И этого доныѣ я не знала:
Моя любовь со мною возросла,
Какъ часть меня самой, она была
Мнѣ воздухомъ которымъ я дышала.

ТАССЪ.

О, замолчи! Да сохранитъ меня
Господь, чтобъ я къ судьбѣ своей печальной
Привилъ судьбу твоей цвѣтущей жизни!
Пусть юность ищетъ юность и веселье:
Весиѣ—цвѣты, счастливцу—радость счастья!
Все это не живетъ въ моей груди.
Нѣтъ у меня вѣнковъ для украшенья
Твоихъ кудрей, ни вѣтки нѣтъ зеленой.
Передъ тобой вся будущность твоя;
Но для меня ужъ нѣтъ очарованья:
Въ дали глухой угасли счастья дни,
Угасли звѣзды—свѣточи мои,
Оставивъ мнѣ одно воспоминанье.
Да сохранитъ Господь тебя узнать
Что̀ суждено мнѣ было испытать!

(Онъ цѣлуетъ ее въ голову и уходитъ.)

АНДЖІОЛЕТТА *(одна)*.

Уходитъ онъ, уходитъ! Что̀ со мною?
Духъ замираетъ, непонятный страхъ
Сжимаетъ грудь мнѣ холодомъ могилы,
И приливаетъ къ сердцу кровь! О, Боже!
Была ли я когда-либо такою?
Ужель меня покинетъ ангелъ мой?
Покинетъ навсегда и безъ возврата?
Нѣтъ! никогда! Съ нимъ жизнь моя слилась,
И мнѣ нельзя, нельзя его оставить!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Площадь предъ дворцомъ герцога, въ Феррарѣ. Дворецъ ярко освѣщенъ, въ него входятъ и выходятъ маски.

ТАССЪ.

Нѣтъ силъ уйти отсюда! въ этомъ домѣ
Заключено что̀ радостью мнѣ было,
Что̀ горечью наполнило мнѣ жизнь.
Еще хоть разъ хочу взглянуть на это.
Я здѣсь стою какъ горестный изгнанникъ
Изъ рая пылкой юности моей;
Но не могу сознаться въ преступленьи,
Иль преступленьемъ назову любовь.
Я здѣсь брожу какъ отлетѣвшій духъ,
Котораго влечетъ сюда желанье
Взглянуть на то что̀ въ жизни онъ любилъ....
Какъ тамъ свѣтло! Тамъ шумное веселье
Справляетъ пиръ, и музыка гремитъ,
И для гостей отворены всѣ двери.
Но въ нихъ войти не смѣю гостемъ я:
Мнѣ мѣста нѣтъ среди счастливцевъ міра.
Отверженный, какъ парія земли,
Я лишь могу воскликнуть съ сокрушеньемъ,
Въ тотъ яркій свѣтъ изъ мрака моего:
Прости на вѣкъ! прости, Элеонора!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТАССЪ. ДВОРЯНИНЪ.

ТАССЪ.

Скажите мнѣ, синьйоръ, что̀ здѣсь за праздникъ?

ДВОРЯНИНЪ.

Не здѣшній вы, какъ видно по вопросу?

ТАССЪ.

Нѣтъ, я не здѣшній.

ДВОРЯНИНЪ.

Здѣсь сегодня балъ,
И входъ открытъ свободный каждой маскѣ.
Весь дворъ, самъ герцогъ будетъ здѣсь въ костюмѣ,
Чтобъ самому неузнанным остаться

И общаго веселья не стѣснять.
Наѣхало немало иностранцевъ,
И при дворѣ, какъ слышно, будетъ свадьба.

ТАССЪ.

Какъ? свадьба? чья? какая свадьба? съ кѣмъ?

ДВОРЯНИНЪ.

Да говорятъ, что герцогъ мантуанскій
Вступаетъ въ бракъ съ принцессой Леонорой.

ТАССЪ.

Съ принцессой Леонорой? *(про себя:)* Неужели
Свободу я купилъ такой цѣною?

ДВОРЯНИНЪ.

Вонъ тамъ даются маски напрокатъ,
И недорого стóитъ, не хотите ль
Взглянуть на балъ? не будете жалѣть.
Я самъ иду туда чтобъ удивить
Мою подругу, тамъ ее заставъ.

ТАССЪ.

Съ соперникомъ подъ ручку? Статься можетъ!

ДВОРЯНИНЪ.

О, нѣтъ, синьйоръ! она чужда измѣны!

ТАССЪ.

Глупецъ кто вѣритъ имъ! Я ихъ извѣдалъ!
Онѣ, синьйоръ, коварны, какъ трясина,
Которая поверхностью зеленой
Плѣняетъ взоръ; но если только ступишь,
Какъ подъ тобой осядетъ эта зелень,
И въ глубь тебя затянетъ неизбѣжно!

ДВОРЯНИНЪ.

Я видѣлъ въ ней лишь доброту и нѣжность.

ТАССЪ.

Что̀ видѣли, то было хорошо,
Плѣнительно, свято̀ какъ добродѣтель;
Но то чего не видѣли.... О, нѣтъ!

ДВОРЯНИНЪ.

Вы, кажется, не въ духѣ?

ТАССЪ.

Въ темнотѣ
Таится больше всяческихъ пороковъ
Чѣмъ можемъ мы придумать и постичь....
И чѣмъ прелестнѣе, тѣмъ гаже! Грудь,
Холодная на видъ, какъ снѣгъ альпійскій,
Скрываетъ больше жара и огня
Чѣмъ всѣ волканы вмѣстѣ. О, повѣрьте,
Тѣмъ гаже, чѣмъ прелестнѣй!

ДВОРЯНИНЪ.

О, зачѣмъ
О женщинахъ такъ дурно заключать!

(Уходитъ во дворецъ.)

ТАССЪ.

Гремите трубы! бейте барабаны,
Чтобъ заглушить души моей стенанья!
Послѣдняя мечта теперь исчезла,
Разсѣялся волшебный жизни сонъ!
Но что скорбѣть? виновна ли она?
Иль никогда ты, сердце, не привыкнешь
Быть одинокимъ въ мірѣ, и тогда,
Когда ужъ гробъ открытъ передъ тобою?
Нѣтъ, Тассъ, будь твердъ, какимъ ты долженъ быть!
Но я хочу войти туда, хочу
Ее увидѣть, съ ней поговорить,
Хотя бы смерть была передо мною.
О, десять жизней я готовъ отдать
Чтобъ только разъ еще взглянуть ей въ очи....
А тамъ—пусть будетъ что̀ угодно Богу!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Великолѣпно украшенная галлерея во дворцѣ герцога. Изъ залъ слышна музыка. Входятъ и выходятъ маски.

ЛУКРЕЦІЯ и ЭЛЕОНОРА *(замаскированныя).*

ЛУКРЕЦІЯ.

Какая бъ ни была его судьба,
Мы одного достигли: онъ свободенъ.

ЭЛЕОНОРА.

Чтобъ умереть, какъ хочется ему.

ЛУКРЕЦІЯ

И это вѣдь свобода.

ЭЛЕОНОРА.

И притомъ
Съ такимъ трудомъ она ему досталась!

ЛУКРЕЦІЯ.

Пока онъ не уйдетъ, не буду я покойна,
Чтобъ новая бѣда съ нимъ не случилась.

ЭЛЕОНОРА.

Но онъ вѣдь удалился, злополучный!
Межъ тѣмъ какъ здѣсь и пиръ, и торжество,
Бредетъ онъ, бѣдный, темною дорогой,
Задумчивый, покинутый отъ всѣхъ!
И не сказалъ никто ему „прости!“
Лишь я; но онъ не могъ меня услышать.

(Идутъ далѣе.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТАССЪ *(замаскированный пилигримомъ)*.

Вонъ тамъ она идетъ,—ея походка!
Межъ тысячами я ее узналъ бы,
Хотя бъ нашелъ ее на брегѣ Леты!
Ея мнѣ образъ не затмитъ и время,
Ни міръ тѣней не скроетъ отъ меня!

(Слѣдуетъ за ними.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОНТЕКАТИНО *(замаскированный)*. *Другая такая же маска.*

МАСКА.

Вы не ошиблись ли, Монтекатино?

МОНТЕКАТИНО.

Нѣтъ, это былъ Торквато.

МАСКА.

Вы сказали,
Чтобъ онъ сегодня жъ ночью удалился
И не являлся здѣсь?

МОНТЕКАТИНО.

Сказалъ.

МАСКА

А онъ

Все здѣсь еще! Я съ нимъ поговорю

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX

ТАССЪ и ЭЛЕОНОРА (входятъ).

ЭЛЕОНОРА.

Что̀ нужно вамъ? Зачѣмъ вы все за мной
Слѣдите всюду? Вамъ, какъ пилигриму,
Не слѣдуетъ сопутниковъ искать.

ТАССЪ

Но прежде чѣмъ начнетъ онъ трудный подвигъ,
Онъ долженъ преклониться предъ святыней,
Чтобъ подкрѣпить себя на путь безвѣстный
Съ котораго ужъ нѣтъ ему возврата.

ЭЛЕОНОРА.

О, Боже! Этотъ голосъ! Вы....

ТАССЪ

Я мертвый, нынче вставшій изъ могилы,
И вновь туда идущій навсегда!
И еслибъ я снялъ маску передъ вами,
Мой страшный видъ васъ могъ бы испугать.

ЭЛЕОНОРА

Тассъ! Это вы!

ТАССЪ.

Да, точно, это я!

ЭЛЕОНОРА

Несчастный! Ахъ! могла-ль я ожидать
Такъ увидаться съ вами?

ТАССЪ.

Наконецъ
Свершилось то о чемъ не смѣлъ мечтать я:
Мой взоръ съ восторгомъ тонетъ въ вашемъ взорѣ,
Въ тѣхъ безпредѣльныхъ звѣздахъ, гдѣ душа

Моя, какъ злато, плавилась въ огнѣ,
Чтобъ сдѣлаться и чище, и блестящѣй.

ЭЛЕОНОРА.

Но знаете ль что̀ ждетъ васъ?

ТАССЪ.

Знаю все.
Мнѣ нечего страшиться и терять.
Я ухожу, и Богъ мнѣ говоритъ:
Навстрѣчу я иду свободѣ высшей
Чѣмъ та которую мнѣ герцогъ даровалъ;
Но какъ ужъ сочтены мои минуты,
То дайте мнѣ схватить ихъ на лету,
Чтобъ разъ еще вкусить былое счастье!

ЭЛЕОНОРА.

Ахъ, еслибъ знали вы *мои* страданья!

ТАССЪ.

Въ своей груди носилъ я идеалъ
Того что̀ было мнѣ всего дороже,
Всего прекраснѣй въ жизни и въ любви.
Я сохранилъ его въ моемъ несчастьи,
Душѣ моей свѣтильникомъ онъ былъ,
Онъ былъ моимъ хранителемъ, когда
Мою главу удары бѣдъ разили....
Я этимъ вамъ обязанъ, Леонора!

ЭЛЕОНОРА.

О, нѣтъ! Вы мнѣ обязаны лишь горемъ!

ТАССЪ.

И ежели мое творенье въ свѣтѣ
Пріобрѣло успѣхъ и похвалу,
То я и этимъ также вамъ обязанъ.
И не сердитесь, если я припомню
Тѣ дни которые, быть-можетъ, вамъ
Хотѣлось бы изъ памяти изгладить,
Не нужно вамъ краснѣть за нихъ, ни мнѣ,
Что я любовью вашей жилъ, вкушая
Амброзію небеснаго блаженства,
И, счастливый, равнялъ себя богамъ.
Благодарю, за все благодарю!

Хотя и я, какъ Иксіонъ, который,
Дерзнувъ любить Юпитера сестру,
Былъ сброшенъ въ адъ отъ трапезы боговъ!

ЭЛЕОНОРА.

Ахъ, еслибъ я могла однимъ лишь словомъ
Всю жизнь мою, всѣ чувства передать!

ТАССЪ.

Хоть разъ еще васъ видѣть, сокрушить
Замокъ, уста и сердце мнѣ гнетущій,—
Вотъ что всегда моей мечтою было,
Безумiемъ, мой обуявшимъ духъ,
Стремленiемъ, которымъ я томился;
И милосердый Богъ исполнилъ все:
Я ухожу отъ васъ не безъ прощанья.
Теперь о мнѣ ни слова. Если можно,
Забудьте обо мнѣ! Да, пусть для васъ
Я буду мертвъ отнынѣ. Возвратитесь
Къ веселымъ, свѣтлымъ днямъ счастливой жизни,
Да ниспошлетъ вамъ Богъ ихъ много, много!
Про вашу свадьбу говорили мнѣ....

ЭЛЕОНОРА.

Какъ? Свадьбу? Тассъ! Могли ль вы это думать?

ТАССЪ.

Какъ? Развѣ нѣтъ? Вамъ бракъ не предстоитъ?

ЭЛЕОНОРА.

Нѣтъ, и не будетъ никогда! Клянусь!

ТАССЪ.

О, поддержи теперь меня, Всевышнiй!

ЭЛЕОНОРА.

Такъ слушай же и вѣрь моимъ словамъ,
Какъ будто говорю ихъ умирая:
Да, мой Торквато, я тебя любила,
Люблю теперь и буду вѣкъ любить!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и ЛУКРЕЦІЯ (*входитъ поспѣшно и беретъ Элеонору за руку*).

ЛУКРЕЦІЯ.

Скорѣй закройся маской! Удались!

(Къ Тассу:)

Уйдите, если жизнь вамъ дорога!

ТАССЪ.

Что̀ слышалъ я! Останьтесь, ради Бога!

ЛУКРЕЦІЯ.

Нельзя, нельзя! Не слѣдуйте за нами!

(Убѣгаетъ съ Элеонорой.)

ТАССЪ.

О, рухни сводъ на голову мою
И погреби меня съ моимъ блаженствомъ!
Нѣтъ, я пойду, пойду за нею....

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТАССЪ. МАСКА *(загораживаетъ ему дорогу.)*

МАСКА.

Стойте!

ТАССЪ.

Что̀ нужно вамъ? Пустите!

МАСКА.

Только слово!
Вы, какъ я вижу, странникъ, и дороги
Не знаете; позвольте жъ вамъ сказать:
Цѣль вашего пути—не этотъ домъ:
Дорога ваша дальше; удалитесь
И не дерзайте приходить сюда.
[illegible] здѣсь на стражѣ исполинъ:
Онъ уничтожитъ васъ однимъ ударомъ.
Онъ васъ еще щадитъ, благодаря
Хорошему расположенью духа:
Но если встрѣтитъ васъ еще, какъ нынче,
То, головой клянусь, грозитъ вамъ смерть!
Безумецъ жалкій! Вы не излѣчились!
Вы все еще мечтать не разучились
Что ровня вамъ невѣсты королей.
Вамъ, для кого осталось лишь на долю
Безуміе да цитра, да сума!

(Уходитъ.)

ТАССЪ.

Ахъ, это говорилъ мой злобный геній!
Го герцогъ былъ! Да, я его узналъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА.

АНДЖІОЛЕТТА.

Уйдемте поскорѣе! Васъ узнали.
И оставаться здѣсь опасно вамъ.

ТАССЪ.

Анджіолетта! Ты ли это здѣсь?

АНДЖІОЛЕТТА.

Ахъ, это я! Не спрашивайте больше!
Уйдемте лишь отсюда поскорѣе!
Я не оставлю васъ, пойду за вами,
Куда бъ вы ни пошли, мнѣ все равно!

(Обнявъ его, прижимается.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лѣсъ близъ Сорренто.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЦЕНА И ДВА БАНДИТА.

СЦЕНА.

Вотъ, день прошелъ, и не было почина!
Здѣсь, на дорогѣ, пусто, какъ въ карманѣ
У игрока.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЪ.

Да, наше ремесло
Теперь хоть брось, едва на хлѣбъ хватаетъ!
Нельготнѣе быть нищимъ у воротъ
Монастыря тѣмъ рыцаремъ [illegible].

СКІАРА.

Ахъ ты безстыжій, ненасытный малый!
Ни дать ни взять какъ жадная акула,
Что̀ безпрестанно разѣвастъ пасть
И все-таки утробы не наполнитъ.
Ну, чѣмъ намъ не житье? Все есть у насъ:
Вино,—а мы не садимъ винограда,
И хлѣбъ,—а мы полей не засѣваемъ.
И золото,—а мы земли не роемъ,
И жены есть,—а свадебъ не справляемъ.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЪ.

А счастье повезетъ—такъ насъ повѣсятъ.
И покупать веревку намъ не нужно.

ВТОРОЙ БАНДИТЪ.

Охота же объ этомъ вспоминать!

СКІАРА.

И эта смерть не хуже чѣмъ другія.
Не всякій же, кто висѣлицы сто́итъ.
Виситъ на ней. Судьбы не избѣжишь.
И мужъ разумный ждетъ ея спокойно.
Морякъ выходитъ въ море, хоть и знаетъ
Что много въ немъ погибло кораблей.
Вотъ кровельщикъ иной, свалившись съ кровли,
Убьется наповалъ, такъ неужели
И ремесломъ такимъ не заниматься?
Не я ли самъ, вашъ атаманъ Скіара,
Чьимъ именемъ стращаетъ мать дѣтей,
Добыча сбирамъ лучшая чѣмъ вы?—
Но веселъ я и въ усъ себѣ не дую,
Хотя и мой предшественникъ, и прежній,
И всѣ они—отъ петли не ушли.
Что̀ жъ дѣлать тутъ? такое ремесло:
Тутъ надо не роптать, а покоряться.

ВТОРОЙ БАНДИТЪ.

Смотрите! тамъ идутъ.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЪ.

Какой-то странникъ
Съ дѣвицею.

СКІАРА.

Ну, этотъ не похожъ
На богача, да кажется и хворый.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЪ.

Пойдемте къ нимъ!

СКІАРА.

И рукъ марать не стóитъ!—
Тотъ кто нанять не можетъ даже мула,
А тащится пѣшечкомъ черезъ горы,
Навѣрное сокровищъ не несетъ.

ПЕРВЫЙ БАНДИТЪ.

Ну, тутъ порой бываетъ только маска:
Иной скупецъ прикинется такимъ
Оборваннымъ бѣднягой, а въ лохмотьяхъ
Его плаща брильянты позашиты.

СКІАРА.

Ну, отойдемте въ сторону покуда,
Посмотримъ, нѣтъ ли тутъ кого вблизи.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА, въ дорожномъ платьѣ.

ТАССЪ.

Здѣсь на холмѣ хочу я отдохнуть.

АНДЖІОЛЕТТА

Вы отъ ходьбы устали.

ТАССЪ.

И отъ жизни!

АНДЖІОЛЕТТА.

О, будьте же добрѣе!

ТАССЪ.

Ты напрасно
Придать мнѣ хочешь бодрости. Меня
Томитъ не столько мой недугъ тѣлесный,
Какъ горе, какъ душевныя страданья,
Которыя влекутъ меня къ могилѣ.

АНДЖІОЛЕТТА.

А развѣ я для васъ ничто, Торквато,

Что вы, предавшись горю своему,
Меня и слушать больше не хотите?

ТАССЪ.

О, ты мнѣ больше чѣмъ могу сказать!
Ты ангелъ мнѣ ниспосланный отъ Бога,
Чтобъ на покой меня сопровождать.
Ты создана не изъ земнаго тѣла;
Какъ свѣта лучъ, душа твоя чиста....
Да, да, ты ангелъ!

АНДЖІОЛЕТТА.

Нѣтъ, не ангелъ я,
А дѣвушка которая васъ любитъ,
Васъ не покинетъ, и готова съ вами
И радости, и горе раздѣлять.
Въ моей любви не стыдно мнѣ признаться
Ни передъ Богомъ, ни передъ людьми;
Нѣтъ у меня надежды, нѣтъ желаній!
Вы говорите что вы близки къ смерти,
Вы чувствуете это,—и я вѣрю
Предчувствію, но что бы ни случилось,
Я неизмѣнно буду васъ вести
Своей рукой до сѣни гробовой.
Пока вы живы, я васъ не покину,
А если намъ пробьетъ разлуки часъ,
Я умолюсь опять подъ кровъ родимый
И буду вѣчно, вѣчно помнить васъ!

ТАССЪ.

О, нѣтъ, Анджіолетта! возвратись
Домой теперь, прошу, оставь меня!
И безъ того ты сдѣлала мнѣ больше
Чѣмъ можетъ сдѣлать добрая сестра.
И нѣжная невѣста, и жена:
Ты кинула и родину, и кровныхъ,
Чтобъ въ край чужой меня сопровождать:
Теперь я дома,—этого довольно!
Ты нѣжно такъ заботилась о мнѣ,
И бѣдность, и презрѣнье раздѣляла,
Заботливо больнаго охраняла
Тамъ, гдѣ едва пріютъ отъ непогодъ:
Весною дней ты жертвовала мнѣ.

И беззаботной юности не знала;
Еще дитя по лѣтамъ, ты со мной
Узнала бремя старческихъ заботъ.
Съ лица исчезла дѣтская улыбка,
И въ тѣ лѣта, когда насъ манитъ радость,
Лелѣешь ты живаго мертвеца.

АНДЖІОЛЕТТА.

Что вамъ жалѣть о томъ что̀ мнѣ пріятно?
Иль въ тягость вамъ присутствіе мое?

ТАССЪ.

Нѣтъ славы быть подругою Торквата,
Ни счастья нѣтъ; ты это знать должна,
Хотя тобой владѣетъ заблужденье.

АНДЖІОЛЕТТА.

Оставьте мнѣ его, — оно мнѣ мило.

ТАССЪ.

Ахъ, это злая, гибельная прихоть
Насмѣшницы судьбы, Анджіолетта!
Обманъ коварный силы чародѣйной,
Которая неопытную юность
Твою влечетъ—искать цвѣтовъ любви
На прахѣ гробовомъ!

АНДЖІОЛЕТТА.

Вы все сказали?
Оставьте, Тассо, свой напрасный трудъ!
Когда тутъ есть какое чародѣйство,
То я его разрушить не могу.

ТАССЪ.

Теперь стою я у воротъ Соренто:
Я юношей оставилъ этотъ городъ.
А возвращаюсь какъ? больной и нищій,
Едва способный мыслить, пораженный
Рукой того кому всегда служилъ,
Кого прославилъ! Да, свидѣтель Богъ,
Альфонса слава съ пѣснію моею
И родилась, и съ нею лишь умретъ!
Гонимый завистью, хулою Круски,
Съ твореньемъ, безобразно искаженнымъ
Руками воровскими—вотъ какимъ
Въ отчизну возвращается Торквато!

АНДЖІОЛЕТТА.

Вы здѣсь найдете нѣжную сестру:
Она всегда любила васъ и любитъ.

ТАССЪ.

Всѣмъ сердцемъ къ ней стремлюсь я; лишь одно
Отрадно для души моей печальной,
Что если мой угаснетъ жизни день,
При мнѣ родное будетъ существо
Которое мои закроетъ очи.
А то могло бъ случиться что во всей
Италіи, гдѣ не имѣлъ я крова,
Мнѣ бъ даровой могилы не нашлось!

АНДЖІОЛЕТТА.

О, вы озлоблены!

ТАССЪ.

Озлобленъ? да!
Но ты была сопутницей моею;
Не правда ли что путь мой былъ похожъ
На тріумфальный бога Вакха путь
По Индіи? лишь съ разницею тою
Что колесницу барсы не везли
И вкругъ нея вакханки не плясали.

АНДЖІОЛЕТТА.

Когда терпѣли нужду вы дорóгой,
То сами и виновны были въ томъ:
Вы не хотѣли помощи просить.

ТАССЪ.

Да, не просилъ я, и Господь свидѣтель,
Что легче умереть мнѣ чѣмъ просить.
Я голодомъ, нуждой томиться буду,
Но помощи и денегъ не спрошу.
Нѣтъ у людей понятія о чести,
О благородной гордости; они
Увѣрены что можно все купить.
Изъ всѣхъ дворовъ Италіи, гдѣ прежде
Бывалъ я гостемъ дорогимъ, гдѣ Тасса
Съ любовью ждали, съ честью принимали,
Спросилъ ли хоть одинъ теперь о немъ
Когда онъ брелъ съ тобой по ихъ владѣньямъ?

Для нихъ я не пѣвецъ Ерусалима,
А лишь больной изъ дома сумасшедшихъ.
Я страненъ имъ, какъ будто зачумленный,
Лишь оттого что я ужъ не любимецъ
Феррарскаго двора.

АНДЖІОЛЕТТА.

Что жъ, если не князья,
То любитъ васъ народъ: въ его устахъ,
Вездѣ гдѣ только слышенъ нашъ языкъ,
Звучала ваша пѣснь. Ея напѣвы
Неслися къ вамъ изъ лодки рыбака.
Погонщикъ муловъ ею сокращалъ
Себѣ свой путь черезъ лѣса и горы.
Ужели тотъ кто ихъ такъ восхищалъ
Себѣ у нихъ пріюта не нашелъ бы.
Когда бъ у ихъ дверей онъ постучалъ?
Зачѣмъ вы во дворцахъ его искали?
Пѣвцу искать такое должно сердце
Которое сочувствуетъ ему;
Такихъ сердецъ найдете вы не мало.

ТАССЪ.

И точно, я нашелъ такое сердце,
Нашелъ его въ тюрьмѣ, гдѣ не искалъ,
Нашелъ его безумьемъ омраченный,
Нашелъ его передъ открытымъ гробомъ!

АНДЖІОЛЕТТА.

И потому нашли что вы—Торквато.

ТАССЪ.

И я его въ наслѣдіе оставлю
Счастливцу,—такъ желаю и надѣюсь,
Моя Анджіолетта! Но довольно.
Я здѣсь хочу немного отдохнуть. *(Садится.)*
Въ Соренто я нежданнымъ возвращаюсь,
Такъ что когда войду я въ домъ сестры
Такой худой и блѣдный, то пожалуй
Она сочтетъ меня за привидѣнье.
Она меня любила горячо;
Я не хотѣлъ бы испугать ее
Нечаяннымъ приходомъ. Здѣсь въ лѣсу

Мы встрѣтили сорентскихъ пастуховъ.
Сходи туда, пошли кого-нибудь
Предупредить Корнелію. Лишь только
Подумаю о ней, забьется сердце,
Какъ будто бы вся кровь моя къ нему
Прихлынула внезапно. Такъ отвыкъ я
Отъ радости что даже отъ нея
Изнемогаю будто отъ печали.

АНДЖІОЛЕТТА.

Такъ подождите, я сейчасъ приду. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАССЪ *(одинъ)*.

Вотъ существо которому придумать
Достойнаго названья не могу!
Она—цвѣтокъ надломленный до цвѣта.
Она, какъ соловей въ глуши лѣсной,
Все будетъ пѣть, томясь и изнывая,
Пока умретъ. Несчастная! Она
Другой любви себѣ не отыскала,
Другаго сердца, кромѣ лишь того
Которое перестаетъ ужъ биться.
Она при мнѣ взросла,—ребенокъ чудный,
Задумчивый, серьёзный, молчаливый,—
Моимъ словамъ она внимала жадно;
Но я не могъ провидѣть чувства въ ней,
Не могъ проникнуть въ нѣдра той коры
Которая такой алмазъ таила.
Недобрая звѣзда тебя манила
Ко мнѣ, Анджіолетта! Тасса грудь
Тебя не можетъ счастьемъ подарить:
Въ ней ты найдешь лишь горе и страданье.
Спроси о томъ Ленору! Ахъ, Ленора!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТАССЪ, СКІАРА, БАНДИТЫ, потомъ АНДЖІОЛЕТТА.

СКІАРА.

Стой!

ТАССЪ.

Что вамъ нужно?

ОДИНЪ ИЗЪ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

Деньги!

ТАССЪ *(обнажая мечъ).*

Негодяи!

Я только тѣнь того что̀ прежде былъ,
Когда я могъ съ тронми потягаться:
Но будь еще во мнѣ хоть искра жизни,
Я защищать готовъ ее отъ васъ.

АНДЖІОЛЕТТА *(бросается между ними).*

О, Боже!... Тассъ!...

СКІАРА.

Какъ? Вы Торквато Тассъ?

ТАССЪ.

Да, это я

СКІАРА *(товарищамъ).*

Прочь руки! Прочь кинжалы!
Я человѣкъ суровый, но души
Еще не продалъ чорту чтобъ рѣшился
Убить такого мужа изъ-за денегъ.

ТАССЪ.

Вы, кажется, бандитъ?

СКІАРА.

Да, я бандитъ:
Что̀ нужно мнѣ, беру я у другихъ:
Но проклятъ будь тотъ грошъ который я
Рѣшился бы отнять у васъ.

ТАССЪ.

Почемъ зъ
Вы знаете меня?

СКІАРА

Все, все я знаю!
Когда бъ опять пришло такое время
Какое вы въ поэмѣ описали,
То не гнѣздился бъ я въ лѣсахъ Абруцци,
Но былъ бы такъ же воиномъ крести.
И право, не послѣднимъ!

ТАССЪ

Что̀ я слышу!

СКІАРА.

Теперь прощайте, благородный Тассъ!
Когда бы мнѣ огромнѣйшій брильянтъ
Добычею достался, то, повѣрьте,
Что онъ меня не радовалъ бы такъ,
Какъ то что я васъ видѣлъ. Я оставлю
Двухъ молодцовъ васъ вывести изъ лѣса.
— Но вотъ сюда идетъ народъ, и вамъ
Ужь болѣе не нужно провожатыхъ.
Прощайте, да хранитъ васъ Богъ! (*Уходитъ съ обоими телохранителями.*)

ТАССЪ.

Не грезы ль,
Не сонъ ли это былъ, Анджіолетта?

АНЖІОЛЕТТА.

Ахъ, я едва могу сдержать рыданья.

ТАССЪ.

Смотри, Альфонсъ, кто мнѣ теперь защита,
Съ тѣхъ поръ какъ ты изгнать меня велѣлъ!
Иль только мнѣ разбойники друзья?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, ПОСЕЛЯНЕ, ПАСТУХИ и ПАСТУШКИ.

ВСѢ.

Ура, нашъ Тассъ! Да здравствуетъ нашъ Тассъ!

ТАССЪ.

Что̀ значитъ эта сцена? Что̀ имъ нужно?

ОДИНЪ ИЗЪ ПОСЕЛЯНЪ.

Вѣдь вы Торквато Тассо? Вы сложили
Намъ пѣснь о томъ какъ взяли христіане
У мусульманъ священный гробъ Христа?

ТАССЪ.

Да, я. Но что̀ жъ?

ВСѢ.

Да здравствуетъ нашъ Тассъ!

ТАССЪ.

Такъ пѣснь моя извѣстна вамъ?

ПАСТУШКИ.

Еще бы!

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Какъ только эта дѣвушка сказала,
Что Тассъ идетъ въ Соренто и желаетъ
Сыскать кого-нибудь для извѣщенья,—
Я бросилъ плугъ, онѣ свои стада,
И всѣ кричали издали другъ другу,
И всѣ спѣшили видѣть человѣка
Котораго Господь благословилъ
Такимъ чудеснымъ даромъ—восхищать
Сердца такими сладкими словами.

ВТОРАЯ ПАСТУШКА.

Войдите къ намъ, сеньйоръ, не откажитесь
Покушать хлѣба нашего, испить
Вина; мы будемъ рады васъ почтить,
Какъ только будемъ въ силахъ....

ПЕРВАЯ ПАСТУШКА.

Вы больны;
Мы лучшаго вамъ мула приведемъ,
Чтобъ васъ дорога къ намъ не утомила.

ТАССЪ.

Благодарю, друзья, благодарю!
Не ждалъ я здѣсь найти такой привѣтъ!

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Не думайте, сеньйоръ, что если мы
Такъ бѣдны, то не можемъ васъ цѣнить,
Ни восхищаться вашей чудной пѣснью;
Вамъ Богъ ее внушилъ чтобъ услаждать
Сердца людей—и бѣдныхъ, и богатыхъ,
И знатныхъ родомъ, и простыхъ какъ мы.

АНДЖЮЛЕТТА.

Теперь, Торквато, будете ль вы думать,
Что васъ не чтутъ въ Италіи, не любятъ,
Что ваша пѣснь не трогаетъ сердецъ,
И ваше имя умерло для свѣта?

ТАССЪ *(глубоко тронутый, озирается кругомъ).*

Да, человѣкъ и добръ, и благороденъ,
Когда одинъ съ природою; онъ чистъ

Душой, какъ чистыхъ рукъ ея созданье,
Не искаженный гнетомъ принужденья,
Ни пошлостью житейской суеты.
Да, да, туда пойду я, гдѣ сердца
Еще свѣжи, какъ въ первый день творенья,
Гдѣ въ жилахъ кровь свободная течетъ.
О, прочь отъ блеска пышнаго дворцовъ,
Прочь отъ людей коварныхъ и надменныхъ,
Отъ суеты, отъ зависти презрѣнной,
Отъ злобы ихъ и даже—отъ любви!
Я здѣсь, въ саду плѣнительномъ природы,
Съ Везувіемъ дымящимся вдали,
Въ виду равнины моря безпредѣльной
И острововъ, разбросанныхъ по ней,
Подъ куполомъ лазуревaго неба,
Я буду черпать вновь изъ родника
Поэзіи, пока не вырветъ время
Изъ рукъ моихъ сосуда. Буду вновь
Жезломъ волшебнымъ вызывать духовъ,
Да служатъ мнѣ какъ нѣкогда служили!
Тамъ буду вновь я тѣмъ къ чему Господь
Меня призвалъ—царемъ своихъ владѣній,
И ужъ никто меня ихъ не лишитъ;
Мнѣ пѣснь—мое наслѣдье и вѣнецъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, КОРНЕЛІЯ и ПАСТУХИ.

КОРНЕЛІЯ *(за сценой)*.

О, гдѣ жъ онъ? Гдѣ? Скорѣй къ нему, скорѣй!
(*Входитъ.*)
Мой Тассъ!

ТАССЪ.

Сестра! Корнелія!

КОРНЕЛІЯ.

О Боже!
Ты милосердъ! Ты внялъ моимъ молитвамъ
И брата мнѣ въ объятья возвратилъ!

ТАССЪ.

О, дорогая, милая сестра!

КОРНЕЛІЯ.

Вотъ, послѣ стольких безнадежныхъ лѣтъ
Ты вновь со мною, братъ мой ненаглядный;
Съ твоими вновь мои смѣшались слезы!

ТАССЪ.

Какъ? Слезы? Боже! Въ самомъ дѣлѣ слезы!
Семь лѣтъ я ихъ не зналъ, перенося
Ужасныя страданья, а теперь
Твою любовь и ласку не могу я
Принять безъ слезъ, затѣмъ что въ сердце мнѣ
Проникъ внезапно лучъ того свѣтила.
Котораго я долго не видалъ.

КОРНЕЛІЯ.

Теперь со мной ты будешь неразлученъ,
Тебѣ взойдетъ здѣсь новой жизни день.

ТАССЪ.

Я вынесъ много, милая сестра!
Любовь и честь, и ненависть, и зависть,
Всѣ геніи добра, всѣ духи зла
Душой моей предательски играли,
Неблагодарность мнѣ язвила сердце,
Топтало въ грязь меня высокомѣрье,
Все подлое и низкое въ лицо
Плевало мнѣ, а гордой власти сила
Меня пятой тяжелою давила,
Держала въ узахъ духъ свободный мой.

КОРНЕЛІЯ.

А я была далеко отъ тебя
И не могла дѣлить твоихъ страданій!

ТАССЪ.

Но я не плакалъ: я въ негодованьи
Желѣзную рѣшетку потрясалъ,
Стучалъ ногою въ полъ моей темницы
И въ стѣны билъ пылавшей головой;
Но ни одной слезы не проронилъ!
Теперь же плачу я, и какъ потокъ,
Прорвавшійся на волю, льются слезы.

КОРНЕЛІЯ.

И я для чувства словъ не нахожу!

ТАССЪ.

Не такова ли доля человѣка,
Гонимаго судьбою? Онъ упорно
Противится насилью,—а любовь
Его легко смиряетъ и смягчаетъ,
И онъ безъ слезъ не можетъ перенесть
Привѣтнаго ея прикосновенья.

КОРНЕЛІЯ.

Теперь ты осуши ихъ, чтобъ волненье
Душевное тебя не утомило.

ТАССЪ.

О, нѣтъ, сестра! Пускай онѣ текутъ!
Ахъ, сслибъ съ ними вмѣстѣ утекла
И жизнь моя, чтобъ больше ничего
Отъ Тасса здѣсь на свѣтѣ не осталось!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тому назадъ лишь нѣсколько минутъ
Мечтали вы о будущности лучшей,
И вотъ опять тоскѣ вы поддались,
Забудьте жъ всѣ минувшія несчастья
И не назадъ глядите, а впередъ.

ТАССЪ.

О, нѣтъ, Анджіолетта, эти слезы
Мнѣ сладостны какъ майская роса,
Онѣ въ меня вливаютъ исцѣленье:
Я чувствую весны благоуханье
Въ моей груди. Какъ нѣкогда Орестъ
Въ объятіяхъ сестры, въ священной рощѣ,
Избавился отъ фурій и нашелъ
Покой желанный послѣ долгихъ бѣдствій:
Такъ близъ тебя и мнѣ здѣсь хорошо;
Я будто вновь возсталъ для жизни новой,
И какъ змѣя свою бросаетъ кожу,
Такъ сброшу я съ души моей печаль!

КОРНЕЛІЯ.

Коль есть бальзамъ врачующій страданья
Больной души,—его достану я;

Коль есть питье которое могло бы
Смирить тревогу сердца твоего,—
Я дамъ его тебѣ. Когда любовь,
Покой и миръ твои зѣницы могутъ
Смежить своимъ цѣлебнымъ сномъ, я буду
И день, и ночь заботливо стеречь
Чтобы ничѣмъ онъ не былъ потревоженъ.

ТАССЪ.

О, перестаньте, добрыя мои!
Пусть прежде я сберу остатокъ силы....
Я ужъ отвыкъ отъ ласки и любви;
Онѣ во мнѣ смущаютъ духъ унылый!
Откуда мнѣ такая благодать,
Такой избытокъ счастья неземнаго?
Какой восторгъ мнѣ душу вдругъ объялъ?
Иль на землѣ я гостемъ только сталъ?
Повѣдай мнѣ, о Небо, гдѣ витаетъ
Моя душа, предчувствіемъ полна?
Откуда этотъ пылъ что̀ проникаетъ
Весь мой составъ и ярко озаряетъ
Все вкругъ меня? Скажи что̀ значитъ онъ,
И что̀ со мной? Иль это смерти сонъ?

(Поддерживаемый Корнеліей и Анджіолеттой, онъ опускается на колѣни и простираетъ руки къ небу. Народъ, удалившійся сначала въ глубину сцены, собирается вокругъ него.)

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лугъ предъ домомъ Тасса въ Сорентo. Въ глубинѣ море и Везувій.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОРНЕЛІЯ, АНДЖІОЛЕТТА.

АНЖІОЛЕТТА.

Что̀ нашъ больной?

КОРНЕЛІЯ.

Сегодня на зарѣ
Онъ на море съ балкона любовался
И радостно привѣтствовалъ восходъ
Изъ синихъ водъ пылающаго солнца.

АНДЖІОЛЕТТА.

Едва могу смотрѣть я на него
Безъ слезъ! Съ тѣхъ поръ какъ онъ живетъ въ Сорento,
Узнать нельзя въ немъ прежняго Торквата:
Ни вспыльчивости нѣтъ въ немъ, ни волненья
Тревожнаго, ни быстрыхъ переходовъ
Отъ радости къ тоскѣ.

КОРНЕЛІЯ.

Теперь онъ тихъ
И кротокъ сталъ, и жалобы умолкли;
Отрадою его согрѣта грудь,
Какъ будто онъ, избѣгнувъ бури, прибылъ
Въ надежный портъ.

АНДЖІОЛЕТТА.

Какъ путникъ, утомленный
Скитальчествомъ, стряхаетъ наконецъ
Дорожный прахъ у дома своего,
Такъ онъ, придя къ желанному порогу,
Стряхнулъ съ себя весь слой земнаго праха
И, просвѣтленный, радостный, теперь
Онъ кажется лишь гостемъ на землѣ.

КОРНЕЛІЯ.

Онъ съ твердостью идетъ къ своей могилѣ;
Какъ человѣкъ идущій въ дальній путь
Устраиваетъ домъ свой предъ уходомъ,
Такъ онъ теперь заботится о томъ
Чтобъ памятникъ достойный по себѣ
Въ твореніи своемъ оставить міру.

АНДЖІОЛЕТТА.

Послѣдніе лучи того свѣтила,
Съ которымъ скоро разлучится онъ,
Златятъ ему отрадно вечеръ жизни.
Теперь гремитъ его повсюду слава,
И даже внѣ границъ его отчизны;

Туманъ, которымъ зависть и вражда
Старались помрачить его сіянье,
Разсѣялся, и свѣтлый ликъ поэта
Останется навѣки лучезарнымъ!

КОРНЕЛІЯ.

Такъ и мой домъ его сіяньемъ свѣтелъ,
Но ахъ! Онъ скоро снова омрачится!
Анджіолетта, милая, скажи,
Ужели я должна съ его кончиной
Лишиться не его лишь одного?
Ужели всѣ отрадныя надежды
Должны на вѣкъ съ нимъ вмѣстѣ умереть?
Ужели я, не только какъ сестра,
Но и какъ мать, должна съ разбитымъ сердцемъ
Остаться здѣсь, когда его лишусь?
Дитя мое! Тебѣ давно извѣстно
Желанье сердца моего. Мой сынъ —
Его ты знаешь, видишь ежедневно,
Какъ мать, я имъ горжусь,—тебя онъ любитъ;
Скажи....

АНДЖІОЛЕТТА.

Ахъ, ради Бога, замолчите!
Мнѣ тяжко это слышать.

КОРНЕЛІЯ.

Такъ всегда
Ты говоришь на вызовъ мой сердечный,
Ужели мой Антоніо не можетъ
Надѣяться?

АНДЖІОЛЕТТА.

Вы мать его, и вамъ
Извѣстны всѣ души моей изгибы,
Мое открыто сердце передъ вами
Какъ книга; все извѣстно вамъ, и вы
Рѣшаетесь избрать меня для сына?

КОРНЕЛІЯ.

Все потому что знаю я тебя.

АНДЖІОЛЕТТА.

Я не могу ничьею быть невѣстой,
Ни Тасса, ни кого-либо другаго;

Чѣмъ для Антоніо могу я быть?
Еще не разъ онъ въ жизни встрѣтитъ сердце
Которое отвѣтитъ на любовь.
Что я ему? Чѣмъ быть ему могу я,
Которой дивной суждено судьбою
Торквата жизнь съ своею сочетать?

КОРНЕЛІЯ.

Ты не всегда какъ нынѣ будешь думать
И убѣгать отъ брачнаго вѣнца.

АНДЖІОЛЕТТА.

Ахъ, юность мнѣ не брачно улыбалась!
Какъ смутный сонъ встаетъ передо мной
Воспоминанье мимолетныхъ дней,
Которые мнѣ юностью казались.
Изъ всѣхъ мущинъ его лишь одного
Я знала, и ужъ больше никого
Мнѣ не хотѣлось знать. Благоговѣя
Душой предъ нимъ, летала я къ нему
Какое-то невольное влеченье!
Какъ матерьялъ и образъ нераздѣльно
Сливаются въ картинѣ, такъ слилось
Торквата бытіе съ моею жизнью.

КОРНЕЛІЯ.

Что ты зовешь любовью—не любовь,
Нѣтъ, вовсе не любовь, Анджіолетта!
А страшное лишь заблужденье сердца,
Которое не сознаетъ себя.

АНДЖІОЛЕТТА.

Мнѣ то же и Торквато говоритъ;
Но какъ ни называйте это чувство,—
Мнѣ все равно,—оно во мнѣ живетъ.
Зачѣмъ и какъ, правдиво или ложно
Я чувствую,—не спрашиваю я.
Вы говорите: это не любовь;—
Пусть будетъ такъ! Но это свѣтъ и воздухъ,
Которымъ я живу. Пока ни слова
Тассъ о любви со мной не говорилъ,
И знаю я что любитъ онъ другую.

КОРНЕЛІЯ.

И все его ты любишь? Непонятно!

АНДЖІОЛЕТТА.

Не онъ принадлежитъ мнѣ,—я ему.

КОРНЕЛІЯ.

То сила лишь мечты, а не любви!
По случаю чудесному тебѣ
Пришлось при немъ расти и развиваться,
Отъ всѣхъ людей, отъ свѣта отчужденной;
Все было чуждо для тебя; весь міръ
Твой былъ лишь въ немъ; ему ты подчинилась,
И духъ его тобою управлялъ.
Но, милая, все это не любовь!
И что̀ съ тобой тогда, бѣдняжка, будетъ,
Когда его похититъ смерть? Ужели
Ты и тогда при томъ же заблужденьи
Останешься?

АНДЖІОЛЕТТА.

Не только ежедневно,
Я ежечасно о его кончинѣ
Все думаю, и мысль о ней меня
Нисколько не страшитъ. Съ тѣхъ поръ какъ стала
Я чувствовать, ни часа безъ него
Я не жила, да и не знаю, буду ль
Я жить, когда его со мной не будетъ,
Мнѣ смерть его не кажется разлукой,
Не знаю, долго ль мнѣ еще придется,
Лишась его, глядѣть на божій свѣтъ;
Мнѣ кажется почти что не придется!
Но что̀ бы мнѣ ни предстояло въ жизни,
Я вамъ скажу какъ я на то смотрю:
Вотъ, напримѣръ, ничтожное колечко,
Въ него былъ вдѣланъ драгоцѣнный камень,—
Сокровище единственное въ мірѣ,—
Его ужь нѣтъ, осталось лишь кольцо;
Но что̀ же въ немъ безъ камня дорогаго?

КОРНЕЛІЯ.

Не я одна, и Тассо вѣдь желаетъ
Тебя пристроить. Онъ скорбитъ душой
О будущемъ твоемъ.

АНДЖІОЛЕТТА.

Я это знаю.

КОРНЕЛІЯ.

Смотрѣть на жизнь такъ безнадежно, думать
Весною жизни объ ея кончинѣ
Въ твои года,—вѣдь это знакъ болѣзни!

АНДЖІОЛЕТТА.

Пусть будетъ такъ! Вы знаете что жемчугъ,
Безцѣнное сокровище морей,
Есть раковинъ больныхъ произведенье.
Какъ этотъ жемчугъ, такъ моя любовь
Болѣзненно возникла подъ страданьемъ!
Но тише! Вотъ идетъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. ТАССЪ.

АНДЖІОЛЕТТА.

Добрый день,
Торквато! Знайте, я на васъ сердита:
Корнелія совсѣмъ меня отбила
Отъ васъ. Зачѣмъ вы передали ей
Мои права?

ТАССЪ.

Ты, доброе созданье,
Всегда служить готова!

АНДЖІОЛЕТТА.

Какъ вамъ нынче?

ТАССЪ.

Какъ выгорѣвшей лампѣ: понемногу
Она горитъ, дохнешь—и ужь погасла.

АНДЖІОЛЕТТА.

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! когда вашъ духъ покоенъ,
Когда давно страдающее чувство
Нашло себѣ желанное цѣленье
И раны затянулись,—здѣсь, въ Сорето,
Гдѣ окружаютъ васъ любовь и миръ,
Какъ духъ, и тѣло ваше оживетъ.

ТАССЪ.

Взгляни, какъ величаво и спокойно
Возносится Везувій къ небесамъ!
Его глава въ златистыхъ облакахъ,
Какъ будто бы въ вѣнцѣ, а пурпуръ съ плечъ
Спускается какъ царская порфира!
Какъ все кругомъ привѣтно и спокойно:
Прозрачный воздухъ, темныя вершины
Деревъ, и зелень кущей виноградныхъ,
И зеркало сверкающее моря;—
А кратеръ все и пышетъ, и дымится!
Вотъ мой покой! Я больше не пылаю
Какъ нѣкогда, не извергаю лавы,
Но въ глубинѣ еще остался жаръ.

КОРНЕЛІЯ.

Но этотъ жаръ не жжетъ, а согрѣваетъ.

ТАССЪ.

Повѣрьте мнѣ что тѣ же недостатки,
Съ которыми на свѣтъ мы родились,
Съ собой опять въ могилу всѣ уносимъ,
Ни одного изъ нихъ не покидая;
Но милосерднѣй судитъ Богъ чѣмъ люди.

АНДЖІОЛЕТТА.

Онъ вамъ не вмѣнитъ вашихъ недостатковъ.

ТАССЪ.

Изъ всѣхъ житейскихъ бурь мнѣ удалось
Съ трудомъ спасти лишь лучшее въ себѣ,
И я созналъ себя лишь у могилы;
Я истинной свободы той достигъ
Которой чужды всѣ земныя узы.
Съ Создателемъ моимъ я примирился
И всѣ мои разчеты кончилъ съ міромъ;
Но сталъ ли я смиреннѣе и кротче?
Очистился мой жаръ, но не угасъ!

КОРНЕЛІЯ.

Не допусти Господь чтобъ онъ угасъ!

ТАССЪ.

Изъ всѣхъ моихъ любимѣйшихъ желаній
При мнѣ теперь осталось лишь одно,—

Но для меня оно дороже всѣхъ:
Мое твореніе, мой жизни трудъ,
Что̀ началъ я, какъ юноша цвѣтущій,
Что̀ я, какъ мужъ, лелѣялъ и до гроба
Сберегъ—и въ блескѣ шумнаго дворца,
И въ сумракѣ темницы одинокой,
Едва владѣя умственною силой,—
Что̀ было мнѣ источникомъ блаженства
И бѣдствій всѣхъ виною, возбудивъ
Ко мнѣ любовь и ненависть, и зависть;—
Хотѣлъ бы я, пока во мнѣ есть сила
И не угасъ огонь мой, довершить
Мой трудъ, чтобъ онъ, оконченный вполнѣ,
Въ потомствѣ жилъ, когда меня не будетъ.

КОРНЕЛІЯ.

Онъ будетъ вмѣстѣ жить съ твоею славой.

АНЖЮЛЕТТА.

На немъ лежитъ безсмертія печать.

ТАССЪ.

Пусть всѣ мои грѣхи, всѣ заблужденья
Возьметъ земля, а камень гробовой
О нихъ молчитъ! Но то что̀ я свершилъ,
Тотъ лучъ святой, что̀ въ грудь мою вложилъ
Создатель мой,—да свѣтитъ вѣковѣчно
Не мнѣ во славу, а Тому кто мнѣ
Отверзъ уста и духъ мой окрылилъ!
Я былъ несчастный, бѣдный человѣкъ,
Осмѣянный, больной, гонимый, плѣнный,
Я чуждъ былъ всякой жизненной утѣхи,
Я ничего не могъ назвать своимъ;
Но я всегда поэтомъ оставался,
Останусь имъ пока могу дышать
И, часъ придетъ, окончу дни поэтомъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. ГРАЖДАНИНЪ изъ Сорento.

ГРАЖДАНИНЪ.

Сейчасъ пріѣхалъ князь Альдобрандини
Съ прислугою и свитою дворянъ;

Въ Соренто онъ спросилъ гдѣ отыскать
Вашъ домъ и гдѣ живетъ Торвато Тассо.

КОРНЕЛІЯ.

Альдобрандини?

ГРАЖДАНИНЪ.

Да, онъ слѣзъ съ коня
И скоро будетъ здѣсь. Я поспѣшилъ
Впередъ чтобъ васъ объ этомъ извѣстить.

ТАССЪ.

Онъ нѣкогда ко мнѣ благоволилъ.
Онъ мужъ достойнѣйшій,—и старъ, и младъ
Къ нему равно питаютъ уваженье;
Знатокъ искусствъ, художниковъ онъ чтитъ,
Не внѣшній блескъ въ нихъ цѣнитъ, а талантъ,
Даритъ своею дружбой не по сану;
Онъ, какъ весна, и кротокъ, и привѣтливъ,
Въ немъ тѣни нѣтъ надменности кичливой;
Начитанъ и ученъ, онъ образецъ
Сановника, какимъ онъ быть бы долженъ,
Но рѣдко лишь бываетъ: вотъ какимъ
Я зналъ его. Онъ въ Римѣ при дворѣ
Высоко чтимъ!

КОРНЕЛІЯ.

Вотъ онъ идетъ сюда!
Какая свита съ нимъ!

ТАССЪ.

Пойдемъ къ нему!
Привѣтствуемъ его, какъ подобаетъ.

(Идетъ къ нему навстрѣчу.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Кардиналъ АЛЬДОБРАНДИНИ. Свита

ТАССЪ.

Позвольте, князь, привѣтъ вамъ принести
Тому лицу чье имя вамъ когда-то
Не чуждо было. Я Торквато Тассъ.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Не только мнѣ не чуждо, но и міру
Такое имя. Мрачная година

Скрывала долго васъ отъ нашихъ взоровъ,
За тучею скрывался свѣтъ; теперь
Разсѣялся туманъ, и снова солнце
Изъ мрака съ прежнимъ блескомъ засіяетъ.

ТАССЪ.

Я солнце, князь? нѣтъ, я огонь блуждающій,
Что̀ здѣсь и тамъ мелькаетъ безпрестанно
И наконецъ угаснетъ межъ могилъ.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Вы нездоровы, благородный Тассо,
Но не допуститъ Богъ чтобъ геній вашъ
Такъ рано улетѣлъ въ свою отчизну!
Теперь мое исполню порученье:
Хотя меня сердечное желанье
Влекло сюда увидѣть васъ, мой другъ;
Но все же я не больше какъ посолъ
Отъ высшаго чѣмъ я.

ТАССЪ.

Рѣчь ваша, князь,
Меня дивитъ. Какой же вѣщепосецъ,—
Вѣдь только онъ быть можетъ выше васъ,—
Припомнилъ о Торкватo, о безумномъ,
Который скрытъ въ больницѣ Санкта-Анна?

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Нѣтъ, будьте лучшихъ мыслей о себѣ
И о своихъ друзьяхъ! Нѣтъ ни дворца,
Ни хижины простой, гдѣ бъ ваше имя
Не чтилося высоко. Все что̀ можетъ
Исторія хорошаго сказать
О нашей родинѣ, она прославитъ
Ее изъ всѣхъ—отчизною искусства,
Ея народъ—развитѣе другихъ—
Сочувствуетъ ему. Здѣсь не найдется
Ни одного и въ грубомъ одѣяньѣ,
Въ комъ сердце бы не билось ко всему
Высокому, прекрасному въ искусствѣ.
Вѣдь вы, Торкватo, лучшій нашъ поэтъ,
Вы—гордость родины и слава міра;
Какъ ни старалась зависть васъ затмить,
Она замолкла,—равнаго вамъ нѣтъ.

Италія склоняется теперь
Предъ геніемъ что̀ Богъ вамъ даровалъ;
А чтобъ о томъ свидѣтельство дошло
Въ грядущіе вѣка что ваше время
Умѣло васъ достойно оцѣнить,
Являюсь я посломъ отъ государя,
Отъ нашего святѣйшаго отца:
Вы Климентомъ Осьмымъ приглашены
Прибыть къ нему немедля въ Капитолій,
Чтобъ отъ него принять вѣнецъ лавровый —
Символъ того что̀ выше и прекраснѣй!
И вотъ слова святѣйшаго отца:
„Вѣнецъ, который честь даетъ другимъ,
Достойное чело его вѣнчая,
Получитъ больше славы, имъ сіяя!“

ТАССЪ.

При мнѣ ль мои всѣ чувства, или снова
Покрыла ночь мой омраченный умъ?
Что̀ слышалъ я? Вѣнецъ мнѣ назначаютъ?
Меня ждетъ Римъ и славный Капитолій,
Гдѣ съ торжествомъ, передъ лицомъ народа,
Меня священнымъ лавромъ увѣнчаютъ?
И мнѣ ли, послѣ столькихъ униженій,
Такая честь? О, духъ мой, укрѣпись,
Не дай себя увлечь мечтою ложной!

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Пусти этотъ лавръ васъ долго украшаетъ;
Чтобъ вашихъ дней вторая половина
Счастливѣе чѣмъ первая была!

ТАССЪ.

Могу ли я подумать, — мнѣ вѣнецъ,
Который лишь героямъ достается
И королямъ! Ужели сонъ чудесный
Прекрасною дѣйствительностью сталъ!
Да, сознаюсь, моею высшей цѣлью,
Достойною того чтобъ для нея
Всѣ силы духа положить, считалъ я
Чтобъ современники нашли меня достойнымъ
Такой высокой чести, а потомство
Ихъ приговоръ признало справедливымъ.

И я достигъ того о чемъ мечталъ:
На одинокую мою главу
Сошло сіянье славы! Не считайте
Меня глупцомъ за то что въ глубинѣ
Души моей пылающей встаютъ
Подобныя мечтанья....

АЛЬДОБРАНДИНИ.

О, нисколько,
Мой другъ! Могу ли я не понимать,
Что вы должны цѣнить себя достойно?
Въ сознаніи такомъ тщеславья нѣтъ.

ТАССЪ.

Тотъ не поэтъ кто можетъ вдохновиться
Стяжаніемъ награды; но и тотъ
Кто пламенной душою не стремится
Къ звѣздѣ той лучезарной, что надъ нимъ
Сіяетъ славой, — тоже не поэтъ!

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Она не всѣмъ достойнымъ воздается;
Но здѣсь она достойнаго нашла.

ТАССЪ.

Я такъ отвыкъ отъ милости монарховъ,
Я такъ отвыкъ отъ внѣшняго почета,
Что на меня онъ дѣйствуетъ теперь
Какъ свѣта лучъ внезапный на слѣпаго.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Монархъ, какимъ онъ долженъ быть, другъ Тассо,
Монархъ душой и сердцемъ, знаетъ самъ
Что блескъ вѣнца съ его исчезнетъ прахомъ,
Что высшая, единственная слава
Его лишь въ томъ когда онъ свѣтъ наукъ
Въ своихъ владѣніяхъ распространяетъ:
Гдѣ свѣтъ, тамъ правда царствуетъ. Такъ мыслитъ
И государь меня сюда пославшій.
Готовьтесь же со мною ѣхать завтра;
Я самъ васъ провожу съ моею свитой.
Ужъ все готово къ празднеству; гостей
Не мало будетъ: торжество поэта
Устроитъ Римъ при лицезрѣніи свѣта!

(*Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Вилла близъ Рима.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛУКРЕЦІЯ, ЭЛЕОНОРА.

ЛУКРЕЦІЯ.

Довольна ль ты теперь, Элеонора?
Нашъ Тассъ достигъ награды по заслугамъ.

ЭЛЕОНОРА.

Довольна ль я? Да, милая сестра,
Довольна тѣмъ что свѣтъ теперь созналъ
Свою несправедливость. Но она,
Хотя и сознана, не въ состояньи
Вознаградить его за всѣ лишенья.

ЛУКРЕЦІЯ.

Какой законникъ научилъ тебя
Такъ строго различать оттѣнки права?
Намъ, бѣднымъ смертнымъ, и за то хвала
Что сознались въ своемъ мы заблужденьи.

ЭЛЕОНОРА.

Пусть такъ; но тотъ кто пострадалъ отъ насъ
Не выигралъ отъ нашего сознанья!
Нѣтъ, нѣтъ! Простить я этого не въ силахъ!
Хоть я люблю и уважаю брата,
Но никогда не буду равнодушно
Смотрѣть на тѣ жестокости какими
Мнѣ дорогую отравляли жизнь!
Нѣтъ, не могу я этого забыть!
И еслибъ на него теперь они
Корону и порфиру возложили,
Все буду помнить я что жертвой власти
Томился онъ съ безумными въ темницѣ,
Что, изгнанный изъ родины своей,
Какъ нищій онъ въ Италіи скитался,
Безпомощный, больной, забытый всѣми!

ЛУКРЕЦІЯ.

Теперь его вѣнчаетъ Капитолій!
Вотъ сила правды, милая сестра, —
Что, несмотря на всѣ гоненья свѣта,
Она изъ нихъ выходитъ съ торжествомъ.
Пусть ненависть и зависть затемняютъ
Ея заслуги, — силою своей
Она стоитъ, и часъ ея настанетъ, —
Когда почетъ ей должный воздадутъ.

ЭЛЕОНОРА.

Жаль только что достойнѣйшимъ такъ долго
Приходится такого часа ждать!
О, злополучный, благородный Тассо!
Какъ рада я что мнѣ пришлось увидѣть
Что мужъ, любимый мною, вознесенъ,
Что самъ Альфонсъ, пристыженный, теперь
Старается исправить то въ чемъ прежде
Такъ глубоко предъ нимъ онъ провинился,
И что ему привѣтствіе Феррары
Монтекатино, врагъ его, несетъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

И все-таки ты болѣе грустна,
Чѣмъ весела.

ЭЛЕОНОРА.

Я и сама не знаю
Какъ объяснить тебѣ мое волненье;
Къ глазамъ невольно приливаютъ слезы,
И раны сердца всѣ открылись вновь,
И прежнія страданья всѣ проснулись!
Его увижу я, какъ онъ всегда
Являлся мнѣ въ прекрасныхъ сновидѣньяхъ:
Покрытый славою и всѣми чтимый; —
Но все-таки какой-то страхъ и трепетъ
Я чувствую, тѣмъ болѣе тяжелый
Что нѣтъ ему причины никакой.

ЛУКРЕЦІЯ.

Сюда идутъ, Леонора. Успокойся!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, МОНТЕКАТИНО.

ЛУКРЕЦІЯ.

Монтекатино, здравствуйте! Скажите,
Исполнили ль вы наше порученье?

МОНТЕКАТИНО.

Исполнилъ все, принцесса. Всѣ готовы
Устроить такъ, какъ вамъ угодно было
Мнѣ приказать, чтобъ вамъ при торжествѣ
Не больше быть въ виду чѣмъ вы желали.

ЭЛЕОНОРА.

Вотъ это хорошо!

ЛУКРЕЦІЯ.

Благодарю!

МОНТЕКАТИНО.

Такой восторгъ я вижу въ первый разъ!
Съ разсвѣта все уже пришло въ движенье,
Изъ всѣхъ окружныхъ деревень народъ
Дороги всѣ усѣялъ и ликуетъ.
Деревья всѣ украшены вѣнками,
Съ высокихъ мачтъ, нарочно водруженныхъ,
Цвѣтные вьются флаги, и чѣмъ ближе
Подходишь къ городу, тѣмъ все тѣснѣй
Становится стеченіе народа;
Всѣ улицы кипятъ имъ, и какъ волны
Толпы несутся къ мѣсту гдѣ пройдетъ
Процессія; всѣ окна и балконы
Увѣшаны коврами дорогими,
И въ праздничныхъ одеждахъ кавалеры
И дамы съ нихъ глядятъ. Почти со всей
Италіи монархи собрались;
Кто самъ не прибылъ, выслалъ отъ себя
Посланника, и даже отъ двора
Французскаго посолъ сюда пріѣхалъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Не правда ли что вы не ожидали
Чтобъ былъ почтенъ такою честью Тассъ.

Который былъ въ больницѣ Санкта-Анна
Подъ попеченьемъ дружескимъ у васъ?

МОНТЕКАТИНО.

Его врагомъ я не былъ никогда:
Я исполнялъ лишь волю государя,
Который былъ къ нему неблагосклоненъ.
Но какъ теперь самъ герцогъ удостоилъ
Почтить своимъ посольствомъ торжество
И эту честь назначилъ мнѣ, то я
Не смѣю заявлять свое сужденье:
Я герцога служитель и ни въ чемъ
Не долженъ быть различнаго съ нимъ мнѣнья.

ЛУКРЕЦІЯ.

Вотъ мудрыя слова! Кто научилъ
Такъ думать васъ, тотъ ловкій былъ придворный.

ЭЛЕОНОРА.

Но намъ пора. Прошу, Монтекатино,
Скажите нашей свитѣ чтобъ она
Готовилась.

МОНТЕКАТИНО.

Сейчасъ скажу, принцесса!

ЭЛЕОНОРА.

Какъ бьется сердце! Какъ стучитъ въ груди!
Ее сжимаетъ страхъ который я
Преодолѣть не въ силахъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Это радость!

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Монастырь Санъ-Онофріо. Келья, изъ которой ведетъ галлерея.

ТАССЪ *(у окна).*

Какой прелестный видъ передо мною!
Внизу тѣнистый монастырскій садъ,
Гдѣ олеандры пышные цвѣтутъ,
И высятся красиво кипарисы,
А вонъ и дубъ гдѣ часто я сидѣлъ,
И близъ него безмолвное кладбище

Съ грядой могильныхъ камней и крестовъ;
А за его оградой шумный городъ
Съ толпой дворцовъ, и куполовъ, и башень,
Съ фонтанами, со всѣмъ великолѣпьемъ
Что̀ здѣсь тысячелѣтія скопили.
И тамъ шумитъ ликующій народъ,
Взывая имя Тасса, и тѣснится
Чтобъ на меня хоть издали взглянуть,
А я такъ слабъ, такъ страшно утомленъ,
Что мнѣ теперь милѣй покой кладбища
Чѣмъ въ Капитоліи вѣнецъ!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТАССЪ. АНДЖІОЛЕТТА, одѣтая по-праздничному.

ТАССЪ.

Какъ нарядилась ты, Анджіолетта!

АНДЖІОЛЕТТА.

Для вашего торжественнаго дня.

ТАССЪ.

О, добрая!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тамъ въ залѣ собрались
Князья, вельможи, дамы въ пышныхъ платьяхъ,
Чтобъ въ Капитолій васъ сопровождать,
И съ нетерпѣньемъ ждутъ толпы народа
На улицахъ. Вотъ этотъ славный день
Всю вашу жизнь печальную искупитъ.

ТАССЪ.

Да, это такъ! Но нѣтъ, не внѣшній блескъ
Меня прельщаетъ, не вѣнецъ лавровый
И не восторгъ народа предо мной,
Когда вступлю съ тріумфомъ въ Капитолій:
Безъ этого я могъ бы обойтись;—
Но что я здѣсь какъ признанный стою,
Что мнѣ привѣтъ народный подтверждаетъ
Что жизни трудъ мой не напрасенъ былъ,
Что, вмѣстѣ съ жаждой творчества, Господь
Мнѣ столько силы далъ что за гонепья,
Которыя я несъ отъ одного,

Хотя и государя, свѣтъ меня
Вознаградилъ, что я не сумашедшимъ,
Сорвавшимся съ цѣпи, перехожу
Въ грядущіе вѣка, и что потомство
Увидитъ мой неискаженный образъ:
Вотъ что̀ открылъ мнѣ этотъ славный день!
И въ слабости моей я сознаюсь,
Хотя она некстати у могилы:
Какъ жадно пьетъ сухая почва дождь,
Такъ этотъ день душа моя впиваетъ
И отъ него цвѣтетъ и зеленѣетъ!
Онъ угасилъ, изгладилъ все что̀ въ жизни
Я перенесъ; но пережить еще
Другой подобный день я бъ не желалъ!
Пора мнѣ на покой, Анджіолетта!
Какъ на рукахъ у матери дитя,
Увидѣвъ лугъ зеленый и цвѣты,
Къ нимъ изъ окна протягиваетъ ручки,
Такъ простираю руки я къ могилѣ!
Что̀ могъ бы дать еще мнѣ этотъ свѣтъ?
Чего лишить меня? Въ чемъ отказать?

АНДЖІОЛЕТТА.

Да, Тассо, да! Я чувствую сама
Что вашъ разчетъ уже оконченъ съ міромъ;
Но если вы оставите его,
То ужь возьмите и меня съ собою!
Что̀ жизнь моя была? Что̀ я сама?
Вѣдь я была лишь только тѣнью Тасса!
И чѣмъ еще могу я быть безъ васъ?
И я, какъ вы, съ днемъ этимъ наконецъ
Достигла цѣли жизни; что̀ теперь
Мнѣ предстоитъ еще, то для меня
Лишь нынѣшняго гимна отголосокъ:
Что̀ для меня онъ значитъ послѣ гимна!

ТАССЪ.

Не сказки то что̀ говорятъ поэты;
Въ природѣ есть магическія узы!
Есть власть, которой сила подчиняетъ
Намъ родственную душу. То не выборъ
Влекущій сердце къ сердцу, то судьба!

Я часто, часто чувствовалъ все это:
Ты для меня не чуждое созданье,
Ты часть меня.

АНДЖЮЛЕТТА.

О, повторите это!
Мнѣ сладко знать что чувствуете вы
Такъ точно какъ и я. О, какъ я рада!

ТАССЪ.

Вотъ что̀, дитя, скажу тебѣ,—я знаю,
Мои слова тебя не испугаютъ,—
Поэтъ и умирающій—пророки,
А я въ себѣ обоихъ сочеталъ.
Не долго жить ты будешь безъ меня;
Когда мой духъ къ тебѣ изъ горнихъ странъ
Прилетъ призывъ, ко мнѣ придешь ты снова,
И ждать тебя не долго буду я!
Вѣдь эти розы на щекахъ твоихъ,
Что̀ ярко такъ горятъ, не цвѣтъ здоровья,
Не юности примѣта—это смерть!

АНДЖЮЛЕТТА.

Я за тобой послѣдую, мой Тассо!

(Бросается въ его объятья.)

ТАССЪ.

Оставь пока порывъ нетерпѣливый;
Пусть я впередъ отправлюсь въ міръ иной:
Созрѣетъ плодъ, падетъ онъ самъ собой.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. ЛУКРЕЦІЯ. ЭЛЕОНОРА.

ЛУКРЕЦІЯ.

Пришли друзья привѣтствовать васъ, Тассо!

ТАССЪ.

Принцесса! Вы? возможно ли? здѣсь, въ Римѣ?
О, какъ могу я васъ благодарить?
Какъ много счастья мнѣ въ одинъ лишь день!

ЭЛЕОНОРА.

Всегда близка была намъ ваша слава,
Зачѣмъ же быть намъ далеко отъ васъ
Въ день торжества ея?

ЛУКРЕЦІЯ.

Въ Италіи у васъ
Теперь одни друзья; враги исчезли.
Присутствіе Элеоноры здѣсь
Въ раскаяньи Альфонса васъ увѣритъ.

ЭЛЕОНОРА.

Какая радость, дорогой мой другъ,
Что знаетъ свѣтъ васъ такъ какъ знала я!
Теперь душой спокойна я, и что бы
Мнѣ ни послала жизнь, я равнодушно
Перенесу. Пошли вамъ Богъ чтобъ долго
Вы миромъ тѣмъ желаннымъ наслаждались
Который къ вамъ такъ поздно низошелъ!

ТАССЪ.

Какъ сочетать покой и жизнь, принцесса?
Меня самъ Богъ содѣлалъ безпокойнымъ!
Я въ этотъ мигъ все это ощущаю:
Пока вдыхать я буду воздухъ свѣта,
Я буду все въ борьбѣ, и мой огонь,
Чуть тлѣющій подъ пепломъ, разгорится
Отъ легкаго дыханья вѣтерка.

ЭЛЕОНОРА.

Пусть этотъ чудный день, который насъ
Свелъ вмѣстѣ послѣ долгихъ испытаній,
Останется ничѣмъ неомраченнымъ!
Зачѣмъ на успокоенное море
Волненье бурь минувшихъ вызывать
И скрытые на днѣ его обломки
Опять на свѣтъ изъ мрака поднимать?

ЛУКРЕЦІЯ.

Пусть новый лучъ надежды оживитъ
Вамъ жизни путь для будущности новой.

ТАССЪ.

Та будущность, которой я желаю,
Не въ здѣшнемъ мірѣ,—я туда стремлюсь
Съ надеждою, на полныхъ парусахъ.
Но дайте мнѣ о прошломъ вспомянуть,
Вѣдь станетъ скоро прошлымъ для меня

И настоящая минута!...
Не бойтесь, я не стану извлекать
Тѣ образы ужасные изъ моря
Что̀ скрыты въ немъ. О, нѣтъ! какъ водолазъ
Нырну въ него и вынесу на свѣтъ
Изъ глубины лишь жемчугъ драгоцѣнный,
Сокровище моихъ воспоминаній!
О, дайте мнѣ приломнить дни былые,
Когда близъ васъ, въ садахъ Буонъ-Ретиро,
Небесное блаженство я вкушалъ,
Гдѣ грудь моя была полна мечтами
Великихъ дѣлъ и будущности дивной,
Гдѣ цѣлый міръ мнѣ тѣсенъ былъ для чувства,
И.... ахъ! для счастья моего!

ЭЛЕОНОРА.

Ахъ, нѣтъ!
Не вспоминайте! Это былъ лишь сонъ!

ТАССЪ.

Не сонъ, но жизнь богатая была:
Въ ней не было ни мысли, ни желанья
Которыхъ бы я вамъ не довѣрялъ;
Что̀ только есть прекраснаго, всегда
Сочувствіе въ душѣ у васъ встрѣчало.
Да! жизнію боговъ тогда я жилъ,
Безъ бурь, подъ вѣчнымъ солнечнымъ сіяньемъ!
Что̀ сдѣлалось потомъ, какъ измѣнилась
Моя судьба,—пройду о томъ молчаньемъ.
И вотъ опять стою я подлѣ васъ,
И чувствую, стою въ послѣдній разъ!
Да, Леонора, мы должны разстаться!
О, дайте мнѣ какъ прежде вашу руку,
Въ залогъ того что никакое время
Не измѣнило прежнихъ вашихъ чувствъ;
А что я вамъ весь вѣкъ свой довѣрялъ,
То вотъ вручаю вамъ мое наслѣдство
И лучшее сокровище,—оно
Достойно на груди у васъ храниться!
Анджіолетта!

АНДЖІОЛЕТТА.

Тассъ! Что̀ вы хотите?

ТАССЪ.

Возьмите это сердце и храните,
Когда меня не станетъ; я увѣренъ,
Она любить васъ будетъ какъ меня.

ЛУКРЕЦІЯ.

Что̀ съ вами, Тассъ? О, Боже! что̀ такое?
Вы стали блѣдны такъ!

ЭЛЕОНОРА.

Ахъ, Боже мой!

АНДЖІОЛЕТТА.

Присядьте.

ТАССЪ.

Нѣтъ; не нужно, все пройдетъ....

ЛУКРЕЦІЯ.

Что̀ тамъ за шумъ?

ЭЛЕОНОРА.

Что̀ сдѣлалось такое?

АНДЖІОЛЕТТА.

Во всѣхъ церквахъ звонятъ въ колокола!

ЛУКРЕЦІЯ.

И въ цитадели Ангела пальба.

ЭЛЕОНОРА.

Ужь началось! Идетъ Альдобрандини.

(Вдали слышны колокольный звонъ и пушечная пальба.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и АЛЬДОБРАНДИНИ.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Простите мнѣ, принцесса, что я долженъ
Увесть отъ васъ намъ дорогаго друга.
Ужь часъ насталъ, и гости собрались:
Угодно ль вамъ пожаловать со мною
Къ намъ, въ сборный залъ, гдѣ ожидаютъ васъ
Чтобъ нашего поэта въ Капитолій
Со свитою почетной проводить?

ЛУКРЕЦІЯ.

Идти готовы мы.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

И вы, мой другъ?
Такъ поспѣшимъ; не станемъ отдалять
Отрадныя минуты торжества.

ТАССО.

Итакъ, идемъ! Подъ сѣнь моей могилы
Готовился смиренно я вступить,
Никѣмъ не чтимый, никому не милый,
Свою главу усталую сложить!
И снова жизнь чарующею силой
Меня къ себѣ стремится приманить....
Свой высшій даръ она мнѣ предлагаетъ
И лучшими цвѣтами украшаетъ!

И этотъ звонъ торжественный и хоръ,
То горній гласъ, то Господа велѣнье!
И жизнь, и смерть, и слава, и позоръ
Лишь отъ Его зависятъ назначенья.
Къ Нему съ надеждой устремляю взоръ;
Онъ мнѣ судилъ извѣдать униженье
И торжество,—и дней моихъ конецъ
Вдругъ озарилъ безсмертія вѣнецъ!

(Уходитъ вмѣстѣ съ другими чрезъ галлерею.)

АНДЖІОЛЕТТА *(смотритъ на удаляющихся).*

Что, что со мною? Не обманъ ли чувствъ?
Я никогда его *такимъ* не знала!
Изъ глазъ его взоръ не *его* сіялъ,
То былъ иной, чудесный лучъ, и весь
Онъ просвѣтлѣлъ, и всѣ его черты
Мнѣ чуждыми казались....

(Вскрикиваетъ:)

Горе мнѣ!
О, Боже! Онъ упалъ! Всѣ вкругъ него
Стѣснились.... Ахъ! онъ умеръ! умеръ! умеръ!

(Бѣжитъ въ галлерею. Восклицанія: „Да здравствуетъ Тассъ!“ раздаются все громче. За сценой слышны музыка, колокольный звонъ и пушечная пальба.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Большой залъ. Множество богато одѣтыхъ дамъ и кавалеровъ. Музыканты, пажи (одинъ изъ нихъ держитъ бархатную подушку, на которой лежитъ лавровый вѣнецъ). Въ глубинѣ сцены почетная стража съ аллебардами. На авансценѣ въ высокихъ креслахъ лежитъ мертвый Тассъ; у ногъ его на колѣняхъ Анджіолетта. Корнелія и обѣ принцессы стоятъ вокругъ него. Въ отдаленіи Монтекатино и другіе гости. Впереди всѣхъ Альдобрандини.

АЛЬДОБРАНДИНИ.

Все кончено! Велите прекратить
Кликъ торжества! Пусть похоронный гимнъ
Замѣнитъ звуки музыки веселой!
Краса и честь Италіи угасъ!
Дня радости не могъ онъ пережить....
Все кончено! Уже не вступитъ онъ
При колокольномъ звонѣ въ Капитолій;
Господь призвалъ его высокій духъ,
Мы можемъ честь воздать его лишь праху.
Онъ не вошелъ подъ сѣнь того чертога,
Гдѣ ожидалъ его вѣнецъ лавровый,
Лишенный силъ, упалъ онъ на порогѣ.
Но на главу умершаго поэта
Я возложу теперь его вѣнецъ,
Которымъ намъ не присудило Небо
Его чело при жизни увѣнчать.

ЭЛЕОНОРА.

Угасъ! И вотъ ему награда наконецъ:
При жизни—склепъ тюрьмы; со смертію—вѣнецъ!

(Занавѣсъ опускается.)

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

КОНЕЦЪ.

АЛЕКСАНДРЪ БЕСТУЖЕВЪ

НА КАВКАЗѢ

1829—1837.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЕГО КЪ МАТЕРИ, СЕСТРАМЪ И БРАТЬЯМЪ.

Стосковался сильно Бестужевъ въ Якутскѣ. Написалъ громозвучное прошеніе, въ которомъ говорилъ что душа его рвется въ бой кровавый, и прошеніе было услышано. Оставивъ 4го іюля 1829 года Иркутскъ, Бестужевъ, вмѣстѣ съ другимъ декабристомъ, бывшимъ прапорщикомъ Толстымъ, — уже 4го августа очутился за Кавказомъ. Прошло еще двѣ-три недѣли, и онъ, рядовой № 10го Грузинскаго линейнаго полка, участвуетъ въ походахъ и въ сраженіяхъ. Въ боевой аммуниціи, съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ и ранцемъ за спиной, лѣзетъ на завалы, штурмуетъ городъ,—видитъ страшныя картины убійства и грабежа. Въ началѣ 1830 года Бестужевъ въ Тифлисѣ, и здѣсь, среди нѣсколькихъ товарищей его бѣдствія, либо переведенныхъ изъ Сибири, либо высланныхъ прямо на Кавказъ,—а также среди добрыхъ знакомыхъ, легко найденныхъ имъ въ столицѣ Кавказа, жизнь его, казалось, должна бы была пойти не только безъ особыхъ лишеній, но даже не безъ пріятностей.... Въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу на Кавказѣ очутились изъ декабристовъ Корниловичъ, Толстой, Крив-

цовъ, Михайло Назимовъ, графъ Захаръ Чернышевъ, Нарышкинъ, Коновницынъ, князь Одоевскій, Оржицкій, Цебриковъ.... „Все это были люди получившіе большею частію хорошее воспитаніе, говоритъ баронъ Ѳ. Ѳ. Торнау бывшій въ тѣ годы на Кавказѣ офицеромъ, нѣкоторые съ замѣчательными душевными качествами, испытанные несчастіемъ и наученные тяжелымъ опытомъ жизни." * Среди ихъ, а также въ частыхъ свиданіяхъ съ находившимися на Кавказѣ же младшими своими братьями Петромъ и Павломъ, Александръ Бестужевъ предполагалъ вздохнуть свободно и возможно легко донести крестъ своихъ испытаній.... Но не такъ судила судьба.... Товарищи мало-по-малу разосланы по дальнимъ гарнизонамъ Кавказа, либо поступили въ ряды наиболѣе часто водимыхъ въ дѣло полковъ, — братья также разбросаны, наконецъ и самъ онъ въ началѣ же 1830 года высланъ изъ Тифлиса въ Дербентъ, въ одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ гарнизона этого города. Большею частію бывало, какъ встарь, такъ и въ позднѣйшіе годы, что разжалованные въ солдаты пользовались на службѣ своей весьма льготною жизнью сравнительно съ прочими рядовыми: они бывали постоянно въ обществѣ офицеровъ и не несли въ дѣйствительности тягостей солдатской службы, а затѣмъ командиры тѣхъ частей въ которыхъ находились разжалованные пользовались малѣйшимъ случаемъ чтобы выдвинуть ихъ и дать имъ право получить прощеніе. Не такъ было съ Бестужевымъ. Фортуна не улыбалась ему. Въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ проведенныхъ имъ въ дербентскомъ гарнизонѣ онъ долженъ былъ вынести всѣ бѣдствія и труды съ которыми сопряжена была въ то время, цѣлою бездною отдѣленная отъ нынѣшней, доля солдата.

Онъ томился на учебьяхъ и, по капризной командѣ грубаго баталіоннаго командира, по цѣлымъ часамъ выступалъ, наряду съ какими-нибудь рекрутами, гусинымъ шагомъ; во всей боевой аммуниціи ходилъ въ караулы, стоялъ въ рапцѣ на часахъ, больной долженъ былъ ложиться не иначе какъ въ общемъ лазаретѣ съ нижними чинами; наконецъ командиръ говорилъ ему не иначе какъ „ты".... Особенно много натерпѣлся горя и притѣсненій нѣкогда блестящій адъютантъ

* „Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи", въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1869, кн. IV, стр. 700.

герцога Виртембергскаго и законодатель русской критики и литературы—съ начала 1832 года, когда командиромъ баталіона его сдѣланъ былъ подполковникъ В—въ. Это былъ одинъ изъ такъ-называемыхъ въ русской арміи „бурбоновъ“, выслужившійся изъ солдатъ, человѣкъ до чрезмѣрности грубый и жестокій... Придирокъ его къ нему не было конца, — и многіе, многіе часы проведены солдатомъ Бестужевымъ въ рапцѣ, подъ палящимъ солнцемъ Кавказа. Никакія схватки съ горцами и экспедиціи въ трущобы разбойниковъ Черкесовъ не были такъ томительны и ужасны какъ эта жизнь подъ вѣчнымъ произволомъ грубаго человѣка; малѣйшій капризъ его, и злополучный солдатъ его баталіона уже стоналъ подъ палками; полная возможность попасть подъ палки вынуждала Бестужева выполнять всѣ мельчайшія, самыя дикія требованія безпрекословно....

А между тѣмъ, съ первыхъ же дней своего пріѣзда изъ Сибири на Кавказъ, онъ уже трудился на литературномъ поприщѣ: его увлекательные, по своему времени, очерки и разказы, его повѣсти, съ жадностью поглощавшіяся публикой, стали появляться въ журналахъ: *Военный Антикварій*, *Испытаніе*, *Вечеръ на Кавказскихъ водахъ*, *Лейтенантъ Бѣлозоръ*, *Наѣзды*, *Страшное гаданье*, *Аммалатъ-Бекъ*, и прочія его произведенія уже украшали лучшіе журналы своего времени: *Сынъ Отечества*, *Московскій Телеграфъ*, а къ 1832 году интересъ и вниманіе читателей до того были возбуждены талантомъ А. Марлинскаго, что сестры его нашли возможнымъ выпустить собраніе его повѣстей и разказовъ, и оно было быстро раскуплено. И чѣмъ тяжеле было дѣйствительное положеніе Бестужева, неволею хоронившагося отъ русской публики подъ псевдонимомъ Марлинскаго, тѣмъ, казалось, живѣе работала его фантазія, тѣмъ увлекательнѣе вырабатывались подробности замысловатыхъ сюжетовъ его повѣстей и разказовъ. Обтирая стѣны какихъ-нибудь душныхъ каралень, либо томясь еще въ болѣе грязныхъ, заражепныхъ убійственными міазмами лазаретахъ, онъ обдумывалъ и писалъ свои сочиненія. Твердость духа этого человѣка поразительна. Работая среди самой тяжкой обстановки, онъ въ то же время никакъ не могъ поручиться что трудъ его дойдетъ до предназначавшейся ему цѣли: онъ могъ погибнуть на почтѣ, въ ту эпоху въ высшей степени неаккуратной, какъ гибла масса посылавшихся къ нему и отъ него писемъ, посылокъ и денегъ; могъ пропасть въ тѣхъ

передаточныхъ инстанціяхъ, какъ напримѣръ въ канцеляріи III отдѣленія, чрезъ которую, по крайней мѣрѣ въ первые годы его ссыльной жизни, проходили почти всѣ его письма и посылки, наконецъ могъ захлеснуться въ красныхъ чернилахъ тогдашней цензуры, полосовавшей все живое, своеобразное, все касавшееся не мечтательной, а дѣйствительной жизни....

Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Бестужевъ и въ дербентской каторжной жизни нашелъ для себя уголокъ гдѣ онъ весь оживалъ, гдѣ природная веселость его и остроуміе развертывались въ полномъ своемъ блескѣ, при живительной добротѣ, гостепріимствѣ и радушіи хозяевъ. То было семейство коменданта Дербента Шнитниковa.

Этому почтенному человѣку (нынѣ давно уже покойному) и его достойной супругѣ Таисѣ Максимовнѣ Бестужевъ вполнѣ обязанъ что не палъ подъ гнетомъ ярма, которымъ силился его „вывести въ расходъ“ Богъ вѣсть изъ чего возненавидѣвшій его командиръ В—въ. Любопытно что послѣдній, злобясь на коменданта изъ-за какихъ-то дрязгъ, вымещалъ злобу на Бестужевѣ: онъ зачастую умышленно ставилъ его въ ранцѣ на часы къ комендантскому дому,—и „какъ часто,“ разказывала намъ Таиса Максимовна, „приходилось намъ угощать у себя Бестужева не иначе какъ видя его истомленнаго всею тяжестью боевой аммуниціи и подъ ранцемъ“....

Лишь въ этомъ семействѣ Бестужевъ отводилъ свою душу, съ увлеченіемъ читалъ имъ свои сочиненія, разказывалъ планы замышляемыхъ имъ повѣстей и романовъ, либо увлекалъ своихъ добродушныхъ слушателей сужденіями своими о прочитанныхъ книгахъ, шутилъ, балагурилъ, рѣзвился съ дѣтьми. Читалъ онъ много. Усердные корреспонденты его братья Полевые, также Гречъ, и наконецъ сестры присылали ему множество книгъ. Лучшіе нѣмецкіе, французскіе и англійскіе авторы, хотя и поздно, но всегда являлись въ его сакль; о русскихъ книгахъ и журналахъ и говорить нечего: крайне неаккуратно, въ разсыпную, нерѣдко сильно истрепанные дальнимъ и небрежнымъ перевозомъ, они все-таки прибывали къ нему, нерѣдко впрочемъ заставляя недѣли и даже мѣсяцы томиться въ ожиданіи....

Страшный случай въ началѣ 1833 года,—а именно смерть одной дѣвушки, дочери унтеръ-офицера, ходившей къ Бестужеву, смерть въ его квартирѣ, на его кровати, отъ нечаянно разряженнаго ею пистолета,— былъ причиной большихъ

непріятностей постигшихъ Бестужева. Между прочимъ надъ нимъ было наряжено тѣмъ же г. В—вымъ томительное и придирчивое слѣдствіе; этотъ же случай, отдаливъ отъ Бестужева прощеніе, удалилъ его и изъ Дербента. Въ началѣ 1834 года онъ былъ переведенъ рядовымъ же во 2й гренадерскій линейный баталіонъ, въ Ахалцыхъ. Какъ ни тяжела была жизнь въ Дербентѣ, съ грустью оставилъ онъ его чтобы протянуть свою лямку въ дальней крѣпости, въ убійственномъ климатѣ, среди незнакомыхъ и чуждыхъ людей. Проѣздомъ чрезъ Тифлисъ, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть своего младшаго брата Павла: это было ихъ послѣднее свиданіе. Павелъ Бестужевъ, въ то время поручикъ артиллеріи, заявилъ себя какъ мужественный и искусный офицеръ, отличился нѣкоторыми изобрѣтеніями и усовершенствованіями по артиллерійской части (Бестужевскіе прицѣлы) и въ 1834 получилъ разрѣшеніе перейти на службу въ Петербургъ.... Съ братомъ Петромъ Александръ Бестужевъ разстался еще въ 1832 году: несчастный молодой человѣкъ, несшій свою долю солдата въ теченіе шести лѣтъ, участвовалъ во множествѣ экспедицій, былъ тяжко раненъ и наконецъ, не вынесши своего положенія, сошелъ съ ума. Несчастному постоянно грезилось что всѣ посягаютъ на его жизнь, что его преслѣдуютъ, мучатъ и. т. д. Нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1832 году, проведены были имъ у брата Александра, и послѣдній истомился зрѣлищемъ ужаснаго недуга брата; наконецъ Петру Бестужеву разрѣшенъ былъ возвратъ на родину, и онъ отправился туда доживать немногіе оставшіеся ему годы страдальческой жизни....

1835 1836 годы проведены были Бестужевымъ въ безпрерывныхъ почти переѣздахъ и переходахъ, въ экспедиціяхъ, набѣгахъ за Кубань и упорныхъ схваткахъ съ горцами. Ахалцыхъ, Геленджикъ, Гагры и Пицунды (послѣднія двѣ крѣпостцы на Черномъ морѣ, въ углу прибрежья, славились губительнѣйшими лихорадками и горячками), и наконецъ Кутаисъ, были, поперемѣнно, главнѣйшими станціями, въ которыхъ доводилось ему отдыхать среди трудовъ боевой жизни. Въ это время труды эти стали наконецъ окупаться: въ 1835 году онъ получилъ унтеръ-офицерскіе галуны, а десять мѣсяцевъ спустя произведенъ былъ въ прапорщики....

Съ удивительнымъ жаромъ ловилъ онъ выдававшіеся ему дни отдыха отъ его боевой жизни! Значеніе его въ литературѣ росло все болѣе и болѣе. Издатели и редакторы журна-

ловъ и альманаховъ засыпали его предложеніями о сотрудничествѣ; издатели *Энциклопедическаго Лексикона* сочли нужнымъ также послать ему челобитье; предпріимчивый Смирдинъ положилъ „Марлинскому“ жалованье въ 5.000 руб. чтобы тотъ только работалъ для его *Библіотеки для Чтенія*.... Несмотря на неаккуратность въ платежахъ со стороны нѣкоторыхъ издателей (какъ напримѣръ, гг. Греча и какого-то Андреева, на которыхъ часто жалуется своимъ роднымъ Бестужевъ), ни на пропажи на почтѣ денегъ, работая при такой тяжкой обстановкѣ при какой едва ли и до него, и послѣ него трудился русскій литераторъ, Бестужевъ уже въ 1834 году сколотилъ капиталецъ въ 12.000 руб., который и былъ положенъ въ ломбардъ, а въ слѣдующемъ году онъ уже могъ положить сумму въ 50.000 руб., разумѣется ассигнаціями.

Послѣдніе два, 1835—1836, года, несмотря на всѣ тягости походовъ и битвъ, были вообще самыми счастливыми въ жизни Бестужева со времени катастрофы 14го декабря 1825 Деньги, извѣстность и всюду радушный и предупредительный пріемъ—все это выпало на его долю. Кратковременные пріѣзды его въ Тифлисъ доставляли ему полнѣйшіе тріумфы. Въ домахъ именитѣйшимъ представителей населенія и въ семействахъ высшихъ начальниковъ края онъ былъ самымъ дорогимъ гостемъ: особенно внимательны и предупредительны были къ нему дамы; его блестящее дарованіе, остроуміе, романическая судьба и наконецъ открытая, полная благородства и симпатичности наружность, все привлекало къ нему сердца его читательницъ и поклонницъ....

Но главною отрадой Бестужева во всѣ годы его скитальческой и страдальческой жизни, буквально почти до того момента когда пули и шашки Черкесовъ сразили его 7го іюня 1837 года, была переписка съ сердечно-любимыми имъ матерью, сестрами и братьями. Ни пропажа писемъ отъ неаккуратности почты, ни тотъ офиціальный путь которымъ бо́льшая часть ихъ шла, ни наконецъ то обстоятельство что отвѣтовъ на письма доводилось ждать по нѣскольку мѣсяцевъ, ничто не останавливало Бестужева: каждыя двѣ недѣли онъ писалъ въ уединенную деревеньку Сольцу, на берега Волхова, гдѣ нетерпѣливо ждали этихъ золотыхъ грамотокъ старушка мать и три сестры его, и время отъ времени слалъ онъ большія письма ко своимъ кровнымъ друзьямъ и братьямъ въ Петровскій острогъ, въ Нерчинскій округъ. Предъ нами

сорокъ такихъ писемъ, не изданныхъ доселѣ, но какъ по содержанію и изложенію, такъ и по отношенію къ личности писавшаго вполнѣ заслуживающія обнародованія. Читатель найдетъ въ нихъ прекрасныя, полныя жизни и не утратившія доселѣ своей свѣжести описанія картинъ кавказской природы: длиннаго пути изъ Сибири на Кавказъ; быта горцевъ; описаніе городовъ: Эрзерума, Дербента и прибрежья Чернаго моря; очерки сраженій и штурмовъ городовъ; тонкія замѣчанія о будущности и значеніи Кавказа для Россіи въ торговомъ, промышленномъ и другихъ отношеніяхъ; замѣчанія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи и Россіи къ Европѣ; и все это написано прекраснымъ, увлекательнымъ языкомъ.

Особенно интересны письма Бестужева къ его братьямъ Николаю и Михаилу; въ нихъ онъ, зачастую, вдается въ сужденія о современной литературѣ: оправдывается противъ замѣчаній которыя дѣлаетъ на его сочиненія братъ его Николай (ум. въ 1855 г.), толкуетъ о сочиненіяхъ Пушкина, Карамзина, Н. Полеваго, Бальзака, Булгарина, Виктора Гюго. Послѣдній—его кумиръ, обстоятельство весьма интересное, потому что, быть-можетъ, этимъ увлеченіемъ и объясняется тотъ крайне фигурный языкъ который усвоилъ себѣ „Марлинскій“ въ повѣстяхъ и романахъ написанныхъ въ послѣдніе годы его жизни. Вообще съ замѣчаніями его о современной ему словесности далеко не всегда можно согласиться (особенно несправедливъ его отзывъ о безсмертномъ трудѣ Карамзина), и тѣмъ не менѣе они все-таки интересны, какъ замѣтки человѣка умнаго, даровитаго, много читавшаго и размышлявшаго.

Нѣкоторыя изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ Бестужева останавливаютъ вниманіе своимъ искусственнымъ, такъ сказать казеннымъ тономъ, выспренними изъявленіями чувствъ признательности и т. п. Это объясняется тѣмъ что Бестужевъ имѣлъ въ виду не всегда только тѣхъ къ кому писаны были его письма, а и тѣхъ случайныхъ лицъ которыя иногда прочитывали его письма прежде чѣмъ доставить ихъ по адресу. Очевидно имѣя это въ виду, онъ въ письмахъ своихъ въ *Петербургъ* разъ или два подпускаетъ тучу самаго льстиваго оміама о дѣйствіяхъ на Кавказѣ Паскевича и одного изъ его преемниковъ, барона Розена, а въ письмахъ своихъ въ *Москву* къ Полевымъ (въ 1861 году напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*) и еще болѣе въ письмахъ къ брату Павлу, въ Тифлисъ (см. *Отече-*

ственныя Записки 1860), говоритъ о тѣхъ же лицахъ совершенно иначе: рѣзко и откровенно.

Съ другой стороны, всѣ письма свидѣтельствуютъ о Бестужевѣ какъ о человѣкѣ который, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, тщеславіи и фанфаронствѣ, отличался удивительнымъ трудолюбіемъ, замѣчательною силой воли и многими возвышенными качествами. При самыхъ тяжкихъ условіяхъ жизни, онъ не только работалъ для матеріальной поддержки себя и *всѣхъ своихъ четырехъ братьевъ*, но и заботился о пріобрѣтеніи новыхъ знаній. Пытливый умъ его постоянно жаждалъ новой пищи. Зная прекрасно языки французскій и англійскій, онъ изучалъ италіянскій, а живя въ Дербентѣ, съ необыкновенною легкостью овладѣваетъ языкомъ татарскимъ, начинаетъ свободно изъясняться на немъ, знакомится научнымъ образомъ съ языкомъ арабскимъ, „стремится“, по собственному выраженію, къ языку персидскому.* И все это не самохвальство. Лица знавшія Бестужева на Кавказѣ вполнѣ подтверждаютъ справедливость показаній его о трудовой жизни и его успѣхахъ на поприщѣ самообразованія.

Нѣжная заботливость его о братьяхъ и вообще о родныхъ заслуживаетъ особаго вниманія. Думы и заботы объ улучшеніи ихъ положенія и объ обезпеченіи ихъ будущности одушевляютъ Бестужева въ трудахъ его и занимаютъ его до послѣдняго часа жизни. Нельзя равнодушно читать тѣ многочисленныя мѣста его писемъ которыя относятся къ этому предмету.

Представляемыя здѣсь письма печатаемъ мы впервые и притомъ съ подлинниковъ, обязательно сообщенныхъ въ мое распоряженіе Е. А. и М. А. Бестужевыми, сестрой и братомъ покойнаго; къ сожалѣнію, нѣсколько писемъ отъ времени, сырости, а можетъ-быть отъ тысячеверстныхъ путешествій ими совершенныхъ, дошли до нашего времени сильно протертыми и сотлѣвшими: таковы письма подъ №№ V, VII, VIII, IX и нѣкоторыя другія. Само-собою разумѣется что мы печатаемъ письма безъ измѣненій, кромѣ небольшихъ выпусковъ слишкомъ частныхъ семейныхъ подробностей; впро-

* Какъ велика была его любознательность видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта: въ 1835 году онъ пролежалъ въ постели нѣсколько недѣль, въ Пятигорскѣ, тяжко больной; не зная чѣмъ развлечься, Бестужевъ прочелъ въ это время массу медицинскихъ книгъ

чемъ, многія изъ таковыхъ подробностей мы не нашли нужнымъ опускать, такъ какъ онѣ обрисовываютъ нравственный обликъ этого человѣка.

Печатаемые документы, гдѣ оказалось нужнымъ, обставлены примѣчаніями, причемъ мы сочли излишнимъ приводить въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ перечни сочиненій и изданій Марлинскаго, такъ какъ этого рода подробныя библіографическія примѣчанія напечатаны мною при письмахъ Бестужева къ брату его Павлу въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1860 (кн. V, VI и VII).

Въ концѣ писемъ приведены извѣстія о гибели Александра Бестужева, дополняющія и исправляющія свѣдѣнія напечатанныя мною объ этомъ событіи въ вышеуказанныхъ статьяхъ.

I.

Тифлисъ, 15го августа 1829.

Я въ Грузіи. Надо мной таетъ блетворное тифлисское небо, и за мной бѣлѣютъ вдали снѣжные хребты Кавказа. Наконецъ я видѣлъ Кавказъ, который жаждалъ видѣть съ самаго дѣтства, и до сихъ поръ не насытился этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Надобно самому испытать возвышенное чувство проникающее душу при подножіи ледяныхъ горъ, чтобы повѣрить силѣ и сладости сего впечатлѣнія. Сибирскія горы во многихъ мѣстахъ живописнѣе Кавказа и почти всегда разнообразнѣе, но величественность его ни съ чѣмъ несравнима: она поражаетъ, приковываетъ васъ; она чаруетъ не одни взоры, но душу. Мнѣ даже на письмѣ жаль свести съ нихъ глаза чтобы хронологически описать свое путешествіе. Возвратимся къ Саянскому хребту, съ котораго спустился я 4го іюля, и отъ котораго ровно чрезъ мѣсяцъ въѣхалъ уже подъ тѣнь Кавказа.

Ничто не могло быть пріятнѣе нашего путешествія: самое лучшее время года, то-есть лѣто, разсыпало полною рукой обиліе травъ и плодовъ, а доброе расположеніе духа позволяло видѣть все *въ настоящемъ видѣ*. Надежда трепетала надъ нами крыльями, и все кругомъ насъ жило и любило. Мы скоро оставили за собой волнистыя долины Иркутской губерніи; скоро Обь и Енисей зашумѣли за нами, и мы, напутствуемые во всю дорогу зноемъ, въѣхали въ печальную тундру Барабинской степи. Стоячія болота заражали тамъ воздухъ. Кони въ деревняхъ валились тысячами, и язва перешла на людей. Мы проѣзжали съ опасностію сквозь или около зараженныхъ деревень, и нерѣдко впрягали жеребятъ въ ловозки, имѣя на козлахъ привидѣніе вмѣсто кучера. Наконецъ черезъ двѣ

недѣли мы покинули Сибирь. Окрестности Екатеринбурга есть одно изъ живописнѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстъ въ Россіи. Очень многіе города наши гораздо хуже тамошнихъ селъ, и вообще довольство, всеобщая образованность радуютъ сердце. Казань и Симбирскъ мелькнули и исчезли изъ виду, но не изъ памяти моей—это весьма красивые города. И вотъ въѣхали мы въ степи Саратовскія. Скучное мѣсто! Только порой встрѣча съ матушкой Волгой утѣшала меня, и потомъ видъ прелестныхъ нѣмецкихъ колоній, изъ коихъ перлъ—Сарепта стóитъ вниманія. Отъ стѣнъ Астрахани поворотили мы опять въ степи—въ степи пещаныя и безводныя, населенныя только милліонами болотныхъ птицъ, дикихъ гусей, дрофъ и беркутовъ. Только несчисленныя стада птицъ сихъ оглашаютъ пустыню зыблемую вихремъ, и только желтѣющая кора на поверхности соляныхъ озеръ сверкаетъ тамъ на солнцѣ; впрочемъ все мертво. Отъ Кизляра, покинувъ Кара-Нагаевъ, поѣхали мы линейскими казаками: Гребенцами, Моздокцами и другихъ станицъ. Всѣ они люди высокой храбрости и ничѣмъ не отличаются отъ Черкесовъ, съ коими ведутъ безпрестанную войну. Здѣсь уже, по Тереку, нельзя ѣздить безъ конвоя, и мы день и ночь скакали окруженные красивыми всадниками, прелоясавъ шашки и кинжалы, безъ которыхъ здѣсь не увидите трехлѣтняго мальчика. Наконецъ пріѣхали мы 3го августа въ Екатериноградъ, станицу на берегу Терека, коего враждующіе берега поятъ станицы казаковъ и аулы Чеченцовъ. Здѣсь ночевали мы четвертую ночь съ выѣзда изъ Иркутска—такъ спѣшили мы съ жаркою волей чтобы застать побѣдителей эрзерумскихъ еще со взмахнутымъ мечомъ.

Сѣвъ верхами, мы отправились ущеліемъ горъ далѣе, отъ крѣпостцы къ крѣпостцѣ, всегда съ пѣшимъ и коннымъ конвоемъ. Нерѣдко даютъ и пушки, но мы не брали ихъ. Ущеліе суживалось, виды становились картиннѣе, но, по несчастію, бурные дни только на часы открывали намъ Бешту и Эльборусъ и снова заволокали ихъ тучами. Чѣмъ далѣе въ горы, тѣмъ болѣе увеличивалась опасность, которой, признаюсь, я не совсѣмъ вѣрилъ. Но теперь узналъ что конвой провожавшій насъ былъ зарѣзанъ до одного человѣка возвращаясь на постъ свой. Нынѣшній и прошлый годъ набѣги Черкесовъ стали чаще, но это только до возвращенія графа Эриванскаго. Недавно полонили доктора. За три дня предъ нами отбили они 200 коней изъ-подъ пушекъ конвоя, и вообще каждый шагъ въ горахъ ознаменованъ разбоемъ, а когда и убійствомъ, и распещренные камни въ честь ихъ убитыхъ узденей вездѣ напоминаютъ о гибельныхъ стычкахъ. Но полно о Кавказѣ на этотъ разъ; завтра я выѣзжаю въ отрядъ верхомъ на купленной здѣсь лошади. Поѣду чрезъ Карсъ, Эрзерумъ и далѣе, гдѣ главнокомандующій. О Тифлисѣ скажу послѣ. Братья здоровы. Павелъ въ Эрзерумѣ, Петръ въ походѣ. Послѣдняго Провидѣніе спасло отъ чумы, когда трое съ нимъ жившихъ товарищей умерли. Я здоровъ, несмотря на удушающій жаръ, и радъ

что скоро буду въ дѣлѣ.... Объемлю сестрицъ и прошу, любезная матушка, вашего благословенія на новое поприще чести. Вашъ сынъ

Александръ Бестужевъ.

2.

Эрзерумъ, 3го сентября, 1829.*

Любезнѣйшая матушка! Наконецъ я достигъ цѣли утомительнаго моего путешествія, или лучше сказать миновалъ ее, достигая, ибо главнокомандующій нашъ такъ быстро побѣдами своими рѣшилъ кампанію что намъ, запоздалымъ воинамъ, досталось одно изумленіе отъ исполинскихъ подвиговъ. Мы было отправились уже изъ Эрзерума въ отрядъ, надѣясь еще застать какія-нибудь дѣла, но встрѣтили его сіятельство верстахъ въ двадцати за Евфратомъ уже на возвратѣ. Можете вообразить горькое чувство овладѣвшее мною, когда я поворотилъ коня опять на битую дорогу; все для чего я переносилъ терпѣливо трудности пути, и едва сидя верхомъ съ самаго Тифлиса, питался сладкою мечтой участвовать хотя въ одномъ сраженіи—все это исчезло предо мною на цѣлый годъ. Холодъ былъ сильный, дождь сѣялся кругомъ, и верхи горъ покрылись снѣгомъ,—но еще смутнѣе, еще холоднѣе былъ духъ мой. Признаюсь, до сихъ поръ не могу оправиться отъ неудачнаго своего пріѣзда, и только лучъ надежды имѣть стычки съ Курдами зимою нѣсколько меня утѣшаетъ. Имѣя это въ виду, его сіятельство назначилъ меня въ 41й егерскій полкъ, остающійся здѣсь для защиты крѣпости,—и такъ какъ глубокіе снѣга нерѣдко прерываютъ здѣсь сообщеніе, то прошу васъ не безпокоиться если долго не будете получать отъ меня вѣстей... Пріѣхавъ на квартиру братьевъ, я засталъ дома только раненаго.... онъ долго не вѣрилъ глазамъ своимъ.... радость эта была для обоихъ вовсе неожиданна! Рана его понемногу выполняется, и доктора даютъ надежду что будетъ въ ней владѣнье: пуля пробила ему руку между двухъ костей близь локтя. Одна линія ниже или выше, и онъ бы вовсе лишился руки. Ввечеру мы собрались всѣ трое, и то-то было разказовъ о всемъ что каждый испыталъ и видѣлъ. Старшій изъ нихъ,—я долженъ однакожъ опустить флагъ предъ младшими, и снявъ шапку, слушать о преодолѣнныхъ ими трудностяхъ, о битвахъ и осадахъ. Скоро я лишусь и этой отрады: оба они при своихъ полкахъ идутъ къ Тифлису, оставляя меня одного глядѣть на дорогу къ вамъ и къ нимъ и съ зубчатой стѣны вздыхать на горный вѣтеръ.

Эрзерумъ, стоящій на скатѣ обнаженнаго, печальнаго хребта Саганлу, довольно издали живописенъ, потому что тамъ-и-

* Письмо это, какъ посланное изъ зачумленной мѣстности, исколото въ карантинѣ.

сямъ зелеѣютъ въ немъ деревья—но вблизи, но внутри его очарованіе исчезаетъ, какъ и во всѣхъ турецкихъ городахъ; узкіе, темные, грязные и кривые переулки, всѣ лавки и мастерскія и бойни на виду, журчаніе ключей въ водоемахъ и паденіе ихъ по улицамъ, крикъословъ, говоръ Армянъ, лай собакъ, толкотня и пестрота, вотъ главныя черты моей резиденціи. Турки, нахмуривъ брови, курятъ табакъ или изподлобья поглядываютъ на Русскихъ, тихо ступая. Физіономіи ихъ красивы и выразительны: фанатизмъ и ненависть къ пришельцамъ напечатаны на лицѣ. Днемъ они безопасны, но въ сумеркахъ невольно хватаешься за рукоять сабли, слыша за собой подковы мусульманскихъ туфлей. *Гетъ, гетъ* (ступай, проходи) говоритъ ему, и Турокъ, сжавъ губы, медленно опережаетъ тебя. Одежда ихъ прекрасна и разнообразна; женщины, закутанныя съ ногъ до головы въ бѣлыя чадры, мелькаютъ какъ привидѣнія, едва показывая кончикъ носа. Странно только что вѣтеръ бываетъ всегда благосклоннѣе къ тѣмъ которыя не дурны, свѣвая съ лица ихъ чаще покрывало. Внутренность здѣшнихъ домовъ лучше и чище отдѣлана чѣмъ въ Карсѣ и Гассанъ-кале, но все еще далека отъ европейской чистоты. Рѣзные, раззолоченные и фольгою украшенные потолки, испещренныя арабесками стѣны, шкапики по всѣмъ угламъ и каменный полъ, окруженный возвышеніями въ четверть, вотъ и все: ни стола, ни стула, ни стеколъ въ окнахъ. Не знаю какъ справимся мы съ жестокою здѣшнею зимой безъ печей, а еще того болѣе безъ дровъ; не знаю чѣмъ будемъ кормить и коней, ибо въ окрестности ни травки, ни прутика, а дороговизна на конскій кормъ невообразима, хотя всѣ другіе припасы очень сходны. Здѣсь останется около восьми тысячъ гарнизону: прочія войска идутъ зимовать въ окрестности Тифлиса. Крѣпость Байбурть взорвана, и слѣдовательно мы будемъ служить границею. Длинный рядъ армянскихъ арбъ, ословъ и коней тянется сюда изъ Байбурта, но за то много упрямыхъ мусульманъ выѣзжаютъ отселѣ. Войска приходятъ изъ экспедицій и выступаютъ въ походъ, весь городъ въ движеніи—картина прекрасна.

Въ другую пору, любезная матушка, я порядочнѣе и подробнѣе опишу свою дорогу: хребетъ Саганлу, гдѣ разбитъ былъ сераскиръ и его укрѣпленный лагерь, потомъ прекрасную крѣпостцу Гассанъ-кале, древній Ѳеодосіополь, гдѣ я купался въ горячихъ ваннахъ, наконецъ снова Эрзерумъ и, по слухамъ, экспедицію графа къ серебрянымъ рудникамъ, прекрасному греческому городку, и рекогносцировку въ сердце Лазистана. Теперь слѣпу къ почтѣ. Здоровье мое укрѣпляется, но бездѣйствіе какъ-то крушитъ сердце.

Для *Пчелы* я сбираю военные анекдоты, которыхъ здѣсь не мало, ибо графъ Эриванскій умѣлъ вдохнуть героизмъ въ послѣдняго солдата. Да сохранитъ Господь ваше здравіе, любезнѣйшая матушка, этого молитъ покорный и неизмѣнно любящій васъ сынъ Александръ Бестужевъ.

3

Дербентъ, 4го марта, 1830 г.

Вотъ уже четвертое* письмо, любезная и почтенная матушка, что̀ я пишу къ вамъ съ береговъ бурнаго Каспійскаго моря—и нѣтъ отвѣта. Я ужъ не знаю чему и приписать такое молчаніе, и очень былъ печаленъ насчетъ драгоцѣннаго для насъ здоровья вашего, покуда не получилъ отъ брата Павла извѣстія что вы здоровы, и утѣшая себя разными предлогами, полагаю что, можетъ-быть, вы остались на эту зиму въ деревнѣ, и отъ того произошли всѣ замедленія. Собственное положеніе мое достойно всякаго сожалѣнія, и лихорадка снова томитъ меня. Со всѣмъ тѣмъ я бы полумертвый готовъ былъ отправиться въ походъ, такъ сильно во мнѣ желаніе заслужить кровію прежній проступокъ предъ государемъ императоромъ, котораго уважаю какъ великодушнаго монарха и люблю какъ великаго человѣка.

Вслѣдствіе сего я умоляю васъ немедля написать просительное письмо къ его высокопревосходительству Александру Христофоровичу Бенкендорфу: „о предстательствѣ его предъ тропомъ за несчастливца желающаго быть переведеннымъ въ какой-либо армейскій полкъ, для того только чтобъ участвовать въ открывающейся кампаніи противъ горцевъ“. Истлевая въ гарнизонѣ, могу ли я загладить минувшее? Можетъ ли назваться службою инвалидная служба! Здѣсь, въ бездѣйствіи (въ отношеніи военномъ), я гибну безъ всякой пользы для государя и отечества.

Въ этотъ разъ, любезнѣйшая матушка, просьба сія, исполненіе коей занимаетъ всѣ мои чувства и думы, будетъ единственною, хотя мнѣ бы и нужно было объяснить мои житейскія заботы, находясь вовсе безъ денегъ. Обнимите за меня милыхъ сестрицъ и пошлите привѣтъ братьямъ. Жду благословенія вашего. Горячо и неизмѣнно любящій васъ сынъ

Александръ Бестужевъ.

P. S. Письма можете и просто адресовать въ Дербентскій гарнизонный батальонъ, въ 1ю роту.

4.

Дербентъ, 1830 года, августа 20го. **

Милые братья, Николай и Михаилъ! Давно, давно не писалъ я къ вамъ, но думалъ о васъ тѣмъ не рѣже. Сначала дорога, потомъ походъ и сраженіе, потомъ опять походъ, каран-

* Изъ первыхъ трехъ писемъ одного мы не имѣемъ.

** Письмо исколото въ карантинѣ.

тины и болѣзни мѣшали мнѣ. Отсюда же не хотѣлось печалить васъ вѣстями нерадостными. Теперь, когда уже самое несчастіе обратилось въ привычку, и въ виду мало надеждъ къ перемѣнѣ, надобно представить краткій перечень моего существованія со времени письма изъ Иркутска, чтобы наполнить пропускъ въ моемъ романѣ. *

Дорога моя была живописное путешествіе. Вся сибирская природа тогда оживала наравнѣ съ моими надеждами. Дикій, пустынный берегъ Лены, по которому скакалъ я верхомъ (за разливомъ рѣки и болѣе для скорости), на каждомъ поворотѣ представлялъ новые, прелестные виды. Я долженъ былъ ѣхать по гребню горы и весьма часто по краю отвѣснаго берега, и самая опасность прибавляла наслажденія. Нерѣдко также приходилось спускаться на затопленный берегъ и ѣхать по лоясь въ водѣ, не зная что за шагъ обрывъ или яма встрѣтитъ тебя, и потомъ объѣзжать въ самой рѣкѣ скалу, заступившую дорогу. Переправа черезъ широкія рѣки могла бы одна потребовать тома: иногда въ бродъ по гребню камней водопада, ревущаго подъ ногами, иногда въ берестяномъ челнѣ, плавя сзади коней, готовыхъ его опрокинуть, иногда на срубленной соснѣ, иногда вплавь, неожиданно сорвавшись или съ размытаго мостика, или обманутый бродомъ. Случалось не разъ что мы принуждены бывали класть жерди съ сучка до сучка потопленныхъ деревъ и по нимъ переправляться черезъ болотистую рѣчку, перенося на плечахъ чемоданы и балансируя надъ пучиной. Случалось, взъѣзжая къ верховью поперечныхъ рѣкъ для пріиска броду, прорубать себѣ дорогу въ чащѣ, въ которой отъ вѣка не была стопа человѣческая: здѣсь человѣкъ оставленъ собственнымъ своимъ силамъ, и побѣда его надъ природой тѣмъ замѣтнѣе. Наконецъ, по многихъ случаяхъ опасныхъ, встрѣчаясь раза два съ медвѣдями носомъ къ носу, я прибылъ въ Иркутскъ, 29го іюня, и 4го іюля, вмѣстѣ съ Толстымъ, въ покойномъ экипажѣ, отправились въ дорогу снова. Города и области мелькали за нами какъ во снѣ, и черезъ шестнадцать дней мы въѣхали въ Россію, оставя за собой Уральскій хребетъ и богатые, прелестные его городки и деревни. Мы скакали нигдѣ не почуя, нигдѣ не останавливаясь, до самаго Симбирска. Тамъ пересѣли въ телѣгу и ровно черезъ мѣсяцъ увидѣли снѣжные верхи Кавказа, отправясь съ Алтайскихъ горъ. Не могу выразить что̀ я почувствовалъ, увидя во Владикавказѣ впервые послѣ пасмурной погоды гряды льдовъ, озаренныхъ лучомъ утра! Я не могъ налюбоваться ими, не могъ наглядѣться на нихъ. Военное ущеліе по берегу Терека нерѣдко высочайшей красоты, и переправа черезъ Крестовую гору—прелесть. Я при этомъ былъ промоченъ до костей, потомъ замороженъ, и черезъ десять минутъ весь въ поту отъ жара. Казбекъ и Дарьялъ и

* Послѣднее письмо А. Бестужева къ его старшимъ братьямъ было отъ 2го іюля 1829 изъ Иркутска.

еще кой-какія мѣста стоятъ кисти Сальватора. Богатство растеній, разнообразіе деревъ, плющъ и дикій виноградъ, падающій фестонами, и множество ключей летящихъ съ утесовъ, обворожаютъ слухъ и взоръ. Но тамъ, за камнемъ, въ высотѣ, ты видишь прилавшаго Чеченца, который высматриваетъ отставшихъ. Предъ нами захватили они въ плѣнъ доктора; но одинъ изъ казаковъ залѣзъ въ дупло улавшаго дуба и, съ ружьемъ въ рукѣ, отсидѣлся: Черкесы не могли пробить дерево пулями. Они ранили подлѣ Хозревъ-Мирзы одного нукера, и конвой, съ нами бывшій, изъ тринадцати егерей и четырехъ козаковъ, былъ изрубленъ на другой день въ куски близъ Ардона. Впрочемъ, къ чести человѣчества и имени Русскихъ, когда вы получите это письмо, кавказскіе разбойники будутъ уже лишены всѣхъ средствъ дѣлать набѣги, и навсегда. Изъ Тифлиса, въ восемь дней, миновавъ Гимры, Карсъ, Саганлукскій, хребетъ совершенно похожій на сибирскія горы по сосновому лѣсу и образованію, мы, выкупавшись въ горячихъ ключахъ Ѳеодосіополя (Гассанъ-Кале), прибыли въ Эрзерумъ, гдѣ я нашелъ Павла и раненаго Петра. Представясь главнокомандующему, я былъ назначенъ въ храбрый 41й егерскій полкъ. Лихорадка держала меня на постели; но будучи съ братьями и друзьями послѣ столь долгой разлуки, я считалъ себя совершенно счастливымъ. Еще больной, я выпросился участвовать въ походѣ, и 15го сентября часть нашего полка двинулась съ отрядомъ къ Байбурту. Не буду описывать ни перестрѣлки накануѣ 27го сентября, гдѣ мы сначала прикрывали орудія, а потомъ, разсыпавшись по горѣ, завязали потѣшный огонь съ кавалеристами по крутой стремнинѣ; на разсвѣтѣ мы вдругъ перемѣнили дорогу и пошли въ обходъ верстъ двѣнадцать чтобъ отрѣзать непріятеля отъ дороги въ Трапезонтъ. Прочее вы знаете. Завладѣвъ высотами, мы кинулись въ городъ, ворвались туда черезъ засѣки, прошли его насквозь, преслѣдуя бѣгущихъ, и наконецъ верстъ пять далѣе вступили въ дѣло съ Лазами, сбили ихъ съ горы, и пошла рукопашная. Я былъ ужасно утомленъ усиліями карабкаться по каменистой крутой горѣ, пересѣченной оврагами, въ полной аммуниціи и въ шинели. Но вся добыча которую я себѣ позволилъ состояла въ кисти винограда и въ турецкомъ молитвенникѣ: хозяинъ заплатилъ за это жизнью. Возвращаясь по полю усѣянному мертвыми тѣлами, разумѣется обнаженными, и видя иныхъ еще дышущими, съ запекшеюся кровью на устахъ и лицѣ, видя всюду грабежъ, насиліе, пожаръ,—словомъ, всѣ ужасы сопровождающіе приступъ и битву, я удивлялся не чувствуя въ себѣ содраганія; казалось какъ будто я выросъ въ этомъ, какъ будто это должно было такъ быть: какъ скоро привыкаетъ человѣкъ къ этимъ картинамъ! Сознаніе что ты не въ состояніи помочь, ни отвратить, дѣлаетъ тебя почти равнодушнымъ. Ввечеру зрѣлище было ужасно великолѣпно. Городъ пылалъ, и кровавое зарево отражалось на купахъ утесовъ, на высокихъ тополяхъ

и въ гремучихъ струяхъ Чароха. Невиятный гулъ раздавался въ срединѣ города, отданнаго на разграбленіе; пѣсни и выстрѣлы изъ взятыхъ ружей раздавались въ станѣ. Солдаты, сгибаясь подъ ношами, тащили всякую всячину, мѣняли, продавали; золоченыя рамы, пестрые шкафы трещали въ кострахъ бивачныхъ, на которыхъ жарили, варили и пекли съ масломъ и медомъ. Радость и веселье одушевляли всѣхъ. Я сѣлъ на коня и поѣхалъ посмотрѣть Байбурть: онъ походилъ на печь: огонь и дымъ стлался поверху; по улицамъ бродили толпы солдатъ, доискивая остатковъ, ломая все что ломается, разбивая объ уголъ даже глиняные горшки. Дома, большею частію съ навѣшеннымъ этажомъ, рухали вдругъ всею массой. Нѣсколько армянскихъ семействъ глядѣли на пожаръ издали, и плакали тихо. Тамъ рыдала Турчанка-старуха надъ тѣломъ сына.... Тамъ.... но я опускаю завѣсу. Это необходимое слѣдствіе войны.

Я бродилъ потомъ по развалинамъ царства Армянскаго: я видѣлъ печальную страну завоеванной Персіи, я толпился подножіе Арарата, былъ въ Сардарабазѣ, въ Эриванѣ, тогда еще зачумленной. Видѣлъ удары нашихъ бомбъ и ядеръ на мечетяхъ ея; видѣлъ горестную дорогу по которой шелъ къ Эчмядзину Красовскій, гдѣ легло столько Русскихъ, не побѣжденныхъ, но утомленныхъ. Вообще весь тотъ край наводитъ тоску на сердце: голыя обожженныя волканическія горы, безжизненныя степи или ущелія, по коимъ вьется пыль и шумитъ бурьянъ. Вотъ все. Деревни подъ землей, жители оборваны.

Болѣзнь моя въ Тифлисѣ и внезапный отъѣздъ, или, лучше сказать, высылка изъ онаго вамъ ужь вѣрно, милые братья, извѣстны, и я не люблю останавливаться на чертахъ не приносящихъ чести человѣчеству. Теперь я живу въ губительномъ климатѣ: лихорадка здѣсь условіе бытія, и недавно холера прошла какъ ангелъ истребленья по этому краю. Я живу на склонѣ Кавказа, и не вижу его. Деревья миндальныя, гранатовыя, персиковыя, разныхъ плодовъ, осѣняютъ ближніе холмы; но ѣсть ихъ значитъ навѣрное быть больнымъ,— и это не выгода, а казнь Тантала. Вдали пустое море, кругомъ безрадостная степь, вблизи грязныя стѣны и непріязненныя лица Татаръ, вотъ мои товарищи. Пуще всего мнѣ горька разлука съ Петромъ: онъ теперь въ отрядѣ близь Темиръ-Ханъ-Шуры, и климатъ тамъ довольно здоровъ. Въ досужное отъ службы время (то-есть между часами) я занимаюсь словесностью, какъ одуряющимъ средствомъ отъ скуки, и если вы въ *Сынѣ Отечества* будете читать что-нибудь съ подписью Марлинскій, это мое. Калачи, говорятъ, зависятъ отъ воды: не осудите что моя вода не очень вкусна. Впрочемъ, теперь я здоровъ и терплю только отъ нестерпимаго жара. Какъ вы, мои любезные отчужденники? веселы ли? здоровы ли? Я бы готовъ душой ѣхать къ вамъ, еслибы позволили, и не разъ горюю даже объ Якутскѣ. Что я выигралъ перемѣною? Но полно объ этомъ. Судьба непсповѣдима, и я ей

поручаю васъ, милые сердцу. Единственная мольба моя кончить жизнь вмѣстѣ, гдѣ бы то ни было. Обнимаю васъ, друзья и братья. Будьте здоровы и счастливы. Неизмѣнно любящій васъ братъ

Александръ Бестужевъ.

5.

Дербентъ, 11го декабря 1830.

Вотъ уже и годъ на исходѣ, любезнѣйшая матушка. Время проходитъ незримо, только судьба наша, какъ неподвижная скала въ потокѣ лѣтъ, не движется къ лучшему. Въ утѣшеніе вамъ по крайней мѣрѣ могу сказать что духъ мой едва ли не также неизмѣненъ.... годы могутъ разбить его на части, но и самые кусочки сохранятъ свою природу. Правда, на этой скалѣ не зеленѣетъ теперь.....* цвѣты радости, на ней бѣлѣетъ только снѣгъ несчастія, который и тая разрушаетъ, но все-таки я еще не безполезный лесъ къ, возметаемый каждымъ вѣтромъ и каждою волною. Не знаю право съ чего мнѣ пришло въ мысль это сравненіе, но въ немъ не безъ правды. Письмо сестры Елены Александровны отъ 16го октября получено.... очень утѣшенъ, хотя не совсѣмъ увѣренъ что здоровье какъ ваше, дражайшая матушка, такъ и сестрицъ, находится въ добромъ состояніи; о сохраненіи его моя единственная молитва: вы намъ одинъ другъ на землѣ. Изъ газетъ вижу что холера какъ тать пробирается къ вамъ, что была уже въ Тихвинѣ, но, признаюсь, мало ея страшусь за край сѣверный: холода стоятъ тамъ на часахъ, и мѣры правительства уже ослабили ядъ ея, и мало-помалу она исчезнетъ какъ привидѣніе. Одному только мало вѣрю, это совершенству способовъ медиковъ: всякій хвалитъ свой, а между тѣмъ по таблицамъ видно что умираетъ 70 изо 100. Долго, долго пройдетъ еще времени покуда найдутъ противъ нея несомнѣнное лѣкарство. Московскія скороспѣлки далеки еще отъ цѣли. У насъ каждое дуновеніе вѣтра наноситъ то съ горъ, то съ моря туманы и дожди, но сила растенія такъ велика что мелкая травка зеленѣетъ снова по горамъ и разрушеннымъ стѣнамъ города. Въ недавнія бури разбило близъ Дербента казенный транспортъ, и море временами выкидываетъ доски и боченки: жалкіе остатки работы человѣческой.... такъ ничтожны и всѣ замыслы человѣка когда онъ идетъ противу промысла Божія, касается царствамъ и они въ прахѣ. Объемля сестеръ и лобзая руку дающую благословеніе, я остаюсь въ надеждѣ что милость Всевышняго сохранитъ васъ здоровою, какъ сохраняю я въ сердцѣ благодарность за родительскую любовь и попечительность вашу. Покорный и любящій васъ сынъ

Александръ Бестужевъ

---

* Весь бокъ этого письма истлѣлъ

Chère Hélène! Я хочу попенять вамъ за сомнѣніе, такъ-сказать, которое какъ будто вы имѣете ко мнѣ насчетъ недостатковъ брата Петра; я не изъ тѣхъ беззаботныхъ братьевъ которые только о себѣ и думаютъ, и будьте увѣрены, дѣлалъ и сдѣлаю что̀ могу чтобъ облегчить его существованіе.... Напишите пожалуста мнѣ аккуратно всѣ числа отъ коихъ получили вы мои письма. Я пишу регулярно черезъ двѣ недѣли, но такъ ли вы ихъ исправно получаете сомнѣваюсь, ибо нерѣдко спрашиваете о вещахъ давно вамъ объясненныхъ: я чрезвычайно аккуратенъ самъ и потому желалъ бы взаимности.... Насчетъ литературы есть до васъ, любезная сестрица, просьба, и вотъ въ чемъ состоитъ она. Вопервыхъ, узнать отъ Ѳ. В. (Булгарина) что̀ сдѣлалось съ моими стихами которыя просилъ я ихъ продать куда-нибудь въ альманахъ; если нѣтъ успѣха, возьмите къ себѣ до времени, но ради Бога не навязывайте никому, я не хочу быть Хвостовымъ (цѣна ихъ 200 руб.). Вовторыхъ, въ газетѣ *Furet* была напечатана похвала *Испытанію* и *Вечеру на Кавк. водахъ*, гдѣ, между прочимъ, сказано что публика желаетъ видѣть ихъ напечатанными особо. Это знакъ что сіи повѣсти приняты хорошо, и потому попроси къ себѣ Смирдина или Еленина, предложи имъ: не хочетъ ли кто купить ихъ, для напечатанія вмѣстѣ трехъ: *Замка Эйзена*, *Испытанія* и *Вечера на Кавк. водахъ*. Къ нимъ въ такомъ же форматѣ могутъ они въ послѣдствіи припечатать.... публиковаться имѣющія мои повѣсти ежегодно, ибо, если Богъ дастъ здоровья, я сорокъ печатныхъ листовъ буду издавать непремѣнно въ годъ. Цѣна тремъ 1.500 руб., двумъ послѣднимъ 1.200, съ тѣмъ условіемъ чтобъ они печатали не болѣе одного завода или 1.200 экземпляровъ. * Если согласятся, то условіе надобно сдѣлать на бумагѣ и по крайней мѣрѣ взять половину денегъ впередъ. Всѣ сдѣлки совершать по законамъ. Я уже довольно былъ грабленъ на вѣку и не хочу быть обманутымъ въ сотый разъ. Эта цѣна ничтожная и по ходу книжной торговли выгоды, у книгопродавцевъ будутъ тройныя, а потому не отдавать ни рублемъ дешевле. Будь я въ Петербургѣ, я увѣренъ что взялъ бы втрое противъ настоящаго, но по одежкѣ протягивай ножки. О рѣшеніи этого увѣдомьте не медля, и если получите деньги, то храните ихъ у себя до дальнѣйшаго распоряженія. Съ хирѣющимъ здоровьемъ мысль невольно встрѣчаетъ раннюю старость, — я слишкомъ долго былъ птицею, пора быть муравьемъ. Не забудьте также условиться объ уплатѣ отъ *Пчелы:* какъ хотятъ они? по полугоду ли, по третямъ ли? лишь бы это было какъ заведенные часы. Они не могутъ на меня жаловаться, я точенъ, а долгъ красенъ платежомъ; еще: если кто изъ нихъ скорчитъ кислую, возьмите назадъ мое слово, и скажите что я не хочу ловить ихъ на

* Само собою разумѣется что цѣны упоминаемыя въ этихъ письмахъ надо считать на *ассигнаціи*.

..... если они имѣютъ лобъ считать договоръ невыгоднымъ, я лучше буду копать землю чѣмъ продавать свой умъ наравнѣ съ поденщиной. У меня готова для нихъ большая повѣсть: *Бѣлозоръ*, и повѣсть недурная, и ..... не беретъ пакетовъ. Надо подождать.

Любезную Марію, добрую Ольгу цѣлую братски. Зачѣмъ не приписываютъ онѣ хоть по слову при каждомъ письмѣ? Родной привѣтъ мнѣ дороже жемчуга. Что̀ думаютъ онѣ, что̀ дѣлаютъ? Вьютъ нить жизни одинокой! Дай Богъ чтобы судьба вплела золото отрады въ черную ея прядь. Кланяйтесь моему незабвенному Арсе....., кланяйтесь Николаю Алексѣевичу. Александру Филипповичу и всѣмъ домашнимъ. Обнимаю васъ отъ души, вѣчно любящій братъ вашъ

Александръ.

P. S. Надѣюсь, вы получили письма съ коммиссіями? Не забудьте о журналахъ: хоть на свои деньги покуда. Братъ писалъ письмо, кажется, въ accès de spleen. Это не всегда бываетъ.

6.

Дербентъ. 1830 года декабря 27го.

Милые, добрые братья, Николай и Михаилъ, здравія вамъ и радости!

Когда эти строки будутъ у васъ предъ глазами, вы уже встрѣтите Новый Годъ—по времени, едва ли новый по судьбѣ. Такъ думаю, хотя не того желаю. Отказался уже я вѣрить надеждѣ, ибо каждый мѣсяцъ, пролетая, набрасываетъ лишнюю гирю въ чашку вѣсовъ нашихъ, вѣсовъ земнаго испытанія. Бѣдствіе наше не похоже на котомку Эзопа, которая облегчалась при каждомъ обѣдѣ и ужинѣ. Для меня утѣшно по крайней мѣрѣ сказать, какъ и чувствовать, что мы не падаемъ духомъ подъ своею ношей: „Mon âme est de granite,“ говорилъ Наполеонъ, „la foudre même n'y mordra pas!“ Это стоитъ подражанія.

Говорятъ что васъ переводятъ, а можетъ-быть и перевели уже на какой-то Петровскій заводъ? * Поздравлять съ такою обновкой значило бы привѣтствовать мертвеца въ новой могилѣ. Я увѣренъ что вамъ просторнѣе теперь чѣмъ въ Читѣ, но лучше ли? Я не Напглось, и потому вѣрю въ лучшее

* Заключенные съ 1827 года въ острогъ города Читы, „декабристы“ переведены оттуда въ 1830 году въ нарочно выстроенный для нихъ острогъ въ Петровскѣ. Выступивъ изъ Читы 7го августа этого года, заключенники прибыли въ новую свою тюрьму 23го сентября. Петровскій заводъ (Нерчинскаго округа) отстоитъ отъ Читы въ 635 верстахъ.

только для всего человѣчества, очень рѣдко для людей и почти никогда собственно для насъ: нумера нашей лотереи внѣ всѣхъ разчетовъ вѣроятностей.

Не думаете ли вы, любезные братья, что я всегда кукую? Право, нѣтъ: не могу при мысли о страданіяхъ родныхъ моихъ запретить себѣ печали; но вы очень хорошо знаете что я отъ природы весьма веселаго характера и самыхъ миролюбивыхъ привычекъ. Еслибы отъ меня зависѣло все въ свѣтѣ, то люди плясали бы съ утра до вечера. Гнѣвъ, досада, негодованіе на мигъ пролетаютъ сквозь сердце, какъ молнія сквозь трубу, и безъ слѣда. Я болѣе всего не понимаю мщенія. Гомеръ говоритъ что она страсть боговъ, боговъ языческихъ, разумѣется. Мнѣ кажется, въ нашихъ понятіяхъ ее можно отправить въ преисподнюю, въ удѣлъ мильтоновскихъ обитателей Пандемоніума.

Какъ бы то ни было, но въ воображеніи я еще живу, хотя по сущности бытіе мое Богъ знаетъ что̀ такое: смертью назвать грѣшно, а жизнью совѣстно. Трудно себѣ вообразить нравственную безплодность этой стороны, и едва повѣрить можно какъ малы здѣсь удобства жизни: Русскій, для котораго водка не есть элементъ, какъ вода для рыбы, есть здѣшній Робинзонъ на необитаемомъ острову: ни съ деньгами, ни съ желаніемъ узнать что-нибудь, онъ ничего не купитъ, не вымѣняетъ ни одной человѣческой, не только европейской идеи. Здѣсь нѣтъ зимы—и всѣ мерзнутъ; здѣсь природа родитъ лимоны, а за рубль не найдешь капустнаго листка; море за полверсты, и я не пробовалъ еще рыбы; все прочее въ такой же пропорціи: люди и четвероногія, растенія и стѣны. Къ счастію, что вслѣдствіе своей философіи я вижу во всемъ болѣе недвижимости, предразсудка чѣмъ склонности ко злу, и потому я беру вещи съ забавной ихъ стороны.

Мнѣ бы хотѣлось написать романъ, но вовсе нѣтъ средствъ. Для этого нужны топографическія карты, лѣтописи, и то, и другое, и третье; здѣсь нѣтъ ничего, даже досуга. Я вздыхаю о томъ только чтобы жить въ уголку свѣта и тамъ посвятить умъ ученію, а произведенія ума — словесности.... вздыхаю—и вѣтеръ уноситъ звуки. Не скажу вамъ, милые братья, будьте терпѣливы: мнѣ должно учиться у васъ этой добродѣтели; но будьте здоровы и веселы. Петръ стоитъ съ отрядомъ въ с. Казанищахъ, въ горахъ: скучаетъ и груститъ и вмѣстѣ со мною обнимаетъ васъ. Неизмѣнно любящій васъ братъ и другъ

Александръ.

7.

Дербентъ, 1831, января 5го.

Не знаю, право, любезная матушка, будетъ ли стоить поздравленій грядущій годъ; но крайней мѣрѣ поздравлю васъ и

* Письмо сохраненное не вполнѣ.

себя что минулъ протекшій. Что-то обѣщаетъ, что-то дастъ намъ будущее? Не дай Богъ чтобъ оно измѣнило, какъ былое.

Я встрѣтилъ, или, лучше сказать, меня нашелъ новый годъ спящимъ, и на этотъ разъ даже сновидѣнія никакого не было, на коемъ бы могъ я построить хоть ельный замокъ..... Ничего напоминающаго вамъ обычаи родины, ничего радующаго душу, къ чему привыкли мы съ младенчества... О, родина не пустой звукъ, не предразсудокъ воспитанія. Не знаю въ какомъ раю забылъ бы я свое туманное отечество, гдѣ цвѣлъ ребенкомъ, жилъ юношей, даже гдѣ страдалъ и погибъ: мнѣ кажется, тамъ отъ живаго меня схоронено мое сердце, туда летаютъ и думы, и сны мои.

Здоровье мое довольно хило: летучая лихорадка неизмѣнно со мною путешествуетъ. Да и не мудрено ей питаться мною въ холодной саклѣ, когда морозцы восходятъ до восьми градусовъ. Этотъ холодъ, столь ничтожный въ краяхъ сѣверныхъ, чрезвычайно здѣсь чувствителенъ, потому что всѣ поры разрѣжены климатомъ, и каждый готовъ къ озноби и простудѣ. Въ Якутскѣ при 27° говорилъ я: „какъ тепло“; здѣсь при четырехъ я дрожу, ибо все относительно въ мірѣ.

Третьяго дня, получивъ тифлисскія газеты, я былъ чрезвычайно огорченъ и раздосадованъ извѣстіемъ объ измѣнѣ варшавской. Какъ жаль что мнѣ не удастся..... промѣнять пулю съ панами добродзѣями..... Впрочемъ, вѣроятно, когда придутъ къ вамъ эти строки, въ Польшѣ уже все кончено, ибо мятежъ..... былъ частный. Одно только замѣчу что Поляки (никогда не будутъ искренъ)....ними друзьями Русскихъ: какъ не корми (волка).... Никакого нѣтъ сомнѣнія что Царство Польское никогда не было такъ хорошо управляемо какъ подъ русскимъ владычествомъ; и масса народа выиграла; но дворянство ихъ не забыло еще своихъ своевольныхъ вольностей, и скорѣе согласится быть несчастнымъ по прихоти чѣмъ счастливымъ по чужому разуму. Хольте ихъ, они оперятся опять нашими перьями и опять забушуютъ... У нихъ полмилліона шляхты, которая ничего не имѣетъ терять, и слѣдственно всегда готова на покушеніе, гдѣ можетъ что-нибудь выиграть. Покуда въ Польшѣ есть дробная шляхта, въ ней не можетъ быть спокойствія. Забавнѣе всего поспольство ихъ: онъ (народъ) всегда былъ обласканъ Русскими, всегда избавляемъ нами отъ феодальнаго угнетенія пановъ—и все-таки не любитъ Русскихъ, не знаю самъ тому причины. Москаль для него бѣльмо на глазу, и онъ, повторяя слова пановъ какъ сорока, готовъ драться за ярмо свое какъ быкъ. Я знаю Польшу можетъ-быть лучше нежели многіе изъ Поляковъ, и предвижу много въ ней смятеній. Энтузіазмъ женщинъ и легкомысліе мущинъ суть вѣчно тлѣющія головни раздора. Кровь зальетъ ихъ, но навсегда ли? Дай Богъ.

Въ какой чудный вѣкъ живемъ мы! Династіи и народы уничтожаются и возникаютъ, и Франція, какъ исполинское

знамя, какъ боевая пушка, даетъ и теперь знакъ переворотовъ. Происшествіе іюля отдалось во всей Европѣ; мятежъ разсѣкъ Бельгію отъ Голландіи, и сама Англія.....

P. S. Chère Hélène: il paraît que M-rs les éditeurs ne sont pas trop pressés de remplir leur engagement—et bientot je serais de nouveau sans argent—la poste ne reçoit pas l'ouvrage pour eux et ce n'est pas ma faute.

....Мои поздравленія всѣмъ знакомымъ, всѣмъ домашнимъ. Ѳ. В. (Булгарину) и О. М.—особо. Николаю Алексѣевичу (Полевому) поминки.

P. S. Напишите, правда ли что А. Пушкинъ женился? Онъ вовсе перестанетъ пѣть, если это правда. Гречъ написалъ романъ? Каковъ онъ?

8.

Дербентъ, 1831, Января 19го.

Съ 28го ноября, любезнѣйшая матушка, не получаю отъ васъ вѣстей, и, складывая многое на распутицу, не могу однакожъ не безпокоиться о столь долгомъ молчаніи. Каждую почту ждешь, какъ бывало въ младенчествѣ воскресенья, она приходитъ—и холодное „нѣтъ“ рѣшаетъ и разрушаетъ всѣ ожиданія. Несносная холера не допускаетъ къ намъ ни книгъ, ни журналовъ, ни посылокъ, и тѣмъ умножаетъ скуку нетерпѣнія. Того и гляди что чума, открывшаяся въ окрестностяхъ Кавказа, заградитъ насъ отъ Европы еще на полгода....*

У насъ стоитъ прелестное время: тепло, свѣтло. Бываютъ дни что забываешься, не въ маѣ ли мы. 16го, въ 11 часовъ ночи, было землетрясеніе съ минуту, но довольно легкое. Какова-то погода у васъ? Я думаю, морозы и дожди попеременно, какъ всегда водится въ Петербургѣ, истинный символъ вѣтренности его обитателей. Новый годъ взошелъ на политическій горизонтъ въ бурныхъ тучахъ; но эта гроза на западѣ. У насъ поговариваютъ что горцы шалятъ на Линіи и готовятся къ упорной войнѣ. Для нихъ же хуже. Вотъ какъ обманчивы всѣ разчеты человѣческіе! Прошлою весной кто бы не поручился что съ турецкою войной раздался послѣдній выстрѣлъ въ Европѣ? И что жъ? Теперь вся Европа въ оружіи, и одно яблоко можетъ увлечь ее во всеобщую войну. Мы живемъ въ вѣкѣ ужасныхъ прей и переломовъ. Да минуетъ Русь чаша сія!

Послѣднее время я ничего не дѣлалъ въ отношеніи литературномъ: какое-то изнеможеніе ума овладѣло мною. За то прочелъ 2й томъ исторіи Полеваго и порадовался за Русскихъ: это высокое созданіе. Вы обвиняли меня что я рѣзокъ въ критикѣ. Я втрое пылче въ похвалахъ. Никогда не любилъ я бабушку Карамзина, человѣка безъ всякой философіи,

* Бокъ письма истлѣлъ.

который писалъ свою исторію страницу за страницей, не думая о будущей и не справясь съ предыдущею. Онъ былъ пустозвонъ краснорѣчивый, трудолюбивый, мелочной, скрывавшій подъ шумихою сентенцій чужихъ свою собственную ничтожность. Не таковъ Полевой. Я никогда не ожидалъ отъ него столько глубокомыслія и зоркости, столько добросовѣстности и ясности въ изложеніи. Я бы могъ быть предупрежденъ на него за критику на меня, во многихъ мѣстахъ несправедливую; но это самое заставило меня быть безпристрастнѣе, и я съ гордостію указываю на него какъ на перваго дѣльнаго русскаго писателя. Это правда что его долго не поймутъ; но тѣмъ не менѣе, достоинство его книги отъ того не умалится. Честь и слава государю Николаю! Въ прежній вѣкъ подобная исторія едва ли была бы написана, ибо увѣренность въ одобреніи правительства—великое дѣло. Пушкина 7й и 8й главъ не читалъ, и жалѣю изъ одного любопытства. Онъ писатель заблудившійся изъ XVIII вѣка въ нашъ, и жаль, писатель который своимъ даромъ могъ бы.... Вижу что Булгаринъ пустился писать для денегъ, то-есть полною горстью сталъ разсыпать лесть русскому народу. Онъ выиграетъ золото—это несомнѣнно; но тотъ кто хочетъ плыть чрезъ Геллеспонтъ къ потомству, тому онъ худой товарищъ. Что его всѣ читаютъ, это доказательство что онъ пишетъ для толпы: д'Арленкура вышло семь изданій въ два года, но онъ отъ того сталъ не лучше. Не говорю что онъ не имѣетъ достоинствъ,—напротивъ; но страсть все сводить къ одному заданному центру заставляетъ его говорить нелѣпости. Деньги, выгода—его богъ, его совѣсть, его все. Кстати о деньгахъ. Что значитъ что издатели не присылаютъ мнѣ должнаго? За треть съ 1го іюля не доплачено 200; за идущую по 1е марта—500. Они не думаютъ что здѣсь не Россія, и невѣрность въ полученіи влечетъ за собою разстройство, проценты жидовскіе и т. п. Я опять безъ денегъ, ибо долженъ былъ шить себѣ кой-какое платье и не умѣю питаться воздухомъ, а потому прошу поторопиться присылкой, то-есть взиманіемъ откуда слѣдуетъ. Надо бы также спросить, получена ли ими небольшая тетрадки съ отрывками изъ разказовъ о Сибири? Почта все не приходитъ и не приноситъ ничего—это несносно.

.... Сестрицу Елену просилъ о нѣмецкихъ книгахъ Гете: очень бы желалъ имѣть ихъ. Была ли возможность справить и отправить ко мнѣ посылки? Во многомъ нуждаюсь....

Желая чтобы мои желанія были для васъ векселями на счастье, и прося родительскаго благословенія, съ чувствомъ сыновняго уваженія и любви, есмь горячо любящій васъ, любезнѣйшая матушка, Александръ Бестужевъ.

P. S. Нельзя ли узнать что стóитъ арабскій лексиконъ съ грамматикой, также татарскій (кавказскаго нарѣчія) и Библія на нихъ писанная?

9.

Дербентъ, 1831 года, февраля 12го. *

Мольбы къ небу не извлекаютъ изъ земли, любезные, добрые страдальцы, братья по крови, друзья по сердцу. Все идетъ впередъ въ этомъ мірѣ, кромѣ судьбы вашей — общей нашей. Годъ падаетъ за годомъ въ чашу жизни тяжелою гирей—и она падаетъ ниже, ниже; но если одно понижается, то другое возникаетъ; это другое — душа! Ей одной позволено Провидѣніемъ расти и мужать между ребячествъ человѣка. Съ гордостію скажу что я переросъ облака своего жребія. Онъ можетъ разрушить мое тѣло; голова за то внѣ бурь его. Также точно думаю и о васъ—и это утѣшаетъ меня. Одно мнѣ тяжко за васъ: каково же должно быть вамъ это лишеніе единственнаго отличія человѣка отъ безсловеснаго—письма. Мысли, которыя бы могли быть утѣшительны самимъ, гибнутъ и для человѣчества. Онѣ не развиваются отъ раздѣленія, не даютъ искры отъ встрѣчи: онѣ убиты въ умѣ вашемъ. Я говорилъ только какъ человѣкъ; что я чувствую какъ родной? Кипучіе умственною жизнію, вы безотвѣтны какъ урна погребальная.... Мои слезы могли бы зажечь порохъ; но могутъ ли растопить ледъ? Полюсъ не знаетъ лѣта.

Странная вещь: никогда менѣе не было мнѣ причинъ любить людей, какъ теперь, и никогда любовь къ нимъ не была во мнѣ теплѣе. Признаться сказать, я прежде любилъ ихъ или негодовалъ на нихъ какъ на братій; теперь я ихъ жалѣю какъ дѣтей. Они все видятъ косыми глазами. У ногъ моихъ играетъ Татарченокъ; даю ему яблоко, даю другое — плачетъ; объ чемъ?—нечѣмъ взять третьяго: онъ досадуетъ что у него не три руки, не два рта. Не корыстолюбецъ ли это, не честолюбецъ ли? На все другое нашелъ бы я примѣры, хоть съ различіемъ; дитя не имѣетъ еще разума, и потому его дурныя качества простительны, но у человѣка есть свой разумъ, есть разумъ другой, есть разумъ вѣры, если въ сердцѣ не находитъ онъ своего, слѣдственно ему нѣтъ отговорки: его злоба есть преступленіе. Но я разумѣю злобу умышленную, хладнокровную.

У насъ стоитъ прекрасная зима: я уже ѣлъ щи со свѣжею крапивой. Какъ привыкъ я играть значеніемъ словъ: въ Россіи я бы назвалъ прекрасною зимой—свѣтлую, морозную зиму; теперь—теплую и только не грязную. Такъ и все относительно въ мірѣ. Что хорошо сегодня, завтра можетъ стать дурнымъ, не измѣняясь: красное тамъ—называютъ здѣсь чернымъ. Только одна истина убѣгаетъ отъ времени и пространства; но многіе ли разбираютъ ея іероглифы?

Братъ Петръ терпитъ тяжелый свой крестъ какъ прилично

* Къ братьямъ Николаю и Михаилу въ Сибирь.

человѣку съ душой; но составъ его распадается потихоньку. Одиночество, болѣе чѣмъ одиночество—пустыня населенная волками вокругъ его. Братъ не можетъ обнять, утѣшить брата, и только 80 верстъ разлучаютъ насъ! Надѣюсь, вы читаете новые романы и новыя исторіи. Поздравляю съ книгой Полеваго: онъ изумилъ меня зрѣлостію. Его произведеніе не дюжинное. Меня, вѣроятно, узнаете въ журналахъ: наяву и въ письмѣ я выражаюсь своимъ норовомъ. Да осѣнитъ васъ крыло Провидѣнія; цѣлую братски. Adieu, chers Nicolas et Michel; je suis tout à vous. Votre frére Alexandre.

10.

Дербентъ, 1831 года, мая 14го. *

Что вы, гдѣ вы, добрые друзья и братья, мои пенаты когда-то, теперь грустные мученики! Я не имѣлъ духу писать къ вамъ о Святой: сердцу больно такъ долго христосоваться чрезъ почту; это все равно что посылать къ вамъ отсюда розу. Вы по крайней мѣрѣ хоть со слезами могли обнять другъ друга въ день воскресенія природы, но не воскресенія доброты Спасителевой: мы съ Петромъ не имѣли и этой отрады. Быть такъ близко и такъ далеко, такъ мило желать и такъ холодно получать отказы—это утонченіе достойное нашего вѣка, возведшаго прядильное искусство до высшей степени. Петруша опять въ сраженіяхъ: это его стихія (была бы и моею, еслибъ было позволено); но одна бѣда что все это даромъ. Мы вьемъ изъ песку веревку: трудъ безконечный, но чрезвычайно полезный.

Я слава Богу; какъ-то вы, мои безцѣнные? Конечно, мы всѣ уже идемъ подъ гору; по крайней мѣрѣ чтобы не давать шлепковъ! Когда вы были въ Читѣ, я имѣлъ еще нѣкоторое понятіе о житьѣ-бытьѣ вашемъ; теперь совершенно ничего не знаю. Лета обтекаетъ вашъ заводъ, и стѣна его сложена изъ обломковъ золотой. Это страхъ какъ досадно: лучше прежняго—не вѣрится, а хуже не хочется. Птичкой бы скинулся да слесталъ къ вамъ: мнѣ ужь наскучили дербентскія кукушки.

Что я дѣлаю—вы вѣроятно угадываете: солдатская кирпичка не разнообразна; что я пишу, вѣроятно читаете въ журналахъ: много пустяковъ, перемѣшанныхъ съ истиной. Это полевые цвѣты не въ букетѣ, а на лугу, можетъ-быть даже въ сѣнѣ. Не имѣю досуга заняться дальнѣйшимъ, вдохновенья и того менѣе. Вы оба, какъ слышалъ я, занимаетесь испан-

* Это письмо и слѣдующее за симъ (то-есть №№ 10 и 11) напечатаны нами въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1860 года (кн. V и VII, на стр. 148 и 45) съ неисправныхъ копій, а потому въ нихъ вкрались ошибки и пропуски. Между прочимъ послѣднее письмо напечатано въ *Отечественныхъ Запискахъ* отрывками въ двухъ мѣстахъ, какъ совершенно отдѣльныя письма.

скимъ. Боже мой, сколько пользы схоронено между вами! какой бы ходъ дали литературѣ руки ваши, еслибъ имъ дали бездѣлицу—гусиное перо! Неужели они такъ дороги? Что до меня, я принялся за татарскій; доберусь и до Гафиза. Будьте счастливы, и да дастъ вамъ Богъ привычку спать, не морщась, на терніяхъ. Душою вашъ братъ и другъ, Александръ Бестужевъ.

II.

Дербентъ, 1831 года, декабря 24го.

Кончаю почтовый годъ мой, добрые, неналюбимые братья, Николай и Михаилъ, письмомъ къ вамъ, заключенникамъ. Недаромъ написалъ я въ одномъ альбомѣ:

Минувшихъ дней завѣтный свитокъ
Хранитъ лишь бѣдъ моихъ избытокъ,

и когда я при концѣ года считаюсь съ Крономъ, какъ московскій лавочникъ съ хозяиномъ, въ барышахъ у меня остаются одни лишь щелчки судьбы. И то еще великая отрада что могу считаться съ нимъ, могу считать то и сё не по пальцамъ; а вы-то, вы, бѣдные! Когда вспомню о васъ, то якутскій морозъ бѣжитъ по жиламъ, несмотря на тропическіе здѣшніе жары. И что̀ вы, и какъ вы теперь? Болѣе имѣю понятіе о берегахъ Стикса нежели о вашемъ петровскомъ кладбищѣ. На землѣ ли, подъ землей ли вы прозябаете, приросшіе только цѣпью, будто корнемъ, къ холодной землѣ! Ужасно!

Я, напротивъ, дышалъ эту осень своею атмосферой—дымомъ пороха, туманомъ горъ. Я топталъ снѣги Кавказа, я дрался съ сынами его—достойные враги. Какія куклы предъ ними Персы и Турки, какъ искусно умѣютъ они сражаться, какъ геройски рѣшаются умирать! Имя русское здѣсь только, въ одномъ мѣстѣ изъ цѣлаго свѣта, не наводитъ трепета. За горцевъ стоятъ ихъ горы. И что̀ за горы! О, какъ бы любили Русскіе этотъ край, еслибъ онъ былъ ихъ отчизною: не умѣю пересказать вамъ какъ онъ прелестенъ и въ одеждѣ лѣта, и въ алмазахъ зимы!

Я былъ въ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлахъ всегда впереди, въ стрѣлкахъ; не разъ былъ въ мѣстахъ очень опасныхъ; но Богъ, который выводилъ меня изъ челюстей львиныхъ и прежде, не далъ укусить ни одной свинцовой мухѣ. А онѣ, впрочемъ, крѣпко до меня добирались: шинель моя пробита въ двухъ мѣстахъ и (это чуть не чудо) ружье мое прострѣлено сквозь обѣ стѣнки, такъ что пуля изломала шомполъ; такихъ случаевъ, впрочемъ, въ одномъ дѣлѣ я видѣлъ пять. Штыки отбиты у многихъ. Трудно вѣрить какъ мѣтко и далеко они стрѣляютъ; особенно офицеры отъ того терпятъ: горцы ихъ ловятъ на отборъ, и вообще ранятъ тяжело въ грудь, въ

голову, очень рѣдко въ руку или ногу. Можно положить навѣрное что половина здѣшнихъ раненыхъ умираетъ.

Этотъ походъ, однакожъ, прервалъ мои словесныя занятія; а привыкнувъ къ лагерной лѣни, къ военной животной жизни, трудно опять приниматься. Ты, я думаю, читалъ, мой милый Николушка, *Бѣлозора*? Въ немъ я поцечился немного твоими разказами о Голландіи. * И гдѣ твой даръ, твои таланты, твое сердце, которому не найти пары въ подлунной?—схоронено, зарыто, тлѣетъ; какъ виноградъ на корню! Боже мой, Боже! Лучъ солнца утопленъ въ омутѣ, звѣзда, упавшая съ неба, гаснетъ во мракахъ ада!

Но ты, Мишель, — я отдаю тебѣ терновый вѣнокъ терпѣнія. Ты практическій философъ; ты дѣлаешь то что̀ другіе едва умѣютъ постигать, что̀ очень немногіе говорятъ; ты не только равнодушно,—весело несешь свой крестъ и, какъ забытый цвѣтокъ на этомъ сѣнокосѣ всѣхъ радостей, веселишь своею ясною физіономіей сердца родныхъ, думы знакомыхъ. О, да сохранитъ Провидѣніе неизмѣннымъ этотъ высокій въ тебѣ характеръ, эту покорность къ волѣ небесной, да прольетъ Оно ее и въ души намъ. Въ трудахъ, въ непогодахъ, въ холодѣ, здоровье мое было крѣпче нежели здѣсь. Правду сказать, и климатъ тамошній прелесть. У насъ въ городѣ погода ходитъ между грязью и гололедицей, между туманомъ или дождемъ. Для перемѣны исторіи падаютъ снѣга. Пренесносная зима!

Скажу вамъ радость: я видѣлъ въ Бурной брата Петра; онъ вздыхаетъ по тюрьмѣ вашей,—разумѣется не по замкамъ, а то что̀ за замками; онъ бы душой летѣлъ къ роднымъ — и это ему единое спасенье отъ одолѣвающаго его сплина.

Со слезами говорю далекое прощай вамъ, недоплакавшіе живые мертвецы. Потомство бы рыдало, еслибы прочло эти строки, писанныя братомъ-страдальцемъ къ братьямъ-мученикамъ; а въ современникахъ нѣтъ слезъ для несчастія. Эгоизмъ заглушилъ всѣ чувства благородныя человѣка. Утѣшимся! мы пали въ другомъ, но сохранили ихъ. Обнимаю васъ.

Горячо любящій братъ,

Александръ Б.

12.

Дербентъ, 1832 года, іюня 9го.

Любезнѣйшая матушка!

Въ заголовокъ ставлю прибытіе брата Петра ко мнѣ въ Дербентъ: вотъ уже 10 дней какъ мы вмѣстѣ, благодаря великодушію корпуснаго командира. Онъ все еще худъ, но противъ зимняго гораздо поправился. Нелюдимъ какъ и всегда,

* *Записки о Голландіи 1815 года*, соч. Николая Бестужева. Спб. 1821 г. въ 8 д.

и домосѣдъ ужасный: не вызовешь ни въ гости, ни на воздухъ. Задумчивъ, одинокъ и чаще всего преданъ своимъ чудным мечтамъ; но съ благословеніемъ божескимъ, авось, удаленный отъ ненавистныхъ ему предметовъ, онъ найдетъ здѣсь утраченное веселье. Воздухъ родины и кругъ семейный излѣчили бы его вовсе, и я съ нетерпѣніемъ жду этого дня, какъ праздника, когда отпущу больнаго брата къ родным. Неужели нѣтъ нигдѣ милосердія? Онъ же имѣетъ всѣ законнѣйшія причины къ отставкѣ. Очень удивился я, узнавъ отъ васъ что обложился письмами: къ Полевому Ксенофонту завернулъ къ вамъ, а вѣроятно ваше послалъ въ Москву; запечатайте и пошлите въ контору *Телеграфа.* * О чемъ писалъ тогда — не помню; но письмо это получите. Не знаю, впрочемъ, своей или *чужой* разсѣянности приписать эту выходку. Письма къ вамъ пишу всегда черезъ двѣ недѣли, очень рѣдко черезъ три, никогда рѣже, и потому счесть можете по числамъ, если какое затеряется.

Я былъ на этомъ времени нездоровъ: немного простудился, отъ чего и страдалъ безсонницей. Теперь гораздо лучше: возвращается и сонъ, и позывъ на пищу. Впрочемъ, не лежалъ. Сердцемъ грустенъ: тому не мало причинъ, и большая самая— Петръ. **

Celui qui le contrarie devient à ses yeux son ennemi mortel, et ses récits et ses caprices tout absurdes qu'ils sont, sont des choses sacrés pour lui. Surtout ce qui me chagrine le plus, c'est sont obstination de quitter ses mauvaises habitudes. Jl fume près de 60 pipes par jour, il est toujours couché, il dort trop et prétend que c'est le résultat de quelques malefices, et non de sa paresse. Jl ne veut aller nulle part, il ne veut prendre aucune médecine, se prétendant en parfaite santé. Sa croyance est la magie, et pour cette cause il prend pour réalité ses songes, enfants de l'imagination derangée, et il est intimement convaincu que tout cela lui arriva. Le pis est qu'il raconte en distraction tout ce qu'il a vu ou entendu, sans considérer que cela peut blesser l'amour-propre ou l'interêt de quelqu'un. Oh! de grâce insistez sur son congé; au sein de sa famille il reprendra ses forces mentales.

Да будетъ надъ вами длань Всевышняго.

Горячо любящій васъ сынъ, Александръ

---

* *Московскій Телеграфъ*, журналъ изд. Н. А. Полевымъ

** Мать Бестужева не знала французскаго языка, вотъ почему Александръ Александровичъ, изъ деликатности, чтобы старушка не прочла грустныхъ подробностей о сумашествіи сына ея Петра, пишетъ о нихъ по-французски.

13.

Г. Дербентъ, 23го іюня (1832).

Слезы благодарности — вотъ лучшіе перлы въ вѣнцѣ царей.... и я, человѣкъ съ желѣзными очами, пролилъ ихъ, когда получилъ извѣстіе объ отставкѣ брата Петра. Не говорилъ ли я вамъ, драгоцѣнная матушка, что намъ одна необманчивая надежда—государь? слова мои оправдались. Великодушный внялъ мольбамъ матери, и Петръ скоро упадетъ въ ваши объятія. Никогда не сомнѣвался я что онъ войдетъ въ бѣдственное положеніе и брата-страдальца, и матери-мученицы,—но, признаюсь, сомнѣвался чтобы слухъ о томъ достигъ до него. Хвала Всевышнему,—доступъ къ его отеческому сердцу открытъ для послѣдняго изъ подданныхъ, и тѣмъ болѣе чести русскому монарху. Всякая подобная черта радуетъ меня какъ человѣка, кромѣ того что я горжусь этимъ какъ подданный и проникнутъ благодарностію какъ родной обязаннаго. Вѣсть о томъ впервые получилъ я отъ сестры—образца сестеръ—Елены, * которая, бывъ виною сего событія, была и вѣстницей онаго. Отрадно быть братомъ этой души высокой, равно какъ сыномъ вашимъ долго и многострадальная матушка!

На этотъ разъ сердце мое слишкомъ полно чтобъ умѣститься на клочкѣ бумаги. Молчу. О, поплачьте за меня

---

* Этотъ восторженный, исполненный благоговѣйнаго чувства любви и уваженія отзывъ брата о своей сестрѣ былъ вполнѣ заслуженъ Еленою Бестужевой. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе благородную, самоотверженную жизнь, какую провела эта замѣчательная дѣвушка. Съ раннихъ лѣтъ, поддержка слабой матери, воспитательница и руководительница въ жизни младшихъ сестеръ, Елена Бестужева въ 1825 году разомъ *теряетъ* пять братьевъ. Отнынѣ она дѣлается какимъ-то геніемъ спасителемъ въ своей разбитой семьѣ: она поддерживаетъ окончательно убитую горемъ мать, навѣщаетъ,—среди множества препятствій, — узниковъ братьевъ, изъ послѣднихъ средствъ шлетъ имъ постоянно все необходимое въ Сибирь и на Кавказъ, хлопочетъ за нихъ, исполняетъ массу порученій; дѣлается редакторшей, издательницей, коммиссіонершей брата Александра; вымаливаетъ брату Петру прощеніе; мужественно выноситъ страданія при видѣ сумашедшаго брата, помѣщаетъ его въ домъ умалишенныхъ, куда съ трудомъ принимаютъ его, опасаясь его политической неблагонадежности, наконецъ, схоронивъ постепенно трехъ братьевъ и мать, продаетъ свой скарбъ и съ двумя сестрами ѣдетъ въ Сибирь оживить своимъ участіемъ оставшихся двухъ братьевъ.

обнимая сестеръ, драгоцѣнная матушка. Я увѣренъ что эти слезы не будутъ имѣть въ себѣ ничего горькаго.

Да будетъ свиданіе съ Петромъ..... васъ задаткомъ будущаго л..... *

Вашъ душою любящій васъ сынъ, Алекс. Бестужевъ.

Хвала Богу, слава государю,—не говорю про васъ, милая сестрица Елена: ваша награда въ собственномъ сердцѣ,—за отставку брата. Но съ вами теперь долженъ поговорить о немъ откровенно, ибо ложное понятіе объ его положеніи можетъ васъ ввести въ заблужденіе и быть ему въ послѣдствіи вреднымъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Умственное разстройство его имѣло далекіе корни. Онъ смолоду былъ уже чрезвычайно недовѣрчивъ и по природѣ склоненъ къ меланхоліи. Ошибаться въ людяхъ было всегдашнимъ его удѣломъ, ибо наружность и ласки казались ему вѣрнѣе чѣмъ истинныя достоинства. Это почерпнулъ я изъ журнала его походовъ, гдѣ любилъ онъ описывать характеры каждаго—и вообще невѣрно, и вообще въ каждомъ видѣлъ онъ много осудительнаго. Ласкаемый начальниками, любимый товарищами и всегда въ избранномъ кругу молодежи, въ первые годы солдатства онъ мало терпѣлъ нравственно; физически же въ походѣ терлятъ всѣ. Переводъ въ Куринскій полкъ вдругъ переломилъ его. Жизнь въ тѣсной, въ грязной казармѣ, лишеніе всѣхъ удобствъ жизни, угнетеніе, отравленное насмѣшками; никакого общества, ни одного отраднаго взгляда, это могло поколебать духъ и болѣе его твердый. Онъ падалъ, увѣряя что онъ не колеблется, и наконецъ палъ, сохраня увѣренность что онъ стоитъ на обломкахъ міра. Одиночество и безмолвіе, на которое онъ себя осудилъ, воображая что каждый солдатъ подкупленъ за нимъ глядѣть, его подслушивать, его клеветать, расширило въ его глазахъ предметы: онъ увеличивалъ воображеніемъ обиды, потому что увеличивалъ себя, это было поранепное самолюбіе. Скоро онъ сталъ подозрѣвать что люди, которые желали и дѣлали ему наиболѣе добра, ему вредятъ наговорами, клеветами, и такъ какъ они были съ нимъ чаще нежели другіе, то онъ каждый взглядъ, каждое случайное слово толковалъ по-своему. Мы еще не замѣчали разстройства въ умѣ и старались убѣдить его письмами въ неправости подозрѣній. Напрасно. Первые признаки оказались въ немъ въ жары, два года назадъ. Мы приписали это къ лихорадкѣ, и онъ съ осенью, хоть не оставилъ своихъ мыслей, но выражалъ ихъ связно, и ежели бы допустить основаніе, то выводы его казались довольно вѣроятны. Онъ отказался отъ всякаго сообщества, отъ всякаго пособія людей ему преданныхъ. Молчалъ, грустилъ, служилъ, теръ лямку во всей строгости и терпѣлъ нужду, ибо не хотѣлъ попросить

* Края письма оборваны.

никого. Гонители его умерли; слабость его здоровья устранила отъ службы, но первыя стрѣлы не вышли изъ сердца. Онъ не выходилъ изъ палатки, не вставалъ съ койки по мѣсяцамъ, и наконецъ, отъ безпрестаннаго сна, который не могъ быть крѣпокъ, мечты свои принялъ онъ за существенность: ему вездѣ слышались голоса, вездѣ видѣлись чуды, то жуки съ человѣческими глазами, то мыши въ образѣ кого-нибудь. Когда я увидѣлъ его въ Бурной, я плакалъ горькими слезами, ибо впервые убѣдился въ его положеніи. Онъ говорилъ мнѣ что его судятъ какія-то существа, что собаки ему поклоняются, что онъ высокое созданіе, и для того его хотятъ извести; толковалъ что-то объ Аракчеевѣ, объ его враждѣ къ нашему дому, и что все это слѣдствіе того. Я замѣтилъ въ немъ чрезвычайную раздражительность и желчность, и *долженъ былъ* оставить брата въ такомъ расположеніи. Можете судить каково мнѣ это было!! Между тѣмъ онъ писалъ ко мнѣ все, обвиняя одного К. въ томъ что онъ губитъ его, что онъ составилъ изъ солдатъ и офицеровъ противъ него заговоръ, и очень сердясь что я его оправдывалъ. Вдругъ получаю извѣстіе что онъ при смерти, не ѣстъ уже пять дней, говоря что его отравить хотятъ. Онъ добрелъ въ такомъ видѣ до коменданта и объявилъ ему это форменно. Тотъ просилъ лѣкаря Потѣхина, очень хорошаго человѣка, взять его къ себѣ. Потѣхинъ далъ ему лѣкарство. Все шло хорошо. Вдругъ на бѣду встрѣтился онъ со штабъ-лѣкаремъ Мельцеромъ, полуумнымъ по природѣ и недавно вставшимъ отъ сильнаго сумашествія, но человѣкомъ который считаетъ себя геніемъ, виртуозомъ, и магнетизромъ, и Богъ знаетъ чѣмъ. Этотъ Мельцеръ очаровалъ Петра своимъ фиглярствомъ. Онъ переселился къ нему, и такъ какъ тотъ потворствовалъ его разказамъ, да и самъ толковалъ о снахъ, о предсказаніяхъ, братъ принялъ его за спасителя, за избавителя, и хоть тотъ не давалъ ему ничего, онъ увѣряетъ доселѣ что Мельцеръ его спасъ отъ смерти, которую Потѣхинъ ему готовилъ, и что онъ оправдалъ его въ глазахъ міра. Но какъ и отъ чего, этого онъ не объясняетъ, увѣряя что это всякій знаетъ, и я лучше всякаго. Онъ было не хотѣлъ ѣхать сюда, чтобы не лишиться покровительства этого генія. Наконецъ я обнимаю его—и въ первый часъ онъ сказалъ мнѣ столько нелѣпаго, показалъ мнѣ тетради такого хаоса что я изумился. Мало-по-малу онъ менѣе сталъ говорить о томъ, видя что ему не вѣрятъ; но совѣты до здоровья касающіеся раздражали его, и кончилось тѣмъ что онъ сталъ подозрѣвать и меня что я орудіе К., что я хочу завладѣть его способностями, ибо имъ завидую, что я посредствомъ магіи сбираю собакъ и терзаю его слухъ, однимъ словомъ, что и я злодѣй его. Къ этому прибавить надо что ему слышатся такія рѣчи какихъ никто не произносилъ, и онъ въ глаза увѣряетъ что то-то сказалъ ты. Сны, ловѣсти, чужіе анекдоты, все это смѣшано, все это пріемлетъ онъ на себя. Объ обыкновенныхъ предметахъ говоритъ иногда

красно, и хоть въ немъ нѣтъ полнаго познанія ихъ, но онъ разсуждаетъ довольно послѣдовательно, и это-то самое вводитъ въ заблужденіе всякаго кто съ нимъ не коротокъ. Даже когда заговоритъ онъ и о томъ что у него въ сердцѣ *Онъ*, въ видѣ *Весны* или источеннаго пирога, что въ брюхѣ у него говорятъ голоса, вы подумаете что онъ дѣлаетъ это для забавы.

P. S. Все что нужно для быстрой дороги, у Петра будетъ: объ этомъ не заботьтесь. Но едва ль выѣдетъ ранѣе двухъ недѣль. Приложите еще двѣ недѣли карантина и время пути. Онъ здоровъ тѣломъ очень, но радоваться вполнѣ не можетъ: все думаетъ какъ доѣдетъ.

14.

1832 года, іюля 14го.

Любезнѣйшая, дражайшая матушка!

Наконецъ, по долгомъ ожиданіи, полученъ вчера въ полку приказъ объ увольненіи Петра, и хотя еще выдача бумагъ продлится съ недѣлю, но потомъ онъ можетъ ѣхать на родину при первомъ случаѣ. Теперь на рейдѣ стоитъ судно, и если послѣетъ паспортъ ранѣе его отхода, мы сплавимъ нашего путника до Астрахани; оттуда онъ можетъ доѣхать до Нижняго на пароходѣ, а оттоль колесомъ до Новгорода и далѣе, прямо къ вамъ въ объятія. Физическое здоровье его хорошо; но, признаться, жары враждебно дѣйствуютъ на разсудокъ, и вотъ почему путь водою для него лучше другихъ.... Я, слава Богу, здоровъ; былъ въ горахъ недавно, любовался на природу и забывалъ людей. Кази-мулла опять шалитъ. Было дѣло, въ которомъ потеряли мы 146 человѣкъ. Я не пойду противъ, если Розенъ самъ не будетъ въ Дагестанѣ. Да и зачѣмъ? За прошлые труды и опасности хоть бы спасибо сказали, такова наша доля. Не слишкомъ понимаю, почему вы журите меня за правду, насчетъ прежней войны съ горцами или Турками: я говорю и сужу какъ тактикъ, и этого никто никому не запрещалъ. Какое мнѣ дѣло что это не всегда лестно: генералъ не есть Богъ и можетъ ошибаться. Чувства же мои въ отношеніи къ престолу—благодарность и уваженіе: я никогда не смѣшивалъ подданныхъ съ властью. Dixi....

....Пожелавъ вамъ, дражайшая родительница, съ весельемъ встрѣтить возрожденнаго брата и оживленнаго надеждою, пусть Богъ осѣнитъ Своей десницей на счастье, и здоровье и покой всякаго рода.

Горячо любящій васъ сынъ, Александръ Бестужевъ.

Милая, добрая сестрица, Елена Александровна. Съ какимъ благоговѣніемъ поцѣловалъ я портреты матушки и вашъ! О, какъ благодаренъ я вамъ за это! Боже мой, какъ горести состарили матушку.... Но доброта все еще сіяетъ и сквозь сумракъ печалей, особенно у васъ.... Вся исторія души вашей

въ этихъ чертахъ. Это отрада не только для сына или брата, для всего человѣчества. За посылки благодарю.... Растолкуйте, пожалуста, какимъ образомъ пропустили вы цѣлую треть съ Гречемъ? Ужели у васъ нѣтъ для сего особой тетради? За іюльскую треть 1831 года послалъ онъ мнѣ чрезъ Андреева (я еще ее выхаживаю), вотъ мы квитъ до 1го ноября. За ноябрьскую треть послали вы мнѣ 400 р., а 100 удержали для покупокъ, вотъ мы квитъ по 1е марта. Но съ 1го марта до 1го іюля я не получилъ ни шелега. Растолкуйте, отъ чего это? Вы ли получили, или по моему одному письму Гречъ вычелъ за недочетъ листовъ сего года? Это для меня непонятно, а вы молчите, хоть я уже раза три писалъ о томъ. Благодарю за вниманіе Греча, но мнѣ кажется, лучше бы пополнить истекшій годъ чѣмъ начинать въ долгъ новый. Я непремѣнно рано или поздно выплачусь. Ужели нѣтъ мнѣ на 500 рублей довѣрія?

Покупки для меня производимыя, если онѣ не изъ чистыхъ, само собой разумѣется, уплатите изъ будущихъ барышей съ книгъ. Quant à Pierre, chère Hélène, sa manie est de plus triste au monde. Il soupçonne et haie ceux qui sont le plus devoués à ses interêts, il n'aime que ceux qui sont loin, etc. *

15.

1832 года, августа 5го.

Дражайшая матушка! Наконецъ братъ Петръ готовъ сняться съ якоря: сегодня переѣзжаетъ на корабль въ укромную каютку, и чуть дунетъ попутный, отправится въ Астрахань. Тамъ, верстъ за 70 не доѣзжая оной, остановятъ ихъ въ карантинъ на 14 дней. Комаровъ тамъ хоть ножомъ рѣжь, и потому онъ запасся пологомъ. Дни два пробывъ въ городѣ, пустится далѣе на пароходѣ или колесомъ, смотря по обстоятельствамъ. Я писалъ письмо къ генералъ-губернатору, прося, нельзя ли дать ему въ прислугу надежнаго человѣка или велѣть найти добраго попутчика. Не знаю, будетъ ли прокъ.

Правду сказать, братъ въ послѣднее время, съ жарами, сталъ капризенъ какъ избалованный ребенокъ. Вообразите что онъ разъ пять задумывалъ ѣхать: то хочетъ ѣхать въ лагерь, то въ Карабахъ. Я не могъ добиться чтобъ онъ позволилъ снять съ себя мѣрку для плаща и сюртука, и кончилъ тѣмъ что шили наобумъ. Когда особенно вздумается ему что онъ слабъ, то ничего не ѣстъ и не уговоришь тронуться съ мѣста. Чуть за то совѣтуешь ѣсть менѣе фруктовъ, онъ говоритъ: „это изъ скупости“. Морской воздухъ, я полагаю, много дастъ ему исцѣленія; а ваше дѣло истребить остальное. Молюсь о томъ. Денегъ съ нимъ пойдетъ 550 рублей: этого весьма довольно

* Письмо оканчивается грустными подробностями о болѣзни Петра Бестужева.

для проѣзда, ибо по тому тракту по 5 коп. на лошадь платится. Все нужное у него есть; стóитъ ѣхать не останавливаясь; развѣ вообразитъ что онъ боленъ и гдѣ останется....

.... Здоровье мое порядочно, несмотря на жары. Хожу въ караулъ, нерѣдко горюю и думаю: неужели это вѣчно! Хорошо что я самъ не подаренъ этимъ качествомъ.

Милую Елену Александровну, хлопотальницу за всѣхъ насъ, сердечно цѣлую. Марью и Ольгу поздравляю со скорымъ гостемъ. Всѣхъ домашнихъ прошу служить и радѣть больному отъ души: я не забуду наградить послушныхъ. Отцу Ѳедору мой привѣтъ. Всѣмъ кто не забылъ меня поклоны.

Съ горячею любовью, милая матушка, есмь покорный сынъ,

Александръ Бестужевъ.

Не получено: и чай, и серебро, и 300 денегъ

16.

1832 года, августа 7го.

Наконецъ, послѣ многихъ ожиданій и затрудненій со стороны погоды, братъ Петръ ѣдетъ къ вамъ, и если Богъ судитъ, вы получите эти строки изъ собственныхъ рукъ сына. Воображаю минуту свиданія. О, какъ сладостна она мнѣ и за васъ всѣхъ! Доведетъ ли судьба когда-нибудь и мнѣ вкусить ее?...

Хоть не вполнѣ, хоть не всегда въ точности, но Петръ разкажетъ вамъ про скуку дербентской жизни, про этотъ край скорпіоновъ и людей едва ли не злѣе скорпіоновъ. Впрочемъ, какъ островъ въ этомъ океанѣ сплетней (общее наслѣдіе маленькихъ городковъ), возвышается семейство здѣшняго коменданта истинно русскимъ благородствомъ и гостепріимствомъ. * Не могъ я жаловаться и на начальство свое, напротивъ, со всею строгостію было оно справедливо и никогда не оскорбляло несчастіе насмѣшкой или угнетеніемъ. Теперь у насъ новый баталіонный командиръ В—въ: не знаю что̀ будетъ впередъ, но добраго не жду. Вотъ судьба наша: зависѣть не отъ своего поведенія, но отъ чужихъ прихотей.

Брата снарядилъ въ путь сообразно съ его надобностями....

.... Но не хочу отвлекать васъ отъ живаго письма. Пусть онъ надолго возьметъ все ваше вниманіе: ему это необходимо

---

* Этотъ комендантъ былъ Шнитнитниковъ, достойная вдова котораго, Таиса Максимовна, вышедшая за извѣстнаго ученаго и архитектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ив. Ив. Свіязева, передала намъ много подробностей о кавказской жизни ея друга А. А. Бестужева. Она сохранила къ нему чувство глубокаго уваженія и пріязни и отзывается о немъ какъ объ одномъ изъ благороднѣйшихъ представителей своего времени.

и полезно. Я же прошу у васъ родительскаго благословенія, желая вамъ новаго счастья, котораго зарей да разсвѣтетъ вамъ лицо возвращеннаго сына. Еще разъ обымаю васъ, любезнѣйшая родительница.

Горячо любящій васъ сынъ, Александръ Бестужевъ.

У меня сидитъ Татаринъ бекъ Ферзаали, предобрый старикъ, онъ проситъ сказать вамъ что пусть скоро возвеселятся ваши очи прибытіемъ *и другихъ дѣтей.*

17.

Дербентъ. 1832 года, 7 сентября 1го.

Вѣроятно вы получите эти строки, почтенная, дражайшая матушка, послѣ прибытія Петра въ лоно семейства. Долго, бѣдняга, онъ качался на якорѣ за противными вѣтрами. Но въ одно прекрасное утро я взглянулъ въ окно. корабля нѣтъ уже и въ горизонтѣ. У меня стало легко на сердцѣ. Дай Богъ путь счастливый къ спокойной жизни. Ему необходимъ отдыхъ послѣ стольких бурь. Скажите ему что Вишневскій, товарищъ его по флоту и по полку, произведенъ въ мичманы въ 7й экипажъ. Это истинно царская милость. *

Братъ Павелъ въ походѣ съ корпуснымъ командиромъ и, можетъ-статься, будетъ сюда. Я очень буду радъ съ нимъ свидѣться: вотъ уже три года мы въ разлукѣ. Ежели въ Чечнѣ близь насъ что-либо затѣется, стану проситься въ дѣло. Знаю что мнѣ ничего не дадутъ, хоть бы я взялъ звѣзду съ неба (тому доказательство минувшій годъ), но и здѣсь мнѣ теперь не пряники. Новый командиръ такъ грубъ что надо верблюжье терпѣніе служить съ нимъ. Караулы часты, а учиться обокъ съ рекрутами, право, въ мои лѣта не къ лицу.

Здоровье мое держится порядочно, несмотря на кучу мелкихъ неудовольствій. Нужды не имѣю.... Полевой наслалъ мнѣ множество прекрасныхъ книгъ, такъ что я задавленъ почти чтеніемъ. Не пишу, ибо не въ томъ расположеніи духа. Казбекъ обвалился и загородилъ военную дорогу, отчего вотъ уже двѣ недѣли нѣтъ почты. Вотъ перечень моего и окрестнаго быта. Въ умѣ моемъ необыкновенная засуха, и оттого пишу такъ вяло и такъ мало; авось-либо осень размочитъ мой духъ и онъ снова зазеленѣетъ.

Любезныхъ сестрицъ обнимаю. То-то имъ теперь заботъ и радости: и что, и какъ, и гдѣ. и почему? Я чай нѣтъ конца распросамъ.

Тебя же, любезный братъ, привѣтствую съ родными пена-

* Лейтенантъ Вишневскій, за участіе въ мятежѣ 14го декабря и возбужденіе нижнихъ чиновъ, былъ осужденъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ лишенію чина съ записаніемъ въ солдаты съ выслугой, каковой карѣ подвергся и поставленный въ одинъ съ нимъ разрядъ мичманъ Петръ Бестужевъ.

тами. Да возвратятъ они тебѣ веселость и покой, давно отъ тебя разлученные. И кого-кого не излѣчили бы ласки сестеръ и матери!

Счастія, совершеннаго счастія желаю вамъ, дражайшая матушка и милыя сестры. Пусть Петръ будетъ задаткомъ ожидающаго васъ впереди.... Я буду самъ благополученъ, когда узнаю что вы довольны.

Братьямъ Петровскимъ, милымъ сотруженикамъ моимъ въ сей юдоли испытанія, если не лытки, мой нравственный привѣтъ отъ сердца. Ужели не суждено намъ никогда свидѣться,— никогда, кромѣ сна, этой области, не подлежащей никакой власти кромѣ Божіей?

Снова обнимаю васъ, милые сердцу. Да сойдетъ на васъ благодать Всевышняго.

Истинно любящій сынъ и братъ, Александръ Бестужевъ.

18.

Дербентъ. 1832 года, октября 5го.

Милостивая государыня, Екатерина Петровна! * Давно уже не имѣлъ я счастія получать писемъ отъ родныхъ чрезъ ваши руки; желалъ бы симъ вызвать ихъ изъ забытья. Прошу васъ, когда будете писать къ нашимъ Петровскимъ, прибавить мой сердечный привѣтъ всѣмъ тремъ моимъ братьямъ, ибо Константина я считаю не иначе. Порадуйте ихъ вѣстью что Вишневскій произведенъ въ мичмана, въ Кронштадтѣ онъ былъ ихъ товарищъ. Богъ да спасетъ ихъ и да помилуетъ въ нихъ насъ самихъ государь.

Съ уваженіемъ всегда пребывая, есмь покорнѣйшій слуга.

Александръ Бестужевъ.

На письмѣ помѣтка: „получила 1го декабря“.

19.

Дербентъ. 1832 года, октября 5го.

Любезнѣйшая матушка! Наконецъ полагаю несомнѣннымъ пріѣздъ брата Петра въ мирное на-волховское убѣжище ваше. ** То-то, я чай, было слезъ, распросовъ, радостей, объятій! Когда-то Богъ приведетъ и мнѣ насладиться этимъ! Я болѣю глазами.... Недавно былъ у насъ смотръ и кончился благопо-

* Торсонъ, сестра капитанъ-лейтенанта Константина Петровича Торсона, сосланнаго за участіе въ тайномъ обществѣ, вмѣстѣ съ старшими братьями Бестужевыми, въ Сибирь. Это былъ сослуживецъ и задушевный другъ Николая Бестужева.

** Сельцо „Сольцы“, принадлежавшее матери Бестужевыхъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, на рѣкѣ Волховѣ.

лучно. Я, разумѣется въ полной боевой аммуниціи, въ ранцѣ и съ ружьемъ, маршировалъ гусинымъ шагомъ. Забавная вещь видѣть мыслящее существо подъ солдатскими крестами,—пускай бы еще въ битвѣ, а то на плацъ-парадѣ! Смѣшнѣе всего моя фигура безъ усовъ (мнѣ новый командиръ объявилъ на нихъ остракизмъ): это нѣчто въ родѣ Соломонова портрета на гадательной картѣ.

Сюда ѣдетъ главнокомандующій, а вѣроятно съ нимъ будетъ и Павелъ. Я очень, очень радъ буду съ нимъ свидѣться: вотъ ужъ три года какъ мы разстались съ нимъ въ Эрзерумѣ; а въ три года много утекаетъ воды, много наплываетъ опытности.

Кази-мулла заперся въ Гимринской пропасти; но сардарь* хочетъ туда идти. Онъ дѣйствуетъ по-Ермоловски: сжегъ и истребилъ 60 деревень въ Чечнѣ, 80 покорены вновь. За прошлый годъ за Дербентъ вышли награды: всѣ осыпаны выше заслугъ; мнѣ ничего какъ ничего. Прошу тутъ лѣзть изъ кожи! Панкратьевскія представленія возвращены — что-то не по формѣ.... а всѣ терпятъ.

Я пишу повѣсть *Фрегатъ Надежда*.

Извѣщаю, что получена мною Петрова посылка на 120 рублей, странствовавшая три года съ половиной.... Наконецъ обнимаю милыхъ, добрыхъ сестеръ, цѣлую ихъ тысячи разъ, цѣлую вашу руку. Будьте счастливы и любите любящаго васъ сына, Александра Бестужева.

Любезный, добрый мой братъ, Петруша! Я слышалъ что вѣтры, и волны, и карантины, и грязи вооружились на тебя, но тѣмъ сладостнѣе, думаю, была твоя встрѣча съ родными. Воображаю какъ крѣпко забилось твое сердце, когда ты завидѣлъ острую кровлю солецкаго дома и главы и колокольню церкви. Это было впервые наяву; но сколько разъ уже неслись туда твои мечты! Возблагодари же Провидѣніе—не звуками, но покорностію къ желаніямъ матушки, нашей доброй и столько для насъ претерпѣвшей матушки! Будь ей отрадой, забывъ съ причиною меланхоліи самую болѣзнь сію. Много, много горя дала она мнѣ, уклонивъ отъ меня на время твое дружество; но можно ль въ этомъ винить кого-нибудь изъ насъ?

Лапа, Пилъ и Жуковъ тебѣ желаютъ счастья на родинѣ; первые ждутъ отставки, послѣдній получилъ съ бантомъ Владиміра. ** Мнѣ обѣщаютъ Георгія,—но это все буки, въ ожиданіи я тру стѣны караулень.

Надѣюсь за тебя обнять скоро *Ваплика* *** и получить отъ тебя радостную вѣсть. О, какъ горячо желаю я тебѣ душевнаго выздоровленія въ очарованномъ кругу родныхъ!

Неизмѣнно любящій тебя братъ Александръ.

---

* Такъ называетъ Бестужевъ русскаго главнокомандующаго.

** Первые два—молодые офицеры, сосланные, за участіе въ событіяхъ 14го декабря, солдатами на Кавказъ.

*** Брата Павла.

20.

17го ноября, 1832 года.

Любезнѣйшая, дражайшая матушка! Сегодня получилъ я письма ваши.... и пишу сидя подлѣ брата Павла; не можете представить какъ это грѣетъ сердце! И какъ давно былъ я лишенъ удовольствія, даже можно сказать счастія, родственной откровенности. Я въ это время совершенно разцвѣлъ и духомъ, и тѣломъ. Онъ у меня болѣе двухъ недѣль, и дня 4 еще пробудетъ, а тамъ пустится въ путь трудный, верхомъ, почти по пустынямъ, на 700 верстъ. Безпокоитъ меня много молчаніе Петра. Онъ обѣщалъ писать отовсюду, и вотъ съ 18го августа, дня его отъѣзда, ни строчки.... *

....Я не имѣю ни время, ни расположенія хворать; душа — нашъ лѣкарь и убійца.... теперь она лѣкарь, ибо я доволенъ. Одна бѣда: брату нужны деньги въ дорогу, а мнѣ никто не шлетъ, хоть всѣ обѣщаютъ, придется занимать, а это мнѣ очень не по сердцу. Приходъ войскъ далъ мнѣ случай увидѣть многихъ старыхъ знакомцевъ и познакомиться съ добрыми людьми вновь. Сардарь нашъ преблагородное существо. Я не видѣлъ его, но это общій голосъ.

Ничего не смогу и не успѣю разказать о себѣ, такъ быстро проходятъ мимо меня чувства, люди и мысли—и не мимо, виноватъ, но сквозь умъ, сквозь сердце, сквозь душу.... Если вы, добрая и милая Елена Александровна, сочли строки *Пчелы* и *С. О. (Сына Отечества)*, то увѣдомьте считали ли вы *Наѣзды* въ томъ же числѣ? Ихъ надо выключить. Если же и съ *Антикваріемъ* выйдетъ столько, то я квитъ за два года съ издателями, и начинаю годъ съ января 1833, но не иначе какъ за 5.000, довольно я и до сихъ поръ почти за полцѣны работалъ на нихъ....

....Петровцамъ—мой привѣтъ прямо изъ души....

Будь вашъ щитъ небо и удѣлъ счастіе. Весь вашъ, братъ Александръ Бестужевъ.

21.

Дербентъ, 1832 года, декабря 1го.

Любезнѣйшая матушка! Не имѣя времени писать много, не хочу однакожъ пропустить почты. Братъ Павелъ уѣхалъ 21го ноября и теперь, вѣроятно, далеко. Я снабдилъ его на дорогу деньгами и всѣмъ нужнымъ. Напутье и житье его здѣсь стоило

* Далѣе опускаю нѣсколько строкъ относящихся къ соображеніямъ А. Бестужева о поѣздкѣ брата его Петра. На письмѣ этомъ, безъ сомнѣнія по полученіи его матерью Бестужевыхъ, сумашедшимъ Петромъ намазано нѣсколько не имѣющихъ смысла строкъ.

мнѣ болѣе 500 рубей; но я заплатилъ бы двѣ тысячи чтобъ имѣть такое пріятное свиданіе. Павелъ сталъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ: солиденъ, уменъ, нравственъ. Я ожилъ душой поживши съ нимъ. Ради Бога, скажите что̀ сталось съ Петромъ? ни съ дороги отъ него, ни объ немъ изъ Сольцы ни строчки; а ужь давно бы пора. Обнимите его за меня, если онъ съ вами.

Я здоровъ, но совершенно безъ денегъ и, что̀ хуже еще, въ долгу. Н. И. (Гречъ) не шлетъ денегъ да и только. Каждую почту жду и каждую обманываюсь: это право досадно. Новаго нѣтъ.

Съ братскимъ участіемъ обнимаю сестеръ и цѣлую руку вашу. Петровцамъ посылаю душу. Будьте счастливы.

Горячо любящій васъ сынъ, Александръ Бестужевъ.

22.

Дербентъ, 1832 года, декабря 29го.

Я чрезвычайно радъ, любезнѣйшая матушка, что Петръ счастливо доѣхалъ до вашей палестины. Начните чтеніе письма поцѣлуемъ ему за меня. Дай Богъ чтобы все минувшее горе скатилось съ плечъ и съ памяти, какъ съ гуся вода. Онъ ожилъ вновь; пускай же новая жизнь будетъ ему весна.

Я слава Богу; немного кашляю, да это ничего. Морозцы у насъ хоть куда, снѣгу вдоволь; жаль что горы мѣшаютъ кататься, а саней не видывали здѣсь въ глаза. Даже дрова возятъ колесами: эти Татары сущіе невѣгласи, какъ говоритъ Несторъ.

Это время я былъ довольно прилеженъ: написалъ довольно большую повѣсть, *Фрегатъ Надежда*. Увѣренъ что она понравится, потому что писана отъ сердца. Чувства, которыя застоялись было, брызнули потокомъ. Любовь и море, двѣ мои любимыя стихіи, на сценѣ: я разгулялся. За симъ начну, или, лучше сказать, кончу *Кавказскія воды*, а тамъ только держись. Я разгараюсь на сѣчу, словно олимпійская колесница.

Въ баталіонъ нашъ за осаду Дербента присланы два георгіевскіе креста. Какъ достойнѣйшаго, выбрали меня солдаты и ротные командиры, и самъ подполковникъ. Но онъ трусъ. Вмѣсто того чтобы по общему порядку возложить его на меня и донести о томъ, онъ спрашиваетъ разрѣшенія — возложить ли? Разумѣется, это попало въ долгій ящикъ и, можетъ, даромъ. Вотъ какъ мимо текутъ всѣ мои награды. Сами всѣ боятся наградить, а представить царю лѣнятся.

Отъ брата Павла еще не имѣю вѣсти изъ Тифлиса. Знаю только что онъ былъ въ Баку и поклонился ключамъ огня. Вѣроятно, теперь странствуетъ по Тифлису. Съ нимъ былъ, по порученію корпуснаго командира, одинъ молоденькій нагайскій князекъ, Хассай-Мусса, предобрый и презабавный

мальчикъ. Онъ нерѣдко смѣшилъ насъ своею дикостію. Съ нимъ вмѣстѣ отправился онъ и въ путь.

Господа пчеловоды * меня морятъ. Долженъ кругомъ, а отъ нихъ ни гроша; это не по-товарищески, тѣмъ болѣе что сами обѣщали выслать давно. Отъ 1го ноября имѣю свѣдѣніе что мои книги поступятъ скоро въ продажу, но еще пользы не вижу. Что-то будетъ впередъ. Судили много; какъ бы не съѣхать на убытокъ. Барыши и недочеты въ одной ѣздятъ телѣгѣ.

Со Смирдинымъ готовъ сдѣлаться за пять тысячъ, иначе не хочу и со старыми пріятелями. Мнѣ выгоднѣе будетъ печатать мои повѣсти особо: я вѣрно выберу болѣе 5.000 въ годъ.

Обнимаю крѣпко сестеръ, цѣлую еще разъ милаго Петра. Прошу у Бога твердости Петровцамъ и здоровья и счастья вамъ.

Съ истинною и горячею любовью покорнаго сына, прошу вашего благословенія, Александръ Бестужевъ.

Отцу Ѳедору мой душевный поклонъ.

Поздравляю съ Рождествомъ Христовымъ, съ Новымъ Годомъ, со всѣми праздниками, которые такъ намъ были милы на святой родинѣ.

(До слѣд. №.)

М. СЕМЕВСКІЙ.

---

* То-есть Булгаринъ и Гречъ.

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

ГЛАВА XXI.

Кончено.

Арнольдъ былъ нѣсколько удивленъ краткостью отвѣта Джофри.

— Развѣ сэръ-Патрикъ сказалъ вамъ что-нибудь непріятное? спросилъ онъ.

— Сэръ-Патрикъ сказалъ именно то что̀ я желалъ отъ него услышать.

— Не будетъ никакого затрудненія?

— Никакого.

— Я могу не бояться что Бланка....

— Она не пошлетъ васъ въ Крегъ-Ферни, за это я ручаюсь.

Онъ сказалъ это съ увѣренностью, взялъ со стола письмо брата, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Друзья его, бродившіе по лугу, окликнули его. Онъ прошелъ мимо, не отвѣчая и едва взглянувъ на нихъ. Дойдя до цвѣтника, онъ остановился, вынулъ трубку, потомъ вдругъ передумалъ и повернулъ на другую дорожку. Въ такой часъ дня онъ, конечно, не могъ разчитывать на уединеніе въ цвѣтникѣ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

Ему ужасно хотѣлось быть одному; онъ чувствовалъ что способенъ убить того кто подошелъ бы къ нему въ эту минуту. Съ мрачнымъ взглядомъ и опустивъ голову, онъ пошелъ по дорожкѣ чтобы посмотрѣть куда она ведетъ. Она доходила до калитки которая вела въ кухонный садъ. Здѣсь онъ былъ въ безопасности. Ничто не могло привлечь гостей въ кухонный садъ. Онъ подошелъ къ орѣховому дереву, посаженному въ центрѣ сада и окруженному деревянною скамьей и дерномъ. Оглянувшись вокругъ, онъ сѣлъ и закурилъ трубку.

— Поскорѣй бы кончить, сказалъ онъ.

Онъ сидѣлъ, опершись локтями въ колѣни, курилъ и думалъ. Но овладѣвшее имъ безпокойство скоро подняло его опять на ноги. Онъ всталъ и началъ кружиться по дерновому лугу вокругъ дерева, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ.

Что возмутило его душевное спокойствіе? Не мучила ли его совѣсть за то что онъ рѣшился обмануть друга вѣрившаго и служившаго ему?

Совѣсть мучила его такъ же мало какъ васъ когда вы читаете эти строки. Ему просто до бѣшенства хотѣлось достигнуть поскорѣе цѣли которую онъ имѣлъ въ виду.

Могъ ли онъ чувствовать раскаяніе? Раскаяніе есть болѣе или менѣе слѣдствіе двухъ чувствъ, изъ которыхъ ни одно не развито въ первобытномъ человѣкѣ. Первое изъ этихъ чувствъ есть самоуваженіе, второе—уваженіе къ другимъ. Въ своемъ высочайшемъ проявленіи эти два чувства возвышаются— первое до любви къ Богу, второе до любви къ человѣчеству. Я обидѣлъ васъ и чувствую раскаяніе. Почему я чувствую раскаяніе, если я, обидѣвъ васъ, принесъ пользу себѣ, и вы не можете отвѣтить мнѣ такою же обидой? Я раскаиваюсь потому что во мнѣ есть чувство которое говоритъ мнѣ что я согрѣшилъ противъ самого себя и противъ васъ. Это чувство не принадлежитъ къ числу врожденныхъ инстинктовъ человѣка, и не было такого чувства у Джофри Деламена, потому что Джофри Деламенъ былъ первобытный человѣкъ.

Когда идея его плана родилась въ его головѣ, новость ея поразила его, безмѣрная дерзость ея устрашила его. Признаки безпокойства, которые онъ обнаружилъ за письменнымъ столомъ въ библіотекѣ, были проявленіемъ умственнаго замѣшательства, и ничего болѣе.

Первое живое впечатлѣніе прошло, онъ освоился съ идеей и достаточно успокоился чтобы видѣть трудности которыя

она заключала въ себѣ, и слѣдствія къ которымъ она вела. Трудности сначала испугали его, но страхъ скоро прошелъ. Что же касается до жестокости и безчестности замышляемаго поступка, то сознаніе ихъ было ему недоступно. Положеніе его относительно человѣка которому онъ спасъ жизнь, было положеніе собаки. „Благородное животное," только что вытащившее человѣка изъ воды, черезъ десять минутъ вцѣпится ему въ горло при извѣстныхъ условіяхъ. Прибавьте къ безсознательному инстинкту собаки сознательную хитрость человѣка, и вообразите такого человѣка въ положеніи когда онъ можетъ сказать: „когда-то мнѣ случилось оказать такую-то услугу, и вотъ теперь она пригодится мнѣ," и вы будете имѣть понятіе о чувствахъ Джофри къ его другу, когда онъ вспоминалъ прошлое или думалъ о будущемъ. Когда Арнольдъ некстати заговорилъ съ нимъ въ критическую минуту, онъ разозлился на Арнольда, но ничего другаго онъ не почувствовалъ.

Та же непроницаемая безчувственность, то же первобытное состояніе нравственныхъ понятій избавили его отъ малѣйшаго чувства жалости къ Аннѣ. „Я освобожденъ отъ нея," было его первою мыслію. „Она пристроена безъ хлопотъ съ моей стороны," было второю мыслію. Онъ ни мало не безпокоился о ней. Онъ ни мало не сомнѣвался что, когда онъ объяснитъ ей ея положеніе, и ей останется выбирать одно изъ двухъ — или погибнуть, или потребовать себѣ Арнольда, она потребуетъ Арнольда. Онъ былъ увѣренъ что она такъ поступитъ, потому что онъ поступилъ бы такъ на ея мѣстѣ.

Но ему хотѣлось чтобы все было кончено. Кружась вокругъ дерева, онъ стремился дойти поскорѣе до кризиса и перешагнуть черезъ него. Дайте мнѣ свободу обратиться къ другой женщинѣ и начать готовиться къ дѣлу,—вотъ чего ему хотѣлось. *Они* обижены? Я обиженъ ими. Они мои злѣйшіе враги! Они преграждаютъ мнѣ дорогу.

Какъ избавиться отъ нихъ? Вотъ что̀ безпокоитъ его. Онъ рѣшилъ избавиться отъ нихъ въ тотъ же день. Но съ чего начать?

Нельзя было начать ссорой съ Арнольдомъ. Такой образъ дѣйствія, при отношеніяхъ Арнольда съ Блайкой, произвелъ бы тотчасъ же скандалъ, — скандалъ, который помѣшалъ бы ему произвести надлежащее впечатлѣніе на мистрисъ Гленармъ. Надо было начать съ женщины, потому что полъ и положеніе

одинокой, всѣми покинутой женщины помѣшаютъ ей произвести скандалъ. Покончить немедленно съ Анной и предоставить Арнольду раздѣлываться съ нею, рано или поздно, и какъ ему угодно.

— Какимъ образомъ объявить ей объ этомъ сегодня же?

Пойти въ гостиницу и объявить ей лицомъ къ лицу что она мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ? Нѣтъ! Съ него довольно объясненія съ нею лицомъ къ лицу въ Виндзегетсѣ. Самый легкій способъ—написать ей и отослать письмо въ гостиницу съ первымъ посланнымъ котораго удастся найти. Пусть она пріѣзжаетъ въ Виндзегетсъ, пусть она слѣдуетъ за нимъ къ его брату, пусть она обратится къ его отцу. Онъ теперь умылъ руки отъ нея. „Вы замужняя женщина,“— вотъ достаточный отвѣтъ чтобъ отдѣлаться отъ нея.

Онъ сложилъ письмо въ умѣ. „Что нибудь въ этомъ родѣ,“ думалъ онъ, обходя вокругъ орѣховаго дерева: „Вы можетъ-быть удивляетесь что я не пріѣзжаю. Пеняйте на себя. Я знаю что̀ произошло между вами и имъ въ гостиницѣ. Я совѣтовался съ адвокатомъ. Вы жена Арнольда Бринкворта, желаю вамъ счастія и прощайте на вѣки.“ Адресовать „мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ,“ сказать посланному чтобъ онъ оставилъ письмо въ гостиницѣ поздно вечеромъ и ушелъ не дожидаясь отвѣта, уѣхать завтра рано утромъ къ брату и считать дѣло покончennымъ.

Но даже въ такомъ образѣ дѣйствія было одно препятствіе— препятствіе способное привести въ отчаяніе.

Если Анну знали въ гостиницѣ подъ какимъ-нибудь именемъ, то только подъ именемъ мистрисъ Сильвестеръ. Письмо адресованное на имя мистрисъ „Арнольдъ Бринквортъ“ едва ли будетъ принято у двери гостиницы. Или, если оно будетъ принято и передано ей, она, можетъ-быть, откажется прочесть его, какъ письмо не ей адресованное. Человѣкъ съ бо́льшимъ умственнымъ запасомъ понялъ бы что имя на конвертѣ ничего не значитъ, лишь бы содержаніе письма было прочтено тѣмъ къ кому оно написано. Но умъ Джофри придавалъ большее значеніе пустякамъ. Онъ считалъ необходимымъ сохранить связь между адресомъ и письмомъ. Такъ какъ онъ назоветъ ее женой Арнольда Бринкворта, то и адресовать онъ долженъ ей какъ женѣ Арнольда Бринкворта. Иначе кто знаетъ какое значеніе можетъ придать этому законъ, и какихъ хлопотъ можно нажить себѣ однимъ почеркомъ пера! Чѣмъ

дальше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ необходимости поступить осторожно, и тѣмъ сильнѣе онъ горячился.

Но изъ всякаго затрудненія есть выходъ, и изъ этого затрудненія вѣроятно есть тоже выходъ. Еслибы только найти его!

Но онъ не находилъ его. Покончивъ со всѣми серіозными затрудненіями, онъ неспособенъ былъ рѣшить пустыхъ затрудненій. Его вдругъ поразила мысль что онъ, можетъ-быть, слишкомъ долго думалъ объ этомъ,—онъ, не привыкшій ни о чемъ думать долго. У него кружилась голова отъ однообразнаго хожденія вокругъ дерева. Онъ съ раздраженіемъ повернулся и пошелъ по новой дорожкѣ, рѣшивъ подумать о чемъ-нибудь другомъ чтобы потомъ воротиться опять къ затрудненію и взглянуть на него съ новой точки зрѣнія. Получивъ свободу, мысли его естественно обратились къ бѣгу. Чрезъ недѣлю надо будетъ начать готовиться.

Онъ рѣшилъ взять на этотъ разъ двухъ учителей. Одного вызвать въ Шотландію и подготовиться съ нимъ въ домѣ брата, а съ другимъ, который взглянетъ на него съ новой точки зрѣнія, заняться по возвращеніи въ Лондонъ. Онъ перебиралъ въ умѣ подвиги знаменитаго соперника, съ которымъ готовился вступить въ состязаніе. Соперникъ его бѣгалъ скорѣе его. Державшіе пари за Джофри разчитывали на безпримѣрную длину бѣга и на необыкновенную выносливость Джофри. Долго ли пережидать соперника? Гдѣ можно съ безопасностью догнать его? Какъ близко къ концу разчитать на его полное истощеніе и обогнать его? Вопросы немаловажные. При возложенной на него отвѣтственности онъ обязанъ прибѣгнуть къ тайному совѣту уважаемыхъ авторитетовъ. На кого можно положиться? Можно положиться на А. и на В., оба авторитеты, и оба сохранятъ тайну. Можно ли положиться на С? Авторитетъ безпримѣрный, но человѣкъ ненадежный. Вопросъ о С. поставилъ его въ тупикъ и не хотѣлъ разрѣшиться. Ну, не бѣда! Во всякомъ случаѣ можно посовѣтоваться съ А. и В., а С. послать пока къ чорту, и думать о чемъ-нибудь другомъ. О чемъ же другомъ? О мистрисъ Гленармъ? И ее къ чорту! Всѣ онѣ на одинъ ладъ. Всѣ бѣгаютъ переваливаясь и наполняютъ желудокъ жидкимъ чаемъ предъ обѣдомъ. Только этимъ онѣ отличаются отъ мущинъ, во всемъ же остальномъ онѣ слабое подражаніе намъ. Послать женщину къ чорту и

постараться думать о чемъ-нибудь другомъ. О чемъ же? Самое лучшее—закурить опять трубку.

Онъ вынулъ мѣшокъ съ табакомъ, хотѣлъ открыть его, но вдругъ остановился.

Кто это тамъ направо, по другую сторону ряда низкихъ грушевыхъ деревьевъ? Женщина, по одеждѣ очевидно служанка, сидитъ къ нему спиной и смотритъ на что-то: на траву, сколько онъ могъ различить издали.

Что это виситъ на снуркѣ у ней на боку? Аспидная доска? Да! На кой чортъ повѣсила она на себя аспидную доску? Онъ искалъ развлеченія, и развлеченіе представилось. „Все равно чѣмъ бы ни заняться“, подумалъ онъ. „Не пошутить ли мнѣ съ ней объ ея доскѣ?“

Онъ окликнулъ женщину: „Эй!“

Женщина встала, медленно подошла къ нему, взглянула на него и остановилась предъ нимъ съ печальнымъ лицомъ и каменною неподвижностью Есэири Дезриджъ.

Джофри былъ изумленъ. Онъ не осмѣлился заговорить съ такою женщиной тѣмъ въ высшей степени грубо-вульгарнымъ нарѣчіемъ человѣческаго языка, который обозначается словомъ „шутить“.

— Для чего у васъ эта доска? спросилъ онъ, не зная какъ начать.

Женщина подняла руку, притронулась къ губамъ и покачала головой.

— Нѣмая?

Женщина кивнула головой.

— Кто вы?

Женщина написала на доскѣ и протянула ее подъ грушевыми деревьями. Онъ прочелъ: „Я кухарка“.

— Кухарка! Вы такъ и родились нѣмой?

Женщина покачала головой.

— Отчего же вы онѣмѣли?

Женщина написала на доскѣ: „Отъ удара“.

— Кто же ударилъ васъ?

Она покачала головой.

— Не скажете?

Она опять покачала головой.

Пока онъ распрашивалъ ее, она смотрѣла на него своими холодными, неподвижными, мертвыми глазами. Какъ ни были крѣпки его нервы, какъ ни неподвижно было его воображеніе,

но глаза женщины медленно подѣйствовали на него и произвели въ немъ внутреннюю дрожь. Что-то пробѣжало по его спинному мозгу и задрожало подъ корнями его волосъ. Ему захотѣлось освободиться отъ нея. Что могло быть легче? Стоило только сказать „прощайте“ и уйти. Онъ сказалъ „прощайте“, но не ушелъ. Онъ опустилъ руку въ карманъ и предложилъ ей денегъ, какъ средство заставить ее уйти. Она протянула руку подъ грушевыми деревьями чтобы взять деньги, но вдругъ окаменѣла съ протянутою въ воздухѣ рукой. Ея мертвое лицо страшно измѣнилось, закрытыя губы медленно раскрылись, тусклые глаза устремились на что-то чрезъ его плечо, точно за нимъ стоялъ какой-то страшный призракъ.

— На какого чорта вы смотрите? сказалъ онъ, вздрогнувъ, и обернулся.

За нимъ не было никого и ничего на что бы можно было смотрѣть. Онъ повернулся опять къ женщинѣ. Она ушла отъ него подъ вліяніемъ какого-то мгновеннаго, паническаго страха. Какъ ни была она стара, она бѣжала, спѣша скрыться отъ его взгляда, точно его взглядъ былъ смертеленъ.

„Сумашедшая“, подумалъ онъ, и отвернулся чтобы не видать ея.

Онъ опомнился подъ орѣховымъ деревомъ, не зная какъ опять попалъ туда. Чрезъ нѣсколько минутъ его крѣпкіе нервы окрѣпли и онъ могъ смѣяться надъ страннымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на него женщина. „Испугался въ первый разъ въ жизни“, подумалъ онъ, „и испугался женщины! Пора начать готовиться къ бѣгу, ужъ если дошло до этого!“

Онъ взглянулъ на часы. Приближалось время завтрака въ домѣ, а онъ еще не рѣшилъ какъ адресовать письмо Аннѣ. „Надо рѣшить немедленно“, подумалъ онъ.

Женщина, нѣмая женщина, съ каменнымъ лицомъ и мертвыми, глазами представилась ему опять и мѣшала думать. Срамъ! Старая, сумашедшая служанка, которая была, можетъ-быть, когда-то кухаркой, а теперь живетъ изъ милости,—а онъ думаетъ о ней. Забыть ее! Забыть!

Онъ легъ на траву и началъ обдумывать неразрѣшимый вопросъ: какъ сдѣлать чтобы письмо адресованное Аннѣ на имя „мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ“ дошло до нея?

Нѣмая женщина представилась ему опять.

Онъ закрылъ глаза и хотѣлъ окружить ее мракомъ собственнаго изобрѣтенія.

Женщина показалась во мракѣ. Она стояла и писала на доскѣ, точно онъ только что задалъ ей вопросъ. Онъ не могъ разобрать что она написала. Все исчезло въ одно мгновеніе. Онъ вскочилъ, дивясь на самого себя. и въ ту же минуту въ головѣ его мелькнула новая мысль. Онъ нашелъ, безъ сознательнаго усилія съ своей стороны, способъ выйти изъ затрудненія. Вложить письмо въ два конверта: нижній, незапечатанный и адресованный на имя мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ, и верхній, запечатанный и адресованный на имя мистрисъ Сильвестеръ, и задача рѣшена. Самая легкая изъ всѣхъ задачъ смущающихъ тупоумныя головы!

Почему онъ не догадался раньше? Неизвѣстно!

Почему онъ догадался теперь?

Нѣмая женщина представилась ему опять, точно рѣшеніе задачи зависѣло отъ нея.

Онъ испугался за самого себя впервые въ своей жизни. Не имѣетъ ли это неотвязчивое впечатлѣніе, которое произвела на него сумашедшая старуха, чего-нибудь общаго съ разстройствомъ здоровья о которомъ говорилъ докторъ? У него кружится голова. Онъ курилъ слишкомъ много на тощій желудокъ и, проведя всю ночь въ дорогѣ, слишкомъ долго обходился безъ своей обычной порціи пива.

Онъ вышелъ изъ сада чтобы немедленно исправить эту оплошность. Еслибы публика могла увидать его въ эту минуту, никто не сталъ бы держать пари за него. Онъ смотрѣлъ разстроеннымъ и озабоченнымъ, и имѣлъ на то основательную причину. Его нервная система дала себя почувствовать безъ малѣйшаго предубѣжденія, и говорила на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ: вотъ и я!

Войдя въ цвѣтникъ, онъ увидалъ одного изъ лакеевъ передававшаго какое-то приказаніе садовнику. Джофри тотчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ гдѣ можно найти буфетчика,—единственный авторитетъ въ настоящемъ затрудненіи.

Проведенный въ комнату буфетчика, Джофри попросилъ его принести кружку самаго стараго пива и приличную, здоровую закуску, въ видѣ ломтя хлѣба съ сыромъ.

Буфетчикъ удивился. Такая форма снисхожденія со стороны высшаго класса была для него новостью.

— Сейчасъ будетъ готовъ завтракъ, сударь.

— Что тамъ есть къ завтраку?

Буфетчикъ назвалъ ему множество прекрасныхъ блюдъ и рѣдкихъ винъ.

— Къ чорту всѣ эти пустяки, сказалъ Джофри.—Дайте мнѣ стараго пива и ломоть хлѣба съ сыромъ.

— Куда прикажете подать, сударь?

— Сюда, конечно, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Буфетчикъ послѣшилъ исполнить приказаніе, и поставилъ простой завтракъ предъ своимъ высокимъ гостемъ съ невыразимымъ удивленіемъ. Сынъ вельможи, и къ тому же общественная знаменитость, съ жадностью наполнялъ себя предъ нимъ хлѣбомъ, сыромъ и пивомъ, самымъ непритязательнымъ образомъ, за его столомъ! Буфетчикъ рискнулъ на льстивую фамильярность.

— Я поставилъ за васъ шесть фунтовъ, сэръ, сказалъ онъ улыбаясь.

— Хорошо сдѣлалъ, дружище! Выиграешь!

Съ такими благородными словами герой ударилъ его по спинѣ и протянулъ пустой стаканъ. Буфетчикъ втрое сильнѣе чувствовалъ себя Англичаниномъ, наполняя стаканъ пѣнящимся пивомъ. Пусть иностранныя націи творятъ революціи! Пусть иностранныя аристократіи падаютъ! Британская аристократія живетъ въ сердцахъ народа и будетъ жить вѣчно.

— Еще, сказалъ Джофри, подставляя ему опять пустой стаканъ.—Будьте здоровы!

Онъ выпилъ стаканъ не переводя духа, кивнулъ буфетчику и вышелъ.

Удался ли опытъ? Доказалъ ли онъ что знаетъ самого себя? Безъ сомнѣнія! Пустой желудокъ и дѣйствіе табаку на голову, вотъ что было причиной страннаго состоянія овладѣвшаго имъ въ саду. Нѣмая женщина съ каменнымъ лицомъ исчезла, и онъ теперь не ощущалъ ничего кромѣ пріятнаго шума въ головѣ, успокоительной теплоты во всемъ тѣлѣ и безграничной готовности взять на себя какую бы то ни было отвѣтственность. Джофри сдѣлался опять самимъ собой.

Онъ направился къ библіотекѣ, съ намѣреніемъ написать Аннѣ немедленно. Гости, въ ожиданіи звонка къ завтраку, собрались въ библіотекѣ. Всѣ безцѣльно болтали, и многіе навѣрное привязались бы къ нему, еслибъ онъ вошелъ. Онъ повернулъ назадъ не показавшись. Надо подождать пока они уйдутъ всѣ завтракать, и тогда вернуться въ библіотеку чтобы написать письмо безъ помѣхи. Въ то же время

можно будетъ найти кого-нибудь съ кѣмъ отослать письмо и потомъ незамѣтно уйти одному на денную прогулку. Двухъ-или трехчасовое отсутствіе обманетъ Арнольда, который навѣрное объяснитъ его себѣ свиданіемъ съ Анной.

Онъ разсѣянно шелъ по саду, и все болѣе и болѣе удалялся отъ дома.

Разговоръ въ библіотекѣ, большею частію безцѣльный и пустой, былъ разговоромъ съ цѣлью въ томъ углу комнаты гдѣ сидѣли вдвоемъ сэръ-Патрикъ и Бланка.

— Дядя! Я сейчасъ наблюдала за вами минуты двѣ.

— Въ мои годы, Бланка, это мнѣ очень пріятный комплиментъ.

— И знаете что я видѣла?

— Вы видѣли стараго господина ожидающаго завтрака.

— Я видѣла стараго господина у котораго есть что-то на умѣ. Что у васъ на умѣ?

— Подагра, моя милая.

— Неправда. Вы отъ меня такъ не отдѣлаетесь. Дядя! Я хочу знать.

— Остановитесь, Бланка! Молодая дѣвушка которая говоритъ что она „хочетъ знать“, высказываетъ очень опасное чувство. Ева „хотѣла знать“, и вспомните что изъ этого вышло. Фаустъ „хотѣлъ знать“ и попалъ въ дурное общество, какъ неизбѣжное слѣдствіе знанія.

— Вы чѣмъ озабочены? настаивала Бланка.—И къ тому же, сэръ-Патрикъ, вы вели себя сегодня самымъ непонятнымъ образомъ.

— Когда?

— Когда вы спрятались съ мистеромъ Деламеномъ въ томъ темномъ углу. Вы сами ловили его туда, я это видѣла когда трудилась надъ несносными пригласительными записками леди Лунди.

— А! Такъ вы такъ-то трудитесь? Желалъ бы я знать, была ли когда-нибудь женщина которая бы вполнѣ предавалась тому чѣмъ она занимается?

— Оставьте въ покоѣ женщинъ, дядя. Желала бы я знать о чемъ вы могли говорить съ мистеромъ Деламеномъ? И почему это явилась у васъ морщина между бровями послѣ разговора съ нимъ, морщина, которой не было до вашего тайнаго совѣщанія?

Сэръ-Патрикъ подумалъ, можно ли сказать о своей догадкѣ Бланкѣ. Попытка отождествить неназванную „даму“ Джофри съ Анной, попытка, которую онъ рѣшилъ сдѣлать, заставитъ

его съѣздить въ Крегъ-Ферни и вѣроятно поведетъ къ разговору съ Анной. Дружба Бланки съ Анной, конечно, пригодится ему при такихъ обстоятельствахъ, а на скромность Бланки можно было положиться во всемъ что̀ касается интересовъ миссъ Сильвестеръ. Съ другой стороны, осторожность была крайне необходима при его неопредѣленныхъ свѣдѣніяхъ, и осторожность преобладала въ характерѣ сэръ-Патрика. Онъ рѣшилъ ждать и посмотрѣть что̀ покажетъ посѣщеніе гостиницы.

— Мистеръ Деламенъ совѣтовался со мной объ очень сухомъ юридическомъ вопросѣ, въ которомъ заинтересованъ его другъ, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Вы тратили свое любопытство, моя милая, на предметъ недостойный вниманія женщины.

Но проницательную Бланку нельзя было обмануть такъ легко.

— Отчего не объявить прямо что вы не скажете мнѣ? возразила она.—Чтобы вы стали прятаться съ мистеромъ Деламеномъ для того чтобы поговорить о законѣ! Чтобы вы послѣ разговора о законѣ сдѣлались задумчивымъ и безпокойнымъ! Какая я несчастная, сказала она горько вздохнувъ.—Во мнѣ есть что-то, что̀ отталкиваетъ отъ меня тѣхъ кого я люблю. Ни одного довѣрчиваго слова отъ Анны! Ни одного довѣрчиваго слова отъ васъ! Это жестоко. Я лучше пойду къ Арнольду.

Сэръ-Патрикъ остановилъ племянницу за руку.

— Подождите одну минуту, Бланка. Какъ насчетъ миссъ Сильвестеръ? Слышали вы о ней что-нибудь?

— Нѣтъ. Я не могу выразить вамъ словами какъ я безпокоюсь о ней.

— Не съѣздить ли кому-нибудь въ Крегъ-Ферни чтобъ узнать тайную причину молчанія миссъ Сильвестеръ? Развѣ вы думаете что никто не сочувствуетъ вамъ въ этомъ?

Лицо̀ Бланки просіяло отъ удовольствія и удивленія. Она съ благодарностью поцѣловала руку сэръ-Патрика.

— О! воскликнула она.—Неужели вы это сдѣлаете?

— Мнѣ, конечно, не слѣдовало бы дѣлать этого, взявъ во вниманіе то что вы ѣздили въ гостиницу прямо вопреки моему запрещенію, и что я простилъ васъ тогда только за ваше обѣщаніе исправиться. Со стороны главы семейства непростительная слабость поступать противъ своихъ принциповъ изъ-за того что племянницѣ его вздумалось безпокоиться и огорчаться. Однако, если вы одолжите мнѣ вашъ экипажъ, я прокачусь, можетъ-быть, въ Крегъ-Ферни и доберусь какъ-

нибудь до миссъ Сильвестеръ, если вы имѣете сказать ей что-нибудь.

— Сказать ей что-нибудь? повторила Бланка, и обнявъ шею дяди, начала нашептывать ему одно изъ безконечнѣйшихъ посланій когда-либо посылавшихся однимъ живымъ существомъ другому. Сэръ-Патрикъ слушалъ съ возрастающимъ интересомъ къ вопросу который онъ имѣлъ въ виду. „Женщина которая можетъ внушить такую любовь къ себѣ," подумалъ онъ, „должна имѣть много благородныхъ качествъ."

Пока Бланка шепталась съ дядей, другое тайное совѣщаніе — чисто хозяйственнаго свойства — происходило въ залѣ между леди Луди и буфетчикомъ.

— Есѳирь Дезриджъ, сударыня, къ сожалѣнію, опять ломѣшалась.

— Что вы хотите сказать?

— Она была совсѣмъ какъ слѣдуетъ, сударыня, когда пошла въ кухонный садъ, а воротилась оттуда какъ сумашедшая. Требуетъ остальную часть дня себѣ, сударыня. Говоритъ что выбилась изъ силъ съ такимъ множествомъ гостей. и, осмѣлюсь сказать вамъ, сударыня, она на видъ совсѣмъ больна.

— Не говорите глупостей, Робертъ. Она просто лѣнивая, упрямая и дерзкая женщина. Она, какъ вамъ извѣстно, доживаетъ въ домѣ свой послѣдній мѣсяцъ. Если она не будетъ работать какъ слѣдуетъ этотъ мѣсяцъ, я не дамъ ей аттестата. Кто же будетъ готовить обѣдъ сегодня, если Есѳирь уйдетъ?

— Во всякомъ случаѣ, сударыня, готовить сегодня придется кухонной служанкѣ. Когда на Есѳирь найдетъ приладокъ, она бываетъ упряма, какъ вы изволили замѣтить.

— Если Есѳирь Дезриджъ не приготовитъ сегодня обѣда, она сегодня же уйдетъ изъ моего дома. Вотъ вамъ мое послѣднее слово. Если она будетъ настаивать на своемъ, пусть она принесетъ мнѣ въ библіотеку свой счетъ, въ то время когда мы будемъ завтракать, и положитъ его на мой столъ. Я ворочусь послѣ завтрака въ библіотеку, и если увижу тамъ счетъ, то пойму что это значитъ. Тогда я прикажу вамъ разчитать ее. Звоните къ завтраку.

Раздался звонокъ къ завтраку. Всѣ гости отправились въ столовую; сзади всѣхъ шелъ сэръ-Патрикъ подъ руку съ

Бланкой. Предъ дверью столовой Бланка остановилась и извинилась предъ дядей.

— Я сейчасъ вернусь, сказала она. — Я забыла на верху одну вещь.

Сэръ-Патрикъ вошелъ. Дверь столовой затворилась, и Бланка вернулась одна въ библіотеку. Подъ различными предлогами, она три послѣдніе дня вѣрно исполняла обѣщаніе данное въ Крегъ-Ферни—оставаться каждый день послѣ звонка къ завтраку десять минутъ въ библіотекѣ, въ надеждѣ увидать Анну. Въ этотъ четвертый день она опять сидѣла одна въ большой комнатѣ и ждала, устремивъ глаза на лугъ.

Прошло пять минутъ, и ни одно живое существо не показывалось на лугу, кромѣ прыгавшихъ по травѣ птицъ.

Но не прошло еще минуты какъ тонкій слухъ Бланки различилъ шелестъ женскаго платья. Она подбѣжала къ ближайшему окну и захлопала руками съ радостнымъ крикомъ. По лугу быстро приближалась хорошо знакомая фигура. Анна не измѣнила ихъ дружбѣ, Анна наконецъ исполнила обѣщаніе!

Бланка выбѣжала ей навстрѣчу и съ торжествомъ ввела Анну въ библіотеку.

— Это искупаетъ все, моя милая! Вы отвѣчаете на мое письмо самымъ лучшимъ образомъ, — вы отвѣчаете мнѣ своею милою личностью.

Она посадила Анну на стулъ, и поднявъ ея вуаль, взглянула на нее при яркомъ полдневномъ свѣтѣ.

Перемѣна во всей наружности Анны была ужасна для любящихъ глазъ остановившихся на ней. Она смотрѣла нѣсколькими годами старше своихъ настоящихъ лѣтъ. Ея лицо выражало грустное спокойствіе, невозмутимую, тупую покорность. Три дня и три ночи уединенія и горя; три дня и три ночи безпрерывнаго, одинокаго ожиданія сломили ея нервную натуру и оледенили ея теплое сердце. Оживляющій духъ исчезъ, жила и двигалась только тѣнь женщины, насмѣшка на ея прежнее существо.

— Ахъ, Анна, Анна! Что случилось съ вами? Не боитесь ли вы? Право, нечего бояться что кто-нибудь застанетъ насъ. Они всѣ завтракаютъ, а слуги обѣдаютъ. Никто не придетъ въ эту комнату. Голубчикъ мой! Какая вы слабая и странная! Не принести ли вамъ чего-нибудь?

Анна нагнула къ себѣ голову Бланки и поцѣловала ее. Дви-

женіе это было грустно и медленно и не сопровождалось ни словомъ, ни слезой, ни вздохомъ.

— Вы устали, это оттого что вы устали. Вы пришли сюда пѣшкомъ? Вы не уйдете отсюда пѣшкомъ, объ этомъ я позабочусь.

Анна встала при этихъ словахъ и заговорила въ первый разъ. Въ голосѣ ея была несвойственная ему слабость и грусть, но прелесть его, врожденная мягкость и красота его, казалось, пережили гибель всего остальнаго.

— Я не вернусь туда, Бланка. Я покинула гостиницу.

— Покинули гостиницу? Съ вашимъ мужемъ?

Анна отвѣтила только на первый вопросъ.

— Я не могу вернуться туда, я не могу жить тамъ, сказала она.—Какое-то проклятіе слѣдуетъ за мной куда бы я ни пошла. Я бываю причиной ссоръ и горя ненамѣренно, Богъ свидѣтель. Старикъ, главный слуга, былъ со мною добръ по-своему, моя милая; изъ-за этого вышла у нихъ съ хозяйкой брань. Ссора, ужасная, жестокая ссора. Онъ вслѣдствіе этого отказался отъ мѣста. Хозяйка сложила всю вину на меня. Она злая женщина и сдѣлалась еще злѣе съ тѣхъ поръ какъ ушелъ Бишопригсъ. Я потеряла письмо въ гостиницѣ, должно-быть бросила куда-нибудь и забыла. Я вспомнила о немъ только сегодня ночью, начала искать и не нашла. Я сказала объ этомъ хозяйкѣ, а она начала бранить меня, едва я успѣла выговорить слово. Спросила обязана ли она хранить мои письма. Говорила такія вещи которыхъ я не могу передать вамъ. Я не совсѣмъ здорова и неспособна ладить съ такими людьми, и рѣшилась уйти изъ Крегъ-Ферни. Я надѣюсь не видать никогда опять Крегъ-Ферни.

Она передала свой маленькій разказъ безъ малѣйшаго волненія, и кончивъ, устало склонила голову на спинку стула.

Глаза Бланки наполнились слезами.

— Я не буду распрашивать васъ, Анна, сказала она ласково. — Пойдемте на верхъ, отдохните въ моей комнатѣ. Вы теперь неспособны уѣхать куда-нибудь. Я постараюсь чтобы никто не приходилъ къ намъ.

Часы пробили четверть втораго. Анна, вздрогнувъ, приподнялась на стулѣ.

— Сколько это пробило? спросила она.

Бланка сказала.

— Я не могу остаться здѣсь. Я пришла сюда чтобъ узнать

одну вещь, если возможно. Вы не будете распрашивать меня? Пожалуста, Бланка, не распрашивайте. Во имя старой дружбы.

Бланка отвернулась отъ нея, страдая душою.

— Я не буду безпокоить васъ, моя милая, сказала она, взявъ руку Анны, и удержала слезы которыя начинали течь по ея щекамъ.

— Я хочу узнать одну вещь, Бланка. Скажете вы мнѣ?

— Да. Что вы хотите знать?

— Назовите мнѣ мущинъ которые гостятъ въ настоящее время въ вашемъ домѣ.

Бланка опять взглянула на нее со внезапнымъ удивленіемъ и страхомъ. У нея явилось смутное опасеніе не ломѣшалась ли Анна отъ горя. Анна настаивала на своей странной просьбѣ.

— Назовите ихъ, Бланка. У меня есть причина желать знать кто гоститъ у васъ теперь.

Бланка назвала гостей леди Лунди, оставивъ подъ конецъ тѣхъ которые только что пріѣхали.

— Еще двое пріѣхали сегодня утромъ, сказала она. — Арнольдъ Брикворть и его противный другъ мистеръ Деламенъ.

Анна склонила опять голову на стулъ. Она узнала что ей нужно было знать, не выдавъ тайной и единственной цѣли съ которою пришла въ Виндзоретсъ. Онъ опять въ Шотландіи, но пріѣхалъ только сегодня утромъ. Онъ, конечно, не имѣлъ времени сообщить объ этомъ въ Крегъ-Ферни до ея ухода, — онъ, ненавидящій письменныя сношенія. Всѣ обстоятельства свидѣтельствовали въ его пользу, и не было основанія, дѣйствительно не было основанія подозрѣвать что онъ бросилъ ее. Сердце бѣдной женщины радостно забилось отъ перваго луча надежды согрѣвшаго его послѣ четырехъ дней отчаянія. Подъ вліяніемъ внезапнаго пробужденія чувства, ея слабая оболочка содрогнулась съ головы до ногъ. На лицѣ ея вспыхнулъ на минуту яркій румянецъ, но тотчасъ же замѣнился мертвенною блѣдностью. Бланка, тревожно слѣдившая за ней, поняла необходимость дать ей немедленно чего-нибудь подкрѣпительнаго.

— Я сейчасъ принесу вамъ вина. Вамъ сдѣлается дурно, Анна, если вы не подкрѣпитесь. Я вернусь въ одну минуту, и сдѣлаю такъ что никто ничего не узнаетъ.

Она придвинула стулъ Анны къ ближайшему отворенному окну.

Едва Бланка скрылась за дверью которая вела въ залу, какъ въ библіотеку вошелъ Джофри въ дверь со стороны луга.

Задумавшись о письмѣ которое онъ шелъ писать, онъ медленно приблизился къ ближайшему столу. Анна, услышавъ шаги, вздрогнула и подняла глаза. Покинувшая ее сила возвратилась мгновенно отъ облегченія которое она почувствовала увидя его. Она встала и поспѣшно подошла къ нему со слабымъ румянцемъ на щекахъ. Онъ поднялъ глаза. Они стояли лицомъ къ лицу и—одни.

— Джофри!

Онъ глядѣлъ на нее не отвѣчая, не сдѣлавъ ни шагу впередъ. Въ его взглядѣ была злость, въ его молчаніи угроза. Онъ рѣшился никогда не видать ея, а она поймала его на свиданіе. Онъ рѣшился написать ей, а она стоитъ предъ нимъ и заставляетъ его говорить. Мѣра ея проступковъ противъ него теперь дополнилась. Еслибы была когда-нибудь надежда что въ его сердцѣ можетъ пробудиться сколько-нибудь жалости къ ней, то эта надежда исчезла бы теперь.

Она не поняла вполнѣ значенія его молчанія. Она, бѣдная, начала извиняться что осмѣлилась придти въ Виндигетсъ,—извиняться предъ человѣкомъ намѣревавшимся оставить ее безпомощною въ мірѣ.

— Простите меня что я пришла сюда, сказала она. — Я не сдѣлала ничего что̀ могло бы скомпрометтировать васъ, Джофри. Одна Бланка знаетъ что я въ Виндигетсѣ. Я узнавала отъ нея о васъ, не выдавъ ей нашей тайны.

Она замолчала и начала дрожать. Она замѣтила въ его лицѣ то чего не замѣтила съ перваго разу.

— Я получила ваше письмо, сказала она, собираясь съ духомъ.—Я не жалуюсь что оно такъ коротко, я знаю что вы не любите писать. Но вы обѣщали написать еще разъ и не написали. Ахъ, Джофри, какъ мнѣ было тяжело въ гостинницѣ!

Она опять замолчала и поддержала себя, опершись рукой на столъ. Слабость овладѣвала ею опять. Она попробовала продолжать говорить. Напрасно! она могла теперь только смотрѣть на него.

— Чего вы отъ меня хотите? спросилъ онъ тономъ человѣка предлагающаго пустой вопросъ совершенно незнакомому человѣку.

Послѣдній проблескъ ея прежней энергіи освѣтилъ какъ угасающее пламя ея лицо.

Я разбита всѣмъ тѣмъ что я вынесла, сказала она. — Не унижайте меня, заставляя напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи.

— О какомъ обѣщаніи?

— Стыдитесь, Джофри! стыдитесь! Вы обѣщали жениться на мнѣ.

И вы смѣете напоминать мнѣ о моемъ обѣщаніи послѣ того что вы сдѣлали въ гостинницѣ?

Она прислонилась къ столу и приложила руку къ сердцу. У нея кружилась голова. Она хотѣла припомнить и не могла.

Въ гостинницѣ? Что я сдѣлала въ гостинницѣ? сказала она разсѣянно.

— Знайте что я совѣтовался съ адвокатомъ. Я знаю что говорю.

Она, казалось, не слыхала его. „Что я сдѣлала въ гостинницѣ?" спрашивала она себя, но не находя отвѣта, съ отчаяніемъ бросила эту мысль. Облокачиваясь на столъ, она подвинулась къ нему и положила руку на его плечо.

— Вы не хотите жениться на мнѣ? спросила она.

Онъ воспользовался безчестнымъ предлогомъ; онъ сказалъ безчестныя слова.

— Вы жена Арнольда Брикворта.

Безъ крика, безъ усилія удержаться, она упала безъ чувствъ къ его ногамъ, какъ когда-то мать ея упала къ ногамъ ея отца.

Онъ освободилъ ноги изъ-подъ ея платья.

— Кончено! сказалъ онъ, смотря на нее.

Когда это слово сорвалось съ его языка, онъ вздрогнулъ, услыхавъ шумъ во внутренней части дома. Легкіе шаги быстро приближались по залѣ къ библіотекѣ.

Онъ повернулся и выбѣжалъ изъ комнаты въ ту же отворенную дверь въ которую вошелъ.

ГЛАВА XXII.

Ушла.

Вошла Бланка со стаканомъ вина въ рукахъ и увидала безчувственную Анну на полу.

Она испугалась, но не удивилась, стала на колѣни возлѣ Анны и подняла ея голову. Предварительное состояніе ея подруги естественно помѣшало ей поискать другой причины

обморока. Затрудненія, которыя задержали ее съ виномъ, были, по ея мнѣнію, единственною причиной того что она теперь видѣла.

Еслибъ она не такъ легко выводила слѣдствія изъ причинъ, она, можетъ-быть, подошла бы къ окну чтобы посмотрѣть не случилось ли чего на дворѣ что могло испугать Анну, можетъ-быть увидала бы Джофри прежде чѣмъ онъ успѣлъ завернуть за уголъ дома, и сдѣлавъ одно это открытіе, могла бы измѣнить весь ходъ событій не только своей будущей жизни, но и жизни другихъ. Такъ-то мы ходимъ въ жизни какъ слѣпые и предоставляемъ нашу маленькую долю счастія игрѣ слѣпого случая. Но блаженное заблужденіе убѣждаетъ насъ что мы вѣнецъ творенія и заставляетъ даже сомнѣваться есть ли люди на другихъ планетахъ, потому что на другихъ планетахъ нѣтъ той атмосферы которая необходима намъ.

Попробовавъ безъ пользы всѣ средства которыя были у нея подъ рукой, Бланка пришла въ отчаяніе. Анна лежала на ея рукахъ мертвая по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ. Она уже готова была позвать на помощь,—будь что будетъ,—но тутъ дверь изъ залы отворилась, и въ комнату вошла Есѳирь Дезриджъ.

Кухарка приняла условіе безъ котораго барыня не хотѣла освободить ее на остальную часть дня. Она рѣшилась настоять на своемъ и шла положить, какъ приказала леди Лунди, свой счетъ на столъ въ библіотеку. Только сдѣлавъ это дѣло, она обратила вниманіе на просьбы о помощи. Есѳирь подошла медленно и задумчиво къ мѣсту гдѣ стояла на колѣняхъ Бланка, склонивъ голову Анны на свою грудь, и взглянула на обѣихъ дѣвушекъ не выразивъ ни малѣйшаго признака волненія на своемъ каменномъ лицѣ.

— Развѣ вы не видите что случилось! воскликнула Бланка.— Живая вы или мертвая? О, Есѳирь, я не могу ничего сдѣлать съ ней! Взгляните на нее! Взгляните!

Есѳирь Дезриджъ взглянула на нее и покачала головой. Взглянула еще разъ, подумала немного, взяла свою доску и написала на ней. Протянула доску надъ Анной и показала Бланкѣ написанное:

„Кто это сдѣлалъ?“

— Безтолковое созданіе, сказала Бланка.—Никто этого не сдѣлалъ.

Есѳирь Дезриджъ посмотрѣла внимательно на блѣдное, изму-

ченное лицо, безмолвно разказывавшее о своемъ страданіи на груди Бланки. Она припомнила свою прошлую несчастную замужнюю жизнь, и опять написала на доскѣ и показала написанное Бланкѣ:

„Это сдѣлалъ мущина. Оставьте ее въ покоѣ. Господь возьметъ ее къ себѣ.“

— Ужасная вы, безчувственная женщина! Какъ вы смѣете писать такія жестокія слова!

Послѣ такого естественнаго взрыва негодованія, Бланка взглянула на Анну, и испугавшись продолжительности ея обморока, обратилась опять съ просьбой о помощи къ непреклонной женщинѣ.

— О, Есѳирь! Ради Бога, помогите мнѣ!

Кухарка опустила доску на бокъ и кивнула головой въ знакъ своей готовности повиноваться. Она показала Бланкѣ знакомъ что надо разстегнуть платье Анны и опустилась на колѣни чтобы подержать Анну пока Бланка будетъ разстегивать.

Едва Есѳирь Дезриджъ прикоснулась къ ней, какъ въ безчувственной женщинѣ показались признаки жизни.

Слабая дрожь пробѣжала по ея тѣлу съ головы до ногъ, вѣки задрожали, полуоткрылись на минуту и закрылись опять. Она тихо вздохнула.

Есѳирь Дезриджъ передала ее опять Бланкѣ, написала на своей доскѣ и показала написанное:

„Задрожала, когда я прикоснулась къ ней. Это значитъ что я прошла по ея могилѣ.“

Бланка съ ужасомъ отвернулась отъ доски и отъ женщины.

— Вы меня пугаете, сказала она.—Вы испугаете и ее, если она увидитъ васъ. Я не хочу обидѣть васъ, но уйдите, пожалуста уйдите.

Есѳирь Дезриджъ приняла отказъ какъ принимала все. Она наклонила голову въ знакъ того что понимаетъ чего отъ нея хотятъ, взглянула въ послѣдній разъ на Анну, поклонилась своей молодой хозяйкѣ и вышла изъ комнаты.

Часомъ позже буфетчикъ заплатилъ ей жалованье, и она ушла изъ дома.

Бланка вздохнула свободнѣе, когда осталась одна. Она могла теперь радоваться возвращенію къ жизни Анны.

— Слышите вы меня, голубчикъ мой? спросила она.—Могу я уйти на одну минуту?

Анна медленно открыла глаза и оглянулась съ мученіемъ и ужасомъ, которыми человѣкъ выражаетъ страшный протестъ, когда милосердіе смертныхъ вырываетъ его изъ объятій смерти.

Бланка прислонила голову Анны къ ближайшему креслу и подбѣжала къ столу, на который, войдя въ комнату, поставила вино.

Проглотивъ нѣсколько капель, Анна почувствовала облегченіе. Бланка настояла чтобъ она выпила весь стаканъ и удерживалась отъ вопросовъ и отвѣтовъ до тѣхъ поръ пока Анна не пришла вполнѣ въ себя подъ вліяніемъ вина.

— Вы измучили себя сегодня утромъ, сказала она, лишь только ей показалось что можно говорить.—Никто не видалъ васъ, моя милая, и ничего не случилось. Лучше ли вамъ теперь?

Анна сдѣлала надъ собой усиліе и встала чтобъ уйти. Бланка тихо посадила ее на стулъ.

— Нѣтъ никакой надобности уходить такъ скоро. Мы можемъ провести еще четверть часа вмѣстѣ, прежде чѣмъ кто-нибудь потревожитъ насъ. Я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе, Анна. Хотите вы выслушать меня?

Анна взяла руку Бланки и съ благодарностью прижала ее къ губамъ. Она не дала другаго отвѣта. Бланка продолжала.

— Я не буду распрашивать васъ, моя милая, я не буду удерживать васъ здѣсь насильно, я даже не напомню вамъ о моемъ вчерашнемъ письмѣ. Но я не могу отпустить васъ, Анна, не успокоившись на вашъ счетъ въ нѣкоторомъ отношеніи. Вы освободите меня отъ моего безпокойства, если сдѣлаете одну вещь, одну легкую вещь, для меня.

— Что такое, Бланка?

Она задала этотъ вопросъ совсѣмъ не думая о томъ что говорилось. Но Бланка была слишкомъ занята своимъ предметомъ чтобы замѣтить разсѣянный, чисто механическій тонъ ея вопроса.

— Я хочу чтобы вы посовѣтовались съ моимъ дядей, сказала она.—Сэръ-Патрикъ сочувствуетъ вамъ, онъ предлагалъ мнѣ сегодня съѣздить въ гостиницу и повидаться съ вами. Онъ умный, добрый, милый старикъ, и вы можете довѣриться ему какъ никому другому. Хотите вы довѣриться моему дядѣ и принять его совѣтъ?

Думая совсѣмъ о другомъ, Анна смотрѣла разсѣянно на лугъ и не отвѣтила.

— Ну, что же? сказала Бланка. Вамъ стоитъ сказать только одно слово. Да или нѣтъ?

Продолжая смотрѣть на лугъ, продолжая думать о другомъ, Анна уступила и сказала „да“.

Бланка пришла въ восторгъ. „Какъ, должно-быть, я хорошо говорила!“ подумала она. „Вотъ что значитъ, какъ говоритъ дядя, приняться за дѣло серіозно.“

Она нагнулась къ Аннѣ и весело потрепала ее по плечу.

— Умнѣе этого „да“ вы не могли ничего сказать. Подождите здѣсь немного, я пойду въ столовую, не то они пришлютъ узнать что со мною сдѣлалось. Сэръ-Патрикъ удержалъ для меня мѣсто возлѣ себя. Я постараюсь сказать ему что намъ нужно, а онъ постарается (о, какое счастіе имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ; ихъ такъ мало!....) онъ постарается выйти изъ за стола не возбудивъ подозрѣнія. Уйдите съ нимъ поскорѣе въ бесѣдку (мы провели все утро въ бесѣдкѣ, теперь туда никто не заглянетъ), а я приду къ вамъ лишь только удовлетворю леди Лунди, поѣвъ чего-нибудь. Минутъ черезъ пять, придетъ къ вамъ сэръ-Патрикъ. Пустите меня. Нельзя терять ни одной минуты.

Анна удерживала ее. Вниманіе Анны теперь сосредоточивалось на ней.

— Что вы? спросила Бланка.

— Счастливы вы съ Арнольдомъ, Бланка?

— Арнольдъ лучшій человѣкъ въ мірѣ.

— Назначенъ день вашей свадьбы?

— До свадьбы еще долго. Не прежде чѣмъ мы воротимся въ городъ, въ концѣ осени. Пустите меня, Анна!

— Поцѣлуйте меня, Бланка.

Бланка поцѣловала ее и постаралась освободиться. Анна держала ея руку какъ утопающая.

— Будете ли вы всегда любить меня, Бланка, какъ вы любите меня теперь?

— Что за вопросъ!

— Я сказала сейчасъ „да“. Скажете вы тоже „да“?

Бланка сказала „да“. Анна остановила на ней долгій, тоскливый взглядъ и наконецъ выпустила ея руку.

Бланка выбѣжала изъ комнаты взволнованная и огорченная. Никогда она не чувствовала такой крайней необходимости обратиться за совѣтомъ къ сэръ-Патрику, какъ въ эту минуту.

Гости сидѣли еще за завтракомъ, когда Бланка вошла въ столовую.

Леди Лунди выразила неизбѣжное удивленіе, приличио разчитаннымъ тономъ выговора, на неаккуратность своей падчерицы. Бланка извинилась съ примѣрнымъ смиреніемъ. Она сѣла рядомъ съ дядей и положила на тарелку первое что̀ ей подали. Сэръ-Патрикъ посмотрѣлъ на свою племянницу, и увидавъ себя въ обществѣ примѣрной англійской миссъ, удивился что̀ бы это могло значить.

Разговоръ прерванный на минуту (разговоръ о политикѣ и объ охотѣ, а для разнообразія объ охотѣ и о политикѣ) завязался опять вокругъ стола. Подъ прикрытіемъ говора, въ промежуткахъ между отвѣтами на ухаживаніе мущинъ, Бланка говорила шепотомъ сэръ-Патрику:

— Не удивляйтесь, дядя, Анна въ библіотекѣ. (Вѣжливый мистеръ Смитъ предложилъ ветчины. Отказано съ благодарностью.) Умоляю васъ, идите къ ней. Она ждетъ васъ. Она въ ужасномъ положеніи. (Любезный мистеръ Джонсъ предложилъ фруктовый тортъ и сливки. Принято съ благодарностью.) Идите съ ней въ бесѣдку. Я приду къ вамъ при первой возможности. Поскорѣе, дядя, если любите меня, или будетъ слишкомъ поздно.

Прежде чѣмъ сэръ-Патрикъ успѣлъ шепнуть что-нибудь въ отвѣтъ, леди Лунди, разрѣзывавшая роскошнѣйшій шотландскій пирогъ и провозгласившая во всеуслышаніе что это ея „собственный пирогъ“, предложила кусокъ сэръ-Патрику. Кусокъ извергалъ смѣсь сливъ съ вареньемъ и жирныя испаренія. Такъ какъ уже извѣстно что сэръ-Патрику было болѣе семидесяти лѣтъ, то безполезно прибавлять что онъ отказался отъ пирога, опасаясь разстроить желудокъ.

— Мой собственный пирогъ! настаивала леди Лунди, поднимая ужасную смѣсь вилкой.—Неужели онъ не соблазнитъ васъ?

Сэръ-Патрикъ увидалъ способъ уйти изъ комнаты подъ прикрытіемъ комплимента свояченицы. Онъ улыбнулся своею вѣжливою улыбкой и приложилъ руку къ сердцу.

— Слабый смертный, сказалъ онъ,—встрѣчаетъ искушеніе противъ котораго не надѣется устоять. Если онъ благоразумный смертный, что̀ сдѣлаетъ онъ въ такомъ случаѣ?

— Съѣстъ мой пирогъ, отвѣчала прозаически леди Лунди.

— Нѣтъ, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ, обративъ къ свояченицѣ

взглядъ невыразимой преданности.—Онъ убѣжитъ отъ искушенія, что̀ сдѣлаю и я.

Онъ поклонился и вышелъ изъ комнаты, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія.

Леди Лунди опустила глаза, съ выраженіемъ набожнаго снисхожденія къ человѣческой слабости, и скромно раздѣлила комплиментъ сэръ-Патрика между собой и своимъ лирогомъ.

Зная что за его выходомъ скоро послѣдуетъ выходъ хозяйки, сэръ-Патрикъ шелъ въ библіотеку такъ скоро какъ только могъ со своею хромою ногой. Теперь, когда онъ былъ одинъ, манеры его выражали безпокойство, а лицо было очень серіозно. Онъ вошелъ въ библіотеку.

Комната была пуста.

— Ушла! воскликнулъ сэръ-Патрикъ.

Подумавъ съ минуту, онъ вышелъ въ залу и взялъ свою шляпу. Очень возможно, думалъ онъ, что она побоялась чтобъ ея не застали въ библіотекѣ и ушла одна въ бесѣдку.

Если же онъ не найдетъ ея въ бесѣдкѣ, то для успокоенія Бланки и для разъясненія его собственныхъ подозрѣній необходимо будетъ открыть убѣжище миссъ Сильвестеръ. Въ такомъ случаѣ время будетъ дорого, а умѣнье пользоваться имъ будетъ драгоцѣнною способностью. Быстро сообразивъ все это, сэръ-Патрикъ позвонилъ и вызвалъ своего слугу. Слуга его былъ человѣкъ испытанной скромности и честности, почти такой же старый какъ и онъ.

— Надѣньте шляпу, Дунканъ, сказалъ сэръ-Патрикъ, когда вошелъ слуга.—Вы пойдете со мной.

Баринъ и слуга молча пошли по саду. Завидѣвъ бесѣдку, сэръ-Патрикъ приказалъ слугѣ остановиться и вошелъ туда одинъ.

Но предосторожность его была напрасна. Бесѣдка была пуста какъ и библіотека. Онъ вышелъ и поглядѣлъ на всѣ стороны. Нигдѣ ни одного живаго существа. Сэръ-Патрикъ подозвалъ слугу.

— Идите въ конюшню, Дунканъ, и скажите что миссъ Лунди отдала мнѣ свой кабріолетъ на нынѣшній день. Прикажите сейчасъ же заложить лошадь и ждать у конюшни. Надо стараться чтобы никто ничего не замѣтилъ. Кромѣ васъ я никого не возьму съ собой. Запаситесь росписаніемъ поѣздовъ. Есть у васъ деньги?

— Есть, сэръ-Патрикъ.

— Видѣли вы гувернантку, миссъ Сильвестеръ, въ тотъ день когда мы пріѣхали, въ день праздника?

— Видѣлъ, сэръ-Патрикъ.

— Узнали бы вы ее, еслибъ увидали опять?

— У нея замѣчательная наружность, сэръ-Патрикъ. Я навѣрное узналъ бы ее.

— Есть у васъ основаніе предполагать что она замѣтила васъ.

— Она даже не видала меня, сэръ-Патрикъ.

— Отлично. Положите себѣ въ мѣшокъ перемѣну бѣлья, Дунканъ. Вамъ, можетъ-быть, придется прокатиться по желѣзной дорогѣ. Ждите меня у конюшни. Это такого рода дѣло гдѣ все зависитъ отъ моей и вашей скромности.

— Благодарю васъ, сэръ-Патрикъ.

Отвѣтивъ на комплиментъ сэръ-Патрика, Дунканъ отправился въ конюшню, а сэръ-Патрикъ воротился въ бесѣдку ждать тамъ прихода Бланки.

Во время періода ожиданія сэръ-Патрикъ выказывалъ признаки безпокойства. Онъ безпрестанно обращался къ табатеркѣ въ набалдашникѣ своей трости и безпрестанно выходилъ изъ бесѣдки. Исчезновеніе Анны было серіознымъ препятствіемъ на пути къ дальнѣйшимъ открытіямъ, а къ отстраненію этого препятствія нельзя было приступить не потративъ драгоцѣннаго времени на ожиданіе Бланки.

Наконецъ она показалась. Запыхавшись и озабоченно бѣжала она къ мѣсту свиданія, такъ скоро какъ только могла.

Сэръ-Патрикъ вышелъ ей навстрѣчу чтобы приготовить ее къ неизбѣжному открытію.

— Бланка, сказалъ онъ,—приготовьтесь, милая моя, къ разочарованію. Я здѣсь одинъ.

— Неужели вы отпустили ее, дядя?

— Милое дитя мое! Я даже не видалъ ея.

Бланка пробѣжала мимо него въ бесѣдку. Сэръ-Патрикъ послѣдовалъ за ней. Она вышла ему навстрѣчу съ отчаяніемъ на лицѣ.

— О, дядя! Я такъ искренно жалѣла ее, а она нисколько не жалѣетъ меня!

Сэръ-Патрикъ обнялъ племянницу и ласково погладилъ ея красивую, молодую головку, склонившуюся на его плечо.

— Не будемъ судить ее строго, моя милая. Мы не знаемъ, не побудила ли ее на такой поступокъ неизбѣжная необходи-

мость. Она, очевидно, не можетъ довѣриться никому и согласилась поговорить со мной только для того чтобъ удалить васъ изъ комнаты и избавить отъ мучительнаго прощанія. Успокойтесь, Бланка. Я надѣюсь открыть куда она скрылась, если вы поможете мнѣ.

Бланка подняла голову и бодро осушила слезы.

— Отецъ родной не можетъ быть добрѣе васъ, сказала она.— Скажите, дядя, что могу я сдѣлать?

— Мнѣ надо знать въ точности что было у васъ въ библіотекѣ, сказалъ сэръ-Патрикъ. — Не пропустите ни одной подробности, дитя мое, какъ бы незначительна она вамъ ни казалась. Намъ дороги теперь пустяки и дороги минуты.

Бланка разсказала все до малѣйшихъ подробностей. Дядя слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда она кончила, онъ пригласилъ ее выйти изъ бесѣдки.

— Я приказалъ заложить вашъ кабріолетъ, сказалъ онъ. — На пути къ конюшнѣ я разскажу вамъ что я намѣренъ предпринять.

— Возьмите меня съ собой, дядя!

— Извините меня, если я скажу „нѣтъ“. Ваша мачиха очень подозрительна; и вамъ не слѣдуетъ быть со мной, если мои розыски приведутъ меня въ Крегъ-Ферни. Я обѣщаю разсказать вамъ все когда вернусь, если вы останетесь здѣсь. Дѣлайте то что будутъ дѣлать всѣ, каковъ бы ни былъ ихъ планъ на нынѣшній день, и такимъ образомъ вы сдѣлаете что мое отсутствіе будетъ едва замѣчено. Послушаетесь вы меня? Вотъ какая умница! Теперь я разскажу вамъ какъ я буду отыскивать миссъ Сильвестеръ, и какъ вашъ разсказъ поможетъ мнѣ.

Онъ замолчалъ и подумалъ, разсказать ли Бланкѣ о своемъ совѣщаніи съ Джофри, и опять рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно. Лучше подождать до возвращенія изъ поѣздки которую онъ предпринималъ.

— То что вы разсказывали мнѣ, Бланка, началъ онъ, — раздѣлилось въ моемъ умѣ на двѣ части: то что произошло въ библіотекѣ на вашихъ глазахъ, и то что разсказала вамъ миссъ Сильвестеръ о своемъ пребываніи въ гостиницѣ. Что же касается главнаго происшествія въ библіотекѣ, теперь уже поздно справляться что было причиной обморока — усталость ли, какъ вы полагаете, или что-нибудь другое, что могло произойти во время вашего отсутствія.

— Что же могло произойти во время моего отсутствія?

— Я знаю столько же какъ и вы, другъ мой. Я говорю только что это возможно. Обратимся къ тому что касается нашего дѣла. Если миссъ Сильвестеръ не совсѣхъ здорова, она не могла уйти далеко отъ Виндигетса безъ чьей-нибудь помощи. Она, можетъ-быть, пріютилась въ одной изъ фермъ, въ нашемъ сосѣдствѣ, или, можетъ-быть, встрѣтила какую-нибудь повозку на пути къ станціи желѣзной дороги и попросила чтобъ ее подвезли.

— Я обойду фермы, дядя, во время вашего отсутствія.

— Милое дитя мое, въ окружности одной мили отъ Виндигетса не менѣе дюжины фермъ. Ваши розыски задержали бы васъ весь пынѣшній день. Я не буду говорить что подумала бы леди Лунди о вашемъ отсутствіи, но напомню вамъ о двухъ обстоятельствахъ. Волервыхъ, вы сдѣлали бы предметомъ общественныхъ толковъ изслѣдованіе которое должно совершиться по возможности тайно, и вовторыхъ, еслибы вы даже попали на ту дорогу гдѣ она скрылась, вы не узнали бы ничего.

— Почему?

— Я знаю шотландскаго поселянина лучше чѣмъ вы его знаете, Блапка. Онъ сильно отличается отъ англійскаго поселянина своею понятливостью и самоуваженіемъ. Онъ принялъ бы васъ вѣжливо, потому что вы барышня, но въ то же время онъ далъ бы вамъ замѣтить что, по его мнѣнію, вы, войдя къ нему, воспользовались разницей между вашимъ положеніемъ и его положеніемъ. И притомъ, если миссъ Сильвестеръ обратилась къ его покровительству и защитѣ, и онъ принялъ ее, то никакая земная сила не заставитъ его сказать, безъ ея личнаго позволенія, что она была подъ его кровлей.

— Однако, дядя, если никто не будетъ отвѣчать на наши распросы, какъ же мы найдемъ ее?

— Я не говорю что никто не будетъ отвѣчать на наши распросы, я говорю только что шотландскіе поселяне не будутъ отвѣчать намъ. Чтобы найти ее мы должны узнать не то что она дѣлаетъ въ настоящую минуту, но то что она намѣрена сдѣлать, положимъ хоть прежде чѣмъ окончится пынѣшній день. Послѣ всего случившагося, мы, кажется, можемъ разчитывать что она уѣдетъ изъ нашего сосѣдства при первой возможности. Согласны вы со мной до сихъ поръ?

— Да, конечно! Продолжайте.

— Хорошо. Она женщина не меньшей мѣрѣ не сильная. Уѣхать изъ нашего сосѣдства она можетъ или нанявъ повозку, или по желѣзной дорогѣ. Надѣясь на быстроту вашего пони, я разчитываю пріѣхать на станцію во время, предположивъ что она поѣдетъ съ первымъ поѣздомъ.

— Черезъ полчаса пройдетъ поѣздъ, дядя, но на этотъ она, конечно, не поспѣетъ.

— Она, можетъ-быть, не такъ утомлена какъ мы думаемъ, или кто-нибудь поможетъ ей. Она, можетъ-быть, не одна. Кто знаетъ, не ждетъ ли ее кто-нибудь за Виндигетсомъ, ея мужъ, напримѣръ, если у нея есть мужъ. Нѣтъ, я предполагаю что она теперь на пути къ станціи и постараюсь добраться туда какъ можно скорѣе.

— И остановите ее дядя, если найдете?

— Что я сдѣлаю, Бланка, еще неизвѣстно. Если я встрѣчу ее тамъ, я употреблю всѣ силы чтобы помочь ей. Если же не встрѣчу, я оставлю тамъ Дункана, котораго беру съ собой, и онъ будетъ слѣдить тамъ пока не пройдетъ послѣдній вечерній поѣздъ. Я прикажу Дункану слѣдовать за ней куда и когда бы она ни поѣхала, — на югъ или на сѣверъ, рано или поздно. На него можно вполнѣ положиться. Если она поѣдетъ по желѣзной дорогѣ, я ручаюсь что мы будемъ знать куда она скроется.

— Какъ вы умно придумали взять съ собой Дункана.

— Нисколько. Дунканъ мой повѣренный, и всякій на моемъ мѣстѣ поступилъ бы точно также. Теперь подумаемъ о затрудненіяхъ которыя могутъ представиться намъ. Что если она найметъ экипажъ?

— Здѣсь нельзя найти экипажа нигдѣ кромѣ станціи.

— Здѣсь есть фермеры, а у фермеровъ бываютъ легкія телѣжки, кабріолетки или что-нибудь въ этомъ родѣ. Конечно, въ высшей степени невѣроятно чтобъ они дали ей экипажъ, но вѣдь женщины преодолѣваютъ такія препятствія которыя останавливаютъ мущинъ. А она умная женщина, Бланка, и женщина рѣшившаяся, въ этомъ вы можете быть увѣрены, скрыться отъ насъ. Признаюсь, я желалъ бы чтобъ у насъ былъ человѣкъ которому мы могли бы довѣрить тайну и послать его на то мѣсто гдѣ нѣсколько дорогъ соединяются съ тою которая ведетъ къ станціи. Я, можетъ-быть, поѣду не по той дорогѣ по которой поѣдетъ она. Что я могу сдѣлать одинъ?

— Арнольдъ можетъ пойти туда.

Сэръ-Патрикъ взглянулъ недовѣрчиво.

— Арнольдъ славный малый, сказалъ онъ,—но можемъ ли мы положиться на его скрытность?

— Арнольдъ послѣ васъ самый скрытный человѣкъ изъ всѣхъ кого я знаю, отвѣчала Бланка съ убѣжденіемъ.—Притомъ я уже разказала ему все объ Аннѣ, — все, кромѣ того что случилось сегодня. Кажется, я разкажу ему и это, когда мнѣ сдѣлается грустно во время вашего отсутствія. Въ Арнольдѣ есть что-то такое, — не знаю какъ назвать это,—что всегда дѣйствуетъ на меня успокоительно. Неужели вы считаете его способнымъ выдать тайну которую я попрошу его сохранить? Вы не знаете какъ онъ преданъ мнѣ!

— Милая Бланка, вѣдь не я избранный предметъ его преданности. Почемъ же мнѣ знать? Вы единственный авторитетъ въ этомъ случаѣ. Я полагаюсь на васъ. Возьмемъ Арнольда. Скажите ему чтобъ онъ былъ остороженъ и пошлите его на перекрестокъ. Есть еще только одно мѣсто гдѣ я надѣюсь найти какой-нибудь слѣдъ миссъ Сильвестеръ. Я намѣренъ произвести необходимыя изслѣдованія въ гостинницѣ Крегъ-Ферни.

— Въ гостинницѣ Крегъ-Ферни, дядя? Вы забыли что я сказала вамъ.

— Не слѣшите, другъ мой. Миссъ Сильвестеръ покинула гостинницу,—я это знаю. Но если намъ не удастся найти ее другими средствами, намъ пригодится слѣдъ который миссъ Сильвестеръ оставила по себѣ въ гостинницѣ Крегъ-Ферни. Этотъ слѣдъ долженъ быть непремѣнно въ нашихъ рукахъ, на всякій случай. Вы, можетъ-быть, не поспѣваете за мной? Я говорю также скоро какъ бѣгаетъ вашъ пони. Я дошелъ теперь до второй изъ двухъ частей на которыя раздѣлился въ моемъ умѣ вашъ разказъ. Что случилось по словамъ миссъ Сильвестеръ въ гостинницѣ?

— Она потеряла въ гостинницѣ письмо.

— Именно. Она потеряла въ гостинницѣ письмо,—это одинъ случай. Слуга Бишопригсъ поссорился съ мистрисъ Инчбаръ и отказался отъ мѣста, второй случай. Вопервыхъ о письмѣ. Оно или дѣйствительно затерялось, или украдено. Во всякомъ случаѣ, если оно будетъ въ нашихъ рукахъ, оно объяснитъ намъ хоть что-нибудь. Теперь о Бишопригсѣ.

— Вы хотите говорить о слугѣ?

ОБЪ ИЗДАНІИ

НАУЧНАГО И КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСНАГО ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ“

Съ **1-го** Октября **1870** г. въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячный журналъ «ЗНАНІЕ», книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, въ 8-ю долю.

Главная задача журнала—доставить читающей публикѣ возможность слѣдить за тѣмъ, проявившимся въ послѣднее время, движеніемъ въ наукѣ, которое, обогащая ее новыми фактами, новыми теоріями и выводами, стремится вмѣстѣ съ тѣмъ выработать новыя, реальныя воззрѣнія на отношенія человѣка къ окружающей природѣ и себѣ подобнымъ. Въ виду этой цѣли, журналъ будетъ знакомить читателя съ современнымъ развитіемъ положительнаго знанія въ Западной Европѣ и Россіи и съ тѣми результатами науки, которые могутъ имѣть практическое приложеніе къ жизни частной и общественной.

Такимъ образомъ журналъ «ЗНАНІЕ» становится органомъ не только наукъ чисто положительныхъ, но и тѣхъ областей человѣческаго вѣ-

дѣнія, которыя въ недавнее время также стали усвоивать себѣ методъ точныхъ наукъ, т. е. областей, занимающихся изслѣдованіемъ явленій психической и общественной жизни человѣка.

Соотвѣтственно этой цѣли, журналъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ, вошедшихъ въ составъ *оффиціально утвержденной* программы:

I. **Научный отдѣлъ**, состоящій: а) изъ оригинальныхъ и переводныхъ статей по новѣйшимъ вопросамъ наукъ математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ, съ отдѣломъ антропологіи въ обширномъ смыслѣ слова и б) изъ сообщеній, въ формѣ научныхъ хроникъ, о главнѣйшихъ работахъ и открытіяхъ въ области упомянутыхъ наукъ.

Статьи этого отдѣла будутъ излагаться въ формѣ доступной и для читателей, не получившихъ спеціальнаго образованія.

II. **Отдѣлъ прикладныхъ знаній.** Въ этомъ отдѣлѣ журналъ будетъ а) заниматься изученіемъ явленій жизни человѣка, какъ члена общества, на сколько эти явленія могутъ служить объектомъ научнаго изслѣдованія и б) знакомить читателя съ тѣми данными, которыя представляетъ наука для улучшенія практической жизни человѣка.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, имѣющія цѣлью какъ изученіе экономическаго, юридическаго и вообще соціальнаго строя человѣческихъ обществъ, такъ и изслѣдованіе того вліянія, которое оказываетъ на этотъ строй современное развитіе прикладныхъ реальныхъ знаній, каковы: технологія, сельское хозяйство, частная и общественная гигіена и проч.

При этомъ журналъ будетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, изученіе русской жизни и заботиться о практической полезности для нея сообщаемыхъ имъ данныхъ и выводовъ.

III. **Критика и библіографія.** Рецензіи замѣчательнѣйшихъ произведеній, относящихся къ предъидущимъ отдѣламъ, и **библіографическій указатель.**

Въ этомъ отдѣлѣ редакція будетъ давать болѣе или менѣе подробные отчеты о всѣхъ новыхъ замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ литературъ русской и иностранныхъ, представляя читателю, въ главныхъ чертахъ, содержаніе этихъ произведеній и ихъ основные принципы и выводы. Сверхъ того въ **библіографическомъ указателѣ** будетъ находиться перечень всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ и тѣхъ изъ иностранныхъ, которыя ближе касаются вышеизложенныхъ задачъ журнала. Въ составѣ этого отдѣла будутъ также помѣщаться отчеты о періодическихъ изданіяхъ, въ особенности иностранныхъ, и всякаго рода библіографическія новости и замѣтки.

IV. **Новости.** Сюда войдутъ: а) мелкія извѣстія и замѣтки о вопросахъ, соотвѣтствующихъ задачамъ журнала, не вошедшія въ предъидущіе отдѣлы, и б) частныя объявленія.

Редакція имѣетъ въ виду помѣщать здѣсь, между прочимъ, новѣйшія научныя извѣстія, необходимыя для естествоиспытателей-спеціалистовъ.

Ко всѣмъ этимъ отдѣламъ будутъ прилагаться, по мѣрѣ надобности, поясните льные рисунки и чертежи.

Короче сказать, въ журналѣ «ЗНАНІЕ» читатель найдетъ болѣе или менѣе обширныя статьи по особенно живымъ и общезанимательнымъ вопросамъ указанныхъ въ программѣ областей знанія и своевременные отчеты о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, могущихъ интересовать каждаго образованнаго человѣка.

Русскіе научные дѣятели, работающіе въ области теоретической науки и, въ особенности, изучающіе естественныя произведенія и народную жизнь Россіи,—на страницахъ нашего журнала могутъ найти мѣсто для своихъ трудовъ, которые всегда будутъ встрѣчены съ особенною признательностью. Съ такою же благодарностью будутъ приняты всякаго рода фактическія данныя, указанія и наблюденія надъ русскою природою и ходомъ русской жизни, сдѣланныя съ точки зрѣнія положительнаго знанія, хотя бы и не спеціалистами.

Обиліе источниковъ и матеріаловъ, знакомящихъ съ современнымъ движеніемъ цивилизаціи на Западѣ, дѣлаетъ для насъ вполнѣ возможнымъ добросовѣстное выполненіе одной стороны нашей задачи. Что же касается до изученія русской жизни — недостатокъ необходимыхъ для этого точныхъ изслѣдованій дѣлаетъ удовлетворительное выполненіе этой другой стороны нашей задачи болѣе затруднительнымъ. Но проявившееся въ послѣднее время съ особенною силою стремленіе молодой части русскаго общества къ серьёзной научной дѣятельности, и преимущественно къ изученію Россіи, даетъ намъ право надѣяться, что это умственное движеніе произведетъ необходимыя для нашей цѣли литературныя силы.

Подписная цѣна журнала въ годъ — 8 руб.; съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ—8 руб. 50 к.; съ пересылкою въ другіе города—8 руб. 80 к.

Цѣна за три первыя книжки нынѣшняго года—2 руб.; съ пересылкою или доставкою—2 р. 20 к.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Черкесова, Невскій пр., д. № 54, въ С.-Петербургѣ.

Редакторы-издатели: Профессоръ **П. А. Хлѣбниковъ.**
Профессоръ **А. П. Бородинъ.**

Въ типографіи В. Демакова, Вас. Остр., 9 л., д. № 22.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ. 20 Іюня 1870 года.

— Да, Бишопригсъ имѣетъ два важныя значенія. Онъ звено въ моей цѣпи мыслей и мой старый пріятель.

— Онъ вашъ пріятель!

— Мы живемъ, другъ мой, въ такое время когда одинъ работникъ говоритъ о другомъ: „этотъ господинъ“. Я иду за вѣкомъ, слѣдовательно обязанъ говорить о моемъ писарѣ какъ о моемъ пріятелѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бишопригсъ служилъ въ моей конторѣ писаремъ. Онъ одинъ изъ самыхъ понятливыхъ и въ высшей степени безсовѣстныхъ шотландскихъ негодяевъ. Я сдѣлалъ два непріятныя открытія когда онъ служилъ у меня: узналъ что онъ хотѣлъ поддѣлать мою печать, и имѣлъ серіозное основаніе подозрѣвать его въ безчестномъ обращеніи съ бумагами двухъ моихъ кліентовъ. Онъ не успѣлъ сдѣлать серіознаго вреда, и у меня не было времени судиться съ нимъ. Я отпустилъ его какъ человѣка которому нельзя было довѣрить писемъ и бумагъ долженствовавшихъ проходить чрезъ его руки.

— Теперь я понимаю, дядя.

— Теперь ясно, не правда ли? Если скрывшееся письмо миссъ Сильвестеръ письмо незначительное, я готовъ вѣрить что оно дѣйствительно затерялось и, можетъ-быть, найдется. Если же въ немъ есть что-нибудь такое что могло обѣщать хоть самую отдаленную выгоду тому у кого оно будетъ въ рукахъ, то, выражаясь на проклятомъ современномъ нарѣчіи, я готовъ держать пари, Бланка, что Бишопригсъ спряталъ его.

— А онъ ушелъ изъ гостиницы! Какъ жаль!

— Жаль только потому что теперь будетъ задержка. Но я очень ошибаюсь, если Бишопригсъ не воротится въ гостиницу. Онъ негодяй, но нельзя отнять у него что онъ очень забавный человѣкъ. Онъ оставилъ по себѣ ужасный пробѣлъ въ моей конторѣ, когда я отказалъ ему. Привычные посѣтители Крегъ-Ферни, въ особенности Англичане, липнувшіе Бишопригса, липнулись многаго что привлекало ихъ въ гостиницу. Мистрисъ Инчбаръ не позволитъ своей гордости повредить денежнымъ выгодамъ. Она и Бишопригсъ сойдутся опять рано или поздно. Я предложу мистрисъ Инчбаръ нѣсколько вопросовъ, которые могутъ повести къ серіознымъ результатамъ, и оставлю у нея письмо къ Бишопригсу. Письмо скажетъ ему что у меня есть дѣло до него и будетъ содержать адресъ по которому онъ можетъ написать мнѣ. Онъ отвѣ-

тить мнѣ, Бланка, и если письмо у него, оно перейдетъ къ намъ.

— Не побоится ли онъ, если онъ укралъ письмо, признаться что оно у него?

— Хорошо сказано, дитя мое. Съ кѣмъ-нибудь другимъ онъ сталъ бы колебаться, но я умѣю вести съ нимъ дѣло и знаю какъ заставить его признаться мнѣ. Довольно о Бишонригсѣ, пока не придетъ опять его очередь. У меня есть еще вопросъ относительно миссъ Сильвестеръ. Мнѣ придется описывать ея наружность. Какъ была она одѣта когда приходила сюда? Не забывайте что я мущина, и если одежда Англичанки можетъ быть описана англійскимъ языкомъ, опишите мнѣ по-англійски какъ была она одѣта.

— На ней была соломенная шляпка съ полевыми цвѣтами и бѣлый вуаль. Цвѣты на боку, дядя, что̀ не такъ обыкновенно какъ цвѣты спереди. Потомъ на ней была легкая сѣрая шаль и *piqué*.

— Ну, ужъ вы съ вашимъ французскимъ! Довольно. Соломенная шляпка, съ полевыми цвѣтами на боку шляпки, бѣлый вуаль и легкая сѣрая шаль. Болѣе этого не можетъ вмѣстить обыкновенный мужской умъ, и потому довольно. Я узналъ то что̀ мнѣ надо знать безъ лишней потери времени. До сихъ поръ все идетъ хорошо. Теперь мы дошли до конца нашего совѣщанія, иными словами до воротъ коннаго двора. Поняли вы какъ вы должны поступать безъ меня?

— Я должна послать Арнольда на перекрестокъ, и вести себя (если хватитъ силъ) такъ какъ будто ничего не случилось.

— Опять хорошо сказано, моя умница. У васъ есть то что̀ называется разсудительностью. Безцѣнная способность! Вы будете управлять будущимъ домашнимъ царствомъ. Арнольдъ будетъ не болѣе какъ конституціонный король. Только такія мужья и бываютъ вполнѣ счастливы. Я разкажу вамъ все, когда вернусь. Захватили мѣшокъ, Дункань? Хорошо! А росписаніе поѣздовъ? Хорошо. Берите вожжи, — я не буду править. Мнѣ надо думать, а когда правишь, нельзя думать. Человѣкъ долженъ сосредоточить все свое вниманіе на лошади, для того чтобъ это полезное животное довезло его до цѣли не опрокинувъ. Благослови васъ Богъ, Бланка. На станцію, Дункань! На станцію!

ГЛАВА XXIII.

Поиски.

Кабріолетъ выѣхалъ изъ воротъ. Собаки неистово залаяли. Сэръ-Патрикъ оглянулся, махнулъ рукой и скрылся за угломъ. Бланка осталась одна на дворѣ.

Она подождала немного, разсѣянно лаская собакъ. Онѣ въ эту минуту имѣли особыя права на ея симпатію,—онѣ тоже, повидимому, считали жестокостью что ихъ оставили дома. Немного погодя она ободрилась. Сэръ-Патрикъ возложилъ на ея отвѣтственность наблюденіе за перекресткомъ. Она еще не сдѣлала своего дѣла и пошла домой чтобы сдѣлать его.

На пути домой она встрѣтила Арнольда, котораго леди Лунди послала искать ее.

Планъ занятій въ до-обѣденное время былъ рѣшенъ во время отсутствія Бланки. Какой-то демонъ внушилъ леди Лунди любовь къ феодальнымъ памятникамъ, и желаніе развить такую же любовь къ нимъ въ своихъ гостяхъ. Она предположила поѣздку въ старый баронскій за́мокъ, въ горахъ, далеко на востокъ (къ счастію для сэръ-Патрика) отъ Крегъ-Фернійскихъ горъ. Одни изъ гостей должны были ѣхать верхомъ, другіе сопровождать хозяйку въ открытой коляскѣ. Назначая избранныхъ, леди Лунди замѣтила отсутствіе нѣсколькихъ членовъ своего кружка. Мистеръ Деламенъ исчезъ неизвѣстно куда. Сэръ-Патрикъ и Бланка послѣдовали его примѣру. Леди Лунди замѣтила съ нѣкоторымъ раздраженіемъ что если и другіе намѣрены поступать другъ съ другомъ такъже безцеремонно, то чѣмъ скорѣе Виндигетсъ будетъ обращенъ въ исправительное заведеніе, съ системой молчанія, тѣмъ пріятнѣе будетъ для его обитателей. При такихъ обстоятельствахъ Арнольдъ посовѣтовалъ Бланкѣ извиниться поскорѣе и принять мѣсто въ коляскѣ которое предлагала ей мачиха.

— Мы поѣдемъ осматривать феодальныя развалины, Бланка, и будемъ, по возможности, облегчать одинъ другому поѣздку. Если вы поѣдете въ коляскѣ, я тоже сяду въ коляску.

Бланка покачала головой.

— У меня есть серіозная причина соблюсти приличія, сказала она. — Я поѣду въ коляскѣ. Но вы совсѣмъ не поѣдете.

Арнольдъ былъ конечно удивленъ и попросилъ чтобъ его удостоили по крайней мѣрѣ объясненіемъ.

Бланка взяла руку Арнольда и крѣпко пожала ее. Теперь, когда исчезла Анна, Арнольдъ сдѣлался ей еще дороже. Она буквально жаждала услышать отъ него какъ онъ любитъ ее. Что за дѣло что она была вполнѣ спокойна на этотъ счетъ? Все же пріятно (хотя онъ повторилъ это уже пятьсотъ разъ) услышать это еще разъ.

— А что если я не дамъ вамъ никакого объясненія, сказала она. — Останетесь вы чтобъ угодить мнѣ.

— Я сдѣлаю все чѣмъ могу угодить вамъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ любите меня?

Они были еще на дворѣ; одни собаки могли ихъ видѣть. Арнольдъ отвѣтилъ на языкѣ безъ словъ, который тѣмъ не менѣе есть самый выразительный изъ всѣхъ языковъ употребительныхъ между мущинами и женщинами во всемъ мірѣ.

— Однако я не исполняю моей обязанности, сказала Бланка смиренно.—Но еслибы вы знали, Арнольдъ, какъ я безпокоюсь, какъ я несчастна, и какъ пріятно знать что вы не оставите меня какъ оставили другіе.

Послѣ такого предисловія она разсказала ему все что произошло въ библіотекѣ. Увѣренность Бланки въ способности ея жениха сочувствовать ей болѣе чѣмъ оправдалась впечатлѣніемъ которое ея разсказъ произвелъ на него. Онъ не только былъ удивленъ и огорченъ за нее, но лицо его выразило непритворное безпокойство и испугъ. Онъ никогда не стоялъ во мнѣніи Бланки такъ высоко какъ въ эту минуту.

— Что же намъ дѣлать теперь? спросилъ онъ. — Какимъ образомъ надѣется сэръ-Патрикъ найти ее?

Бланка повторила ему распоряженіе сэръ-Патрика относительно перекрестка и совѣтъ поступать какъ можно осторожнѣе. Арнольдъ, избавленный отъ опасенія что его пошлютъ въ Крегъ-Ферни, готовъ былъ сдѣлать что угодно и обѣщалъ свято сохранить тайну.

Они вернулись домой и были встрѣчены ледянымъ пріемомъ леди Лунди. Она повторила въ назиданіе Бланкѣ свое предложеніе обратить Виндигетъ въ исправительное заведеніе и приняла просьбу Арнольда освободить его отъ поѣздки съ самою сухою вѣжливостью.

— О, конечно, вамъ лучше идти гулять. Вы можете надѣяться встрѣтить вашего друга, мистера Деламена, который,

повидимому, такъ страстно любитъ пѣшее хожденіе что не могъ дождаться завтрака. Что же касается сэръ-Патрика.... Неужели? Такъ сэръ-Патрикъ отправился кататься? Одинъ? Я не имѣла намѣренія оскорбить его предложивъ ему кусокъ моего пирога. Постараюсь по крайней мѣрѣ не оскорбить кого-нибудь другаго. Можете располагать вашимъ временемъ, Бланка; какъ вамъ угодно. Никто, кажется, не расположенъ ѣхать осматривать развалины—интереснѣйшій памятникъ феодальныхъ временъ Пертшейра. Что дѣлать! Не могу же я внушить насильно моимъ гостямъ интересъ къ феодальнымъ древностямъ. Не безпокойтесь, Бланка. Мнѣ не въ первый разъ,—и не въ послѣдній,—кататься одной. Я совсѣмъ не противъ уединенія. Мой умъ есть мое царство, какъ сказалъ поэтъ.

Въ такихъ выраженіяхъ оскорбленное самолюбіе леди Лунди продолжало заявлять о своихъ нарушенныхъ правахъ на уваженіе человѣчества, — пока не пришелъ докторъ и не пригладилъ поднявшихся перьевъ хозяйки. Докторъ (онъ терпѣть не могъ развалинъ) попросилъ позволенія ѣхать. Бланка тоже. Смитъ и Джонсъ (глубоко заинтересованные феодальными памятниками) сказали что они сядутъ гдѣ-нибудь сзади, на запяткахъ, и не пропустятъ такого неожиданаго наслажденія. Первый, Второй и Третій, заразившись общимъ желаніемъ, согласились составить эскорту.

Торжествующая улыбка леди Лунди (улыбка пребывавшая на ея лицѣ по цѣлымъ часамъ не измѣняясь) появилась опять. Она отдала приказанія съ самымъ очаровательнымъ миролюбіемъ. „Мы возьмемъ съ собою гидъ,“ сказала она, „и сбережемъ шиллингъ который должны были бы отдать проводнику.“ (Такую мелочную разчетливость можно встрѣтить только между очень богатыми людьми.) Она отправилась на верхъ переодѣться для поѣздки, взглянула въ зеркало и увидала безупречно добродѣтельную, привлекательную, благовоспитанную женщину, смотрѣвшую на нее въ новой французской шляпкѣ.

По тайному знаку Бланки, Арнольдъ тихо вышелъ изъ комнаты и отправился на перекрестокъ.

Тамъ по одну сторону было пространство поросшее мягкимъ верескомъ, а по другую каменная стѣна какой-то фермы. Арнольдъ опустился на мягкій вересъ и началъ думать и отгадывать двойную тайну—появленія и исчезновенія Анны.

Онъ объяснилъ себѣ отсутствіе своего друга такъ какъ предполагалъ его другъ: онъ былъ увѣренъ что Джофри

отправился на предварительно назначенное тайное свиданіе съ Анной. Появленіе миссъ Сильвестеръ въ Виндгетсѣ и ея тревожное любопытство узнать имена мущинъ гостившихъ въ домѣ, казалось, ясно показывали что она и Джофри, по ошибкѣ, разошлись. Но что могло быть причиной ея побѣга? Знала ли она гдѣ можно найти Джофри? Не вернулась ли она въ гостиницу? Или не поступила ли она подъ вліяніемъ внезапнаго отчаянія? Арнольдъ, конечно, не могъ рѣшить этихъ вопросовъ и не могъ поступить иначе какъ только ждать пока не представится возможность передать о всемъ случившемся самому Джофри.

По прошествіи получаса, стукъ приближающагося экипажа привлекъ вниманіе Арнольда. Онъ всталъ и увидалъ приближавшійся къ нему по дорогѣ отъ станціи кабріолетъ. Сэръ-Патрикъ теперь принужденъ былъ править самъ, — Дункана уже не было. Увидавъ Арнольда, онъ остановилъ лошадь.

— Такъ! такъ! сказалъ старикъ.—Вы, я вижу, уже все знаете, и, конечно, понимаете какая это тайна? Хорошо. Не случилось ли чего-нибудь замѣчательнаго съ тѣхъ поръ какъ вы сидите здѣсь?

— Ничего, сэръ-Патрикъ. Не сдѣлали ли вы какого-нибудь открытія?

— Никакого. Я поспѣлъ на станцію раньше поѣзда. Никакихъ слѣдовъ миссъ Сильвестеръ. Я оставилъ на станціи Дункана и приказалъ ему не уходить пока не пройдетъ послѣдній вечерній поѣздъ.

— Не думаю чтобъ она пришла на станцію, сказалъ Арнольдъ.—Мнѣ кажется, она вернулась въ Крегъ-Ферни.

— Очень возможно. Я теперь ѣду въ Крегъ-Ферни. Не знаю долго ли мнѣ придется пробыть тамъ и къ чему это поведетъ. Если увидите Бланку раньше меня, скажите ей что я просилъ станціоннаго смотрителя дать мнѣ знать куда миссъ Сильвестеръ возьметъ билетъ, если она поѣдетъ по желѣзной дорогѣ. Благодаря такому распоряженію, мы будемъ имѣть о ней извѣстіе раньше чѣмъ Дунканъ телеграфируетъ мнѣ, проводивъ ее до конца ея пути. Знаете ли вы что вы должны дѣлать здѣсь?

— Бланка мнѣ все объяснила.

— Оставайтесь на вашемъ мѣстѣ и дѣлайте хорошее употребленіе изъ вашихъ глазъ. Вы, я думаю, привыкли къ этому на морѣ. Въ такой прекрасный лѣтній день не тяжело

провести на воздухѣ нѣсколько часовъ. Я вижу, вы заразились гадкою современною привычкой курить — вотъ вамъ и развлеченіе. Не спускайте глазъ съ перекрестка, и если она проѣдетъ мимо васъ, не пытайтесь остановить ее,—вамъ этого не сдѣлать. Заговорите съ ней какъ будто ничего не знаете, только для того чтобъ имѣть время замѣтить человѣка съ которымъ она поѣдетъ и имя на его повозкѣ—если будетъ какое-нибудь имя. Вотъ и все ваше дѣло. Фуй! какъ ваша сигара заражаетъ воздухъ. Что сдѣлается съ вашимъ желудкомъ къ моимъ годамъ!

— Я не буду жаловаться, сэръ-Патрикъ, если у меня будутъ такіе же хорошіе обѣды какіе кушаете вы.

— Кстати. Я встрѣтилъ на станціи знакомую. Эсѳирь Дезриджъ покинула насъ и уѣхала въ Лондонъ. Теперь мы въ Виндигетсѣ будемъ кормиться, а время обѣдовъ прошло. На этотъ разъ произошла окончательная ссора между хозяйкой и кухаркой. Я далъ Эсѳири мой лондонскій адресъ и сказалъ ей чтобъ она увѣдомила меня когда рѣшится взять другое мѣсто. Женщина которая не можетъ говорить и можетъ стряпать есть женщина возвысившаяся до абсолютнаго совершенства. Такое сокровище не уйдетъ изъ нашего рода, насколько это зависитъ отъ меня. Замѣтили вы соусъ подъ бешемелью за завтракомъ. Какъ вамъ замѣтить! Человѣкъ курящій сигары неспособенъ отличить соуса подъ бешемелью отъ растопленнаго масла. Прощайте, однако! Прощайте!

Онъ подобралъ вожжи и отправился въ Крегъ-Ферни. Ему было семьдесятъ лѣтъ, а лошади его двадцать, но по уму и живости какъ тотъ, такъ и другая, были полезнѣйшими существами въ Шотландіи.

Медленно прошелъ еще часъ, и Арнольдъ не видалъ никого кромѣ нѣсколькихъ прохожихъ, тяжелой телѣги и кабріолета, въ которомъ сидѣла какая-то старуха. Наконецъ онъ всталъ, утомленный бездѣйствіемъ, и началъ ходить взадъ и впередъ, для разнообразія, не удаляясь отъ своего поста. При второмъ поворотѣ глаза его обратились случайно на лугъ, и онъ замѣтилъ въ отдаленіи новаго пѣшехода, повидимому мущину. Въ его сторону идетъ прохожій.

Арнольдъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Незнакомецъ приближался къ нему, и такъ быстро что чрезъ нѣсколько минутъ Арнольдъ началъ узнавать его, а еще чрезъ минуту былъ увѣренъ что не ошибается. Нельзя было не узнать

гибкой силы, граціи и плавной, быстрой походки приближавшагося человѣка. То былъ герой бѣга, Джофри Деламенъ, на возвратномъ пути въ Виндигетсъ.

Арнольдъ поспѣшилъ ему навстрѣчу. Джофри, увидавъ его, остановился и ждалъ, опершись на палку, его приближенія.

— Знаете вы что̀ случилось въ Виндигетсѣ? спросилъ Арнольдъ.

Онъ инстинктивно удержалъ свой слѣдующій вопросъ который готовъ былъ произнести. Вызывающее выраженіе лица Джофри озадачило Арнольда. Джофри смотрѣлъ человѣкомъ рѣшившимся не отступать, что̀ бы ни случилось, и противорѣчить всякому кто бы ни заговорилъ съ нимъ.

— Васъ, кажется, что-то раздражило? сказалъ Арнольдъ.

— Что̀ же случилось въ Виндигетсѣ? спросилъ Джофри громовымъ голосомъ и съ угрозой во взглядѣ.

— Миссъ Сильвестеръ была тамъ.

— Кто видѣлъ ее?

— Никто кромѣ Бланки.

— Ну?

— Она была очень печальна и слаба, такъ слаба что съ нею, бѣдною, сдѣлался обморокъ въ библіотекѣ. Бланка привела ее въ чувство.

— Что̀ же было потомъ?

— Мы всѣ были за завтракомъ. Бланка ушла изъ библіотеки и послала туда секретно дядю. Но миссъ Сильвестеръ скрылась и съ тѣхъ поръ никто не видалъ ея.

— Весь домъ переполошился?

— Никто ничего не знаетъ.

— А вы вотъ знаете. Кто еще знаетъ?

— Сэръ-Патрикъ знаетъ. Больше никто.

— Никто. Скажите еще что-нибудь.

Арнольдъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи хранить втайнѣ отъ всѣхъ мѣры принятыя къ отысканію Анны. Манеры Джофри заставили его безсознательно включить и его въ число всѣхъ, чего онъ, можетъ-быть, не сдѣлалъ бы при другихъ обстоятельствахъ.

— Я больше ничего не знаю.

Джофри воткнулъ свою палку глубоко въ песчаную почву, поглядѣлъ на палку, выдернулъ ее изъ земли и взглянулъ опять на Арнольда.

— Прощайте, сказалъ онъ, и пошелъ дальше своею дорогой.

Арнольдъ догналъ и остановилъ его. Съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга. Арнольдъ заговорилъ первый.

— Въ не въ духѣ, Джофри? Что̀ васъ такъ раздражило? Вы, вѣроятно, не нашли миссъ Сильвестеръ?

Джофри молчалъ.

— Видѣли вы ее послѣ того какъ она ушла изъ Виндзетса?

Никакого отвѣта.

— Знаете вы гдѣ теперь миссъ Сильвестеръ?

Опять никакого отвѣта. Все тотъ же безмолвно дерзкій вызовъ во взглядѣ. Смуглое лицо Арнольда начало краснѣть.

— Почему вы не отвѣчаете мнѣ? спросилъ онъ.

— Потому что мнѣ это надоѣло.

— Что̀ надоѣло?

— Ваше приставанье съ миссъ Сильвестеръ. Это мое дѣло, а не ваше!

— Потише, Джофри. Не забывайте что я тоже замѣшанъ въ это дѣло, хотя и не искалъ этого.

— Не безпокойтесь, не забуду. Вы намозолили мнѣ уши вашею услугой.

— Намозолилъ вамъ уши?

— Да. Перестану ли я когда-нибудь слышать о вашей услугѣ? Чортъ бы побралъ вашу услугу! Мнѣ надоѣло одно это слово.

Не легко было разсердить прямаго, добродушнаго Арнольда. Но Джофри удалось наконецъ разсердить его.

— Когда вы придете въ себя, сказалъ Арнольдъ,—я вспомню старое время и выслушаю ваше извиненіе. А теперь идите своею дорогой. Я не хочу говорить съ вами.

Джофри стиснулъ зубы и сдѣлалъ шагъ впередъ. Арнольдъ встрѣтилъ его, сильнѣйшаго изъ двухъ, взглядомъ смѣлаго вызова. Джофри понималъ и уважалъ только одну человѣческую добродѣтель—смѣлость. И онъ видѣлъ ее теперь предъ собой, неоспоримую смѣлость слабѣйшаго человѣка. Безчувственный негодяй былъ тронутъ въ единственное чувствительное мѣсто его существа. Онъ повернулся и пошелъ молча своею дорогой.

Оставшись одинъ, Арнольдъ опустилъ голову на грудь. Другъ спасшій ему жизнь, единственный другъ котораго онъ имѣлъ, съ которымъ были соединены лучшія воспоминанія его юности, грубо оскорбилъ его и ушелъ не сказавъ ни одного примирительнаго слова. Любящая, прямая, честная, привязчивая душа Арнольда была глубоко оскорблена. Быстро удаляющаяся

фигура Джофри затуманилась въ его глазахъ, и онъ закрылъ руками, съ дѣтскою стыдливостью, горячія слезы, свидѣтельствовавшія о его сердечной боли и дѣлавшія ему честь.

Онъ все еще продолжалъ бороться съ переполнившимъ его горемъ, когда на перекресткѣ случилось нѣчто замѣчательное.

Четыре дороги расходились крестообразно. Арнольдъ былъ теперь на восточной дорогѣ, куда онъ вышелъ навстрѣчу Джофри, и стоялъ ярдовъ за триста отъ стѣны фермы, возлѣ которой устроилъ свой наблюдательный постъ. Дорога на западъ, загибавшаяся за ферму, вела въ ближайшій городъ, дорога на югъ—къ станціи, а дорога на сѣверъ—къ Виндигетсу.

Когда Джофри былъ еще за пять, десять ярдовъ отъ фермы, когда слезы еще стояли на глазахъ Арнольда, ворота фермы растворились. Показался легкій, четырехколесный кабріолетъ, съ сидѣвшими въ немъ мущиной и женщиной. Женщина была Анна Сильвестеръ, мущина—хозяинъ фермы.

Вмѣсто того чтобы повернуть на южную дорогу, которая вела къ станціи, кабріолетъ повернулъ на западную, которая вела въ городъ. Джофри, подвигавшійся съ востока, могъ видѣть только спины уѣзжавшихъ. Онъ едва замѣтилъ невзрачный, маленькій кабріолетъ и повернулъ на сѣверъ, къ Виндигетсу.

Когда Арнольдъ достаточно успокоился чтобъ обернуться, кабріолетъ скрылся на дорогѣ загибавшей за ферму. Арнольдъ, вѣрный принятому на себя обязательству, возвратился на перекрестокъ. Въ это время кабріолетъ былъ уже пятномъ въ отдаленіи. Еще чрезъ минуту онъ скрылся изъ виду.

Такъ (по словамъ сэръ-Патрика) женщина преодолѣла препятствія которыя остановили бы мущину. Анна Сильвестеръ, въ своемъ безотрадномъ положеніи, пріобрѣла симпатію фермера, и онъ далъ ей мѣсто въ кабріолетѣ, въ которомъ отправлялся въ городъ по своимъ дѣламъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, она спаслась отъ тройной опасности угрожавшей ей: отъ встрѣчи съ Джофри возвращавшимся домой, съ Арнольдомъ на перекресткѣ и со слугой ожидавшимъ ея появленія на станціи.

Время приближалось къ вечеру. Слуги въ Виндигетсѣ, бродившіе вокругъ дома въ отсутствіи своихъ хозяевъ и гостей, были смущены на одну минуту возвращеніемъ одного изъ „господъ“. Мистеръ Джофри Деламенъ воротился домой одинъ.

прошелъ прямо въ курильную комнату, потребовалъ вторичную порцію стараго пива, взялъ газету и началъ курить.

Чтеніе ему скоро надоѣло, и онъ задумался о томъ что̀ узналъ въ концѣ своей прогулки.

То что̀ онъ узналъ могло оправдать самыя пламенныя надежды какія онъ могъ имѣть. Онъ приготовился выдержать серіозный скандалъ, и вдругъ оказывается что никакого скандала нѣтъ. Трое: сэръ-Патрикъ, Арнольдъ и Бланка знаютъ что Анна въ большомъ затрудненіи, но они хранятъ эту тайну такъ тщательно какъ будто боятся повредить его интересамъ. А что̀ еще удивительнѣе, такъ это то что Анна не только не подняла шума въ домѣ, но еще сама буквально бѣжала, не сказавъ никому ни одного слова которое могло бы скомпрометтировать его.

Что̀ все это значитъ? Онъ ломалъ голову чтобы найти какое-нибудь объясненіе и даже придумалъ причину молчанія Бланки, ея дяди и Арнольда: они всѣ трое, вѣроятно, сговорились скрыть отъ леди Лунди посѣщеніе Виндигетса бѣжавшею гувернанткой.

Но тайна молчанія Анны ставила его окончательно въ тупикъ.

Онъ былъ неспособенъ понять что страшное опасеніе сдѣлаться препятствіемъ къ браку Бланки могло побудить ее скрыться поскорѣе и рѣшиться, въ ея незнаніи какъ поступить иначе, никогда не возвращаться, чтобы не допустить считать себя женой Арнольда.

„Нѣтъ, мнѣ этого не понять“, было окончательное заключеніе къ которому пришелъ Джофри. „Если она находитъ для себя выгоднымъ молчать, я тоже нахожу выгоднымъ молчать, и этого съ меня довольно.“

Онъ положилъ ноги на стулъ, расправляя послѣ прогулки свои великолѣпные мускулы, и набилъ опять трубку, вполнѣ довольный собой. Теперь не предвидѣлось никакихъ столкновеній съ Анной, никакихъ непріятныхъ вопросовъ со стороны Арнольда. Онъ вспоминалъ о ссорѣ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и отдавалъ справедливость своему другу.

„Можно ли было подозрѣвать что въ этомъ мальчишкѣ столько мужества“, подумалъ онъ, зажигая спичку и закуривая трубку.

Прошелъ еще часъ, и воротился сэръ-Патрикъ.

Онъ былъ задумчивъ, но далеко не обезкураженъ. Повидимому его поѣздка въ Крегъ-Ферни кончилась не совсѣмъ

неудачно. Старикъ разсѣянно напѣвалъ свою любимую шотландскую арію и чаще обыкновеннаго обращался къ табатеркѣ. Онъ позвонилъ и позвалъ слугу.

— Не спрашивалъ ли меня здѣсь кто-нибудь?

— Никто не спрашивалъ, сэръ-Патрикъ.

— Нѣтъ ли писемъ?

— Нѣтъ, сэръ-Патрикъ.

— Хорошо. Пойдемте наверхъ въ мою комнату и подайте мнѣ халатъ.

Слуга подалъ ему халатъ и туфли.

— Миссъ Лунди дома?

— Нѣтъ, сэръ-Патрикъ. Всѣ уѣхали кататься.

— Хорошо. Принесите мнѣ чашку кофе и разбудите меня за полчаса до обѣда, если я усну.

Слуга вышелъ. Сэръ-Патрикъ легъ на диванъ. „Эхъ, спина-то побаливаетъ, и въ ногахъ какая-то тяжесть. Ручаюсь что лошадь чувствуетъ то же самое. Старость, я думаю, въ обоихъ случаяхъ. Что дѣлать! Будемъ молоды сердцемъ.“ И онъ принялся опять за свою шотландскую арію. Вошелъ слуга, поставилъ кофе и опять вышелъ. Въ комнатѣ слышалось только жужжаніе насѣкомыхъ и тихій шелестъ растеній на окнахъ. Минутъ пять сэръ-Патрикъ прихлебывалъ кофе и думалъ. Еще черезъ пять минутъ онъ уснулъ.

Немного погодя воротилось и общество изъ развалинъ. Вся экспедиція, кромѣ предводительницы, была измучена, въ особенности Смитъ и Джонсъ, которые совершенно онѣмѣли. Одна леди Лунди продолжала бодро относиться къ феодальной древности. Она лишила проводника, показывавшаго развалины, его шиллинга, и была вполнѣ довольна собой. Голосъ ея по мелодичности уподоблялся флейтѣ, а торжествующая улыбка никогда не была въ лучшемъ порядкѣ.

— Чрезвычайно интересно! сказала она выходя изъ коляски съ тяжелою граціей и обращаясь къ Джофри, прохаживавшемуся по террасѣ.—Вы много потеряли, мистеръ Деламенъ. Въ слѣдующій разъ, когда вамъ захочется погулять, предупредите хозяйку и не будете раскаиваться.

Бланка, измученная и озабоченная, спросила слугу объ Арнольдѣ и дядѣ. Сэръ-Патрикъ отдыхаетъ наверху, а мистеръ Бринквортъ еще не вернулся. Оставалось только двадцать минутъ до обѣда, а въ Виндзорѣ за обѣдомъ требовался полный вечерній туалетъ. Тѣмъ не менѣе Бланка осталась въ

залѣ въ надеждѣ увидать Арнольда. Надежда ея сбылась. Когда часы пробили четверть, онъ вошелъ. Онъ, какъ и всѣ, былъ не въ духѣ.

— Видѣли вы ее? спросила Бланка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Арнольдъ съ полнымъ убѣжденіемъ.—Дорога по которой она скрылась не касается перекрестка. За это я ручаюсь.

Они разошлись чтобъ одѣться. Когда общество собралось опять предъ обѣдомъ въ библіотекѣ, Бланка подошла къ дядѣ, едва онъ вошелъ въ комнату.

— Новостей, дядя. Я жажду новостей.

— Новости хороши, другъ мой.

Вы нашли Анну?

— Нѣтъ, не нашелъ.

— Вы слышали о ней въ Крегъ-Ферни?

— Я сдѣлалъ важныя открытія въ Крегъ-Ферни, Бланка. Тише! Леди Лунди. Подождите до послѣобѣда. Тогда вы узнаете, можетъ-быть, болѣе чѣмъ я могу сообщить вамъ теперь. Я съ минуты на минуту жду извѣстія со станціи.

Обѣдъ былъ тяжелою пыткой для двухъ, по крайней мѣрѣ, особъ кромѣ Бланки.

Арнольдъ, сидѣвшій противъ Джофри, не обмѣнявшись съ нимъ ни однимъ словомъ, страдалъ, думая о ссорѣ со старымъ другомъ. Сэръ-Патрикъ, чувствуя во всякомъ блюдѣ отсутствіе искусной руки Эсѳири Дезриджъ, скучалъ о потерѣ одной изъ роскошей своей жизни и считалъ вспыльчивость своей свояченицы безчеловѣчіемъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Бланка послѣдовала за леди Лунди послѣ обѣда въ гостиную, старая нетерпѣніемъ въ ожиданіи выхода мущинъ изъ столовой. Мачиха ея проектировала вторичную антикварскую экскурсію на слѣдующій день, но замѣтивъ что Бланка не слушаетъ ея бѣглыхъ замѣчаній о феодальной Шотландіи за пять столѣтій назадъ, начала жаловаться съ сатирическимъ одушевленіемъ на непонятіе умной подруги, и протянула на диванѣ свою величественную фигуру, въ ожиданіи прихода изъ столовой достойной аудиторіи. Чрезъ нѣсколько минутъ успокоительное вліяніе послѣобѣденнаго размышленія о феодальной древности и чистая совѣсть произвели свое дѣйствіе: глаза леди Лунди закрылись, и изъ носа леди Лунди послышались звуки, глубокіе какъ ея познанія, правильные какъ ея привычки,—звуки родственные почтеннымъ членамъ и спаль-

нямъ, извлекаемые самою природой у всѣхъ безъ различія сословій, словомъ (о, правда! какіе ужасы говорятся во имя твое!) она захралѣла.

Получивъ свободу, Бланка предоставила эху гостиной спокойно наслаждаться звучнымъ отдыхомъ леди Лунди.

Она пошла въ библіотеку, взяла въ руки романъ, но тотчасъ же бросила его и взглянула чрезъ залу на дверь столовой. Скоро ли они разстанутся наконецъ со своею политикой и виномъ? Она пошла на верхъ въ свою комнату, перемѣнила серьги и побранила горничную. Сошла внизъ и сдѣлала тревожное открытіе въ углу залы.

Тамъ стояли два человѣка со шляпами въ рукахъ и шептались съ буфетчикомъ. Буфетчикъ остановилъ ихъ, вошелъ въ столовую, воротился съ сэръ-Патрикомъ и сказалъ имъ: „Подойдите сюда.“ Два человѣка выступили на свѣтъ: Мурдокъ—станціонный смотритель, и Дунканъ — слуга. Извѣстіе объ Аннѣ!

— О, дядя! Позвольте мнѣ не уходить, умоляла Бланка.

Сэръ-Патрикъ колебался. Онъ боялся, не принесли ли ему какого-нибудь ужаснаго извѣстія о скрывшейся женщинѣ. Возвращеніе Дункана со станціоннымъ смотрителемъ предвѣщало что-то недоброе. Бланка тотчасъ же поняла причину колебанія дяди. Она поблѣднѣла и схватила его руку. „Не отсылайте меня“, прошептала она. „Я могу вынести все кромѣ неизвѣстности.“

— Говорите, сказалъ сэръ-Патрикъ, держа руку племянницы.—Нашли ее или нѣтъ?

— Она уѣхала на поѣздѣ, сказалъ станціонный смотритель,—и мы знаемъ куда.

Сэръ-Патрикъ вздохнулъ свободнѣе; румянецъ Бланки воротился. По разнымъ причинамъ, дядя и племянница были одинаково обрадованы.

— Я приказалъ вамъ слѣдовать за нею, сказалъ сэръ-Патрикъ Дункану.—Почему вы воротились?

— Вашъ слуга не виноватъ, вступился станціонный смотритель.—Дама сѣла на поѣздъ въ Киркандрю.

Сэръ-Патрикъ вздрогнулъ и взглянулъ на станціоннаго смотрителя.

— Что? На слѣдующей станціи, въ городѣ? Непростительное тупоуміе съ моей стороны! Мнѣ это не пришло даже въ голову.

— Я взялъ на себя смѣлость телеграфировать ваше описаніе дамы въ Киркандрю, сэръ-Патрикъ, на всякій случай.

— Что дѣлаетъ вамъ честь, мистеръ Мурдокъ. Ваша голова, въ этомъ случаѣ, оказалась умнѣе моей. Ну?

— Вотъ отвѣтъ который я получилъ.

Сэръ-Патрикъ и Бланка прочли вмѣстѣ телеграмму.

„Киркандрю. Поѣздъ 7 ч. 40 м. п. л. Дама подходитъ подъ описаніе. Багажа не было. Въ рукахъ мѣшокъ. Уѣхала одна. Билетъ втораго класса. Въ Эдинбургъ."

— Эдинбургъ! повторила Бланка.—О, дядя! Въ такомъ большомъ городѣ мы не найдемъ ея!

— Мы найдемъ ее, моя милая, и вы сейчасъ увидите какимъ образомъ. Дунканъ, принесите мнѣ перо, чернилъ и бумаги. Мистеръ Мурдокъ, вы, вѣроятно, воротитесь на станцію?

— Да, сэръ-Патрикъ.

— Я дамъ вамъ телеграмму которую вы передадите немедленно въ Эдинбургъ.

Онъ тщательно составилъ телеграмму и адресовалъ ее шерифу Мидъ-Лотіана.

— Шерифъ этотъ мой старый другъ, объяснилъ онъ племянницѣ.—Теперь онъ въ Эдинбургѣ. Гораздо раньше чѣмъ поѣздъ придетъ туда, онъ получитъ мое описаніе миссъ Сильвестеръ и просьбу тщательно наблюдать за ея дѣйствіями до слѣдующаго увѣдомленія. Полиція въ его полномъ распоряженіи, онъ лучшій человѣкъ какого мы можемъ выбрать для нашей цѣли. Благодарю васъ, мистеръ Мурдокъ. Прощайте. Дунканъ, идите ужинать и отдохните. Бланка, милая моя, идите въ гостиную; мы сейчасъ придемъ пить чай. Вы будете знать гдѣ ваша подруга прежде чѣмъ ляжете спать сегодня.

Съ такими утѣшительными словами онъ ушелъ къ мущинамъ. Минутъ черезъ десять всѣ они вошли въ гостиную. Леди Лунди, вполнѣ убѣжденная что не смыкала глазъ ни на минуту, воротилась опять въ феодальную Шотландію.

Бланка, выбравъ удобную минуту, подошла къ дядѣ.

— Ваше обѣщаніе, сказала она.—Вы сдѣлали какое-то важное открытіе въ Крегъ-Ферни. Разкажите.

Сэръ-Патрикъ взглянулъ на Джофри, дремавшаго въ креслѣ въ углу комнаты, и ему захотѣлось подразнить любопытство племянницы.

— Послѣ извѣстія которое мы получили, сказалъ онъ,—не можете ли вы подождать пока мы не получимъ телеграммы изъ Эдинбурга?

— Не могу, дядя. Телеграмма не придетъ еще нѣсколько часовъ, а до тѣхъ горъ мнѣ надо же думать о чемъ-нибудь.

Она сѣла на диванъ въ углу, прямо противъ Джофри, и указала дядѣ на свободное мѣсто возлѣ себя.

Сэръ-Патрикъ обѣщалъ, онъ не могъ не сдержать своего слова. Взглянувъ еще разъ на Джофри, онъ сѣлъ возлѣ племянницы.

ГЛАВА XXIV.

Догадки.

— Ну? таинственно шепнула Бланка, взявъ руку дяди.

— Ну, повторилъ сэръ-Патрикъ, сверкнувъ на племянницу искрой своего сатирическаго юмора. — Я хочу сдѣлать опрометчивую вещь: я хочу вручить важную тайну въ руки семнадцатилѣтней дѣвушки.

— Руки дѣвушки сохранятъ тайну, дядя, хотя дѣвушкѣ только осьмнадцать лѣтъ.

— Надо рискнуть, другъ мой; ваша короткость съ миссъ Сильвестеръ можетъ принести мнѣ величайшую помощь при слѣдующемъ шагѣ который я сдѣлаю. Вы узнаете все что я могу сказать вамъ, но сначала позвольте предостеречь васъ. Я могу говорить съ вами откровенно не иначе какъ поразивъ васъ сначала очень удивительнымъ открытіемъ. Поняли вы меня до сихъ поръ?

— Да! да!

— Если вы не сумѣете совладать съ собою, вы помѣшаете мнѣ принести въ будущемъ пользу миссъ Сильвестеръ. Помните это и приготовьтесь къ удивленію. Что сказалъ я вамъ до обѣда?

— Вы сказали что сдѣлали важныя открытія въ Крегъ-Ферни. Что же вы узнали?

— Я узналъ что есть человѣкъ знающій вполнѣ тайну которую миссъ Сильвестеръ скрыла отъ васъ и отъ меня. Человѣка этого мы знаемъ. Онъ близко отъ насъ. Онъ въ этой комнатѣ.

Сэръ-Патрикъ взялъ руку Бланки лежавшую на его рукѣ и

выразительно пожалъ ее. Она взглянула на него, удерживая крикъ удивленія, подождала немного, не спуская глазъ съ его лица, сдѣлала надъ собою рѣшительное усиліе и успокоилась.

— Покажите мнѣ его, сказала она съ самообладаніемъ, заслужившимъ полное одобреніе дяди. Бланка дѣлала чудеса для дѣвушки съ ея характеромъ.

— Посмотрите, сказалъ сэръ-Патрикъ,—и скажите мнѣ что вы видите.

— Я вижу на томъ концѣ комнаты леди Лунди съ планомъ Пертшейра и съ описаніемъ феодальныхъ памятниковъ на столѣ. И вижу что всѣ кромѣ васъ и меня слушаютъ ее.

— Всѣ?

Бланка оглянула внимательно комнату и замѣтила Джофри спавшаго въ креслѣ въ противоположномъ углу комнаты.

— Дядя! Не можетъ быть!

— Онъ.

— Мистеръ Деламенъ?

— Мистеръ Деламенъ знаетъ все.

Бланка, держась машинально за руку дяди, смотрѣла на спавшаго Джофри, какъ будто никакъ не могла вдоволь насмотрѣться на него.

— Вы видѣли въ библіотекѣ мое тайное совѣщаніе съ мистеромъ Деламеномъ, началъ опять сэръ-Патрикъ. — Признаюсь, другъ мой, вы были вполнѣ правы, взглянувъ на это какъ на подозрительное обстоятельство. Теперь я долженъ оправдаться въ томъ что до сихъ поръ таился отъ васъ.

Послѣ такого предисловія онъ вкратцѣ напомнилъ ей о происшествіяхъ первой половины дня и прибавилъ, въ видѣ комментарія, перечень заключеній которыя отъ вывелъ изъ происшествій.

Происшествій было, какъ мы знаемъ, три. Первое, совѣщаніе Джофри съ сэръ-Патрикомъ о неправильныхъ шотландскихъ бракахъ, второе, появленіе Анны Сильвестеръ въ Виндзетсѣ, и третье, исчезновеніе Анны.

Изъ этихъ происшествій сэръ-Патрикъ вывелъ шесть заключеній.

Первое, что есть что-то общее между извѣстнымъ затрудненіемъ друга Джофри и подразумѣваемымъ затрудненіемъ миссъ Сильвестеръ. Второе, что Джофри разказалъ сэръ-Патрику случай бывшій дѣйствительно съ его другомъ, а не съ нимъ самимъ. Третье, что у Джофри есть свой интересъ

(не безвреднаго свойства) доказать бракъ его друга. Четвертое, что тревожное любопытство Анны узнать имена виндгетскихъ гостей относилось, по всей вѣроятности, къ Джофри. Пятое, что послѣднее заключеніе опровергаетъ заключеніе второе и снова порождаетъ сомнѣніе, не разказалъ ли Джофри случай бывшій съ нимъ самимъ. И шестое, что единственный способъ разъяснить послѣднее подозрѣніе и всѣ другія подозрѣнія, — это съѣздить въ Крегъ-Ферни и узнать отъ мистрисъ Инчбаръ то что̀ она замѣтила въ періодъ пребыванія Анны въ Крегъ-Ферни. За симъ послѣдовало извиненіе сэръ-Патрика въ томъ что онъ до сихъ поръ скрывалъ все это отъ племянницы. Онъ не хотѣлъ напрасно тревожить ее, пока не убѣдится что подозрѣніе его основательно. Теперь онъ въ этомъ убѣдился и передаетъ Бланкѣ всѣ свои мысли, не утаивъ ничего.

— Я кончилъ, другъ мой, продолжалъ сэръ-Патрикъ, — съ необходимыми объясненіями, неизбѣжными непріятностями въ сношеніяхъ человѣчества. Вы знаете теперь столько же сколько зналъ я когда пріѣхалъ въ Крегъ-Ферни, и слѣдовательно можете достойно оцѣнить то что̀ я узналъ тамъ. Вполнѣ ли вы поняли меня до сихъ поръ?

— Вполнѣ.

— Хорошо. Пріѣхалъ я въ Крегъ-Ферни, и вообразите, заперся съ мистрисъ Инчбаръ въ ея собственной комнатѣ. (Пострадаетъ или нѣтъ моя репутація еще неизвѣстно, но когти мистрисъ Инчбаръ очевидны.) Долго мы толковали, Бланка. Такой угрюмой, хитрой, недовѣрчивой свидѣтельницы мнѣ не случалось допрашивать во все время моей адвокатской практики. Она вывела бы изъ терпѣнія всякаго смертнаго, кромѣ адвоката. Но намъ необходимо удивительное терпѣніе въ нашей профессіи, и мы умѣемъ быть терпѣливыми когда захотимъ. Словомъ, другъ мой, мистрисъ Инчбаръ была кошкой, а я котомъ, и я выцарапалъ наконецъ изъ нея правду. Результатъ котораго я добился сто́итъ труда, какъ вы сами увидите. Мистеръ Деламейнъ разказалъ мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ обстоятельствъ случившихся въ гостинницѣ съ дамой и господиномъ которые хотѣли выдать себя мужемъ и женой. Тѣ же самыя обстоятельства случились, Бланка, въ Крегъ-Ферни съ дамой и господиномъ въ тотъ день когда миссъ Сильвестеръ скрылась изъ нашего дома. И, слушайте, когда ее спросили объ ея имени, послѣ того какъ господинъ

ушелъ, оставивъ ее въ гостиницѣ, она назвалась мистрисъ Сильвестеръ. Что вы думаете объ этомъ?

— Думаю! просто поражена! Я не могу повѣрить!

— Поразительное открытіе, дитя мое, я съ вами согласенъ. Не подождать ли мнѣ немного, пока вы не успокоитесь?

— Нѣтъ! нѣтъ! Продолжайте. Господинъ, дядя? Тотъ господинъ который былъ съ Анной? Кто онъ? Конечно не мистеръ Деламенъ?

— Нѣтъ, не мистеръ Деламенъ, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Если я не убѣжденъ ни въ чемъ другомъ, въ этомъ по крайней мѣрѣ я убѣдился.

— Это само собой понятно. Мистеръ Деламенъ уѣхалъ въ день праздника въ Лондонъ, и Арнольдъ....

— И Арнольдъ проводилъ его до второй станціи. Но могъ ли я знать что̀ сдѣлалъ мистеръ Деламенъ разставшись съ Арнольдомъ? Только распросивъ мистрисъ Инчбаръ, я убѣдился что онъ не вернулся тайно въ гостиницу.

— Почему же вы убѣдились?

— Я попросилъ ее описать мнѣ господина бывшаго съ миссъ Сильвестеръ. Описаніе мистрисъ Инчбаръ (очень неопредѣленное, какъ вы сами увидите) вполнѣ выгораживаетъ этого человѣка, сказалъ сэръ-Патрикъ, кивнувъ на Джофри, все еще сидящаго въ креслѣ.—Не онъ выдалъ миссъ Сильвестеръ за свою жену въ Крегъ-Ферни. Онъ не лгалъ когда сказалъ что это случай съ его другомъ.

— Но кто это другъ? настаивала Бланка.—Вотъ что̀ я хочу узнать.

— То же самое и я хочу узнать.

— Разкажите мнѣ въ точности, дядя, какъ описала его мистрисъ Инчбаръ. Я провела съ Анной всю жизнь: я, вѣроятно, видѣла его гдѣ-нибудь.

— Если вы догадаетесь кто онъ по описанію мистрисъ Инчбаръ, возразилъ сэръ-Патрикъ,—вы будете умнѣе меня. Вотъ какъ описала его хозяйка: молодъ, средняго роста, темные волосы, глаза и цвѣтъ лица, привѣтливъ, вѣжливъ. Выпустите „молодъ“, и все остальное контрастъ съ мистеромъ Деламеномъ. Но можно ли по такому описанію узнать человѣка? Въ Англіи по меньшей мѣрѣ пятьсотъ тысячъ человѣкъ, о каждомъ изъ которыхъ можно сказать: молодъ, средняго роста, брюнетъ, привѣтливъ, вѣжливъ. Одинъ изъ здѣшнихъ лакеевъ подходитъ подъ это описаніе.

— И Арнольдъ подходитъ подъ это описаніе, сказала Бланка, какъ еще болѣе сильное доказательство досадной неопредѣленности описанія.

— И Арнольдъ подходитъ подъ это описаніе, повторилъ сэръ-Патрикъ, совершенно соглашаясь съ нею.

Едва она произнесла эти слова, какъ показался Арнольдъ, приближавшійся къ сэръ-Патрику съ колодой картъ въ рукахъ.

Въ ту самую минуту когда они безсознательно напали на правду, предъ ними стояла разгадка тайны, въ лицѣ человѣка выдавшаго Анну Сильвестеръ за свою жену въ гостинницѣ Крегъ-Ферни. Страшный капризъ судьбы, безпощадная иронія случайности не могли зайти дальше. Всѣ трое стояли въ эту минуту на краю пропасти. Двое изъ нихъ улыбались на смѣшное совпаденіе, а третій тасовалъ колоду картъ.

— Мы наконецъ покончили съ древностями, сказалъ Арнольдъ,—и составляемъ вистъ. Не возьмете ли вы карту, сэръ-Патрикъ?

— Слишкомъ скоро послѣ обѣда, другъ мой. Сыграйте первый робберъ, а потомъ сяду я. Слышали вы, прибавилъ онъ,—что миссъ Сильвестеръ видѣли въ Киркандрю. Какъ это вы проглядѣли ее?

— Она не проѣзжала мимо меня, сэръ-Патрикъ; иначе я видѣлъ бы ее.

Оправдавшись такими словами, онъ ушелъ на другую сторону комнаты, куда его призывали нетерпѣливые игроки, ожидавшіе картъ которыя онъ держалъ въ рукахъ.

— О чемъ мы говорили когда онъ прервалъ насъ? спросилъ сэръ-Патрикъ.

— О томъ человѣкѣ который былъ съ миссъ Сильвестеръ въ гостинницѣ.

— Безполезныя догадки, моя милая, когда мы не имѣемъ другихъ указаній кромѣ описанія мистриссъ Инчбаръ.

Бланка взглянула на спящаго Джофри.

— А онъ знаетъ! сказала она.—Можно съ ума сойти, дядя, глядя на это спящее въ креслѣ животное.

Сэръ-Патрикъ погрозилъ пальцемъ. Прежде чѣмъ она успѣла сказать еще слово, разговоръ ихъ былъ опять прерванъ.

Партія вista состояла изъ леди Лунди и доктора, игравшихъ противъ Смита и Джонса. Арнольдъ сѣлъ сзади доктора, и изучалъ игру. Первый, Второй и Третій, предоставленные такимъ образомъ самимъ себѣ, естественно вспомнили о

бильярдѣ, и замѣтивъ спящаго въ углу Джофри, пришли разбудить его. Джофри проснулся, протеръ глаза и сказалъ, зѣвнувъ, „хорошо“. Вставъ, онъ взглянулъ на противуположный уголъ, гдѣ сидѣли сэръ-Патрикъ и Бланка. Самообладаніе Бланки, какъ усиленно она ни боролась съ собой, не было достаточно сильно чтобы заставить ее отвернуться отъ Джофри и не смотрѣть на него взглядомъ въ которомъ выражался невольный интересъ который она чувствовала теперь къ нему. Онъ остановился, замѣтивъ что-то совершенно новое въ ея взглядѣ.

— Извините, сказалъ Джофри. — Вамъ угодно сказать мнѣ что-то?

Бланка покраснѣла. Дядя поспѣшилъ выручить ее.

— Миссъ Лунди и я надѣемся что вы хорошо почивали, мистеръ Деламенъ, сказалъ онъ шутливо. — Больше ничего.

— А! Больше ничего? сказалъ Джофри, все еще смотря на Бланку.—Извините еще разъ. Чертовски длинная прогулка и чертовски тяжелый обѣдъ. Естественный результатъ — сонъ.

Сэръ-Патрикъ смотрѣлъ на него пристально и замѣтилъ что онъ былъ искренно удивленъ, увидѣвъ себя предметомъ вниманія Бланки.

— Увидимся въ бильярдной? спросилъ Джофри безпечно, и не дождавшись, по обыкновенію, отвѣта, вышелъ за своими товарищами изъ комнаты.

— Будьте осторожнѣе, сказалъ сэръ-Патрикъ племянницѣ.— Онъ хитрѣе чѣмъ кажется. Мы сдѣлаемъ большую ошибку если дадимъ ему замѣтить что наблюдаемъ за нимъ.

— Этого не случится въ другой разъ, дядя. Но подумайте только что Анна довѣряетъ ему и не довѣряетъ мнѣ!

— Его другъ довѣряетъ ему, хотите вы сказать, моя милая. Если мы не возбудимъ въ немъ подозрѣнія, онъ, можетъ-быть, скоро скажетъ или сдѣлаетъ что-нибудь такое что̀ покажетъ намъ кто его другъ.

— Но онъ уѣзжаетъ завтра къ брату. Онъ сказалъ это за обѣдомъ.

— Тѣмъ лучше. Ему не придется видѣть страшныхъ взглядовъ извѣстной молодой дѣвушки. Домъ его брата недалеко отъ насъ, а меня онъ избралъ своимъ совѣтникомъ. Опытность моя говоритъ мнѣ что онъ еще не кончилъ со мною, и что въ слѣдующее совѣщаніе онъ скажетъ мнѣ что-нибудь новое. Будемъ доискиваться правды посредствомъ мистера

Деламена. Но это не единственный способъ. Я еще не сказалъ вамъ ничего о Бишопригсѣ и потерянномъ письмѣ.

— Нашлось оно?

— Нѣтъ, я заставлялъ искать его при себѣ. Письмо украдено, а укралъ его Бишопригсъ. Я оставилъ ему записочку у мистрисъ Инчбаръ. Посѣтители гостиницы уже соскучились о немъ, что̀ я вамъ и предсказывалъ. Хозяйка раскаивается въ своей вспыльчивости и, конечно, слагаетъ всю вину на миссъ Сильвестеръ. Говоритъ что Бишопригсъ не обращалъ никакого вниманія на посѣтителей и только и дѣлалъ что ухаживалъ за миссъ Сильвестеръ; что онъ началъ грубить, и что миссъ Сильвестеръ поощряла его къ этому, и такъ далѣе. Кончится тѣмъ,—такъ какъ миссъ Сильвестеръ уже нѣтъ въ гостинницѣ,—что Бишопригсъ воротится въ Крегъ-Ферни прежде чѣмъ пройдетъ осень. Будемъ ждать, моя милая. Пойдемте, поучитесь висту.

Онъ всталъ и хотѣлъ идти къ карточному столу, но Бланка остановила его.

— Вы еще не все сказали мнѣ. Кто бы ни былъ тотъ человѣкъ, мужъ онъ Аннѣ или нѣтъ? спросила она.

— Кто бы ни былъ тотъ человѣкъ, возразилъ сэръ-Патрикъ,—ему лучше и не думать жениться на другой.

Такъ племянница задала безсознательно вопросъ, а дядя высказалъ безсознательно свое мнѣніе о томъ, отъ чего зависѣло все будущее счастіе Бланки. „Человѣкъ!“ Какъ легко они относились къ „человѣку!“ Неужели ничто не возбудитъ подозрѣнія въ нихъ или въ Арнольдѣ, что Арнольдъ есть самъ тотъ „человѣкъ?“

— Вы хотите сказать что она замужемъ? спросила Бланка.

— Я не захожу такъ далеко.

— Вы хотите сказать что она не замужемъ?

— Я не захожу такъ далеко.

— Вотъ такъ законъ!

— Ужасный, не правда ли, другъ мой? По моему мнѣнію, она имѣетъ основаніе, если захочетъ, требовать чтобъ ее признали его женой. Вотъ что̀ я хотѣлъ сказать моимъ отвѣтомъ, и пока мы не узнаемъ болѣе, это все что̀ я могу сказать.

— Когда же мы узнаемъ болѣе? Когда получимъ мы телеграмму?

— Не ранѣе какъ черезъ нѣсколько часовъ. Пойдемте, поучитесь висту.

— Я лучше поговорю съ Арнольдомъ, дядя, если позволите.

— Какъ хотите. Но не разказывайте ему того что̀ я разказалъ вамъ сейчасъ. Вспомните что онъ и Деламенъ друзья, и онъ, пожалуй, разкажетъ своему другу о томъ чего его другу не слѣдуетъ знать. Не хорошо съ моей стороны, не правда ли, вселять неискренность въ вашу молодую душу? Одинъ умный человѣкъ сказалъ однажды: чѣмъ старѣе дѣлается человѣкъ, тѣмъ онъ дѣлается хуже. Этотъ умный человѣкъ, милая моя, говоря это имѣлъ въ виду меня, и былъ вполнѣ правъ.

Вознаградивъ себя за такое непріятное признаніе щепоткой табаку, онъ отправился къ карточному столу ждать пока окончаніе роббера дастъ ему мѣсто въ игрѣ.

(До слѣд. №.)

ЕГИПЕТСКІЙ МОГИЛЬНЫЙ МІРЪ

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНІЕ ГЕНРИХА БРУГША. *

Если уединенная прогулка между могилами, хотя бы даже почившіе въ нихъ принадлежали давно минувшимъ вѣкамъ и поколѣніямъ, имѣетъ свойство наводить путника, посѣтившаго жилище мертвыхъ, на серіозную мысль о скоротечности всего земнаго и о собственной бренности; если народы Востока, не исключая даже нашихъ современниковъ, нарочно устраиваютъ кладбища рядомъ со многолюднѣйшими улицами или большими дорогами, чтобы напоминать прохожимъ о конечной цѣли земнаго бытія, то много посѣщаемымъ и часто описываемымъ некрополямъ древнихъ Египтянъ вполнѣ удалось, благодаря ихъ величественнымъ размѣрамъ и замѣчательно яркимъ картинамъ и письменамъ, украшающимъ ихъ, отодвинуть на задній планъ всѣ грустныя мысли и изобразить могильный міръ съ самой радостной стороны. Слѣдуя природному влеченію къ этому народу и его памятникамъ, я хочу попытаться сдѣлаться умственнымъ путеводителемъ по этой странѣ могилъ, обитатели которой за пять или за шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ жили и дѣйствовали въ отдаленной равнинѣ Нила, на благословенной почвѣ гдѣ зародилась древнѣйшая культура, дѣйствовали въ такое время и въ такой странѣ о которой, *повидимому*, исторія не сохранила даже

* Лейпцигъ, 1868.

воспоминанія. Я говорю *повидимому*, потому что въ наше время, благодаря спасительному Промыслу, Египетъ празднуетъ торжество своего духовнаго обновленія, и изъ сѣдой старины, изъ туманной дали выступаютъ праотцы человѣчества, озаренные свѣтомъ современной, богато развитой, въ умственномъ отношеніи высоко стоящей культуры. Но если мы, гордые своимъ значеніемъ въ исторіи вселенной, думаемъ найти въ этихъ первобытныхъ племенахъ, населявшихъ древній Египетъ, въ ихъ сказаніяхъ и памятникахъ лишь слѣды первыхъ грубыхъ началъ цивилизаціи, то, изумленные и глубоко пристыженные, мы должны будемъ сознаться что этотъ давно погибшій и забытый міръ, который представляется путешественнику, изучившему классическія древности, въ туманномъ свѣтѣ глубокой старины, достигъ, напротивъ того, высокой степени умственнаго развитія, основаніемъ коего служило облагороженіе и смягченіе нравовъ. Въ то время когда въ Европѣ человѣкъ велъ жизнь дикаря, скрывался въ глубокихъ лѣсныхъ пещерахъ или проживая на озерахъ въ грубыхъ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ, въ то время когда, окруженный хищными животными, онъ, говоря словами одного остроумнаго писателя, чаще былъ добычей чѣмъ охотникомъ; въ то самое время на берегахъ Нила уже нѣсколько тысячъ лѣтъ красовались богатые города, храмы и дворцы, воздвигались громадныя гробницы въ честь умершихъ, и царствовали законы и порядокъ. Въ то же время ученые мужи писали на листьяхъ папируса,—колючіе свертки котораго нынѣ осторожно извлекаются изъ темныхъ гробницъ рукой ученаго,—трактаты о добродѣтели и человѣческомъ достоинствѣ, поученія въ стихотворной формѣ для назиданія юношей, которые въ школахъ ученыхъ жрецовъ внимали словамъ своихъ наставниковъ. Даже повелители страны, цари, принимали участіе въ этихъ попыткахъ, и до насъ дошли трогательныя свидѣтельства ихъ воззрѣній на цѣли человѣчества и земнаго бытія. Они приглашаютъ своихъ сыновей упражняться въ дѣлахъ милосердія, вести жизнь умѣренную и трезвую и служить примѣромъ скромности и нравственности.

Правило, которымъ долженъ былъ руководиться человѣкъ въ теченіи его земнаго странствованія, лежитъ въ основѣ того признанія которое мертвые должны произнести предъ лицомъ своего судьи: „Я предлагалъ хлѣбъ голодному, воду томящемуся жаждой, одежду нагому, челнокъ путнику; я при-

носилъ искупительныя жертвы богамъ и жертвы въ память усопшихъ."

Уваженіе и высокое почитаніе которымъ пользовались умершіе составляетъ прекрасную черту въ характерѣ Египтянъ. Этому-то почитанію мы обязаны тѣмъ громаднымъ числомъ памятниковъ покрывающихъ почву Египта, которые уже однимъ своимъ долголѣтнимъ существованіемъ, вопреки разрушительному вліянію времени и опустошеніямъ, производимымъ рукою человѣка, свидѣтельствуютъ о заботливости съ которою воздвигались усиліями живущаго поколѣнія эти сооруженія въ память умершихъ. Дѣйствительно, эти гробницы должны было служить напоминаніемъ, поддерживать память объ усопшихъ, что̀ ясно выражается египетскимъ названіемъ этихъ памятниковъ *танни*. *Помнить, вспоминать*, значитъ на древне-египетскомъ языкѣ *тан*, и не простая случайность что этотъ корень, наряду со многими другими, ясно сохранился въ семитическихъ и индо-германскихъ группахъ языковъ, преобразившись въ Германіи въ слово *tahnen*.

Слово *танни* или, какъ говорили Греки, *тетнонія* (намекъ на сказаніе о Мемнонѣ), безошибочно указываетъ на назначеніе этихъ памятниковъ — служить воспоминаніемъ о прошломъ и объ умершихъ праотцахъ, и это указаніе безпрестанно подтверждается живописью и надписями украшающими самыя гробницы. Статья моя имѣетъ цѣлью разъясненіе этого вопроса, для большей вразумительности котораго я позволю себѣ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Небо, земля и бездна составляли три обширныя царства древне-египетскаго космоса. На безконечномъ океанѣ, омывающемъ куполъ небесный, солнце плыветъ въ челнокѣ, который приводится въ движеніе планетами и неподвижными звѣздами. Здѣсь движутся на корабляхъ большія созвѣздія. Это царство безсмертныхъ боговъ которые, въ вѣчномъ покоѣ, господствуютъ надъ небеснымъ океаномъ подъ сѣнію звѣздъ. Входъ къ великому теченію находится на востокѣ, гдѣ ежедневно богъ солнца, въ видѣ новорожденнаго младенца, поднимается изъ влаги. Поверхность земли населена людьми, получившими составныя части своего существа изъ трехъ великихъ царствъ космоса. Душа дана имъ съ небесной высоты, родины свѣта; тѣло, матерія, принадлежитъ ихъ земной отчизнѣ; образъ,— внѣшняя форма, которою одинъ человѣкъ отличается съ виду отъ другаго,—преисподней. По смерти человѣка душа, тѣло и

образъ раздѣляются; душа, какъ частица божества, возвращается къ своей исходной точкѣ—небу; тѣло предается землѣ, такъ какъ оно создано изъ земли; образъ сходитъ въ бездну, въ царство тѣней, входъ въ который предполагался на западѣ, на окраинѣ вечерней зари, за которою солнце ежедневно отходитъ на покой, умираетъ. Отсюда проистекаютъ соотношенія между ежедневнымъ движеніемъ солнца и человѣческимъ бытіемъ, между восхожденіемъ и захожденіемъ, появленіемъ и исчезновеніемъ, жизнью и смертью.

Бездна—та область гдѣ совершается ночное странствованіе солнца. Это настоящее царство мертвыхъ. Здѣсь властвуетъ Озирисъ, царь и судья умершихъ; въ этомъ подземномъ трибуналѣ, въ присутствіи сорока двухъ помощниковъ верховнаго судіи Озириса, человѣческое сердце кладется на вѣсы, а въ другую чашу истина; здѣсь врата ада, за которыми каждому воздается по его заслугамъ. Ворота эти открываются предъ грѣшникомъ, и за ними его ждутъ казни столь разнообразныя и ужасающія, страшнѣе которыхъ не представляетъ Дантовъ адъ. Ужасныя животныя, внушающіе страхъ демоны встрѣчаютъ вновь прибывшаго; грозныя змѣи и драконы заслоняютъ ему путь: адскіе привратники, въ маскахъ отвратительныхъ животныхъ, стоятъ на часахъ, у вратъ ада, освѣдомляются объ имени приходящаго и требуютъ отмѣтку ада. Праведный, подъ покровомъ своей добродѣтели и положенныхъ съ его муміей свитковъ и талисмановъ, безтрепетно проникаетъ въ страшныя врата ада и достигаетъ наконецъ горней страны, покрытой цвѣтами долины *Аннити*, гдѣ богъ Хоръ, подобно доброму пастырю, пасетъ стада людей, раздѣливъ ихъ на четыре расы—на Египтянъ, Азіятцевъ, Негровъ и Ливійцевъ. Здѣсь они пашутъ, сѣютъ и пожинаютъ пшеницу длиною въ семь локтей, небесный Нилъ орошаетъ подземныя поля, и легкій вѣтерокъ освѣжаетъ праведныхъ, отдыхающихъ въ тѣни великолѣпныхъ смоковницъ. Оставшись здѣсь довольно продолжительное время, душа ихъ соединяется наконецъ со своимъ образомъ и съ источникомъ свѣта, откуда проистекла — съ солнцемъ. Тогда они восходятъ на востокъ вмѣстѣ съ безсмертнымъ божествомъ, они упиваются гармоніей звуковъ раздающихся въ честь бога; ихъ око зритъ вѣчный свѣтъ, и душа ихъ исполнена блаженства и сознанія своего сліянія съ творцемъ.

Это не пустыя теоріи, основанныя на предположеніяхъ; все

это явствуетъ изъ многочисленныхъ надписей покрывающихъ свертки папируса, которые вручаются мертвымъ, и изъ надписей украшающихъ стѣны гробницъ. Въ главнѣйшихъ мѣстахъ моего описанія я буквально придерживался подлинника и ничего не прибавилъ отъ себя, что̀ могло бы дать ложное или неточное понятіе.

Заботливость относительно тѣла умершихъ, для предохраненія его не только отъ порчи, но и отъ всякихъ случайностей или насилія, составляла, по древне-египетскимъ вѣрованіямъ, главнѣйшее условіе для скораго избавленія души и для соединенія ея съ источникомъ свѣта и добра, что̀ у Египтянъ почиталось нераздѣльнымъ. По ихъ мнѣнію, въ теченіи продолжительнаго цикла годовъ, душа была еще въ нѣкоторомъ смыслѣ связана съ тѣломъ, хотя могла, по своему усмотрѣнію, временно покидать его чтобы, въ разныхъ мѣстностяхъ и видахъ, являться людямъ въ тѣхъ формахъ которыя, разнясь другъ отъ друга смотря по времени, ясно опредѣляются въ рисункахъ и текстахъ.

Вотъ единственная причина заботливой бальзамировки тѣла и почти невѣроятныхъ усилій скрыть мѣсто погребенія. Въ глубокихъ колодцахъ, вырытыхъ въ известковомъ грунтѣ пустыни, въ формѣ вертикальныхъ шахтъ, и наглухо заложенныхъ пескомъ и камнемъ, покоятся муміи въ ихъ деревянныхъ или каменныхъ гробахъ, стоящихъ въ узкихъ камеркахъ, доступъ къ которымъ столь труденъ что даже нынѣ расчистка случайно открытаго нетронутаго еще колодца дастъ работу на нѣсколько недѣль. Нерѣдко рядомъ съ настоящею шахтой (bir bikr, „дѣвственный колодезь“, какъ говорятъ Арабы) находятся другіе пустые колодцы (bir kadab „лживый колодезь“), вырытые съ намѣреніемъ утомить изслѣдователя, сбить его съ пути и принудить отказаться отъ его преступныхъ замысловъ.

Погребенія въ древне-египетскихъ городахъ совершались обыкновенно на большомъ разстояніи отъ обитаемыхъ мѣстностей и преимущественно, если то дозволяли географическія условія, по ту сторону рѣки, на западномъ ея берегу, такъ какъ западъ, на что̀ я имѣлъ уже случай указать, почитался настоящею страной мертвыхъ. Въ торжественной процессіи, мумія, бальзамированная согласно предписанію и обернутая въ новый холстъ, въ сопровожденіи жрецовъ, плакальщицъ и приближенныхъ, перевозилась на лодкѣ на противоположный

берегъ, а въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ это было невозможно, корабль, въ которомъ лежала мумія, ставился на деревянные подмостки, имѣющіе видъ саней, и такимъ образомъ достигалъ мѣста назначенія. Напутствуемый молитвами и плачемъ, умершій ставился въ могилу, куда, сообразно съ званіемъ и богатствомъ, клалось все что̀ любилъ и чѣмъ дорожилъ человѣкъ при жизни.

Слѣдуетъ дѣлать строгое различіе между могилой хорошо скрытою въ глубокой скалистой шахтѣ и могильною часовней которая посвящалась памяти умершаго. Эти сооруженія, высѣченныя горизонтально въ горѣ или же воздвигнутыя изъ громадныхъ плитъ на плоской возвышенности въ пустынѣ, въ видѣ прямоугольныхъ, нѣсколько косвенныхъ каменныхъ домовъ, или залообразныхъ зданій, составляютъ въ общей связи правильно расположенныя улицы, настоящій городъ мертвыхъ. Древнѣйшими почитаются тѣ изъ нихъ которыя окружаютъ своими развалинами три большія пирамиды Гизе, близъ города Каира, и группу пирамидъ Саккара, лежащую часа на три ходьбы южнѣе вышеупомянутыхъ. Первыя обозначаютъ мѣсто погребенія древнѣйшихъ обитателей стараго города Мемфиса, послѣднія—некрополь новѣйшихъ поколѣній, если только слово *новѣйшій* можетъ быть примѣнено къ старшѣ имѣющей пять тысячъ лѣтъ. Правильность съ которою расположены главныя и боковыя улицы можно лучше и яснѣе всего замѣтить, если бросить взглядъ съ высоты пирамидъ. Какъ образецъ для описанія внутренняго убранства могильной часовни древнѣйшей эпохи я избралъ почти вполнѣ сохранившійся надгробный памятникъ одного знатнаго Египтянина, по имени Ти. Памятникъ этотъ находится къ сѣверу отъ ступенчатой пирамиды Саккара, на главной могильной улицѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ мѣста въ которомъ находились могилы священныхъ быковъ Аписовъ, открытыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ Маріеттъ-беемъ.

Мы спустимся по песчаной дорогѣ, покрытой мусоромъ, побѣлѣвшими костями и остатками мумій, въ глубь улицы, которая, какъ и вся окружная полоса могилъ, находится футовъ на пятнадцать, на двадцать ниже теперешняго уровня пустыни. Прежде всего мы видимъ громадную залу, поддерживаемую двѣнадцатью колоннами, съ широкимъ открытымъ входомъ; линіи всего зданія, сооруженнаго изъ бѣлаго известковаго камня, совершенно прямыя, размѣры равняются простой

пропорціи четырехъ къ четыремъ, согласно древнѣйшему архитектурному правилу, которое мы въ точности узнаемъ изъ самихъ надписей. Тончайшія изваянія покрываютъ стѣны залы, только одинъ колонны лишены всякихъ скульптурныхъ украшеній. Явственно выступаютъ предъ нами изъ безконечнаго числа картинъ, которыя сопровождаются поясните льными текстами, громадныя фигуры умершаго Ти и его супруги. Я выпущу титулы, которые даны ему какъ знатному Египтянину, такъ какъ уже въ то время существовали камергеры, тайные совѣтники и военные министры. Надписи которыя находятся подлѣ изображенія его супруги, „владычицы дома", по словамъ текста, зачастую гласятъ что она была „пальмой любезности съ мужемъ", что „она была ему дорога", что „она его любила". Итакъ съ перваго вступленія мы знакомимся съ прекрасною чертой египетскихъ нравовъ, со взаимною любовью между мужемъ и женой, соединенныхъ въ брачномъ союзѣ основанномъ на законѣ одноженства, любовью, о которой свидѣтельствуютъ даже послѣ смерти многочисленныя надписи.

Между многочисленными изображеніями и надписями не встрѣчается ни единой исторической черты, ни единаго числа, но за то тѣмъ разнообразнѣе пространныя свѣдѣнія о древнеегипетской естественной исторіи. Точныя изображенія домашнихъ животныхъ, четвероногихъ и птицъ того времени покрываютъ цѣлые простѣнки, и мы безъ устали слѣдимъ за странными рисунками. Мы узнаемъ различные виды рогатаго скота и козъ, которые и понынѣ составляютъ главную отрасль скотоводства въ Египтѣ, но мы не встрѣчаемъ лошади, верблюда и овцы, трехъ видовъ животныхъ которые были неизвѣстны въ пятомъ и четвертомъ тысячелѣтіи до нашей эры. Мы привѣтствуемъ въ качествѣ первоначальныхъ обитателей страны различные виды гусей, утокъ и голубей; намъ странно видѣть чапуру въ числѣ домашнихъ птицъ, но нигдѣ мы не встрѣчаемъ слѣда курицы, этой живой представительницы египетскихъ пернатыхъ нашего времени.

Далѣе мы видимъ изображеніе хорошо огороженнаго двора для помѣщенія вышеназванныхъ домашнихъ животныхъ, хлѣва, мѣста ихъ ночлега, прудовъ для купанья, — словомъ, всего ухода за ними, не исключая кормленія. Сидя на корточкахъ предъ гусемъ, египетскій пастухъ осторожно откры-

васть ему клювъ и влагаетъ въ него пищу, а рядомъ съ этимъ находится незатѣйливая надпись: „здѣсь кормятъ гуся“. Изображеніе утки поясняется словами: „здѣсь даютъ кормъ уткѣ“; лодъ голубемъ подписано: „онъ идетъ за пищей“; рядомъ со слугой бросающимъ зерно стоитъ пояснительный текстъ: „онъ четыре раза въ день даетъ кормъ“, и т. д. Надъ этими картинами прошлаго находится общая имъ всѣмъ надпись, поясняющая что эти изображенія указываютъ на обиліе скота принадлежавшаго умершему Ти, который радуется этому зрѣлищу.

Такого рода каменныя иллюстраціи, попадающіяся въ гробницахъ древнѣйшей исторической эпохи Египта и, смѣло можно сказать, всего человѣчества, имѣютъ высокое значеніе для изслѣдователя. Онѣ, въ самой доступной формѣ, служатъ ему иллюстрированнымъ словаремъ точнѣе и безошибочнѣе всякой другой письменной лѣтописи; помимо этого, онѣ даютъ важныя указанія на древнѣйшее появленіе и распространеніе домашнихъ животныхъ и, съ этой стороны, служатъ безцѣннымъ матеріаломъ для исторіи естествознанія.

Оставивъ позади себя эти изображенія и пройдя все пространство по направленію къ юго-западному углу залы, мы находимся въ началѣ узкаго хода. Каменные столбы, стоящіе около двери, носятъ ясные слѣды втулокъ и запоровъ. Узкій ходъ, ведущій къ настоящей могильной часовнѣ, запирался на замокъ. Даже этотъ корридоръ не былъ лишенъ изображеній и надписей. Мы видимъ большіе корабли съ распущенными парусами, другіе съ длинными рядами гребцовъ, направляющіеся къ некрополю съ тѣломъ умершаго и всѣмъ могильнымъ скарбомъ. На противоположной сторонѣ вниманіе наше останавливается на перевозкѣ статуй назначенныхъ для часовни. Надъ одною изъ нихъ находятся надписи: „эта статуя сдѣлана изъ колючей акаціи, она изображаетъ умершаго Ти“; „статую тянутъ, славно тянутъ!“; надъ другою мы читаемъ: „эта статуя сдѣлана изъ чернаго дерева, ее тянутъ!“ Обѣ фигуры стоятъ на деревянныхъ салазкахъ; на пути ихъ какой-то человѣкъ льетъ воду чтобъ не дать дереву воспламениться. Рядомъ съ этимъ мы видимъ надпись: „слуги льютъ воду“; это должно пояснить и безъ того уже легко понятное дѣйствіе. Мы вступаемъ наконецъ въ находящуюся на заднемъ планѣ главную комнату, которая выше предыдущихъ и поддерживается четырьмя каменными колоннами, покрытыми длинными, продольными надписями.

Въ юго-западномъ углу, на каменномъ пьедесталѣ, стояли статуи умершаго и его жены, которыя нынѣ составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній египетскаго музея въ Булакѣ, на берегу Нила. Какъ поражаетъ насъ видъ пространства въ которомъ мы находимся! Всѣ четыре стѣны покоя покрыты картинами, расположенными въ видѣ длинныхъ, находящихся одна надъ другою, полосъ; яркость красокъ ихъ такова что кажется будто они лишь вчера вышли изъ-подъ руки художника. И какое богатство поучительныхъ свѣдѣній изъ жизни первобытныхъ поколѣній открываютъ передъ нами эти простыя картины, какая наивность понятій скрывается въ сопровождающихъ ихъ пестрыхъ гіероглифическихъ текстахъ! Я постараюсь вкратцѣ передать то что̀ собственно, для полнаго разумѣнія, слѣдуетъ испытать самому при видѣ этихъ почтенныхъ, по своей старинѣ, картинъ, созданныхъ за шесть тысячъ лѣтъ.

Мы начнемъ обозрѣніе съ сѣверной стороны, и прежде всего увидимъ шествіе тридцати шести желтокожихъ женскихъ фигуръ, торжественно выступающихъ другъ за другомъ и несущихъ на головѣ, подобно Египтянкамъ нашего времени, деревянные, имѣющіе видъ ящика, сосуды, въ которыхъ находятся всевозможныя приношенія и дары. Загадка эта объясняется слѣдующею надписью: „эти женщины суть представительницы селеній, которыя входятъ въ составъ владѣній Ти въ верхнемъ и нижнемъ Египтѣ“. Достопочтенный Ти былъ богатый человѣкъ; это доказываетъ длинный рядъ символически изображенныхъ селеній, носящихъ каждое свое собственное названіе, названіе, въ составъ коего въ большинствѣ случаевъ взошло, какъ необходимое дополненіе, имя ихъ основателя Ти. Предъ нами эпоха когда еще лишь основывались города. Цари и частныя лица, какъ повѣствуютъ памятники, привлекали людей для поселенія въ основанныхъ ими мѣстахъ.

За симъ слѣдуютъ сцены изъ жизни животныхъ. Одинъ Египтянинъ ведетъ привязанныхъ на сворѣ двухъ молодыхъ собакъ, въ то время какъ уродливый карликъ водитъ гулять маленькую обезьяну. Собаки, карлики и обезьяны составляли увеселительный элементъ въ домашнемъ быту древнихъ Египтянъ; мы встрѣчаемъ ихъ во всѣхъ часовняхъ этого первобытнаго времени. Нѣсколько далѣе какіе-то люди готовятся унести на плечахъ ящикъ, а рядомъ съ ними двѣ фигуры,

прикорнувъ на землѣ, забавляются шахматною игрой. Игра эта не уступаетъ по древности самому Египту, она даже древнѣе его, такъ какъ сами египетскіе боги, равно какъ и обитатели царства мертвыхъ, издавна играли въ нее. Вѣдь гласитъ же преданіе что богъ Тоотъ, Гермесъ Египта, игралъ въ шахматы съ богиней луны и выигралъ у нея семидесятую долю всякаго дня въ году, изъ чего онъ, по здравому размышленію, образовалъ пять прибавочныхъ дней въ году. За этимъ слѣдуетъ пастушеская сцена; одна корова телится, другихъ тутъ же доятъ. Переднія ноги ихъ связаны, а телята, которые, высунувъ языки, тянутся къ отнимаемому у нихъ молоку, привязаны къ колючему кустарнику чтобъ они не мѣшали процессу доенія.

Нѣсколько далѣе мы видимъ разливающійся Нилъ; это переноситъ насъ приблизительно къ іюлю мѣсяцу. Каналы переполняются водой и разливаютъ ее на изсохшія поля. Всюду выростаетъ свѣжая зелень и высокіе камыши; и рыбаки, и птицеловы приступаютъ къ своему прибыльному промыслу. Въ сѣткообразныхъ западняхъ эти послѣдніе ловятъ безчисленное количество пернатыхъ: „эти птицы принадлежатъ Ти“, гласитъ надпись. Послѣ этого мы уже знаемъ въ чью пользу производилась ловля. Домочадцы ощипываютъ крылатыхъ гостей, приносимыхъ изъ значительнаго отдаленія наводненіемъ, которое составляетъ эпоху въ растительной жизни Египта, и заколотыя птицы развѣшиваются длинными рядами въ прохладномъ мѣстѣ дома. Рыбаки употребляютъ для своей работы сѣти, они дружно тянутъ веревки чтобы вытянуть на берегъ канала полную сѣть. Рядомъ съ этимъ стоятъ слова: „она приближается, давайте ее сюда!“ Лѣниво опирается на свою изогнутую палку надсмотрщикъ, „хозяинъ судовъ“, какъ поясняетъ надпись; онъ, не стѣсняясь, кричитъ людямъ: „вы точно обезьяны!“ Онъ отдаетъ дальнѣйшія приказанія и получаетъ въ отвѣтъ: „твое приказаніе исполнено“. Другой отвѣчаетъ ему еще положительнѣе: „оно исполняется превосходно“. „Ловля была хороша,“ говоритъ надпись, находящаяся надъ грудой разложенной рыбы; вторая ловля была не менѣе удачна: „приближается, тащите, что̀ за дивная ловля, сколько рыбы въ сѣтяхъ!“ разъясняетъ намъ дѣло ближайшій текстъ.

Для пастуха эпоха наводненія весьма неудобная пора. Онъ не можетъ перейти въ бродъ покрывающую поля воду. Сидя

въ легкой лодкѣ, онъ движется впередъ, опираясь на длинный шестъ, въ то время какъ рогатый скотъ стоитъ по горло въ водѣ. Бѣдный теленокъ, который не чувствуетъ уже твердой почвы подъ ногами, безжалостно тащится на веревкѣ сидящимъ въ лодкѣ пастухомъ. Къ довершенію, въ ближайшемъ сосѣдствѣ находятся два громадные крокодила, которые угрожаютъ очевидною опасностью измученному теленку. На высокомъ сухомъ берегу пастуховъ ожидаетъ ворчливый старикъ, опираясь на свою палку. Ближайшій къ нему лодочникъ кричитъ ему: „ты бы самъ пошелъ на воду.“ Старикъ отвѣчаетъ: „не теряй лишнихъ словъ!“ Дѣло идетъ, кажется, о какомъ-то упрекѣ.

Слѣдующія за симъ картины переносятъ насъ въ природу августа и сентября. Вода достигла высшей точки, тростникъ и болотныя растенія по берегу каналовъ высоко поднялись въ воздухѣ; въ густой зелени скрываются весело щебечущія птицы, а сидящіе въ гнѣздахъ птенцы широко разѣваютъ желтые свои клювы, прося пищи. Однако имъ угрожаетъ опасность, ибо, навостривъ ухо и съ хитростью во взорѣ, скрывается въ тростникѣ готовый къ нападенію египетскій ихневмонъ.

Ти не желаетъ долѣе лишать себя водяныхъ забавъ. Какъ человѣкъ высокаго званія, онъ изображенъ великаномъ сравнительно съ подчиненными ему лицами; вѣдь „онъ великъ, а они малы“, это долженъ сумѣть ясно представить умный египетскій художникъ. Съ неизбѣжною, внушающею уваженіе палкой въ рукахъ, стоитъ Ти на своей баркѣ; двѣ другія лодки приняли въ себя болѣе мелкій людъ; всѣ спѣшатъ на рыбную ловлю и водяную охоту, такъ какъ „судохозяинъ“ и „смотритель надъ плотинами“ приготовили своему господину настоящее празднество. Посредствомъ веревки, безъ помощи палки, ловятся угри, оксиринхосы и другіе безвредные обитатели водъ. Гораздо опаснѣе водяная охота, въ которой гиппопотамъ и крокодилъ борятся другъ съ другомъ, пока первый не обхватитъ послѣдняго поперекъ туловища. Одна партія удитъ громаднаго гиппопотама кольцеобразными металлическими крюками, прикрѣпленными къ тремъ крѣпкимъ веревкамъ изъ пальмовой мочалы, между тѣмъ какъ другая пронзаетъ его толстую шкуру остроконечною острогой. Охота имѣетъ видъ смѣлый и отважный, и намъ казалось бы что такой важный вельможа какъ Ти долженъ бы болѣе заботиться о своей драгоцѣнной жизни.

Постепенно воды вступаютъ въ свое прежнее русло. Поселяне, привязавъ свою одежду на плеча въ видѣ котомки, переходятъ въ бродъ затопленныя поля, убывающая вода которыхъ только по брюхо коровамъ. Наконецъ отъ всего наводненія на поляхъ остается лишь плодоносный черный илъ, который немедленно затаптывается стадами козъ. Животныя эти понуждаются къ наступательному движенію двоякимъ способомъ: сзади ихъ подгоняютъ поднятымъ кнутомъ, спереди манятъ корзиной съ кормомъ. А надпись гласитъ: „вотъ какъ любятъ трудъ.“ Полевыя работы начинаются; крестьяне копаютъ землю, волы тащатъ плугъ, работники подгоняютъ ихъ посредствомъ поднятой палки; въ лужахъ, окружающихъ поля, безъ большаго труда ловятъ оставшуюся рыбу рыбачьимъ кузовомъ. Каналы, по краямъ которыхъ растутъ водяныя лиліи и кувшинчики, изобилуютъ еще водою; гребцы на лодкахъ начинаютъ между собою на узкомъ водяномъ пространствѣ драку, поясняемую текстами. Они сильно ударяютъ другъ друга веслами; одинъ изъ нихъ говоритъ своему противнику: „ты грубъ, а я такъ кротокъ.“ Грубость лодочниковъ видна не только изъ сцены драки, но и изъ сопровождающихъ ее текстовъ. Этимъ завершается сѣверная стѣна, на которой изображено болѣе ста тридцати однихъ мужскихъ фигуръ.

Восточная стѣна, не менѣе богатая, покрыта десятью рядами картинъ, представляющихъ сцены земледѣлія и жатвы. Здѣсь сѣютъ и сажаютъ, здѣсь жнутъ пшеницу коротким египетскимъ серпомъ, связываютъ снопы и навьючиваютъ ихъ на спину ословъ, торопливо прибѣгающихъ, что̀ поясняетъ находящаяся надъ ними надпись: „всѣ любятъ проворныхъ и наказываютъ лѣнивыхъ; итакъ торопитесь.“ Снопы собираются въ большія груды; молотьбу производятъ волы и ослы, морды которыхъ свободны. Въ одной изъ гробницъ древнѣйшей эпохи встрѣчается молотильная пѣсня, которая вложена въ уста погонщика воловъ и звучитъ слѣдующимъ образомъ:

„Молотите волы,
Молотите волы,
Молотите же!
Молотите себѣ солому,
Хозяину зерно,
Не уставайте,
Не уставайте!“

Въ молотьбѣ принимаютъ также участіе ослы, погоняемые двумя мущинами, но очевидно что они очень неловки, такъ какъ одинъ изъ погонщиковъ говоритъ своему сосѣду-ослу: „Ахъ! еслибъ ты только могъ видѣть что̀ ты дѣлаешь!“ Зерно сгребается въ кучу и просѣвается; токъ выметается до̀чиста; это ужь дѣло женщинъ. Всѣ эти сцены, въ которыхъ принимаютъ участіе человѣкъ до ста, постоянно поясняются надписями, наивный тонъ коихъ ясно виденъ изъ слѣдующихъ примѣровъ. Надъ лицами, занятыми молотьбой, стоятъ, напримѣръ, слѣдующія слова: „Это вотъ молотьба; кто ею занимается остается кроткимъ, и я дѣйствительно таковъ!“ Далѣе мы читаемъ: „Это вотъ молотьба; говорю вамъ, займитесь ею во̀-время!“

Дальнѣйшія картины переносятъ насъ въ позднѣйшіе мѣсяцы года, когда, послѣ наводненія и по окончаніи полевыхъ работъ, наступаетъ время спокойнаго занятія ремеслами. Здѣсь изъ сочетанія картинъ и надписей еще разъ образуется полнѣйшій иллюстрированный лексиконъ, и внимательный изслѣдователь имѣетъ возможность подробно и основательно познакомиться съ древнѣйшими въ мірѣ цехами и съ тѣми инструментами которые въ древности употреблялись при различныхъ ремеслахъ. Во главѣ всего стоитъ почтенный плотникъ, работа котораго, начиная съ рубки дерева и кончая производствомъ изящной мебели, наглядно представлена въ картинахъ. Неприхотливые инструменты суть слѣдующіе: топоръ, пила, деревянный молотокъ, рѣзецъ, гладило и буравъ. Этимъ дѣлается все: рубится дерево, стругается бревно, строится корабль. За этимъ цехомъ ремесленниковъ слѣдуютъ на южной стѣнѣ: ваятель изъ дерева и камня, живописецъ, токарь, полировщикъ, выдувальщикъ, кожевникъ и башмачникъ.

Послѣдняя картина на той же южной стѣнѣ даетъ намъ точное понятіе о состояніи скотоводства и о служащихъ по управленію помѣстьями Ти. Наряду съ волами, козами, ослами, гусями, утками, голубями и чапурами, мы встрѣчаемъ газель, каменнаго барана и антилопу въ числѣ домашнихъ животныхъ. Писцы записываютъ цифру этого движимаго имущества и подводятъ пастуховъ и слугъ къ своему господину. Невдалекѣ мясники закалываютъ быковъ, и, какъ всегда, надписи объясняютъ этотъ актъ. Нерѣдко все это переплетается наивными діалогами. Надъ двумя лицами, которыя заняты закалываніемъ, стоятъ слова: „вотъ это мясники“.

Одно лицо говоритъ: „держи же!“ другое отвѣчаетъ: „я это и такъ дѣлаю!“ Лишь на послѣдней стѣнѣ, на западной, гдѣ находится мѣсто захожденія солнца, религіозный элементъ впервые вкрадывается въ составъ изображеній и текстовъ. Здѣсь нарисована дверь, изображающая закрытыя для живущихъ врата подземнаго царства. Простая надпись, обращенная къ смотрителю могилы Анубису, поручаетъ умершихъ его покровительству. За симъ слѣдуютъ изображенія искупительныхъ жертвъ,

Маленькая комнатка, расположенная на югъ, рядомъ съ корридоромъ ведущимъ въ главную залу, только что мною описанную, даетъ намъ наглядное понятіе о древне-египетской кухнѣ и погребѣ. Здѣсь все начинается *ab ovo:* гончаръ изготовляетъ и обжигаетъ свои горшки, пекарь мѣситъ и печетъ хлѣбъ, поваръ усердно стрялаетъ въ новой посудѣ, и тутъ же длинными рядами наставлены кружки вина и ячменнаго взвара.

Если мы изслѣдуемъ тайную причину, которая въ ту отдаленную эпоху человѣческой исторіи побуждала древнѣйшихъ обитателей долины Нила украшать такими странными картинами стѣны не только описываемой нами, но и другихъ современныхъ часовень, то возникаетъ предположеніе что причина эта крылась въ желаніи дать понятіе грядущимъ поколѣніямъ о первыхъ завоеваніяхъ человѣчества на пути культуры и нравственнаго усовершенствованія. Человѣкъ только-что перешелъ отъ первобытной простоты къ началамъ цивилизаціи, и онъ уже съ гордостью указываетъ на результаты своихъ мирныхъ побѣдъ надъ одушевленною и неодушевленною природой въ многочисленныхъ надписяхъ; онъ приглашаетъ потомство принять участіе въ его собственной радости, при видѣ его торжества надъ окружающею его дѣйствительностью. А видѣть въ то время, даже по смыслу языка, значило то же самое что̀ любоваться. Величайшимъ дѣяніемъ той эпохи можно почитать богатое убранство могильныхъ сооруженій. Это наглядный архитектурный документъ, который положенъ въ гробницу какъ памятникъ современной ему эпохи. Ни единое число, ни единая историческая ссылка не опредѣляетъ времени къ которому относятся могилы, лишь картины на стѣнахъ должны обезсмертить минувшіе вѣка съ ихъ начинаніями. Если попадаются имена царей, то совершенно случайно, при наименованіи титула умершаго, если дѣло

касалось царя, которому, въ качествѣ жреца пирамидъ, оказывались божескія почести, или для опредѣленія степени родства умершаго съ царствующимъ домомъ.

Какъ все измѣнилось двѣ тысячи лѣтъ спустя! Прежніе обитатели Мемфиса вымерли, новая цивилизація разцвѣла на югѣ, и блестящимъ центромъ ея сдѣлались Ѳивы. Войны и торговля вызвали дѣятельныя международныя сношенія, новыя идеи получили доступъ,—словомъ, на развалинахъ древняго царства возникло новое. Даже самый внѣшній видъ человѣка измѣнился; дородный, коренастый Египтянинъ временъ пирамидъ превратился въ тонкую, стройную фигуру.

Разстанемся съ древнимъ Мемфисомъ и поплывемъ вверхъ по рѣкѣ, по направленію къ новому царству, оставивъ за собой въ горныхъ пещерахъ праваго и лѣваго берега средняго Египта могилы древняго царства и переходной поры новаго, и причалимъ къ западному берегу Ѳивъ, въ виду богатыхъ могилами горъ Гурна и Мединетъ-Абу. Мы взойдемъ на вершину ихъ, и на западномъ склонѣ известковаго горнаго хребта увидимъ могилу возлѣ могилы, пещеру возлѣ пещеры; все это такъ художественно задумано и выполнено что даже попавшіе Арабы и европейскіе ученые избираютъ эти мѣста для своего жилья. Пространный, обыкновенно полуразрушенный дворъ ведетъ чрезъ нынѣ открытую, въ былые же дни запертую дверь къ могильной часовнѣ, и предъ нами ясно выступаетъ все различіе новой и старой эпохи. Пятое и четвертое тысячелѣтіе замѣнено третьимъ и вторымъ. Намъ попадаются пространные тексты, обращенные къ божествамъ страны, преимущественно къ судьѣ мертвыхъ Озирису, чтобъ испросить ихъ милосердіе къ умершимъ. Около боковой стѣны воздвигнуто что-то въ родѣ памятника, съ обозначеніемъ имени, званія и фамиліи умершихъ, между тѣмъ какъ историческія воспоминанія изъ ихъ жизни покрываютъ, въ видѣ картинъ и письменъ, скалистыя стѣны. Старыя картины семейнаго быта исчезли, какъ слишкомъ обыденныя; мѣсто ихъ, въ занимающую насъ эпоху, заступили безчисленныя явленія внѣшняго міра; они доказываютъ намъ что кругозоръ расширился, что человѣкъ сдѣлался многосторонѣе. Языкъ, далекій отъ той наивности въ формѣ и выраженіяхъ которая составляетъ общее правило въ старыхъ мемфисскихъ

могилахъ, сдѣлался богаче, правильнѣе, изысканнѣе, форма употребляется искусственная, поэтическая, параллельность отдѣльныхъ частей и созвучіе періодовъ часто напоминаютъ родственную поэзію Евреевъ.

Между главными надписями прежде всего выступаютъ тѣ которыя обращены къ посѣщающимъ могилу лицамъ, все равно принадлежатъ ли они къ современникамъ или потомкамъ. Обыкновенно общепринятая формула открываетъ этотъ длинный рядъ текстовъ, приглашая всѣхъ свѣдущихъ въ грамотѣ лицъ, разныхъ званій и сословій, остановиться и съ честью помянуть покойнаго. Я приведу здѣсь въ буквальномъ переводѣ нѣсколько отрывковъ этого рода надписей:

„О, вы, великіе мужи, пророки, жрецы, храмовые пѣвчіе, и вы всѣ, которые будете жить милліоны лѣтъ послѣ меня, если кто изъ васъ отречется отъ моего имени и предпочтетъ ему свое собственное, то богъ накажетъ его, уничтожитъ память о немъ на землѣ; если же кто, при видѣ этого памятника, воздастъ имени моему хвалу, то божество наградитъ его тѣмъ же самымъ!“

Такъ гласитъ надпись на памятникѣ одного достойнаго Абиденца. Другая, болѣе краткая, заключаетъ въ себѣ слѣдующій призывъ:

„О, вы всѣ, живущіе на землѣ, жрецы, храмовые пѣвчіе, пророки, когда вы приблизитесь къ этому памятнику, то воздайте хвалу и честь вашему богу и при этомъ сотворите молитву о блаженномъ Уака.“

Другая надпись возвѣщаетъ:

„О, вы, живущіе на землѣ, помолитесь обо мнѣ, поминая при этомъ мое имя, такъ какъ человѣкъ живетъ еще, если не угасла о немъ молва; дайте же мнѣ пожить въ вашей памяти!“

Нерѣдко умершимъ вкладываются въ уста пожеланія чтобы потомкамъ благочестивыхъ посѣтителей хорошо жилось на свѣтѣ. Это мы видимъ изъ слѣдующаго примѣра:

„О, вы, живущіе на землѣ, всѣ ученые, всѣ жрецы, пророки и т. д., при видѣ этого камня воздайте честь и хвалу божествамъ вашей страны; да перейдетъ вашъ санъ къ вашимъ дѣтямъ, и да будете вы сами долголѣтни на землѣ. Теперь же помолитесь обо мнѣ,“ и т. д.

Зачастую общія выраженія привѣтствія разнообразятся слѣдующею вводною фразой: „вы, которые еще пользуетесь

жизнію и не знаете смерти". Въ основѣ всѣхъ этихъ примѣровъ находится желаніе чтобы посѣтитель помянулъ покойнаго молитвой, если онъ только любитъ Бога и хочетъ продолжать жить на землѣ въ лицѣ своего потомства.

Этотъ древній обычай приглашать посѣтителя, при вступленіи его въ гробницу, помянуть покойнаго перешелъ изъ временъ язычества въ христіанскую эпоху; я посѣтилъ многія могилы христіанскихъ отшельниковъ первыхъ вѣковъ и видѣлъ краткія надписи, выведенныя красною или черною краской на скалистой стѣнѣ, которыя выражали ту же мысль. „Я бѣдный NN, вспомните обо мнѣ, помолитесь за меня!" Вотъ лаконическій, грустный призывъ, который составляетъ единственную эпитафію изъ первыхъ временъ христіанства въ Египтѣ.

Сверхъ того могилы той эпохи, которую я для характеристики назвалъ ѳивскою, заключаютъ въ себѣ нѣчто въ родѣ жизнеописанія, гдѣ рѣчь ведется какъ бы отъ лица умершаго. Здѣсь выводятся отдѣльныя черты изъ его жизни чтобы, часто въ трогательной формѣ, передать потомству слухъ о прекрасныхъ качествахъ и добродѣтели восхваляемаго лица. Отовсюду на насъ вѣятъ гуманныя идеи, и духовная жизнь Египтянъ является предъ нами въ невѣданномъ доселѣ яркомъ свѣтѣ.

Слѣдующая надпись, заимствованная мною изъ могилы близъ Бени-Гассана, и происхожденіе коей относится къ срединѣ третьяго тысячелѣтія до нашей эры, можетъ служить доказательствомъ и примѣромъ всего вышесказаннаго. Послѣ краткаго историческаго вступленія, въ которомъ умершій указываетъ на свои заслуги, какъ намѣстника ввѣренной ему области, онъ продолжаетъ: „Я не угнеталъ сына бѣдняка, не притѣснялъ вдовы, не тревожилъ рыбака, не изгонялъ пастуха, нѣтъ такого хозяина у котораго я отнялъ бы работника, въ темницахъ не томились заключенные, въ мое время не было голодныхъ. Въ неурожайные годы поля ввѣренной мнѣ области были обработаны съ южной до сѣверной границы. Я давалъ пищу обывателямъ, я кормилъ ихъ; у меня не было ни одного голоднаго. Я одѣлялъ вдову наравнѣ съ хозяйкой дома, я не оказывалъ предпочтенія богатому предъ бѣднымъ!" Другой умершій хвалится тѣмъ что „не отнималъ ребенка у матери, у жены бѣдняка-мужа". Третій, наконецъ, сообщаетъ что былъ „отцомъ престарѣлыхъ, братомъ

молодыхъ и никогда не былъ ненавистникомъ людей". Въ изысканныхъ выраженіяхъ нѣкій Петарпократъ вѣщаетъ со своего льедестала:

„О, всѣ вы, живущіе на землѣ, всѣ вступающіе въ эту часовню, всѣ вы, которые знакомы съ совершенствомъ частей свѣта, всѣ писцы, упражняющіеся въ грамотѣ, и всѣ живущіе согласно волѣ божіей, внемлите моей рѣчи, да не будетъ вамъ это тяжело. Узрите во мнѣ образецъ благотворителя и человѣка, который шелъ по стезѣ указанной ему богомъ. Я упражнялся въ дѣлахъ справедливости и ненавидѣлъ ложь. Я одѣлялъ хлѣбомъ голоднаго, водой жаждущаго, одеждою нагаго, постелью не имѣющаго крова. Я дѣлалъ людямъ то что̀ желалъ бы видѣть отъ нихъ", и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ умершій говоритъ слѣдующее:

„Вы всѣ, вступающіе въ эту гробницу, всѣ, которые достигли до этой часовни, которые зрите этотъ надгробный памятникъ, остановитесь и внемлите рѣчамъ устъ моихъ и повторяйте ихъ безъ устали. Я любилъ своего отца, уважалъ мать, радовалъ братьевъ; я былъ другомъ своихъ сосѣдей, благодѣтелемъ всѣхъ обывателей города. Я давалъ хлѣба голодному, воды жаждущему, одежду нагому. Я питалъ священныхъ животныхъ и приносилъ имъ масло и одѣянія. Я гостепріимно встрѣчалъ странствующаго господина и его слугу; двери мои были открыты всякому пришельцу, я ему давалъ все что̀ необходимо для жизни. Господь милостиво взглянулъ на меня и наградилъ меня за все что̀ я сдѣлалъ. Онъ даровалъ мнѣ долгія, счастливыя лѣта на землѣ; многочисленная семья сидѣла у ногъ моихъ, сынъ около своего сына, въ тотъ день когда я отошелъ къ вѣчности."

Если эти тексты какъ будто посвящаютъ насъ во внутрéнній бытъ древнихъ Египтянъ, то другія надписи, сопровождаемыя нерѣдко очень обстоятельными изображеніями, посвящены исключительно описанію внѣшнихъ событій, не исключая самого погребенія. Походы, всевозможныя почести, путешествія и приключенія составляютъ поучительный сюжетъ этихъ стѣнныхъ картинъ. Описаніе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко; мы ограничимся лишь нѣкоторыми краткими указаніями.

Квинтъ-эссенцію всѣхъ могильныхъ текстовъ этой эпохи составляютъ имѣющіе высокое значеніе гимны въ честь божества страны. Здѣсь исчерпывалось все что̀ по смыслу и формѣ языка могло быть выражено возвышеннаго въ понятіяхъ и представленіяхъ. Высшимъ символомъ невѣдомаго Бога

почиталось солнце, источникъ свѣта и жизни, въ противоположность тьмѣ, этому вѣчному врагу свѣта и добра. Духъ — это свѣтъ, знаніе — это свѣтлое, блестящее зарожденіе; смерть— это просвѣтлѣніе, когда побѣждена уже ея мрачная сторона. Свѣтъ имѣлъ свое воплощеніе въ Хорѣ, или утреннемъ солнцѣ, и въ Атумѣ, или вечернемъ солнцѣ. Мракъ вступаетъ въ ежедневную борьбу съ божествомъ свѣта; символомъ его служитъ змѣя Алофисъ, которая ежечасно силится противудѣйствовать движенію впередъ чистаго солнечнаго свѣта, но побѣждается въ борьбѣ со свѣтомъ. Просвѣтленныя души принимаютъ участіе въ борьбѣ и наслаждаются близостью торжествующаго источника свѣта. Эти мысли, выраженныя въ болѣе пространной формѣ, составляютъ содержаніе хвалебныхъ пѣсенъ; для образца я предлагаю переводъ одного гимна къ солнцу, заимствованнаго изъ четырнадцатаго столѣтія. Пѣсня эта открывается словами:

„Хвала тебѣ, солнце, создавшее всѣхъ насъ человѣковъ, хвала вамъ, Атумъ и Хоръ, боги обоихъ горизонтовъ; хвала тебѣ, о божество живущее одною лишь правдой; создавшее все въ мірѣ, и животныхъ, и человѣка! Въ свѣтломъ своемъ окѣ проявляетъ все свое величіе повелитель неба, властелинъ всѣхъ земныхъ существъ, верховный вождь, создатель всѣхъ боговъ, небесный царь, стоящій во главѣ небесныхъ полчищъ, самъ отъ себя создавшійся, единый въ двухъ лицахъ, безустанно творящій съ первыхъ временъ существованія вселенной. Тебя, о Атумъ, прославляютъ всѣ боги, какъ создателя безгрѣшной души человѣка, творца чудесной пальмы; всѣ видятъ въ тебѣ средоточіе любви, изливающее ее на всѣхъ земнородныхъ. Я восхваляю тебя подъ вечеръ моей жизни, когда погружаюсь съ тобою во мракъ, въ надеждѣ возрожденія къ новой жизни. Весело несутся солнечныя ладьи, пробѣгая съ тобой волны океана, и твои слуги утопаютъ въ наслажденіи. Свѣтъ твоихъ очей поражаетъ твоего врага и преграждаетъ путь змѣѣ Алофисъ. Какъ величественно твое разставанье съ землей въ минуту вечерней зари! Въ ту пору ты уже свѣтишь благому божеству подземнаго міра, властелину надъ временемъ; твои лучи освѣщаютъ лица мертвыхъ, созерцающихъ тогда все твое величіе. Они воздымаютъ къ тебѣ руки, слагая тебѣ хвалу; тѣ же изъ нихъ, которые уже достигли зала, приходятъ въ восхищеніе при твоемъ свѣтломъ приближеніи; ихъ глаза снова раскрываются, сердце снова радостно бьется, завидѣвъ тебя. Ни одно божество не можетъ само собой создаться,—имъ всѣмъ даешь ты жизнь. Восходишь ты на небосклонъ, и умолкаютъ всѣ печали ихъ; ты сходишь внизъ и нѣжно ихъ ласкаешь. Они хвалятъ приходъ твой и простираютъ длани къ твоей ладьѣ. Всегда величественъ вечерній твой закатъ, о, солнце! Подай же мнѣ, чтобъ и мой духъ имѣлъ

общеніе съ богами, чтобы свѣтъ ихъ славы падалъ на меня, чтобы вмѣстѣ съ ними могъ я созерцать тебя, когда, просвѣтленные и совершенные, предстоятъ они предъ лицомъ бога создавшаго все доброе, все благое на землѣ."

За этимъ слѣдуетъ литературное примѣчаніе на самомъ памятникѣ, указывающее что гимнъ этотъ составленъ сыномъ умершаго, храмовымъ писцемъ Аферумомъ.

Свѣтъ, всегда и вездѣ свѣтъ, который призывалъ на смертномъ одрѣ великій нѣмецкій поэтъ, вотъ что въ тысячѣ гимнахъ, сохранившихся въ египетскихъ гробницахъ, составляетъ предметъ восторженныхъ дифирамбовъ. Узрѣть свѣтъ озаряющій боговъ, которые сами произошли изъ него, сотворены имъ, значило стоять лицомъ къ лицу съ вѣчною истиной, значило достигнуть цѣли всѣхъ стремленій. Видимое на землѣ солнце было только символомъ, оно, по ихъ понятіямъ, было „окомъ бога", вѣчнаго невидимаго свѣта.

По этой самой причинѣ земная жизнь считалась Египтянами чѣмъ-то ничтожнымъ; она служила только преддверіемъ вѣчности. Глубокая могила открывала доступъ къ свѣту, вотъ почему съ такою расточительностью украшались надгробные памятники. Города древнихъ Египтянъ, дворцы ихъ царей разрушены и забыты, лишь однѣ гробницы, эти сооруженія въ память отжившихъ поколѣній, устояли вмѣстѣ съ храмами отъ разрушительнаго вліянія времени чтобы дать намъ, позднѣйшимъ потомкамъ, ясное понятіе о томъ какъ въ эту сѣдую старину человѣческій умъ добивался разрѣшенія высшихъ вопросовъ бытія.

Вплоть до осьмаго и девятаго столѣтія до Р. Х. гробовыя надписи проникнуты этимъ духомъ, глубина котораго, при посѣщеніи моемъ этихъ оспротѣвшихъ гробницъ, приводила меня въ умиленіе и въ восторгъ. Мысль что земной, видимый нами ежедневно на небосклонѣ свѣтъ столько же есть символъ Бога, чистаго духовнаго свѣта другаго міра, сколько и картина нашей собственной земной жизни,—эта мысль изстари была священна и въ послѣдствіи подверглась чудному историческому возрожденію въ опредѣленіи безыменнаго Бога, „я тотъ, который есмь", опредѣленіи, коимъ законодатель избраннаго народа Божія силился человѣческимъ языкомъ опредѣлить сынамъ Израиля сущность и имя Божества.

Новый міръ зародился съ возникновеніемъ Греціи. Добытая и завоеванная путемъ продолжительной борьбы, передаваемая

изъ рода въ родъ, въ теченіи тысячелѣтій, древняя мудрость Востока угасла постепенно, передавъ свой свѣточъ древней Элладѣ, гдѣ онъ озарилъ вторую эпоху человѣческаго развитія и увѣнчалъ геній человѣчества неувядаемымъ, лучезарнымъ вѣнцомъ. Древняя мудрость уступила долго занимаемое ею мѣсто философскому мышленію. Если эллинскій духъ преобразовалъ древнюю мудрость въ міросозерцаніе основанное на философскихъ началахъ, если онъ, подъ обломками и страданіями тяжело боровшейся эпохи проложилъ дорогу къ просвѣщенію и наукѣ нашего времени, то тѣмъ не менѣе одно осталось попынѣ неизмѣннымъ, а именно то чего такъ жадно добивался человѣкъ жившій за нѣсколько тысячъ лѣтъ на берегахъ Нила,—стремленіе къ свѣту.

Но новый эллинскій духъ глубоко проникнулся предъ старинною мудростью древнихъ Египтянъ. Могила перестала быть священными вратами, за которыми слѣдовало радостное воскресенье къ свѣту; она сдѣлалась мѣстомъ у входа котораго останавливалась радость, и гдѣ какъ бы находились слова, сказанныя италіянскимъ поэтомъ: „вы всѣ, вступающіе сюда, оставьте за собой надежду“. Міръ могилъ превратился въ обиталище скелетовъ, и египетскіе памятники покрыты жалобами объ утраченной жизни. Для образца, я, между многими примѣрами, выберу слова написанныя на памятникѣ изъ временъ Птоломеевъ и вложенныя въ уста умершей жены.

„О, братъ, о, супругъ, о, другъ мой (такъ обращается она къ мужу своему, знатному Египтянину), ѣшь и пей безпрестанно, не отнимай отъ своихъ устъ кубка радости, наслаждайся любовью и веселыми пирами, исполняй всѣ свои желанія и не допускай до себя заботы, сколько бы ты лѣтъ ни жилъ на землѣ. Ибо западъ есть страна тяжкой дремоты и мрака, это грустное мѣстопребываніе для всѣхъ находящихся въ немъ. Всѣ эти безтѣлесныя существа дремлютъ, они не пробуждаются къ свиданію съ братьями, они не узнаютъ ни отца, ни матери, сердце ихъ не рвется къ женѣ и дѣтямъ. Все живущее утоляетъ жажду животворящею водой, лишь я одна изнываю. Она течетъ къ тѣмъ которые живутъ еще на землѣ, во мнѣ же возбуждаетъ только жажду. Я не знаю болѣе гдѣ я съ тѣхъ поръ какъ поселилась въ этой странѣ. Я тоскую по той водѣ которой лишена. Я томлюсь въ ожиданіи вѣтерка, дующаго надъ рѣкой, который успокоилъ бы мое горестное сердце. Здѣсь властвуетъ богъ, имя которому *общая смерть*. Онъ призываетъ всѣхъ, и всѣ трепеща подчиняются ему. Никого онъ не удостоиваетъ взгляда, ни человѣка, ни божества; великій и малый равны предъ его лицомъ. Всѣ боятся возсы-

лать къ нему мольбы, потому что онъ никого не слушаетъ. Никто не воздастъ ему хвалы, ибо онъ не оказываетъ милосердія восхваляющему его. Онъ не взираетъ ни на какую жертву приносимую ему."

Слова этого текста достаточно подтверждаютъ сказанное мною выше. Это уже не дифирамбическій порывъ вдохновенныхъ гимновъ къ свѣту, не стремленіе къ сліянію съ просвѣтленными душами другаго царства, это скорѣе горькая тоска объ утраченной жизни и сожалѣніе о потерѣ яркаго дневнаго свѣта и радостей земнаго бытія. Этимъ воззрѣніемъ объясняется странный разказъ Геродота о современныхъ ему египетскихъ пиршествахъ (около 450 г. до Р. Х.). Во время ихъ въ комнату приносили искусно поддѣланную мумію, причемъ обращались къ каждому гостю со слѣдующими словами, призывающими къ наслажденію жизнью: „пей и веселись, взглянь на это, такимъ и ты будешь послѣ смерти". Во всѣхъ могилахъ Египта, принадлежащихъ доброму старому времени, мы встрѣчаемъ величавое спокойствіе и, если можно такъ выразиться, завидное достоинство во всемъ что̀ касается представленія о смерти и о загробной жизни. Нигдѣ не выражается жалобы или горя, и если живущіе и оплакиваютъ умершихъ, то надписи нѣмы на этотъ счетъ и не заключаютъ никакихъ указаній на скорбь объ утратѣ жизни и на желаніе возвратиться къ земному бытію.

Съ греческимъ міросозерцаніемъ, философское сомнѣніе было брошено въ древній міръ, и оно подкопалось подъ наслѣдственную мудрость старыхъ вѣрованій, которыя, передаваясь изъ рода въ родъ въ теченіе тысячелѣтій, казалось, пережили сами себя. Но исторія вселенной отомстила за свое право. Когда новое ученіе о воскресеніи возвѣстило блаженство небеснаго Іерусалима, когда апостолы этого ученія разсѣялись по всему міру, они встрѣтили первыхъ и искреннѣйшихъ послѣдователей въ Египтѣ; проповѣдь Христа исполнила то что̀ за нѣсколько тысячъ лѣтъ предъ тѣмъ сулили надгробные памятники, съ ихъ надписями, хотя пути къ достиженію цѣли сдѣлались иными. Кровь тысячи мучениковъ обагрила волны священной рѣки Нила, и еще понынѣ тѣла этихъ египетскихъ поборниковъ вѣры покоятся въ старыхъ гробницахъ ихъ праотцевъ, куда втайнѣ положила ихъ рука любящихъ послѣдователей и учениковъ, чтобы скрыть ихъ отъ преслѣдованія враговъ. Путешественникъ видитъ и

понынѣ на старыхъ гробницахъ простыя надписи, высѣченныя въ скалѣ или написанныя красками на стѣнахъ древнеязыческихъ храмовъ и могильныхъ часовень,—надписи, которыя сохранили память о мученикахъ за вѣру до нашихъ дней. Здѣсь они мирно покоятся вмѣстѣ съ прахомъ ихъ предковъ, отойдя въ вѣчность съ надеждой на спасеніе посредствомъ вѣры, въ то время какъ эти послѣдніе почили въ надеждѣ на сліяніе съ вѣчнымъ свѣтомъ путемъ добродѣтели.

Разстанемся съ могильнымъ міромъ Египтянъ, который мы обозрѣли съ отдаленнѣйшихъ временъ вплоть до распространенія христіанства, съ твердою увѣренностію что это древнее племя, эти основатели первѣйшей цивилизаціи, жили недаромъ, что они честно и добросовѣстно выполнили свое назначеніе въ исторіи человѣчества. Многократно выраженное на могильныхъ памятникахъ желаніе чтобы сохранилось до позднѣйшихъ временъ воспоминаніе о праотцахъ, чтобы не пришлось имъ умереть вторично смертью забвенія, это желаніе исполнилось въ буквальномъ смыслѣ. Голосъ доносящійся до насъ, какъ голосъ призрака, изъ могилъ Египта, послѣ многихъ тысячъ лѣтъ не умолкъ: онъ воплотился въ каменномъ словѣ.

Да будетъ дозволено мнѣ надѣяться что моему слабому изложенію удалось быть вѣрнымъ толкователемъ этого могильнаго голоса.

ПОДСПУДНЫЯ СИЛЫ*

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIX.

Предъ широкимъ теченіемъ народныхъ, міровыхъ событій кажутся мелкими, ничтожными узенькіе ручейки жизни отдѣльныхъ лицъ; волль человѣка вырвавшійся отъ своей личной боли во время народной, земской бѣды напоминаетъ плачъ ребенка раздавшійся во время пролювѣди.

Война была въ разгарѣ; Крымъ наводненъ былъ Французами, Англичанами; Кронштадтъ, Петербургъ ждали на весну блокады. Севастополь еще держался, благодаря геройству нашихъ войскъ; Россія съ сердечнымъ трепетомъ слѣдила за ходомъ осады и военныхъ дѣйствій. Не одна мать, жена, съ замираніемъ сердца пробѣгала первыя страницы газетъ, гдѣ помѣщались исключенные не изъ однихъ служебныхъ, но и изъ жизненныхъ списковъ. Читая геройскіе подвиги знакомыхъ, какъ-то не вѣрилось: „неужели это тотъ самый, добродушный, скромный человѣкъ, котораго видали мы въ семьѣ, въ кругу пріятелей, на бульварѣ, въ оперѣ? Неужто эти чудеса мужества, эти подвиги неслыханнаго терпѣнія творятся тѣми самыми солдатами которые ходили бывало въ караулы,

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 2, 3, 4 и 5.

не выказывая никакихъ особенныхъ признаковъ храбрости?“ Да; это въ нихъ, въ тѣхъ самыхъ людяхъ, событія вызвали хранившіяся до поры до времени подъ спудомъ великія душевныя силы; это они, тѣ самые солдаты, ходятъ на вѣрную смерть съ молитвою и русскою пѣсней. А эта пѣсня, это тотъ самый звукъ, та искра которая вылетѣла, помните, изъ-подъ смычка русскаго музыканта. Это она разгорѣлась, будто въ полымя, въ могучій хоръ, чтобъ ободрить идущихъ биться, умирать за родину. Это мощное слово молитвы то самое которое разсѣянно и равнодушно мы слушали и слушаемъ въ церквахъ; евангельскій разказъ о страстяхъ Господнихъ, читанный въ Севастополѣ подъ оглушающій грохотъ орудій, слышнѣе, говорятъ, былъ каждому чѣмъ на торжественной обѣднѣ, произносимый въ полной тишинѣ и голосистымъ протодіакономъ. И очевидно стало всѣмъ и каждому, имѣющему уши слышать, что не вотще, не даромъ посылаются народамъ испытанія и невзгоды, что земская бѣда вызываетъ земскія силы, народное самосознаніе. Грозное зарево войны озарило и героя, и труса, мужа неколебимой честности и жалкаго казнокрада, подло воспользовавшагося общественнымъ бѣдствіемъ; торжественно, предо всею Россіей, обличились „вся тайная“, всѣ помышленія, объявилось все душевное нутро, у одного со всею его красой, у другаго со всѣмъ, подспуднымъ до тѣхъ поръ, ужасающимъ безобразіемъ. Геройство Нахимовыхъ, Корниловыхъ, Истоминыхъ, Хрулевыхъ, распоряжавшихся спокойно, точно на смотру, подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, заставляло даже Русскихъ думать: „да полно, чувствуютъ ли эти люди что-нибудь? Понимаютъ ли опасность?“ Одна завѣтная молитва слышалась у умирающихъ: „сохрани, Господи, царя и матушку Россію“. Умирали безъ ропота, безъ стона; переселялись въ другой міръ словно въ сосѣднюю губернію.

Нешпрокому жизненному ручью многихъ довелось примкнуть, слиться, въ эти грозные дни, съ неоглядно широкимъ потокомъ народной жизни. Незабвенныя, помянутыя нами выше имена уже занесены на страницы русской лѣтописи. А сколько столявшихъ ниже, незамѣтнѣе, легло подъ Севастополемъ! Сколько такихъ которыхъ имена скромно занесены въ сердечный синодикъ женъ, дѣтей, товарищей и братьевъ!

Владиміръ Лучининовъ однажды, воротясь со службы, нашелъ, наконецъ, у себя на столѣ письмо изъ Крыма. Черная

печать конверта предвѣщала уже недоброе; адресъ былъ писанъ незнакомою рукой; нетерпѣливо выдернувъ письмо, онъ увидалъ почеркъ брата и перекрестился. „Значитъ живъ,“ подумалъ онъ, „вѣрно....“ Онъ не успѣлъ окончить мысли, какъ имя „Конотопскій“ попалось ему первое. Сквозь слезы Лучаниновъ едва могъ читать:

„Конотопскаго нѣтъ больше на свѣтѣ; я не могу опомниться: такъ это быстро и неожиданно случилось. Онъ убитъ въ одной изъ схватокъ. какого-то нашего лѣхотнаго отряда съ отрядомъ французскихъ драгунъ, посланныхъ, вѣроятно, для развѣдыванія. Вотъ какъ это было. Рано утромъ, чѣмъ свѣтъ, небольшой отрядъ нашихъ гусаръ возвращался съ командировки въ главную квартиру; отрядомъ, гдѣ былъ и я, командовалъ Конотопскій; ѣдемъ; вдругъ, вправо, не очень вдалекѣ, раздались ружейные выстрѣлы; два, три, наконецъ чаще, чаще и слились въ довольно сильную перепалку. Конотопскій остановилъ коня, и обратясь къ гусарамъ, спросилъ: „а это „вѣдь наша цѣпь схватилась съ какимъ-нибудь непріятельскимъ „отрядомъ; отберитесь человѣкъ пять, съѣздите, узнайте.“ Отъ отряда отдѣлились пятеро и поскакали рысью, цѣпкомъ, мелкимъ кустарникомъ, идущимъ по горѣ отдѣлявшей насъ отъ схватки. Конотопскій остановилъ отрядъ, а самъ слѣзъ съ лошади. Минутъ черезъ пять наши, глядимъ, несутся назадъ во весь опоръ. „Французы окружили нашу роту, ваше благородіе; она куда-то шла.“ — „Много ли ихъ?“ спросилъ Конотопскій. „Не разберешь въ дыму,“ отвѣчалъ одинъ изъ вѣстовыхъ, осаживая лошадь. „Надо быть больше чѣмъ нашихъ.“—„Такъ какъ же, надо выручать!“ замѣтилъ Конотопскій, влѣзая на лошадь. Я хотѣлъ предостеречь его что онъ можетъ отвѣтить вступивъ безъ приказанія въ схватку, но не успѣлъ. Конотопскій скомандовалъ: „за мной, въ галопъ“, и мы понеслись по кустамъ, куда, зачѣмъ, я до сихъ поръ не понимаю. Минутъ, надо быть, черезъ пять, мы заслышали крикъ, и вскорѣ увидали подъ горой толпу пѣшихъ и конныхъ сбившихся въ кучу; надъ ними стояло облако дыма, но стрѣльбы не было; изрѣдка раздавался одинокій пистолетный выстрѣлъ. „На выручку, братцы; надо выручить товарищей,“ крикнулъ Константинъ Михайловичъ, пришпоривъ коня и выхвативъ саблю. Гусары кинулись за нимъ съ крикомъ: „на выручку“. Я очутился въ смѣшанной толпѣ, ударилъ какого-то пѣшаго, въ синемъ мундирѣ, раза два саблей; затѣмъ подлѣ меня раздалось нѣсколько выстрѣловъ; лошадь моя взвилась вдругъ на дыбы и со всего розмаха грянулась чуть-чуть не на спину, прижавъ мнѣ правую ногу. Я попробовалъ высвободиться, но ударъ чѣмъ-то по затылку отшибъ мнѣ память. Опомнился я только въ полдень, у бивачнаго костра; подлѣ меня стояло сѣдло мое; шагахъ въ двадцати кучка гусаръ, подлѣ лошадей, покуривала трубки; кругомъ было поле съ рѣденькимъ, тощимъ

кустарникомъ; моросилъ дождикъ; я оглянулся; сзади, шагахъ въ шести, лежалъ на шинели, въ рубашкѣ и рейтузахъ, Конотопскій; трое солдатъ стояли подлѣ на колѣняхъ. Я вскочилъ чтобы подойти къ нему; онъ приподнялся, взглянулъ прямо мнѣ въ глаза и упалъ на руки гусара, хотѣвшаго было поддержать его. „Отошелъ; царство небесное,“ произнесъ страшное слово солдатъ, опуская осторожно на шинель усопшаго. Вахмистръ затеплилъ въ головахъ, перекрестившись и воткнувъ въ землю, желтую, откуда-то взявшуюся, свѣчку. Двѣ пули засѣли у него въ лѣвой сторонѣ груди, и, должно-быть картечью, раздробило кисть лѣвой руки, такъ что невозможно было отдѣлить пальцы отъ поводьевъ; ремни отрѣзали. Невдалекѣ, ломатывая концами обрѣзаннаго повода, звонко ржалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, караковый, красивый Булька Конотопскаго; вдали, подлѣ куста, валялся трупъ моей, убитой въ ухо, лошади. Странно: наканунѣ Конотопскій, надоѣлъ мнѣ, хлопоталъ съ кѣмъ бы отправить четвертакъ въ Севастополь: „надо помянуть мнѣ одного солдатика,“ говорилъ онъ, „славный, ахъ, какой славный былъ человѣкъ! Надо помянуть его.“ Четвертакъ былъ отправленъ съ деньщикомъ какого-то генерала, проѣзжавшаго въ Севастополь мимо нашего бивака. Что это былъ за солдатъ, узналъ я у гусаръ, не знаютъ. Третьягодня похоронилъ я друга; солдаты плакали навзрыдъ; они любили его пламенно, да и нельзя было не любить этого человѣка. Нашу въ землянкѣ у одного артилериста; у меня пера и чернилъ, по старинѣ, не имѣется. Извини что черный сургучъ; знаю что напугалъ тебя, но здѣсь красный выводится. Прощай; я здоровъ, нога побаливаетъ немного, но не ломлюсь отъ утраты. Я потерялъ друга, няньку.... Да ты лучше меня самого знаешь кого я потерялъ. Севастополь держится.“

Лучининовъ, сложивъ письмо, сѣлъ къ столу, подперевъ голову руками. „Вотъ новая, драгоцѣнная намъ могила,“ думалъ онъ, „новый, живой образъ человѣка, любящаго ближняго не однимъ словомъ, а дѣломъ и истиною.“ И видѣлся ему, будто живой, ликъ отшедшаго, вспоминались его шутки, его смѣхъ, голосъ, манеры. Владиміръ Алексѣевичъ взялъ шляпу, надѣлъ пальто и отправился, услыхавъ звонъ къ вечернѣ, отслужить панихиду; послѣ вечерни, одинъ сильный голосъ дьячка запѣлъ „вѣчную память“, но слово досягало до глубины души. „Я понимаю теперь“, думалъ выходя изъ церкви Лучининовъ, „какой глубокій смыслъ имѣла, на Страстной, преждеосвященная обѣдня въ осажденномъ Севастополѣ; пѣли обыкновенно, также, но не такъ, какъ мы здѣсь, слушали „нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ“.

И потрясенный новымъ горемъ организмъ молодаго чело-

вѣка то и дѣло вышибалъ слезы; онъ пробовалъ сдерживать ихъ; тогда, какъ бы въ отместку, нервы, — эти проводники, телеграфныя нити отъ души къ тѣлесному составу,—подымали лихорадочную дрожь и тревогу. Лучаниновъ сѣлъ на скамейку на бульварѣ; ему не хотѣлось домой; хотѣлось воздуха.

„Что это? Разумъ, или просто шальная пуля, случай?“ продолжалъ онъ свои размышленія, быстро поднявшись со скамьи и направляясь къ рѣкѣ по усыпанному пескомъ снѣгу бульвара. „Будто бы ужь ни на что̀ больше не былъ годенъ этотъ прекрасный человѣкъ?“ Воспоминаніе о матери, зачѣмъ-то, налетѣло на него легкою тучкой; и думалось ему: „не для того ли рано покидаютъ насъ подобные люди чтобъ оставить въ нашей памяти, во всей чистотѣ, свой образъ? Тогда еще есть смыслъ: въ нихъ влюбляешься больше и больше, ибо въ отдаленіи исчезаютъ немногія пятна которыя, какъ во всякомъ изъ насъ, были и въ нихъ, конечно. Стало-быть, чтобы сдѣлаться силою надо стать жертвою, исчезнуть; договоривъ задушевное слово, бѣжать, даже не полюбовавшись имъ, изъ теплаго кружка друзей? Можетъ-быть, такъ и слѣдуетъ. Но если такъ, придется вѣдь бесѣдовать часто съ отшедшими, ибо никто не замѣнитъ, никто не повліяетъ на меня такъ именно, какъ вліялъ хоть бы покойникъ Конопотскій?“

Чтобы не показалась нѣсколько неясною послѣдняя мысль Лучанинова, мы скажемъ о ней два, три слова читателю. Художникъ-писатель, напримѣръ, сидя за работой, въ своемъ одинокомъ углу, постоянно ведетъ бесѣду съ тѣмъ, съ другимъ: пишетъ ли онъ смѣшную сцену, онъ представляетъ себѣ какъ прочтется она человѣкомъ особенно чуткимъ къ смѣшному; изображая разговоръ двухъ влюбленныхъ, непремѣнно приломитъ пріятеля который любитъ потрунить надъ сантиментальностью, приломитъ для того чтобы справиться: „что-то онъ скажетъ?“ Въ жизни, гдѣ вѣчно недосугъ, это вліяніе на васъ другихъ не такъ замѣтно какъ въ одинокія, безмолвныя минуты творчества; тамъ, въ жизни, мимолетнѣе, быстрѣе дѣлаются эти справки, но все-таки дѣлаются. Въ самосозиданіи каждаго человѣка участвуютъ многіе; еслибы дѣлать цитаты, отмѣчать откуда то или другое во мнѣ, оказалось бы что даже у недальняго человѣка, у ребенка, есть чему поучиться. Какъ безчисленно разноцвѣтны дары розданные людямъ природою, такъ неизмѣримо количество силъ тайно зиждущихъ человѣка.

Стало смеркаться; на той сторонѣ замерзшей рѣки свѣтились огоньки въ домахъ; съ широкаго простора другаго, отлогаго берега, рѣзкій вѣтеръ несъ снѣжную пыль. Лучаниновъ повернулъ назадъ и пошелъ медленнымъ шагомъ на квартиру. Впереди его шла старуха, въ потертомъ атласномъ черномъ салопѣ, съ увязанною огромнымъ платкомъ головою. Поравнявшись съ нею, молодой человѣкъ остановился чтобы вынуть папироску. Старуха тоже остановилась.

— Извините, робко начала она, — вы, кажется, господинъ губернскій секретарь, Лучаниновскій? Служите здѣсь?

— Точно такъ, отвѣчалъ Лучаниновъ. (На службѣ, согласно свидѣтельству консисторской метрики, онъ именовался Лучаниновскимъ.)

— Мы съ вами сосѣди, господинъ губернскій секретарь, продолжала, съ польскимъ выговоромъ, потряхивая головой, старуха.—У меня дѣло; вы, какъ служащій при начальникѣ, можетъ-быть, даже знаете.... Процессъ, изволите видѣть, объ имѣньѣ.... Всѣ доказательства въ нашу пользу, господинъ губернскій секретарь, но дѣло мое женское, безграмотное почти, стара, и посовѣтовать.... Я не богата, — такъ посовѣтовать и некому.... всѣ документы у меня.... Вотъ, продолжала старуха, вытаскивая изъ-подъ салопа толстую связку увязанныхъ въ платокъ бумагъ.—Вотъ, господинъ губернскій секретарь, говорила она, подойдя къ лавочкѣ и принимаясь дрожащими руками развязывать узлы пачки.

— Это вы потрудитесь принести ко мнѣ, остановилъ ее Лучаниновъ. — Впрочемъ, не знаю буду ли я вамъ полезенъ; я плохой юристъ, но если дѣло въ какой-нибудь справкѣ, извольте, я готовъ сдѣлать ее вамъ.

— Многаго я дать пока не въ силахъ, но что могу я заплачу за хлопоты вамъ, господинъ губернскій секретарь; не принимаете ли вы меня за нищую? обидчиво произнесла, спрятавъ бумаги, старуха.

— Помилуйте, мнѣ и въ мысль не приходило, отвѣчалъ краснѣя Лучаниновъ.—Но я не адвокатъ; справку, это такая бездѣлица, я сдѣлаю вамъ безплатно; но вести весь процессъ вашъ не берусь, просто потому что не сумѣю. Позвольте мнѣ....

— Топоровская, сдѣлавъ нѣчто въ родѣ реверанса, отвѣчала старуха.

Лучаниновъ покраснѣлъ.

— Я любуюсь вашею внучкой: какая славная, должно-быть, дѣвочка, проговорилъ онъ, закуривая папироску. Гдѣ она учится?

— Ходила было въ школу, да я взяла; далеко: шутка ли ребенку въ морозъ.... Теперь не учится.... Да.... Она шалунья, но добрая, добавила съ улыбкой, какъ бы любуясь вдругъ мелькнувшею фигуркой внучки, бабушка.—Вотъ, думаю, стара я, одна останется, вдругъ отъ улыбки перейдя къ слезамъ, дрожащимъ, прерывающимся голосомъ закончила старуха.— Когда же вы мнѣ позволите? спросила она, отерѣвъ слезы.

— Позвольте, хоть завтра утромъ, самому мнѣ быть у васъ.... Что жъ въ ваши лѣта безпокоиться, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Самимъ?... Ну, если будете такъ снисходительны къ старухѣ, господинъ губернскій...., начала было опять титуловать Лучанинова новая знакомка.

— Такъ завтра въ десять часовъ, если вамъ удобно?

— Удобно.... Извините, господинъ губернскій секретарь, что я осмѣлилась остановить васъ, съ поклономъ отвѣчала старушка. — До свиданія, если вы такъ снисходительны, господинъ губернскій....

Лучаниновъ раскланялся и пошелъ на свою квартиру.

— Вотъ вамъ принесли, говорила ему служанка, отдавая вмѣстѣ съ ключомъ отъ комнаты пачку газетъ, которыми снабжалъ Лучанинова правитель дѣлъ. Сбросивъ пальто, Владиміръ Алексѣевичъ развернулъ пачку журналовъ; ему бросился въ глаза верхній листокъ, окаймленный черною рамкой; это было извѣстіе о кончинѣ государя. Бюллетени о болѣзни печатались давно, но, судя по нимъ, никто почти не подозрѣвалъ опасности.

Всю ночь горѣла свѣчка у Лучанинова на столикѣ подлѣ постели; ему дѣлалось даже немного жутко, страшно, въ одинокихъ трехъ комнатахъ; когда онъ на минуту забывался, являлся ему Конотопскій, или видѣлся братъ.... Онъ просыпался, бралъ книгу, принимался читать, но не понималъ смысла читаемаго.... На душѣ, помимо воли и сознанія, гудѣла неотвязная печальная нота, точно мѣрный, похоронный звонъ. И мысленно переносился онъ въ Москву, въ „Россію“. „У многихъ, правда, не у одного меня, та же тяжкая дума въ ночной тишинѣ, днемъ замѣняемая неутѣшными слезами о невозвратныхъ утратахъ.“

На весну въ городѣ, гдѣ служилъ Лучаниновъ, ждали тоже

непріятельскихъ дѣйствій; въ Балтійское море шла англійская эскадра; со всѣхъ сторонъ окружена была Россія непріязнью; Европа шла противъ насъ вооруженная всевозможными новѣйшими средствами истреблять человѣчество; карточка боевыхъ угощеній девятнадцатаго столѣтія удовлетворитъ тончайшаго гастронома по этой части: разрывныя пули, игольчатыя ружья, подводныя баттареи, словомъ, чего хочешь, того просишь; несмотря на это, спеціалисты знай дѣлали новыя открытія на этомъ поприщѣ, знай изобрѣтали новыя средства истреблять родъ человѣческій: въ иностранныхъ газетахъ помѣщались то и дѣло извѣстія объ опытахъ новой системы ружей и пуль надъ трупами; фельетонисты увѣдомляли читателей о результатахъ этихъ отвратительныхъ пробъ такимъ тономъ какъ будто дѣло шло о важномъ, научномъ открытіи.

Французскія газеты были наполнены описаніями походной жизни въ крымскихъ баракахъ; иностранные герои Крымской войны, читая ихъ, поглаживали свои бородки и воображали какое впечатлѣніе должны эти разсказы произвесть на Парижанокъ. „Ah, bien ecrit,“ снисходительно толковали различные колонели и капитэны, читая описанія своихъ геройскихъ подвиговъ. Французъ всегда любилъ порисоваться храбростью, но въ Крыму это рисованье доходило до невѣроятныхъ размѣровъ: армія для развлеченія устраивала спектакли наканунѣ сраженій. Чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, пожалуй, не повѣритъ этому человѣчество. Варвары Русскіе молились, а въ комфортныхъ баракахъ цивилизованныхъ націй танцовали, пѣли скоромные куплеты. Подобнаго зрѣлища еще не видало человѣчество; танцы на свѣжихъ могилахъ падшихъ товарищей впервые введены, въ иностранномъ лагерѣ, предъ стѣнами Севастополя. У насъ, въ виду общественной бѣды, пили шампанское и глотали устрицъ на тысячныхъ завтракахъ одни казнокрады. Все честное въ молитвѣ обрѣтало твердость и мужество, съ которыми защищался Севастополь, этотъ ящикъ, куда кидала день и ночь ядра почти вся Европа.

Страшно было созерцать эту живую картину частному лицу; каково же было глядѣть на нее государю? Мы и видѣли, конечно, не все; а предъ нимъ открытыми лежали замыслы, намѣренія кабинетовъ; ему прямо въ сердце летѣли стрѣлы пущенныя враждой и завистью; тутъ ежедневныя вѣсти о потерѣ лучшихъ русскихъ людей, вѣрнѣйшихъ слугъ его и Россіи.

Каково это было переносить тому кто, умирая, говорилъ царственнымъ дѣтямъ: „послѣ Россіи, я васъ любилъ больше всего на свѣтѣ?“ За это чувство „пламенной любви къ нашей славной Россіи“ благодарилъ онъ Творца, вручая Ему свою великую душу. Вотъ послѣднія слова его къ Русскимъ; „я былъ человѣкъ со всѣми недостатками, коимъ люди подвержены, старался исправиться въ томъ что̀ за собой худаго зналъ; въ иномъ успѣлъ, въ другомъ нѣтъ; прошу искренно простить меня“.

Заслышавъ звонъ этого похоронnаго колокола, въ такіе уже и безъ того тяжкіе дни, крѣпко задумалась сама о себѣ вся Россія; это была какая-то Страстная недѣля ея; печально, сумрачно было тогда въ родной землѣ нашей.

XX.

„Страшное время переживаемъ мы,“ писалъ на другое утро, вставъ со свѣчой, Владиміръ Лучининовъ къ Корневу; онъ, между прочимъ, хотѣлъ увѣдомить его о смерти Конотопскаго. „Вчера мнѣ не спалось; случайно мнѣ попалась „Переписка Гоголя съ друзьями“. Я сталъ читать и зачитался; въ первый разъ такъ понятно сдѣлалось мнѣ въ этихъ письмахъ многое. Событія, мнѣ кажется, ведутъ къ тому же вѣдь Россію, къ чему призывали ее наши поэты, именно: къ думѣ о себѣ, ко внутренней работѣ надъ собой, быть-можетъ къ покаянію. Ты скажешь, только Гоголь заговорилъ объ этомъ. А Жуковскій? Вспомни статью его *о значеніи поэзіи*. А Хомяковъ? Да не одну Россію, не одну родную семью, вѣдь весь міръ они звали къ любви, къ объятіямъ, къ мировой, но прежде къ покаянію.... Безъ этого не разрѣшить намъ ни славянскаго, ни какого вопроса.

Путемъ измѣнъ, путемъ раздора,
Стезей кровавыхъ, звѣрскихъ сѣчъ,
Добромъ не кончить вѣкъ намъ спора:
Кого на казнь изъ братьевъ влечь?

Метнувъ на жребій багряницу,
Опять любовь на крестъ ведутъ....
Но сонмъ ведущихъ, какъ Денницу,
Отъ горнихъ, вѣрьте, изженутъ.

И станутъ мракъ, и рабства своды,
И жажда свѣта насъ томить;
И какъ воды, святой свободы,
Хоть капли будетъ міръ просить

У жертвъ. Но жертвы скажутъ: „братья!
„Не мы ль о ней молили васъ?
„Не мы ли звали къ ней въ объятья?
„А вы цѣпьми вязали насъ."

И грозный образъ херувима
Безмолвно намъ заступитъ входъ;
И вспять, отъ вратъ Ерусалима,
Съ стенаньемъ родъ нашъ отойдетъ.

„....А между тѣмъ въ русской душѣ сколько богатыхъ залоговъ примѣненія къ дѣлу, къ жизни, высшей заповѣди любви. Не эта ли любовь звучитъ и вьется около сердца въ нашей задушевной русской пѣснѣ? Это не испанская огненная, страстная качуча; не италіянскал, ласкающая слухъ мелодія; не французскій бойкій, щегольской куплетъ, — наша родная пѣсня вся пропитана внутреннимъ чувствомъ; то слышится боль сердечная въ ея неотразимыхъ звукахъ, то любованье просторомъ, этимъ прообразомъ свободы, прирожденной человѣческой душѣ; самый разгулъ, такъ дико выразившійся въ какомъ-нибудь гулякѣ-Запорожцѣ, есть порожденіе того же чувства: „все ни почемъ, всего дороже мнѣ мое душевное движеніе". Эта сердечная ширь русской природы, какъ въ зеркалѣ, вся отразилась въ языкѣ: въ немъ есть всѣ краски, всѣ звуки, начиная отъ грубыхъ, оскорбляющихъ все дорогое человѣку, до ангельски-чистыхъ, ласкающихъ даже бездушную природу словъ: „травушка, рѣченька, дороженька". Такая ширь опасна, если она не подчинится нетяжелому игу любви, не приметъ ея легкаго бремени. Замѣть, если Русскій пустится въ дурное, онъ перещеголяетъ всякаго иностранца. Эту опасность слышали и слышатъ наши русскіе художники; такъ русскій геніальный живописецъ пишетъ чуть не тридцать лѣтъ, взаперти, *Явленіе Христа народу*. Его картинѣ предшествуетъ *Послѣдній день Помпеи*, разрушеніе ветхаго міра, въ виду небольшой кучки христіанъ, не даромъ ломѣщенныхъ геніемъ на первомъ планѣ. Даже въ народныхъ сценахъ русскихъ живописцевъ благоухаетъ любовь къ человѣку, къ бѣдняку, къ нищему; клеймится, во имя

любви, гнетъ, грубая зажирѣлость и всякое нравственное безобразіе.

„Честно пожертвовавъ самою славой, популярностью, наши художники немолчно зовутъ Русь, подобно гласу вопіющему въ пустынѣ, уготовать путь Господу. Одиноко, при общей легкомысленной насмѣшкѣ, раздавался ихъ голосъ, но правду одинокихъ рѣчей уже высоко цѣнятъ нѣкоторые, и оцѣнитъ еще выше грядущее.

„Залоги, повторяю, есть въ Россіи богатые. Гляди, не это ли святое чувство любви несетъ милліоны на общее дѣло? Не оно ли стоитъ, что мученикъ, противъ цѣлой Европы за родныя твердыни? Это подспудная сила любви, подобно молніи, излетѣла въ словѣ нашего друга: „какъ же братцы? Вѣдь надо выручить товарищей?“ А что жь иное, не любовь ли говорила устами умирающаго русскаго царя: „иду молиться за Россію!“

„Видишь, какіе богатые залоги, какой кладъ хранится въ русской душѣ; какая плодотворная почва дана, и горе будетъ намъ, если мы не воздѣлаемъ ее, а дадимъ ей зарости крапивой и терніемъ.“

Давно разсвѣло, а свѣчи все еще горѣли на столѣ записавшагося Лучанинова; погруженный весь въ свою любимую думу, онъ позабылъ было что обѣщалъ вчера зайти къ сосѣдкѣ. „Знать, мы только умѣемъ толковать въ стихахъ о любви къ ближнему, а вотъ бѣдная женщина“, думалъ онъ, запечатывая письмо, „проситъ помочь ей, я забылъ, отнѣкиваюсь незнаніемъ, недосугомъ. А между тѣмъ помощь беззащитному развѣ не есть прямое примѣненіе христіанской любви къ дѣлу?“ продолжалъ онъ размышлять, одѣваясь. „А не другое ли зоветъ тебя туда отчасти?“ мелькнуло у него въ головѣ. И ему представилось какъ бы расхохотался Конотопскій; онъ, потирая руки и подпрыгивая, непремѣнно сказалъ бы: „а что, братъ, ты смѣялся что я ѣду спасать человѣчество? А ты? Тебя, ну хоть отчасти, не манитъ туда небось хорошенькая женская головка?“ Но послѣ шутливой рѣчи слышалась другая, серіозная рѣчь Конотопскаго: „смѣло ступай; ты человѣкъ честный. Какъ знать, можетъ-быть тамъ крайне нужно твое участіе, можетъ защита?“

Натянувъ ваточное пальто, Лучаниновъ заперъ одинокую свою обитель и отправился чрезъ улицу къ сосѣдямъ; входъ былъ со двора; пройдя по усыпанной лескомъ, расчищенной,

узкой тропинкѣ, онъ поднялся по новой, узенькой лѣсенкѣ и постучался въ дверь съ надписью каракулями: „Madame Torogoffska“. Дверь отворилась, и гость вошелъ въ первую, уставленную старинными сундуками, опрятно прибранную, комнату; влѣво, за ширмою, стояла широкая кровать, вправо—бѣлая кухонная печь съ колпакомъ для дыма. Старушка, въ бѣломъ чепцѣ и темномъ ситцевомъ платьѣ, вышла ему навстрѣчу.

— Просимъ покорнѣйше, говорила она.—Сюда вотъ не угодно ли ловѣсить вашу бекешь, господинъ губернскій секретарь.

Лучаниновъ раздѣлся и вошелъ во вторую, вѣроятно исправлявшую должность гостиной, небольшую комнату. Въ сторонкѣ на столѣ кипѣлъ самоваръ. У полукруглаго, знакомаго вошедшему, окна стояла, потупившись, дѣвушка лѣтъ четырнадцати, въ свѣтломъ ситцевомъ, полукороткомъ платьѣ; нагнувъ головку, она очень неловко отвѣтила на поклонъ вошедшаго; на оживленномъ, съ нѣсколько поднятымъ носикомъ, лицѣ ея вспыхнулъ яркій румянецъ; большіе темносиніе глаза, украдкой, наскоро взглянувъ на гостя, снова исчезли подъ опущенными темными рѣсницами. Во всей головкѣ дѣвушки, съ какимъ-то страннымъ локономъ на лбу, въ сжатыхъ губахъ, было что-то оригинальное; украдкой взглядывая по временамъ на гостя, она, перебирая свой бѣлый фартучекъ, продолжала стоять на одномъ мѣстѣ. Старуха усадила Лучанинова и вытащила изъ комода, нѣсколько знакомую уже ему, кипу пожелтѣвшихъ бумагъ.

— Вы мнѣ позволите курить?

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчала старушка.—Дай сѣрничку, обратилась она къ внучкѣ.

Дѣвочка покраснѣла; ей, замѣтно, не хотѣлось почему-то покидать занятую позицію; она придвинула къ окну стоявшій неподалеку отъ нея стулъ, набросила на него какой-то желтый платокъ, но не успѣла сдѣлать отъ окна двухъ шаговъ, какъ изъ-подъ стула, стукнувъ фарфоровою головой объ полъ, высунулось глупое, румяное лицо упавшей куклы.

— Вотъ, господинъ губернскій секретарь, начала старуха, развертывая старыя бумаги.

Дѣвочка отошла снова къ окошку, подавъ спичешницу.

— Вотъ посмотрите, продолжала старушка.

— Вы мнѣ позвольте взять ихъ на домъ.

— На домъ-то?... замялась старуха, поправляя чепецъ.— Изволите видѣть, господинъ....

— Очень хорошо. Я разсмотрю ихъ здѣсь, перебилъ Лучаниновъ, покраснѣвъ немного, но не обидясь недовѣріемъ старухи къ нему, какъ къ незнакомому.

— Разлей же кофе, Маріанночка. Что ты стоишь? сказала, не то по-польски, не то по-русски, старуха.

Дѣвушка подошла къ столику и застучала чашками; замѣтивъ издали выглядывавшую изъ-подъ стула куклу, она, воспользовавшись минутой когда гость нагнулся надъ бумагами, проворно подошла къ окну и сердито толкнула носкомъ ботинки куклу; кукла спряталась.

— Не стучи такъ. Разливай же, замѣтила старуха, обратившись къ молодой, усердно разставлявшей чашки, хозяйкѣ.— Подай сначала гостю, Маріанночка.

„Славное имя“, подумалъ Лучаниновъ. Дѣвочка подала ему стаканъ на подносѣ; она совсѣмъ покраснѣла, когда Лучаниновъ принялъ стаканъ; локонъ на лбу раздѣлился на нѣсколько колецъ; темные зрачки глазъ глядѣли въ сторону изъ-подъ густыхъ, полуопущенныхъ темныхъ рѣсницъ. „Какая красивая головка“, подумалъ Лучаниновъ, поблагодаривъ угощавшую.

— Оставь здѣсь подносъ, приказала старуха побѣжавшей было обратно съ нимъ къ столику внучкѣ. — Можетъ-быть, господинъ губернскій секретарь скушаетъ вотъ хлѣба съ масломъ, или бисквитовъ?

Лучаниновъ принялся читать лежавшія сверху въ связкѣ бумагъ прошенія.

— Это вотъ рѣшеніе гражданской палаты. Дѣло въ сенатѣ; мы подали на апелляцію, говорила старуха. Но нельзя сказать чтобъ очень внимательно слушалъ ее молодой адвокатъ; глаза его поминутно перебѣгали отъ желтоватаго, морщинистаго лица старухи къ свѣжему личику намазывавшей на ломтикъ хлѣба масло дѣвушки. Онъ любовался ею какъ любуется живописецъ красивою натурщицей. „Въ наивности, вотъ гдѣ истинная грація“, думалъ онъ. Сеномъ, деревней вѣяло отъ дѣвушки, здоровьемъ, которымъ надѣляетъ воздухъ, ароматъ сосновыхъ лѣсовъ, березовой рощи, запахъ ржи и чистое, безоблачное, какъ душа ребенка, небо.

— Вы мнѣ потрудитесь сказать о чемъ вы желаете справиться? спросилъ Лучаниновъ.

— А вотъ нумерокъ у меня, отвѣчала старуха, доставая изъ ридикюля клочокъ бумаги. — Вотъ, есть ли отвѣтъ изъ Петербурга на эту бумагу?

— Да это не у насъ; это въ палатѣ нужно справиться.

— Ахъ, вы не тамъ служите, начала было старуха.

— Не тамъ; но это все равно, я съ удовольствіемъ съѣзжу и узнаю, перебилъ ее, нѣсколько испугавшись и поднимаясь съ мѣста, Лучаниновъ.—А бумаги позвольте мнѣ разсмотрѣть въ другой разъ.

— Вотъ эти старые документы, пожалуй, я вамъ дамъ, говорила старуха, перебирая дрожащими руками бумаги. — Я какъ-то, не знаю почему, думаю что вы не воспользуетесь моею простотой, прибавила она улыбаясь и передавая бумаги.—Вотъ вы увидите изъ нихъ какія права на нашей сторонѣ, да некому и нечѣмъ взяться, господинъ губернскій секретарь.

Лучаниновъ, завернувъ свертокъ ветхихъ листовъ, съ висящими на шелковыхъ снурахъ старинными печатями, раскланялся. Старушка пошла въ переднюю проводить его; дѣвушка поклонилась, какъ кланяются дѣти, когда имъ велятъ поклониться. „Что она, сердится что ли на меня?“ подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ, выходя въ переднюю.

Отдавъ въ почтамтѣ письмо къ Корневу, Лучаниновъ поѣхалъ въ палату сдѣлать справку; не добившись никакого толка отъ чиновниковъ, занятыхъ какимъ-то спѣшнымъ дѣломъ, онъ уже надѣлъ пальто, какъ къ нему подошла небольшая фигурка, въ писарскомъ, военномъ сюртукѣ, съ полинялымъ галуномъ на воротникѣ.

— Вамъ угодно сдѣлать справку по дѣлу Топоровскихъ?— спросила фигурка, уставивъ на Лучанинова черные, умные глаза.

Черные, кудрявые волосы, выговоръ и ухватки подошедшаго обличали его еврейское происхожденіе.

— Да, отвѣчалъ Лучаниновъ,—но господа чиновники говорятъ что не знаютъ, что имъ некогда.

— Они не знаютъ, отвѣчала фигура;—дѣло у секретаря. Если угодно, я могу вамъ доставить справку, прибавилъ таинственный писарь, провожая Лучанинова въ сѣни.

Лучаниновъ остановился. „Врешь вѣдь ты, вѣроятно?“ подумалъ онъ. Фигура, какъ бы отвѣчая на его мысль, съ увѣренностью посмотрѣла на него своими умными глазами.

— Такъ я попрошу васъ, если вы можете, началъ Лучаниновъ.

— Могу, отвѣчала фигура;—только.... прибавила она нерѣшительно, уже посмотрѣвъ въ полъ.

Лучаниновъ вынулъ изъ портмоне трехрублевую бумажку и, краснѣя, всунулъ ее въ потную руку писца вмѣстѣ со своимъ адресомъ.

— Завтра я вамъ доставлю справку; я васъ застану часовъ въ шесть? спросилъ писарь, проворно сунувъ за бортъ сюртука бумажку и опять уставивъ глаза на Лучанинова.

— Застанете.

— Я приду въ шесть часовъ къ вамъ на квартиру.

Лучаниновъ простился съ нимъ и поѣхалъ обѣдать, размышляя о томъ что нигдѣ, видно, не обходится дѣло безъ подслудныхъ, скромно дѣйствующихъ силъ; наскоро отобѣдавъ вдвоемъ съ газетой въ трактирѣ, Владиміръ Алексѣевичъ воротился домой, и улегшись съ сигарой на диванѣ, началъ разсматривать переданныя ему старухой бумаги. Это были потемнѣвшія тетради, сшитыя красными, шелковыми снурками, писанныя по-русски; въ концѣ, къ нимъ были приложены, къ другимъ привѣшены, черныя восковыя печати, съ княжескимъ, полустершимся гербомъ; въ кудрявыхъ заглавныхъ буквахъ грамотъ были выведены писцомъ цѣлые узоры, травы, даже птицы. „Выписка изъ книгъ уголовныхъ трибунальскихъ воеводства Кіевского“, прочелъ Лучаниновъ. „Лѣта господского нароженья тысяча шестьсотъ осьмаго надесять, мѣсяца іюня двадцать шестаго дня, предъ нами, депутатами суда, уголовнаго трибунала встали....“ Далѣе шли имена, между прочимъ имя какого-то „вельможнаго княжати Ивана Топора“; затѣмъ шли названія селъ, совсѣмъ русскія: Погостъ, Заволочье, Горностаи, даже какое-то Иваново-дворище съ бобровыми гоны и рыбными ловлями. Все это отдавалось „его милости, княжати Панкрату, брату моему“, пояснялось въ грамотѣ: „съ подаваньемъ въ нашу дѣдовскую церковь Ивана Предтечи“. Имѣнье отдавалось „з слугами, боярами панцырными и путными людьми, тяглецами, огородниками и подсусѣдками, и вшелюкими з нихъ повинностями“. Выше печати видѣлась подпись князя Ивана, русскими, увѣнистыми каракулями; въ концѣ подписи сказано было: „рука ева“; дальше шли подписи депутатовъ и свидѣтелей, по-русски и по-польски. По прочтеніи бумагъ, которыхъ было штукъ за десять, предъ Лучаниновымъ развернулась цѣлая повѣсть окатоличенія старинаго, княжаго русскаго рода;

въ бумагахъ позднѣйшихъ годовъ умершаго „князя Ивана Толора“ уже перекрестили въ „Януша“; о церкви „Ивана Предтечи“ не было и помина, а жертвовалось завѣщателями на костелъ; то и дѣло попадались имена патеровъ: подспудныя силы, просто, возились между полинялыми отъ времени строками старинныхъ грамотъ. „О какой же измѣнѣ толкуютъ ксендзы Полякамъ переходящимъ въ православіе? Это выдумка Рима. Возвращаясь къ намъ въ церковь, они воротятся домой, къ своимъ, на родину“, думалъ Лучининовъ. „Скорѣе къ намъ, братья!“ чуть не вымолвилъ пылкій молодой человѣкъ. Воображеніе рисовало уже ему день примиренія коварно разлученныхъ односемьянъ, свѣтлый, радостный день обоюднаго разъясненія вѣковой размолвки. Настанетъ ли онъ когда-нибудь?

Какимъ-то особымъ свѣтомъ одѣлась для него новая, молодая знакомка; онъ рядилъ уже ее, мысленно, въ богатую жемчужную повязку, въ сарафанъ, видѣлъ за пяльцами въ узорчатомъ, старинномъ русскомъ теремѣ. Въ чертахъ хорошенькаго личика, въ глубокомъ взорѣ темносинихъ глазъ, онъ отыскалъ что-то какъ будто виданное тамъ, у насъ въ Россіи. „Есть даже что-то старорусское въ ней; право есть,“ думалъ онъ, поднявшись съ дивана...; напримѣръ лобъ, глаза напоминаютъ нѣсколько портретъ Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой.“ И какъ же злился онъ на Римъ, на эти подписи давно сгнившихъ въ землѣ досадныхъ патеровъ. „Не въ одномъ звукѣ да образѣ намъ портилъ этотъ Римъ. А въ жизни? Въ исторіи? Думали ли, въ самомъ дѣлѣ, князья Панкратій и Иванъ, что ихъ праправнучка будетъ молиться не въ дѣдней церкви Ивана Предтечи, а въ костелѣ?“

XXI.

Уже вышелъ на Красное крыльцо молодой Царь съ юною Царицей. Россія восторженно привѣтствовала Ихъ; она сознавала въ какіе тяжкіе дни вступаетъ новый царственный труженикъ на поприще и безъ того труднаго служенія. Изъ Крыма летѣли депеша за депешей; курьеры то и дѣло летали изъ Севастополя въ Петербургъ и обратно; внутри Россіи было все напряжено, все ждало страшнаго своею неизвѣстностью исхода, рѣшенія борьбы. „Что Севастополь?“ было

первымъ вопросомъ при встрѣчѣ двухъ знакомыхъ на улицѣ, въ обществѣ, на службѣ.

Въ одно пасмурное сентябрьское утро тащилась степью почтовая телѣга тройкой; на ней сидѣлъ въ сѣрой военной шинели краснолицый (извѣстный читателю руссофилъ), въ рукахъ у него была огромная пѣниковая трубка, съ гнувшимся чубукомъ, называвшимся лавочниками „съ флексибилемъ“; на головѣ былъ ополченскій картузъ. Подлѣ помѣщика трясся гусарскій офицеръ, тоже въ шинели. На облучкѣ, рядомъ съ ямщикомъ, сидѣлъ молодой, свѣжій парень, съ глуповатымъ лицомъ, въ военной, изъ солдатскаго сукна, ливреѣ.

— За что вы браните́сь? улыбаясь говорилъ офицеръ нахмурившемуся сосѣду.

Въ молодомъ человѣкѣ, съ загорѣлымъ лицомъ, не сразу можно было узнать Петра Алексѣевича Лучанинова.

— За дѣло, братецъ, браню, отвѣчалъ краснолицый.—Глупо.... Ну какъ же вызывать на дуэль всякаго мерзавца?

— Но, позвольте.... Вѣдь онъ оскорбляетъ подозрѣніемъ, накидываетъ тѣнь на мою мать, уже серіозно заговорилъ Лучанинов.

— Никакой онъ тѣни не накидываетъ. Мы всѣ знаемъ кто былъ твой отецъ, кто была мать твоя и что за птица Тарханковъ, отвѣчалъ краснолицый.—Побить—я еще допускаю; иногда это.... продолжалъ старикъ, закашлявшись отъ табачнаго дыма; — но дуэль, братецъ, нѣмецкая выдумка, чепуха. Меня какой-то разъ, въ концертѣ, прибавилъ онъ, взглянувъ своими свѣтло-сѣрыми, мутными глазами на сосѣда,—вотъ позабылъ фамилію, хотѣлъ удавить....

— Какъ удавить? спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

— Да, удавить, подтвердилъ краснолицый; — я, разумѣется, только что хотѣлъ его смазать, полицеймейстеръ меня за руку. Послѣ мнѣ говоритъ вицгубернаторъ: „вы, говоритъ, должны его вызвать на дуэль.“ Вотъ ему что надо, жалко помѣшали, а не на дуэль, отвѣчалъ я вицгубернатору, показавъ кулакъ. А то на дуэль! Да если онъ меня убьетъ? Положимъ даже я его убью; за что же я за всякаго скота буду отвѣчать на семъ и на томъ свѣтѣ?

— Но вѣдь, позвольте; вы бы его побили, вѣдь онъ васъ вызвалъ бы за это? Я бы побилъ Тарханкова, вѣдь онъ бы меня вызвалъ?

— Тарханковъ-то? спросилъ краснолицый.—Добрый ты маль-

чикъ, Петруша; люблю я тебя, но, извини, или ты молодъ, или дуракъ.

— Да что жъ тутъ невозможнаго? Ну вызоветъ?

— Еще побить, лаконически отвѣчалъ краснолицый.

Лучаниновъ расхохотался.

— Однако, послушайте, началъ было онъ.

— Нечего слушать, сердито отвѣчалъ краснолицый. — Разумѣется подлецовъ бьютъ; что жъ съ ними цѣловаться, что ли?

— Отчего же вы давеча, я вѣдь просилъ васъ познакомить меня съ нимъ, не только не познакомили, а еще увели меня? спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

— Оттого что.... Плюнь, братецъ, ты на этого Тарханкова.

Здѣсь краснолицый прибавилъ нѣсколько не совсѣмъ удобныхъ для печатанія, но очень сильныхъ словъ. Оба замолчали; сзади, вдалекѣ, путники заслышали колоколецъ, и оглянувшись, скоро увидали несущуюся во весь духъ четверку.

— Вѣдь это онъ, мерзавецъ! произнесъ краснолицый. — Это онъ меня опять догоняетъ. А Севастополь-то? Севастополь? А? Петруша? произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія старикъ; губы его задрожали, и нѣсколько слезъ скатилось на шинель и лѣниковую трубку.

Офицеръ молчалъ, уставившись въ пустое поле. Проѣхавъ съ версту, тройка подъѣхала къ стоявшей одиноко среди тощихъ деревьевъ станціи; тотчасъ за нею подлетѣла къ крылечку щегольская, забрызганная грязью, открытая коляска четверней. Тарханковъ, въ шинели съ бобромъ, сидѣлъ въ ней рядомъ съ коммиссаріатскимъ, красноворотымъ чиновникомъ; съ козелъ соскочилъ камердинеръ.

— Опять съѣхались мы съ вами, закричалъ Павелъ Ивановичъ краснолицому, слѣзавшему, при помощи слуги, съ телѣга.

Краснолицый, не глядя на Тарханкова, молча сдѣлалъ подъ козырекъ и пошелъ на крыльцо вмѣстѣ съ Лучаниновымъ.

— Что это фургонъ не ѣдетъ? спрашивалъ Павелъ Ивановичъ, выходя изъ коляски.

— Тяжело; нагружено у нихъ порядкомъ, отвѣчалъ камердинеръ.

Коммиссаріатскій, длинный, сухой человѣкъ, съ краснымъ вздернутымъ носомъ, выйдя изъ экипажа, потянулся, зѣвнулъ раза два, и подпершись руками въ бока, подъ шинелью, сталъ отъ нечего дѣлать глядѣть въ пустое поле.

— Войдемте въ избу, пока перемѣняютъ лошадей, обратился къ нему Тарханковъ.

— Пойдемте, отвѣчалъ коммиссаріатскій, зѣвнувъ еще разъ.

Они вошли; малый краснолицаго разставлялъ на столѣ фляги и на походную жестяную тарелку укладывалъ жареную курицу.

— Мы вамъ не помѣшаемъ? спросилъ Тарханковъ, обратясь къ лежащему на лавкѣ Лучанинову.

— Нѣтъ; мы сейчасъ уѣзжаемъ, отвѣчалъ, приподнявшись, Петръ Алексѣевичъ.

Тарханковъ сѣлъ на кожаный диванъ; коммиссаріатскій, снявъ шинель, помѣстился на стулѣ; въ это время вышелъ изъ-за перегородки, закрывая бумажникъ, краснолицый, расплачивавшійся со смотрителемъ.

— Здравствуйте, началъ Тарханковъ. — Позвольте васъ познакомить; чиновникъ особыхъ порученій при коммиссаріатѣ, Еремѣй Еремѣевичъ Туманинъ. А это мой почтенный землякъ и начальникъ нашего губернскаго ополченія....

Тарханковъ назвалъ фамилію; краснолицый, положивъ въ карманъ свой старинный, красный бумажникъ, протянулъ руку чиновнику.

— Не угодно ли вамъ рюмку водки? спросилъ онъ его, принимаясь рѣзать холодную курицу.

Чиновникъ потеръ, по обыкновенію людей приступающихъ къ закускѣ, руки, вѣроятно съ цѣлію поясннть причину по которой они намѣреваются вылить свѣжестью въ воздухѣ, и отвѣчалъ: „въ дорогѣ вещь пользительная рюмка водки“.

— А коли пользительная, произнесъ краснолицый, наливая двѣ рюмки, такъ не угодно ли? А вы? спросилъ онъ обратясь къ Тарханкову.

— На діэтѣ, отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ, выразивъ на лицѣ сожалѣніе что не можетъ вылить вмѣстѣ съ ними рюмку, другую.

Поднявшись съ дивана, Павелъ Ивановичъ подошелъ къ краснолицому и спросилъ его на ухо: „кто это съ вами?“

— Это одинъ мой дальній родственникъ, изъ Полтавской губерніи, отвѣчалъ краснолицый, принимаясь жевать жесткую курицу.

Къ окнамъ подъѣхалъ огромный фургонъ на лежачихъ рессорахъ, четверкой; подъ небольшимъ волчкомъ, за козлами, сидѣлъ, извѣстный читателю, весельчакъ поваръ въ дубленомъ,

прошитомъ по лацканамъ узорами, лолушубкѣ, и Василій Семеновъ, въ синемъ суконномъ тулупѣ съ поднятымъ воротникомъ.

— Вотъ они, произнесъ Павелъ Ивановичъ, остановившись противъ окна. — Погодите-ка, я велю сдѣлать бифштексъ; со мною есть великолѣпнѣйшій кусокъ говядины.

— Что до меня, я сейчасъ уѣзжаю, отвѣчалъ краснолицый, наливая себѣ и чиновнику еще по рюмкѣ.—А ты что же, Петруша? Я и позабылъ про тебя.

Лучаниновъ поблагодарилъ, отвѣтивъ что не хочетъ, и вышелъ изъ избы.

— Не хотите ли мадеры? Со мной есть превосходная, приставалъ къ краснолицому Тарханковъ.

Краснолицый покачалъ отрицательно головой, сморщившись отъ только что выпитой рюмки настойки; коммиссаріатскій замѣтилъ что „хлѣбное пользительнѣе“. Павелъ Ивановичъ разлегся на диванѣ.

— Лошади готовы, доложилъ вошедшій въ избу, уже облеченный въ свою тяжелую ливрею, малый краснолицаго.

— Убирай же; да подай мнѣ трубку, отвѣчалъ краснолицый,— напрасно ливрею надѣлъ; въ шинели неловко укладывать погребецъ.

— Ничего-съ, прошепталъ малый, уставляя фляги въ сундучокъ съ безчисленными перегородками.

Павелъ Ивановичъ, вскочивъ съ дивана, молча взялъ подъ руку помѣщика.

— Позволь, братецъ, намъ одну минуту. Выдь, пожалуста, обратился онъ къ станціонному, щелкавшему все время счетами за перегородкой.

Смотритель вышелъ изъ избы. Коммиссаріатскій принялся читать въ первой комнатѣ правила для станціонныхъ смотрителей, доставая въ то же время перышкомъ частицы жареной курицы, засѣвшія между зубами.

— Послушайте, началъ вполголоса, введя за перегородку и взявъ легонько подъ бока краснолицаго, Павелъ Ивановичъ,— прошу еще разъ, возьмите вы назадъ свой рапортъ. Ну, право, вы погорячились; сапоги, сукно вовсе не такъ дурны. Что же касается до той крупы которая.... Это была случайность.... Поймите, въ эдакой массѣ мудрено ли просмотрѣть; иногда самъ не знаешь вѣдь что принялъ.

— Рапортъ отправленъ; еслибы даже я согласился, и то было

бы уже поздно; не могу, отвѣчалъ краснолицый, застегивая свой сѣрый казакинъ и уставившись въ уголъ.

— Можете, опять взявъ его легонько подъ бока, съ живостію возразилъ Тарханковъ.—Можете; рапортъ еще не отправленъ?

— Какъ не отправленъ? Такъ я сейчасъ же. Эй! крикнулъ краснолицый.

— Погодите, уговаривалъ его, продолжая держать подъ бока Тарханковъ.

— Эй, малый! повторилъ, не слушая его, краснолицый, освобождаясь изъ рукъ Павла Иваповича, который держалъ его точно влюбленный танцовщикъ держитъ хорошенькую балерину за тонкую, перетянутую въ рюмку талію.

Коммиссаріатскій съ напряженнымъ вниманіемъ читалъ наставленія смотрителямъ, висящія на стѣнѣ за стекломъ въ рамкѣ; крупныя, печатныя буквы онъ разбиралъ такъ пристально, какъ будто это были какіе-нибудь гіероглифы. Въ избу вошелъ малый въ ливреѣ съ трубкой для барина.

— Скажи смотрителю что мнѣ нужны лошади назадъ на прежнюю станцію, обратился къ нему краснолицый.

Малый выпучилъ глаза и не двигался съ мѣста.

— Что ты стоишь, болванъ? Тебѣ говорятъ, я ѣду назадъ, въ уѣздный городъ. Позови смотрителя.

— Послушайте, вдругъ подскочилъ къ нему, весь вспыхнувъ, Тарханковъ. — Вѣдь ничего изъ этого не выйдетъ, увѣряю васъ.

— Посмотримъ, отвѣчалъ краснолицый, закуривая поданную слугой трубку.

Въ это время вошедшій смотритель объявилъ что назадъ лошадей онъ дать сейчасъ не можетъ.

— У меня подорожная не въ одинъ конецъ, а для разъѣздовъ по всей Имперіи, произнесъ краснолицый.

— Я знаю, ваше высокоблагородіе, но лошади у насъ на счету на каждой станціи.... Развѣ вотъ не подойдутъ ли....

— Чтобъ были.... У меня важное дѣло; я ѣду по казенной надобности, закричалъ на него краснолицый. — Ты отвѣтишь за это....

Смотритель ломился, сбѣгалъ на улицу и возвратясь сказалъ: „пожалуйте, ваше высокоблагородіе; какъ-нибудь обернусь; извольте ѣхать на этихъ“. Краснолицый былъ одинъ изъ тѣхъ, къ счастію исчезающихъ, людей которые чего потребуютъ, то

вытребуютъ, какіе имъ не представляй резоны: „нельзя-де, по закону, или по другому чему". Другой кричи, бѣсись, ничего не добьется, но подобнымъ краснолицому господамъ стóитъ прикрикнуть, лягнуть „казенною надобностью", и, глядишь, послушается ихъ самый неумолимый соблюдатель закона. Тарханковъ во время описанной сцены что-то разказывалъ съ жаромъ, вполголоса, коммиссаріатскому; чиновникъ, вмѣсто отвѣта, глядя въ полъ, почесывалъ ломинутно за ухомъ.

Лучининовъ сидѣлъ давно въ телѣгѣ, на крыльцѣ дремалъ Василій Семеновъ, откуда-то долеталъ молодецкій, похожій на трепакъ, стукъ двухъ ножей повара, рубившаго котлеты, малый въ ливреѣ жевалъ калачъ, стоя у телѣги и переговариваясь съ ямщикомъ и Лучининовымъ.

— Вы ѣдете назадъ? спросилъ Петръ Алексѣевичъ подошедшаго къ телѣгѣ спутника.

— Назадъ, отвѣчалъ краснолицый, кряхтя взбираясь на телѣгу.—Каковъ подлецъ! проговорилъ онъ, застегнувъ крючокъ шинели, причемъ лицо его, налившись, приняло нѣсколько звѣрское выраженіе.—Пошелъ, произнесъ онъ, взявъ въ руки пѣниковую, дымящуюся трубку.

Малый вскочилъ на облучокъ, загородивъ растопырившимся капишономъ не интересный впрочемъ видъ на ожидающія путниковъ окрестности, и тройка поѣхала обратно по вьющейся среди пустыря грязной дорогѣ. На встрѣчу ѣдущимъ тянулся казенный обозъ; на зеленыхъ, парныхъ телѣгахъ лежали раненые; плѣнный Французъ, засучивъ красные панталоны, сидѣлъ на одномъ возѣ, покуривая трубочку. Лучининовъ спросилъ его куда онъ ѣдетъ?

— Въ Москву; мнѣ хочется увидать брата который тамъ, отвѣчалъ Французъ солдатскимъ жаргономъ, съ шикомъ приподнявъ свою алжирку.

— Какимъ хватомъ сидитъ, точно въ каретѣ ѣдетъ, замѣтилъ краснолицый.—Что онъ пробормоталъ?

Лучининовъ перевелъ.

— Теперь мнѣ жаль что я не поручилъ тебѣ побить этого подлеца Тарханкова, говорилъ краснолицый.

— Выпей я двѣ, три рюмки водки, отколотилъ бы, произнесъ Лучининовъ, закуривая папиросу. — А что?

Спутникъ разказалъ ему что послѣднее донесеніе его перехвачено или пріостановлено Тарханковымъ.

— Да что же вы безпокоитесь? Вѣдь, говорятъ, слѣдствіе начато? спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

— Начато; но какъ же онъ смѣлъ задерживать мой рапортъ? горячо возразилъ краснолицый. — Положимъ что я не одинъ, и другіе донесли на него, подлеца.... Пошелъ, братецъ, проворнѣе; что ты, съ горшками что ли ѣдешь? крикнулъ онъ на ямщика распустившаго возжи.

Черезъ часъ въ почтамтѣ уѣзднаго города руссофилъ поднялъ бурю; почтмейстеръ, черноволосый толстякъ, зайка, бѣгалъ, рылся въ книгахъ....

— По.... помилуйте, ва.... ваше высо...ко....родіе, толковалъ онъ;—от.....отправленъ рапортъ.

Наконецъ, послѣ двухчасовой тревоги, крика краснолицаго и страшныхъ хлопотъ призваннаго городничаго, безтолковѣйшаго, но шумливаго старика на костылѣ,—рапортъ отыскался въ конторѣ. Почтмейстеръ божился что забылъ отправить.

— За....за....валился проклятый, говорилъ онъ, поблѣднѣвъ отъ страха.—Я эста....фе....фету сейчасъ....

— Да этого мнѣ мало, эстафету; ты съ мѣста улетишь, подъ судъ я упеку тебя, Ирода, говорилъ краснолицый, хоть никому изъ присутствовавшихъ неизвѣстно было что̀ онъ нашелъ общаго между Иродомъ и почтмейстеромъ.

— Не.... не погубите, умолялъ то краснолицаго, то городничаго, стучавшаго сердито костылемъ своимъ, почтмейстеръ.— Зас....ставьте за себя Бога мо....молить. Семейство....

— Дѣти что ли? спросилъ краснолицый.

— Да.... дѣтей нѣтъ, лгать не.... не хочу, отвѣчалъ дрожащій, точно студень или желе, почтмейстеръ.

Петръ Алексѣевичъ, отведя въ сторону краснолицаго и городничаго, уговорилъ ихъ простить почтмейстера, отправить конвертъ съ эстафетою и ѣхать; такъ и было сдѣлано.

— Въ полученіи доставь роспиcку въ Москву, говорилъ краснолицый почтмейстеру, садясь въ телѣгу. — Записалъ ли гостинницу?

— За....за....писалъ, ва....ваше превосходительство, вытянувшись, отвѣчалъ почтмейстеръ.

— Смотри же у меня; я тебя.... горячился, постукивая костылемъ, городничій. — Прощайте, крикнулъ онъ отъѣзжающимъ, пролетѣвъ мимо нихъ въ своихъ дрожкахъ. — Очень радъ случаю, добавилъ онъ, сдѣлавъ въ заключеніе молодецки подъ козырекъ.

— Прощайте, отвѣчалъ краснолицый, прибавивъ:—а безтолковъ, Господь съ нимъ, и телѣга пришлась подпрыгивать по деревянной мостовой городишка. — Заставилъ, подлецъ, прокатиться слишкомъ шестнадцать верстъ лишнихъ, ворчалъ краснолицый, покуривая изъ своей лѣнковой трубки.

Когда тройка ихъ подлетѣла, часу въ десятомъ вечера, снова къ прежней станціи, въ избѣ происходило что-то странное; у наружныхъ дверей стоялъ жандармъ въ шинели.

— Нельзя, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ, заслонивъ дорогу руссофилу, вошедшему было на крыльцо. — Не приказано никого впускать.

— Не приказано, такъ не пускай. Закладывай поскорѣе, проговорилъ краснолицый, садясь на бревна подлѣ крыльца.— Набей мнѣ трубку, Васька.

— Что же это такое? спросилъ Петръ Алексѣевичъ, подходя къ нему.—Тарханковъ здѣсь еще.... стало-быть....

— Стало-быть дѣло идетъ на ладъ, самодовольно отвѣчалъ краснолицый, раскуривая поданную слугой трубку.—Какъ же не здѣсь? Ты видишь, вонъ стоитъ его фургонъ, а вотъ коляска.

Лучанновъ искоса посмотрѣлъ въ освѣщенное окно. Васссій Семеновъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, съ бумагами въ рукахъ предъ какимъ-то полковникомъ въ эполетахъ и съ аксельбантомъ. Коммиссаріатскому чиновнику, должно-быть, поправились наставленія смотрителямъ; онъ поминутно подходилъ читать ихъ. Тарханковъ, по временамъ, злобно посматривалъ на него; облокотясь на окно, онъ сидѣлъ на лавкѣ, покручивая усы свои; время отъ времени онъ вскакивалъ и подходилъ къ столу съ какими-то поясненіями полковнику. Военный писарь, засучивъ оба рукава сюртука, бойко строчилъ какую-то бумагу за отдѣльнымъ столикомъ.

— Кто это? Слѣдователь вѣрно? спросилъ Петръ Алексѣевичъ краснолицаго.

— Много будешь знать, скоро состаришься, братецъ, отвѣчалъ краснолицый.

— Готовы лошади, доложилъ малый.—Прогоны смотритель проситъ отдать на слѣдующей станціи.

— Хорошо.... А что-то свѣжѣетъ. Не выпить ли, Петруша, намъ съ тобой по рюмочкѣ? какъ-то необыкновенно весело спросилъ краснолицый. — Есть кусокъ хлѣба?

Малый досталъ изъ погребца пеклеванный хлѣбъ, соль и

флягу; путники выпили по рюмкѣ водки, закурили одинъ трубку, а другой папиросу, и уѣхали со станціи.

Севастополь былъ взятъ; точно тихій ангелъ пролетѣлъ по Россіи; въ обществахъ, клубахъ, въ театрѣ не слышно было обычнаго, шумнаго говора толпы; всѣ говорили вполголоса, были неразговорчивы, унылы. Москвою проѣхали богатыри-Черноморцы, потопившіе свои корабли въ севастопольской гавани; героевъ Москва принимала радушно, но сѣдающая тоска по друзьямъ, по многомъ, мѣшала и гостямъ, и хозяевамъ веселиться. Нѣтъ, нѣтъ, а вырывался порою глубокій вздохъ, слеза у пирующихъ.

Теперь только война, умолкнувъ, сдѣлавшись прошедшимъ, начинала дѣлаться урокомъ, поученіемъ для Россіи; одни относили наши неудачи къ недостатку желѣзныхъ дорогъ, усовершенствованныхъ пушекъ и ружей; другіе обвиняли людей воспользовавшихся общею бѣдой какъ средствомъ набить себѣ карманы; нѣкоторые винили главнокомандующихъ; но всѣ единогласно удивлялись мужеству нашей арміи, самоотверженію являвшемуся во всѣхъ слояхъ ея, начиная отъ генерала до матроса; для честныхъ бойцовъ наступили дни почета, справедливаго признанія ихъ доблести, для негодяевъ дни обличенія, кары за низкія дѣла ихъ. Начались слѣдствія. „Такой-то взятъ, тотъ-то замѣшанъ, говорятъ,“ разказывалось вполголоса въ столичныхъ и губернскихъ обществахъ; и точно также какъ не вѣрилось что въ скромныхъ, знакомыхъ намъ людяхъ явилось геройство, такъ же не вѣрилось: какъ могъ такой-то, образованный, прекрасный съ виду человѣкъ залѣзть добровольно по уши въ такую грязь и подлость? „Быть не можетъ,“ невольно срывалось съ языка, при слухахъ о грустныхъ открытіяхъ слѣдователей; а между тѣмъ неопровержимыя улики, доказательства ярко озаряли страшную картину злоупотребленій. Каково было глядѣть на нее честнымъ односемьянамъ этихъ падшихъ нравственно людей? Что должна была перечувствовать, вынести иная мать, глядя на невинныхъ дѣтей, отецъ которыхъ опозорилъ свое имя предъ всею Россіей? И надо отдать справедливость, общество, правительство, простонародье, всѣ, всѣ старались поскорѣй забыть имена падшихъ, чтобы какъ-нибудь невольно не напомнить, не оскорбить намекомъ неповинныхъ ихъ семьянъ; участіе доходило до того что самихъ разжалованныхъ общество не казнило презрѣніемъ,

отдавая содѣянное ими на судъ собственной ихъ совѣсти. Несправедливо иные объясняютъ равнодушіемъ, безучастнымъ отношеніемъ къ добру и злу эту высокую черту нашего общества; мы ищемъ глубже ея корня: онъ лежитъ въ тѣхъ же залогахъ любви, залогахъ смутно сознаваемыхъ, небрегомыхъ обладателями, но искони, повторяемъ, хранящихся въ душѣ русскаго человѣка. „Несчастнымъ“ издавна звалъ и зоветъ народъ нашъ всякаго преступника; будь это воръ, убійца, всѣмъ у него одно названіе: „несчастный“.

Въ число этихъ, поистинѣ несчастныхъ, завела необуздываемая алчность и Тарханкова. Получивъ отъ Аристархова на семьдесятъ тысячъ заемныхъ писемъ, годныхъ развѣ для завертыванія бритвенныхъ кисточекъ (ихъ была кстати цѣлая коллекція у Павла Ивановича), Тарханковъ точно конь закусилъ удила; съ налитыми кровью глазами, понесся онъ, влекомый страстью, чрезъ изгороди, бездорожицей, не разбирая пропастей, кустовъ, колючки держи-дерева, крутизнъ, овраговъ. Адвокатъ подлилъ масла, свѣтильникъ вспыхнулъ и разгорѣлся, дабы освѣтить то чего было не видно въ полумракѣ, весь безпорядокъ и соръ плохо прибранной комнаты. Наткнувшись на честность командировъ ополченій и полковъ, онъ пробовалъ всевозможныя средства, сначала чтобы сбыть гнилой провіантъ, изъѣденныя молью шинели и полушубки, потомъ чтобы хоть съ убыткомъ выпутаться, уплести по добру по здорову ноги, но дѣло не выгорѣло. Полетѣвшія съ разныхъ сторонъ донесенія подкрѣплены были энергическимъ вмѣшательствомъ руссофила. Взявъ нѣсколько полушубковъ, салоговъ, доставленныхъ для его ополченцевъ, находившихся въ Севастополѣ (руссофилъ былъ, какъ мы уже сказали, начальникомъ своего губернскаго ополченія), честный начальникъ отправился съ ними прямо къ главнокомандующему. Послѣдній ужаснулся, увидя вещи, и тутъ же велѣлъ усилить коммиссію которой поручено уже было дознаніе. Тотчасъ по сдачѣ Севастополя, присланный изъ Петербурга флигель-адъютантъ началъ формальное слѣдствіе, первый актъ коего читатель и видѣлъ вмѣстѣ съ нами сквозь окно станціоннаго дома.

„Предопредѣленіе“, сказалъ бы, вѣроятно, самъ Тарханковъ, еслибы не былъ прикосновенъ къ дѣлу, увидавъ какъ аккуратность его крѣпостнаго письмоводителя, Василья, и собственная страсть къ бумагамъ краснаго шрифта сразу

помогли слѣдователю поймать конецъ нитки огромнаго клубка, намотаннаго и запутаннаго не безъ ловкости. Василій Семеновъ обезумѣлъ самъ отъ удивленія, увидя такое важное примѣненіе своей, казалось, безцѣльной и пустой работы.

Снявъ допросы, слѣдователь, въ сопровожденіи жандарма, отправилъ Павла Ивановича, впрочемъ въ его собственной коляскѣ, въ ближайшій губернскій городъ, объявивъ что онъ долженъ подвергнуть его домашнему аресту. Коммиссаріатскій, спутникъ Тарханкова, оказался членомъ слѣдственной коммиссіи: къ Павлу Ивановичу онъ подъѣхалъ, съ недѣлю тому назадъ, въ видѣ ходатая по дѣлу его; фамилія чиновника оказалась псевдонимомъ. Василій Савельевъ и поваръ получили тоже двухъ провожатыхъ, или, по выраженію Василья, „двухъ архангеловъ“. Поваръ, любитель музыки, попросилъ у жандармовъ позволенія взять купленную у ямщика на станціи балалайку, и усѣвшись на фургонъ, всю дорогу наяривалъ *Камаринскую*, трепака и *Барыню*.

Василій Савельевичъ Аристарховъ не только не былъ замѣшанъ въ дѣло, но не былъ и подозрѣваемъ; никакихъ писемъ, ни даже имени его не попадалось въ арестованной походной перепискѣ Павла Ивановича. Вѣроятно, предвидя исходъ предпріятія, умный и опытный адвокатъ ограничился полученіемъ заемнаго письма и не вступалъ въ корреспонденцію и сообщество съ Тарханковымъ.

Отрадно было одно что кучка проворовавшихся была ничтожна въ сравненіи съ многочисленнымъ, почтеннымъ сонмомъ истинныхъ героевъ, людей явившихъ чудеса честной вѣрности долгу и мужества. Иноземныя войска несли изъ подъ Севастополя домой гордое, хотя не совсѣмъ вѣрное, сознаніе побѣды, наши несли внутрь Россіи думу о самихъ себѣ, смиреніе предъ путями Промысла и отрадное чувство, убѣжденіе, что правота дѣла все-таки на нашей сторонѣ, что такъ или иначе кончилась борьба, но Русь стояла честно и за святую истину.

Что дала имъ война, что намъ, повѣдать объ этомъ человѣчеству дѣло историка. Прикованному же къ заранѣе обдуманному плану разкащику приходится оставить широкую рѣку народной жизни и снова плыть по узкимъ, мутнымъ и свѣтлымъ жизненнымъ ручьямъ отдѣльныхъ нарисованныхъ имъ личностей. Пойдемте въ эти тайники, порою мрачные, порой озаряемые, словно солнцемъ, лучами вѣчно зиждущей любви.

И какъ отрадно любывать въ послѣднихъ, такъ тяжело слускаться въ мрачную, затхлую и сырую глубину лишенныхъ свѣта и тепла, душевныхъ подземелій.

Петръ Лучаниновъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, хотѣлъ проситься въ отпускъ, съ тѣмъ чтобы выйти совсѣмъ въ отставку (безденежье не позволяло ему служить въ кавалеріи), когда встрѣтившійся съ нимъ въ Крыму руссофилъ, пріятель отца и кромѣ того крестный отецъ Петра Алексѣевича, уговорилъ его отправиться съ нимъ въ качествѣ адъютанта его ополченія; прежній адъютантъ былъ тяжело раненъ и лежалъ въ больницѣ въ Одессѣ. Лучаниновъ возразилъ было „что это нельзя, не переведутъ".

— Это не твое дѣло; твое дѣло сказать: желаешь или нѣтъ! перебилъ его ломѣщикъ.

Лучаниновъ отвѣчалъ что онъ не прочь. Руссофилъ взялъ шапку и поѣхалъ къ полковому командиру Лучанинова; а недѣлю онъ ѣздилъ по бригаднымъ, дивизіоннымъ генераламъ, по военнымъ штабамъ, канцеляріямъ и выхлопоталъ таки приказъ „о прикомандировкѣ гусарскаго корнета Лучанинова къ начальнику такого-то губернскаго ополченія". Ополченіе было уже на обратномъ походѣ, когда они выѣхали изъ Крыма на почтовыхъ, чтобы догнать его. Чрезъ нѣсколько станцій, рано утромъ, они догнали ратниковъ; ополченцы поднимались съ дневки; народъ шелъ бодро, больныхъ было немного, но одежа и особенно обувь была плоха у многихъ.

— И воровать у этого бѣднаго народа, говорилъ вполголоса Лучанинову руссофилъ, расхаживая вмѣстѣ съ нимъ по выстроившимся рядамъ ополченцевъ.—Понимаешь ты теперь всю гнусность поступка этихъ.... Какъ назвать ихъ? добавлялъ онъ, взбираясь на телѣгу.

Отъѣхавъ станцію, двѣ, они останавливались, чтобы снова осмотрѣть ополченцевъ; начальникъ иногда подчивалъ ихъ на свой счетъ водкой. Зная съ дѣтства руссофила, Петръ Лучаниновъ не удивлялся его распорядительности и аккуратности; точно такъ дѣло шло у него и дома въ хозяйствѣ: со свѣтомъ поднимался онъ и отправлялся на бѣговыхъ, сгарнныхъ, звонкихъ дрожкахъ на работы. Старушка жена (они были бездѣтные) отправляла ему въ поле обѣдъ; послѣ обѣда отдыхалъ онъ на сѣнѣ или на сполахъ и только вечеромъ возвращался домой. Возвращаясь, онъ ѣхалъ обыкновенно шажкомъ, сажепяхъ въ двадцати, за идущею толпой, и слушалъ

хоровую лѣсню косцовъ.... Мужики и дѣвки, зная слабую струну ломѣщика, по воскресеньямъ собирали хороводъ на зеленомъ лугу предъ старинным его флигелемъ.

Въ Москвѣ Лучининовъ заговорилъ было о разчетѣ прогоновъ и сталъ благодарить на прощаньѣ своего спутника, но руссофилъ отвѣчалъ на это:

— Да кто же тебя отпуститъ; ты обязанъ проводить до мѣста ополченіе. Да потомъ что̀ тебѣ здѣсь дѣлать? Опять пьянствовать съ какими-нибудь скотами? Вздоръ.... Ты поѣдешь ко мнѣ въ деревню.

Лучининовъ что-то хотѣлъ возразить, но краснолицый, прехладнокровно указавъ малому на чемоданъ Петра Алексѣевича, произнесъ:

— Что жъ ты стоишь, дуракъ эдакой.... Выноси....

— Я думалъ, началъ было слуга.

— Думаютъ, братецъ, люди умные; гдѣ намъ съ тобой.... Готово что ли? Ну, поѣдемъ. Одѣвайся.

Лучининовъ надѣлъ шинель, бормоча себѣ что-то подъ носъ, а черезъ недѣлю сидѣлъ въ деревнѣ краснолицаго,ославъ въ свой полкъ прошеніе объ отставкѣ. Въ Москвѣ онъ успѣлъ только заѣхать къ Корневу; въ свой домъ, на который уже наложено было запрещеніе, онъ не заѣхалъ даже; тамъ впрочемъ и не было никого; Гаврило Алексѣевъ жилъ съ семьей въ уѣздномъ городѣ, гдѣ перебивались и прочіе отпущенные на волю дворовые; поваръ нашелъ себѣ мѣсто въ Москвѣ, а Петруша приводилъ въ порядокъ планы владѣній и размежевывалъ Корнева съ однимъ деревенскимъ сосѣдомъ.

XXII.

Года черезъ полтора отъ описаннаго въ предыдущей главѣ, вечеромъ, у одного извѣстнаго литератора и вмѣстѣ замѣчательнаго музыканта, князя О., въ Петербургѣ, гремѣлъ квартетъ. Первую скрипку игралъ Барскій; въ числѣ довольно многочисленныхъ слушателей и слушательницъ сидѣлъ нашъ знаменитый Михаилъ Ивановичъ Глинка.

— Знаете отчего вамъ не везетъ? сказалъ онъ, подойдя къ Барскому, усѣвшемуся къ чайному столу послѣ квартета.

Барскій вѣжливо поднялся съ своего мѣста.

— Вамъ надобно перемѣнить вашу фамилію, продолжалъ

композиторъ, на какую-нибудь иностранную. Съѣздивъ на полгода въ Парижъ, возвратитесь вы оттуда назвавшись какимъ-нибудь, хоть „Синьйорини“. Посмотрите какъ повезетъ вамъ.

— Правда, подтвердила хозяйка, передавая чашку Барскому.

— Простите меня, Михаилъ Ивановичъ, отвѣчалъ скрипачъ;— не подумайте что я слишкомъ высоко цѣню себя, но, положа руку на сердце, сознайтесь: вѣдь и вамъ, кажется, не худо бы переименоваться хоть въ „Глинчини“. Какъ бы мы, Русскіе, высоко чтили тогда и васъ, и ваши оперы.

Хозяйка разсмѣялась. Глинка пожалъ плечами и отвѣчалъ:—

— Пожалуй что; въ Глинчини надо и мнѣ.... пожалуй что и правду вы замѣтили, Захаръ Петровичъ.

Музыкантъ давно былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ и имѣлъ уже дочь. Жили они на той же квартирѣ на Васильевскомъ островѣ. Попрежнему сидѣлъ онъ, но не во второмъ, а уже въ третьемъ ряду первыхъ скрипокъ опернаго оркестра. Какъ затерялся въ общемъ звонѣ широкій тонъ его скрипки, такъ точно негромкое имя его и самъ онъ исчезли въ толпѣ музыкантовъ; всегда, правда, ему поручалъ почему-то капельмейстеръ вывѣрить партіи, отыскать фальшивый „цисъ“ у того или у другаго инструмента, прорепетировать съ квартетомъ арію пѣвца или пѣвицы, но исполненіе этихъ лестныхъ порученій, отнимая время у исполнителя, не прибавляло ему ни жалованья, ни особаго почета. Небольшой кругъ истинныхъ любителей музыки цѣнилъ замѣчательное дарованіе скрипача, приглашалъ его играть на вечера къ себѣ; но наслаждаясь его игрой, говоря любезности (какъ это водится за нами Русскими) никто изъ истинныхъ любителей даже не попытался помочь взойти на данную ему, такъ сказать выше, эстраду концертиста. Барскій, изъ скромности, не просилъ ихъ объ этомъ, а они сами не догадались: такъ и остался музыкантъ черноработою силой, не нуждаясь въ деньгахъ, правда (онъ имѣлъ уроки), но нуждаясь въ случаѣ подѣлиться, выказать обществу всю ширь своего дарованія; а это много тяжеле чѣмъ не допить и не доѣсть для прирожденнаго художника.

Насъ упрекнутъ, быть-можетъ, въ пристрастіи, въ преувеличеніи; скажутъ: „ужъ не такой же талантъ какъ онъ описываетъ“. Актеръ, отвѣтимъ мы на это, виртуозъ, пѣвецъ лишены возможности опровергнуть на дѣлѣ подобное сомнѣніе, лишены

съ той минуты какъ умолкъ навсегда звукъ ихъ инструмента, голоса. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ осталось послѣ нихъ? Разказъ восторженнаго почитателя, которому не-очевидцы не повѣрятъ, скажутъ: „это тылкая голова; къ тому же онъ былъ молодъ, слушая, самъ ничего не понималъ; это ему такъ показалось“, и т. д. Чѣмъ доказать что это было? что это былъ громадный талантъ, затертый въ толпу нашимъ невниманіемъ? Нечѣмъ. Мы попробуемъ однакожъ пригласить недовѣрчивыхъ взглянуть на висящія въ русскихъ галлереяхъ картины, хоть напримѣръ, бывшаго крѣпостнаго, Тропинина. Смѣло просимъ ихъ сравнить его картины съ современными Тропинину (да пожалуй и намъ) произведеніями европейскихъ живописцевъ. Сравните и скажите намъ по совѣсти, хуже нашъ Тропининъ, не говорю ужъ о Егоровѣ, Шебуевѣ, Ивановѣ, какого-нибудь Плекгорста или Мессоньс, покупаемыхъ нами за диковинныя цѣны у ловкихъ иностранцевъ? Такъ почему же, если русская кисть способна пѣть такія гармоничныя, очаровательныя пѣсни, почему русскому смычку не сумѣть срисовать родную „степь“, или вѣрно и ярко передать назначенныя геніальнымъ композиторомъ краски? Не потому ли ужъ что этотъ сказочный смычокъ приписанъ, по ревижскимъ сказкамъ, къ числу двухъ тысячъ душъ помѣщика? Къ несчастью таковыхъ скептиковъ (еслибы оказались таковые), Тотъ Кто даетъ таланты рѣдко справляется съ ревижскими и послужными, и всякими другими людскими списками.

Объ освобожденіи Барскаго въ обществѣ ходилъ неясный слухъ что онъ обязанъ имъ старой графинѣ и Жуковскому; вѣрнаго, впрочемъ, ничего не могъ онъ ни отъ кого добиться; такъ деликатно была оказана помощь. Замѣчательно, что въ тотъ самый день въ который въѣхалъ въ Петербургъ Барскій, въ Александро-Невскую лавру тянулся длинный похоронный поѣздъ старушки графини. Проѣзжая на другой день утромъ мимо ея дома, музыкантъ увидалъ остатки можжевельника, убираемые дворникомъ; сторы въ окнахъ были опущены; старинный домъ точно зажмурился, собираясь вздремнуть, на досугѣ, въ тишинѣ водворившейся въ немъ послѣ отъѣздѣ навсегда старой хозяйки. Князь О. сообщилъ потомъ Барскому что одинъ изъ наслѣдниковъ графини разказалъ, будто превосходная коллекція старыхъ италіянскихъ скрипокъ и альтовъ графини украдена не задолго до ея смерти и

замѣнена копіями. Скрипачъ ахнулъ и поблагодарилъ судьбу спасшую отъ похищенія его красавицу Гварнери.

— А то вѣдь и ее бы увезли за границу, говорилъ онъ.

— Да неужели за границу увезена коллекція? спросилъ кто-то.

Въ отвѣтъ на это музыкантъ подробно разказалъ обществу исторію инструментовъ знаменитаго оркестра В—хъ, гдѣ старые италіянскіе не только скрипки, но віолончели и контробасы, точно Сабинки, были похищены всѣ цѣликомъ, только не Римлянами.

Музыкальный вечеръ кончился.

— А вы слышали что вашъ Тарханковъ подъ судомъ? спросилъ князь, прощаясь съ Барскимъ.

— Слышалъ, отвѣчалъ музыкантъ.—Жаль все-таки его, но нѣтъ вѣдь худа безъ добра, не поможетъ ли это какъ-нибудь Лучаниновымъ? Вы слышали ихъ исторію?

— Слышалъ, отвѣчалъ князь;—но какъ же поможетъ? Непростительная небрежность со стороны старика, добавилъ онъ.

— Вы незнакомы съ ними? спросилъ Барскій.

— Нѣтъ, но слыхалъ о нихъ много отъ графа Н.

Онъ назвалъ фамилію графа охотника, котораго не разъ уже встрѣчалъ читатель.

Среди блеска и роскоши столицы, небогатый уголъ музыканта былъ похожъ на одинъ изъ тѣхъ зеленыхъ, свѣжихъ закоулковъ правильно разбитаго парка, въ которые такъ и хочется хоть заглянуть гуляющему по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ съ бордюрами изъ запыленныхъ цвѣтовъ и подстриженныхъ скучныхъ акацій. „Не разстался бы съ этимъ захолустьемъ,“ думаетъ гуляющій, забравшись въ благовонную чащу свѣжей зелени, но вотъ неумолимый сторожъ замѣчаетъ: „не угодно ли вамъ выйти на аллею?“ Продолжаю сравненіе: надъ этимъ свѣжимъ, уютнымъ уголкомъ, чудилось быть-можетъ нервному хозяину, висѣла какая-то бѣда, туча. Состояніе духа Барскаго было не то что мрачное.... Оно похоже было на весенній теплый, пасмурный день; благоухаетъ зелень, птицы щебечутъ и звенятъ въ сосѣдней рощѣ, но воздухъ влаженъ, душенъ. „Если это не предъ грозою,“ думаетъ пѣшеходъ-путникъ, „по крайней мѣрѣ надо ждать ненастья, и сильнаго“. Ни слова не говорилъ музыкантъ женѣ о своемъ непонятномъ предчувствіи, но она знала безъ его словъ что онъ ждетъ чего-то. Елизавета Николаевна на второй годъ

свадьбы часто прихварывала, кашляла по временамъ; доктора говорили что нѣтъ ничего опаснаго, но однако запретили ей заниматься музыкой. Это послужило новою пищей для нравственнаго состоянія Барскаго. Онъ вспоминалъ часто утро когда они играли, предъ его отъѣздомъ въ деревню, концертъ Вьетана.... „Я не сыграю его такъ теперь, и никогда, кажется,“ размышлялъ онъ самъ съ собою, „не вложу въ него этого жгучаго горя, которое само тогда, помимо моего сознанія, почти воплотилось въ звуки, передѣлало во что-то свое чужую музыкальную думу. И у нея, въ акомпаниментѣ, положительно, вотъ какъ сейчасъ я слышу, были звуки литавръ покрытыхъ крепомъ; и она не повторитъ, не добудетъ въ другой разъ похоронно-печальнаго, страшнаго звука изъ-подъ клавишъ. Похороны, правда, были; умеръ старикъ,“ утѣшалъ себя мнительный художникъ. Но на другой же день, иногда ночью, въ безсонныя минуты, снова слышался, внутреннему слуху его, мрачный, тяжелый, похоронный стукъ литавры, снова приломиналось это загадочное утро. „Это бываетъ только разъ въ жизни и бываетъ не даромъ,“ думалъ музыкантъ. „Это предчувствіе, болѣзненная дальнозоркость духовнаго ока. Случится съ нами что-нибудь недоброе.“ И онъ дрожалъ за жену, за ребенка; засидѣвшись гдѣ-нибудь на вечерѣ, онъ мучился, думалъ: „не заболѣлъ ли кто, не случилось ли чего“ и т. п. Товарищи по оркестру, знакомые начали, наконецъ, замѣчать тяжелое душевное настроеніе скрипача и совѣтовали ему лѣчиться, съѣздить за границу. „Да, нужно, надо,“ говорилъ онъ, желая отдѣлаться отъ совѣтовъ и никому не повѣряя чѣмъ страдаетъ; да и совѣстно было разказывать о такой странности. Иногда самъ онъ начиналъ смѣяться надъ собою внутренно, старался убѣдить себя что это вздоръ, но въ ту же минуту какой-то внутренній голосъ говорилъ ему: „не притворяйся, не зачѣмъ. Что надувать себя? Ты знаешь, вѣдь, что это сбудется, что это вовсе не вздоръ, а правда.“ Бѣднякъ соглашался съ этимъ, вздыхалъ, и снова впадалъ въ свою неотвязную задумчивость.

Развитію такого страннаго настроенія не мало помогала не удовлетворенная, не высказавшаяся вполнѣ натура художника; не самолюбіе снѣдало его; его одолѣвалъ грузъ собственной, не примѣненной къ сродному ей дѣлу силы; томила невозможность подѣлиться съ людьми звуками наполняющими душу. Часто, въ сумерки, вставъ противъ окна, онъ принимался

фантазировать; и слушала одна молодая жена эти чудныя бесѣды съ самимъ собою, эти мелодическія жалобы безъ словъ, слушала, склонясь надъ колыбелью засыпающаго ангела ребенка. Знала она „что“ думаетъ мужъ-художникъ, заливаясь точно одинокій соловей въ глуши безлюднаго кустарника въ весенній, теплый, лунный вечеръ; а люди, жалуясь на скуку и тоску, сидятъ всѣ по домамъ зѣвая и придумывая: чѣмъ бы имъ развлечься? А что бы выйти и послушать одинокаго пѣвца, мечущаго даромъ въ вечерній, лѣтній воздухъ свои звонкія, серебряныя трели!

„Ну, вотъ и воля“, думалъ виртуозъ, поцѣловавъ вошедшую жену и укладывая со сдержаннымъ вздохомъ свою звонкую, пѣвучую Гварнери. Даже отъ князя О. и изъ другихъ музыкальныхъ салоновъ отгоняли его доброжелатели; заѣзжіе виртуозы (исключая славнаго учителя Барскаго, Вьетана, этого царя скрипачей, богатыря скрипки), когда ихъ спрашивали объ игрѣ Барскаго, отвѣчали: „Да, у него есть талантъ, хотя ему не достаетъ.... какъ бы это назвать вамъ?“ И они долго подбирали слово для точнѣйшаго выраженія чего не достаетъ, скромно умалчивая о томъ чего такъ много было въ отчетливой и вмѣстѣ задушевной, жаркой игрѣ русскаго музыканта. И что жь вы думаете? Мало-по-малу, исключая князя О., да испытавшаго на дѣлѣ эти же невзгоды Глинки, да еще двухъ, трехъ любителей, въ салонахъ начали повторять отзывы заѣзжихъ знаменитостей: „у него есть талантъ, хотя недостаетъ въ его игрѣ.... какъ бы это мнѣ выразить?“ слово-въ-слово повторяли разные, считающіе себя знатоками музыки лишь потому что они не пропустили ни одного абонемента италіянской оперы. Барскій отмалчивался, скрывая тяжелую боль наносимую этими, повидимому ничтожными, а между тѣмъ отгораживающими его все болѣе и болѣе отъ эстрады солиста, отъ истиннаго дѣла, словами невѣжественныхъ оцѣнщиковъ. Вѣдали ли они что творили?

Часовъ въ девять утра, на другой день квартета, Барскій сидѣлъ съ женою за самоваромъ; кто-то позвонилъ; нянька отворила, и въ комнату вошелъ Корневъ. Барскій познакомилъ его съ женою.

— Очень я радъ видѣть васъ, говорилъ хозяинъ, усаживая гостя къ чайному столу.—Скажите, гдѣ теперь и что подѣлываетъ Лучининовъ Владиміръ Алексѣевичъ?

— Служитъ все тамъ же, но вотъ съ полгода я не получалъ отъ него писемъ; правда, и самъ не писалъ, отвѣчалъ Кор-

невъ.—Брата его я видѣлъ мелькомъ въ Москвѣ; онъ, кажется, въ отставкѣ и живетъ въ деревнѣ у одного помѣщика, друга отца.

— Хочу попробовать я написать Владиміру Алексѣевичу, говорилъ Барскій;—мнѣ онъ очень полюбился, и потомъ я часто вспоминаю наше первое знакомство; вѣдь, знаете, тогда, да и теперь бы.... вѣдь отдыхаешь встрѣчаясь съ такими теплыми, искренними людьми.

— Да, это правда, подтвердилъ Корневъ.

Онъ былъ какъ-то разсѣянъ; замѣтно было что ему нужно было о чемъ-то переговорить наединѣ съ музыкантомъ. Хозяйка, замѣтивъ это, вышла.

— Что ваша музыка? спросилъ Корневъ.

— Играю въ оркестрѣ; учу дѣтей разныхъ сіятельныхъ и несіятельныхъ господъ, отвѣчалъ Барскій.—Это вы для чего же меня о ней спросили?

— То-есть какъ для чего? У васъ такой талантъ что мнѣ кажется.... началъ было Корневъ.

Барскій взялъ его за руку и произнесъ:

— Не завидуйте, Григорій Сергѣевичъ.

— Я не завидую, но....

— Будетъ объ этомъ, перебилъ Барскій. — Хныкать, жаловаться я не охотникъ, а.... Давайте о чемъ хотите говорить, только не объ этомъ, не о музыкѣ. Не видали ли вы кого-нибудь изъ нашихъ общихъ, впрочемъ немногочисленныхъ знакомыхъ?

— Видѣлъ. Вотъ я, кромѣ желанія, разумѣется, васъ видѣть....

Вѣжливость иногда доходящая до смѣшнаго, рядомъ съ запальчивостью, была одною изъ слабостей Корнева.

— Кромѣ, говорю, того что мнѣ хотѣлось.... повторилъ онъ.

— Къ дѣлу, безъ прелюдій, перебилъ Барскій.

Корневъ немного покраснѣлъ отъ замѣчанія музыканта и началъ:

— Я пріѣхалъ по порученію Сергѣя Александровича Палашова, съ которымъ недавно познакомился; онъ живетъ теперь въ Москвѣ; онъ просилъ меня передать вамъ насчетъ какой-то пѣвицы Груши. Писать хотѣлъ онъ, но не можетъ: съ нимъ недавно былъ ударъ....

— Ударъ?

— Да; теперь однако ему получше, продолжалъ Корневъ.—

Онъ васъ проситъ пристроить ее гдѣ-нибудь въ Петербургѣ; ее выключили изъ театральнаго училища какъ неспособную, и бѣдняжка живетъ у какихъ-то швей, крѣпостныхъ Тархакова; она безъ куска хлѣба....

Барскій задумался.

— Вы когда ѣдете? спросилъ онъ.

— Послѣ завтра; потомъ я буду здѣсь опять черезъ недѣлю, но проѣздомъ за границу въ Парижъ и, можетъ-быть, въ Италію, отвѣчалъ Корневъ.—Я пріѣхалъ теперь по имѣнію переговорить съ дядей; послѣ поѣду въ деревню и черезъ недѣлю, много двѣ, уѣду за границу.

— Позвольте мнѣ переговорить съ женой; у васъ есть полчаса времени? спросилъ Барскій.

Корневъ отвѣчалъ что есть. Музыкантъ вышелъ въ другую комнату. Григорій Сергѣевичъ курилъ папиросу и, отъ нечего дѣлать, перелистывалъ ноты лежавшія на закрытой рояли.

— Умница, говорилъ Барскій, гладя по головѣ жену, входя съ ней подъ руку въ гостиную. — Отлично; кажется, дѣвочка будетъ пристроена, и какъ нельзя лучше. Что жь, надо ѣхать?

— Сегодня не застанете. Его нужно заставать утромъ, замѣтила Елизавета Николаевна.

— Правда, отвѣчалъ Барскій.—Завтра вы свободны, такъ, часу въ девятомъ утра? спросилъ онъ Корнева.

— Свободенъ.

— Пріѣзжайте же ко мнѣ. Я васъ познакомлю съ петербургскими Аѳанасьемъ Иванычемъ и Пульхеріею Ивановною, говорилъ Барскій.

— Кто же это такіе? спросилъ Корневъ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Это, батюшка, сила на контробасѣ. А нѣтъ ли репетиціи завтра? говорилъ Барскій.

— Нѣтъ; повѣстки не было, отвѣчала Елизавета Николаевна.

— Да, завтра репетируютъ балетъ. Лучше нельзя устроить дѣвочку. Только бы взялъ Иванъ Евстаѳьичъ, толковалъ Барскій. Но я радъ что васъ съ нимъ познакомлю.... Чудакъ, но прелестнѣйшій человѣкъ. А вѣдь тоже аристократическаго происхожденія, какъ и я, изъ крѣпостныхъ же.

— Оба, и мужъ и старушка, превосходные люди, подтвердила Елизавета Николаевна, принимая отъ няньки на руки глазѣвшую на незнакомца дочку.

Проводивъ Корнева, Барскій отправился на уроки.

На другой день, часу въ девятомъ утра, Корневъ заѣхалъ къ музыканту, и они отправились вмѣстѣ въ одну изъ сосѣднихъ линій Васильевскаго острова. Сани ихъ остановились у деревяннаго стараго дома въ пять оконъ на улицу. Отворивъ калитку, Барскій повелъ Корнева узенькимъ проходомъ между небольшими, новенькими, опрятными будочками.

— Это куриный городокъ, объяснилъ, улыбнувшись, Барскій, указывая на курятники.

— Вижу, отвѣчалъ Корневъ, вслушиваясь въ говоръ и крикъ пернатыхъ обитателей городка.

Поднявшись на крыльцо, пріѣхавшіе прошли сѣни; Барскій отворилъ обитую новою клеенкой дверь.

— Да нестрая не клохчетъ, Иванъ Евстаѳьичъ, говорила крестьянка, молодая баба, стоя съ вѣникомъ въ рукѣ, спиною къ вошедшимъ.

Увидя наконецъ гостей, она обдернула подоткнутый спереди фартукъ, поставила вѣникъ въ уголъ и низко поклонилась.

— А я тебѣ говорю: клохчетъ; я самъ щупалъ ее сегодня, отвѣчалъ чей-то стариковскій, но бодрый голосъ изъ сосѣдней, притворенной комнаты.

— Дома. Раздѣвайтесь, Григорій Сергѣевичъ, произнесъ Барскій, снимая мѣховое пальто свое.

Гости вошли въ небольшую залу; высокій, довольно плотный, сѣдой старикъ, въ длинномъ сюртукѣ, стоялъ, вытянувшись, на стулѣ у окна и чистилъ канареечную клѣтку.

— Такъ нестрая клохчетъ, Иванъ Евстаѳьевичъ? спросилъ Барскій, остановившись у дверей.

— Смѣйся, отвѣчалъ, не оборачиваясь, старикъ;—вотъ погоди, дѣтишками обзаведешься, самъ будешь курицъ щупать, прибавилъ онъ, вдвигая дощечку съ чистымъ пескомъ и свѣжимъ кормомъ.

Неторопливо повѣсивъ клѣтку, онъ слѣзъ со стула, отряхнулъ сѣмя и песокъ съ сюртука, поправилъ свѣтлорусые, съ просѣдью, густые, курчавые волосы и протянулъ руку Барскому.

— Позвольте васъ познакомить, началъ Барскій.—Григорій Сергѣевичъ Корневъ; артистъ театровъ Иванъ Евстаѳьевичъ Матвѣевъ.

— Здравствуйте, сударь, здравствуйте, обратился хозяинъ

къ Корневу, пожавъ руку; очень пріятно; прошу покорнѣйше... Татьяна Алексѣевна! Вы скоро? Чайку бы намъ....

— Сейчасъ, сейчасъ Иванъ Евстаѳьевичъ.... Сливокъ не принесла Агаѳья.... Прикажи, батюшка, ей, потрудися, раздался изъ сосѣдней затворенной комнаты голосъ старушки.

— Агаѳья! Сливки ты забыла принести Татьянѣ Алексѣевнѣ, сказалъ, обратясь къ вошедшей кухаркѣ, Иванъ Евстаѳьевичъ.—А морозецъ градусовъ около тридцати, надо быть. Не посмотрѣлъ я на градусникъ. Что, у тебя не холодно?

— Да есть таки; не жарко, отвѣчалъ Барскій.

— Говорилъ я твоему хозяину еще при старикѣ: „прокопать“. Вотъ я дворецъ свой переконопатилъ, — не нарадуюсь, хоть въ рубахѣ сиди, такъ въ пору; а вѣдь зима-то понче наша русская. Что, посадила? спросилъ онъ, оборотясь къ кухаркѣ, проходившей съ крынкой черезъ комнату.

— Сидитъ, отвѣчала кухарка.

— А говоришь, не знавши, замѣтилъ Иванъ Евстаѳьевичъ.

— Вотъ одолѣли человѣка курицы, замѣтилъ въ свою очередь Барскій.

— Смѣйся, отвѣчалъ, понюхавъ табаку, хозяинъ.

Корневъ оглядывалъ комнату; по угламъ, точно часовые, стояли два огромные ящика съ контробасами; у стѣнки старинное фортепіано, покрытое черною клеенкой; надъ окнами висѣли клѣтки съ канарейками; на подоконникахъ стояло безчисленное множество горшковъ съ цвѣтами, съ луковицами гіацинтовъ подъ стекляными банками; въ нѣкоторыхъ горшкахъ ничего не было кромѣ воткнутой въ землю лучинки съ бумажкой; изъ сосѣдней комнаты по временамъ доносился рѣзкій перебой перепела.

— Вотъ, нынче у меня камелія что-то долго не цвѣтетъ, началъ хозяинъ, замѣтивъ что Барскій смотритъ на какое-то растеніе.—А что, расцвѣла ли моя у Елизаветы Николаевны?

— Расцвѣла, отвѣчалъ Барскій.—Какія у васъ азаліи!

— Ну ужь, братъ, перещеголяю; погоди; на той недѣлѣ пріѣзжайте, увидите, отвѣчалъ Иванъ Евстаѳьевичъ.

— Пожалуйте, раздалось изъ сосѣдней комнаты.

Служанка отворила обѣ половинки дверей и ушла. Хозяинъ ввелъ гостей въ просторную комнату, убранную старинною мебелью краснаго дерева; въ углу, въ кіотѣ съ образами въ серебряныхъ окладахъ, теплилась лампадка; на окнахъ и на зеленыхъ лѣсенкахъ подлѣ нихъ стояли тоже горшки съ цвѣ-

гами; на диванѣ сидѣла старушка въ чепцѣ за чайнымъ круглымъ столомъ, уставленнымъ корзинами съ булочками, колобками, масленицами и молочниками разныхъ архитектуръ и калибровъ; надъ всею этою дребеденью гордо шипѣлъ, точно разбогатѣвшій вдругъ купецъ, самоваръ, вычищенный какъ зеркало.

— Жена моя, Татьяна Алексѣевна, проговорилъ Иванъ Евстафьевичъ;—извините, сударь, запамятовалъ вашу фамилію... Да ужъ и имя и отчество позвольте.

— Григорій Сергѣичъ Корневъ, поклонившись, отвѣчалъ гость.

Сухая, низенькая и худощавая старушка, съ трясущеюся нѣсколько головой, приподнялась, промолвивъ: „покорнѣйше прошу, батюшка.“

— Елизавета Николаевна все ли въ добромъ здоровьѣ? обратилась она, снова усѣвшись на свое мѣсто, къ Барскому.—Что ея кашель? Употребляетъ ли она мое лѣкарство?

— Лучше, Татьяна Алексѣевна. Благодарю васъ; но все боюсь я за нее, все кашляетъ, отвѣчалъ Барскій.

— Зима ноньче холодная, замѣтила старушка, наливая стаканы.—Покорнѣйше прошу, сударь, обратилась она къ Корневу.

Корневъ глядѣлъ во всѣ глаза на эту обстановку, напоминавшую ему деревню, дѣтство, бабушку, и едва вѣрилъ что онъ въ Петербургѣ.

— Не правда ли, идиллія? шепнулъ ему на ухо Барскій, угадавъ его мысли.

Хозяинъ принялся за чай, за колобки и мало обращалъ вниманія на посѣтителей.

— Точно бы масло горьковато въ колобкахъ, замѣтилъ онъ, обращаясь къ старушкѣ.

— Ужъ я и сама вижу.... Поскупилась.... Надо бы изъ новой крынки взять, озабоченно отвѣчала старушка.—Не угодно ли вамъ крендельковъ, сударь, предложила она Корневу.—Что же вы масла-то, Захаръ Петровичъ? Сливочное, свѣжее; вчера только что сбила.

— Ты слышала, Татьяна Алексѣевна, какъ онъ баранины-то купилъ вмѣсто лося? разсмѣявшись до слезъ, перебилъ Иванъ Евстафьевичъ.

Старушка тоже разсмѣялась, проговоривъ: „ну да, вѣдь, гдѣ же имъ знать?“

— А васъ прошу, Татьяна Алексѣевна, запретить ему куръ щупать, отвѣчалъ Барскій, допивая стаканъ. — Помилуйте, приходитъ въ оперу,—весь фракъ въ куриныхъ перьяхъ.

— И фрака-то я сроду не носилъ, возразилъ хозяинъ.

— Ну, сюртукъ, поправилъ Барскій.

— Смѣйся.... А вы чѣмъ же занимаетесь, сударь? Любители, полагать надо, музыки? спросилъ хозяинъ, обратившись къ Корневу.

— Люблю, но самъ ни на чемъ не играю; я математикъ, отвѣчалъ Григорій Сергѣевичъ.

— Мы пріѣхали къ вамъ, Иванъ Евстафьевичъ, началъ Барскій,—вотъ съ какимъ дѣломъ. Я вамъ разказывалъ немного о доморощенной пѣвицѣ, Грушѣ.

— Разказывалъ, отвѣчалъ Иванъ Евстафьевичъ.

И Барскій сообщилъ ему извѣстія привезенныя Корневымъ, окончивъ просьбою: не возьмутъ ли они, какъ бездѣтные, къ себѣ на воспитаніе сиротку?

— Подъ вашимъ руководствомъ, я увѣренъ, вышла бы изъ нея замѣчательная пѣвица, заключилъ Барскій.

Старушка и старикъ внимательно выслушали разказъ Барскаго.

— Эдакое дѣло зря нельзя дѣлать, надо подумать, отвѣчалъ, понуривъ голову, старикъ.—Дѣтей у насъ нѣтъ, правда; былъ сынъ, но Богу угодно было....

Старики переглянулись; старушка отерла навернувшіяся слезы; мужъ и жена какъ будто перемолвились безъ словъ, и тихо вздохнули оба.

— Что жъ, можетъ Богъ намъ посылаетъ, замѣтила старушка.

Барскій поцѣловалъ у ней руку.

— Такъ-то такъ, а все-таки дай прежде мнѣ подумать. Вы когда ѣдете? спросилъ Иванъ Евстафьевичъ Корнева.

— Я могу лишній день остаться; послѣ завтра, отвѣчалъ Корневъ.

— Денегъ вѣдь надобно послать ей на дорогу. А съ кѣмъ пріѣдетъ-то? толковалъ старикъ.

Корневъ вызвался привезти дѣвушку съ собою черезъ двѣ недѣли.

— Все-таки погодите; вотъ мы померекаемъ со старухой; а завтра я отвѣтъ дамъ, хоть тебѣ, отвѣчалъ, обращаясь къ

Барскому, Иванъ Евстафьевичъ.—А завтра вечеромъ у насъ вѣдь сентуоръ съ тобой у Глинки?

— Я знаю. Вы не знакомы съ Глинкой? спросилъ Корнева скрипачъ.

Барскій предложилъ познакомить его, и они условились ѣхать на другой день вечеромъ на сентуоръ.

— Если онъ, разумѣется, извинитъ что я не буду предварительно съ визитомъ: утро у меня занято, говорилъ Корневъ.

— Художники не обижаются подобными вещами, перебилъ его Барскій.

Хозяинъ принялся разказывать Корневу названія растеній; старушка, отведя въ сторону Барскаго, подробно распрашивала его о Грушѣ.

Иванъ Евстафьевичъ.... Авторъ считаетъ лишнимъ прибавлять фамилію, такъ какъ подъ именемъ и отчествомъ, да еще подъ названіемъ „дѣдушки“, описываемое лицо извѣстно было всему театру и тогдашнимъ петербургскимъ любителямъ музыки; фамилію его рѣдко и зналъ кто изъ его друзей и многочисленныхъ знакомыхъ. Тридцать два года стоялъ Иванъ Евстафьевичъ, какъ столбъ, на мѣстѣ перваго контробасиста оперы; мѣнялись около него солисты, капельмейстеры, товарищи по инструменту („коллеги“, какъ онъ звалъ послѣднихъ); обросшій густою сѣдиной затылокъ Ивана Евстафьевича знай себѣ бѣлѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ подлѣ контробасной, похожей на верблюжью шею, ручки. „Можно скорѣе отставить отъ него оркестръ чѣмъ его отъ оркестра“, говорилъ про него одинъ изъ нашихъ композиторовъ, пародируя извѣстную остроту Ломоносова: „вотъ развѣ академію отъ меня отставятъ, а меня гдѣ отставить академіи?“ Новые солисты, капельмейстеры, послѣ первой піесы, невольно взглядывали съ уваженіемъ на Ивана Евстафьевича, сразу уразумѣвъ что это стоитъ сила; въ отвѣтъ на этотъ лестный для музыканта взглядъ, Иванъ Евстафьевичъ, будто ничего не замѣчая, садился подлѣ своего колосса-инструмента и молча подчивалъ изъ серебряной табатерки табакомъ сосѣда віолончелиста. Мягкій, бархатный тонъ контробасиста извѣстенъ былъ всему музыкальному Петербургу; устраивался ли сентетъ въ избранномъ кругу знатоковъ, безъ Ивана Евстафьевича дѣло не обходилось. „Надо послать за дѣдушкой“, говорили знатоки, устраивая у себя октетъ или другую піесу съ контробасомъ. Въ оркестрѣ, онъ и литаврщикъ, почти сверстникъ Ивана

Евстафьевича, были тяжеловѣсомъ сдерживающимъ подымавшіяся иногда колебаніе и качку: уносились ли впередъ разгорѣвшіяся въ концѣ огненнаго allegro первыя скрипки, Иванъ Евстафьевичъ, точно соборный колоколъ, мѣрно благовѣстилъ настоящій тактъ, и скрипки, опомнившись, сбѣгались, будто внуки, подталкивая другъ друга, къ твердачудѣдушкѣ; отставали ли неповоротливые віолончели, запутавшись какъ въ тенетѣ въ трудномъ пассажѣ, и віолончели спѣшно подходили, перепрыгнувъ чрезъ два-три такта, къ неколебимой доминантѣ стараго контробасиста. Фальшивый тонъ не пролеталъ тоже ни разу мимо опытнаго уха Ивана Евстафьевича; „фисъ“, замѣчалъ онъ вслухъ, или послѣ піесы, проходя мимо промахнувшагося, говорилъ ему на ухо: „вдругорядь фисикъ, сударь, фисикъ потрудитесь взять“. Музыкантъ краснѣлъ. „Разокъ-то ничего; и на старуху бываетъ проруха“, оканчивалъ свой выговоръ Иванъ Евстафьевичъ. Барскій на репетиціи часто пускалъ, на встрѣчу контробасу, звонкій, невяжущійся, фальшивый тонъ; капельмейстеръ, переглянувшись со скрипачемъ, смѣялся. „Дури, дури“, добродушно говорилъ Иванъ Евстафьевичъ, зная что этотъ не проврется; другому бы безъ церемоніи сказалъ онъ: „це, сударь“.

— Что, братъ, коллега? Али не по зубамъ? острилъ онъ во время игры надъ тонконогимъ франтикомъ, вторымъ контробасистомъ, когда у того, въ трудномъ мѣстѣ, заплетались пальцы и вылетали изъ-подъ смычка звуки похожіе на звукъ салопной щетки.—Вскочи верхомъ на контробасъ-то, авось вывезетъ, добавлялъ онъ, поглядывая искоса какъ „коллега“, весь въ поту, хлопочетъ безъ толку около инструмента.

Контробасисты обижались, и хотя побаивались Ивана Евстафьевича, но нѣкоторые жаловались на него инспектору музыки или капельмейстеру.

— Это невозможно, Herr Kapellmeister, жаловался нѣсколько разъ на него, картавя по-берлински, съ бородкой и стекляшкомъ въ глазу, заѣзжій шарлатанъ-контробасистъ, пріѣхавшій въ Россію съ тою надеждой что его будутъ слушать варвары.—Нельзя играть, man kann nicht spielen mit Иванъ Эстафитшъ, говорилъ онъ. — Во время игры онъ остритъ, reisst Witzen, Herr Kapellmeister.

Капельмейстеръ призывалъ Ивана Евстафьевича на очную ставку; невозмутимо выслушавъ выговоръ и замѣчаніе что надобно быть вѣжливымъ, старикъ, тутъ же отвѣтивъ ему

„слушаю, сударь“, замѣчалъ жаловавшемуся товарищу: „а все-таки вдругорядь-то, коллега, почище выбери пассажикъ-то; возьми на глазъ; поучи съ женой.“ Капельмейстеръ, разсмѣявшись, упрашивалъ истца оставить дѣло; но жаловавшійся уже держись въ слѣдующей піесѣ; какъ соколъ налеталъ на бѣдника съ насмѣшками за всякую ошибку Иванъ Евстафьевичъ.

Трудно было бы рѣшить даже опытнѣйшему лингвисту и филологу на какомъ языкѣ Иванъ Евстафьевичъ говорилъ съ товарищами-иностранцами, въ первое время обыкновенно ни слова не понимающими по-русски. „Шпрингбогеномъ, коллега, шпрингбогеномъ; вотъ такъ“, говорилъ онъ; коллега понималъ и заставлялъ прыгать смычокъ свой. „Подгогь, маленечко, пидриговато“; товарищъ-Нѣмецъ подымалъ на полтона настроенную низко струну. „Вотъ, теперь гутъ“, одобрялъ, подчуя его табакомъ и оглядывая оперную публику, Иванъ Евстафьевичъ. „Не само форте; вартъ маленько.... Цу фри, коллега; наша рѣчь впереди. Вотъ теперь съ Богомъ.... Закресчендирывай ломаленьку.... Ай да коллега! Гутъ! Цѣны нѣтъ! Лихо!“ похваливалъ Иванъ Евстафьевичъ, возя смычкомъ по контробасу.

Иванъ Евстафьевичъ ничего сроду не пилъ, но любилъ поѣсть и самъ мастерски готовилъ нѣкоторыя кушанья; онъ былъ большой хлѣбосолъ, и въ Иванов день, 29го августа, приглашалъ капельмейстера, Барскаго, литаврщика и человѣкъ пять, шесть друзей музыкантовъ, большею частію сверстниковъ. Столъ ломился отъ разныхъ кулебякъ, заливныхъ изъ осетрины, нѣсколькихъ сортовъ жаркаго; великолѣпнѣйшія наливки, настойки, шипучки, варенья съ особеннымъ мастерствомъ приготовляла Татьяна Алексѣевна. Пиръ длился иногда съ перваго утра до четырехъ, пяти часовъ слѣдующаго.

По главною страстью Ивана Евстафьевича были цвѣты, птицы и особенно куры; какихъ, какихъ сортовъ куръ у него не было. Жизнь куръ была для него и „старухи“ (какъ онъ звалъ жену, когда хотѣлъ быть съ нею особенно любезнымъ), была для нихъ, кажется, такъ же занимательна какъ собственная.

— Вывела вѣдь, кричалъ онъ вдругъ, расхаживая по двору, лѣтомъ, безъ сюртука около своихъ курятниковъ.

— Что ты? отзывалась, высунувшись изъ открытаго окна, Татьяна Алексѣевна.

— Вотъ, гляди, отвѣчалъ Иванъ Евстафьевичъ, кромѣ яйцъ цыплятамъ.

— Я говорила что сегодня надо имъ быть, замѣчала старушка, усѣвшись снова въ кресло и шевеля длинными, стальными спицами чулка.

Лѣтомъ Иванъ Евстафьевичъ ходилъ куда-то иногда на день, на два, за вѣниками, за грибами, за земляникой; встрѣчаясь со знакомыми, иногда весь увѣшанный пучками свѣжаго березника, онъ преспокойно раскланивался или подчивалъ табакомъ встрѣтившагося, замѣчая: „а жарко въ городѣ; въ лѣсу, вотъ, рай, блаженство.“

Но не довольно ли о немъ?

Простясь съ хозяиномъ, Барскій и Корневъ уѣхали.

— Дѣло, кажется, устроится съ Грушей, говорилъ Барскій, садясь въ сани.—А каковъ дѣдушка-то?

— Славные люди, отвѣчалъ Корневъ.

— Но что̀ такое онъ въ оркестрѣ, со смычкомъ, еслибы вы знали, говорилъ Барскій.—Богатырь, силища!

XXIII.

Владиміръ Лучаниновъ служилъ все еще безъ жалованья; въ небольшомъ городѣ поэтому считали его многіе чуть не милліонеромъ; милліонеръ однако, для тѣхъ кто его видѣлъ чаще и ближе, значительно выцвѣлъ, полинялъ, если сравнить теперешнюю обстановку его съ тою какая была у него въ годъ пріѣзда. Унтеръ-офицеръ, „старшой“, какъ его называли прочіе канцелярскіе сторожа, снимая однажды пальто съ Лучанинова, замѣтилъ, обратившись къ сидѣвшему на ларѣ сторожу: „байку подшилъ вмѣсто шелковой-то подкладки. Видно карманъ потоньше сдѣлался.“ При этомъ, нюхая табакъ, унтеръ, старожилъ канцеляріи, разказалъ сторожу что много онъ на своемъ вѣку видалъ подобныхъ франтовъ; „пріѣдетъ, кончивъ курсъ, иной“, говорилъ унтеръ, „все съ иголочки; французскія перчатки, тросточка съ золотымъ набалдашникомъ; глядишь и думаешь, погоди, ваше благородіе, прощеголяешься; ты думаешь: небось, такъ тебѣ вотъ и дали мѣсто секретаря, али чиновника особыхъ порученій сразу; подождешь. Глядишь, чрезъ мѣсяцъ, другой, пальтечко по локтямъ обтерлось, тросточка безъ набалдашника... Что̀, ваше благородіе? Знать тонко?“

— Получитъ, Богъ дастъ, мѣсто, поправится, зѣвая во весь ротъ, возражалъ сторожъ.

— Получитъ; жди; какія у насъ мѣста-то, мы чай знаемъ. А и откроется мѣсто, у правителя есть два племянника, кончаютъ курсъ въ университетѣ....

— А баринъ добрый, замѣтилъ сторожъ.

— Добрый-то, добрый, говорилъ унтеръ, а.... только что къ сосѣдкѣ ему надо бы порѣже ходить; лучше бы было... Живмя живетъ у сосѣдки.

Старшой былъ замѣчательный психологъ; отъ нечего ли дѣлать, или по призванію, онъ наблюдалъ, сидя на засаленномъ ларѣ прихожей канцеляріи, и зналъ задушевнѣйшія тайны каждаго изъ служащихъ; наблюденія свои онъ сообщалъ, за недостаткомъ другихъ слушателей, то сторожу, то жандарму, иногда дежурному писцу, не знавшему какъ ему убить сутки на которые закабалила его очередь.

— На шею Станислава ждетъ, замѣчалъ онъ, вѣшая шубу какого-нибудь столоначальника;—будетъ съ тебя и въ петличку.

Унтеръ не охотникъ былъ до служащихъ въ родѣ Лучанинова; онъ любилъ чиновника толстаго, „обстоятельнаго“, какъ онъ выражался; облекая въ енота кого-нибудь изъ разряда своихъ любимцевъ, онъ по уходѣ его прибавлялъ: „вотъ этотъ—пазуха: на жену третій домъ покупаетъ, а эти франтики, видали ихъ мы, завелись они не сегодня....“

Какъ ни скрывалъ, ни отмалчивался Лучаниновъ на вопросы о потерѣ имѣнія, сослуживцы знали дѣло въ подробности; унтеръ весьма охотно разказывалъ это занимательное происшествіе желающимъ; дежурные писцы отъ скуки заставляли его повторять эту повѣсть по нѣсколько разъ. Оканчивалъ онъ разказъ свой всегда сильнымъ пріемомъ табаку и словами: „баринъ съ образованіемъ и добрый, только что нѣтъ въ немъ обстоятельности.“

Правитель доставилъ Лучанинову работу, переводъ одного, довольно объемистаго, политико-экономическаго сочиненія; переводъ и былъ напечатанъ въ одномъ изъ петербургскихъ періодическихъ изданій, гдѣ редакторомъ былъ пріятель правителя. Получивъ нѣсколько сотъ за эту работу, Лучаниновъ ожилъ и пересталъ поглядывать на свою Амати, подумывая: „не продать ли?“ Полученныя изъ Россіи письма отъ Гавриды Алексѣева, брата и отъ доктора увѣдомляли что и завѣщаніе признано незаконнымъ; движимость, деньги и домъ

признаны, слѣдовательно, тоже имъ не принадлежащими. Петръ Лучининовъ вышелъ въ отставку и продолжалъ жить въ деревнѣ руссофила.

Разбитый на всѣхъ путяхъ, Владиміръ Алексѣевичъ, какъ ни утѣшалъ себя, но впадалъ день ото дня больше въ задумчивость и какое-то равнодушіе даже къ любимому занятію старниой; Олеарій и лѣтописи покрылись слоемъ пыли; библіотека посѣщалась рѣже. У сосѣдокъ бывалъ онъ часто, оправдывая свои посѣщенія необходимостію сообщать старухѣ свѣдѣнія по ея дѣлу, за которое взялся писарь (извѣстный читателю); оказалось что онъ имѣетъ знакомыхъ въ Петербургѣ, во всѣхъ вѣдомствахъ, писарей, большею частію сослуживцевъ. „Душъ восемьдесятъ отстоимъ", говорилъ онъ Лучининову, съ увѣренностію поглядывая на него своими умными глазами. Старуха недовѣрчиво слушала эти увѣренія, но вытаскивала ему изрѣдка рубля два, три на хлопоты и на бумагу изъ коммода.

— Не обманщикъ ли онъ, боюсь, говорила она иногда Лучининову.

Владиміръ Алексѣевичъ защищалъ писца; онъ, почему-то убѣжденъ былъ что писарь не обманщикъ.

Два года слишкомъ прошло отъ того дня какъ Лучининовъ хохоталъ, наблюдая въ бинокль проказы дѣвочки-ребенка. Она выросла, сложилась и перестала дичиться Лучининова. Когда онъ, лѣтомъ, проходилъ мимо окна, она часто кричала ему первая: „здравствуйте, Владиміръ Алексѣевичъ".

— Опять, говорила ей старушка;—сколько разъ я говорила тебѣ: прилично ли вельможной панёнкѣ первой здравствоваться съ молодымъ человѣкомъ? Ну, онъ поклонится, отвѣтитъ, а самой кричать на всю улицу....

— Да почему же неприлично, бабушка? Онъ славный такой, отвѣчала, потупившись, внучка.

Старуха подумывала объяснить ей почему неприлично, но всегда махала рукой, рѣшивъ: „глупа еще; надо бы объяснить, да какъ ты объяснишь это ребенку?" Лучининовъ училъ ее языкамъ, читалъ вслухъ ей и старухѣ Вальтеръ-Скотта въ русскомъ переводѣ; по-нѣмецки не понимала старуха, поэтому и Шиллера онъ долженъ былъ читать въ переводахъ Жуковскаго; Пушкинъ и Гоголь нравились дѣвушкѣ больше всего; мелкія стихотворенія Пушкина она знала почти всѣ наизусть; по-русски она говорила языкомъ который изумлялъ

Лучанинова; рядомъ съ грубою ошибкой являлось у нея вдругъ старинное, давно утраченное нами слово. Причина оказалась самая простая: имѣніе гдѣ родилась она и провела дѣтство было окружено русскими, выселившимися когда-то старовѣрами; отецъ ея ѣзжалъ къ нимъ въ гости; въ лѣсу, на сѣнокосѣ, куда бралъ ее иногда отецъ, Маріанна подружилась съ русскими сверстницами, а ровесницы и ровесники, какъ замѣчали вѣроятно всѣ родители, скорѣе чѣмъ у гувернера учатся другъ у друга говорить на какомъ угодно нарѣчіи; уже взрослая, въ городѣ, нерѣдко напѣвая про себя какую-нибудь русскую пѣсню, Маріанна Александровна вспоминала деревенскихъ подругъ своихъ. Стóитъ замѣтить здѣсь что старовѣры дичатся только Русскихъ, насъ; съ римско-католиками, лютеранами, они вездѣ уживаются какъ нельзя лучше, живутъ дружески.

Умъ, память и воображеніе не зашколенной, выученной на мѣдныя деньги читать и писать дѣвушки, напоминали свѣжую, непочатую почву дѣвственной, воздѣлываемой впервые нивы; что ни посѣй, ни посади, все принимается, всходитъ, даетъ самъ-десятъ, самъ-двадцатъ сѣятелю. Эта воспріимчивость изумляла Лучанинова, и онъ отдавался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе своему занятію; кипучій темпераментъ дѣвушки и наивность подчасъ и сердили его.

— Это неправда, это ваша выдумка, говорила она (это было въ началѣ курса), когда Лучаниновъ объяснялъ ей, довольно плохо впрочемъ, что земля вертится около своей оси и вокругъ солнца.—Это, извините, вздоръ. Какъ же мы не падаемъ на небо?

— Да помилуйте, начиналъ было менторъ;—не падаемъ на небо потому....

Но дѣвочка вскакивала со стула, и облокотясь обѣими руками на окно, молча смотрѣла на усѣянное звѣздами небо.

— Ну, вотъ я вамъ какъ это объясню, Маріанна Александровна, опять начиналъ Лучаниновъ, придумавъ новый способъ объясненія.

— Вздоръ; не повѣрю; обманываете, говорила, продолжая лежать на подоконникѣ, капризная ученица.

Бабушка смѣялась, сидя въ креслахъ, извинялась за нее. Лучаниновъ бралъ шляпу, раскланивался и уходилъ, взбѣшенный, можетъ-быть, не меньше Галилея.

— Не упадите на небо... Вотъ вамъ; сердито кричала Маріанна на другое утро, высунувшись изъ окна, идущему мимо педагогу.

— Все еще не додумались, говорилъ, остановившись, педагогъ.

— Вздоръ это; вы обманываете?...

— Маріанна, съ укоромъ замѣчала бабушка.

— А зачѣмъ онъ говоритъ такіе пустяки? говорила внучка отходя отъ окна и надувъ губки.

Однажды, часу въ пятомъ вечера, это было весною, хозяинъ сосѣдокъ, Клотцъ, невысокій, широкій и неповоротливый, точно деревянный, лѣтъ сорока пяти-шести, человѣкъ, вышелъ съ трубкой, въ пальто, тоже необыкновенно твердомъ, будто сшитомъ изъ картона, къ своему палисаднику; хозяинъ Лучанинова, въ своихъ многочисленныхъ фуфайкахъ, тоже стоялъ у своей калитки.

— А твоему секретарю, сосѣдъ, должно-быть вскружила такую голову моя фрейлейнъ, началъ Клотцъ, обернувшись къ сосѣду всѣмъ тѣломъ, такъ какъ шея у него, почему-то, давно не поворачивалась.

Сосѣдъ, хозяинъ Лучанинова, сдѣлавъ, означавшую у него улыбку, кислую мину, перешелъ улицу, и взявъ за руку Клотца, произнесъ своимъ сопрано:

— Влюбленъ; я вижу; ganz verliebt, total... Что дѣлать?... Fräulein ist eine hübsche Kröte.... Какъ быть? Молодъ.... Да вѣдь и мы съ тобой, Клотцъ... Помнишь ли Кенигсбергъ?

Старикъ засмѣялся; впрочемъ по его красному, съ синими жилами, сморщившемуся еще болѣе отъ смѣха лицу, всякій бы заключилъ скорѣе что онъ слезно плачетъ.

— Что жъ Кенигсбергъ? отвернувшись, опять безъ поворота шеи, точно деревянный мужикъ, какихъ, сотнями въ день, вырѣзываютъ отъ руки наши подъ-троицкіе скульпторы, мрачно отозвался Клотцъ;—это другое дѣло; мы были гезелями тогда... А сдѣлались мастерами, ложенились....

— Да, это правда, Клотцъ; мы мастерами поженились, вытирая рукавомъ фуфайки текущія по щекамъ слезы, подтвердилъ хозяинъ Лучанинова;—мы ложенились.

Клотцъ болѣе не поворачивался; хозяинъ Лучанинова постоялъ минуты съ двѣ, поглядѣлъ по сторонамъ и побрелъ чрезъ улицу въ свои владѣнія.

— Влюбленъ? вся вспыхнувъ, мысленно повторила, сидѣвшая

у окна за работой, молодая сосѣдка Лучанинова; она нагнулась еще больше надъ шитьемъ; рука съ иглой задрожала.

— Не у тебя ли мои очки, Маріанна? спросила бабушка.

Дѣвушка порылась въ своей корзинкѣ и подала ей ножницы.

— Въ умѣ ли ты? Окуляры я спрашиваю.

Внучка отыскала очки и воротилась къ окну; въ это время въ окнѣ своей квартиры показался Лучанинов.

— Здравствуйте, Маріанна Александровна, сказалъ онъ.

— Здравствуйте, отвѣчала вполголоса дѣвушка, опять зардѣвшись вся и наклонившись еще ниже надъ работой.

Языкъ, на которомъ объяснялись между собой бабушка и внучка, былъ какая-то смѣсь русскаго съ польскимъ и нѣмецкимъ; въ лексиконѣ старухи больше было польскихъ и бѣлорусскихъ словъ; у внучки преобладали русскія и нѣмецкія. Эти два существа, привязанныя другъ къ другу, похожи были на два дуба отъ одного корня; одинъ столѣтній, разбитый грозою, уже едва одѣвающійся кое-гдѣ листьями, гніетъ; другой, молодой, крѣпкій дубокъ зеленѣетъ подлѣ своего разрушающагося предка. „Хорошо если успѣетъ этотъ свѣжій, молодой отростокъ окрѣпнуть, возмужать, подъ защитою стараго, уцѣлѣть отъ вѣтра, отъ ѣдущаго бездорожицей гуляки, отъ руки безсмысленнаго ребенка баловня“, думаетъ самъ про себя прохожій. „А ну какъ сломитъ это полное жизни, но еще тоненькое деревцо осенній вѣтеръ, задѣнутъ колесомъ, или такъ, для забавы, срѣжутъ юный отростокъ чтобы потомъ швырнуть, забыть о немъ.“ Эти опасенія тревожили Лучанинова; сердце сжималось у него, кровь закипала ключомъ, когда какой-нибудь проходившій переулкомъ щеголь наводилъ стекляшко, замедляя шагъ, чтобы полюбоваться на мелькнувшую въ полукругломъ окнѣ головку дѣвушки со вьющимися волосами, съ густою русою косой и съ румянцемъ, рдѣющимъ здоровьемъ, юностью и жизнью. Никому, даже Корневу, съ которымъ онъ былъ откровеннѣе чѣмъ съ братомъ, не сообщалъ онъ о своемъ новомъ знакомствѣ; ему было не то стыдно, не то жаль, дѣлиться, говорить о чувствѣ, не уясненномъ еще хорошенько самому себѣ. Такъ жаль бываетъ дать въ руки гостю свѣжій, только что поставленный въ стаканъ съ холодною водою, букетъ, еще съ дрожащими на лепесткахъ кристальными каплями утренней росы.

Ревниво скрывая ото всѣхъ свою новую, завѣтную думу, няньчась съ нею, Лучанинов оставилъ и правителя, и осталь-

ныхъ не многочисленныхъ своихъ знакомыхъ; знакомые, приписавъ это недостатку средствъ, самолюбію, мѣшавшему молодому человѣку являться въ общество въ поношенномъ фракѣ, скоро позабыли о немъ. Истинная причина одиночества не ускользнула однакоже отъ наблюдательнаго ока канцелярскаго психолога „старшого.“ „Заразился, ваше высокородіе“, замѣчалъ унтеръ, въ концѣ своего отвѣта на вопросъ правителя: — нѣтъ ли въ канцеляріи Лучанинова? Психологъ позволялъ себѣ по временамъ дѣлиться и съ правителемъ плодами своихъ многочисленныхъ, весьма любопытныхъ подчасъ и разнообразныхъ наблюденій; это дѣлалъ онъ, впрочемъ, только когда замѣчалъ что „ихъ высокородіе въ духѣ“. Правитель, отправляя на домъ Лучанинову бумаги для перевода, ничего не отвѣчалъ на сообщеніе психолога, но думалъ про себя: „нѣтъ, что-нибудь другое. Что жъ сосѣдка? Съ кѣмъ этого не бывало въ молодости?“

Былъ Троицынъ день, Pfingsten; весь городъ съ утра собирался въ зелень (in's Grüne); утро было ясное, тихое; бѣлая лиловая сирень, акація, шиповникъ, освѣженные накануѣ теплымъ дождемъ, благоухали въ палисадникахъ пригорода гдѣ квартировалъ Лучаниновъ; анютины глазки и гвоздики горѣли, точно раскаленные уголья, на узенькихъ полоскахъ черноземa, которыми окаймлены были палисадники: хозяинъ Лучанинова, въ новомъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, въ высокой, старомодной, поношенной, но вычищенной шляпѣ, гордо потащился, подъ руку съ разодѣтою, высокою и худою своею старухой, въ зелень; на плечѣ висѣлъ у него на ремнѣ огромный бѣлый узелъ съ буттербротами. Поровнявшись съ окномъ, на которомъ сидѣлъ Лучаниновъ, онъ приподнялъ шляпу и проговорилъ плачущимъ тонкимъ голоскомъ своимъ: „in's Grüne“. Вытянутая какъ фланговый солдатъ хозяйка величаво, не глядя, присѣла на вѣжливый поклонъ постояльца. „А вы, Herr?...“ продолжалъ хозяинъ. Съ той поры какъ Лучаниновъ, однажды, попросилъ недѣльку подождать слѣдующую за мѣсяцъ квартирную плату, хозяинъ сталъ его называть просто Herr....“, убавивъ почему-то обычный прежній титулъ: Gouvernements Secretaire.

— Да никуда, отвѣчалъ Лучаниновъ: — думаю сходить къ обѣдни и усѣсться за письмо.

Хозяинъ приподнялъ шляпу и продолжалъ свое торжественное шествіе подъ руку со своею раскрахмаленною Frau-Ge-

mahlin. Лучаниновъ усѣлся опять на подоконникъ, наблюдая то и дѣло высыпавшія изъ калитокъ домовъ разодѣтыя семейства съ узелками; дѣти въ новенькихъ, свѣжихъ платьицахъ прыгали, смѣялись, предвкушая ожидающій ихъ праздничный, ясный день, вѣнки изъ луговыхъ цвѣтовъ, можетъ-быть музыку и танцы, тамъ, за городомъ, въ рощѣ, въ благовонномъ воздухѣ сосны, березокъ, тополей. У сосѣдокъ окно было завѣшено. Но вотъ, отворилась широко ихъ уставленная березками калитка, и на тротуаръ вышла дѣвушка въ бѣломъ, убранномъ бантами изъ широкихъ красныхъ лентъ, кисейномъ, въ первый разъ длинномъ, платьѣ; изъ-подъ соломенной, съ широкими полями, шляпы глядѣли темносиніе глаза; на жаркомъ личикѣ горѣлъ, кажется ярче лентъ и бантовъ платья, румянецъ и восторженная радость; выйдя на тротуаръ, дѣвушка оправила букетъ цвѣтовъ, который держала въ рукѣ, и поклонилась Лучанинову. Онъ поднялся съ окошка и раскланялся со старушкой, выплетавшеюся, съ молитвенникомъ въ рукѣ, вслѣдъ за внучкой, изъ калитки.

— Что вы это сидите? какой день-то, замѣтила старушка, поправляя голубыя ленты диковиннаго чепца, знакомаго Лучанинову.

— Да.... Думаю пройтись, отвѣчалъ Лучаниновъ.

Дѣвушка пошла впереди бабушки по тротуару, поднявъ головку и сіяющее радостное личико; изъ-подъ тирольской, новой шляпы выбивались непослушные локоны; развившійся торсъ обхваченъ былъ ловко сшитымъ платьемъ; въ ея походкѣ было что-то необыкновенно простое, необдуманное, наивное, можетъ-быть потому-то и изящное.

— У, да какая-же хорошенькая! А? проговорилъ, спрятавшись за косякъ, когда дѣвушка оглянулась, наблюдавшій ее въ бинокль Владиміръ Алексѣевичъ. Онъ замѣтилъ что нѣкоторые изъ встрѣчавшихся прохожихъ, взглянувъ на открытое, свѣжее личико дѣвушки, останавливались и долго смотрѣли ей во слѣдъ, взглядомъ художника встрѣтившаго среди сухихъ, ученическихъ копій, оригиналъ великаго мастера, блеснувшій вдругъ ему, точно природный бриллiантъ знатоку, рядомъ съ поддѣланными, искусно кажется, каменьями.

Теперь понятно стало Лучанинову отчего такія хлопоты шли у хорошенькой сосѣдки цѣлые четыре дня предъ Троицей; приходила помпутно съ какими-то свертками Нѣмка швея, знакомая старушки; что-то кроила; дѣвушка бѣгала изъ

одной комнаты въ другую съ лучками красныхъ атласныхъ лентъ, шила необыкновенно проворно, хлопала въ ладоши и бросалась цѣловать швею и бабушку. „Вотъ говорите послѣ этого что нѣтъ породы“, думалъ Лучаниновъ, продолжая наблюдать въ бинокль плавно идущую рядомъ со старушкой по тротуару внучку. „Откуда же въ ней грація и простота, которой позавидуетъ любая опытная, вышколенная и матерью, и гувернанткой, и невѣсть какими знатоками какъ держать себя, аристократка; право, вѣдь позавидуетъ. Отчего смѣло такъ, немножко даже свысока, но вмѣстѣ скромно, смотритъ на проходящаго эта разжалованная княжна, воспитанная въ бѣлорусской деревушкѣ? Посмотришь на ея походку, точно у ней шесть тысячъ душъ и стая боннъ и гувернантокъ. Глядитъ привѣтливо она на васъ, но.... посмотрите-ка, однакожъ, съ какимъ достоинствомъ; къ ней не подступится, не подойдетъ съ наглою рѣчью дерзкій волокита. Это дубокъ, молодой, жидкій покуда, но крѣпкой дубокъ, не дряблый кленъ, не жимолость.“

Наконецъ старушка и внучка сѣли, повернувъ вправо на бульваръ, исчезли за угольнымъ домомъ переулка. Лучаниновъ взялъ шляпу и вышелъ изъ дома; онъ пошелъ по бульвару къ рѣкѣ; на встрѣчу ему, и по пути, попадались то и дѣло пестрыя кучки идущихъ за городъ; съ бульвара Лучаниновъ повернулъ въ городъ; узкія улицы средневѣковаго городка точно вымерли; всѣ лавки были заперты; слуги опустѣвшихъ ресторановъ, зѣвая, глазѣли въ окна на пустыя улицы; изрѣдка пролетала линейка съ разодѣтыми дамами и дѣвицами, вѣроятно, не успѣвшими наканунѣ уѣхать „въ зелень“. Пройдя двѣ, три улицы, Лучаниновъ вошелъ въ римско-католическую церковь, украшенную снаружи и внутри свѣжею зеленью и гирляндами изъ листьевъ и цвѣтовъ; въ церкви было тоже довольно пусто; нѣсколько стариковъ сидѣло на мѣстахъ съ молитвенниками; три солдата стояли подлѣ входа на колѣняхъ; органъ игралъ хоралъ; два старческіе голоса подтягивали ему дрожащимъ, неувѣреннымъ фальцетомъ. Въ третьемъ ряду отъ олтаря бѣлѣло платье дѣвушки, и возвышался диковинный, старинный чепецъ бабушки. Лучаниновъ сѣлъ въ одномъ изъ заднихъ рядовъ; началась проповѣдь; молодой, застѣнчивый ксендзъ, потупившись, очень долго говорилъ что-то такое по-польски; старики вздыхали по временамъ; наконецъ пасторъ умолкъ; чепецъ старушки

зашевелился, поднялся, и скоро дѣвушка поровнялась съ Лучаниновымъ, выходя впереди бабушки изъ церкви.

— Вы вѣрно за городъ? спросила старушка, ложимая ему руку.

— Нѣтъ, домой, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу откушать съ нами кофе, пригласила его старушка.

Лучаниновъ поблагодарилъ и пошелъ съ ними по пустымъ улицамъ города. Дѣвушка была не такъ весела и радостна какъ утромъ, выходя изъ дома; опустивъ свой тяжелый букетъ, она задумавшись шла подлѣ старухи. При выходѣ на бульваръ, мимо нихъ пронеслись два заложенные по-англійски, щегольскіе шарабана; въ нихъ сидѣли нарядныя дамы и дѣвицы; онѣ и молодые люди правившіе лошадьми обернулись и посмотрѣли на идущихъ; Маріанна Александровна тоже взглянула на нихъ и тихонько вздохнула. Лучаниновъ, понявъ этотъ вздохъ, въ первый разъ разсердился на пролетѣвшее въ шарабанахъ, знакомое ему, семейство богача-банкира. „Но ужъ за то“, думалъ онъ, не безъ злобы провожая глазами улетающіе шарабаны, „какъ вы ни разодѣньте вашихъ неказистыхъ, золотушныхъ дочекъ, не быть имъ такими какъ этотъ полевой цвѣтокъ, не засіять имъ такою радостною, поражающею всѣхъ и каждаго красою. Какъ пышно разцвѣлато въ самомъ дѣлѣ! А?“ думалъ онъ, искоса поглядывая на задумавшуюся дѣвушку. А вѣдь ужъ далеко не та она, не тотъ ребенокъ что рядился въ бабушкинъ чепецъ, что разсердился на меня однажды за то что земля двигается около солнца? Много ли, кажется, два года, а уже предо мной не дѣвочка, а дѣвица; впрочемъ, длинное платье тоже придаетъ....“ подумалъ было Лучаниновъ, и тутъ же чуть не разсмѣялся, вообразивъ: „что если бы, однакоже, тогда надѣть на нее длинное платье?“

Столъ былъ накрытъ, все приготовлено, и кухарка хозяина, прислуживавшая и Толоровскимъ, уже вносила въ палисадникъ кипѣвшій мѣдный кофейникъ, когда они вошли въ калитку. Маріанна Александровна, повѣсивъ на кустъ шляпу, заварила кофе, и положивъ руку на столъ, снова задумалась.

— Отчего вы такъ молчаливы сегодня, Маріанна Александровна? спросилъ Лучаниновъ, усѣвшись на стулъ и закуривая папиросу.

— Такъ, отвѣчала дѣвушка, отвернувшись въ сторону.

Старуха вздохнула, отперевъ деревянный ларчикъ и выни-

мая старинныя ложки съ княжескою короной и буквой Т. на ручкахъ. Лучаниновъ теперь взбѣсился самъ на себя: „какую глупость иногда отпустишь!“ думалъ онъ: „можно ли что-нибудь не деликатнѣе, пошлѣе выдумать; ей и такъ грустно, а будто дразнить еще вздумалъ бѣдняжку, и потомъ.... Какую глупость иногда сболтнетъ языкъ!“ Дѣвушка, понурившись, наливала чашки.

— А этотъ праздникъ и особенно семикъ у насъ, бывало, въ деревняхъ весело, начала старуха, — дѣвушки березку завиваютъ съ пѣснями....

— Тамъ очень весело. Помните, бабушка, у насъ въ Подвинкѣ? перебила старуху Маріанна Александровна.—У насъ, вотъ вы не знаете, продолжала она, обращаясь къ Лучанинову,—крестьянки-дѣвушки плетутъ вѣнки изъ цвѣтовъ и убираютъ голову. Какъ красиво! Вотъ, вы не бывали въ Бѣлоруссіи, прибавила она, опять задумываясь.

— Я не бывалъ, отвѣчалъ Лучаниновъ, — но мнѣ разказывалъ одинъ товарищъ по-студенчеству; онъ живалъ тамъ и даже, по вашимъ разказамъ, въ вашей сторонѣ.

— Кто же это? спросила Маріанна Александровна.

— Конотопскій.

— Какъ? Константинъ Михайловичъ? спросила съ просіявшимъ снова лицомъ дѣвушка.

— Да; онъ. А вы....

— Постойте, постойте.... Бабушка, дайте мнѣ ключикъ отъ моего ящичка; я отдала вамъ давеча, начала она съ обыкновенною своею живостью.—Да поскорѣе.... Ахъ, какія вы!

— Погоди же, дай мнѣ сыскать, говорила, рылась въ своемъ шелковомъ ридикюлѣ, старушка.

— Сейчасъ, взявъ ключикъ и выбѣгая изъ палисадника, проговорила дѣвушка.—Не говорите, бабушка.

— Ну, вотъ и чашки бросила, и все; хороша хозяйка; не прикажете ли масла, господинъ.... начала-было старушка, но замялась и докончила:—Владиміръ Алексѣевичъ?

Губернскимъ секретаремъ, къ удовольствію Лучанинова, старуха давно уже его болѣе не называла; онъ не зналъ, впрочемъ, что этимъ обязанъ былъ неоднократнымъ просьбамъ Маріанны Александровны: „онъ не похожъ на секретаря, говорила она, секретари не такіе.“—Да отчего не похожъ? Этого требуетъ приличіе, возражала на это бабушка.—„Можетъ-быть, я не знаю; но если вы меня любите, не зовите его такъ;

зовите лучше просто Herr Лучаниновъ," отвѣчала балованная внучка. Старушка, ни въ чемъ не умѣвшая отказать ей, стала величать съ тѣхъ поръ сосѣда именемъ и отчествомъ.

— Такъ это вашъ товарищъ? Еще студентомъ мы его знали, онъ.... начала-было старуха, но дѣвушка уже вбѣжала въ садъ съ фотографическою карточкой Конотопскаго. Передавъ ее Лучанинову, она усѣлась на свое мѣсто и улыбалась.

Конотопскій снятъ былъ во весь ростъ, въ гусарскомъ ментикѣ, опершись обѣими руками на саблю; это была его любимая поза, за что̀ и пѣлъ ему часто Петръ Лучаниновъ:

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ...

— Вотъ я не знала; это вашъ другъ? говорила Маріанна Александровна, наливая чашки.—Гдѣ онъ теперь?... Какой онъ славный! Какъ онъ танцуетъ мазурку.... Помните, бабушка?... Поетъ....

— Пѣлъ, вздохнувъ, перебилъ ее Лучаниновъ.

— Какъ? спросили въ одинъ голосъ бабушка и внучка.

Лучаниновъ разказалъ геройскую смерть Конотопскаго.

— Но какой же добрый, добрый-то какой онъ, бабушка, говорила сквозь навернувшіяся алмазныя слезы Маріанна Александровна;—онъ зналъ меня очень маленькую, училъ танцовать мазурку, пѣть.... Ахъ какъ же жаль его! Помните, бабушка:

Я за его захилюсь, захилюсь,
Та никого не боюсь, не боюсь....

Дайте-ка мнѣ портретъ. А вѣдь похожъ?

— Двѣ капли, отвѣчалъ Лучаниновъ. — Я попрошу у васъ позволенія снять; у меня нѣтъ его карточки.

— Снять, пожалуй; а эту не отдамъ ни за что̀, прижимая къ себѣ портретъ, какъ будто его отнимали, отвѣчала Маріанна Александровна.

— Скажите, началъ Лучаниновъ,—много у него было знакомыхъ въ вашей сторонѣ?

Онъ спросилъ это съ намѣреніемъ разузнать о прекрасной Полячкѣ, о которой не рѣшался ему разказать покойный Конотопскій.

— Много; тамъ вѣдь имѣнье его тетки, бабки, отвѣчала Маріанна Александровна.

— Тетушки; поправила старушка: — богатое, устроенное имѣнье; фольваркъ въ шести миляхъ отъ насъ.

— Вы знаете, онъ былъ влюбленъ въ мою кузину; но она—противная, неожиданно высказала дѣвушка то что̀ хотѣлось такъ узнать Лучанинову.

— Маріанна, остановила ее старуха, покачавъ головой.— Развѣ можно такъ рекомендовать родственницу?

— Противная она, противная. Не говорите, бабушка, подтвердила, вся вспыхнувъ и напомнивъ Лучанинову снова ребенка, дѣвушка,—можетъ-быть чрезъ нее онъ, бѣдный, умеръ.

Старушка замолчала.

— Она, я слышалъ отъ него вѣроятно о ней, кажется вышла замужъ? замѣтно къ неудовольствію старухи, но не выдержавъ, спросилъ Лучаниновъ.

— За старый мѣшокъ съ деньгами и графскій титулъ продалась княжна Урсула, запальчиво отвѣчала дѣвушка.—А какъ онъ любилъ ее!... „Какъ я пойду? Я ксенджна Топоровска“.... У, гордая, противная!

— Маріанна! уже вся покраснѣвъ, остановила ее бабушка.

Дѣвушка замолчала.

Лучаниновъ любовался этою вспышкой негодованія; онъ самъ негодовалъ на злую кокетку, понявъ теперь отчего не разказывалъ ему объ этой любви Конотопскій; въ другихъ подобныхъ случаяхъ онъ не могъ долго скрытничать.

Владиміръ Алексѣевичъ пробылъ весь день у сосѣдокъ, обѣдалъ у нихъ; живущая тутъ же на дворѣ вдова повара, у которой Топоровскіе, а иногда и Лучаниновъ, брали обѣдъ, желая, вѣроятно, отличить праздникъ отъ будней, приготовила лишнее блюдо; по этому ли или по другому чему, но столъ показался молодому человѣку княжескимъ. Послѣ обѣда, хозяйки въ сопровожденіи гостя прошлись по сосѣднему бульвару. Маріанна Александровна поминутно начинала разговоръ о Конотопскомъ, оканчивая рѣчь свою о немъ почти каждый разъ: „бѣдный Константинъ Михайловичъ“.

— Однако что-то собирается, замѣтила старуха, посматривая на собиравшуюся надъ зеленѣвшимъ за пригородомъ лѣсомъ тучу.

Они отправились домой; Лучаниновъ довелъ ихъ и сталъ было прощаться, но старуха предложила ему напиться вмѣстѣ чаю.

— Такъ ужъ втроемъ, какъ начали, и проведемъ праздникъ Святой Троицы, сказала она.

Не успѣли они войти въ комнату, какъ сверкнула молнія;

удары грома загудѣли вдали, и хлынулъ какъ изъ ведра дождикъ.

— Достанется же, я думаю, гуляющимъ, замѣтилъ не безъ злорадства Лучаниновъ.

Громъ грянулъ ближе и продолжался съ часъ; въ комнатѣ стемнѣло; старушка набожно крестилась; дѣвушка притворялась храброю, но при сильныхъ ударахъ вздрагивала, крѣпко сжимая деревянную ручку своего кресла; наконецъ громъ утихъ, солнце то выплывало изъ-за тучъ, то вновь заслонялось ими; дѣвушка отворила окно; свѣжій воздухъ вмѣстѣ съ запахомъ акацій и сирени понесся въ комнату. Дождь еще шелъ; по переулку во весь духъ неслись обратно въ городъ крытые и некрытые экипажи; пѣшеходы бѣжали вереницами подъ зонтиками, останавливаясь кучками чтобы переждать ливень подъ навѣсами крылецъ; хозяинъ Лучанинова, въ одной рубахѣ, вѣроятно въ видахъ сбереженія новаго сюртука, торопливою рысцой бѣжалъ со своею половиной, накинувшею, безъ церемоніи, себѣ на голову верхнюю юпку.

— Вымочило васъ, крикнулъ ему изъ окна сосѣдокъ Лучаниновъ.

— Да.... И зонтика не взяли.... Но кто же это могъ знать? плаксивымъ голосомъ, исчезая въ своей калиткѣ вслѣдъ за своею супругой, отозвался хозяинъ.

— Ужасно вымочило иныхъ; это жаль, говорила дѣвушка, сидя у окна и наблюдая бѣгущихъ.—Но воздухъ-то, воздухъ какой! Чудо!

Наконецъ дождь прошелъ. Лучаниновъ, послѣ чая, простился и пошелъ бродить по аллеямъ; солнце садилось; мимо бульвара, по канавѣ бѣжали мутные потоки воды; два босые мальчика валандались въ лужѣ; липы, съ отяжелѣвшими отъ дождя листьями, точно задумавшись стояли по бокамъ аллеи; „Im Mai, im Mai!“, доносились откуда-то горловые голоса подгулявшихъ „въ зелени“ подмастерьевъ; по аллеямъ брели промокшія женщины въ накрытыхъ носовыми платками шляпкахъ, мущины съ дамами и безъ дамъ, съ дѣтьми на рукахъ и съ узлами.

Лучаниновъ не видалъ, впрочемъ, мимо идущихъ; въ ушахъ его еще звенѣлъ дѣвичій, чистый голосъ: а воздухъ-то, воздухъ! Чудо! „Думаетъ ли этотъ роскошный, одинокій, выросшій на каменистой, жесткой, безучастной почвѣ цвѣтокъ, какъ опасно, какъ непрочно его положеніе? Умри сегодня,

завтра старуха, куда дѣнется это неопытное, беззащитное созданье? А ей, вотъ что̀ ужасно, кажется, ни разу не приходило этого въ голову? Есть шляпка, вьется безъ щипцовъ темный и мягкій локонъ, ботинки съ пряжками вчера купила бабушка, есть платьице съ красными лентами, букетъ изъ лилій, гвоздикъ и бѣлыхъ розановъ; румянецъ и здоровье есть, безцѣнный даръ роднаго поля, рощи, юности; воздухъ такъ чистъ пока; сиренью пахнетъ, ландышемъ; любимая мирта принялась, герань цвѣла весною на окошкѣ. Чего еще? А тамъ.... Да будь что̀ будетъ! Тучка набѣжитъ, разсѣется, и снова будетъ ясно, какъ въ лѣтній день послѣ дождя, когда услужливый вѣтерокъ прогонитъ съ синяго неба всѣ, всѣ эти досадныя, „противныя“, какъ она говоритъ, тучи.“ Такъ бесѣдовалъ съ собою нашъ герой. И граціозный, живой образъ дѣвушки явился его внутреннему оку съ такою ясностью, точно пролетѣла она предъ нимъ, вся сіяющая, стройная, въ своемъ новенькомъ платьѣ съ лентами, въ соломенной тирольской шляпкѣ.

Мысль о потерянномъ имѣньѣ змѣей подошла къ сердцу. „Im Mai, im Mai,“ долетали опять откуда-то до него голоса пьяныхъ подмастерьевъ. Лучаниновъ теперь только замѣтилъ что совсѣмъ стемнѣло; онъ воротился и пошелъ къ дому. Тяжкимъ, удвоеннымъ грузомъ легло ему теперь на душу свое несчастье: не зналъ онъ любитъ ли она его; „но еслибы,“ подумалъ онъ, вспыхнувъ весь, „и любила, что̀ жь, я заставлю ее нуждаться, бѣдствовать, ее, рожденную для счастья?“ Теперь не уповалъ онъ черезчуръ на трудъ, хотя до тяжкаго труда у него еще не доходило; онъ видѣлъ все-таки „цвѣточки“, какъ говорится, а „не ягодки“. „Ея не знаютъ; не видалъ никто; увидитъ какой-нибудь богачъ, тогда прощай; онъ, можетъ, и не влюбится; иные смотрятъ вѣдь на жену какъ на мебель для гостиной, для бальной залы. Болтать, протягивать милостиво одному, другому съ лаской руку, лгать, этому не долго научить всякую женщину, а эта даже самоучка. Ее сейчасъ введи въ салонъ, не растеряется, войдетъ точно въ свои владѣнія, не струситъ.“

Приблизясь къ дому сосѣдокъ, онъ услыхалъ задумчивый, молодой полуголосъ, напѣвавшій какую-то русскую пѣсню.

— Бабушка, я передѣлаю вамъ чепчикъ, раздалось изъ окна послѣ пѣнія.

— Ну, вотъ еще; испорти; чѣмъ онъ тебѣ не нравится; онъ

не дешево заплаченъ.... этотъ чепецъ изъ дорогихъ; купленъ на кермашѣ въ Креславлѣ....

Лучаниновъ вошелъ въ свою квартиру и отворилъ окна; не зажигая свѣчи, онъ снялъ пальто и улегся на диванѣ. Въ отворенныя окна комнаты плылъ свѣжій воздухъ, донося, вмѣстѣ съ запахомъ сирени, дѣвичій голосокъ, задумчиво напѣвавшій, про себя, какую-то протяжную, съ дѣтства знакомую мелодію.

XXIV.

Часовъ въ десять утра, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ одной изъ петербургскихъ площадей, несмотря на изморозь и холодъ, валила толпа народа; между идущими, впереди ѣдущей шагомъ извощичьей кареты, шелъ, заложивъ руки назадъ, въ толстомъ вигоневомъ пальто, графъ-охотникъ, съ которымъ мы познакомили читателя въ Венеціи; подлѣ него, въ мѣховомъ пальто и съ палкою, вѣроятно съ нотами, шелъ Барскій.

— Кому же, скажите, достанется все это? Ну, деньги онъ, положимъ, сохранитъ.... Имѣнье вѣдь отберутъ въ казну? говорилъ графъ; — спрашивается: зачѣмъ онъ копилъ, хваталъ чужое? Бѣдные Лучаниновы! Пробовали мы, я и дядя, совѣтовались съ адвокатами какъ бы ломочь имъ, но ничего не могли придумать.

— Да, вотъ какія вещи случаются на свѣтѣ, отвѣчалъ музыкантъ.

Онъ недавно познакомился съ графомъ на вечерѣ у одного князя, любителя музыки. Графъ, къ удивленію всѣхъ, выслушалъ цѣлые три квартета сыгранные Барскимъ.

— Народу-то, народу, продолжалъ графъ, пропуская двухъ пробиравшихся по лужамъ дамъ.

— Зачѣмъ это женщины ходятъ на подобныя зрѣлища? шепнулъ графу скрипачъ.

— Почему жь не ходить? Женщины любознательнѣе мущинъ; а здѣсь вѣдь смыслъ есть; сюда влечетъ не пустое любопытство; люди ѣздятъ смотрѣть на разжалованіе, на казнь преступника, съ цѣлію психологическою; они изучаютъ самихъ себя.... Да развѣ это не любопытно взглянуть какъ человѣкъ будетъ держать себя, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ поруганіемъ, со смертью? Но я, признаюсь, не могу себѣ

объяснить что̀ такое хотѣлъ выразить Тарханковъ, выйдя въ своей арестантской шинели на возвышеніе, этою презрительною, насмѣшливою миной, съ какою онъ оглядѣлъ толпу?

— Григорій, громко крикнулъ кто-то сзади ихъ.

Голосъ показался знакомымъ Барскому; онъ оглянулся и въ нѣсколькихъ шагахъ увидалъ Аристархова; онъ махалъ своему кучеру чтобы подавать; карета подъѣхала; адвокатъ сѣлъ, захлопнулъ дверцу и улетѣлъ.

— А я пожалуй что могу вамъ теперь разъяснить, графъ, почему иронически поглядѣлъ на толпу Павелъ Ивановичъ, предъ тѣмъ какъ стали ломать надъ нимъ шпагу, сказалъ Барскій.

— Почему? спросилъ графъ.

— Вы знаете кто это сейчасъ уѣхалъ въ каретѣ?

— Кто же?

— Аристарховъ, можетъ-быть главный виновникъ паденія Тарханкова; конечно, онъ нашелъ въ Павлѣ Ивановичѣ медіума способнаго, воспріимчиваго, но не будь его помощи, не рѣшился бы Павелъ Ивановичъ, при своей ограниченности, на подобныя выходки.... Въ этой каретѣ уѣхали и голова, и правая рука преступника, запальчиво проговорилъ Барскій, указавъ на несущуюся вдали карету, проговорилъ такъ громко что нѣкоторые изъ идущихъ съ любопытствомъ посмотрѣли на него.

— Я слыхалъ про этого сокола, но, представьте, никогда не видалъ его; какъ жаль что вы мнѣ его не показали, сказалъ графъ.—И въ дѣлѣ Лучининовыхъ, стало-быть?...

— Вездѣ, я разкажу вамъ послѣ; здѣсь неловко.... И какова наглость: ѣхать смотрѣть!

— Ему нужнѣе чѣмъ другимъ изученіе подобныхъ положеній, улыбаясь, замѣтилъ графъ, — „какъ знать,“ чай думаетъ, „не нынче, завтра, можетъ и мнѣ придется.“

— Вотъ почему поглядѣлъ насмѣшливо Тарханковъ на толпу, продолжалъ музыкантъ:—не встрѣтились ли они нечаянно глазами другъ съ другомъ? Объясняется-то очень просто, какъ видите.

— Ясное, но весьма грустное объясненіе, отвѣчалъ графъ, задумавшись. — Куда вы отсюда?

— Я на репетицію.

— Я довезу васъ; пройдемтесь еще два шага, если хотите.

Музыкантъ поблагодарилъ, и они пошли далѣе.

— Кажется, онъ плакалъ однакожъ послѣ того какъ переломили шпагу? спросилъ Барскій.

— Нѣтъ. Я близко стоялъ, отвѣчалъ графъ; — онъ не заплакалъ, но опустился какъ-то весь, точно внутри его переломили какую-то пружину, поддерживавшую туловище; такъ, опустившись весь, онъ и сошелъ съ эшафота. Вы примѣтили?

— Да, это я замѣтилъ. А жаль его; въ немъ было много добраго, но все это задушила непомѣрная жадность, говорилъ музыкантъ; — будь я судья, я бы вывелъ перваго не его, а Аристархова; еслибы не онъ, не былъ бы разжалованъ, обруганъ Павелъ Ивановичъ.

Графъ и Барскій усѣлись въ карету и уѣхали. Часу въ третьемъ, воротившись домой съ репетиціи, музыкантъ нашелъ у себя Василья Семенова; старикъ сидѣлъ на стулѣ въ залѣ и пилъ чай; старые знакомцы обнялись.

— Каковы дѣла надѣлались, Василій Семенычъ! говорилъ музыкантъ. — Кто это думалъ?

— Мы завсегда такъ, люди, живемъ спустя рукава, не думаемъ.... Еслибы думали, не дѣлали бы дѣлъ худыхъ, отвѣчалъ старикъ.

— Гдѣ же ты теперь? Что̀ думаешь дѣлать? спросилъ Барскій.

— Да теперь вотъ у тебя здѣсь, а думаю въ могилу, куда мнѣ больше-то? разсмѣявшись и понюхавъ табаку, отвѣчалъ Василій Семеновъ.

— Надо тебя познакомить съ женой, началъ было музыкантъ.

— Ужь мы познакомились, сидѣли, толковали. Добрѣйшая она у тебя, Елизавета Николаевна.... Добрѣйшая.

Василья Семенова, всегда молчаливаго, мрачнаго въ прежнее время, нельзя было узнать; угрюмое лицо его сдѣлалось добрѣе; явилась вмѣсто молчанія даже болтливость.

— Чѣмъ въ деревню тебѣ, оставайся-ка у меня, Василій Семенычъ!

Василій Семеновъ махнулъ на это рукой, и поблагодаривъ, сказалъ:

— Нѣтъ, здѣсь я не останусь, да и глядѣть-то вамъ, молодежи, на меня тоска возьметъ. Иду вотъ въ Кіевъ, помолиться хочется тамошнимъ угодникамъ, а тамъ что̀ Богъ дастъ.... Мнѣ, одинокому-то, всюду уголъ.

Музыкантъ припомнилъ что Василью дѣйствительно былъ „всюду уголъ“; вспомнилъ какъ бывало лежалъ онъ у него, въ музыкантской, точно какая кладь, по цѣлымъ днямъ на лавкѣ. „Постой-ка, братъ, Василій Семенычъ, мнѣ надо кларнетъ

достать съ верхней полки", скажетъ ему, бывало, кларнетистъ; Василій встанетъ съ лавки, нахмурясь постоитъ, пока тотъ достанетъ что̀ нужно, и уляжется снова; греми оркестръ, бывало, сколько угодно, разучивай врозь голоса инструменты, стучи турецкій барабанъ, Василью горя мало, лежитъ себѣ, отворотившись къ шкафу, понюхивая изрѣдка табакъ и откашливаясь.

Гость отобѣдалъ, сходилъ къ вечернѣ, ночевалъ у Барскаго, но на другой день, чѣмъ свѣтъ, простившись съ вечера съ хозяевами, надѣлъ на плечи что-то въ родѣ ранца, и несмотря на уговоры няньки выпить хоть чаю съ ней, ушелъ изъ Питера. Что̀ ужь его наткнуло на жизнь паломника, одинъ Богъ вѣдаетъ. Что̀ думалъ этотъ вольный что̀ Божья птица человѣкъ, шагая со своею легонькою котомкой по летящему въ даль-дальнюю, прямому какъ стрѣла шоссе, или же пробираясь, поздним осенним вечером, грязным проселком до мелькающих вдали огоньков бѣдной деревушки? Что̀ думаетъ эта толпа, въ орловскихъ, смоленскихъ и невѣсть какихъ кафтанахъ, шагая подъ дождемъ и солнцемъ къ Саввѣ Преподобному, къ Сергію, къ Печерскимъ чудотворцамъ? „Ничего", отвѣтитъ мнѣ иной, взирающій свысока на невѣжественнаго, „неразвитаго", какъ нынче говорятъ, простолюдина. Будто бы? Не торопитесь отрицать въ этой идущей Христовымъ именемъ толпѣ способность мыслить и чувствовать; у ней есть думы глубже, тяжелѣй, существеннѣе и важнѣе нашихъ моднымъ думъ; въ этой толпѣ, разговоритесь съ ней, и вы найдете людей идущихъ уяснить себѣ, обдумать, въ тиши одиночества, размолвку съ матерью, съ отцомъ, женою, ссору съ врагомъ; найдете вы идущихъ наединѣ, вдали отъ ежедневной житейской трескотни, идущихъ обвинить, быть-можетъ, одного себя во всемъ и принести, вмѣстѣ съ крестами отъ мощей угодника, раскаяніе, миръ и тишину семьѣ своей. Вѣдь отходящіе на богомолье лаптники просятъ прощенья у семьянъ. Не торопитесь же говорить что это „неразвитость" одна, по временамъ, ведетъ простолюдина, вмѣсто того чтобы молиться дома, въ даль, ко святымъ угодникамъ.

Быстро идетъ разказъ и жизнь идетъ вѣдь, правда, быстро; не рыцарскій романъ предъ читателемъ; вмѣсто турниров, похищеній, битвъ, мы вынуждены рисовать ему думы одиноко живущаго, притомъ живущаго, большею частію, внутри

себя, человѣка. Трудно прослѣдить умственный и нравственный ростъ шагъ за шагомъ, трудно опредѣлить что̀ добылъ я изъ собственной, душевной почвы, что̀ мнѣ навѣяно со стороны, засѣло на душу, принесшись съ сѣвернымъ, холоднымъ, или съ манящимъ вонъ изъ душной комнаты, утреннимъ, теплымъ и благоуханнымъ лѣтнимъ вѣтромъ. А между тѣмъ нѣтъ дня въ духовной жизни человѣка, въ который бы не вывалились два-три кирпича изъ старыхъ зданій, и не прибавился бы хоть вершокъ къ непрестанно созидающимся новымъ убѣжденіямъ.

Какъ позабытыя на время рабочими неоконченныя стѣны увѣшиваются длинными вѣтвями дѣвственнаго винограда, такъ около думъ нашего молодаго поэта обвились новыя грезы и надежды. Тамъ, пронизавъ только-что выведенное каменьщиками окно, спустились вѣтви чуднымъ изваяніемъ мавританскаго палаццо, тамъ, зацѣпившись за карнизъ, повисли, перепутавшись гирляндой надъ входомъ; тамъ новый побѣгъ, змѣйкой поднявшись изнутри, выглянулъ изъ-за вершины зданія юными, свѣтло-зелеными отростками. Не обрывайте ихъ, рабочіе! Поберегите, если не вѣтви, то хоть корень этихъ вьющихся, живописныхъ ростковъ. Вѣдь зодчій не придумаетъ, не сочинитъ такихъ капризныхъ, легкихъ, прихотливыхъ украшеній, какія сразу, такъ, не думая, какъ геній въ минуту отдыха на первомъ лоскуткѣ, попавшимся карандашомъ, — придумаетъ природа.

Былъ конецъ сентября; кривая Латышка вставляла зимнія рамы въ квартирѣ Лучанинова и страшно ему надоѣла; рама попадала иногда не въ свое окно, не лѣзла; Латышка стучала въ нее кулаками, такъ что дребезжали стекла, бранила хозяина перепутавшаго рамы, хозяйку прогнавшую маляра и заставляющую ее, кухарку по профессіи, вставлять двойныя рамы.

— Заставила бы она Лизхенъ; она живетъ, вы знаете, теперь у токаря; говорила Латышка обращаясь къ Лучанинову, который не имѣлъ чести знать ни токаря, ни Лизхенъ. — Вотъ бы она ее заставила; глаза бы выцарапала за это ей, проклятой вѣдьмѣ, Лизхенъ.

— Что̀ же, развѣ такая сердитая Лизхенъ? спросилъ Лучанинов, положивъ перо и поднимаясь изъ-за письменнаго стола.

Онъ было усѣлся за письмо къ брату, но стукотня и болтовня кухарки рѣшительно не позволяли думать.

— Лизхенъ? А вотъ она какая, отвѣчала, положивъ замазку на окно и подбоченясь, Латышка;—токарь вздумалъ однажды

съ ней, какъ съ прежнею кухаркой, заигрывать; несла она бѣлье вѣшать на чердакъ, онъ и вздумалъ поцѣловать ее. Она его обернула, да въ шею съ лѣстницы такъ и спустила кубаремъ; онъ низенькаго роста, еще счастье, а то бы лбомъ поцѣловался съ перекладиной. Вотъ какая Лизхенъ, Herr Secretaire; вотъ нынче въ Pfingsten, въ зелени; мы вмѣстѣ съ ней ходили, продолжала повѣствовательница, принимаясь замазывать раму,—своему трубочисту, жениху,—тотъ напился и вздумалъ нанимать извощика, — такихъ двѣ плюхи закатила; и за дѣло.... Береги деньги.... Вотъ она какая, Лизхенъ. Нѣтъ, та бы.... Та не станетъ ей, вѣдьмѣ, рамъ замазывать, окончила, задыхаясь отъ негодованія, Латышка.

„Нѣжная невѣста,“ подумалъ Лучаниновъ, надѣвая пальто чтобъ отправиться къ сосѣдкамъ: писарь-адвокатъ принесъ ему копію съ какой-то бумаги, для сообщенія Толоровской; только-что зажгли свѣчи когда онъ вошелъ къ нимъ; Маріанна Александровна собиралась что-то читать по-русски бабушкѣ; увидя Лучанинова, она захлопнула книгу.

— При васъ не стану, отвѣчала она, покраснѣвъ, на замѣчаніе гостя что онъ, кажется, помѣшалъ;—это по-русски, вы будете смѣяться что̀ я нѣкоторыя слова дурно выговариваю.

— Говорите по-своему; къ вамъ идетъ это, и потомъ вы вовсе не такъ дурно говорите, отвѣчалъ Лучаниновъ, передавая старухѣ копію.

Старушка надѣла очки и стала читать про себя, но вдругъ, опустивъ бумагу, отшатнулась къ спинкѣ кресла.

— Мнѣ что-то дурно, Мар....

Дѣвушка робко взглянула на нее.

— Воды не прикажете ли? спросилъ, тоже перепугавшись, Лучаниновъ.

Онъ налилъ стаканъ изъ стоявшаго на окнѣ графина; старушка проглотила каплю и безъ чувствъ опустилась въ кресло. Дѣвушка съ испуганнымъ лицомъ кинулась къ ней.

— Спиртъ есть у васъ? спросилъ Лучаниновъ.

— Есть, кажется, тамъ въ шкафѣ. Бабушка!

Лучаниновъ досталъ стклянку; дѣвушка поднесла ее къ лицу старухи; она очнулась, губы покривились немного; лѣвая рука, какъ плеть, скатилась съ мягкой ручки кресла.

— Бабушка, говорила, стоя на колѣнахъ подлѣ кресла, Маріанна Александровна.

Больная что-то силилась сказать, но языкъ, замѣтно, не слушался.

— Не можетъ говорить? обратилась дѣвушка къ Лучанинову.

— Я поѣду за докторомъ.

— Да.... Съѣздите, но.... поскорѣе.

— Не позвать ли хозяйку? Какъ вамъ однимъ? началъ было Лучаниновъ, надѣвая пальто.

Но въ комнату вошла Нѣмка-швея, знакомая сосѣдокъ.

Чрезъ полчаса Лучаниновъ возвратился со врачомъ; больная лежала уже за перегородкой, въ постели; швея и внучка хлопотали около нея. Молодой, только что кончившій курсъ врачъ, розовый и кудрявый, съ голубыми глазами, стыдливо раскланялся съ Маріанной Александровной; бѣлое, съ розовыми щеками, лицо его напоминало лица восковыхъ херувимовъ, которыми украшаютъ у насъ искусственныя вербы. Пощупавъ пульсъ и осмотрѣвъ отнявшуюся руку, молодой эскулапъ спросилъ перо, чернилицу, и усѣвшись на кончикъ стула, краснѣя, принялся что-то прописывать.

— Что это, докторъ? Ударъ? Опасно? спрашивала его по-нѣмецки Маріанна Александровна

— Если хотите, gnädiges Fräulein, отвѣчалъ, приподнявшись со стула, точно провинившееся дитя, весь зарумянившись, докторъ;—принявъ въ соображеніе лѣта вашей достопочтенной матери....

— Бабушки, поправилъ его Лучаниновъ.

— Entschuldigen Sie, бабки, разумѣется уже само собою что болѣзнь не безопасна, но если, съ другой стороны, мы прослѣдимъ рядъ случаевъ....

Докторъ замялся. Лучаниновъ дернулъ его за полу сюртука и шепнулъ: „утѣшьте ее, скажите: нѣтъ опасности“. Врачъ еще болѣе сконфузился и окончилъ: „но я не нахожу особенной опасности; болѣзнь можетъ продолжиться, но не угрожаетъ какимъ-либо особенно неблагопріятнымъ исходомъ.“ Дѣвушка стояла предъ нимъ съ вопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ; пожавъ плечами, она отошла наконецъ, думая про себя: „Богъ знаетъ что онъ такое говоритъ: если хотите есть, если хотите не угрожаетъ; вѣрно опасно, но онъ не хочетъ говорить.“ Подойдя къ швеѣ, она что-то вполголоса сказала ей и заплакала.

— Могу увѣрить васъ, нѣтъ ни малѣйшей опасности; я

сейчасъ говорилъ съ докторомъ, сказалъ ей, тоже вполголоса, Лучаниновъ.

Врачъ ожидалъ его, уже одѣтый, въ передней; Лучаниновъ ѣхалъ въ аптеку и взялся подвести его.

— Сколько ей лѣтъ, старушкѣ? спросилъ докторъ, выходя за калитку.

— Не знаю; полагать надо, лѣтъ семдесятъ, отвѣчалъ Лучаниновъ.—А что?

Врачъ промычалъ что-то.

— Опасно? наступалъ на него Лучаниновъ.

— Другая фрейлейнъ мнѣ разказывала что это врядъ ли не третій ударъ. Вообще, судя по нѣкоторымъ признакамъ и принявъ въ соображеніе общее состояніе здоровья самого организма, утратившаго энергію вслѣдствіе значительной зрѣлости возраста паціентки, я долженъ формулировать отвѣтъ на вашъ вопросъ слѣдующимъ образомъ, говорилъ докторъ, взявъ за пуговицу Лучанинова.—Опасность есть; большая опасность, но именно этотъ недостатокъ энергіи организма даетъ мнѣ пріятную возможность надѣяться или.... мнѣ кажется такъ лучше выразиться, поправился докторъ; онъ, закативъ глаза, пѣлъ какъ соловей, любуясь не только фразами, но, кажется, и самымъ звукомъ своего дѣйствительно пріятнаго, но черезчуръ сладкаго голоса. — Не надѣяться, а предусматривать, или, вѣрнѣе, предощущать. Потому что настоящій врачъ, я нахожу, предощущаетъ предварительно, потомъ уже....

— Что же предощущать? спросилъ Лучаниновъ, сорвавшись съ абордажа, на которомъ все еще продолжалъ держать его, посредствомъ пуговицы, докторъ.

— Предощущать что быстраго исхода ни къ выздоровленію, ни къ нѣсколько болѣе печальному исходу для больной не будетъ, окончилъ врачъ, садясь въ пролетку.

На дальнѣйшіе распросы Лучанинова, врачъ, потупивъ глаза, отвѣчалъ:

— Да.... но.... конечно, это вещь такая что.... однакожъ.... тутъ много есть условій.... хотя наука опредѣляетъ довольно точно, но.... въ настоящее время.... Бываютъ кризисы.... А вы ихъ родственникъ?

— Нѣтъ.

— Топорская? Такъ написалъ я на рецептѣ?

— Топоровская. Да это все равно.

— Гмъ.... Но.... Я долженъ вамъ сказать, началъ докторъ,

натягивая перчатку и потупившись, точно сознавалсь въ какомъ-нибудь неприличномъ поступкѣ,—что.... фрейлейнъ чрезвычайно красива.

— Да, она.... началъ было Лучаниновъ.

— Очень красива, шепотомъ повторилъ врачъ, разсматривая набалдашникъ своей трости.

Лучаниновъ довезъ его на квартиру, и взявъ слово навѣстить завтра утромъ паціентку, поѣхалъ въ аптеку. Когда онъ воротился, у стола на диванѣ въ первой комнатѣ сидѣла Маріанна Александровна и тихо плакала; швея стояла подлѣ кровати; больная силилась что-то сказать; швея подавала ей воды, варенья, но больная отрицательно мотала головой и показывала правою, здоровою рукой на комодъ.

— Я не могу добиться, фрейлейнъ, чего она проситъ, говорила швея Маріаннѣ Александровнѣ.

— Заперто ли, вы спрашиваете? Да? спросила, отеревъ проворно платкомъ слезы, внучка.

Больная утвердительно кивнула головой и не ясно проговорила наконецъ: „бумаги.... береги.“ Дѣвушка вынула изъ комода пачку бумагъ, и показавъ ей, положила обратно; больная успокоилась. Лучаниновъ, передавъ лекарство, пошелъ домой.

— Я вамъ должна, начала было дѣвушка, взявшись за ключи.

— Завтра, Маріанна Александровна. Покойной ночи, отвѣчалъ онъ, выходя въ дверь.

Осенній вѣтеръ точно плакалъ, завывая въ неплотно притворенную должно-быть трубу, когда онъ раздѣлся и легъ въ постель; онъ взялъ было книгу, но тотчасъ же закрылъ ее и лежалъ съ открытыми глазами, думая о сосѣдкѣ; по временамъ, надѣвъ туфли и халатъ, онъ подходилъ къ окну, подымалъ штору и глядѣлъ на полукруглое окно сосѣдокъ; у нихъ былъ огонь; на бѣлой занавѣскѣ двигались двѣ женскія тѣни; Лучаниновъ ложился, но чрезъ полчаса опять вскакивалъ посмотрѣть что̀ дѣлается у Топоровскихъ.

Старуха познакомила его нѣсколько со своею семейною хроникой; вотъ что̀ онъ зналъ изъ ея отрывочныхъ разсказовъ: князь, отецъ Маріанны Александровны, единственный сынъ старухи, получилъ послѣ отца нѣсколько сотъ душъ, хорошо устроенное, впрочемъ дѣдомъ, а не отцомъ князя, помѣстье и небольшой капиталъ; за женою (сосѣдкой по имѣнью) онъ взялъ маленькое, смежное со своимъ, незаложенное помѣстье. Жить можно было, особенно въ деревнѣ, да еще при

тогдашнихъ условіяхъ. Но князь Топоровскій, съ далеко не Радзивиловскими средствами, имѣлъ широкія замашки „пана коханка“. По смерти отца онъ первое что̀ сдѣлалъ, заложилъ имѣніе, и на вырученную отъ залога сумму увеличилъ отцовскую ясовую охоту, снабдилъ охотниковъ серебряными рогами, а лошадей уздечками тоже съ серебрянымъ наборомъ Воспитывался онъ въ Петербургѣ, въ одномъ изъ корпусовъ; не кончивъ курса, поступилъ юнкеромъ въ уланы, но дослужившись до чина корнета, вышелъ еще при жизни отца въ отставку и завалился въ деревнѣ, растолстѣвъ до безобразія Воспитавшись и довольно долго живши въ русскомъ обществѣ, какимъ образомъ сумѣлъ онъ сохранить старинныя привычки пана, довольно трудно объяснить; сначъ, огромнаго роста, съ длинными темнорусыми усами, коротко остриженный, онъ и съ виду походилъ скорѣе на старинный портретъ какого-нибудь сановитаго, ясновельможнаго воеводу временъ Баторія чѣмъ на князя девятнадцатаго столѣтія; по убѣжденіямъ онъ былъ Русскій, по привычкамъ—закоренѣлый панъ стараго польскаго времени.

На охоты его, въ отъѣзжія поля, съѣзжалось иногда двадцать уѣзда; пиръ горою шелъ часто мѣсяцъ изо дня въ день, безъ малѣйшихъ промежутковъ; нерѣдко гости спали тутъ же гдѣ пили, кто подъ столомъ, кто въ креслахъ, или на диванѣ; человѣкъ до десяти мелкопомѣстныхъ дворянъ и шляхтичей, кто въ качествѣ шута, кто неизвѣстно даже въ какомъ качествѣ, проживали у него постоянно. Больная жена, которую онъ любилъ, часто не могла спать отъ пѣсенъ и громкаго хохота гостей и весельчака хозяина. Любопытно было бы посмотрѣть въ желудки гостей, кушавшихъ рѣшительно по цѣлымъ днямъ; завтракъ тянулся до обѣда, послѣ обѣда жженка и опять закуска, продолжавшаяся до ужина; все это, до свѣта, заливалось наливками и венгерскимъ; до солнечнаго восхода еще, дворня тащила на кухню за рога барановъ; за погребомъ верещали свиньи, приведенныя на съѣденіе; поваренки ощипывали гусей; на кухнѣ стучали поварскіе ножи; на погребѣ цѣлый день стояли дежурныя бабы, отпуская холодный квасъ, медъ и пиво. Ключницѣ, завѣдывавшей винами и наливками, доставалось пуще всѣхъ: „ногъ подъ собой не слышу; отъ-то жизнь наша подневольная“, говорила она, уставляя въ корзинку, принесенную двумя лакеями, бутылки со смородиновками, вишневками и запеканками. Одни повара не

управлялись и прибѣгали къ посильной помощи другихъ дворовыхъ: такъ, форейтору поручалось вертѣть мороженое, кучера начиняли гусей яблоками и черносливомъ, псарь взбивалъ метелочкой яичные бѣлки для пирожнаго, доѣзжачій обвертывалъ бумагой котлеты.

Одно время образъ жизни Топоровскаго возбудилъ даже подозрѣніе мѣстной администраціи.

— Не кроется ли подъ этимъ чего-либо? спросилъ исправника однажды, притворивъ двери, губернаторъ, пріѣхавшій ревизовать уѣздъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ исправникъ, нерѣдко самъ угощавшійся по суткамъ у хлѣбосола-помѣщика, — ничего не кроется, кромѣ того....

— Кромѣ чего? спросилъ начальникъ губерніи.

— Кромѣ того что пьютъ точно что много.

— Да пить пускай ихъ, порѣшилъ губернаторъ, оставивъ съ тѣхъ поръ всякія опасенія.

У Топоровскаго было нѣсколько уголовныхъ дѣлъ, но далеко не политическаго характера; на сѣрыхъ крышкахъ этихъ дѣлъ было надписано, на одномъ: „о побіеніи и выгнаніи въ шею дворянина такого-то изъ ресторана г-жи Пшицеловской во время ярмарки“. На другомъ: „о высѣченіи розгами и засаженіи въ погребъ шляхтича, имя рекъ“. На третьемъ: „о причиненіи побоевъ и оторваніи лѣваго пейса вилькомирскому мѣщанину Еврею Фейнгольду“. Рядомъ съ этимъ непростительнымъ самоуправствомъ, нерѣдко онъ выручалъ изъ бѣды, давъ сотню, другую рублей высѣченному дворянину; дарилъ ни съ того, ни съ сего пустошь, или мельницу шляхтичу. И пострадавшіе хвалили его, звали благодѣтелемъ. „Ныпѣшніе паны вѣжливы, а попроси, не дадутъ ломанаго гроша“, говорили бѣдняки, вспоминая чуть не со слезами Топоровскаго.

Также въ противорѣчіе своему безпутству, Топоровскій уважалъ мать и нѣжно любилъ маленькую, единственную свою дочь, „Маріанночку“ (такъ онъ называлъ ее). „Да; надо перестать; ну, не сердитесь“, говорилъ онъ, цѣлуя руки матери, когда она принималась журить его. День-другой прекращалось пированье; гости разъѣзжались; Топоровскій ѣздилъ на жнитво, какъ путный хозяинъ. Но на третьи сутки заѣзжалъ къ сосѣду съ охоты, подгуливалъ; и вечеромъ въ широкія ворота ломѣстья Топоровскихъ вваливала, со звономъ охотничьихъ роговъ и

пѣснями, цѣлая толпа конныхъ, вереница колымагъ, бѣговыхъ и всякихъ дрожекъ, и снова начиналась кутерьма на цѣлую недѣлю. „здоровье княжны Топоровской!“ кричалъ хозяинъ. „Сто лѣтъ! Бондзь здрова!“ подхватывали гости, и трехлѣтнюю Маріанну, сонную, одѣвали и приносили къ отцу въ залу. Испуганными глазами глядѣлъ ребенокъ, прижавшись къ мощной груди отца, на раскраснѣвшіяся лица пирующихъ, не понимая гдѣ онъ и происходитъ ли все это на яву, или же сновидѣнье. Выбѣжавшая жена наконецъ уносила дочь. „Ну, унеси, душа моя, возьми,“ цѣлуя жену, говорилъ Топоровскій. „Хотѣлось выпить за ея здоровье.... Прощай, моя горленка“, прибавлялъ онъ, крѣпко разцѣловавъ и передавая нехотя ребенка. „Бондзь щенстлива и здрова ксенджна!“ провожали громкимъ крикомъ взятую матерью дѣвочку гости.

Имѣнья перезакладывались; отхожія пустоши, хутора продавались; платились неимовѣрные проценты Евреямъ, которые роемъ налетали на Топоровскаго, какъ мухи на варенье; сбереженный матерью небольшой, послѣдній капиталъ, Топоровскій уговорилъ ее отдать одному барону, который проигралъ все, даже жену свою, и остался съ однимъ хлыстикомъ. Жена и мать плакали; Топоровскій, расчувствовавшись, самъ плакалъ съ ними, называя себя безпутнѣйшимъ человѣкомъ. Искреннее раскаяніе гуляки не вело, однако, къ исправленію. Подходила ярмарка, именины сосѣда, Топоровскій, напившись, закладывалъ Еврею серебряные охотничьи рога и затѣвалъ уже у себя продолженіе попойки. Наконецъ имѣніе описали, исключая Подвинки, деревни матери Маріанны Александровны; Топоровскій окончилъ дни свои отъ апоплексическаго удара. Чрезъ пять лѣтъ послѣ его смерти началась ревизія дворянскихъ родовъ; Топоровскіе, мать и дочь, непризнанныя родными, лишились имѣнія и жили послѣ ревизіи года два въ Подвинкѣ; что вытерпѣли онѣ тамъ отъ гордыхъ родственниковъ, отъ Жидовъ и сосѣдей, трудно и тяжело разказывать; наконецъ родные по женской линіи оттягали и это послѣднее имѣніе. Старушка завела тяжбу и переѣхала со внучкой въ нѣмецкій городъ, гдѣ мы и познакомили съ нею нашего читателя. Сначала у дѣвушки была нянька Нѣмка, но когда дѣла пошли худо, Нѣмка была отлущена, и дѣвочка осталась на рукахъ больной матери и бабушки. Все воспитаніе со стороны бабушки (мать постоянно лежала) ограничивалось внушеніями: „ты ксенджна,

ты не должна держать себя наравнѣ съ крестьянками.“ „Отчего же?“ спрашивала дѣвочка, любившая рвать съ ними васильки въ полѣ и вить вѣнки изъ нихъ. „Какъ отчего? Онѣ все-таки холопки, а ты ксенджна.“ Но какъ ни добиралась молодая головка до различія бѣдной княжны съ холопкою, никакъ, однакожь, не могла добраться, слава Богу. Нужда, съ которою сражалась ежедневно бабушка, и бѣдное, набойчатое платьице, напротивъ, ясно говорили ей: „не вѣрь; нѣтъ никакого вѣдь различія между княжной и крестьянкой“.

И вотъ вышла изъ нея эта странная дѣвушка, которую видитъ читатель; природа дала ей, въ самомъ дѣлѣ, грацію, какой, можетъ-быть, позавидовала бы чья „ксенджна“; уроки матери дали умѣнье читать, писать кой-какъ, но хороводъ, дружба съ крестьянками, надѣлили ее любовью къ родной природѣ, рощѣ, къ мирной тишинѣ деревни, къ полю волнующемуся что море, къ рѣкѣ широкой, тихой какъ стекло и синей какъ лазурь очей русской красавицы.

Оставшись лѣтъ шести послѣ отца, Маріанна хорошо помнила его и любила не меньше матери и бабушки; она часто вспоминала потомъ какъ, прижавшись къ его широкой груди, она разглаживала его длинные, густые усы; какъ мать учила ее, держа на рукахъ, во время кутежа: „погрози ему“. Ребенокъ грозилъ пальчикомъ, и расходившійся гуляка билъ объ полъ вдребезги стаканъ, складывалъ на груди руки и задумывался; гости обыкновенно разъѣзжались послѣ этого, зная что хозяинъ день-другой не будетъ бражничать. Вотъ что̀ узналъ Лучаниновъ изъ отрывочныхъ разказовъ бабушки и внучки о прежнемъ ихъ житьѣ-бытьѣ.

Вѣтеръ продолжалъ шумѣть верхушками акацій и сиреней въ палисадникахъ; шелъ мелкій дождь, когда Лучаниновъ, проснувшись часу въ девятомъ утра, поднялся съ постели. Въ дверь постучался кто-то; Лучаниновъ отворилъ, и въ комнату вошелъ хозяинъ съ обычнымъ „schön guten morgen“ и съ кипящимъ самоваромъ.

— Наша сосѣдка, Frau von.... началъ онъ, совершивъ реверансъ, своимъ плачевнымъ голосомъ,—умерла сегодня, въ пятомъ часу утра.

— Умерла?

— Скончалась, продолжалъ хозяинъ.—Разумѣется, ей мудрено ли умереть.... семьдесятъ лѣтъ, но жаль мнѣ фрейлейнъ; родные, говорятъ, богатые и гордые, не принимаютъ ихъ....

Одна осталась; жаль, добавилъ онъ, почесавъ у себя за ухомъ и задумавшись.—Adieu, Herr....

Лучаниновъ одѣлся и пошелъ къ Топоровскимъ; съ ихъ лѣстницы сходилъ, въ черномъ, длинномъ сюртукѣ и шляпѣ, длинный и необыкновенно гибкій патеръ; онъ смѣрилъ искоса Лучанинова и приподнялъ шляпу. Отвѣтивъ на поклонъ, Владиміръ Алексѣевичъ поднялся на лѣстницу. Маріанна Александровна стояла у стола, на которомъ, уже одѣтая, лежала покойница; какая-то немолодая женщина сидѣла у окна и шила что-то черное; швея, надѣвъ шляпку, собиралась въ лавки. Лучаниновъ поклонился молодой хозяйкѣ и всталъ у двери. Онъ хотѣлъ было сдѣлать обычный вопросъ: „когда скончалась“ и т. д., но раздумалъ, опасаясь встревожить дѣвушку.

— Мнѣ пасторъ говорилъ что нужно что-то такое отъ доктора, начала она, обернувшись къ Лучанинову,—и потомъ изъ полиціи: мнѣ не хотѣлось васъ затруднять, но.... я ничего не знаю.

— Я сдѣлаю все. Не безпокойтесь, отвѣчалъ Лучаниновъ, и отправился къ доктору.

Странно, пока не вынесутъ тѣла, домашнимъ кажется что не случилось никакой перемѣны, все обстоитъ по-прежнему въ семьѣ, что отшедшій еще съ ними; выносъ тяжко напоминаетъ имъ невозвратимую утрату. На третій день послѣ описаннаго, черный, съ серебрянымъ галуномъ, закрытый гробъ старушки уставили на парныя дроги; Лучаниновъ усадилъ одѣтую въ трауръ Маріанну Александровну и швею въ карету, самъ сѣлъ въ извощичью пролетку, и процессія потянулась въ католическую церковь города. Въ церковь зашелъ врачъ и забѣжали два чиновника канцеляріи, вѣроятно желая взглянуть на красотку, по злодѣйскому выраженію унтера, „заразившую“ ихъ молодаго сослуживца; послѣ мессы гробъ отвезли, безъ пастора, на кладбище; вѣтеръ знай вылъ; когда зарыли могилу, дѣвушка кинулась на свѣжій лесокъ и долго плакала; наконецъ Лучаниновъ и швея взяли ее подъ руки и усадили въ карету; у молодаго человѣка точно тяжелый камень лежалъ на сердцѣ; онъ проводилъ дѣвушекъ домой и просидѣлъ съ ними молча до вечера.

Тяжко было смотрѣть на это оспротѣвшее, беззащитное созданіе; она то принималась плакать, то молча, опустивъ руки, сидѣла какъ статуя, не слыша рѣчей къ ней обращенныхъ,

не видя кто около нея, гдѣ она. Лучаниновъ отвелъ въ сторону швею.

— Вы, кажется, любите Маріанну Александровну; переѣзжайте хоть на время къ ней; ей все-таки будетъ легче; да и какъ ее оставить? Вы посмотрите на нее....

— Я переѣду непремѣнно, отвѣчала швея.—Жаль ее бѣдную! Что станетъ она дѣлать?

Лучаниновъ молча пожалъ плечами; швея заплакала и, подойдя къ дѣвушкѣ, поцѣловала ее въ голову. Въ тяжкіе, грозовые дни жизни каждаго человѣка, замѣтьте, непремѣнно явится откуда-то, нежданно, доброе, большею частію знакомое лично и коротко съ горемъ и нуждой созданіе, чтобъ утѣшить, раздѣлить грузъ скорби несчастливца.

Часовъ въ девять вечера Лучаниновъ, съ тяжкою тоской своею, пошагавъ по бульвару, несмотря на вѣтеръ и моросившій дождь, возвращаясь домой, увидѣлъ у своего подъѣзда извощичью карету; дверца отворилась, когда онъ подошелъ къ крыльцу, и изъ кареты сначала выпрыгнула дѣвочка лѣтъ десяти, за нею вышла дама; при тускломъ свѣтѣ уличнаго фонаря Лучаниновъ не вдругъ, но приглядѣвшись узналъ привѣтливое лицо кумушки Варвары Тимоѳеевны; онъ бросился цѣловать ей руки.

— Откуда вы? Вотъ ужъ не ожидалъ, говорилъ онъ, отпершій дверь и зажигая свѣчи.

Варвара Тимоѳеевна сняла шляпку и звонко засмѣялась. Лучаниновъ поднялъ и цѣловалъ дѣвочку.

— А вы, милостивый государь, думали изчезнуть, убѣжать отъ насъ, отъ деревенщины! говорила она.—Отыщемъ куда не спрячьтесь; на край свѣта уѣдете, и тамъ найдемъ.

И гостья снова залилась своимъ звонкимъ, искреннимъ смѣхомъ. Лучаниновъ усадилъ дѣвочку, которую онъ нянчилъ когда-то на рукахъ, и вышелъ чтобы заказать самоваръ.

— Ахъ, какъ я радъ, но объясните.... началъ онъ, и вдругъ задумался.

Гостья, усѣвшись, пристально поглядѣла на него и едва замѣтно вздохнула.

— А вы не тотъ, не прежній Владиміръ Алексѣевичъ, который, помните, цѣлые вечера смѣшилъ насъ всѣхъ.... Что съ вами? говорила она, пристально вглядываясь въ стараго знакомца и сверстника.

— Ничего.... я тотъ же самый, постарше, можетъ, сталъ, но.... Куда вы ѣдете?

— Я? Вотъ ужь не угадаете; за границу, въ Киссингенъ, за мужемъ; онъ тамъ лѣчился и стосковался по семьѣ, а доктора совѣтуютъ ему провести тамъ зиму гдѣ-то. Вотъ онъ и выписалъ насъ.

— А дѣти?

— Всѣ со мной, всѣ четверо; я, какъ насѣдка, вѣчно съ цыплятами, отвѣчала, разсмѣявшись, гостья.

— Такъ въ Киссингенъ? переспросилъ, думая совершенно о другомъ, Лучаниновъ;—это хорошія воды, говорятъ, но что у него за болѣзнь?

— Говорятъ, печень страдаетъ. Представьте, мужъ мой за границей.... Ни на одномъ, вѣдь, языкѣ пикнуть не умѣетъ, кромѣ русскаго. Пишетъ мнѣ: нашелъ какого-то Еврея переводчика.... И мнѣ, впрочемъ, придется запастись Евреемъ, говорила улыбаясь кумушка;—вѣдь и я только по-французски, съ грѣхомъ пополамъ.... Впрочемъ, нѣтъ, что жь я! Гутъ моргенъ, биръ, флейшъ, буттеръ.... Ну, да, только должно-быть и есть. Больше ничего не знаю по-нѣмецки. Но вы-то что такой задумчивый? Вы-то? Печень тоже что ли? разсмѣявшись, спрашивала гостья.

— Не печень, а.... Гдѣ вы остановились?

Варвара Тимоѳеевна назвала отель.

— Я къ вамъ пріѣду завтра посовѣтоваться. Вы здѣсь побудете?

— Не пробыла бы двухъ дней, но вотъ исторія, мнѣ нужно поискать няньку. Я наняла въ Петербургѣ Нѣмку, но предъ самымъ отъѣздомъ она заболѣла чѣмъ-то въ родѣ горячки. Я подождала ее дня два, лучше нѣтъ, и уѣхала. Нѣтъ ли у вашихъ знакомыхъ на примѣтѣ?

Лучаниновъ обѣщалъ справиться; Латышка подала самоваръ. Варвара Тимоѳеевна усѣлась хозяйничать; дѣвочка, усѣвшись въ мягкое кресло, давно спала крѣпкимъ сномъ.

— Устала съ дороги, говорила Варвара Тимоѳеевна,—вѣдь мы почти сейчасъ пріѣхали, но я не утерпѣла, уложила дѣтей и прямо въ канцелярію, отыскала дежурнаго, онъ далъ мнѣ вашъ адресъ, и вотъ....

— Благодарю васъ, но на кого же вы дѣтей-то оставили?

— Со мной вѣдь есть моя старуха; нянька нужна мнѣ для двухъ старшихъ, погулять съ ними, занять ихъ, отвѣчала

гостья.—Да, скажете ли вы мнѣ, наконецъ, отчего вы такъ задумчивы?

Владиміръ Алексѣевичъ разказалъ грустную повѣсть осиротѣвшей сосѣдки; кумушка внимательно слушала; нѣсколько разъ въ продолженіе разказа у ней навертывались слезы.

— Послушайте, начала она съ обычною своею живостью,— познакомьте завтра меня съ нею.... можетъ-быть.... Не бойтесь, я ее не въ няньки, прибавила она, покраснѣвъ немного.

— Извольте; я предупрежу ее..... Да почему жь и въ няньки? И потомъ, чего же мнѣ-то бояться? замѣтилъ, нѣсколько смутившись, Лучаниновъ.

Гостья спохватилась, отгадавъ причину задумчивости знакомца и, со свойственною женщинамъ деликатностью къ чувству, ловко повернула разговоръ въ другую сторону. Она ясно видѣла тяжелый недугъ Лучанинова и, какъ осторожный врачъ, тотчасъ притворилась предъ больнымъ что не находитъ вовсе опасною болѣзни, что она даже удивляется отчего больной такъ хандритъ и убивается. Часовъ до двухъ утра шла задушевная бесѣда двухъ друзей, встрѣтившихся послѣ многолѣтней разлуки; трудно передавать содержаніе подобныхъ разговоровъ: незначащее для посторонняхъ слово, выраженіе, случай, подымаютъ въ нихъ цѣлую вереницу воспоминаній; и воскресаютъ одинъ за другимъ дорогіе образы; будто снова живешь съ ними, тамъ, въ далекомъ, невозвратномъ прошломъ. Дѣвочка крѣпко спала, быть-можетъ грезя во снѣ о будущемъ, въ то время какъ гостья и хозяинъ на яву грезили о прошломъ.

На другой день, часу въ первомъ, къ дому сосѣдокъ подъѣхала та самая извощичья карета которая стояла вчера, къ удивленью хозяина и особенно цѣломудренной хозяйки, у подъѣзда Лучаниновской квартиры до свѣту; хозяйка просто возненодовала за это на постояльца: „я думала онъ скромный,“ говорила она, „вотъ тебѣ и скромный; впрочемъ, вѣдь въ тихомъ омутѣ всегда водятся черти,“ прибавила она въ отвѣтъ на слабое возраженіе мужа, что „можетъ-быть, эта дама родственница“. Хозяйка была одна изъ тѣхъ многочисленныхъ женщинъ которыя убѣждены что ошибаться онѣ не могутъ, и если что сказали, даже во снѣ, то это есть вѣчная и непреложнѣйшая истина; подверженное заблужденіямъ человѣчество, по-настоящему, должно бы ставить хоть не дорогіе памятники этимъ сивилламъ.

Изъ кареты вышли Лучининовъ, Варвара Тимоѳеевна и старшая ея дочка. Утромъ Владиміръ Алексѣевичъ предупредилъ Маріанну Александровну о желаніи своей старой знакомки пріѣхать къ ней; дѣвушкѣ видимо было не до того и не хотѣлось знакомиться, но отказать человѣку, принявшему въ ней такое живое участіе, она сочла неловкимъ. Кумушка (онъ не повезъ бы самъ другаго) была одна изъ тѣхъ женщинъ къ которымъ сразу чувствуешь влеченіе, глядишь какъ на старыхъ знакомыхъ (точно видалъ ихъ гдѣ-то, зналъ прежде); сразу довѣришься, полюбишь ихъ; лежитъ ли это въ простотѣ съ которою онѣ относятся къ людямъ, въ улыбкѣ, въ ясномъ взорѣ. Ихъ прямизна напоминаетъ наивность ребенка, а между тѣмъ чувствуется, вѣрится вамъ что въ основѣ этой наивности лежитъ не легкомысліе, а что-то глубокое, незыблемое, что на привѣтливое слово ихъ вы смѣло можете положиться, что это слово не пустая свѣтская вѣжливость, а дѣло. Какъ назвать этихъ людей? У насъ принято называть ихъ симпатичными; мнѣ кажется, мы вѣрнѣе опредѣлили бы ихъ, назвавъ чистыми, ибо только чистый душою человѣкъ способенъ такъ прямо и тепло глядѣть въ глаза всѣмъ и каждому. Даже дѣтей влечетъ къ подобнымъ людямъ: стóитъ такому человѣку протянуть руки къ чужому, незнакомому ребенку, онъ улыбнется ему тотчасъ, будто старому знакомому.

Черезъ полчаса послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, хозяйка и гостья бесѣдовали другъ съ другомъ какъ давнишніе знакомцы; дочка Варвары Тимоѳеевны тоже прижималась уже къ Маріаннѣ Александровнѣ; хозяйка была менѣе разговорчива; гостья увивалась, со своимъ ласковымъ щебетаньемъ, около огорченной, точно ласточка. Лучининовъ сидѣлъ подлѣ окна, вслушиваясь въ этотъ знакомый ему съ дѣтства голосъ, какъ вслушивáется вышедшій въ первый разъ въ поле послѣ грустной деревенской зимы въ звонъ перваго, весенняго жаворонка. Швея хлопотала около кофейника.

— Да вы подумайте, что̀ будете вы дѣлать здѣсь одинѣ? убѣждала Варвара Тимоѳеевна;—не понравится вамъ у насъ, мы васъ доставимъ обратно.

Маріанна Александровна отмалчивалась, просила дать ей подумать; новое положеніе компаніонки она не могла представить себѣ. Какая я компаніонка? О чемъ я стану съ ними говорить, будучи необразована; я деревенская дѣвушка.... Какъ ни привѣтлива, какъ ни добра казалась ей гостья,

высказать прямо, откровенно свои думы дѣвушка все-таки не рѣшалась.

— Завтра я скажу вамъ, отвѣчала она, принимаясь плакать.

„Вотъ какъ откажется?“ думалъ Лучаниновъ. „Что съ нею тогда будетъ? Въ другой домъ я бы не посовѣтовалъ ей; ее будутъ тамъ преслѣдовать насмѣшки, грубость; тамъ не поймутъ ея, какъ пойметъ и поняла ужь, кажется, кумушка.“ Усѣвшись на обратномъ пути въ карету, онъ высказалъ свои опасенія Варварѣ Тимоѳеевнѣ.

— Я не отстану отъ нея. Согласится, отвѣчала она;—увезу во что бы то ни стало. Бѣдная! А какая милая, должно-быть, дѣвушка.

Переговоры шли цѣлые два дня. Варвара Тимоѳеевна ѣздила къ дѣвушкѣ раза три, четыре въ сутки, возила ее къ себѣ: Топоровская рѣшилась высказать наконецъ откровенно свои опасенія что она не годится въ компаніонки.

Слово „компаніонка“ взбѣсило Варвару Тимоѳеевну.

— Да кто же это вамъ сказалъ? говорила она, вся вспыхнувъ:—я просто изъ любви къ вамъ, вы мнѣ полюбились, зову васъ погостить, побыть, остаться хоть на всю жизнь, если мы заслужимъ это.... Боже мой, да кто же это такъ вамъ передалъ? Владиміръ Алексѣевичъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Маріанна Александровна;—я сама такъ поняла, поэтому.... Скорѣй я могу быть нянькой.

— Оставьте вы эти должности, перебила Варвара Тимоѳеевна. Ну, такъ ѣдемте покупать чемоданъ; покажите мнѣ ея вещи, обратилась она къ швеѣ.

Слухъ о приглашеніи осиротѣвшей молодой Топоровской дошелъ, какимъ-то образомъ, до костела; старшему патеру представилось что это есть не иное что какъ коварное похищеніе овцы изъ ихъ стада; однажды вечеромъ онъ, призвавъ къ себѣ младшаго патера, поручилъ ему съѣздить предостеречь овцу отъ сѣтей разставленныхъ тайными врагами. „Топоровская и старуха рѣдко посѣщали церковь; дѣвушка осталась одна; ничего нѣтъ мудренаго что тутъ замыселъ. А этотъ молодой человѣкъ ни болѣе, ни менѣе какъ орудіе.“ Воображеніе могло завести старшаго патера еще далѣе, еслибы не принесла ему служанка ужинъ; поглядывая на дымящуюся кострюлю съ любимымъ грѣтымъ пивомъ, онъ пожалъ руку младшему своему собрату со словами: „такъ съѣздите, братъ Іосифъ, къ этой несчастной, предостерегите ее; этого требуетъ чело-

вѣколюбіе и пастырскій долгъ нашъ". При послѣднихъ словахъ онъ сложилъ на округленномъ брюшкѣ своемъ руки и возвелъ глаза къ потолку комнаты. Младшій поклонился и вышелъ. Вслѣдствіе ли вліянія отца Маріанны Александровны, не жаловавшаго ксендзовъ, или же потому что бабушка не любила ихъ за вмѣшательство въ нѣкоторыя семейныя дѣла, еще при жизни ея мужа (набожнаго католика), семья Топоровскихъ была какъ-то равнодушна къ католичеству. Поэтому, выслушавъ длинную рѣчь пріѣхавшаго патера, украшенную вздохами, возведеніемъ очей къ небу и наконецъ обѣщаніями адскихъ мученій за отступничество, дѣвушка отвѣчала что рѣшительно не понимаетъ о какомъ отступничествѣ говоритъ онъ ей. „Но вы не видите, дитя мое, вы неопытны, вы не можете видѣть козней васъ окружающихъ, продолжалъ патеръ; зло способно притвориться добромъ; мы всѣ обставлены кругомъ сѣтями." Маріанна Александровна поблагодарила и ничего не отвѣчала на это патеру; патеръ простился съ нею, посовѣтовавъ ей подумать объ этомъ и чаще навѣщать костелъ. „Насчетъ же вашего положенія вы не тревожьтесь слишкомъ; мы постараемся пристроить васъ въ какое-нибудь хорошее семейство," окончилъ онъ, надѣвая шинель свою

„А въ самомъ дѣлѣ, кто они эти люди? Куда они зовутъ меня?" кинувшись въ подушки и зарыдавъ, тотчасъ по уходѣ патера, думала дѣвушка. Но скоро, почему-то, вспомнился ей Конотопскій. „Неужто и онъ зло прикинувшееся добромъ?" Изъ его разказовъ дѣвушка была нѣсколько знакома еще въ деревнѣ съ Корневымъ, Лучаниновымъ. „Что же дѣлать? Нужно дать отвѣтъ сегодня; я задерживаю здѣсь Варвару Тимоѳеевну," подумала она подходя къ окну, и снова заплакала Въ эту минуту вошла со швеей кумушка; поцѣловавъ плачущую, она сѣла противъ нея у окна, и взявъ ея за руки, молча смотрѣла, будто магнетизеръ, ей въ глаза; это помогло лучше словъ. „Рѣшайтесь же," тихо произнесла кумушка; дѣвушка кинулась ей на шею, прошептавъ: „я ѣду, вы меня не оставите".... и уже обѣ вмѣстѣ заплакали. Вмѣстѣ съѣздивъ на могилу бабушки, онѣ воротились и, при помощи швеи, стали укладывать небольшой чемоданъ Маріанны Александровны. Лучаниновъ привелъ въ порядокъ ея бумаги и взялъ ей паспортъ. На другой день вечеромъ четвероместная карета выѣхала за городскую заставу, по пути въ Таурогенъ; рядомъ съ

Варварой Тимоѳеевной сидѣла Топоровская. Подлѣ кареты на извощикѣ ѣхалъ Лучаниновъ.

— Прощайте, крикнулъ онъ, поровнявшись съ окномъ кареты.

— Прощайте, кивнула ему Варвара Тимоѳеевна.

Маріанна Александровна поклонилась, проговоривъ: „благодарю васъ за все“.... Она что-то еще прибавила, но за крикомъ дѣтей, Лучаниновъ не могъ разслушать сказаннаго.

Н. ЧАЕВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

РѢШЕНІЕ

ГРЕКО-БОЛГАРСКАГО ВОПРОСА

Въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ было оглашено извѣстіе объ изданіи султанскаго фирмана, коимъ установляется новая независимая православная церковь, болгарская. Оповѣстившія объ этомъ событіи петербургскія газеты признали въ немъ окончательное рѣшеніе такъ долго длившагося греко-болгарскаго вопроса. Правда, въ сообщаемыхъ газетами извѣстіяхъ упоминалось что новоизданный султанскій фирманъ не былъ еще врученъ вселенскому патріарху, который былъ въ пору его изданія опасно боленъ и которому вслѣдствіе того не рѣшались объявить султанское повелѣніе, столь близко касающееся правъ и преимуществъ занимаемой имъ каѳедры и общихъ правъ церкви; но въ этомъ обстоятельствѣ петербургская періодическая печать, повидимому, не усматривала никакой особенной важности и, какъ кажется, вовсе не подозрѣвала чтобы въ немъ могло таиться дѣйствительное препятствіе къ осуществленію торжественно выраженной воли султана.

Не имѣвъ въ ту пору точныхъ свѣдѣній ни о тѣхъ обстоятельствахъ при которыхъ состоялось повелѣніе султана объ

* Читано въ засѣданіи С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета 5го мая 1870 года.

учрежденіи болгарской независимой церкви, ни даже о содержаніи изданнаго Портою фирмана, которое въ петербургскихъ газетахъ передано было въ самыхъ неясныхъ и явно искаженныхъ чертахъ, * трудно было сказать что-либо вѣрное о значеніи и ближайшихъ послѣдствіяхъ совершившагося событія; тѣмъ не менѣе, даже сквозь эту мглу газетныхъ свѣдѣній, людямъ имѣющимъ ясныя понятія о природѣ церковныхъ вопросовъ не могло не придти на мысль сомнѣніе въ твердости выраженныхъ газетами надеждъ, — такъ какъ, объявляя объ окончательномъ рѣшеніи греко-болгарскаго вопроса, онѣ вовсе не приняли въ соображеніе той власти безъ соизволенія которой подобное рѣшеніе безусловно невозможно, и такимъ образомъ считали, какъ говоритъ французское присловье, безъ хозяина. Чувствуя важность такого пропуска въ соображеніяхъ нашихъ газетъ, я счелъ необходимымъ въ статьѣ моей: *Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря* (которая печаталась въ ту пору въ журналѣ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* и на которую я позволяю себѣ указать здѣсь какъ на органическую часть настоящаго моего разсужденія), сдѣлать слѣдующую оговорку:

„Выраженіе телеграммы что болгарскій вопросъ рѣшенъ — слишкомъ рѣшительно и поспѣшно. Мы еще не имѣемъ извѣстія о томъ чтобы независимая болгарская церковь была признана вселенскимъ патріархомъ, безъ чего она не можетъ быть принята и въ общеніе прочихъ независимыхъ церквей. Есть даже извѣстіе противоположнаго свойства, а именно: что патріархъ отказывается отъ принятія султанскаго фирмана, который рѣшилъ дѣло рѣшенію и суду Порты не подлежащее. Будемъ ждать дальнѣйшихъ свѣдѣній.“

Свѣдѣнія эти не заставили себя долго ожидать. Первымъ дѣломъ патріарха, возставшаго паче надежды съ одра болѣзни, на который повергли его глубокія испытанныя имъ въ послѣднее время потрясенія, было представленіе Портѣ протеста противъ изданнаго ею фирмана, какъ нарушающаго коренныя основанія церковнаго права и вторгающагося въ такую область которая всегда считалась и, по самой сущности дѣла, должна навсегда остаться недоступною не только

* Только нѣсколько позднѣе мы прочли, сперва въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ сокращенномъ видѣ, а потомъ въ *Православномъ Обозрѣніи* (мартъ) уже въ полномъ объемѣ, истинный текстъ этого акта, который прилагается и къ настоящей статьѣ (прилож. № 1).

для власти не христіанской, но даже для православныхъ государей, коихъ церковь ломазуетъ на царство и именуетъ своими защитниками.

По важности этого акта, я позволю себѣ привести его въ полномъ его объемѣ.

„Чрезъ Христаки-эффенди Зографа и Александра Караѳеодори-эффенди, писалъ патріархъ, ваше высочество передали патріархіи, *безъ сопровожденія тескере*, высокій фирманъ на пергаменѣ, коимъ императорское правительство думало путемъ офиціальнаго рѣшенія, положить конецъ болгарскому вопросу, тянувшемуся въ теченіе десяти лѣтъ и возбудившему столько шума.

„Заботливая о строгомъ исполненіи своихъ обязанностей къ могущественному правительству, которое дано намъ Господомъ, патріархія никогда не помышляла отказывать въ уваженіи и покорности повелѣніямъ нашего весьма чтимаго государя относительно всего что̀ входитъ въ область государственную. Церковь восточная никогда не измѣняла сему началу въ своихъ отношеніяхъ къ мірской власти. Но равнымъ образомъ надобно признаться что и славные султаны, равно какъ и ихъ могущественный преемникъ (да будетъ держава его непобѣдима), никогда не желали входить въ дѣла относящіяся исключительно къ сферѣ церковной. Правительство султановъ установляло (всегда) существенное различіе между государствомъ и церковію. Права и преимущества сей послѣдней были торжественно признаваемы и утверждаемы высочайшими *гатти* (указами), и никогда никому не дозволялось посягать на премущество той церкви которая, въ теченіе пяти столѣтій, состояла подъ непосредственнымъ покровомъ престола султановъ.

„Еслибъ этотъ фирманъ былъ только подтвержденіемъ акта прямаго соглашенія между вселенскою патріархіей и представителями болгарскаго вопроса, то подобное императорское утвержденіе было бы, какъ и всегда, уважено и принято. Но въ настоящемъ случаѣ это не такъ. Вслѣдствіе сего патріархія не можетъ подчиниться политическому ультиматуму въ вопросѣ принадлежащемъ къ порядку чисто религіозному, тѣмъ болѣе что предписанія этого документа явно противны какъ священнымъ правиламъ, такъ и правамъ и преимуществамъ церкви.

„Итакъ, имѣя въ виду что представители болгарскаго вопроса упорно отвергаютъ всякое предположеніе о примиреніи исходящее отъ патріархіи; что правительство по вопросу чисто церковному не можетъ постановить рѣшенія безвозвратнаго; что вслѣдствіе столь неправильнаго положенія дѣлъ нарушены священные каноны (о чемъ вашему высочеству было неоднократно излагаемо), патріархія, по всѣмъ симъ основаніямъ, возвращается вновь къ своей просьбѣ (которая

была уже предъявлена вашему высочеству), чтобы вы согласились на созваніе вселенскаго собора, который одинъ будетъ въ правѣ произнести рѣшеніе дѣйствительное, непогрѣшительное и одинаково обязательное для обѣихъ сторонъ.

„Къ высокому правительству обращается также настоятельная просьба о томъ чтобъ оно приняло необходимыя мѣры къ прекращенію постоянно возрастающихъ безпорядковъ въ провинціяхъ, коимъ дана была новая пища чрезъ разсылку окружнаго посланія такъ-называемыхъ представителей отъ 3го марта, обнародованнаго со времени изданія фирмана. Противъ этихъ безпорядковъ патріархія можетъ только формальнымъ образомъ протестовать."

„Писано 24го марта 1870 г." (Подпись:) „Григорій и члены синода."

Этотъ протестъ, какъ извѣстно, вызвалъ со стороны великаго визиря отвѣтъ, который начинается указаніемъ на то что императорское правительство во всѣ времена руководилось правиломъ не вступаться въ дѣла чисто духовныя и увѣреніемъ что, какъ оно никогда не отступало отъ этого правила донынѣ, точно также будетъ продолжать соблюдать это правило и въ будущемъ. „Никакое сомнѣніе, говоритъ Аали-паша, не должно возникать относительно этого предмета, и я не думаю чтобы была нужда долѣе объ этомъ распространяться."

Переходя за симъ къ обстоятельствамъ коими сопровождалось настоящее распоряженіе Порты, великій визирь старается оправдать его тѣмъ что всѣ попытки, которыя будто бы дѣлало правительство къ примиренію враждующихъ сторонъ въ теченіе десяти лѣтъ ихъ раздора, оставались безъ успѣха; что такое продолженіе распри, при которой власть видѣла себя вынужденною прибѣгать къ силѣ чтобы заставлять Болгаръ принимать греческихъ митрополитовъ и священниковъ, было въ ущербъ миру и спокойствію страны и налагало на правительство обязанность принимать относительно одной части населенія мѣры принужденія и строгости, несогласныя съ началомъ того высокаго покровительства коимъ августѣйшій повелитель удостоиваетъ всѣхъ своихъ подданныхъ вообще.

Затѣмъ Аали-паша даетъ дѣлу такой оборотъ, будто бы содержаніе фирмана и даже самое изложеніе его соотвѣтствуетъ собственнымъ видамъ и мнѣніямъ патріарха и расходится съ ними только въ предметахъ второстепенной важности.

Устраняя такимъ образомъ упрекъ патріарха, великій визирь говоритъ:

„Вашему святѣйшеству не безызвѣстно что первый долгъ всякаго правительства состоитъ въ томъ чтобъ охранять и поддерживать покой и безопасность обитающихъ на его землѣ народовъ и стараться удалить всякій поводъ къ волненію; что при всемъ воздержаніи отъ вмѣшательства въ отправленія различныхъ исповѣданій, коимъ слѣдуютъ наши соотечественники, и въ ихъ чисто духовныя дѣла, императорское правительство не можетъ, безъ забвенія лежащихъ на немъ обязанностей, остаться равнодушнымъ зрителемъ событій явно способныхъ возмутить общественное спокойствіе."

Но и на это правительственное заявленіе патріархъ отвѣчалъ, какъ мы знаемъ изъ газетъ, повтореніемъ своихъ прежнихъ представленій о невозможности рѣшить вопросъ о независимой болгарской церкви тѣмъ способомъ который былъ избранъ Портою, и о необходимости разсмотрѣнія сего дѣла на общемъ соборѣ всѣхъ православныхъ (независимыхъ и полунезависимыхъ) церквей.

Я не могу сообщить объ этомъ патріаршемъ отвѣтѣ болѣе подробныхъ свѣдѣній, такъ какъ у меня не было въ рукахъ его полнаго текста; но думаю что въ его подробномъ изложеніи нѣтъ и особенной надобности, ибо онъ представляетъ, вѣроятно, только нѣкоторое видоизмѣненіе вышеприведеннаго протеста, главная мысль коего та что для учрежденія новой автокефальной церкви недостаточно согласія мірской власти (не только мусульманской, но и православно-христіанской), а необходимо соизволеніе всей церкви.

Болгаре съ своей стороны усиливаются всѣми мѣрами оправдать правильность и законность изданнаго Портою фирмана и опровергнуть доводы патріарха направленные противъ права султановъ учреждать своею властію, въ предѣлахъ ихъ державы, автокефальныя церкви. Не знаю, вполнѣ ли искренно, но представители болгарскіе всегда выражались за это право Порты. Читавшіе мою статью: *Вселенскій патріархъ Григорій VI* и т. д., быть-можетъ постараются припомнить что̀ относительно сего предмета говорили Болгаре въ своей просьбѣ о возстановленіи Охридскаго архіепископства.

„Такое рѣшеніе вопроса (волею султана), писали они, относится къ кругу дѣятельности правительства, какъ власти имѣющей силу утверждать или останавливать примѣненіе правъ, существующихъ по законамъ церковнымъ, и возвращать эти

права тѣмъ кои незаконно были лишены ихъ. *На томъ же основаніи на которомъ нѣкогда правительство согласилось утвердить права присвоенныя патріархомъ (Самуиломъ), оно можетъ нынѣ законнымъ актомъ снова перенести эти права на Охридскую архіепископію, предоставивъ ихъ тѣмъ кои въ теченіе 1232 лѣтъ пользовались ими и были ихъ лишены незаконно.*" *

Точно также и въ настоящее время Болгаре утверждаютъ что если въ прежнія времена султанскій фирманъ имѣлъ право уничтожить независимыя патріаршества въ Охридѣ, Ипекѣ и Терновѣ (?) и присоединить ихъ ко вселенскому престолу, то и нынѣ такой же фирманъ можетъ возстановить болгарскій экзархатъ. **

Въ виду такой крайней противоположности въ воззрѣніяхъ на это дѣло, я нахожу что для русскаго общества, имѣющаго тысячи побужденій слѣдить за совершающимися на Болгарскомъ полуостровѣ событіями не только съ участіемъ, но даже съ біеніемъ сердца, въ высшей степени важно усвоить себѣ правильный взглядъ на предметъ разногласія. Это вполнѣ необходимо для надлежащаго направленія и справедливаго соразмѣренія его сочувствій, которыя въ продолженіе греко-болгарской распри не всегда и не во всемъ, по моему мнѣнію, были на сторонѣ не только формальной законности, но даже и внутренней правды. Для указанной мною цѣли, то-есть для установленія вѣрной точки зрѣнія на предметъ, наилучшимъ средствомъ можетъ послужить, какъ я думаю, обращеніе къ свидѣтельству исторіи, которая сохранила вполнѣ вѣрныя и достаточно полныя свѣдѣнія о томъ какимъ способомъ и на какихъ основаніяхъ учреждались въ православной церкви независимые патріаршіе престолы и равночестные имъ синоды, въ законности коихъ никто не изъявлялъ и не изъявляетъ сомнѣнія. Изъ сопоставленія этихъ историческихъ примѣровъ съ настоящимъ случаемъ, читатель самъ легко выведетъ свое заключеніе о томъ сколько правды въ увѣреніяхъ вселенскаго патріарха о необходимости церковнаго и притомъ соборнаго рѣшенія настоящаго вопроса и въ соображеніяхъ болгарской стороны, готовой принять даръ церковной независимости изъ рукъ мусульманскаго правительства.

Древнѣйшіе патріаршіе престолы въ православной церкви

* Журналъ *Мин. Нар. Пр.*, мартъ.
** *Моск. Вѣд.* № 78.

были: Римскій, Александрійскій и Антіохійскій. Первое намъ извѣстное утвержденіе достоинства сихъ престоловъ изображено въ шестомъ правилѣ перваго вселенскаго собора: „Да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими: понеже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей.“ *

Седьмымъ правиломъ того же собора патріаршее достоинство присвоивается епископу святаго града Іерусалима, ради спасительныхъ страстей Христовыхъ. **

Третьимъ правиломъ втораго вселенскаго собора сообщено то же достоинство епископу Константинопольскому:

„Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ. ***

Вальсамонъ, толкуя это правило, говоритъ: „Сперва Византія не имѣла чести архіепископства, но епископъ ея рукополагаемъ былъ митрополитомъ ираклійскимъ. Когда же Константинъ Великій перенесъ туда престолъ (τὰ σκῆπτρα) римскаго царства, она переименована была Константинополемъ, Новымъ Римомъ и царицею всѣхъ городовъ. Потому и святые отцы втораго вселенскаго собора опредѣлили епископу ея имѣть преимущества чести послѣ епископа ветхаго Рима: ибо она стала Новымъ Римомъ.“ ****

Двадцать восьмое правило четвертаго вселенскаго собора говоритъ такъ:

„Престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію, и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу Новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быть градомъ царя и синклита и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому и да будетъ вторый по немъ.“ †

---

* См. *Книг. Прав.*, Спб. 1839, стр. 36.

** Тамъ же.

*** Тамъ же, стр. 44.

**** Σύνταγ. κανόν. *Ралли и Потли*, т. II, стр. 175.

† *Кн. Прав.* стр. 68.

Когда благочестивый царь Ѳеодоръ Ивановичъ возымѣлъ намѣреніе учредить въ Москвѣ патріаршество, то созванный имъ соборъ, одобривъ его мысль, присовокупилъ:

„Благочестивый царь! Если угодно тебѣ, пошли грамоты о такомъ важномъ дѣлѣ къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ, чтобы они, по совѣту со своими митрополитами и епископами, утвердили грамотами таковое начинаніе. И ты, и мы почитаемъ ихъ столпами благочестія, и хотя они находятся подъ властію невѣрныхъ, но благодать и святыня владычествомъ нечестивыхъ не оскверняются. Сношеніе съ восточными патріархами необходимо и для того, *да не подумаютъ* другіе, особенно Латитяне, *пишущіе на святую вѣру нашу*, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріаршій престолъ устроился *только одною царскою властію*.“ *

По предварительно изъявленному согласію всѣхъ предстоятелей святой восточной церкви, поставивъ Московскому государству патріарха, вселенскій патріархъ Іеремія возвратился на Востокъ и созвалъ въ Константинополь на соборъ всѣхъ прочихъ патріарховъ православныхъ, для окончательнаго утвержденія патріаршества въ Россіи.

На этомъ соборѣ александрійскій патріархъ, знаменитый ученостію Мелетій Пига, обратившись къ указаніямъ церковныхъ правилъ, главнымъ основаніемъ для учрежденія въ Россіи патріаршества призналъ царственное величіе города Москвы. Выписавъ вышеприведенное 28е правило Халкидонскаго собора, онъ говоритъ:

„Почитаю справедливымъ чтобы православнѣйшій городъ Москва, по Божію человѣколюбію и благодати украшенный царствомъ, и въ дѣлахъ церковныхъ былъ возвеличенъ по 28му правилу четвертаго Вселенскаго собора.“ **

Далѣе:

„И святый, великій соборъ 318 богоносныхъ отецъ (первый вселенскій) распредѣлилъ порядокъ и епархіи между патріаршими престолами, которые онъ изобразилъ, *не на иномъ какомъ основаніи, какъ по вниманію къ достоинствамъ царственныхъ городовъ (столицъ)*, поставивъ Александрію надъ Египтомъ, Ливіею и пр., Антіохію надъ Ассиріею и всѣмъ востокомъ, и какъ надъ Европою Римъ, такъ надъ Азіею Константинополь.... Посему самъ почитаю справедливымъ и мнѣніе сего великаго и святаго собора признаю истиннымъ, чтобы

* *Дополн. къ Акт. Ист.*, т. II, № 76, стр. 120.
** *Собр. Прав.* изд. Ралли и Потли, т. V стр. 152.

престолъ благочестивѣйшаго и православнаго града Москвы былъ и назывался патріархіею: ибо градъ (χῶρα) сей удостоенъ отъ Бога царственной чести." *

Когда стѣснявшійся значеніемъ патріарха Петръ I задумалъ измѣнить патріаршее управленіе въ Россіи на синодальное, онъ не почелъ, для исполненія сего намѣренія, достаточнымъ своего собственнаго рѣшенія, но призналъ необходимымъ снестись со вселенскими патріархами, которые и утвердили мысль его своимъ согласіемъ, прислявъ о томъ и свои всѣмъ извѣстныя грамоты. **

Учрежденіе синода независимой Эллады совершилось такъ: Съ 1821 года естественно прекратились между возставшими противъ Порты Греками и Константинополемъ всякія сношенія, и церковь Элладская управлялась по нуждѣ сама собою. По признаніи европейскими державами независимости Греческаго королевства, дѣла церковныя довольно долго оставались неустроенными; наконецъ правительство новой державы обратило вниманіе и на нихъ и предположило устроить въ королевствѣ независимый синодъ, который и былъ учрежденъ въ 1843 году, по образцу святѣйшаго синода единовѣрной русской державы, съ нѣкоторымъ впрочемъ отличіемъ отъ сего послѣдняго. Онъ учрежденъ былъ соборомъ всего элладскаго духовенства, всѣмъ исполненіемъ христоименитыхъ православныхъ Еллиновъ и закономъ короля. *** Но, разумѣя недостаточность такого учрежденія безъ признанія его всѣми единовѣрными церковными властями, правительство Эллады отправило въ 1850 году къ патріарху константинопольскому грамоту съ просьбой объ утвержденіи независимости ея синода и съ извиненіями въ умедленіи сношеній по сему дѣлу. Эту медлительность старались оправдать политическими затрудненіями и внутренними неустройствами новой державы.

„Теперь же, говоритъ грамота, когда трудныя обстоятельства Эллады Божіимъ споспѣшествомъ миновали, мы почли священнѣйшею своею обязанностію, съ соизволенія его величества, по мысли же и требованію священнаго клира, возвѣстить о семъ (объ учрежденіи синода) великой константи-

* Тамъ же стр. 153.

** См. *Царскія и патріаршескія грамоты на греческомъ и русскомъ языкахъ*, или *Ралли и Потли*, т. V, стр. 160—163.

*** См. *Ралли и Потли*, т. V, стр. 177—185.

нопольской церкви, почитая ваше всесвятѣйшество яко перваго пастыреначальника православной, каѳолической, восточной церкви, дабы, изслѣдовавъ сіе церковное законоположеніе и признавъ учрежденный онымъ священный синодъ Эллинскаго королевства, вы приняли его какъ во Христѣ брата, благословивъ дѣло благовѣрнаго Эллинскаго народа, и сообщили о томъ прочимъ блаженнѣйшимъ патріархамъ: антіохійскому, александрійскому и іерусалимскому чтобы вмѣстѣ съ вашимъ всесвятѣйшествомъ и сіи блаженнѣйшіе патріархи признали наконецъ и приняли какъ брата во Христѣ единочестный и единовѣрный священный нашъ синодъ, да тако всецѣло сохранится единеніе святой, каѳолической и апостольской церкви.“ *

Основаніемъ для учрежденія независимаго церковнаго правительства представляли и въ этомъ случаѣ независимость королевства. Грамота выражается объ этомъ такъ:

„Поелику всѣмъ премудро и человѣколюбиво правящій Промыслъ Всевышняго, по безмѣрной милости своей, благоговолилъ воздвигнуть Элладу *въ независимую и самоуправляющуюся державу* (αὐτόνομον κράτος), подобаетъ всячески и православной церкви ея воспользоваться такою же независимостью, какою пользуются церкви другихъ свободныхъ и самоуправляющихся государствъ.“ **

Созванный по сему дѣлу въ Константинополѣ соборъ издалъ постановленіе, извѣстное подъ названіемъ Συνοδικὸς τόμος, которымъ признаны существованіе и полная законность священнаго синода Эллады.

Представленныя нами свидѣтельства исторіи способны, по моему убѣжденію, устранить всякое сомнѣніе въ истинѣ того защищаемаго патріархомъ и отвергаемаго болгарскими представителями начала, что для учрежденія патріаршества недостаточно созванія мірской власти, хотя бы то была власть и православнаго, не только что мусульманскаго, государя, а необходимо свободное согласіе всей церкви.

Изъ тѣхъ же приведенныхъ выше примѣровъ видно что автокефальные престолы учреждались главнымъ образомъ ради царственной чести городовъ. Исключеніемъ изъ этого правила представляются лишь престолы іерусалимскій, синайскій и кипрскій, изъ коихъ первые два пользовались независимостію ради священнаго значенія тѣхъ мѣстъ гдѣ они были

* См. тамъ же.
** См. тамъ же.

учреждены. Послѣдній пользуется, впрочемъ, не совсѣмъ полною независимостію, ибо синайскій архіепископъ, по древнему обычаю, рукополагается патріархомъ іерусалимскимъ. Причины по которымъ кипрская церковь удостоена самостоятельности мнѣ неизвѣстны; но мнѣ извѣстно что она была независимою отъ временъ весьма древнихъ. Еще на третьемъ вселенскомъ соборѣ возникалъ вопросъ о нарушеніи ея правъ сосѣднимъ антіохійскимъ престоломъ, и восьмымъ правиломъ этого собора была подтверждена и на будущее время ограждена независимость этой церкви.

Были впрочемъ въ исторіи православной церкви примѣры автокефальныхъ церквей которыя учреждались и мірскою властью; но церковь, терпѣвшая такія распоряженія до времени ради мира, никогда однако не признавала ихъ законности.

Такъ права и преимущества, которыя даны были императоромъ Юстиніаномъ архіепископу его родины Ведеріаны (по иным Таврисія), переименованной тѣмъ же императоромъ въ первую Юстиніану, сперва въ 535 г. (Новел. XI), а потомъ подтверждены и пріумножены въ 545 г. (повел. CXXXI), вскорѣ послѣ смерти Юстиніана были уничтожены; послѣ тридцатилѣтняго съ небольшимъ управленія своею церковью, на правахъ автокефальнаго архіепископа, предстоятель церкви первой Юстиніаны является снова подчиненнымъ римскому папѣ ерархомъ: въ письмахъ папы Григорія Великаго (Двоеслова) мы видимъ его въ званіи намѣстника папы, коимъ онъ утверждается на престолѣ. Отъ папы же онъ получаетъ pallium и наконецъ подвергается папскому суду и даже запрещенію. *

Точно также непрочно и недолговѣчно было учрежденное въ X вѣкѣ мірскою властію патріаршество великопреславское (доростольское). По смерти знаменитаго Болгарскаго царя Симеона, приводившаго въ трепетъ Византію, правительство греческое послѣдило мирными предложеніями и уступками привязать къ себѣ Болгарію. Сыну Симеона Петру предложилъ невѣсту изъ царскаго рода, признали его царемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ церковь болгарскую объявили автокефальною. Архіепископъ Даміанъ былъ даже именованъ патріархомъ,

* Нѣсколько подробнѣе объ этомъ изложено въ выше упоминаемой статьѣ моей: „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря.“ *Журн. мин. нар. просв.* Мартъ, стр. 7.

но такъ какъ это возведеніе въ санъ патріарха совершилось не по опредѣленію церкви, а рѣшеніемъ сената и повелѣніемъ императора, то онъ и не удержался въ этомъ званіи. Дошедшая до насъ отъ XII вѣка греческая запись * о первыхъ архіепископахъ болгарскихъ сообщаетъ о немъ такія свѣдѣнія:

„При немъ (Даміанѣ) Болгарія признана самоглавенствующею. Царскимъ синклитомъ, по повелѣнію царя Романа Лакапина, Даміанъ объявленъ патріархомъ, *но потомъ низложенъ* Іоаномъ Цимисхіемъ."

Долѣе другихъ автокефальныхъ каѳедръ, установленныхъ мірскою властію, держалась архіепископія Охридская, начало которой относится, по мнѣнію, которое кажется мнѣ болѣе другихъ вѣроятнымъ, къ 1018 году, то-есть ко времени возвращенія Болгаріи, при Василіи Порфирородномъ, подъ власть Византійской имперіи, и которая упразднена была въ 1767 году по прошенію послѣдняго архіепископа охридскаго Арсенія и подчиненнаго ему клира, на основаніи состоявшагося о томъ опредѣленія вселенскаго патріарха Самуила и его синода, утвержденнаго въ послѣдствіи и султанскимъ фирманомъ.

Въ установленіи Терновскаго патріаршества учрежденнаго въ первой половинѣ XIII вѣка и уничтоженнаго вмѣстѣ съ паденіемъ Болгарскаго царства, въ концѣ XIV вѣка, принимала участіе и церковь; это доказывается и греческими, и болгарскими свидѣтельствами. Такъ Георгій Акрополитъ утверждаетъ что по поводу союза императора никейскаго Іоанна Дуки Ватаци съ болгарскимъ царемъ Іоанномъ II Асѣнемъ, „архіерей Терновскій почтенъ правомъ автономіи; царскимъ и *соборнымъ* опредѣленіемъ присуждено ему именоваться патріархомъ, въ удовольствіе князю Асѣню, ради его родства и дружбы". **

Болѣе подробное изложеніе обстоятельствъ, коими сопровождалось учрежденіе Терновскаго патріаршества, можно найти въ статьѣ г. С. Палаузова *Обновленіе патріаршества Болгарскаго царства*, *** составленной на основаніи древняго болгарскаго сказанія, открытаго Н. Х. Палаузовымъ.

Не буду входить въ разборъ этихъ свидѣтельствъ, который

---

* *Ducange famil. Byzant.*

** *Georg. Acrop.* cap. XXXI, XXXIII.

*** *Времен.* 1855. Кн. XXI.

сдѣланъ мною въ другомъ мѣстѣ * и который въ настоящемъ случаѣ былъ бы совершенно неумѣстенъ; для цѣли моего разсужденія достаточно будетъ указать лишь на то что упраздненіе независимаго Терновскаго престола было прямымъ послѣдствіемъ покоренія Болгарскаго царства Турками и упраздненія царственной чести города Тернова, ради которой онъ былъ украшенъ и патріаршею каѳедрой. Никакого султанскаго фирмана, въ изданіи коего болгарскіе представители обвиняютъ константинопольскую патріархію, по этому поводу издано не было и даже быть не могло: ибо паденіе Болгарскаго царства и одновременное съ тѣмъ упраздненіе терновскаго патріаршества послѣдовало (въ 1394 г.) за 59 лѣтъ до покоренія Турками Константинополя.

Безъ всякихъ со стороны патріархіи усилій, само собою, упразднилось патріаршество терновское, ибо уничтожилась самая причина (raison d'être) ея бытія, царственная честь города Тернова.

Совершенно подобный тому примѣръ видимъ мы въ уничтоженіи независимости грузинской церкви, которое послѣдовало по присоединеніи Грузіи къ Русской державѣ, по тѣмъ же самымъ основаніямъ.

Возвращаясь къ главному предмету моего разсужденія, я еще разъ повторяю что всѣ приведенныя мною историческія свидѣтельства обращаются въ подкрѣпленіе требованія патріарха Григорія подвергнуть греко-болгарское дѣло разсмотрѣнію и суду всей церкви.

Это требованіе предъявляется имъ уже не въ первый разъ. Извѣстно что святѣйшій Григорій, тотчасъ по вступленіи своемъ на патріаршій престолъ, составилъ проектъ примиренія съ Болгарами, на основаніи весьма широкихъ уступокъ. Важность и искренность этихъ уступокъ была признана даже благомыслящими изъ Болгаръ, голосъ которыхъ оказался, къ сожалѣнію, слишкомъ слабъ чтобы достигнуть до слуха народа и воздержать его отъ гибельныхъ излишествъ международной вражды.

По отверженіи проекта патріарха Григорія, Порта изготовила, въ замѣнъ его, другіе два проекта, почти тожественнаго содержанія, которые были составлены болгарскими представителями и затѣмъ, по разсмотрѣніи и утвержденіи ихъ въ

* *По вопросу о болгарскомъ патріаршествѣ*, 1860. Берлинъ.

совѣтѣ министровъ, были предложены патріарху съ обязательствомъ принять одинъ изъ нихъ, по его выбору, къ исполненію. Такъ какъ оба означенные проекта * были преисполнены разнаго рода несообразностей и противорѣчили коренным основаніямъ канонического права, то патріархъ Григорій, созвавъ свой синодъ и разсмотрѣвъ совокупно съ нимъ присланные ему проекты, рѣшительно отвергъ ихъ и въ томъ же засѣданіи открылъ синоду свою мысль перенести греко-болгарскій вопросъ на судъ всѣхъ единовѣрныхъ церквей и съ этою цѣлію обратиться къ нимъ съ приглашеніемъ на общій соборъ православной церкви.

Представители всѣхъ прочихъ церквей изъявили свое согласіе на созваніе собора и свою готовность прибыть на соборъ или лично, или чрезъ своихъ уполномоченныхъ; единственный голосъ противъ такого способа рѣшенія греко-болгарскаго вопроса, былъ поданъ святѣйшимъ синодомъ русской церкви; но этотъ голосъ, какъ по значенію Россіи въ составѣ православнаго міра, такъ и по особеннымъ отношеніямъ нашимъ къ народу болгарскому, имѣлъ такое рѣшительное значеніе что, съ отказомъ святѣйшаго синода отъ участія въ соборѣ, всякая мысль о его созваніи должна была сразу быть покинута. Приступаю къ разсмотрѣнію отвѣта святѣйшаго синода на приглашеніе вселенскаго патріарха съ подобающимъ важности этого историческаго документа вниманіемъ.

Въ краткомъ вступленіи къ своему отвѣту святѣйшій синодъ объяснилъ что доходившія до него извѣстія о долголѣтней церковной распрѣ между Греками и Болгарами постоянно причиняли ему и всей церкви русской глубокую скорбь и возбуждали въ немъ самое живое сочувствіе къ страждущей церкви константинопольской и ея верховному архипастырю; что воздержаніе святѣйшаго синода отъ прямаго въ этомъ дѣлѣ участія происходило единственно отъ глубокаго уваженія къ правамъ церкви константинопольской, предѣлами которой ограничено было церковное возмущеніе, и что наконецъ теперь святѣйшій синодъ чувствуетъ себя свободнымъ выразить относительно греко-болгарскаго вопроса свое мнѣніе съ братскою откровенностію, бывъ приглашенъ къ тому самимъ

* Подробный разборъ этихъ проектовъ можно найти въ статьѣ моей *Вселенскій патріархъ Григорій* и т. д. *Жур. Мин. Нар. Пр.* мартъ, стр. 19—36.

патріархомъ, обратившимся къ нему съ предложеніемъ подвергнуть этотъ вопросъ соборному обсужденію всей церкви.

Затѣмъ, взирая на дѣло, какъ онъ выражается, съ точки зрѣнія истины и справедливости, святѣйшій синодъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Что вселенскій патріархъ есть законный архипастырь всѣхъ православныхъ Болгаръ, находящихся въ предѣлахъ его области, и имѣетъ по отношенію къ нимъ неоспоримыя іерархическія права, такъ что если Болгаре хотятъ чтобы вселенскій патріархъ сдѣлалъ имъ тѣ или другія уступки и отказался отъ какихъ-либо или даже отъ всѣхъ своихъ надъ ними правъ, то они могутъ только объ этомъ его просить, но ни въ какомъ случаѣ не требовать насильственно.

Что самъ вселенскій патріархъ въ правѣ дѣлать Болгарамъ тѣ уступки какія признаетъ справедливыми и нужными, *въ правѣ даже, по своей доброй волѣ, признать и полную независимость болгарской церкви*, до сихъ поръ отъ него зависящей, какъ призналъ нѣкогда независимость церкви русской и аѳинской. Но безъ его согласія Болгаре не могутъ отказаться отъ церковнаго подчиненія ему, какъ своему верховному архипастырю, и самовольно отторгнуться отъ него: такъ какъ подобное дѣйствіе, по церковнымъ правиламъ, было бы признано расколомъ.

Что, съ другой стороны, если не всѣ, то нѣкоторыя желанія Болгаръ, заявляемыя ими предъ вселенскимъ престоломъ, суть желанія самыя естественныя, основательныя и законныя, и что, слѣдовательно, вселенскій патріархъ призывается своимъ пастырскимъ долгомъ удовлетворить, по возможности, этимъ желаніямъ, во имя христіанской правды и любви, *и чѣмъ болѣе удовлетворитъ, тѣмъ лучше.*

Что не только благо православной церкви вообще, но и благо самихъ Болгаръ требуетъ чтобъ они не домогались совершеннаго отдѣленія отъ вселенскаго патріарха и полной церковной самостоятельности, которой искать имъ было бы естественно и безопасно, еслибъ они, подобно Русскимъ или жителямъ Еллады, составляли отдѣльное и самостоятельное политическое тѣло.

Что учрежденіе болгарской самостоятельной церкви въ предѣлахъ того же государства, въ которомъ существуетъ церковь греческая (константинопольская?), повело бы къ увѣковѣченію вражды между племенами; но если Болгаре

удовольствуются только значительными со стороны патріархіи уступками, которыя дали бы ихъ церкви видъ нѣкоторой самостоятельности, оставаясь въ іерархическомъ единеніи съ церковію константинопольскою и въ подчиненіи вселенскому патріарху, то взаимная вражда между Греками и Болгарами мало-по-малу должна бы утихнуть, столкновенія между ними сдѣлались бы рѣже и удобно могли бы прекращаться, и обѣ церкви, греческая и болгарская, связанныя единствомъ вѣры и высшей іерархической власти, могли бы находить поддержку одна въ другой и противодѣйствовать врагамъ православія.

Что путь къ такому соглашенію Болгаръ со вселенскимъ патріархомъ уже предуказанъ, съ одной стороны, въ проектѣ начертанномъ самимъ патріархомъ, а съ другой, въ проектѣ представленномъ его святѣйшеству, отъ лица умѣренныхъ Болгаръ, прежде бывшимъ филиппопольскимъ митрополитомъ Паисіемъ: такъ какъ оба означенные проекта совершенно сходны между собою въ главныхъ чертахъ и отличаются одинъ отъ другаго только въ частностяхъ, то эти общія черты обоихъ проектовъ и могли бы, по мнѣнію святѣйшаго синода, послужить началомъ для дальнѣйшаго и окончательнаго соглашенія между Греками и Болгарами, при новыхъ взаимныхъ уступкахъ.

Что же касается вселенскаго собора, на судъ котораго константинопольскій патріархъ рѣшается передать церковный греко-болгарскій вопросъ, то, не говоря о многочисленныхъ затрудненіяхъ, которыя могутъ встрѣтиться при созваніи и составленіи такого собора изъ епископовъ разныхъ странъ и народовъ, святѣйшій синодъ выразилъ свои опасенія, какъ бы этотъ вселенскій соборъ, вмѣсто умиренія церкви, не послужилъ поводомъ къ еще бо́льшимъ въ ней волненіямъ и раздорамъ, и, вмѣсто ожидаемой пользы, не принесъ въ своихъ послѣдствіяхъ вреда. Если вопросъ рѣшится въ пользу патріарха, а не Болгаръ, то они могутъ не покориться рѣшенію собора, и тогда послѣдуютъ три самыя печальныя событія: соборъ объявитъ Болгаръ раскольниками; вселенскій патріархъ потерпитъ, чрезъ отпаденіе Болгаръ, крайне чувствительную потерю, а съ нимъ вмѣстѣ понесетъ величайшую потерю и вся православная церковь. Но еслибы Болгаре и согласились покориться рѣшенію собора, ихъ не удовлетворяющему, то покорность эта была бы вынужденною и ненадежною; чувство принужденія могло бы болѣе усилить ненависть ихъ

къ Грекамъ, и при первомъ случаѣ обнаружились бы между обоими народами прежнія и даже еще большія распри и волненія.

„Нѣтъ!“ заключаетъ святѣйшій синодъ, „гораздо лучше если его святѣйшество, не дожидаясь вселенскаго собора, *постарается* самъ (ибо это его частное епархіальное дѣло) войти въ соглашеніе въ Болгарами, которое какъ онъ, такъ и они могли бы принять по доброй волѣ. Вотъ такое соглашеніе было бы и прочно, и вожделѣнно для всей Христовой церкви.“

Такимъ образомъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, отвѣтъ святѣйшаго синода русской церкви оказался въ отношеніи къ главному предмету, подлежавшему его обсужденію, то-есть къ вопросу о созваніи вселенскаго собора православной церкви, совершенно противоположнымъ общему мнѣнію объ этомъ дѣлѣ всѣхъ прочихъ единовѣрныхъ съ нимъ независимыхъ престоловъ.

При такомъ положеніи дѣла, то-есть въ виду такого существеннаго разномыслія по одному и тому же предмету между призванными и облеченными полномочіемъ представителями частныхъ церквей, я считаю дѣломъ благоразумія воздержаться, по скольку это окажется возможнымъ, отъ личнаго обсужденія означеннаго постановленія святѣйшаго синода и вообще содержанія его отвѣта вселенскому патріарху, и нахожу болѣе удобнымъ не только для себя, но и для самаго разъясненія спорнаго дѣла, ограничиться вѣрнымъ изображеніемъ того впечатлѣнія которое произвелъ отвѣтъ святѣйшаго синода на прикосновенныя къ дѣлу стороны.

Болгарскіе представители, какъ и слѣдовало ожидать, были обрадованы отказомъ святѣйшаго синода принять приглашеніе вселенскаго патріарха на задуманный имъ соборъ, такъ какъ, по содержанію и тону отзывовъ всѣхъ другихъ православныхъ церквей, а можетъ-быть и по свидѣтельству ихъ собственной совѣсти, они должны были ожидать отъ собора строгаго осужденія многихъ своихъ намѣреній и дѣйствій, и во всякомъ случаѣ не могли разчитывать на достиженіе всѣхъ своихъ цѣлей. Но съ другой стороны они остались недовольны и были даже какъ будто изумлены тѣмъ что святѣйшій синодъ считаетъ съ своей стороны, какъ для общаго блага всей церкви, такъ и для самихъ Болгаръ, совершенно необходимымъ пребываніе ихъ до времени (то-есть, до политическаго ихъ освобожденія и образованія независимой болгар-

ской державы) въ іерархической зависимости отъ константинопольскаго престола, и что онъ весьма ясно отрицаетъ присвояемое ими право устроиться въ этомъ отношеніи, мимо воли патріарха, по собственному ихъ усмотрѣнію, путемъ ли возстановленія одной изъ бывшихъ автокефальныхъ болгарскихъ каѳедръ, или на основаніи одного изъ составленныхъ ими и совѣтомъ турецкихъ министровъ одобренныхъ проектовъ.

Что такое сужденіе святѣйшаго синода показалось для болгарскихъ представителей непріятнымъ, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ имъ сразу и окончательно испровергались ихъ усиленныя и многократныя попытки доказать что рѣшеніе вопроса о новомъ церковномъ устройствѣ болгарскаго народа вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія и воли Порты; но трудно объяснить себѣ ихъ изумленіе по поводу выраженнаго святѣйшимъ синодомъ мнѣнія, какъ будто въ подобномъ воззрѣніи его на дѣло могло быть для нихъ что-нибудь неожиданное.

Съ тѣхъ поръ какъ русская церковь стала получать извѣстія о греко-болгарскихъ счетахъ и подавать о нихъ свои мнѣнія, которыя хотя и имѣли характеръ частныхъ сообщеній и передавались большею частію къ руководству для нашего константинопольскаго посольства, но тѣмъ не менѣе не могли и не должны были оставаться для предводителей болгарскихъ тайною, съ тѣхъ поръ, говоримъ, отъ представителей русской церкви не исходило ни одного слова коимъ ободрялось бы совершенное іерархическое отдѣленіе Болгаръ отъ вселенскаго престола, и не только самопроизвольное, которое, по суду священныхъ правилъ церкви, было бы расколомъ, но даже и такое на которое вселенскій патріархъ далъ бы свое вынужденное согласіе.

Относительно мнѣнія болгарскихъ представителей, будто бы для учрежденія независимой болгарской іерархіи достаточно соизволенія Порты, митрополитъ Филаретъ еще въ 1861 году писалъ:

„Епископъ Иларіонъ опирается на просьбу къ Портѣ (о дарованіи Болгарамъ независимой іерархіи): странный образъ мыслей! Это значитъ сказать Портѣ: „мы рѣшились выйти изъ законнаго повиновенія патріарху, сдѣлайте наше незаконное положеніе законнымъ. Христіанскій вселенскій патріархъ не даетъ намъ болгарскаго патріарха: пусть намъ дастъ его магометанская власть.“

Затѣмъ въ 1863 году онъ же писалъ по подобному же поводу:

„Намѣреніе Болгаръ просить у Порты позволенія самимъ учредить свою народную независимую іерархію показываетъ что Болгаре хотя уже довольно имѣли времени обдумать свое дѣло, *но все еще имѣютъ упрямое желаніе, а понятія не пріобрѣли.* Учредить новую независимую іерархію можно только съ благословенія законно существующей іерархіи."

Вообще во всѣхъ его сообщеніяхъ по греко-болгарскому дѣлу проходитъ постоянно мысль что въ учрежденіи самостоятельной болгарской іерархіи вообще нѣтъ существенной надобности, и что соглашеніе между вселенскимъ престоломъ и возставшими противъ его духовной власти Болгарами должно послѣдовать на основаніи взаимныхъ уступокъ, но при томъ непремѣнномъ условіи чтобы Болгаре остались въ іерархической зависимости отъ константинопольскаго патріарха.

„Дѣйствительное врачевство противъ зла", писалъ онъ, „надлежало бы найти въ томъ чтобы православные Болгаре умѣрили свои требованія отъ константинопольской патріархіи, и чтобы сія (писано въ патріаршество кира Іоакима) умѣрила свою непреклонность противъ ихъ требованій: чтобъ они получили свою іерархію довольно свободную, но не совсѣмъ независимую и не отторженную отъ вселенскаго патріарха."

При этомъ возраженія обращались и на самый способъ доказательствъ который употребленъ былъ въ настоящемъ случаѣ святѣйшимъ синодомъ. Что дальнѣйшее пребываніе болгарскаго народа подъ духовною властію константинопольскаго патріарха можетъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, представляться нужнымъ для общаго блага православнаго Востока, того болгарскіе представители не отрицали, хотя сами, какъ извѣстно, и не раздѣляли такого воззрѣнія на дѣло; но имъ, конечно, труднѣе было признать вѣрность того положенія будто учрежденіе самостоятельной болгарской церкви, въ предѣлахъ той же самой страны гдѣ существуетъ церковь Константинопольская, *при какихъ бы условіяхъ она ни была учреждена*, должно было бы непремѣнно повести къ увѣковѣченію вражды между обоими племенами, и что, напротивъ того, при іерархическомъ подчиненіи Болгаръ константинопольскому патріарху, открывалось бы болѣе надеждъ на прекращеніе племенной вражды и на устраненіе прискорбныхъ между Греками и Болгарами столкновеній.

Съ своей стороны они полагали, совершенно наоборотъ,

что полное административное отдѣленіе церкви болгарской отъ константинопольской, caeteris paribus, могло бы скорѣе удалить поводы и причины ко взаимнымъ недоумѣніямъ и неудовольствіямъ нежели совмѣстное существованіе ихъ подъ одною высшею іерархическою властію, на основаніи извѣстныхъ условныхъ въ пользу подчиненной церкви уступокъ.

При такомъ взглядѣ на дѣло, имъ, какъ я полагаю, было особенно важно узнать опредѣлительное мнѣніе святѣйшаго синода о тѣхъ проектахъ устройства независимой болгарской церкви которые послужили для вселенскаго патріарха поводомъ къ приглашенію единовѣрныхъ церквей на соборъ и въ защиту коихъ отъ обличеній святѣйшаго Григорія они препроводили въ святѣйшій синодъ пространную, правда, весьма неосновательную, но представляющуюся имъ, конечно, въ иномъ свѣтѣ записку.

Между тѣмъ во всемъ отвѣтѣ св. синода вселенскому патріарху (прямаго отвѣта на свою записку и вообще на свои посланія къ св. синоду они, конечно, не могли и ожидать) объ этихъ проектахъ, которые заключали въ себѣ послѣднее слово Болгаръ и которые самимъ вселенскимъ патріархомъ предназначались въ основаніе соборныхъ разсужденій церкви, болгарскіе представители не встрѣтили даже краткаго упоминанія, что̀ естественно могло привести ихъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Недоумѣніе это увеличивалось еще болѣе сопоставленіемъ этого умолчанія съ тѣми выраженіями въ отвѣтѣ св. синода, коими желанія Болгарскаго народа признавались, хотя и не всѣ, самыми основательными, естественными и законными, за патріархомъ же признавалась обязанность возможно полнаго ихъ удовлетворенія. „Чѣмъ больше, писалъ св. синодъ, вселенскій патріархъ удовлетворитъ ихъ, тѣмъ будетъ лучше“, присовокупляя къ тому что отъ воли патріарха зависитъ дать Болгарамъ даже полную церковную независимость. „Если такъ смотритъ на наши отношенія ко вселенскому престолу св. синодъ, могли думать Болгаре, то что̀ же побудило его прейти совершеннымъ молчаніемъ наши проекты, которые представляютъ высшую мѣру удовлетворенія нашихъ народныхъ требованій, и предпочесть имъ проектъ самого патріарха, давно и безусловно нами отвергнутый, а также сходный съ патріаршимъ проектъ бывшаго митрополита Филипопольскаго Паисія, который, какъ извѣстно св. синоду, самъ уже отказался отъ своихъ прежнихъ предполо-

женій и совершенно примкнулъ къ сторонникамъ двухъ проектовъ утвержденныхъ Портой."

Послѣдствіемъ этого недоумѣнія было то что Болгаре, считая сдѣланный патріархомъ разборъ ихъ проектовъ пристрастнымъ и невѣрнымъ, и не имѣя никакихъ ясныхъ по сему предмету указаній со стороны русской церкви, слово которой было бы особенно для нихъ убѣдительно, рѣшились остаться при своихъ проектахъ и домогаться у Порты приведенія одного изъ нихъ въ дѣйствіе.

Въ свою очередь, и въ средѣ греческаго населенія отвѣтъ св. синода принятъ былъ безъ особеннаго сочувствія. Хотя вселенскій патріархъ и вообще весь греческій клиръ и народъ не могли не быть довольны тѣмъ что въ отвѣтѣ св. синода, вопервыхъ, признавалась необходимость, для пользы общаго дѣла церкви, дальнѣйшаго сохраненія за патріархомъ высшей духовной власти надъ Болгарами, и вовторыхъ, отдавалось рѣшительное преимущество проекту святѣйшаго Григорія предъ проектами болгарскихъ представителей (о коихъ св. синодъ, какъ выше сказано, даже и не упоминаетъ); но тѣмъ не менѣе въ греческихъ газетахъ и въ доходившихъ до насъ частныхъ сообщеніяхъ проводилась мысль что св. синодомъ недостаточно были оцѣнены тѣ усилія которыя были употреблены вселенскимъ патріархомъ для умиротворенія церкви и не вполнѣ принята во вниманіе крайняя затруднительность его положенія между двумя сторонами, равно ожесточенными и мало склонными къ какимъ-либо уступкамъ.

„При составленіи своего проекта," писалъ одинъ близкій свидѣтель всѣхъ дѣйствій патріарха по греко-болгарскому дѣлу, „святѣйшему Григорію нужно было смотрѣть въ двѣ противоположныя стороны; ему предстояла труднѣйшая задача изобрѣсти такія основанія для мира раздраженныхъ и страстныхъ соперниковъ, которыя, удовлетворяя существеннымъ потребностямъ однихъ, могли бы быть приняты другими. И онъ нашелъ такія основанія; его проектъ не только сторонними безпристрастными судьями, какъ напримѣръ русскимъ посломъ въ Константинополѣ и самимъ св. синодомъ, но и умѣренными и честными Болгарами признанъ былъ весьма либеральнымъ и великодушнымъ, и если на него согласилась греческая сторона, то единственно потому что онъ былъ предложенъ столь уважаемымъ на всемъ Востокѣ лицомъ,

цѣли коего не могли подвергнуться ничьему двусмысленному истолкованію."

„И когда это съ такими усиліями изобрѣтенное средство, благодаря интригѣ Порты и упорному противленію болгарскихъ представителей, было отвергнуто, тогда лишь святѣйшій Григорій, видя совершенное безсиліе собственныхъ средствъ константинопольской церкви для достиженія предположенной имъ цѣли, обратился къ помощи и содѣйствію другихъ единовѣрныхъ церквей. При такомъ положеніи дѣла для него едва ли предстоитъ какая-либо возможность воспользоваться выраженнымъ въ посланіи русскаго синода совѣтомъ чтобъ онъ самъ, безъ посредства собора, *постарался* войти въ соглашеніе съ Болгарами. Всѣ его старанія уже были приложены къ дѣлу, и всѣ они обратились въ ничто; что могъ онъ предложить, уже было имъ предложено и отвергнуто. И еслибъ онъ, послѣдовавъ совѣту св. синода, вновь предложилъ то же самое (ибо св. синодъ прямо указываетъ какъ на основаніе для соглашенія на тотъ самый проектъ патріарха который былъ отринутъ болгарскими представителями), то откуда бы могла возникнуть надежда на то что отвергнутое при первомъ предложеніи было бы принято при второмъ? Да и позволитъ ли достоинство патріарха рѣшаться на вторичное предложеніе безусловно отвергнутой мѣры, безъ всякаго со стороны Болгаръ знака что они готовы, если не принять, то по крайней мѣрѣ обсудить его проектъ?"

То обстоятельство что рядомъ съ проектомъ вселенскаго патріарха св. синодъ ставитъ въ основу соглашенія проектъ бывшаго филиппопольскаго митрополита Паисія, по мнѣнію греческой стороны, также едва ли могло способствовать успѣху взаимныхъ переговоровъ: во первыхъ, потому что св. синодъ самъ признаетъ этотъ проектъ почти тожественнымъ съ проектомъ патріарха и притомъ предлагаетъ принять за исходъ для соглашенія только общія черты обоихъ проектовъ (значитъ, все равно что одинъ патріаршій); во вторыхъ, потому что самъ Паисій уже отступился отъ своего проекта и примкнулъ совершенно къ другимъ болгарскимъ представителямъ, которые настаиваютъ на осуществленіи одного изъ проектовъ одобренныхъ Портой и отвергаемыхъ патріархомъ: такъ что о Паисіевомъ проектѣ не съ кѣмъ было въ то время и говорить; за него никто уже не стоялъ, и никто объ немъ не думалъ.

Исходя изъ сихъ соображеній, Греки пришли къ тому заключенію что отвѣтъ св. синода, оставляя вселенскаго патріарха его собственнымъ средствамъ, недостаточность коихъ была имъ исповѣдана предъ всѣми единовѣрными церквами, и не указывая ему при этомъ никакого способа обойтись этими средствами, привелъ дѣло въ положеніе безвыходное. Единственная нравственная сила, которая еще могла бы побудить Болгаръ къ какимъ-либо согласительнымъ уступкамъ, и къ помощи которой взывалъ патріархъ, — сила общаго суда всей церкви,—отказомъ св. синода отъ участія въ соборѣ была устранена; обращаться же Болгарамъ прямо отъ своего лица патріарху не было возможности, такъ какъ они не изъявляли ни малѣйшаго желанія входить съ нимъ въ какіе бы то ни было переговоры....

„Далѣе,—читаемъ въ сообщеніи того же лица, отъ котораго исходитъ и выше приведенное нами соображеніе, — съ указаніемъ св. синода на то что вселенскій патріархъ воленъ дѣлать въ пользу Болгаръ какія ему угодно уступки, что онъ въ правѣ дать имъ, *по своей доброй волѣ*, даже совершенную церковную самостоятельность, подобно тому какъ онъ далъ нѣкогда власть самоуправленія зависѣвшимъ отъ него церквамъ Русской и Элладской,—мы можемъ безусловно согласиться лишь въ томъ отношеніи что безъ воли вселенскаго патріарха учрежденіе самостоятельной болгарской церкви состояться, дѣйствительно, не можетъ. Но чтобъ одной его воли было достаточно для учрежденія той или другой независимой церкви, въ томъ возможно сомнѣніе; даже примѣръ тѣхъ самыхъ церквей, о коихъ упоминаетъ св. синодъ, ясно свидѣтельствуетъ о томъ что самостоятельность частной православной церкви утверждается не иначе какъ общимъ согласіемъ всѣхъ единовѣрныхъ независимыхъ церквей. Правда, самостоятельность русской церкви первоначально признана была вселенскимъ патріархомъ Іереміею во время его пребыванія въ Москвѣ (въ 1588 г.); но что этого признанія было не достаточно, доказывается тѣмъ что, по возвращеніи на Востокъ, онъ созвалъ (въ 1593 г.) на соборъ всѣхъ другихъ православныхъ патріарховъ Востока, которые и подтвердили своимъ общимъ опредѣленіемъ независимость московскаго патріаршаго престола.“

„Тѣмъ же самымъ порядкомъ, то-есть при посредствѣ собор-

наго же опредѣленія церкви, произошло и признаніе независимости аѳинскаго синода. * И хотя на этомъ соборѣ не было представителя отъ церкви Русской, которая, со временъ Петра Великаго, лишена живаго общенія съ православнымъ Востокомъ, но тѣмъ не менѣе она была приглашена къ заочному участію въ этомъ дѣлѣ и къ утвержденію сего соборнаго опредѣленія, представленнаго ей чрезъ нарочно, съ сею цѣлію, посланнаго съ Россію архимандрита (Хрисанѳа).“

„А между тѣмъ можно опасаться что употребленное святѣйшимъ синодомъ выраженіе будетъ во зло употреблено болгарскими представителями и можетъ повести къ неблагопріятнымъ для вселенскаго престола послѣдствіямъ: на этотъ отзывъ удобно могутъ ссылаться Болгаре, и ссылаясь на него, обвинять патріарха въ напрасномъ упрямствѣ и въ желаніи, подъ предлогомъ созванія вселенскаго собора, затянуть дѣло и отдалить срокъ неизбѣжнаго, по ихъ убѣжденію, рѣшенія, вмѣсто того чтобы самому рѣшить дѣло по принадлежащей ему будто бы власти.“

„Не патріархъ константинопольскій, замѣтилъ по сему поводу самъ святѣйшій Григорій, но 4й вселенскій соборъ опредѣлилъ границы и пространство области вселенскаго престола, включивъ въ нее страны Дуная, которыя въ ту пору назывались варварскими. И только вселенскій соборъ можетъ измѣнить то что̀ сдѣлано другимъ вселенскимъ соборомъ. Я готовъ, закрывъ глаза, подписать все что̀ бы ни рѣшилъ такой соборъ; но я не смѣю взять на себя отвѣтственность за дѣйствіе, коего послѣдствія могутъ быть неисчислимы для будущности всего православія.“

Къ этому и мы позволимъ себѣ присовокупить свое замѣчаніе: что такое расширеніе правъ вселенскаго патріарха, кромѣ того что оно могло бы быть опасно вообще для церковной свободы, представляетъ еще и то неудобство что константинопольскій патріархъ находится въ политической зависимости отъ Порты, при которой было бы гораздо лучше даже для него самого ограничивать свободу его дѣйствій и обязывать его, по всѣмъ важнымъ вопросамъ, сообразоваться съ намѣреніями и взглядами другихъ единовѣрныхъ церквей. Невозможность рѣшить то или другое дѣло собственною

* См. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερων κανόνων ὑπὸ σράλλη καὶ Πότλη. T. V (Συνοδικὸς Τόμος).

властію могла бы, въ трудныхъ случаяхъ, когда Порта потребовала бы (какъ это случилось и въ настоящемъ вопросѣ) отъ патріарха рѣшенія, ей угоднаго, но церкви вреднаго, послужить для него твердымъ оплотомъ отъ насилія и благовиднымъ поводомъ къ отказу.

Но если и признать всѣ вышеизложенныя соображенія вполнѣ справедливыми и согласиться съ мнѣніемъ греческихъ газетъ что вселенскій соборъ православной церкви оставался единственнымъ и послѣднимъ средствомъ для прекращенія греко-болгарской распри, съ чѣмъ согласны и всѣ единовѣрныя намъ церкви, то представляется обсужденію другой важный вопросъ: могъ ли бы этотъ соборъ, который, самъ по себѣ, для церкви Русской, послѣ такого продолжительнаго разобщенія ея съ православнымъ Востокомъ, былъ бы, безъ сомнѣнія, вожделѣннѣйшимъ событіемъ и подалъ бы ей возможность къ устроенію нѣкоторыхъ изъ ея собственныхъ внутреннихъ дѣлъ, безъ собора не поправимыхъ, могъ ли бы, говорю, этотъ соборъ состояться, даже при всеобщемъ согласномъ желаніи всего православнаго міра? Не послѣпила ли бы Порта, которой мысль объ этомъ соборѣ была въ высшей степени ненавистна, и которая отказъ святѣйшаго синода приняла, по нашимъ свѣдѣніямъ, съ величайшимъ восторгомъ, поставить на пути къ осуществленію этой мысли какія-либо важныя и, можетъ-быть, неодолимыя препятствія?

Нѣтъ сомнѣнія что Порта не допустила бы этого, дѣйствительно весьма ей невыгоднаго, собранія, не испытавъ всѣхъ доступныхъ ей средствъ къ помѣхѣ; но какъ бы ни были велики тѣ затрудненія съ которыми пришлось бы въ этомъ случаѣ имѣть дѣло представителямъ православнаго міра, и прежде всего, конечно, намъ, нѣтъ никакого основанія считать ихъ непреоборимыми: какъ бы ни старалась Порта противодѣйствовать созванію вселенскаго собора, ей было бы самой въ высшей степени затруднительно изобрѣсти не только уважительныя, но даже сколько-нибудь приличныя причины къ отказу.

Патріархи вселенскіе весьма нерѣдко собирали въ Константинополѣ представителей восточныхъ православныхъ церквей для обсужденія особенно важныхъ для церкви дѣлъ, и никогда не встрѣчали въ этомъ со стороны Порты препятствій. Такъ, не далѣе какъ въ 1861 году, созванъ былъ патріархомъ Іоакимомъ соборъ, по тому же греко-болгарскому

вопросу, на которомъ присутствовали всѣ случившіеся на ту пору патріархи и значительное число митрополитовъ. Чѣмъ же разнился бы предположенный патріархомъ Григоріемъ вселенскій соборъ отъ тѣхъ, подобныхъ созванному въ 1861 году, соборовъ восточныхъ іерарховъ, къ созванію которыхъ Порта до сихъ поръ не поставляла никакихъ препятствій? Тѣмъ что въ составъ его вошли бы, сверхъ обыкновенно собираемыхъ восточныхъ іерарховъ, представители трехъ церквей (Русской, Элладской и Карловицкой) находящихся внѣ предѣловъ Турецкой имперіи, и двухъ церквей (Сербской и Молдо-Влахійской) существующихъ въ странахъ полунезависимыхъ? Какими же доводами могла бы Порта оправдать недопущеніе въ свои предѣлы этихъ іерарховъ, которые явились бы въ столицу Турціи для столь важнаго и требующаго ихъ разсмотрѣнія дѣла? Могла ли бы она, въ случаѣ общаго и единодушнаго признанія всѣми православными церквами необходимости въ соборѣ, сказать что для созванія не представляется достаточныхъ причинъ, когда десятилѣтній разрушительный раздоръ племенъ произвелъ столь глубокое потрясеніе въ церкви Константинопольской и грозитъ всему православію великою и непоправимою бѣдой. Но еслибы Порта и стала изощряться въ пріисканіи препятствій, пусть бы по крайней мѣрѣ всѣ затрудненія этого дѣла пали на ея голову. Впрочемъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ что препятствія, которыя встрѣтились бы на этомъ пути, заслуживали полнаго вниманія какъ святѣйшаго синода, такъ и вообще русскаго правительства, которому предстояло бы принять участіе въ ихъ устраненіи, и потому я нахожу что было бы не только естественно, но даже предусмотрительно и мудро, еслибы вопросъ объ этихъ препятствіяхъ былъ поставленъ въ настоящемъ дѣлѣ на первый планъ, и еслибы самое созваніе собора было поставлено въ прямую и исключительную зависимость собственно отъ возможности побѣдить эти препятствія. Тогда дѣло принимало бы такой видъ: русская церковь признала бы въ принципѣ предложеніе вселенскаго патріарха достойнымъ всякаго вниманія, но, оберегая достоинство Императорскаго правительства, дала бы свое согласіе на участіе въ предполагавшемся соборѣ не прежде, какъ получивъ полное убѣжденіе въ возможности осуществленія мысли святѣйшаго Григорія.

Но мы знаемъ однако изъ самаго отвѣта святѣйшаго

синода что главная причина, по которой соборъ не состоялся, не въ этихъ препятствіяхъ, о коихъ святѣйшій синодъ упоминаетъ въ своемъ отвѣтѣ лишь вскользь, а въ томъ что этотъ соборъ могъ, по мнѣнію святѣйшаго синода, вмѣсто умиренія церкви, послужить поводомъ еще къ большимъ волненіямъ въ ней и раздорамъ и, вмѣсто ожидаемой пользы, принести въ своихъ послѣдствіяхъ только вредъ, что Болгаре, *въ случаѣ рѣшенія вопроса въ пользу патріарха*, могли бы не подчиниться рѣшенію собора и чрезъ то подверглись бы его суду, который объявилъ бы ихъ раскольниками, и такимъ образомъ не только Константинопольская патріархія, но и вся церковь понесла бы величайшую и невозвратимую потерю.

О томъ, согласились ли бы Болгаре подчиниться рѣшенію собора или нѣтъ, въ настоящее время сказать ничего опредѣленнаго невозможно; это зависѣло бы, вопервыхъ, отъ образа дѣйствій вселенскаго патріарха и представителей другихъ независимыхъ церквей, и вообще отъ того направленія какое приняли бы соборныя совѣщанія, вовторыхъ отъ того, на сколько удалось бы Болгарамъ благонамѣреннымъ, преданнымъ дѣлу церкви, своего народа и Россіи, освободиться самимъ и освободить всю страну свою отъ гнета константинопольскихъ представителей, захватившихъ въ свои руки народное дѣло и направляющихъ его ходъ въ пользу собственныхъ разчетовъ и Порты,—наконецъ отъ вліянія множества неуловимыхъ случайностей, коихъ заранѣе предвидѣть никто не въ состояніи.

Что̀ касается вселенскаго патріарха, то онъ ни въ какомъ случаѣ не сократилъ бы размѣра тѣхъ льготъ и правъ которыя предоставляются Болгарамъ по его проекту,—и есть даже вѣрныя извѣстія что онъ былъ согласенъ самъ и надѣялся склонить свой синодъ и свой народъ къ ихъ распространенію. Представители другихъ восточныхъ церквей, коихъ вопросъ этотъ непосредственно не касается (какъ напримѣръ: Антіохійской, Іерусалимской, Элладской), не имѣли бы ни малѣйшаго побужденія и повода предлагать, въ удовлетвореніе Болгарамъ, менѣе того что̀ было бы имъ предложено отъ лица ихъ собственнаго патріарха; что же касается представителей церквей славянскихъ: Русской, Сербской, Карловицкой, то ихъ мнѣнія могли бы клониться лишь къ расширенію, но ни въ какомъ случаѣ не къ сокращенію льготъ и правъ предлагаемыхъ Болгарамъ великою церковію и,—что̀ особенно важно,— мнѣнія эти могли бы послужить опорой для самого

патріарха, который до извѣстной степени стѣснень въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ менѣе его великодушными членами клира великой церкви; самъ же онъ готовъ, по его словамъ, закрывъ глаза, подписать все, что̀ признано было бы соборомъ, лишь бы не требовали отъ него такихъ уступокъ, которыя на личную свою отвѣтственность онъ взять не можетъ. Такимъ образомъ очевидно что соборъ далъ бы Болгарамъ не какъ не менѣе, а, по всѣмъ вѣроятіямъ, болѣе того чего они могли ожидать отъ одного вселенскаго патріарха. И если была выражена надежда что Болгаре примутъ *меньшее* отъ лица патріарха, противъ коего они раздражены и коего власть надъ собою они уже отметаютъ,—то откуда же могло возникнуть опасеніе что они не примутъ *бо́льшаго* отъ лица всей церкви, противъ которой у нихъ нѣтъ раздраженія, и власть которой признается ими безусловно?

Между тѣмъ, при такомъ положеніи дѣла, открывалась бы не малая надежда и для той, нынѣ загнанной и заслоненной части образованныхъ Болгаръ, * которая съ своей стороны была готова, какъ мы видѣли, помириться до времени и на проектѣ патріарха Григорія, и которая, получивъ отъ собора обѣщанія новыхъ и бо́льшихъ правъ, могла бы возгласить о томъ въ слухъ всего Болгарскаго народа, и пользуясь поддержкою и содѣйствіемъ представителей всего православнаго міра, могла бы наконецъ достигнуть перевѣса надъ константинопольскими предстaвителями или, по крайней мѣрѣ, принудить ихъ одуматься и отказаться отъ безмѣрныхъ притязаній.

Итакъ есть основанія съ вѣроятностію предполагать что Болгаре не отказались бы отъ повиновенія соборному рѣшенію, не говоря уже о другихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ средствахъ которыя могли бы открыться къ достиженію этой цѣли и къ установленію мира въ возмущенной церкви для собора, какъ живаго и разумнаго представителя общихъ и высшихъ интересовъ всего православія, одушевленнаго

* О взглядѣ этой части Болгаръ можно получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія изъ болгарскихъ книжекъ: *Братско-то обясненіе на Българинъ къмъ братія-та му Българе* и *Проектъ-тъ на вселенска-та патріархія за рѣшеніе-то на Българскій-тъ въпросъ*, напечатанныхъ въ Букурештѣ въ 1867 и подробно разсмотрѣнныхъ и сочувственно принятыхъ газетою *Москва* (1867, №№ 170, 184, 188 и 190. См. также статью: *Вселенскій патріархъ Григорій* и т. д. февраль стр. 292—301.

искреннею заботой о прекращеніи возникшихъ въ его средѣ нестроеній.

Впрочемъ, какъ бы ни была велика вѣроятность такого исхода дѣла, все-таки оставалась возможность и обратнаго предположенія. Допустимъ же что Болгаре, то-есть ихъ константинопольскіе представители, не приняли бы рѣшенія вселенскаго собора. Тогда, я въ томъ согласенъ, положеніе дѣла сдѣлалось бы въ высшей степени тревожнымъ и опаснымъ,—и одной возможности, хотя бы и мало вѣроятной, такого исхода соборныхъ совѣщаній было бы достаточно для того чтобы побудить обратиться къ другимъ способамъ дѣйствія, менѣе опаснымъ и болѣе дѣйствительнымъ,—при одномъ, впрочемъ существенно важномъ, условіи: если такіе способы есть. Но въ этомъ-то и вопросъ: есть ли они? Вселенскій патріархъ, какъ мы видѣли, ихъ не находилъ и не находитъ; другія единовѣрныя намъ церкви ихъ не предлагали, считая, повидимому, вмѣстѣ со вселенскимъ патріархомъ, единственнымъ, или по крайней мѣрѣ лучшимъ способомъ—соборъ; святѣйшій же синодъ указывалъ на такую мѣру которая была уже испытана и осталась безъ успѣха.

Между тѣмъ болгарскіе представители, согласно со своимъ убѣжденіемъ въ томъ что устройство ихъ церковныхъ дѣлъ можетъ состояться и безъ согласія патріарха, по распоряженію самой Порты, съ тайнаго ея разрѣшенія обратились къ единомысленнымъ съ ними архіереямъ болгарскихъ епархій, призывая ихъ прибыть немедленно въ Константинополь на общее совѣщаніе объ окончательномъ установленіи новаго порядка церковнаго управленія и учрежденія болгарской независимой церкви.

Усилія патріарха воспрепятствовать прибытію этихъ епископовъ въ столицу не привели ни къ чему; Порта, несмотря на данныя ему обѣщанія, не только не пригласила ихъ къ соблюденію порядка и повиновенія патріарху, но даже объявила Болгарамъ, просившимъ у нея фирмана на утвержденіе ихъ независимой церкви, что въ этомъ фирманѣ не будетъ имъ отказано, какъ только болгарскіе епископы, собравшись въ Константинополѣ, придутъ ко взаимному соглашенію относительно основаній новой организаціи болгарскаго клира.

Прежде другихъ откликнувшіеся на призывъ и прибывшіе въ Константинополь архіереи,—филиппопольскій Панаретъ, видинскій Аѳеимъ, софійскій Дорофей и ловчанскій Иларіонъ,

подали 20го декабря 1868 года, за общею ихъ подписью, вселенскому патріарху формальное отреченіе отъ его духовной власти.

Это отреченіе было извѣстно св. синоду въ то время какъ онъ обсуждалъ приглашеніе патріарха Григорія на вселенскій соборъ, такъ какъ оно было препровождено къ нему при особомъ посланіи (27го февраля 1869 года) отъ имени тѣхъ же четырехъ архіереевъ, съ присоединеніемъ къ нимъ еще двухъ именъ (бывшихъ) макаріупольскаго Иларіона и филиппопольскаго Паисія, который, какъ изъ этого видно, уже не удовлетворялся въ это время прежнимъ своимъ проектомъ, предложеннымъ отъ св. синода въ основу соглашенія вселенскаго престола съ Болгарами.

Итакъ то положеніе дѣлъ, во избѣжаніе коего св. синодъ отказался отъ приглашенія вселенскаго патріарха къ участію въ соборѣ, въ дѣйствительности было уже совершившимся фактомъ. Расколъ на дѣлѣ уже существовалъ, и если не могло быть никакихъ побужденій спѣшить церковнымъ осужденіемъ его вождей и вообще окончательнымъ признаніемъ возмутившейся части Болгаръ раскольниками, то были тысячи побужденій спѣшить навстрѣчу этому злу съ тѣми или другими, но непремѣнно дѣйствительными средствами, и ни въ какомъ случаѣ не оставлять такого дѣла его собственному теченію. И если въ виду всей церкви не было, какъ мы видѣли, никакого другаго средства къ устраненію угрожающаго ей бѣдствія, кромѣ предположеннаго вселенскимъ патріархомъ, то-есть созванія общаго собора всей церкви, то не оставалось, повидимому, ничего болѣе какъ испытать это единственное средство и притомъ нисколько не откладывая. Bis dat qui cito dat. Притомъ же я позволяю себѣ замѣтить что соборъ есть не только единственное, но и самое приличное для церкви средство помочь тому бѣдственному положенію въ которомъ находится церковная область константинопольскаго патріарха, и возвратить ей миръ, если еще есть какая-либо возможность примиренія враждующихъ племенъ; что при рѣшеніи этого вопроса никакая власть въ мірѣ не можетъ имѣть такого значенія для обѣихъ споряцихъ сторонъ какъ власть всей собравшейся, въ лицѣ своихъ представителей, церкви; что въ подобныхъ случаяхъ церковь никогда не сомнѣвалась въ достоинствѣ и силѣ соборнаго сужденія, какъ средства къ

прекращенію возникавшихъ среди ея нестроеній, и не опасалась прибѣгать къ нему, вѣруя что *спасеніе во многъ совѣтѣ*.

Но независимо отъ того что соборъ православной церкви является, по изложеннымъ соображеніямъ, единственнымъ и неизбѣжнымъ средствомъ для удовлетворительнаго рѣшенія греко-болгарскаго вопроса, онъ былъ бы и для всей церкви вообще событіемъ въ высшей степени важнымъ и обильнымъ послѣдствіями. Совѣщаніе есть жизнь церкви, и тамъ, гдѣ по какимъ-либо причинамъ ему полагаются преграды или ограниченія, въ соразмѣрности съ тѣмъ непремѣнно оскудѣваетъ или даже вовсе замираетъ и духовная жизнь страны. Согласно съ симъ значеніемъ для церкви совѣщательнаго начала, и въ ея священныхъ канонахъ мы находимъ постановленія коими всѣмъ частнымъ церквамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность собираться въ извѣстный опредѣленный срокъ на общія совѣщанія, будетъ ли къ тому какой-либо особенно важный поводъ или нѣтъ,—все равно. Это есть прямая, сама по себѣ понятная, живая потребность общенія между людьми связанными союзомъ любви и единомыслія, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое вѣрное средство къ непрерывному соблюденію истины исповѣданія и единства установленій и къ предохраненію церкви отъ опасности всякаго рода личныхъ заблужденій или злоупотребленій. Для случаевъ же важныхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ и превышающихъ мѣру власти предоставленной частнымъ церквамъ, руководимая тѣмъ же основнымъ началомъ своей жизни, церковь издревле установила и донынѣ употребляетъ оправданный вѣковымъ опытомъ и духу ея вполнѣ согласный способъ рѣшенія вопросовъ общимъ голосомъ всѣхъ (вселенскіе соборы) или, смотря по надобности, нѣсколькихъ (помѣстные соборы) частныхъ единовѣрныхъ церквей. Изъ исторіи церкви видно что бо́льшая часть созывавшихся по тому или другому случаю соборовъ не ограничивались разсмотрѣніемъ только тѣхъ вопросовъ которые служили поводомъ къ ихъ созванію, но обыкновенно обозрѣвали общее состояніе церковныхъ дѣлъ въ данную минуту и исправляли въ нихъ то что̀ на ту пору требовало исправленія.

Такъ, безъ сомнѣнія, поступилъ бы и соборъ православной церкви, созванный для разсмотрѣнія греко-болгарскаго вопроса, еслибы мысли патріарха Григорія суждено было осуществиться: по крайней мѣрѣ въ разсужденіяхъ греческихъ газетъ о значеніи и предметахъ дѣятельности предполагавшагося

собора, которыми сопровождались извѣстія о рѣшимости патріарха пригласить къ участію въ немъ всѣ единовѣрныя церкви, упоминались нѣкоторые весьма важные церковные вопросы (армянскій, англиканскій и др.) которые патріархъ имѣлъ, повидимому, намѣреніе подвергнуть общему разсмотрѣнію.

При такихъ условіяхъ едва ли не каждая частная церковь должна была имѣть, кромѣ общей и главной нужды, и свои собственныя побужденія желанія собора и, можетъ-быть, болѣе всѣхъ церковь русская. Между тѣмъ какъ всѣ прочія единовѣрныя намъ церкви Востока, благодаря близкому между ними сосѣдству и существованію большей ихъ части въ предѣлахъ одного государства, приходятъ весьма естественно въ постоянное между собою соприкосновеніе, и въ случаяхъ особой важности легко могутъ собраться и дѣйствительно собираются на частныя между собой совѣщанія, русская церковь одна остается со времени упраздненія патріаршества внѣ этого живаго общенія, такъ что даже тотъ учредительный актъ который положенъ въ основу ея новой преобразованной организаціи, *Духовный регламентъ*, не былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ общимъ совѣтомъ всей православной церкви, и введенъ въ дѣйствіе со всѣми, теперь уже ясно сознанными и во многомъ уже исправленными, его недостатками собственно по волѣ преобразователя и, какъ свидѣтельствуетъ исторія, вопреки убѣжденію большинства даже подписавшихся подъ нимъ изъ страха лицъ. Съ тѣхъ поръ въ жизни русской церкви, несмотря на неколебимую твердость и неизмѣнность въ исповѣданіи истинъ вѣры, было не мало разнаго рода явленій которыя самими членами ея разумѣлись не одинаково и вызывали однихъ на безусловное одобреніе, иныхъ же на протестъ, и къ окончательному разъясненію коихъ и къ успокоенію чрезъ то совѣсти вѣрующихъ не было дѣйствительныхъ средствъ: такъ какъ преобразователь не ограничился постановленіемъ преградъ къ общенію русской церкви съ единовѣрными ей церквами Востока, но уничтожилъ и соборныя совѣщанія представителей русской церкви между собою, подъ тѣмъ предлогомъ что св. синодъ установленъ „во образъ непрестающаго собора“ и слѣдовательно самымъ существованіемъ своимъ какъ бы устраняетъ нужду въ какомъ-либо иномъ способѣ церковныхъ совѣщаній. Преслѣдованіе совѣщательнаго начала въ церкви, какъ извѣстно, было простерто до

того что православнымъ архіереямъ воспрещено было даже взаимное посѣщеніе другъ друга въ епархіяхъ, — и эта мѣра продолжалась въ нашемъ законодательствѣ (трудно даже этому повѣрить) до дней настоящаго царствованія, которому принадлежитъ честь ея отмѣны и возвращенія православнымъ епископамъ такого права въ какомъ, за исключеніемъ ихъ, не отказывалось никому.

При такихъ обстоятельствахъ можно было бы, повидимому, ожидать болѣе сочувствія къ мысли великаго константинопольскаго іерарха, даже и въ томъ случаѣ еслибы къ созванію собора не было столь повелительнаго повода; слѣдовало бы, мнѣ кажется, ухватиться даже за какой-нибудь, хотя бы самый ничтожный, предлогъ, лишь бы вновь, послѣ столь долгаго, насильственнаго и обоюду вреднаго разобщенія съ единовѣрными церквами, соединиться съ ними въ живомъ братскомъ совѣщаніи и такимъ образомъ воскресить въ себѣ въ настоящее время уже столь не ясное и слабое ощущеніе нашего вселенскаго союза, тѣмъ болѣе что за такимъ актомъ возрожденія соборнаго начала не могло не послѣдовать оживленіе его и во внутренней жизни нашей церкви, столь издавна призываемое желаніями и чаяніями ея воздыхающихъ чадъ.

Совѣщательное начало, возстановленное въ его истинномъ видѣ и значеніи, возвративъ русской церкви правильность всѣхъ ея жизненныхъ проявленій, тѣмъ самымъ возстановило бы ее изъ того оскудѣнія духа которое она въ настоящее время испытываетъ, и само собою открыло бы въ ней обильные, временно изсякшіе, источники обновленія и силы. При этомъ только условіи открылась бы и возможность дѣйствительно успѣшныхъ и плодотворныхъ преобразованій въ области нашего церковнаго управленія, которыя до сихъ поръ какъ-то никому не удавались, вовсе, замѣтимъ, не по недостатку добрыхъ намѣреній или ревности и даже способностей рѣшавшихся на преобразованія лицъ, а единственно вслѣдствіе общей почти утраты яснаго разумѣнія требованій и смысла истинной церковной жизни. И не только въ собственной области церковнаго управленія, но и вообще въ жизни нашего общества и всего народа, возвращеніе русской церкви утраченнаго ею, по случайностямъ исторіи, начала совѣта и взаимнаго общенія несомнѣнно отразилось бы великими и неожиданными послѣдствіями; въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ способовъ измѣрить величину и исчислить

количество тѣхъ потерь которыя всѣ мы вмѣстѣ и каждый изъ насъ порознь несемъ вслѣдствіе оскудѣнія духа въ жизни нашей церкви, и важность которыхъ раскрылась бы предъ нашими очами сама собою, вмѣстѣ съ возвращеніемъ нашимъ къ ея оплодотворяющимъ источникамъ.

Притомъ же, кромѣ этихъ общихъ и, быть-можетъ, не всѣмъ равно внятныхъ побужденій желать созванія собора православной церкви, мы имѣемъ къ тому и другія вполнѣ опредѣлительныя и для всѣхъ одинаково вразумительныя причины; ибо есть не мало безъ собора не рѣшимыхъ, а между тѣмъ настоятельно требующихъ рѣшенія вопросовъ первой важности. Такъ напримѣръ: вотъ уже болѣе 200 лѣтъ какъ у насъ существуетъ расколъ, и съ тѣхъ поръ какъ онъ возникъ впервые, до самыхъ послѣднихъ дней, наша церковь постоянно изыскивала противъ него разнаго рода мѣры. Въ ряду этихъ мѣръ первое по важности мѣсто принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, учрежденію единовѣрія.

Первая мысль о его учрежденіи явилась, какъ извѣстно, въ ту пору какъ наше правительство, а за нимъ и наша церковь, сознали неудобство и вредъ прежнихъ крутыхъ мѣръ и ожесточеннаго тона обличительныхъ сочиненій противъ раскола, и признали за благо обратиться къ инымъ, болѣе свойственнымъ духу церкви способамъ кроткаго и вразумительнаго увѣщанія и искренняго обмѣна мыслей относительно причинъ отдѣляющихъ такую значительную часть Русскаго народа отъ общенія съ православною церковію. Съ той самой минуты какъ во взаимныхъ объясненіяхъ прежнія ругательства и клятвы замѣнились мирными и безпристрастными разсужденіями о предметѣ раздѣленія, вдругъ оказалось что для цѣлой половины пребывающихъ въ расколѣ (для поповцевъ) людей не существовало никакой причины къ отдѣленію отъ церкви, кромѣ далеко зашедшей вражды и озлобленія. Тѣ содержимыя раскольниками обрядовыя особенности (двуперстное сложеніе, сугубая аллилуія, семь просфоръ, начертаніе имени Спасителя и т. п.), которыя представлялись до того времени дѣйствительнымъ препятствіемъ къ соединенію и которыя на самомъ дѣлѣ были только предлогомъ раздѣленія,—при совершенно согласномъ съ церковію воззрѣніи поповцевъ на всѣ основныя истины православнаго исповѣданія, явились, по отложеніи вражды, въ ихъ истинномъ значеніи, то-есть почти равными нулю и во всякомъ случаѣ не препятствующими

общенію церкви съ тѣми кто содержитъ эти особенности обряда, не соединяя съ ними никакого противнаго ученію церкви разсужденія. Тогда рѣшились предложить старообрядцамъ свободу въ употребленіи этихъ особенностей, лишь бы они въ свою очередь оставили свои превратныя мнѣнія объ усвоенномъ нами обрядѣ и признали бы надъ собою власть церкви и ея іерархіи. На условіи этихъ взаимныхъ уступокъ и состоялось, благодаря, съ одной стороны, ревности и искусству митрополита Платона и архіепископа Никифора Θеотоки, съ другой—усиліямъ Никодима Стародубскаго, Сергія Иргизскаго и иныхъ лучшихъ людей старообрядства, примиреніе съ церковію значительнаго числа раскольниковъ, и въ послѣдствіи основаніе такъ-называемой единовѣрческой церкви.* Но такъ какъ содержаніе этихъ самыхъ обрядовыхъ разностей было предметомъ сужденія и осужденія съ клятвою бывшаго въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ великаго собора 1666—67 годовъ, на которомъ, кромѣ московскаго патріарха, присутствовали два восточные, Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, со множествомъ иныхъ меньшаго чина представителей единовѣрныхъ намъ церквей, — разрѣшеніе же употребленія сихъ разностей шло отъ одного св. синода, — власти сравнительно съ соборомъ низшей, то нельзя было не опасаться чтобы противники мира съ церковію не обвинили насъ въ превышеніи власти и не сочли даннаго русскою церковію благословенія на содержаніе въ единовѣрческой церкви двуперстнаго сложенія и другихъ тому подобныхъ предметовъ недостаточнымъ для отмѣны тѣхъ клятвъ кот рыя на сторонниковъ сего обряда были наложены соборомъ 1666—67 годовъ. Но еще важнѣе то обстоятельство что этой отмѣны въ подлежащемъ порядкѣ на самомъ дѣлѣ и не послѣдовало (ея и не могло быть безъ новаго большаго собора, такъ какъ только бо́льшая церковная власть можетъ отмѣнять постановленія меньшей власти, а не наоборотъ), и что вслѣдствіе того всякій старообрядецъ, сознавшій заблужденіе своего толка и

* Мы употребляемъ выраженіе „единовѣрческая церковь“ по укоренившемуся обычаю; на дѣлѣ же особой церкви единовѣрческой нѣтъ (есть одна и та же соборная и апостольская церковь), а есть отдѣльные единовѣрческіе приходы, подчиненные вмѣстѣ со всѣми другими одному и тому же епископу, а вмѣстѣ со своимъ епископомъ и св. синоду, но получившіе право на употребленіе особенностей стараго обряда.

склонившійся къ переходу въ церковь на основаніяхъ единовѣрія, если только онъ внимательно изучалъ предметъ, неизбѣжно встрѣчался и до нынѣ встрѣчается съ затруднительнымъ вопросомъ о значеніи наложенныхъ соборомъ 1666—67 годовъ клятвъ, юридически еще не отмѣненныхъ, но только игнорируемыхъ какъ тѣми которые вступаютъ въ общеніе съ церковію, удерживая осужденныя соборомъ особенности обряда, такъ и самою русскою церковію, которая принимаетъ такихъ лицъ въ свое общеніе. Что этотъ вопросъ затрудняетъ даже самыхъ искреннихъ и просвѣщенныхъ людей изъ старообрядскаго общества, доказательствомъ тому, въ числѣ многихъ другихъ примѣровъ, можетъ служить, между прочимъ, примѣръ недавно пріобрѣтеннаго церковію знаменитаго инока Павла Прусскаго (нынѣ настоятеля Московскаго единовѣрческаго Никольскаго монастыря), который уже по окончательной побѣдѣ надъ всѣми другими сомнѣніями въ истинѣ церкви, долгое время оставался еще въ мучительномъ недоумѣніи предъ этимъ совмѣстнымъ существованіемъ благословенія и клятвы, и только путемъ крайне тягостныхъ усилій могъ преобороть наконецъ свои нравственныя затрудненія. * Но то что̀ оказалось труднымъ даже для такого ревностнаго и безпристрастнаго искателя истины, для многихъ неизвѣстныхъ намъ, честныхъ и искреннихъ душъ, но не столь сильныхъ волею и умомъ, безъ всякаго сомнѣнія послужило и еще послужитъ препятствіемъ неодолимымъ.

Устранить окончательно этого рода препятствія къ духовнымъ пріобрѣтеніямъ церкви могъ бы только ея общій соборъ, который одинъ имѣлъ бы полное и безспорное право, разсмотрѣвъ дѣло вновь и убѣдившись въ необходимости отмѣны прещенія, наложеннаго нѣкогда при обстоятельствахъ въ настоящее время уже не существующихъ, придать этой отмѣнѣ силу дѣйствительнаго церковнаго постановленія. Вмѣстѣ съ симъ и единовѣрческая церковь вышла бы изъ ея настоящаго неопредѣленнаго положенія, которое, какъ извѣстно, подаетъ поводъ къ существенно важнымъ пререканіямъ даже

* Мы просимъ извиненія у досточтимаго о. Павла въ оглашеніи событія его внутренней жизни, переданнаго намъ въ откровенной устной бесѣдѣ; оно приводится нами не для суетной цѣли, а для общаго вразумленія относительно одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ жизни нашей церкви.

между православными писателями, и которое составляетъ главную причину малоплодности ея учрежденія. Я не смѣю брать на себя ручательства въ томъ что соборное рѣшеніе, состоявшееся въ указанномъ мною смыслѣ, имѣло бы своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ многочисленныя обращенія изъ раскола въ православіе: успѣхъ дѣла не всегда зависитъ отъ правды дѣйствующихъ, и его въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ всегда предоставлять промышляющему о Своей церкви Богу. Но то несомнѣнно что достиженіемъ такого результата русская церковь исполнила бы лежащій на ней священный и повелительный долгъ (что̀ важнѣе самого успѣха).

Въ свою очередь и въ греческой церкви нашлись бы вопросы требующіе соборнаго разсмотрѣнія и рѣшенія. Извѣстно, напримѣръ, что въ настоящее время въ русской церкви существуетъ совершенно иное чѣмъ въ греческой правило о способѣ принятія въ лоно православія приходящихъ отъ Латинъ: у насъ ихъ принимаютъ, говоря языкомъ церковныхъ правилъ, вторымъ чиномъ, то-есть чрезъ миропомазаніе, между тѣмъ какъ на Востокѣ ихъ перекрещиваютъ, то-есть принимаютъ по первому чину, который древнею церковію установленъ былъ только для людей самыхъ крайнихъ заблужденій. Извѣстно также и то что нѣкогда мы сами Латинъ перекрещивали; но крайней мѣрѣ такое правило было установлено, какъ всеобдержное, на соборѣ 1621 года, бывшемъ при патріархѣ Филаретѣ, который, возвратившись изъ томительнаго девятилѣтняго польскаго плѣна, не могъ соблюсти нравственнаго равновѣсія въ своемъ судѣ о Полякахъ и ихъ вѣрѣ (тѣмъ болѣе что въ то время вся русская земля носила еще свѣжіе слѣды звѣрскаго ляшскаго опустошенія и осквернепія ея святыни) и, подъ вліяніемъ сихъ событій, признавъ Поляковъ и, ради ихъ, всѣхъ Латинъ, крайними еретиками, постановилъ со всѣмъ соборомъ русской церкви принимать приходящихъ отъ нихъ къ церкви не иначе какъ на условіи перекрещиванія.

Но на соборѣ 1666—67 годовъ, когда этотъ вопросъ, вмѣстѣ со многими другими, былъ предложенъ общему разсмотрѣнію, представители восточныхъ православныхъ церквей нашли въ постановленіи собора 1621 года явную несоотвѣтственность со степенью латинскихъ погрѣшностей противъ церкви и неравномѣрность по отношенію къ другимъ отступившимъ отъ церкви обществамъ и сектамъ.

Посему, сославшись на примѣръ древней церкви, которая даже Македоніанъ и Аріанъ принимала не первымъ, а вторымъ чиномъ, и на постановленіе константинопольскаго собора 1484 года,* коимъ установлялось для приходящихъ отъ Латинъ миропомазаніе, и наконецъ на письма Марка Ефесскаго, ** который, при всей своей твердости въ преслѣдованіи латинскихъ заблужденій, считалъ достаточнымъ принимать обращающихся отъ этихъ заблужденій вторымъ чиномъ, соборъ постановилъ чтобъ и Русская церковь, согласно съ общимъ правиломъ всѣхъ единовѣрныхъ ей церквей, слѣдовала впредь такому порядку.

Между тѣмъ, менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ этого соборнаго рѣшенія, православный Востокъ самъ измѣнилъ этому преподанному намъ указанію, и въ 1756 году, подъ вліяніемъ крайняго раздраженія противъ безсовѣстныхъ дѣйствій латинской пропаганды, постановилъ на соборѣ, въ которомъ участвовали три патріарха,*** принимать Латинъ въ церковь не иначе какъ первымъ чиномъ. И вотъ съ тѣхъ поръ восточныя православныя церкви слѣдуютъ въ этомъ дѣлѣ тому порядку который нѣкогда ихъ же представителями былъ обличенъ и устраненъ изъ церкви Русской. Очевидно что на созванномъ, по мысли патріарха Григорія, соборѣ православной церкви, мы могли бы, по отношенію къ этому вопросу, оказать нашимъ восточнымъ братьямъ такую же услугу и помощь какую мы сами получили нѣкогда отъ нихъ.

Важности этого вопроса (не говоря уже о томъ что всякое исправленіе неправильнаго обычая весьма важно само по себѣ, какъ возстановленіе истины, независимо отъ его послѣдствій) и устраненія существующей между восточными церквами и Русскою въ семъ дѣлѣ разности не слѣдуетъ отъ себя

---

* Подъ постановленіемъ мы разумѣемъ здѣсь составленное и утвержденное этимъ соборомъ *Послѣдованіе* (ἀκολουθία) на обращающихся отъ латинскихъ ересей къ православной и каѳолической церкви константинопольской. См. *Рал.* и *Пот.* т. V, стр. 143.

** Дополненіе къ *Акт. истор.* т. V, стр. 499.

*** Опредѣленіе этого собора, напечатанное въ т. V *Собранія правилъ* Ралли и Потли (стр. 614), подъ заглавіемъ: Ὅρος της ἁγίας του Χριστου ἐκκλησίας, συσταινων μὲν τὸ θεόθεν δοθὲν ἅγιον βάπτισμα, καταπτύον δὲ τὰ ἄλλως γενόμενα τῶν αἱρετικῶν βαπτίσματα, подписано патріархами: константинопольскимъ Кирилломъ, александрійскимъ Матѳеемъ и іерусалимскимъ Парѳеніемъ.

скрывать. О ней можно судить, между прочимъ, по тому вліянію какое она имѣла на судьбу извѣстнаго русскому обществу англійскаго ученаго богослова Палмера.

Этотъ знаменитый послѣдователь того направленія въ англиканской церкви которое было создано извѣстнымъ докторомъ Пьюзеемъ, внимательно приникнувъ къ изученію твореній отцовъ церкви и церковной древности, пришелъ сначала къ тому убѣжденію что изо всѣхъ нынѣ существующихъ христіанскихъ церквей единственною хранительницей чистаго апостольскаго преданія и вообще богопреданной истины должна быть признана восточная православная церковь, часть которой составляемъ и мы, и, повидимому, былъ на одинъ шагъ отъ перехода въ православіе. Но встрѣтившись съ существующимъ между восточными церквами и Русскою разномыслiемъ въ такомъ предметѣ который, кромѣ своего безотносительнаго значенія, имѣлъ особую важность лично для него (ибо и отъ него, какъ отъ человѣка обращающагося къ церкви отъ заблужденія нисколько не мѣньшаго сравнительно съ латинскимъ, на Востокѣ требовали втораго крещенія), онъ отступилъ отъ своего намѣренія, и не имѣя возможности, по своимъ убѣжденіямъ, оставаться въ церкви англиканской, какъ протестантствующей, рѣшился перейти въ католичество,—не потому чтобъ онъ призналъ латинскую церковь единственно истинною (нѣтъ! онъ все-таки остался при той мысли что восточная церковь имѣетъ предъ нею несомнѣнное преимущество по чистотѣ догмата и обряда), но потому что онъ утратилъ самое вѣрованіе въ существованіе на землѣ такой церкви, и вслѣдствіе того рѣшился условно пристать къ такой изъ древнихъ апостольскихъ (по учрежденію) церквей, въ средѣ которой думалъ обрѣсти болѣе удовлетворенія для своего дѣятельнаго духа. *

Безъ сомнѣнія, и этого одного опыта было бы вполнѣ достаточно для того чтобы поспѣшить отмѣной постановленія собора 1756 года, но необходимость его безотлагательной отмѣны представится намъ въ особенности настоятельною, если мы примемъ въ соображеніе что столь строгое по отношенію къ разномыслящимъ правило восточной церкви можетъ, при

* Послѣднія слова мои указываютъ на то что приведенная выше причина перемѣны въ настроеніи Палмера не была единственною, но несомнѣнно то что она была первою и привела за собою другія, изъ совокупности коихъ онъ и вывелъ свой неправильный итогъ

случаѣ, сдѣлаться дѣйствительною преградой къ соединенію съ нею цѣлыхъ иновѣрныхъ обществъ. Приломнимъ недавній опытъ съ мелхитами (сирійскими и египетскими Греко-уніатами), которые въ началѣ истекающаго десятилѣтія выразили желаніе обратиться къ православной церкви, и дѣйствительно присоединились къ ней въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ, но при этомъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣли допустить чтобы надъ ними было повторено таинство крещенія; такъ что восточная церковь поставлена была въ весьма тягостное затрудненіе выбирать между пріобрѣтеніемъ столь значительнаго числа вѣрующихъ и соблюденіемъ содержимаго ею правила. И хотя она рѣшилась,—не безъ предварительнаго впрочемъ колебанія,—поступиться симъ правиломъ, выше его поставивъ дѣло общенія съ ищущими ея христіанами; но все-таки она не могла не испытать при этомъ нѣкотораго нравственнаго затрудненія, неизбѣжно соединеннаго съ нарушеніемъ неотмѣненныхъ уставовъ.

Во сколько же разъ должны увеличиться эти затрудненія, если дѣло дойдетъ до рѣшительныхъ переговоровъ (на что̀ наши восточные братья имѣютъ, повидимому, несомнѣнную надежду) о соединеніи съ православною церковью Армянъ, а за ними и другихъ монофизитскихъ церквей, яковитской и коптской, и наконецъ членовъ англиканской церкви, которые не могутъ предъявить никакихъ правъ на то чтобъ имъ, по отношенію къ чину пріятія въ церковь, оказано было предпочтеніе предъ Латинами (такъ какъ армянское и вообще монофизитское заблужденіе было предметомъ сужденія вселенскаго собора, Халкидонскаго, и признано ересью, чего о латинскихъ отступленіяхъ церковь еще не постановляла, англиканская же церковь выдѣлилась изъ той же латинской), а между тѣмъ, конечно, не согласятся подчиниться условіямъ перваго чина.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что наши восточные братья, при свѣтѣ церковныхъ каноновъ, къ коимъ они питаютъ такое глубокое и достойное нашего подражанія благоговѣніе, и при помощи указаній исторіи, не затруднились бы признать несостоятельность недавно и совершенно случайно проникшаго въ ихъ уставы правила, и что имъ нуженъ былъ бы только какой-либо поводъ къ тому чтобы подвергнуть его новому и тщательному пересмотру. Наилучшимъ же поводомъ къ тому было бы, очевидно, созваніе

задуманнаго вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ собора, который не только счелъ бы долгомъ произвести этотъ пересмотръ, но и имѣлъ бы право постановить со властію новое по этому вопросу постановленіе.

Созваніе этого собора, безъ сомнѣнія, оживило бы сношенія съ православною церковію съ одной стороны Армянъ, о стремленіи коихъ къ сближенію съ нею русскіе читатели могли узнать изъ помѣщеннаго, въ переводѣ съ греческаго, въ *Христіанскомъ Чтеніи*, за 1868 годъ, весьма замѣчательнаго разсужденія митрополита хіосскаго Григорія, * съ другой стороны—членовъ англиканской церкви, о намѣреніяхъ коихъ печатано было въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ сравнительно гораздо болѣе. Не останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи этихъ двухъ вопросовъ, изъ боязни продлить безъ мѣры свое и безъ того некраткое разсужденіе и отдалиться еще болѣе отъ его главнаго предмета, я ограничусь лишь простымъ замѣчаніемъ что каждый изъ означенныхъ вопросовъ, по своей важности, заслуживалъ бы соборнаго разсмотрѣнія церкви.

Но конечно впереди всѣхъ другихъ вопросовъ стоялъ вопросъ болгарскій. И если для его благополучнаго рѣшенія и въ то время лучшимъ и единственнымъ (какъ показали послѣдствія) средствомъ было соборное его разсмотрѣніе, то въ настоящую пору созваніе для этой цѣли собора является необходимостію еще болѣе настоятельною.

Мы видѣли что патріархъ константинопольскій отвергъ рѣшеніе Порты и не подчинился султанскому фирману, который вторгается въ область его неприкосновенныхъ правъ. При этомъ святѣйшій Григорій не нашелъ даже нужнымъ входить въ разборъ тѣхъ основаній которыя предложены фирманомъ для учрежденія независимой болгарской церкви, считая эту сторону дѣла второстепенными подробностями, но устремилъ всю силу своего veto прямо противъ права Порты создавать своею властію новыя автокефальныя церкви. На этой почвѣ патріархъ стоитъ твердо и, какъ ясно показываетъ двукратный протестъ его противъ торжественно выраженной воли султана, онъ рѣшился не уступать насилію.

---

* Автора выше упоминаемаго греческаго сочиненія: Πραγματεῖα περὶ τῆς κανονικῆς δικαιοδοσίας τοῦ Οἰκουμενικοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου ἐπὶ τῶν ἐν Βουλγαρίᾳ ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν.

Между тѣмъ тайно руководящія направленіемъ болгарскаго вопроса лица, и во главѣ ихъ французскій константинопольскій посолъ, по справедливости считающій изданіе фирмана плодомъ и торжествомъ своего дипломатическаго искусства, склоняютъ собравшихся въ Константинополь болгарскихъ епископовъ неотлагательно образовать изъ себя синодъ и вступить въ дѣйствительное обладаніе тѣми правами которыя даровалъ имъ фирманъ. При этомъ они разчитываютъ на то что за такимъ шагомъ болгарскихъ іерарховъ послѣдуетъ непремѣнное отлученіе ихъ и всѣхъ тѣхъ кто съ ними отъ общенія съ церковью. Для враговъ нашихъ, конечно, было бы въ высшей степени выгодно создать изъ Болгаръ новое религіозное общество, хотя по исповѣданію и православное, но находящееся внѣ дѣйствительнаго союза съ прочими православными церквами и, чрезъ такое одинокое и отчужденное положеніе среди православнаго міра, поставленное въ необходимость искать опоры внѣ этого міра, у его исконныхъ и нераскаянныхъ враговъ.

Можемъ ли мы остаться равнодушными зрителями того насилія которому подвергается первенствующій іерархъ нашей церкви, и тѣхъ опасностей въ которыя вовлекается Болгарскій народъ предательскими внушеніями, имѣющими единственною цѣлію духовную разлуку его съ православнымъ міромъ, главнѣйшимъ же образомъ съ нами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ.

Но такъ какъ прямымъ своимъ вліяніемъ дать дѣлу другое направленіе мы, очевидно, уже не можемъ, и никакого другаго средства къ выходу изъ облака облежащихъ насъ затрудненій въ виду у насъ нѣтъ, то не остается, по моему мнѣнію, ничего болѣе какъ испытать то единственное средство, въ силу котораго до сихъ поръ не перестаетъ вѣрить святѣйшій Григорій, и которое дѣйствительно можетъ представить совершенно неожиданные и отсюда невидные способы соглашенія и, по выраженію блаженно почившаго митрополита Филарета, съ края пропасти подвинуть къ спасенію.

Въ греческихъ газетахъ есть, какъ я слышалъ, достовѣрное извѣстіе что патріархъ Григорій имѣетъ намѣреніе вновь обратиться къ святѣйшему синоду и подкрѣпить свое предложеніе о созваніи собора новыми убѣдительными доводами. Правда, въ настоящее время осуществленіе этой мысли представляетъ гораздо болѣе затрудненій чѣмъ въ пору перваго

обращенія патріарха. Теперь Порта можетъ, съ большимъ для себя удобствомъ, ссылаться на первоначальное отклоненіе святѣйшимъ синодомъ мысли о соборѣ и на изданіе фирмана, которое можетъ даже приписать, въ извѣстномъ смыслѣ, этому отказу. Труднѣе будетъ дѣйствовать и на Болгаръ, получившихъ отъ Порты давно искомыя ими права, и взирающихъ на церковную сторону вопроса съ тѣмъ же печальнымъ легкомысліемъ съ какимъ смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть на нее мудрецы нашихъ фельетоновъ. Наконецъ и въ средѣ самой восточной церкви возникли весьма важныя смуты (я разумѣю дѣла Александрійской патріархіи), которыя, конечно, не представляютъ лишняго удобства для созванія собора. Но патріархъ Григорій не считаетъ, какъ видно, и этихъ препятствій неодолимыми.

Какъ будетъ принято святѣйшимъ синодомъ это новое обращеніе вселенскаго патріарха, угадать трудно; несомнѣнно одно что отказъ святѣйшаго синода отъ перваго приглашенія не можетъ связать свободы его новаго постановленія, такъ какъ съ того времени произошло въ положеніи вопроса столь важное измѣненіе, и возникли совершенно новыя обстоятельства, которыя могутъ внушить и новыя намѣренія, по слову премудрости: *послѣдніи помыслы паче первыхъ.*

Т. ФИЛИППОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ЦАРСКІЙ ФИРМАНЪ. *

„Самое главное наше императорское желаніе состоитъ въ томъ чтобы всѣ жители и вѣрные подданные, населяющіе нашу высокославную державу, находясь въ безопасности и тишинѣ относительно вѣры и религіи и во всякомъ другомъ отношеніи, и живя между собою въ любви и добромъ согласіи какъ подобаетъ соотечественности и человѣчности, могли, на сколько зависитъ отъ насъ, содѣйствовать безпрестаннымъ нашимъ стараніямъ, которыя полагаются нами для достиженія въ совершенствѣ благосостоянія нашей державы и прогресса цивилизаціи; такъ какъ противное этому доброму желанію, распря и вражда породившіяся съ нѣкотораго времени между греческою патріархіей и православными (ортодоксъ) Болгарами о степени духовной зависимости, то-есть о томъ сколько митрополитовъ, епископовъ, священниковъ и церквей подчинены патріархіи, причинило намъ прискорбіе, то поэтому, какъ слѣдствіе розысканій и изслѣдованій предпринятыхъ для хорошаго разрѣшенія этой распри, поставлены слѣдующіе пункты:

1. Образованъ будетъ отдѣльный духовный округъ подъ наименованіемъ Болгарскій экзархатъ, въ составъ котораго войдутъ нижепоименованныя митрополіи, епископіи и нѣкоторыя другія мѣстности. Управленіе духовно-религіозными дѣлами этого округа будетъ вполнѣ возложено на этотъ экзархатъ.

2. Высшій по чину изъ болгарскихъ митрополитовъ, который будетъ находиться въ названномъ округѣ, будетъ имѣть титулъ экзарха; ему будетъ принадлежать каноническое предсѣдательство въ болгарскомъ синодѣ, который будетъ находиться при немъ.

3. Внутреннее духовное управленіе экзархатомъ будетъ опредѣлено согласно съ основными канонами и религіозными постановленіями православной церкви въ нарочномъ для этого уставѣ, который будетъ представленъ на одобреніе и утвержденіе нашему царскому правительству. Этотъ уставъ долженъ отстранить какъ посредственное,

* Заимствовано изъ *Прав. Обозр.* за мартъ 1870.

такъ и непосредственное вмѣшательство патріарха въ управленіе духовными дѣлами, особенно же въ избраніе епископовъ и самого экзарха, по избраніи коего болгарскій синодъ даетъ знать патріарху, который какъ можно скорѣе будетъ давать требуемыя, согласно съ вѣрою, утвердительныя письма.

4. Этотъ экзархъ, назначаемый моимъ высокославнымъ бератомъ, обязанъ будетъ, сообразно съ церковными правилами, поминать имя константинопольскаго патріарха. Прежде чѣмъ будетъ провозглашено духовное по религіи избраніе лица достойнаго быть экзархомъ, должно быть испрашиваемо соизволеніе и соглашеніе отъ нашего высокославнаго правительства.

5. Экзарху дозволяется относиться прямо къ мѣстнымъ властямъ о дѣлахъ касающихся подчиненныхъ его духовному управленію мѣстностей, о которыхъ (дѣлахъ) онъ законно и канонически уполномоченъ ходатайствовать, а въ случаѣ нужды (ему дозволяется относиться) и къ нашей Высокой Портѣ.Ераты же, которые будутъ даваемы духовнымъ лицамъ, принадлежащимъ его вѣдомству, будутъ издаваться съ увѣдомленіемъ его.

6. О дѣлахъ касающихся православнаго вѣроисповѣданія и требующихъ совмѣстнаго совѣщанія и взаимнаго вспомоществованія, синодъ названнаго экзархата будетъ относиться ко вселенскому патріарху и его митрополитскому синоду. Послѣдніе съ своей стороны поспѣшатъ дать необходимую помощь и отправлять нужные для этого отвѣты.

7. Синодъ Болгарскаго экзархата будетъ просить у константинопольскаго патріарха св. мyро употребляемое церковью.

8. Епископы, архіепископы и митрополиты, подчиненные константинопольскому патріархату, будутъ безпрепятственно проѣзжать чрезъ епархіи Болгарскаго экзархата, равно какъ и болгарскіе епископы, архіепископы и митрополиты будутъ проѣзжать чрезъ епархіи Константинопольскаго патріархата; они могутъ, если случатся дѣла требующія этого, пребывать и въ центрахъ вилаетовъ и другихъ правительственныхъ мѣстностяхъ; однакожъ они внѣ своего духовнаго округа не могутъ созывать синодъ и не могутъ вмѣшиваться въ дѣла христіанъ не принадлежащихъ ихъ духовному вѣдомству, а также, въ какомъ бы городѣ они ни находились, не могутъ священнодѣйствовать безъ позволенія мѣстнаго епископа.

9. Подобно тому какъ іерусалимское подворье, находящееся въ Фанарѣ, зависитъ отъ Іерусалимскаго патріархата и принадлежитъ вѣдомству Іерусалимскаго патріархата, точно такъ и болгарское подворье, находящееся въ той же мѣстности, а также и болгарская церковь подчинены будутъ болгарскому экзарху. Названный экзархъ, когда это необходимо, имѣетъ право пріѣзжать въ нашу столицу и жить въ упомянутомъ подворьѣ и, какъ сказано выше, онъ (экзархъ)

во все время своего пребыванія относительно священнодѣйствія будетъ подчиняться церковнымъ правиламъ, которымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ подчиняются іерусалимскій, антіохійскій и александрійскій патріархи.

10. Духовный округъ этого болгарскаго экзархата составлять будутъ слѣдующія митрополіи: Рущукская, Силистрійская, Глумненская, Терновская, Софійская, Врачанская, Ловчанская, Видинская, Нишская, Пиратская, Кюстендольская, Самоковская, Велесская (къ Македоніи) и прибрежье Чернаго моря отъ Варны до Кюстенджи, исключая двадцать селъ, жители которыхъ не Болгаре; Сливненскій округъ, за исключеніемъ города Варны и уѣздныхъ городовъ Ахило и Месемвріи; Созопольскій округъ безъ приморскихъ селъ; Филиппопольская епархія, исключая собственно города Филиппополя, уѣзднаго города Старонимака и селъ: Куклень, Водинъ, Арнаутково, Панагія, Новосело, Лѣсково, Ахлянъ, Бачково, Бѣлоштица и монастырей: Бачковскаго, Свв. Безсребренниковъ, Св. Параскевы и Св. Георгія. Приходъ Св. Богородицы въ городѣ Филиппополѣ войдетъ въ составъ Болгарскаго экзархата; но жителямъ названнаго прихода, если пожелаютъ, предоставляется свобода не подчиняться болгарской церкви и экзархату. Для рѣшенія этого пункта воспослѣдуетъ соглашеніе между патріархіей и экзархатомъ, согласно съ религіозными постановленіями.

Сверхъ поименованныхъ выше мѣстностей, православные жители другихъ епархій, если они всѣ или по крайней мѣрѣ двѣ трети пожелаютъ относительно своихъ духовныхъ дѣлъ подчиняться Болгарскому экзархату, то имъ позволяется присоединиться къ нему послѣ повѣрки о дѣйствительности относительно численности. Но такъ какъ это будетъ происходить по изъявленію желанія и согласія всѣхъ или же двухъ третей народонаселенія, то всѣ тѣ которые рѣшились бы возбудить несогласіе и раздоръ между жителями будутъ отвѣтственны предъ закономъ и будутъ изобличаемы.

11. Порядокъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Болгарскаго экзархата и по вѣроисповѣднымъ законамъ зависящихъ отъ патріарха, остается тотъ же самый и будетъ соблюдаемъ и впредь.

Находя что изложенные выше пункты удовлетворяютъ законныя нужды обѣихъ сторонъ и отстраняютъ бывшіе прискорбные раздоры, наше высокое правительство одобрило ихъ, чтобъ они съ этого времени служили правиломъ для дѣйствія, и нарушеніе ихъ не допускается. Впрочемъ для объявленія что это согласно съ моею царскою волей изданъ настоящій мой императорскій фирманъ, написанный въ 8й день счастливаго мѣсяца зилхиже, въ лѣто 1286 (1870)."

ВЗГЛЯДЪ НА МАТЕРІАЛЫ

НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ВОПРОСА

О

САМОСТОЯТЕЛЬНОМЪ НАЧАЛѢ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ОТВѢТЪ ГГ. С. УСОВУ И Н. АКСАКОВУ. *

„Ce n'est pas hier que le coeur de l'homme s'est pour la première fois troublé devant ces alternatives. Cessera-t-il d'y penser demain?"

Emile Saisset.

I.

1. Каждое научное изслѣдованіе всегда заключаетъ въ себѣ два слѣдующіе момента: вопервыхъ, собираніе *матеріала* необходимаго для разработки даннаго вопроса, вовторыхъ, *анализъ* собраннаго матеріала и выводъ изъ него общаго взгляда на данный предметъ.

* Обращаясь къ редакціи *Русскаго Вѣстника* съ просьбою дать мѣсто моему полному и окончательному отвѣту на всѣ разнородныя обвиненія гг. Аксакова и Усова, высказанныя противъ моей диссертаціи *О самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*, я знаю что отвѣтъ мой многимъ покажется слишкомъ обширнымъ и подробнымъ, въ особенности послѣ ясной и не менѣе обширной статьи по этому же дѣлу профессора Юркевича, и слишкомъ несоразмѣрнымъ съ вѣтряными и необдуманными обвиненіями моихъ противниковъ. Но есть обстоятельство побуждающее меня не оставить безъ полнаго и, надѣюсь, основательнаго опроверженія всѣ сдѣланныя на меня столь недобросовѣстныя нападки. Полемика, о которой идетъ рѣчь, касается моего честнаго имени и имѣетъ цѣлію уничтожить въ публикѣ довѣріе къ моей литературной добросовѣстности. Г. Аксаковъ прямо высказалъ что я взялъ изъ чужихъ сочиненій изложеніе разныхъ частей моей диссертаціи, и что даже мои ссылки на разные

Оба эти момента находятся въ тѣсной связи, несмотря на то что каждый изъ нихъ основывается на совершенно особомъ научномъ дѣйствіи. Отъ полноты и точности въ собираніи матеріала естественно зависитъ, до извѣстной степени, какъ полнота, такъ и точность анализа и обсужденія этого матеріала. Изъ недостаточнаго и неточнаго матеріала нельзя вывести полнаго и точнаго взгляда на данный предметъ. Но съ другой стороны нельзя забывать что и наоборотъ, изъ полноты и точности одного матеріала не слѣдуетъ еще полнота и точность его анализа. Матеріалъ есть только одно изъ *условій* изслѣдованія. Есть еще и *другое* требованіе которымъ условливается *научное* изслѣдованіе, именно: требованіе полнаго и точнаго *анализа*, полной и точной *разработки* собраннаго матеріала. Эта полнота и точность анализа и разработки матеріала зависитъ прежде всего отъ яснаго, всесторонняго и основательнаго обсужденія, отъ строго-логическихъ процессовъ сравненія, раздѣленія, сужденія и умозаключенія. Гдѣ эти дѣйствія не совершаются правильно, по всѣмъ требованіямъ логики, какъ *науки познанія* (Erkenntnisslehre), тамъ ни полнота, ни точность собраннаго матеріала не даютъ намъ никакого полнаго и точнаго взгляда на данный предметъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ что научное достоинство и

труды списаны мною цѣликомъ изъ постороннихъ источниковъ безъ ихъ названія. Обвиненіе это, какъ будто доказанное, настойчиво повторяется г. Усовымъ, присовокупляющимъ съ своей стороны рѣшительное якобы обличеніе меня въ незнакомствѣ съ физіологическою литературой. Наконецъ, обвиненія эти, даже послѣ моего отвѣта въ нумерѣ 99 *Московскихъ Вѣдомостей* и статьи профессора Юркевича, повторяются тамъ и сямъ въ газетахъ и журналахъ, довѣряющихъ безъ критики несправедливымъ и недобросовѣстнымъ указаніямъ моихъ противниковъ. Вслѣдствіе этого полный отвѣтъ съ моей стороны мнѣ кажется необходимымъ. Въ настоящее цивилизованное время заключаются конвенціи противъ употребленія въ войнахъ варварскихъ средствъ для уничтоженія противника. Но мои господа критики не знаютъ еще о существованіи въ литературномъ мірѣ вѣковой конвенціи, по которой, при всей горячности и страстности полемики, не позволительно однако употреблять умышленное искаженіе истины для уничтоженія противника. Какъ жертва этого самаго варварскаго средства полемики, я обязанъ во всей подробности указать всему литературному міру на тѣхъ господъ которые употребляютъ это средство для достиженія своихъ подспудныхъ цѣлей. *Авт.*

значеніе изслѣдованія зависитъ, съ одной стороны, отъ полноты и точности матеріала собраннаго для рѣшенія даннаго вопроса, а съ другой—отъ полноты и точности анализа этого матеріала и основаннаго на немъ общаго взгляда на предметъ.

2. Человѣкъ ограниченный только своими физическими и умственными силами не можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ физическимъ и умственнымъ потребностямъ. Вслѣдствіе того уже съ древнѣйшихъ временъ проявляется между людьми какъ *физическая* нужда, такъ и *логическое* и *нравственное* требованіе раздѣлить всѣ разнородныя, всѣмъ людямъ нужныя и полезныя, занятія между членами семьи, общества, государства.

Новѣйшіе политико-экономы обозначили эту физическую нужду и это логическое и нравственное требованіе мѣткимъ именемъ *закона раздѣленія труда*.

Законъ раздѣленія труда находитъ полное примѣненіе и въ сферѣ науки, а также и относительно двухъ вышеприведенныхъ разныхъ моментовъ научнаго изслѣдованія. Есть научныя изслѣдованія занятыя преимущественно *собираніемъ матеріала* нужнаго для разработки извѣстнаго вопроса; есть другія изслѣдованія, которыя, пользуясь этимъ уже собраннымъ матеріаломъ, ставятъ себѣ главною задачей *анализъ* этого матеріала, выводъ изъ него *общаго научнаго взгляда* на данный предметъ.

Всѣмъ людямъ науки хорошо извѣстно что эти два основные моменты научнаго труда въ исторіи наукъ распредѣляются не только между отдѣльными лицами, но даже между цѣлыми партіями и цѣлыми періодами. Было время, напримѣръ, когда дѣятельность науки состояла главнымъ образомъ въ *собираніи матеріала*, особенно въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ. Нынѣ она занята преимущественно *анализомъ* историческаго и филологическаго матеріала, выводомъ общаго философскаго *воззрѣнія* на постепенное развитіе исторіи и языковъ. Напротивъ, въ естественныхъ наукахъ господствуетъ въ настоящее время болѣе *реальное* и *фактическое* направленіе чѣмъ *умственное* и *философское*. Вообще вся настоящая борьба между реальными и идеальными, фактическими и философскими направленіями въ разныхъ наукахъ есть не что иное какъ *распредѣленіе* вышеприведенныхъ *необходимыхъ моментовъ научнаго изслѣдованія между разными партіями мысли и знанія*.

Но что же слѣдуетъ изъ такого взгляда на значеніе этихъ разныхъ направленій въ наукѣ

Изъ него слѣдуетъ прежде всего то что *борьба* между этими разными направленіями совершенно неумѣстна, какъ неумѣстна борьба между членами одного и того же семейства, общества и государства, принимающими на себя отправленіе разныхъ обязанностей.

Но къ сожалѣнію эта борьба *существуетъ* и проявляется во всѣ періоды исторіи наукъ, именно вслѣдствіе того что каждое изъ этихъ направленій такъ часто развивалось неправильно, такъ часто принимало характеръ *исключительности*, пренебрегая дѣйствіемъ и результатами другаго направленія.

Но при всемъ томъ борьба эта между разными направленіями въ наукахъ не *можетъ* и не *должна* быть борьбою на *жизнь* и *смерть*.

Она, вопервыхъ, не *можетъ* быть смертельна, потому что уничтоженіе одного какого-либо изъ этихъ направленій вовсе *невозможно*. Каждое изъ нихъ основывается на извѣстныхъ неустранимыхъ потребностяхъ жизни и науки, и будетъ существовать пока существуетъ человѣческій разумъ, пока онъ мыслитъ и производитъ *науку*.

Но такое уничтоженіе одного изъ вышеприведенныхъ научныхъ направленій отнюдь *не желательно*, ибо вслѣдствіе его наука потеряла бы одинъ изъ необходимыхъ моментовъ развитія и прогресса. Еслибы прекратилось направленіе *фактическое*, то наши общія воззрѣнія на жизнь и на міръ были бы слишкомъ отвлеченны, непрактичны, безъ всякаго значенія для дѣйствительности. Если же прекратилось бы направленіе *философское*, *теоретическое*, то практическая дѣятельность человѣка потеряла бы характеръ разумной разсудительности и цѣлесообразности, и не отличалась бы ничѣмъ отъ инстинктивнаго дѣйствія животныхъ.

Борьба между вышеприведенными научными направленіями въ сущности своей есть слѣдствіе не столько *жизненнаго*, сколько, такъ сказать, *іерархическаго* спора о значеніи, компетенціи и достоинствѣ каждаго изъ этихъ направленій въ общемъ прогрессѣ науки. Только неосновательные и страстные умы, только дѣтскіе, незрѣлые и притомъ до неразумія запальчивые враги вымышленнаго ими самими *подспуднаго матеріализма* могутъ думать что этотъ іерархическій споръ долженъ необходимо кончиться варварскимъ попраніемъ одного и деспотическимъ господствомъ другаго направленія. Только подобнаго рода испанскіе рыцари воображаютъ себѣ что каждое изъ

этихъ направленій должно выступать на поле брани со штандартами украшенными золотою надписью: *Aut Caesar aut nihil!*

Чудесный, восхитительный идеалъ для младенческаго сердца!

Но къ сожалѣнію *такими* младенческими идеалами въ настоящее время не увлекается наша болѣе логическая чѣмъ фантастическая, болѣе зрѣлая чѣмъ юная Европа, признающая *законъ раздѣленія труда*. Такихъ прихотей не встрѣчаемъ мы въ современныхъ стремленіяхъ науки. Такихъ прихотей и мы не имѣли, приступая къ разработкѣ вопроса о *самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*.

Напротивъ, слѣдуя за общимъ ходомъ и развитіемъ противоположныхъ направленій, мы видимъ что вліятельнѣйшіе представители обѣихъ сторонъ уже давно стремятся къ примиренію. Они поняли что законъ *раздѣленія труда* есть главное основаніе ихъ разности, и что вслѣдствіе того согласіе между борющимися сторонами не только возможно, но и необходимо въ интересѣ истинной науки. И дѣло примиренія начато въ обоихъ лагеряхъ двойнымъ дѣйствіемъ.

Волервыхъ, усмиреніемъ придирчивыхъ и бранчивыхъ крикуновъ обѣихъ сторонъ, то-есть односторонняго *матеріализма*, отрицающаго въ концѣ и *жизнь*, и *душу*, и *свободу*, и односторонняго *спиритуализма*, который, по его мнѣнію, окончательно заперъ въ темницу и *опытъ*, и *анализъ*, и *матерію*. Извѣстнѣйшіе эмпирики и раціоналисты, естествоиспытатели и философы, практики и теоретики указываютъ уже давно на неосновательность и вредъ этихъ крайностей и на необходимость въ истинной наукѣ принимать въ соображеніе *объ* природныя стороны человѣческаго бытія и бытія вообще, то-есть сторону *физическую* и *метафизическую*, *матеріальную* и *идеальную*, *опытную* и *разумную*.

Это послѣднее указаніе привело ко второму дѣйствію въ дѣлѣ примиренія, именно къ точному и справедливому опредѣленію значенія, преимуществъ и границъ, однимъ словомъ *компетенціи* обѣихъ, до сихъ поръ борющихся, сторонъ. Правда что это послѣднее дѣло еще не совсѣмъ кончено, ибо бранчивые крикуны отъ времени до времени все еще мѣшаютъ дѣлу примиренія. Но есть надежда что спокойный разумъ устранитъ и эти затрудненія, и что законъ раздѣленія труда будетъ основаніемъ истиннаго и дружескаго примиренія между помянутыми направленіями, на сколько они вообще заключаютъ въ себѣ истинный и полезный для науки

трудъ. Направленіе эмпирическое возьметъ на себя преимущественно трудъ *собиранія матеріаловъ* нужныхъ для разработки извѣстныхъ вопросовъ, безо всякаго презрѣнія къ направленію философскому и теоретическому. Напротивъ, направленіе философское, теоретическое, займется преимущественно *анализомъ* этого матеріала, выводомъ изъ него общихъ взглядовъ на предметъ, основываясь на эмпирическихъ данныхъ.

3. Читателямъ извѣстно что диссертація моя о *самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій* подверглась отзывамъ не очень любезнымъ и не очень приличнымъ съ двухъ совершенно противоположныхъ сторонъ, со стороны *матеріализма* и со стороны *спиритуализма*. Вслѣдствіе этого сейчасъ высказанныя мною слова о необходимости примиренія эмпирическихъ и философскихъ направленій въ наукахъ, на основаніи закона раздѣленія труда, могутъ показаться какъ бы уступкой, сдѣланною одной или другой сторонѣ, или обѣимъ вмѣстѣ, какъ бы *captatio benevolentiae*. Отъ любезности и добросовѣстности моихъ противниковъ я могу ожидать что, при удобномъ случаѣ, они воспользуются этою мнимою уступкой, но не съ цѣлію содѣйствовать осуществленію вышесказанныхъ мирныхъ стремленій, а для того чтобы выступить съ новыми придирчивыми инсинуаціями. Они готовы сказать что вслѣдствіе ихъ нападокъ я отказался отъ своихъ убѣжденій и подалъ *смиренно* одну руку *змѣю матеріализма* (выраженіе г. Усова), а другую *ангелу спиритуализма*. Между тѣмъ это вовсе не такъ. При всемъ моемъ миролюбіи, я остаюсь рѣшительнымъ противникомъ всѣхъ односторонностей и крайностей. И чтобы доказать что высказанныя мною мнѣнія о необходимости примиренія эмпирическихъ и философскихъ направленій не есть слѣдствіе *смиренія* предъ моими противниками, но слѣдствіе довольно давняго убѣжденія, въ которомъ эти противники не принимали и не принимаютъ *ни малѣйшаго* участія, я позволяю себѣ привести здѣсь слова высказанныя мною восемь лѣтъ тому назадъ относительно того же предмета. Слова эти объясняютъ притомъ мой, какъ г. Аксакòвъ благоволилъ сказать, *особый* взглядъ на развитіе новѣйшей философіи.

При моемъ первомъ выступленіи на поприще литературной и научной дѣятельности, я имѣлъ случай сказать слѣдую-

щее: * „Если мы обратимъ наше вниманіе на обѣ крайности вышеприведеннаго матеріализма (Фохта, Молешотта и др.) и дуализма въ ихъ отношеніи къ духу настоящей философіи, то мы должны сознаться что главное стремленіе новѣйшаго умозрѣнія направлено болѣе къ соединенію этихъ крайнихъ противоположностей нежели къ ихъ одностороннему развитію. Это стремленіе есть слѣдствіе всей исторіи философіи. Характеристическая черта и вмѣстѣ съ тѣмъ не малый успѣхъ новѣйшей философіи состоитъ въ томъ что она оставила абстрактное, на самомъ себѣ утверждающееся мышленіе, и въ своихъ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ, въ своихъ стремленіяхъ постигнуть мыслію бытіе, не вращается уже въ сферѣ замкнутаго сознанія, но напротивъ она поняла какъ свою задачу познаніе внѣшняго и внутренняго міра, научное развитіе ихъ существенной связи, и стремится къ рѣшенію этой задачи естественнымъ путемъ *опыта*. Въ послѣдніе годы самые лучшіе труды касающіеся философской антропологіи ** вѣрнѣйшимъ образомъ доказываютъ что въ настоящее время не господствуетъ уже ни абстрактный раціонализмъ и идеализмъ, ни простой эмпиризмъ и реализмъ. Оба эти направленія, наполняющія всю исторію философіи со временъ Картезія и Локка своими разнородными оттѣнками, своимъ все новымъ и новымъ развитіемъ основныхъ противоположностей, прошли наконецъ чрезъ пробный огонь историческаго развитія и проявляютъ новую жизнь, вслѣдствіе соединенія всего того что̀ есть истиннаго въ обоихъ направленіяхъ. Для Картезія *внѣшній міръ* былъ *tabula rasa*; онъ и вся абстрактная философія послѣ него, въ одномъ только положеніи: *cogito ergo sum*, обрѣтаютъ переходъ отъ скептицизма къ познанію истины. Напротивъ, Локкъ прямо говоритъ что *душа* есть *tabula rasa*. Обѣ эти крайности въ настоящее время побѣждены. Правда, онѣ до сихъ поръ еще не соединены въ такой степени чтобы вовсе не проявлялись и не стремились къ одностороннему развитію. Но все-таки немалый успѣхъ одержанъ уже благодаря тому что недостатки односторонняго идеализма и односторонняго реализма не только

* См. мое соч. *Zur Entstehung der Seele. Eine psychologische Untersuchung.* 1862, стр. 19 и слѣд.

** Я имѣлъ въ виду особенно антропологію Фихте, моего досточтимаго учителя, далѣе антропологическое сочиненіе Лотце *Mikrokosmus*; сверхъ того *Психологію* Фортлаге, *Психофизику* Фехнера и др.

формально признаны, но и сдѣлались предметомъ философскаго сознанія, и что стремленіе къ соединенію обѣихъ противоположностей проявляется не только діалектически, но даже приняло для философіи значеніе жизненнаго вопроса. Съ того времени какъ Гегелевское тождество мышленія и бытія подверглось новой критикѣ и оказалось несостоятельнымъ въ смыслѣ абсолютномъ, и когда грубый матеріализмъ обнаружилъ все свое противорѣчіе и съ опытомъ, и съ логикой, возвращаясь къ брутальному скептицизму въ вопросахъ нравственнаго свойства, изъ котораго онъ вышелъ, и покидая почву философіи,—начинается новый періодъ философскихъ стремленій. Теперь вопросъ уже не въ томъ, врождена ли человѣку идея въ абстрактной формѣ, и есть ли уже само мышленіе истина. Также не въ томъ, должно ли чувственное наблюденіе служить единственнымъ основаніемъ познанія бытія. Теперь господствуетъ сознаніе что мыслящій разумъ человѣка имѣетъ предметомъ *опытнаго* изученія *двѣ* различныя сферы (внѣшній и внутренній міръ), и что сферы эти не должны быть разрываемы, но что онѣ должны быть соединены тѣснѣйшимъ образомъ въ одно органическое цѣлое. Изслѣдованія, которыми философія занимается въ настоящее время, относятся только къ вопросу *какъ* рѣшить эту задачу; но она сама сдѣлалась непосредственнымъ содержаніемъ философскаго сознанія нашего времени."

Изъ вышеприведенныхъ словъ оказывается что между эмпиризмомъ и раціонализмомъ, между реализмомъ и идеализмомъ я никогда не усматривалъ непримиримой противоположности. Напротивъ, я всегда былъ убѣжденъ, и это убѣжденіе и послѣ часто высказывалъ, что оба эти направленія должны и могутъ примириться, раздѣливъ между собою разныя требованія научнаго изслѣдованія. Я всегда буду уважать *эмпиризмъ* какъ направленіе занимающееся преимущественно *собираніемъ матеріала* необходимаго для познанія человѣка и природы. Подобнымъ же образомъ я всегда буду уважать *раціонализмъ* и *идеализмъ* какъ направленія стремящіяся къ развитію общаго *міровоззрѣнія*, согласнаго со врожденными требованіями человѣческаго разума. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ чтобъ я не былъ рѣшительнымъ противникомъ эмпиризма и реализма на сколько эти направленія хотятъ ограничить человѣческій умъ и науку однимъ суровьемъ внѣшняго опыта. Равнымъ образомъ не слѣдуетъ

изъ моего воззрѣнія чтобъ я не былъ столь же рѣшительнымъ противникомъ раціонализма и идеализма, на сколько эти направленія довольствуются одними общими требованіями разума, безъ принятія въ соображеніе эмпирическаго матеріала внѣшняго опыта. *Соединеніе этихъ двухъ напр. вленій на основаніи общепризнаннаго закона раздѣленія труда, вотъ единственное основаніе для правильнаго развитія философіи въ будущемъ.* Основаніе это признано въ настоящее время большинствомъ философовъ, не связанныхъ никакими традиціонными цѣпями ни съ матеріализмомъ, ни со спиритуализмомъ. Въ этомъ отношеніи, слава Богу, я вовсе не занимаю *изолированнаго поста въ средѣ современныхъ философовъ.* А если мой критикъ въ такомъ философскомъ направленіи усматриваетъ путь ведущій его къ фантастическому *подспудному матеріализму*, то этимъ онъ доказываетъ только что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о философскихъ стремленіяхъ нашего времени, что даже не понялъ ни одного изъ сочиненій Ульрици, который принадлежитъ также къ этому философскому направленію характеризующему наше время.

4. Изъ двухъ вышеприведенныхъ основныхъ моментовъ каждаго научнаго изслѣдованія (матеріалъ и его разработка), здѣсь, въ настоящей статьѣ, мы обращаемъ наше вниманіе преимущественно на первый моментъ, то-есть на *собираніе матеріала.* Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ анализу матеріала, необходимаго для разработки вопроса о *самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*, я желалъ бы высказать еще одно *общее* замѣчаніе. Есть два источника изъ коихъ науки черпаютъ матеріалъ для своихъ изслѣдованій; эти источники: *собственный опытъ* и *чужое свидѣтельство*, или короче: *жизнь* и *литература.*

Вслѣдствіе ограниченности отдѣльнаго человѣка, въ большей части научныхъ изслѣдованій, относительно матеріала преобладаетъ *чужое свидѣтельство, литература* надъ собственнымъ опытомъ. Еслибы всѣ изслѣдователи хотѣли основать свои понятія и взгляды лишь на томъ матеріалѣ который представляетъ ихъ собственный опытъ, былъ бы невозможенъ прогрессъ въ наукѣ, было бы невозможно расширеніе и усовершенствованіе нашего знанія. Ибо всякій прогрессъ въ наукѣ основывается на томъ что одинъ изслѣдователь пользуется указаніемъ и опытомъ другихъ, и находитъ

въ нихъ руководство для собственныхъ новыхъ изслѣдованій, для избѣжанія чужихъ ошибокъ и для открытія вѣрнѣйшаго пути къ истинному познанію.

Это относится къ изслѣдованіямъ не только *историческимъ*, въ которыхъ собственный опытъ, какъ источникъ познанія, ограниченъ до крайности. Это же самое преобладаніе *чужаго* свидѣтельства надъ *собственнымъ* опытомъ мы встрѣчаемъ даже въ наукахъ которыя называются по преимуществу *опытными*.

Отдѣльный естествоиспытатель уже физически не въ силахъ на основаніи *собственнаго* опыта изслѣдовать всѣ явленія своего, хотя бы и очень спеціальнаго, предмета. Онъ на каждомъ шагу пользуется свидѣтельствомъ другихъ изслѣдователей, и всѣ его собственные опыты основываются обыкновенно на научныхъ понятіяхъ, средствахъ, пособіяхъ и взглядахъ, словомъ, на научномъ матеріалѣ переданномъ отъ другихъ. Собственный опытъ составляетъ и здѣсь по большей части очень скудный источникъ знанія, въ сравненіи съ богатствомъ научнаго матеріала, полученнаго въ наслѣдство отъ предшественниковъ.

Впрочемъ, для научной разработки предмета все равно откуда взять *матеріалъ*, изъ собственнаго ли опыта, или изъ чужаго свидѣтельства, если только этотъ матеріалъ такъ полонъ и, что̀ еще важнѣе, такъ точенъ чтобы возможно было основать на немъ ясное и полное познаніе предмета. *Научная самостоятельность* основывается не столько на собственномъ самостоятельномъ *матеріалѣ*, сколько на самостоятельной его *разработкѣ*, на выводѣ изъ него самостоятельнаго *воззрѣнія* на предметъ. Матеріалъ служитъ только *средствомъ* для достиженія этой главной *цѣли* каждаго истиннаго познанія.

Только ограниченныя головы и дѣтскіе самоучки могутъ думать что самостоятельность и оригинальность требуютъ незнанія и пренебреженія *чужаго* свидѣтельства, трудовъ предшественниковъ. Для нихъ только *невѣжество* совпадаетъ съ *оригинальностью*.

II.

1. Послѣ вышеизложенныхъ, какъ намъ кажется, не лишнихъ предварительныхъ замѣчаній, приступаемъ теперь къ подробному обзору *матеріаловъ необходимыхъ для разработки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*.

И здѣсь, естественно, мы встрѣчаемъ оба вышеприведен-

ные источника научныхъ изслѣдованій: *собственный опытъ* и *чужое свидѣтельство*. Но въ нашемъ вопросѣ оба эти источнику находятъ примѣненіе къ областямъ двухъ разныхъ наукъ, *психологіи* и *физіологіи*. Потому прежде всего мы должны рѣшить вопросъ, на сколько вообще обѣ эти науки заключаютъ въ себѣ матеріалъ необходимый для разработки даннаго вопроса.

Относительно *психологіи*, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія что она *нужна* для рѣшенія нашего вопроса. До сихъ поръ еще не выступали мудрецы которые утверждали бы что *психологія* не нужна для рѣшенія этого *психологическаго* вопроса.

2. Другое дѣло съ *физіологіей*. Нужна ли *физіологія* для изслѣдованія нашего предмета? Заключаетъ ли она въ себѣ какой-либо научный *матеріалъ* способствующій къ рѣшенію вопроса *о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій?* Всѣ *психологи*, то-есть всѣ изслѣдователи занимающіеся *спеціально* разработкой этого и многихъ другихъ психологическихъ вопросовъ, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ *положительно*. Они пользуются *физіологическими* данными относящимися къ дѣйствію нервной системы, такъ тѣсно связанной съ явленіями психическими; и до сихъ поръ никто еще не порицалъ ихъ за это. Слѣдовательно, совершенно излишнее дѣло доказывать значеніе физіологіи для психологіи? Такъ казалось бы. Но къ сожалѣнію есть люди которые желаютъ показать міру что въ спеціальныхъ вопросахъ психологіи они мудрѣе всѣхъ психологовъ. Насъ вовсе не удивляетъ что къ такого рода людямъ принадлежитъ юный философъ, г. Аксаковъ, который въ своемъ *Подспудномъ матеріализмѣ*, на стр. 28, говоритъ что всѣ изслѣдователи, занятые опредѣленіемъ духа, отъ Платона до Гегеля, *вовсе не нуждались въ физіологическомъ основаніи*. Но поразительно, и очень поразительно, что къ такого рода людямъ принадлежитъ и *естествоиспытатель* г. С. Усовъ.

Въ своей брошюрѣ *по поводу* моей диссертаціи г. Усовъ (стр. 8) высказалъ мнѣніе что *физіологія не можетъ ни мѣшать, ни помогать принятію самостоятельнаго начала психической жизни*, то-есть *души*. Предъ нашими глазами слѣдовательно такой фактъ: всѣ *психологи-спеціалисты* говорятъ что *физіологія* доставляетъ психологу матеріалъ *необходимый* для рѣшенія разныхъ психологическихъ вопро-

совъ, именно и нашего вопроса; они утверждаютъ даже что безъ физіологіи этого вопроса *научнымъ* путемъ вовсе рѣшить *нельзя*, а г. Усовъ, *не спеціалистъ-психологъ*, утверждаетъ что физіологія ни къ чему не годится для психологіи! Кажется, противорѣчіе довольно странное. Что̀, напримѣръ, подумалъ бы г. Усовъ, еслибы встрѣтилъ кого-нибудь *не-физіолога* который не шутя сказалъ бы ему: „Правда, всѣ спеціалисты-физіологи говорятъ что химія и физика *нужны*, *необходимы* для разработки разныхъ *физіологическихъ вопросовъ*, но *я* думаю что химія и физика *не могутъ ни мѣшать, ни помогать* физіологіи въ рѣшеніи ея задачъ?“ Съ какимъ крикомъ негодованія и презрѣнія остановилъ бы г. Усовъ этого несчастнаго *не-физіолога!* Отъ психологовъ въ подобномъ дѣлѣ г. Усовъ ожидаетъ болѣе хладнокровія. Дѣйствительно психологи привыкли болѣе наблюдать за своими мыслями, словами и дѣйствіями; они не подчиняются такъ слѣпо физической необходимости своей нервной системы, и потому имъ приходится легче сохранять спокойствіе. Желая удовлетворить этимъ ожиданіямъ г. Усова, мы съ полнымъ психологическимъ равнодушіемъ приступимъ къ анализу его помянутаго положенія.

Положеніе это, что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* психологіи, г. Усовъ поддерживаетъ двумя весьма простыми доказательствами; вопервыхъ, одною собственною замѣткой, и вовторыхъ, одною ссылкой на авторитетъ физіолога Функе. Разберемъ ближе оба эти доказательства.

3. Непосредственно послѣ вышеприведеннаго положенія что *физіологія не можетъ ни мѣшать, ни помогать* принятію души, мы находимъ у г. Усова слѣдующія слова, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ вѣрность его взгляда: „Дѣло физіологіи, говоритъ г. Усовъ, изучать лишь отправленія органовъ, никакъ не болѣе, и поэтому вопросъ о душѣ для физіолога *какъ такового* есть вопросъ праздный“. Соединивъ эту объяснительную замѣтку съ предыдущимъ положеніемъ, мы доходимъ до слѣдующей логической связи въ словахъ г. Усова. Такъ какъ дѣло физіологіи изучать лишь отправленія органовъ, никакъ не болѣе, и такъ какъ поэтому вопросъ о душѣ для физіолога *какъ такового* есть вопросъ праздный, то изъ этого слѣдуетъ, по мнѣнію г. Усова, что физіологія не можетъ ни мѣшать, ни помогать психологіи. Это взглядъ г. Усова.

Мы признаемся что для насъ приведенное г. Усовымъ

доказательство не имѣетъ никакой логической, а потому и никакой обязательной силы.

Положимъ что дѣйствительно вопросъ о душѣ для физіолога *какъ таковаго* есть вопросъ *праздный*, но слѣдуетъ ли изъ этого чтобъ изслѣдованія физіолога *какъ таковаго* были равнымъ образомъ *праздными* для психолога *какъ таковаго?* Слѣдуетъ ли изъ этого что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* психологіи? Какая связь между этими совершенно разными положеніями?

Для объясненія этого логическаго затрудненія возвратимся въ видѣ примѣра къ нашему вышеприведенному простодушному *не-физіологу*. При помощи логики г. Усова, этому *не-физіологу* чрезвычайно легко удалось бы доказать истину своего положенія что химія и физика ни къ чему не годятся для физіологіи. Вотъ его доказательство: „Такъ какъ дѣло химіи и физики изучать *лишь* явленія мертвой природы, *никакъ не болѣе*, и такъ какъ поэтому вопросъ объ *отправленіяхъ органовъ* для химика и физика *какъ таковыхъ* есть вопросъ праздный, то изъ сего слѣдуетъ что химія и физика не *могутъ ни мѣшать, ни помогать* изслѣдованіямъ физіологическимъ, имѣющимъ предметомъ *лишь отправленія органовъ*.“ Узнаетъ ли г. Усовъ въ этомъ доказательствѣ непосредственное примѣненіе его собственной логики къ предметамъ ему, вѣроятно, лучше извѣстнымъ нежели психологія?

А (психологія) не нужно для *В (физіологіи)*, слѣдовательно и *В* не нужно для *А*. Вотъ логика г. Усова. Но согласны ли *факты* съ такою логикой? Не говорю уже о согласіи съ требованіями *разума*. Рѣдко ли встрѣчаемъ мы отношенія не имѣющія характера равномѣрной взаимности? Часто лицо *А*, напримѣръ, вовсе не нужно лицу *В*; но при всемъ томъ однако случается что тѣмъ не менѣе лицо *В* очень нужно лицу *А*. Мало ли подобныхъ примѣровъ встрѣчаемъ мы въ природѣ? Растенія, напримѣръ, вовсе не нужны минераламъ, но напротивъ безъ минераловъ растенія не могутъ существовать. Животныя вовсе не нужны растеніямъ, но растенія необходимы для животныхъ. Человѣкъ существо лишнее для животныхъ, между тѣмъ животныя очень полезны человѣку. Не извѣстно ли изъ естественныхъ наукъ что высшія формы существованія требуютъ бытія формъ низшихъ? А между тѣмъ нельзя сказать этого, наоборотъ, о формахъ низшихъ относительно высшихъ. Отчего же бы не могло быть и такъ

что вопросъ о душѣ есть вопросъ *праздный* для физіологіи, хотя физіологія вовсе *не праздна* для *психологіи*? По крайней мѣрѣ логика г. Усова этого до сихъ поръ еще не доказала. Напротивъ, изъ его собственныхъ словъ мы рѣшаемся вывести совершенно другія заключенія.

Дѣло физіологіи, говоритъ г. Усовъ, изучать *лишь отправленія* органовъ, *никакъ не болѣе*. Очень хорошо. Но позвольте спросить: такъ-называемыя психическія явленія, столь тѣсно связанныя съ дѣйствіемъ нервной системы, принадлежатъ ли они къ помянутымъ *отправленіямъ органовъ* или нѣтъ? Если принадлежатъ, въ такомъ случаѣ физіологія *нужна* для психологіи. Если же *не* принадлежатъ, то откуда вы узнали это? Развѣ могли вы это узнать безъ помощи науки, которая занимается *спеціально* анализомъ *отправленій* нервной системы?

Можетъ-быть, этотъ вопросъ не принадлежитъ къ вашей *спеціальности*, и потому вы не можете заняться его рѣшеніемъ. Положимъ что такъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого чтобъ онъ былъ *праздный* для физіолога *какъ такового*, занимающагося анализомъ *отправленій органовъ*? И слѣдуетъ ли изъ этого что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать его рѣшенію*? Отчего во всѣхъ физіологіяхъ толкуютъ объ *отправленіяхъ*, называемыхъ *психическими* явленіями, извѣстныхъ *органовъ*, называемыхъ *нервною системою*? Еще болѣе: отчего нѣтъ физіологіи которая не говорила бы *о такъ-называемой душѣ*, если вопросъ о душѣ дѣйствительно есть *праздный* для физіолога *какъ такового*? Далѣе, отчего люди мыслящіе, и философы, и натуралисты, всегда толковали объ отношеніи психическихъ явленій къ физіологическимъ, если они другъ другу *не могутъ ни мѣшать, ни помогать*? Наконецъ, скажите пожалуста, откуда вы взяли *ваши* психологическія воззрѣнія? Изъ *психологіи* вы ихъ, вѣроятно, не взяли, ибо для васъ *какъ такового* вопросъ о душѣ есть *вопросъ праздный*; изъ *физіологіи* тоже нѣтъ, ибо по вашему мнѣнію физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* вашимъ *психологическимъ* воззрѣніямъ. Такъ что̀ же остается? Ничего, кромѣ чистаго воздуха? А изъ него психологическихъ воззрѣній почерпать нельзя.

4. Но г. Усовъ самъ не совсѣмъ доволенъ своею вышеприведенною замѣткой. Онъ вѣроятно чувствовалъ что она не удовлетворяетъ вполнѣ ни *логики*, ни *психологіи*, ни *физіологіи*, и потому ссылается на авторитетъ физіолога Функе.

Онъ цитуетъ его *Lehrbuch der Physiologie*, т. II, 1864, стр. 4. * Приведенное мѣсто напечатано вѣрно, безъ ошибокъ. Кромѣ того, содержаніе его очень ясно и согласно съ воззрѣніями большинства не только физіологовъ, но и *психологовъ*. Единственный недостатокъ этого мѣста въ томъ что оно вовсе не касается предмета о которомъ говоритъ г. Усовъ и вовсе не подтверждаетъ мнѣнія его что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* принятію существованія души. Все это однако не мѣшаетъ г. Усову предварить цитату изъ Функе слѣдующими словами, сказанными непосредственно послѣ вышеприведенной замѣтки: „Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Функе". Послѣ такого введенія, читатель естественно ожидаетъ подтвержденія словъ г. Усова. Не тутъ-то было. Въ напечатанномъ г. Усовымъ мѣстѣ Функе говоритъ не о значеніи физіологіи для психологіи, не о томъ *въ помощь или въ помощь* физіологія психологіи, но только о невозможности объяснить вопросъ: *какимъ образомъ нервныя клѣточки изъ электрическихъ токовъ или химическихъ движеній матеріи производятъ разныя ощущенія?* (Wie die Nervenzellen aus elektrischen Strömchen oder chemischen Stoffbewegungen „Farben und Töne machen"). Правда, Функе говоритъ здѣсь и о томъ что этого вопроса не можетъ рѣшить ни физіологія, ни психологія при помощи физіологіи, ни теорія матеріализма, ни теорія идеализма. Словомъ, Функе утверждаетъ что вопросъ: какъ изъ процессовъ матеріи производятся ощущенія, необъяснимъ никакими средствами (eine für *Physiologie und Psychologie unbeantwortbare Frage*). Далѣе онъ дѣйствительно, въ концѣ приведеннаго мѣста, требуетъ отъ *физіологіи* чтобъ она, не обращая вниманія на всѣ преждевременныя рѣшенія этого вопроса, осталась вѣрною своему *матеріальному пути* и *физическими* средствами отыскивала матеріалъ необходимый для рѣшенія этого вопроса.

Вотъ и все содержаніе цитаты г. Усова изъ сочиненія Функе. Развѣ она чѣмъ-либо подтверждаетъ положеніе что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* разработкѣ разныхъ психологическихъ вопросовъ, въ томъ числѣ и вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій, то-есть души? Развѣ психологія отрицаетъ что есть вопросы которыхъ до сихъ

* У меня въ рукахъ 3е изданіе этого сочиненія Функе, 1860. Здѣсь цитованное мѣсто на стр. 5 и слѣд.

поръ нельзя объяснить, и что къ нимъ принадлежитъ вопросъ *какъ* образуются *ощущенія?* Но развѣ такое признаніе недостатковъ нашего познанія въ одномъ отношеніи исключаетъ возможность рѣшенія всѣхъ вообще психологическихъ вопросовъ? Химія и физика не излишни для физіологіи, хотя физіологія и при ихъ содѣйствіи не можетъ рѣшить очень многихъ затрудненій.

Слова Функе, высказанныя въ концѣ цитаты, заключаютъ въ себѣ не что̀ иное какъ только требованіе чтобы *физіологія* оставалась *физіологіей*, и не переходила въ область *философіи*, именно метафизики и психологіи. И въ этомъ отношеніи Функе совершенно правъ. Съ нимъ согласны всѣ философы и психологи, которые никогда не требовали чтобы физіологія занималась *психологіей*, чтобъ она отступила отъ своего *матеріальнаго* пути, отъ пути *внѣшняго* опыта. И если-бы г. Усовъ не сказалъ ничего болѣе, мы не имѣли бы никакой причины противорѣчить ему. Но онъ идетъ далѣе. Онъ не только требуетъ чтобы физіологія осталась физіологіей, но кромѣ того отказываетъ *психологіи* въ правѣ заниматься изслѣдованіемъ разныхъ психологическихъ вопросовъ при помощи физіологическихъ данныхъ, утверждая что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* психологіи. Но отъ права воспользоваться физіологіей психологія никогда не откажется. Фактическій матеріалъ, эмпирическіе результаты физіологіи составляютъ собственность не однихъ физіологовъ, но всего ученаго міра, и если психологія при своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ находитъ для себя научныя пособія въ физіологическихъ данныхъ, то никто не можетъ отказать ей въ правѣ воспользоваться этими пособіями.

Г. Усовъ можетъ, если ему угодно, критиковать *физіологическую* часть психологіи, какъ психологи критикуютъ *психологическія* воззрѣнія физіологовъ. Но такой научной критики физіологическаго матеріала психологіи онъ не долженъ замѣнять голословнымъ утвержденіемъ что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* рѣшенію самыхъ главныхъ психологическихъ вопросовъ. Пока г. Усовъ не докажетъ, на основаніи спеціальнаго *психо-физіологическаго* изслѣдованія, что физіологія дѣйствительно не можетъ способствовать рѣшенію разныхъ задачъ психологіи, до тѣхъ поръ и въ будущемъ всѣ психологи безъ его позволенія будутъ пользоваться физіологическимъ матеріаломъ и давать своимъ изслѣдованіямъ харак-

теръ *психо-физіологическій*, который возбуждаетъ такое странное негодованіе г. Усова.

5. При этомъ случаѣ кстати будетъ отвѣтить г. Усову на его, какъ онъ самъ говоритъ, *самое существенное возраженіе*, касающееся примѣненія естественныхъ наукъ къ рѣшенію нашего вопроса. Г. Усовъ здѣсь уже не утверждаетъ что методъ естественныхъ наукъ *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* психологіи; но за то упрекаетъ меня въ томъ что я не вѣрно понялъ и ошибочно примѣнилъ методъ естественныхъ наукъ.

Возраженіе это относится къ слѣдующимъ словамъ высказаннымъ мною на стр. 24 диссертаціи. Я тамъ говорю: „Если естествоиспытатель встрѣчаетъ явленія, которыя представляютъ нѣчто особое, ничѣмъ неизъяснимое на основаніи извѣстныхъ данныхъ силъ; если всѣ усилія свести явленія къ знакомымъ уже причинамъ не достигаютъ своей цѣли и убѣждаютъ что разбираемыя явленія не истекаютъ изъ общаго источника: въ такомъ случаѣ естественныя науки, для изъясненія такихъ явленій, принимаютъ всегда существованіе особыхъ силъ и причинъ, отличающихся отъ всѣхъ уже извѣстныхъ."

На стр. 9 своихъ возраженій г. Усовъ прямо говоритъ что *такого методологическаго правила вовсе не существуетъ*. Но это у него не *серіозное* мнѣніе, ибо *двѣ* страницы ниже, т.-е. на стр. 11, онъ самъ приводитъ это правило какъ *одно* изъ *требованій* для *принятія гипотетическаго начала*. Вотъ его слова: „Итакъ для принятія гипотетическаго начала естественными науками требуется: а) *чтобъ извѣстная группа явленій не разъяснялась уже признанными наукою началами;* б) чтобы новое гипотетическое начало вполнѣ разъясняло само данную группу явленій, и в) чтобы существованіе новаго гипотетическаго начала доказывалось еще чѣмъ-либо."

Каждый видитъ что приведенное мною *методологическое правило* составляетъ *первое* изъ требованій г. Усова. Слѣдовательно г. Усовъ не можетъ утверждать что такого методологическаго правила *вовсе не существуетъ*. Онъ можетъ сказать что оно недостаточно *, что оно должно быть дополнено еще другими требованіями и правилами, но оно *существуетъ* и по мнѣнію г. Усова.

---

* Конечно и это можетъ сказать онъ также неосновательно. См. статью П. Д. Юркевича: *Игра подспудныхъ силъ*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за апрѣль мѣсяцъ, стр. 753—754.

Впрочемъ это только незначительная логическая замѣтка. Перейдемъ къ самому предмету, хотя и здѣсь, къ сожалѣнію, не можемъ оставить въ покоѣ эту безпокойную логику.

Три вышеприведенныя требованія г. Усова въ *общихъ* чертахъ совершенно вѣрны. Противъ перваго и третьяго я не возражаю ни слова, и кажется что этимъ требованіямъ удовлетворяетъ вполнѣ моя диссертація и по мнѣнію г. Усова. Что же касается до втораго изъ его требованій, то мы должны сказать что оно, вопервыхъ, выражено не довольно точно, и кромѣ того, что требованіе это, будучи сведено къ своему истинному значенію, не заключаетъ въ себѣ никакого упрека противъ моей диссертаціи.

Г. Усовъ говоритъ что для принятія какого-нибудь новаго начала требуется, между прочимъ, чтобъ это новое начало *вполнѣ разъясняло само данную группу явленій.*

Здѣсь слово *вполнѣ* вполнѣ неточно. Никакимъ образомъ нельзя сказать что принятіе какого-нибудь новаго начала зависитъ отъ того разъясняетъ ли оно данную группу явленій *вполнѣ* или *не вполнѣ*. При настоящемъ состояніи человѣческаго знанія нѣтъ ни одного начала разъясняющаго *вполнѣ* извѣстную группу явленій. И *свѣтовой эѳиръ*, на который г. Усовъ ссылается какъ на примѣръ начала удовлетворяющаго его тремъ требованіямъ, не разъясняетъ *вполнѣ* всѣхъ безъ исключенія явленій свѣта. Несмотря на принятіе *свѣтоваго эѳира*, физика до сихъ поръ еще не довела насъ до *полнаго* научнаго знанія свѣта, его сущности и явленій.

Полнота въ разъясненіи извѣстной группы явленій не считалась и не считается ни самыми эмпирическими естествоиспытателями, ни строжайшими логиками, необходимымъ условіемъ принятія какого-нибудь новаго начала, еще притомъ *гипотетическаго*. Это требованіе преувеличено и примѣнено г. Усовымъ исключительно къ вопросу о самостоятельномъ началѣ *душевныхъ* явленій. Все что̀ естествоиспытателями и логиками требуется отъ *новаго начала* для *разъясненія* данной группы явленій состоитъ только въ томъ чтобъ оно разъясняло эти явленія *полнѣе*, *вѣрнѣе* и *точнѣе* нежели всѣ другія приводимыя начала. Это большая разница. Теорія свѣтоваго эѳира, теорія атомовъ и т. д. приняты физикой и химіей не потому что эти теоріи *вполнѣ* разъясняютъ соотвѣтственныя явленія,—онѣ этого не дѣлаютъ, — но только потому что онѣ разъясняютъ эти явленія *полнѣе*, *вѣрнѣе* и *точнѣе* чѣмъ всѣ другія возможныя теоріи.

Слѣдовательно и отъ принятія самостоятельнаго начала душевныхъ явленій нельзя требовать чтобъ оно *вполнѣ* разъясняло такъ-называемыя психическія явленія, но требуется только чтобъ оно разъясняло эти явленія *полнѣе*, *вѣрнѣе* и *точнѣе* нежели всѣ другія теоріи, напримѣръ теоріи матеріалистическія и физіологическія. Преувеличивая свои требованія до крайности относительно вопроса о душѣ, г. Усову легко было сказать что это вопросъ *праздный*, но по недостатку хладнокровнаго логическаго анализа онъ совсѣмъ забылъ поставить себѣ вопросъ: не объясняются ли психическія явленія *болѣе* на основаніи принятія самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть *души*, нежели на основаніи простыхъ процессовъ *матеріи?* И пока г. Усовъ не разберетъ этого вопроса съ нужною логическою и психическою точностью, до тѣхъ поръ онъ не въ правѣ выступать ни *противъ*, ни *за* принятіе души, и не въ правѣ называть вопросъ о душѣ *праздными*.

Однако что касается того насколько я самъ въ своей диссертаціи удовлетворилъ вышеприведенному требованію *объясненія* данной группы явленій, то я вкратцѣ долженъ сказать слѣдующее:

Объясненіе всѣхъ психическихъ явленій на основаніи понятія о *душѣ* не было задачей моей диссертаціи. Такое объясненіе составляетъ задачу *полнаго изложенія психологіи*. Только оно опредѣляетъ ближе и развиваетъ понятіе о душѣ на основаніи подробнаго анализа психическихъ явленій; только такое полное изложеніе психологіи можетъ указать на то *каково* должно быть понятіе о душѣ чтобъ оно могло служить основаніемъ и объясненіемъ различныхъ явленій психической жизни. Напротивъ, въ моей диссертаціи, на стр. 13 и слѣд., я ясно высказалъ что *ближайшее опредѣленіе души*, а слѣдовательно и *объясненіе* психическихъ явленій, лежитъ внѣ моей задачи, что при вопросѣ о *существованіи* души я не имѣю въ виду *понятія о душѣ по той или другой психической теоріи*, потому что всѣ такія ближайшія опредѣленія и объясненія психической жизни *находятся совершенно внѣ нашего вопроса и основываются на предыдущемъ рѣшеніи онаго*.

Слѣдовательно я совершенно ясно опредѣлилъ границы моего изслѣдованія и съ научною точностью держался обозначенныхъ границъ; я не спрашивалъ *какова* душа и какимъ образомъ понятіе о душѣ *объясняетъ* разнородныя явленія

психической жизни; я спрашивалъ только имѣютъ ли такъ-называемыя психическія явленія особое начало или нѣтъ? Кажется что не трудно понять разницу между однимъ *существованіемъ* какого-нибудь предмета и ближайшимъ *опредѣленіемъ его качествъ и свойствъ*.

Вообще г. Усовъ слишкомъ много говоритъ объ *объясненіи* психическихъ явленій и слишкомъ мало о настоящемъ предметѣ моей диссертаціи, то-есть о *началѣ* этихъ явленій въ сравненіи съ явленіями физическими и физіологическими. Весь ходъ моей диссертаціи и всю *силу* моего доказательства г. Усовъ свелъ къ одному понятію *объясненія*, какъ это доказываетъ приведенный имъ на стр. 9 силлогизмъ, о которомъ онъ говоритъ что вся моя диссертація основана на немъ. Между тѣмъ силлогизмъ этотъ не совсѣмъ точенъ, именно потому что оставляетъ въ сторонѣ *главную* силу *моего* доказательства. Вслѣдствіе того, желая навести г. Усова на *точное* пониманіе моей диссертаціи, я принужденъ представить ему слѣдующій силлогизмъ, заключающій въ себѣ *всю* силу моего доказательства, не только ея частицу.

Моя первая посылка слѣдующая: Начало такъ-называемыхъ психическихъ явленій можетъ быть только двоякое, то-есть либо *физическое*, похожее на всѣ другія физическія силы и зависящее наравнѣ съ ними отъ общихъ законовъ *физической* природы, либо какое-нибудь другое, *самостоятельное* относительно этихъ силъ.

Посылка вторая: Подробный анализъ психическихъ явленій и ихъ сравненіе съ физическими показываютъ что начало психическихъ явленій *не можетъ* быть *физическое*.

Заключеніе: Слѣдовательно психическія явленія основываются на какомъ-нибудь другомъ *самостоятельномъ* началѣ.

Въ моей диссертаціи я доказываю не только что такъ-называемыя психическія явленія *не объясняются* физіологическими и физическими началами,—на что г. Усовъ вполнѣ соглашается,—но кромѣ того я доказываю,—а этого г. Усовъ не благоволилъ замѣтить,—что психологическія явленія *противорѣчатъ всѣмъ физіологическимъ основаніямъ нервной системы*, что обѣ эти группы явленій никоимъ образомъ *не могутъ* быть выводимы изъ *одного и того же* начала. При анализѣ каждаго психическаго явленія я указываю на это *противорѣчіе*, на эту *основную разницу* обоихъ родовъ явленій. Желая доказать неосновательность моего изслѣдованія, нужно было заняться

анализомъ приводимыхъ мною явленій, разсмотрѣть разницы указанныя мною и убѣдиться на сколько эти разницы существенны или нѣтъ. Вотъ задача *научной* критики моей диссертаціи съ физіологической точки зрѣнія. Г. Усовъ, къ сожалѣнію, о *такой* критикѣ и не думалъ! Такой критики отъ него и въ будущемъ ожидать не можемъ, пока онъ не оставитъ убѣжденія что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать* рѣшенію вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

III.

1. Въ предыдущей главѣ мы доказали что не только *психологія*, но и *физіологія* необходимы для рѣшенія нашего вопроса *о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*. Слѣдовательно, разсматривая *матеріалы* нужные для разработки этого вопроса, мы должны обратить наше вниманіе какъ на матеріалъ относящійся къ психологіи, то-есть *психологическій*, такъ и на матеріалъ почерпнутый изъ физіологіи, то-есть *физіологическій*. Приступимъ здѣсь сперва къ разсмотрѣнію *психологическаго* матеріала.

Психологическій матеріалъ нужный для рѣшенія нашего вопроса, какъ вообще каждый научный матеріалъ, можетъ быть или *собственный*, или почерпнутый изъ *чужаго свидѣтельства*. Къ *собственному* психологическому матеріалу мы причисляемъ всѣ собственныя новыя психологическія замѣчанія и наблюденія которыхъ нѣтъ въ другихъ трудахъ. Къ матеріалу чужому, напротивъ, принадлежитъ все то что почерпнуто изъ чужихъ трудовъ, то-есть изъ литературы психологіи.

Въ дальнѣйшемъ развитіи нашего предмета мы постоянно будемъ имѣть въ виду эту разницу между *собственнымъ* и *чужимъ* матеріаломъ: не для того чтобы безпрестанно говорить о самомъ себѣ — это не наша привычка,— но для того чтобы защищать нашу научную самостоятельность противъ неожиданныхъ *подспудныхъ* нападокъ. Подобная защита нашей самостоятельности *вынуждена* у насъ, и потому читатель не станетъ смѣшивать ее съ самодовольствомъ, которое ищетъ случая указывать другимъ на свою собственность, то матеріальную, то интеллектуальную.

2. Эту защиту нашей оригинальности мы начнемъ анализомъ оригинальнѣйшей мысли *Подспуднаго матеріализма* г. Аксакóва.

На стр. 5 до 12 памфлета изданнаго подъ этимъ заглавіемъ г. Аксакòвъ старается доказать что критикуя матеріализмъ, я самъ высказываю матеріалистическія положенія. Чтобъ указать на значеніе подобнаго критическаго и оригинальнаго открытія, мы прежде всего обратимъ наше вниманіе на то что̀, по мнѣнію г. Аксакóва, называется *матеріализмомъ*.

На стр. 5 мы читаемъ что *дѣятельность психическую приписываетъ матеріализмъ чаще всего особой* (!) *психической силѣ*, и что *эту силу называетъ онъ тоже душою*. На стр. 8 г. Аксакòвъ причисляетъ меня къ *матеріалистамъ*, за высказанное мною мнѣніе что „отличіе души отъ началъ физическихъ явленій не составляетъ еще никакой *абсолютной противоположности* этихъ явленій, исключающей *общее для нихъ и для души основаніе*“ (стр. 15 диссертаціи). Далѣе на стр. 16 г. Аксакóвъ усматриваетъ подтвержденіе моего *подспуднаго матеріализма* въ томъ обстоятельствѣ что я на диспутѣ не признавалъ *различія между силою усиленною и силою душевною*, и что вслѣдствіе того признавалъ существованіе извѣстной душевной силы и въ растеніяхъ. А на этой же страницѣ г. Аксакòвъ высказалъ ясно *какъ* онъ понимаетъ матеріализмъ, говоря: „Вѣдь и *всѣ совершенные матеріалисты* видятъ причину душевной дѣятельности *не* въ движеніи, теплѣ или электричествѣ, но въ *особой*, хотя и однородной съ ними силѣ, которую и называютъ *они*, въ *отличіе* отъ остальныхъ силъ природы, силою *нервной, витальной, психической*.“

Если г. Аксакóвъ все это называетъ *матеріализмомъ*, то я долженъ ему откровенно сказать что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о *матеріализмѣ*, ни о *спиритуализмѣ*, ни вообще о какомъ-нибудь научномъ направленіи въ психологіи. Далѣе, еще болѣе я долженъ ему сказать что изъ подобнаго рода опредѣленій матеріализма видно что онъ не читалъ толково съ начала до конца ни сочиненія Ульрици *Gott und der Mensch*, ни *Антропологіи* Фихте, на которыя онъ такъ часто ссылается. Изъ обоихъ этихъ сочиненій онъ получилъ бы совершенно другое понятіе о матеріализмѣ. Изъ этихъ сочиненій онъ бы узналъ что нѣтъ ни одного *матеріалиста* который бы признавалъ существованіе *особой психической силы*, но что всѣ они объясняютъ психическія явленія *исключительно* изъ *физическихъ, матеріальныхъ* процессовъ. Подобно тому какъ нѣтъ ни одного матеріалиста который бы принималъ существованіе *особой витальной силы*. Всѣ матеріалисты безъ

всякаго изъятія нападаютъ на такое принятіе и выводятъ *всѣ жизненныя явленія* изъ однихъ перемѣнъ и движеній *матеріи*. * Далѣе, изъ этихъ же сочиненій, г. Аксаковъ узналъ бы что понятіе *силы вообще* еще вовсе не тождественно съ понятіемъ о *физической* силѣ, и что всѣ психологи *нематеріалисты* говорятъ о *психической духовной силѣ* въ отличіе отъ силъ *физическихъ*, отъ простыхъ процессовъ *матеріи*. Изъ этого слѣдуетъ что примѣненіе закона *отношенія* физическихъ силъ къ силѣ *психической*, о которомъ толкуетъ г. Аксаковъ на стр. 10, служитъ лишь доказательствомъ что онъ смѣшиваетъ самыя элементарныя понятія нашего предмета. **

---

* Чтобы дать г. Аксакóву понятіе о воззрѣніяхъ матеріалистовъ, которыхъ сочиненій онъ до сихъ поръ, въ своей спиритуальной невинности, повидимому, вовсе не читалъ, я позволяю себѣ привести здѣсь нѣсколько положеній, не Фохта или Молешотта, но одного изъ *другихъ* матеріалистовъ, упомянутыхъ мною на стр. 28, въ перечнѣ литературы. Докторъ медицины г. Рейхъ высказалъ слѣдующія положенія въ своемъ обширномъ сочиненіи *Die allgemeine Naturlehre des Menschen*, 1865, стр. 29 и слѣд.: „Der Glaube an eine besondere Seele resultirt aus der *Gehirnschwäche* und Voreingenommenheit der Profanen.“ Стр. 76: Die Seele ein Gebilde *erhitzter Phantasie*. Стр. 104: ein *Hirngespinnst*. На стр. 245, говоря о *съдалищѣ души*, Рейхъ замѣчаетъ: „Wir brauchen noch viel weniger an solcher Fragen Beantwortung zu denken, *weil eine Seele für uns überhaupt nicht existirt*.“ Стр. 257: „Die Naturwissenschaft, wenn man ihre Wahrheiten richtig versteht, *liefert tausendfältig den Beweis dass eine besondere Seele nicht existirt*.“ На стр. 481 онъ называетъ принятіе особой *витальной силы eine hirnlose Annahme* и т. д. и т. д.

** Если г. Аксакóвъ желаетъ ближе познакомиться съ разными затрудненіями относящимися къ точному опредѣленію понятій о *психической* и *физической* силахъ, то я совѣтую ему прочитать со вниманіемъ слѣдующіе труды: введеніе ко второму тому сочиненія Фортлаге, *System der Psychologie als empirischer Wissenschaft aus der Beobachtung des innern Sinnes*, 1855, особенно статьи: *Der psychologische Kraftbegriff* и *Der physikalische Kraftbegriff*. Далѣе статью Лотце: *Leben und Lebenskraft*, въ Вагнера *Handwörterbuch der Physiologie*, т. I, особенно стр. XVII и слѣдующія, и соотвѣтственныя части другихъ приведенныхъ въ моей диссертаціи сочиненій этого философа и физіолога. Далѣе введеніе Фехнера къ *Психофизикѣ*, и этого же философа и физика сочиненіе *Ueber die physicalische und philosophische Atomenlehre*. 2 изд. 1864. Наконецъ обширное и основательное изложеніе ученія о *силѣ* и *силахъ* въ сочиненіи Ульрици

Далѣе, изъ этихъ же и другихъ психологическихъ сочиненій, г. Аксаковъ могъ уже давно узнать что есть психологи *не-матеріалисты* отрицающіе вовсе существованіе *особой* силы жизни, силы *витальной* *, и другіе, тоже не имѣющіе ничего общаго съ матеріализмомъ, которые соединяютъ силу *психическую* съ силою *витальною* въ одно, не признавая никакой разницы между этими силами. **

Далѣе, еслибы г. Аксакòвъ читалъ приведенныя мною на стр. 38 диссертаціи мѣста изъ Фехнеровой *Психофизики*,

---

Gott und die Natur, 2 изд. 1866, стр. 30 и *слѣдующія* до того мѣста гдѣ г. Аксакòвъ можетъ освѣдомиться что̀ Ульрици понимаетъ подъ словомъ *psychische Kraft*.

* Такъ напримѣръ Лотце въ приведенной выше статьѣ *Leben und Lebenskraft* отрицаетъ существованіе такой силы. Съ нимъ вполнѣ согласенъ и физіологъ Фикъ, котораго я цитую на стр. 38 диссертаціи, и котораго г. Аксакòвъ, не знаю на какомъ основаніи, причисляетъ тоже къ *матеріалистамъ*. Это доказываетъ что г. Аксакòвъ не читалъ ни приведенныхъ мною мѣстъ изъ Фика *Compendium der Physiologie*, въ которыхъ этотъ физіологъ высказываетъ свое сочувствіе философскимъ воззрѣніямъ Лотце, ни даже мѣстъ изъ физіологіи чувствъ, приведенныхъ въ сочиненіи Ульрици *Gott und der Mensch* стр. 190. Въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ Фикъ признаетъ что единичное зрѣніе при двухъ глазахъ есть результатъ не однихъ *физіологическихъ* процессовъ, но соединеннаго съ ними *психическаго* дѣйствія. Такого допущенія не дѣлаетъ ни одинъ *матеріалистъ*. При этомъ случаѣ замѣтимъ что подобнымъ образомъ ни Людвигъ, ни Дюбуа-Реймонъ не могутъ служить *примѣрами* матеріализма, какъ полагаетъ г. Аксакòвъ на стр. 6. Они *скептики* въ отношеніи ко всякимъ вообще *метафизическимъ* воззрѣніямъ, и потому *нигдѣ* съ рѣшительностью не высказываютъ ни *матеріалистическихъ*, ни *спиритуалистическихъ* воззрѣній. Весь ихъ *матеріализмъ* сводится къ требованію чтобъ естественныя науки держались метода *матеріальнаго* объясненія явленій. Но на это соглашаются и *естествоиспытатели-спиритуалисты*. Обо всемъ этомъ г. Аксакòвъ еще не имѣлъ случая узнать; ему еще довольно времени учиться началамъ философіи. Со временемъ онъ узнаетъ сколько мудрости въ его словахъ: „Вѣдь называютъ же начало душевныхъ явленій *самостоятельнымъ* и матеріалисты, какъ *напримѣръ* Фикъ, Дюбуа-Реймонъ, Людвигъ и др.“.

** *Психическую* и *витальную* силу отождествляютъ всѣ такъ-называемые *анимисты*, о которыхъ будетъ рѣчь ниже при анализѣ Флурансова noeud vital.

онъ узналъ бы что этотъ философъ, опять вовсе не матеріалистъ, допускаетъ что животныя раздѣленныя на двѣ части и сохраняющія *жизнь* въ обѣихъ раздѣленныхъ частяхъ, представляютъ примѣръ раздѣленія *одной* души на двѣ части. *

Наконецъ еслибы г. Аксаковъ читалъ мѣста изъ сочиненій Лотце, цитованныя мною на стр. 16 диссертаціи, то онъ узналъ бы что понятіе о *бытіи* исключающемъ всѣ абсолютныя противорѣчія, слѣдовательно и абсолютное противорѣчіе между *матеріею* и *духомъ*, не ведетъ еще ни къ какому матеріализму ни *поверхностному*, ни *подспудному*.

Но мы не хотимъ продолжать этихъ замѣчаній, доказывающихъ совершенную невинность моего критика въ вопросахъ психологіи. Скажу только что не имѣя ни малѣйшаго понятія объ элементарныхъ началахъ психологіи, нельзя *добросовѣстному* литератору взяться за критику спеціальнаго изслѣдованія о *самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій*. Поэтому я и не думаю заниматься критикой метафизическихъ мудростей г. Аксакова относительно понятій о *матеріи* и *духѣ*, о *причинѣ* и *силѣ*, объ общихъ и не общихъ основаніяхъ *бытія* и т. п. Всѣ эти понятія г. Аксакова стоятъ ниже всякой критики, потому что они не основаны ни на исторіи философіи, ни на знаніи современныхъ ея направленій. Я протестую только противъ того что г. Аксаковъ развиваетъ *мои* понятія о душѣ по-*своему*. Онъ разбираетъ вопросъ *матеріальна ли* или *не матеріальна* душа по моему воззрѣнію, и приписываетъ душѣ разныя *качества* и *свойства* отъ моего имени, хотя для этого не имѣлъ онъ ни малѣйшаго основанія. Я опредѣлилъ душу лишь какъ *самостоятельное начало психическихъ явленій* и больше ничего. И на стр. 13 и слѣдующихъ ясно высказалъ что такое понятіе о душѣ есть *предварительное*, *методологическое*, между тѣмъ какъ „всякое ближайшее опредѣленіе души, и тѣмъ болѣе полное и окончательное понятіе о ея сущности, требуетъ критическаго изученія всѣхъ ея явленій и качествъ.“ Вотъ *мое* мнѣніе о *моемъ* собственномъ опредѣленіи души данномъ въ диссертаціи. Я не признаю за г. Аксаковымъ права развивать по-*своему мое* понятіе о душѣ.

3. Самый главный *психологическій матеріалъ* для разра-

* См. Fechner, *Elemente der Psychophysik*, 1860. Т. II, стр. 413 и слѣд. и 536 и слѣд.

ботки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій мы встрѣчаемъ въ самихъ психическихъ фактахъ и явленіяхъ, именно въ *сознаніи*, *мышленіи*, *чувствованіи* и *волѣ*. Естественно что я въ своей диссертаціи обратилъ вниманіе на эти явленія и на ихъ психологическое содержаніе. Главная часть моей диссертаціи, отъ стр. 35 до 92, посвящена разработкѣ этого психологическаго матеріала въ сравненіи съ физіологическими данными.

Относительно *сознанія* я разбираю подробно его основныя явленія: *единство*, *самонаблюденіе* и *тождество*. При анализѣ *мышленія* я разбираю дѣйствія относящіяся, какъ самъ я говорю, по большей части къ непосредственной связи мышленія со внѣшнимъ міромъ, именно *вниманіе*, дѣйствіе внѣшнихъ *чувствъ*, и наконецъ *представленія* и *понятія*. Далѣе, при анализѣ *чувствованія* и *фантазіи*, я указываю на различныхъ психическихъ дѣятелей вызывающихъ въ тѣлѣ измѣненія которыя нерѣдко принимаютъ характеръ патологическій. Наконецъ, при анализѣ *воли* я разбираю подробно три ея момента: *идеальную законность*, *самостоятельную инициативу* и *энергію*.

Въ своей брошюрѣ г. Аксаковъ, на страницѣ 14, говоритъ прямо что такой *планъ* моей диссертаціи чрезвычайно *близокъ* къ плану большинства сочиненій спеціально посвященныхъ полемикѣ съ матеріализмомъ, и въ особенности къ плану извѣстной книги Ульрици *Gott und der Mensch*, а въ другихъ мѣстахъ этотъ же самый *добросовѣстный* юный литераторъ утверждаетъ что все содержаніе моей диссертаціи *взято* изъ сочиненій Ульрици, Фихте и Жане.

Въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* многочисленными цитатами я доказалъ всю ложность и недобросовѣстность подобныхъ обвиненій, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ подкрѣпить свои указанія *текстуально*. Но такое *текстуальное* обличеніе моего критика и безъ меня послѣдовало уже въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*.

Въ № 4 *Русскаго Вѣстника* уважаемый профессоръ И. Д. Юркевичъ занялся очень скучнымъ трудомъ доказать публикѣ что всѣ свидѣтельства относительно сходства моей диссертаціи съ книгами Ульрици, Фихте и Жане сплошь ложны. Многочисленныя выписки изъ книгъ Ульрици, Фихте и Жане, напечатанныя рядомъ съ выписками изъ моей диссертаціи, показываютъ съ *очевидностью*, не допускающею

никакого сомнѣнія, что ни въ словахъ, ни въ воззрѣніяхъ, ни въ обсужденіяхъ, я не держался ни одного изъ этихъ авторовъ, даже и тамъ гдѣ говорю объ одномъ съ ними предметѣ и гдѣ на ихъ сочиненія ссылаюсь.

Уличеніе это я считаю вполнѣ достаточнымъ и думаю что читатели послѣ *такого* уличенія поняли всю вопіющую несправедливость которой подвергся мой скромный, но по крайней мѣрѣ честный и добросовѣстный трудъ. Здѣсь я укажу главнымъ образомъ на тѣ части моей диссертаціи которыя остались нетронутыми лжесвидѣтелемъ, и которыя уже сами указываютъ на самостоятельность моего психологическаго матеріала и моей обработки его.

4. Прежде всего нужно замѣтить что г. Аксаковъ оставляетъ въ покоѣ три первыя вступительныя главы моей диссертаціи. Между тѣмъ разобранные въ нихъ предметы очень важны для нашего вопроса. Такъ первая глава говоритъ о *значеніи* вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій въ *религіозномъ* и *нравственномъ*, въ *метафизическомъ* и *методологическомъ* отношеніяхъ. Во второй главѣ идетъ рѣчь о *методѣ* изслѣдованія нашего вопроса. Здѣсь указывается на предварительное методологическое *понятіе о душѣ*, далѣе на *полную неудовлетворительность* такъ-называемаго *нравственнаго* метода при рѣшеніи нашего вопроса; на *недостаточность* одного *физіологическаго* метода, и наконецъ развиты нѣкоторые методологическіе пріемы выведенные изъ примѣненія метода естественныхъ наукъ къ нашему вопросу. Третья глава заключаетъ въ себѣ довольно полный перечень новѣйшихъ сочиненій относящихся къ нашему вопросу, какъ матеріалистовъ, такъ и противниковъ матеріализма, съ отдѣльнымъ указаніемъ на сочиненія *естествоиспытателей* и сочиненія *философовъ*.

Содержанія этихъ трехъ главъ г. Аксаковъ не нашелъ ни въ книгахъ Ульрици, Фихте и Жане, и ни въ какомъ другомъ сочиненіи *спеціально посвященномъ полемикѣ съ матеріализмомъ*. Однако содержаніе это необходимо для полноты и методичности *монографіи* посвященной разработкѣ одного изъ многочисленныхъ психологическихъ вопросовъ.

5. Перейдемъ къ указаннымъ выше психологическимъ явленіямъ.

Всѣ якобы улики г. Аксакова вмѣстѣ взятыя относятся

лишь къ моему анализу *единства* сознанія, *вниманія* и вліянія *фантазіи* на организмъ.

Профессоръ Юркевичъ сравнилъ *подробно* и *текстуально* мою обработку этихъ трехъ пунктовъ съ указанными г. Аксакóвымъ страницами изъ сочиненій Ульрици, Фихте и Жане. Къ этому подробному и текстуальному сравненію мнѣ придется прибавить очень мало. Но кромѣ этихъ трехъ пунктовъ, я говорю еще о многихъ предметахъ которые самимъ г. Аксакóвымъ признаются и оригинальными, и самостоятельными, или, какъ онъ выражается, *особыми*. Взглянемъ на это ближе. Мы должны здѣсь обратить наше вниманіе прежде всего на второй и третій моментъ сознанія, то-есть на его *самонаблюденіе* и *тождество*.

Отличіе *самонаблюденія* отъ *сознанія* г. Аксакóвъ, на страницѣ 18, прямо называетъ *оригинальною*, но *положительною нельностью*. Въ опроверженіе этой психологической мудрости моего проницательнаго критика уже профессоръ Юркевичъ на страницѣ 736 и слѣд. своей статьи указалъ на круглое невѣжество г. Аксакóва въ вопросахъ психологіи; ибо „собственный опытъ долженъ бы убѣдить его что сознаніе еще не есть необходимо *самонаблюденіе*, потому что самонаблюденіе есть источникъ мнѣній и сужденій отчетливыхъ, разумныхъ, основательныхъ; нелѣпости же и противорѣчія доказываютъ отсутствіе самонаблюденія, но не сознанія“.

Я къ этому прибавляю что, имѣя, напримѣръ, г. Аксакóва предметомъ психологическаго наблюденія, не могу отказать ему въ *сознаніи*, но на основаніи эмпирико-психологическихъ данныхъ, я отказываю ему рѣшительно во всякомъ *самонаблюденіи*.

О моемъ анализѣ *постоянства* и *тождества* сознанія г. Аксакóвъ самъ благоволилъ сказать, на страницѣ 19, что этотъ анализъ есть „звено самостоятельной части“ моего труда, и что оно заключаетъ въ себѣ „довольно ясное и толковое изложеніе мыслей“. Но мой строгій критикъ опасался что я слишкомъ обрадуюсь такой великодушной похвалѣ, и потому нужно было ее подчеркнуть чѣмъ-нибудь. Однако къ чему же придраться ежели все *ясно* и *толково*? Вотъ геніальная мысль! Юный литераторъ беретъ диссертацію въ руки и считаетъ страницы на которыхъ я говорю о постоянствѣ сознанія. Результатъ: „пять страничекъ!“ И вотъ придирка готова. Все *ясно* и *толково* въ моемъ изложеніи еслибы

не то великое преступленіе что о тождествѣ сознанія я говорю лишь на *пяти страничкахъ*. По мнѣнію моего юнаго литератора, было бы лучше говорить объ этомъ предметѣ *неясно* и *нетолково* на *пятидесяти* страницахъ чѣмъ говорить *ясно* и *толково* лишь на *пяти!*

6. Мое изложеніе перваго момента мышленія, то-есть *вниманія*, сходно снова, по г. Аксакóву, съ изложеніемъ этого предмета у Ульрици. На страницѣ 19 г. Аксакóвъ утверждаетъ что изъ страницъ 297 до 303 книги Ульрици я *буквально скопировалъ* и ссылки на астрономовъ Бесселя и Струве и физіолога Вебера, и всѣ *заключенія* находящіяся на 55 и 56 страницахъ моей диссертаціи.

Послѣ помянутаго выше *текстуальнаго* уличенія ложныхъ указаній г. Аксакóва, читатель не потребуетъ чтобъ я и при этомъ предметѣ напечаталъ рядомъ выписки изъ Ульрици и изъ моей диссертаціи. Въ *мое* оправданіе, я думаю, довольно напечатано рядомъ текстовъ; теперь очередь за г. Аксакóвымъ подкрѣпить свои указанія *текстами*, напечатать рядомъ всѣ сходныя мѣста моей диссертаціи съ мѣстами книги Ульрици. Я настоятельно *требую* отъ г. Аксакóва этой очной ставки. Онъ это и сдѣлаетъ, если принадлежитъ къ *честнымъ* писателямъ, которые не высказываютъ подобнаго рода вовсе нешуточныхъ обвиненій, когда не могутъ подкрѣпить ихъ текстами. Дѣло дошло до того что однѣ ссылки и указанія недостаточны для того чтобы публика могла вѣрить г. Аксакóву. Нужна очная ставка текстовъ. Иначе слѣдуетъ повиниться....

Но чтобъ и здѣсь нѣсколькими примѣрами указать на *добросовѣстность* г. Аксакóва, остановлю на минуту вниманіе терпѣливаго читателя на сравненіи моихъ ссылокъ со ссылками Ульрици относительно ученія о *вниманіи*.

Вопервыхъ, что касается Бесселя, то на страницѣ 55 своей диссертаціи я говорю о немъ *буквáльно* такъ: „Математикъ и психологъ Дробишъ упоминаетъ въ своей *Психологіи* (въ ссылкѣ: Drobisch, *Empyrische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode*. 1842, стр. 82 и слѣд.) что знаменитый астрономъ Бессель предпринималъ различныя изслѣдованія и т. д.“

По какому праву, спрашиваю я весь литературный міръ, по какому праву кто-либо можетъ публично сказать что я ссылку на Бесселя *взялъ* изъ Ульрици, когда я такъ ясно и

положительно указываю на страницы *Психологіи* Дробиша, въ которой говорится о Бесселѣ обширно? Дѣйствительно, это уже *татарское* право!

Далѣе, то же самое право примѣнено и къ моей цитатѣ астронома Струве. Ульрици цитуетъ на страницѣ 298 *буквально* такъ: „Vrgl. Struve, *Expédition chronométrique etc. Pétersb.* 1844, pag. 29.“ Моя цитата вовсе не *буквально* похожа на цитату Ульрици, какъ утверждаетъ г. Аксакòвъ. На страницѣ 56 диссертаціи я цитую такъ: „Struve, *Expédition chronométrique exécutée en 1843* p. 29.“

Спрашиваю, откуда я взялъ добавку въ моей цитатѣ „exécutée en 1843“, которой нѣтъ у Ульрици? Не видно ли уже изъ этой добавки что я имѣлъ въ рукахъ или подлинникъ, или какой-нибудь другой спеціальный источникъ, въ которомъ я нашелъ это дополненіе заглавія помянутаго сочиненія? А можетъ-быть я имѣлъ въ рукахъ и подлинникъ, и еще другой общій съ Ульрици источникъ. Такъ и есть.

Г. Аксакòвъ говоритъ что я привожу статью Вебера *Der Tastsinn und das Gemeingefühl* въ *Wagner Handwörterbuch der Physiologie*, Т. III, 2 отдѣл., хотя ея, по его мнѣнію, я не имѣлъ въ рукахъ. Имѣлъ ли г. Аксакòвъ въ рукахъ Вебера? Повѣрилъ ли онъ мою цитату, общую съ цитатой Ульрици, именно страницу 488 помянутой статьи Вебера? О моей второй ссылкѣ на Вебера, которой нѣтъ у Ульрици, я не говорю.

Добросовѣстный критикъ взялъ бы Вебера и посмотрѣлъ бы на приведенныя имъ самимъ страницы этого сочиненія. Но г. Аксакòвъ не принадлежитъ къ такимъ критикамъ. Потому я принужденъ сказать ему что̀ находится у Вебера на указанной и мною и Ульрици страницѣ 488. Вотъ подлинныя слова Вебера:

„Was wir successiv vollbringen, glauben wir gleichzeitig auszuführen; die genaueren Untersuchungen von Bessel scheinen im Gegentheil zu beweisen, dass man sich nicht völlig gleichzeitig eine Gesichtsempfindung und eine Gehörsempfindung vorstellen könne.“

Непосредственно послѣ имени Бесселя сдѣлана у Вебера слѣдующая подлинная ссылка:

„Bessel, *Astronomische Beobachtungen.* VIII *Abtheilung.* Königsberg, 1823. Einleitung. Der Unterschied zeigte sich zwischen Bessel und andern Beobachtern bis etwas über 1 Secunde.

Struve, *Expédition chronométrique exécutée en 1843 entre Poulkova et Altona.* St.-Pétersbourg. 1844. pag 29. Bei den hier mitgetheilten Beobachtungen geht der Unterschied nicht über $^3/_{10}$ einer Secunde."

Что̀ слѣдуетъ изъ этихъ словъ Вебера въ сравненіи съ моими ссылками и со ссылками Ульрици на астрономовъ Бесселя и Струве? Вопервыхъ, слѣдуетъ то что ссылка Ульрици на сочиненія этихъ астрономовъ *буквально* сходна со ссылкой Вебера, съ тою единственно разницей что въ ссылкѣ Ульрици не достаетъ семи послѣднихъ словъ изъ заглавія сочиненія астронома Струве. Далѣе слѣдуетъ что моя ссылка на это послѣднее сочиненіе заключаетъ въ себѣ три слова: *exécutée en 1843*, которыхъ нѣтъ у Ульрици, которыя однако находятся у Вебера.

Изъ всего этого такой выводъ: если я не имѣлъ въ рукахъ подлинника, то не могъ взять цитату изъ Ульрици, а развѣ только изъ Вебера. Слѣдовательно ложь что я взялъ цитату изъ Ульрици и вовторыхъ ложь что я не имѣлъ въ рукахъ Вебера. Далѣе, если я не имѣлъ въ рукахъ подлинныхъ сочиненій помянутыхъ астрономовъ, на томъ основаніи что объ этихъ сочиненіяхъ упоминаетъ уже Ульрици, то и Ульрици не имѣлъ въ рукахъ подлинниковъ, потому что его ссылки *буквально* сходны со ссылками Вебера.

Вотъ *уголовная* логика г. Аксако̀ва. Между тѣмъ я увѣряю г. Аксако́ва что цитованныя сочиненія астрономовъ Бесселя и Струве имѣли въ рукахъ и Дробишъ, на котораго я сослался, и Веберъ, и Ульрици, и я, а ихъ въ рукахъ *не* имѣлъ лишь г. Аксако̀въ. Если же нашего юнаго литератора поражаетъ то обстоятельство что Веберъ говоритъ о Бесселѣ въ 1846 году, не упоминая однако что о Бѐсселѣ говорилъ уже Дробишъ въ 1842 году, далѣе что Ульрици цитуетъ Бесселя и Струве *буквально* сходно съ Веберомъ, не говоря однако что эту цитату *взялъ* изъ Вебера, и наконецъ что я, не упоминая объ Ульрици, привожу этихъ же астрономовъ со ссылками на Дробиша и Вебера, которые говорили обо всемъ этомъ за *двадцать* слишкомъ лѣтъ до изданія книги Ульрици,—то причина такого поразительнаго для г. Аксако́ва факта очень проста и состоитъ въ томъ что изъ насъ всѣхъ одинъ лишь г. Аксако̀въ никогда въ жизни не видалъ ни психологіи Дробиша, ни статьи Вебера, ни сочиненій астрономовъ Бесселя и Струве, хотя въ своей брошюрѣ приводитъ ссылки изъ трехъ послѣд-

нихъ авторовъ. Дробишъ имѣлъ въ рукахъ Бесселя, Веберъ имѣлъ въ рукахъ Бесселя и Струве, Ульрици имѣлъ въ рукахъ Бесселя, Струве и Вебера. а я имѣлъ въ рукахъ Бесселя, Струве, Дробиша и Вебера. При университетахъ находятся библіотеки, и астрономическія обсерваторіи, а потому г. Аксакóва не должно удивлять то обстоятельство что университетскіе преподаватели имѣютъ въ рукахъ спеціальныя сочиненія.

7. Но дѣло съ Веберомъ еще не кончено.

Выше я доказалъ что ссылку на сочиненіе астронома Струве я взялъ или изъ подлинника или изъ Вебера, но во всякомъ случаѣ не изъ Ульрици. Можетъ-быть г. Аксакòвъ въ виду такого выбора подумаетъ что мнѣ легче было получить сочиненіе моего почтеннаго соименника и изъ него дополнить то чего нѣтъ у Ульрици нежели сочиненіе Вебера. Въ уголовномъ процессѣ нужно обратить вниманіе и на мелочи. Г. Аксакòвъ могъ бы случайно и въ данномъ вопросѣ примѣнить свою *уголовную* логику. Статья физіолога Вебера, скажетъ онъ, въ данномъ случаѣ важнѣе приведеннаго сочиненія астронома Струве, въ ней находится болѣе матеріала относительно вопроса о *вниманіи* нежели въ этомъ сочиненіи, *слѣдовательно* авторъ *диссертаціи-брошюры* скорѣе взялъ въ руки менѣе важное сочиненіе астронома Струве нежели болѣе важный спеціальный трудъ физіолога Вебера. Такая версія возможна. Но есть доказательства уничтожающія и эту версію. Если въ моей диссертаціи находятся вещи которыхъ я не могъ дополнить изъ подлиннаго сочиненія астронома Струве, ни взять изъ Ульрици, ни изъ какого другаго посторонняго источника, и которыя однако непосредственно касаются Вебера, то кажется уже не будетъ подлежать сомнѣнію что я имѣлъ предъ собою сочиненіе Вебера. Начнемъ *подробное изслѣдованіе* самимъ обвиненіемъ.

На стр. 19, г. Аксакòвъ говоритъ *буквально* слѣдующее: „Изъ книги Ульрици почерпнуты и факты передаваемые г. Струве на стр. 55 и 56 и ссылка на Bessel, *Astronomische Beobachtungen*, 1823. VIII Abth., и на Struve *Expédition chronométrique. 1843*, p. 29, и на Вебера, *Der Tastsinn und das Gemeingefühl* въ *Wagners Handwörterbuch der Physiologie* III, 2. стр. 488.“

Въ дополненіи моей цитаты изъ астронома Струве я прошу замѣтить что Ульрици, какъ показываетъ его вышеприведенная ссылка, цитуетъ не годъ 1843, какъ г. Аксакòвъ, но

1844. Годъ *1843* г. Аксаковъ взялъ *буквально безъ названія источника* изъ моей диссертаціи, а не изъ Ульрици, ибо этотъ годъ находится только у меня, какъ годъ когда были совершены изслѣдованія (*exécutée en 1843*), между тѣмъ какъ Ульрици приводитъ годъ изданія сочиненія (1844). Вотъ г. Аксаковъ! Такъ-то попадаютъ люди въ сѣти разставленныя ими для другихъ! Это впрочемъ маленькое интермеццо. Возвратимся къ Веберу.

Цитату изъ Вебера г. Аксаковъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ взялъ изъ Ульрици; диссертацію теперь уже онъ оставилъ въ сторонѣ. Онъ имѣлъ къ этому свои причины. Ульрици цитуетъ исключительно стр. 488 Вебера. Между тѣмъ моя цитата на стр. 56, указанной выше самимъ г. Аксаковымъ, *буквально* такая: „E. H. Weber, *Der Tastsinn und das Gemeingefühl* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*. T. III, Abth. 2, *стр. 488 и слѣд. и 526*.“

Прошу замѣтить: Ульрици цитуетъ изъ Вебера *одну* стр. 488, а я цитую *три*, то-есть не только 488, но кромѣ того и *слѣдующую* 489 и еще 526. Выдуманы ли мною эти страницы, или взяты изъ подлинника? Вѣдь ихъ нѣтъ у Ульрици. Посмотримъ въ подлинникѣ. Веберъ говоритъ о Бесселѣ не только на стр. 488, но еще и на стр. 489. На этой послѣдней стр. онъ все еще говоритъ о своихъ собственныхъ опытахъ подтверждающихъ положенія Бесселя. Потому я и эту страницу привожу. Вотъ напримѣръ нѣкоторыя строки Вебера изъ этой 489 страницы: „Bessels Annahme scheint durch folgende von mir gemachte Beobachtung bestätigt zu werden, welche zu beweisen scheint, dass man nicht vermag sich zwei verschiedene Gehörempfindungen, von welchem die eine im rechten, die andere im linken Ohre entsteht, in ihren Zeitverhältnissen gleichzeitig vorzustellen.“ Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе самаго опыта Вебера посредствомъ двухъ карманныхъ часовъ прилагаемыхъ то вмѣстѣ къ одному уху, то отдѣльно къ обоимъ ушамъ. Все это составляетъ очень важный дополнительный матеріалъ къ моему анализу вниманія, и я ссылаюсь на все это не для шутки, хотя у Ульрици нѣтъ и помину обо всемъ этомъ.

Но положимъ что г. Аксаковъ не замѣтилъ что Ульрици цитуетъ лишь стр. 488, а я *и слѣдующую*. Но не замѣтилъ ли онъ что я кромѣ того цитую и стр. 526 Вебера, которой нѣтъ во всемъ обширномъ сочиненіи Ульрици? Кто высту-

лаетъ публично съ такими какъ г. Аксакòвъ вопіющими обвиненіями, имѣющими цѣлію уронить въ литературномъ мірѣ чужое имя, тотъ въ виду *нравственной отвѣтственности*, на которую ссылается самъ г. Аксакòвъ, долженъ тщательно взвѣшивать свои указанія. Г. Аксакòвъ этого не дѣлалъ. Онъ имѣлъ *подспудный* поводъ не замѣчать что я цитую и стр. 526 Вебера, о которой нѣтъ помину у Ульрици. Взглянемъ однако ближе на эту страницу и на ея связь съ моею диссертаціей.

На стр. 56 диссертаціи я говорю: „Лейпцигскій физіологъ Веберъ *собственными опытами* подтвердилъ наблюденія Бесселя и ту же самую невозможность сознательнаго воспріятія въ одно время двухъ различныхъ ощущеній доказалъ и въ области другихъ органовъ чувствъ, въ особенности осязанія.“

Ни при анализѣ вниманія, ни при подробномъ изученіи чувства осязанія, основанномъ преимущественно на помянутой статьѣ Вебера, Ульрици не указываетъ ни на мысль высказанную у меня въ послѣднихъ строкахъ, ни на *собственные опыты* Вебера въ *этомъ* отношеніи. Откуда я обо всемъ этомъ узналъ ежели не читалъ всей статьи Вебера?

На стр. 526 Веберъ между прочимъ говоритъ: „Fontana hat beobachtet, dass die Elementarfäden der Nerven einfache Fäden sind, die weder Aeste aufnehmen noch abgeben. Hierauf und *auf meine Versuche* gestützt, die ich über die verschiedenen Grade der Feinheit des Ortsinns auf verschiedenen Theilen der Haut angestellt habe, nehme ich an, *dass wenn zwei sonst gleiche Eindrücke gleichzeitig denselben elementaren Nervenfaden an verschiedenen Orten treffen, nicht zwei Empfindungen entstehen, sondern nur eine.*“ Послѣднія строки подчеркнуты и въ самомъ подлинникѣ.

Я не могу здѣсь развить ближе психологическаго значенія этого положенія Вебера; это не было задачей и диссертаціи моей, которая имѣла цѣлію не излагать ученіе о *вниманіи*, а разобрать только данные *факты* вниманія въ виду вопроса о существованіи души. Довольно что данныя изъ Вебера, на которыя я ссылаюсь, относятся къ разбираемому мною вопросу и что я привожу такія данныя которыхъ нѣтъ ни у Ульрици, ни въ другомъ сочиненіи кромѣ Веберова подлинника.

Взялъ ли я ссылки на Бесселя, Струве и Вебера изъ Ульрици? спрашиваю я г. Аксакóва послѣ *такихъ* доказательствъ,

и ожидаю отъ него *честнаго* отвѣта. Или отрекитесь отъ вашихъ обвиненій или повторите ихъ еще разъ съ полнымъ *сознаніемъ* и *самонаблюденіемъ*. Но въ послѣднемъ случаѣ подтвердите ваши обвиненія *текстами*.

8. Наше дѣло еще далеко не кончено.

При анализѣ вниманія я говорю и о Вундтѣ. Вундтъ извѣстный физіологъ и психологъ, а этого достаточно для *татарской уголовной* логики чтобы высказать мнѣніе что я никогда въ рукахъ не имѣлъ сочиненія Вундта *Vorlesungen über Menschen und Thierseele*. На стр. 19 и слѣд. г. Аксаковъ прямо говоритъ что я знакомлю на стр. 58 диссертаціи читателей со словами Вундта *схваченными мною безъ названія источника* изъ 102 стр. книги профессора Владиславлева, „котораго однако будто бы я не благодарю за пользу отъ него полученную, а *напротивъ* усердно критикую".

Возьмемъ сперва въ руки corpus delicti, то-есть мою диссертацію, и откроемъ указанную г. Аксаковымъ стр. 58. Первое слово на этой страницѣ *Вундтъ* со ссылкой на сочиненіе Владиславлева. Возможно ли это? Что же значатъ слова: *схваченныя* и *безъ названія источника*?! Для ясности и *текстуальнаго* уличенія дѣла нужно напечатать все мѣсто.

На стр. 57 и слѣд. я говорю: „До того же заключенія доходитъ, на основаніи собственныхъ новыхъ опытовъ, извѣстный физіологъ и психологъ Вундтъ, который говоритъ и т. д." Послѣ имени Вундта въ этомъ періодѣ сдѣлана у меня уже на приведенной г. Аксаковымъ стр. 58 слѣдующая *буквальная* ссылка: „См. соч. Владиславлева, *Современныя направленія въ наукѣ о душѣ*. 1866, стр. 94 и слѣд., гдѣ находится описаніе и критика опытовъ Вундта." Это моя *буквальная* ссылка на Владиславлева описаніе и критику опытовъ Вундта! А г. Аксаковъ говоритъ что я *схватилъ* какія-то слова Вундта изъ Владиславлева *безъ названія источника!*

Но г. Аксаковъ скажетъ что я здѣсь ссылаюсь на стр. 94 книги Владиславлева, а слова Вундта взяты мною со страницы 102 этой книги. Однако я цитую не только стр. 94, но и *слѣдующія*, именно *всю* часть книги занятую *описаніемъ* и *критикой* опытовъ Вундта. Профессоръ Владиславлевъ *описываетъ* и *критикуетъ* опыты Вундта еще и на стр. 102, слѣдовательно и эта страница включена въ моей ссылкѣ. И потому остается и останется навсегда просто-на-просто ложью чтобъ я изъ книги г. Владиславлева *схватилъ* хотя бы и одно

слово относящееся къ Вундту не указавъ на мѣсто въ которомъ г. Владиславлевъ *описываетъ* и *критикуетъ* опыты Вундта.

Г. Аксакóва озадачило, повидимому, то обстоятельство что я привожу слова I т. стр. 313 сочиненія Вундта не въ моемъ собственномъ переводѣ, но въ переводѣ Владиславлева, не сдѣлавъ однако объ этомъ особенной замѣтки. Въ отвѣтъ на это я скажу ему что, вопервыхъ, въ средѣ *зрѣлыхъ* литераторовъ занимающихся *критикою* чужихъ воззрѣній, переводъ нѣсколькихъ строкъ взятый изъ критикуемаго сочиненія, не считается дѣломъ такъ великимъ чтобы можно было дѣлать объ этомъ *особенную* замѣтку и *благодарить за пользу*. Подобнаго рода честолюбіе свойственно лишь дѣтски-незрѣлымъ литераторамъ. Вовторыхъ и самая педантичная литературная добросовѣстность не могла требовать отъ меня того чего требуетъ г. Аксакòвъ, то-есть чтобъ я послѣ вышеприведенной ссылки, обнимающей собой и переводъ Вундтовыхъ словъ, еще разъ указалъ на сочиненіе Владиславлева. Каждый *зрѣлый* и *разумный* читатель моей диссертаціи хорошо знаетъ что при *описаніи* и *критикѣ* опытовъ Вундта профессоръ Владиславлевъ привелъ, по всей вѣроятности, разныя мѣста изъ Вундта и привелъ, конечно, болѣе мѣстъ нежели я, не занимающійся здѣсь подробнымъ *описаніемъ* и *критикою* этихъ опытовъ, но *указывающій* на такое *описаніе* и *критику* въ книгѣ Владиславлева. Далѣе, каждый *зрѣлый* и *разумный* читатель моей диссертаціи, узнавъ изъ ней объ *описаніи* и *критикѣ* опытовъ Вундта въ книгѣ Владиславлева, догадается, конечно, что авторъ этой книги приводитъ слова Вундта не въ нѣмецкомъ подлинникѣ, но въ русскомъ переводѣ. Далѣе каждый подобнаго рода разумный читатель моей диссертаціи будетъ убѣжденъ что я послѣ *моей ссылки* приведу слова Вундта не въ моемъ собственномъ переводѣ, но въ переводѣ Владиславлева, если только эти слова находятся въ *указанной мною* части его книги, и если этотъ переводъ я нахожу вѣрнымъ и достаточнымъ. И наконецъ, еслибы какой-нибудь *зрѣлый* и *разумный* читатель моей диссертаціи имѣлъ въ этомъ для г. Аксакóва столь важномъ дѣлѣ какое-нибудь сомнѣніе, то взялъ бы въ руки книгу профессора Владиславлева, посмотрѣлъ бы на *указанное мною описаніе* и *критику* опытовъ Вундта, убѣдился бы что я вполнѣ былъ доволенъ переводомъ Владиславлева и подумалъ бы: „хорошо сдѣлалъ; къ чему тутъ иной переводъ, когда переводъ Владиславлева вѣренъ и точенъ!“

Вотъ что̀ сдѣлалъ бы и подумалъ бы *зрѣлый* и *разумный* читатель моей диссертаціи въ силу *моей* ссылки на книгу Владиславлева. Г. Аксако́ву благоугодно было поступить иначе; онъ хотѣлъ и при этомъ случаѣ дать новое доказательство своей *добросовѣстности*, и потому публично высказалъ что я *схватилъ* слова Вундта изъ книги Владиславлева *безъ названія источника*, хотя я ссылаюсь на Владиславлева *описаніе* и *критику* опытовъ Вундта!

Но еще одно слово о моей *неблагодарности* къ профессору Владиславлеву и о моей *усердной* критикѣ его книги. Вотъ *текстуальныя* доказательства той и другой.

На стр. 33 диссертаціи я говорю: „Изъ психологическихъ сочиненій *русской* литературы приводимъ *прежде всего* М. Владиславлева *Современныя направленія въ наукѣ о душѣ*, 1866 года, гдѣ кромѣ *основательнаго разбора* извѣстнѣйшихъ психологическихъ теорій, мы находимъ на стр. 32 и слѣд. статью о существованіи души.“ Далѣе на приведенной самимъ г. Аксако́вымъ стр. 58 моей диссертаціи я говорю: „Несмотря на вышеприведенныя изслѣдованія физіологовъ, Владиславлевъ, въ *остроумномъ разборѣ* ученія Вундта, отрицаетъ однако какъ точность самого факта, такъ и выведенное изъ него заключеніе относительно единства сознанія.“ Далѣе на слѣдующей 59 стр. моей диссертаціи находятся слова: „Но и въ томъ и другомъ случаѣ Владиславлевъ забываетъ что скорость мысли, о которой самъ онъ *разсуждаетъ такъ основательно*, служитъ очень простымъ объясненіемъ приведенныхъ имъ трудностей. Вслѣдствіе этой скорости, доходящей *по исчисленію самого* Владиславлева до тридцати трехъ понятій, выраженныхъ въ словахъ, въ одну секунду, два сравниваемыя другъ съ другомъ понятія представляются намъ какъ бы сознанными вмѣстѣ.“

Я спрашиваю *честнаго* читателя, я спрашиваю приходящаго въ себя г. Аксако́ва, можно ли *такую* критику назвать придирчивою и неблагодарною? Не нужно ли признать, что несмотря на разногласіе въ данномъ случаѣ, я высказываю свое полное *уваженіе* къ труду профессора Владиславлева? Сопоставимъ вкратцѣ дѣйствительное положеніе дѣла со словами г. Аксако́ва. Въ перечнѣ *русской* психологической литературы я привожу *прежде всего* сочиненіе Владиславлева и указываю на его *основательный разборъ* извѣстнѣйшихъ психологическихъ теорій; *я* говорю о его *остроумномъ разборѣ* ученія Вундта, *я* указываю на его *основательныя разсужденія* о

скорости мысли и упоминаю объ его *собственныхъ* исчисленіяхъ этой скорости. И все это г. Аксакòвъ называетъ *усердно* критиковать и оказывать неблагодарность.

9. Второй моментъ мышленія, разобранный въ моей диссертаціи, есть *дѣйствіе чувствъ*. Я здѣсь ссылаюсь на спеціальныя сочиненія физіологовъ: Функе, Людвига, Фика, Гельмгольца, со ссылкою при этомъ послѣднемъ и на сочиненіе Ульрици *Gott und der Mensch*.

Г. Аксаковъ на стр. 20 своей брошюры благоволилъ сказать: „Отдѣлъ этотъ, посвященный анализу психической дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, открывается *почти чудомъ*. Г. Струве, вопреки обычаю своему, дѣлаетъ цитату изъ подлинника. Онъ ссылается на подлинныя слова физіолога Функе.“

Изъ этихъ словъ моего *добросовѣстнаго* и *компетентнаго* цѣнителя слѣдуетъ прежде всего что обширное спеціальное сочиненіе Функе: *Lehrbuch der Physiologie*, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ „тремъ или четыремъ преимущественно популярнымъ трудамъ“, изъ которыхъ, по словамъ Аксакóва, на стр. 27 его брошюры, я почерпалъ „*всѣ* относящіяся къ моей диссертаціи философскія, физіологическія, медицинскія и психіатрическія познанія“. Пусть же такъ! Довольно того что при моемъ *чудодѣйственномъ* анализѣ психологической дѣятельности внѣшнихъ чувствъ я пользовался относительно физіологическихъ данныхъ сочиненіемъ Функе.

Но скажемъ что̀ насъ при этомъ поражаетъ. Именно то что такое признаніе со стороны моего *добросовѣстнаго* критика является уже не шутя истиннымъ *чудомъ* въ сравненіи съ его другими обвиненіями. Развѣ не *чудо* что я имѣлъ въ рукахъ физіологію Функе, изъ которой привожу всего пять или шесть мѣстъ, а *не имѣлъ* въ рукахъ, напримѣръ, *Lehrbuch der Physiologie* Людвига?

Профессоръ Юркевичъ напечаталъ въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, на стр. 728 и слѣд., *мой* анализъ Гельмгольцовыхъ открытій рядомъ съ анализомъ Ульрици и указалъ на разницы обоихъ анализовъ. Опасаясь новаго обвиненія въ неблагодарности, со стороны г. Аксакóва, ссылаюсь здѣсь съ чувствомъ искренней благодарности на сказанное въ приведенномъ мѣстѣ профессоромъ Юркевичемъ, и перехожу къ дальнѣйшимъ обвиненіямъ г. Аксакòва.

10. Третій моментъ мышленія разбираемый въ моей диссертаціи: *представленіе*. Г. Аксакòвъ говоритъ на стр. 21 объ

этой части моей диссертаціи такъ: „Мы не станемъ разбирать подробно безцвѣтный, хотя *и довольно гладкій въ литературномъ отношеніи* (благодарю за комплиментъ!) анализъ представленія, составляющій *сокращеніе того* что говоритъ о томъ же предметѣ Ульрици въ главѣ о зрѣніи отъ 154 до 193 стр.“

Въ отвѣтъ на эту тоже *довольно гладкую* замѣтку г. Аксакóва, я снова *требую* отъ него *текстуальнаго* подкрѣпленія того что мой анализъ представленія есть лишь сокращеніе анализа Ульрици. Со своей стороны я укажу здѣсь только на совершенную разницу моихъ цитатъ изъ спеціальныхъ физіологическихъ сочиненій отъ такихъ же цитатъ Ульрици.

Ульрици ссылается въ указанномъ г. Аксакóвымъ мѣстѣ особенно на Фолькмана. На стр. 155, въ особенной замѣткѣ, Ульрици говоритъ: „Vrgl. hiezu wie zu allem Folgenden den Artikel *Sehen* in R. Wagners *Handwörterbuch der Physiologie* Bd. III, Abth. 1. Braunschweig. 1846. S. 265 ff., die grundlegende Abhandlung unsers ausgezeichneten Physiologen *A. W. Volkman*, auf der die neuesten Forschungen weiter gebaut haben.“

Кромѣ того Ульрици цитуетъ еще довольно часто физіологію Людвига, другое сочиненіе Фолькмана: *Physiologische Untersuchungen im Gebiete der Optik*, и Фика: *Lehrbuch der Anatomie und Physiologie der Sinnesorgane*. Вотъ ссылки *Ульрици*. Во всемъ анализѣ представленій въ моей диссертаціи нѣтъ и помину обо всѣхъ этихъ сочиненіяхъ; но за то приведены совершенно другіе, не менѣе спеціальные труды, которыхъ нѣтъ у Ульрици.

На стр. 67 и слѣд. находится у меня большая выписка изъ физіологіи Функе, а на стран. 70 читается слѣдующая *буквальная* ссылка: „Мы не можемъ здѣсь подробно описать всѣхъ этихъ любопытныхъ явленій постепеннаго развитія зрѣнія и ссылаемся на слѣдующія изслѣдованія: Purkynje, *Sinne im Allgemeinen*, въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, ч. III, отдѣл. 1, стр. 352 и слѣд. Ruete, *Lehrbuch der Ophthalmologie*. 1853, ч. I, стр. 257 и слѣд., и того же автора *Ueber die Existenz der Seele*. 1863, стр. 63 и 67, и особенно важный для психологическаго изученія трудъ Дельбёфа (Delbeuf): *Essai d'une théorie psycho-physique de la manière dont l'oeil apprécie les distances, les angles, et les grandeurs. Bulletins de l'Académie de Bruxelles*, ч. XIX. Изъ русскихъ сочи-

ненiй сюда относится ясный и основательный психологическiй анализъ дѣйствiя чувства, въ особенности зрѣнiя, въ *Курсѣ общей педагогики*, П. Юркевича. 1869, стр. 337 и слѣд.“ Вотъ *мои* ссылки!

Ни объ одной изъ всѣхъ этихъ цитатъ нѣтъ помину во *всей* книгѣ Ульрици, не говоря уже объ указанной г. Аксакóвымъ части. Ульрици не указываетъ ни однимъ словомъ ни *на особенно важный для психологическаго* изученiя трудъ бельгiйскаго философа Дельбёфа, ни на краткую, но очень ясную и поучительную статью знаменитаго физiолога Пуркинье, въ которой между прочимъ говорится о столь важной въ психологическомъ отношенiи разницѣ между внѣшнимъ и внутреннимъ чувствами (äusserer und innerer Sinn); подобнымъ образомъ у Ульрици нѣтъ помину о спецiальномъ сочиненiи извѣстнаго офтальмолога Рюте, *Lehrbuch der Ophthalmologie*, которое я цитую съ указанiемъ на нужныя для меня страницы. Во всемъ своемъ анализѣ чувства зрѣнiя Ульрици цитуетъ изъ Рюте лишь два мѣста его сочиненiя *Ueber die Existenz der Seele.* 1863. Но Ульрици ссылается на 75 и 70 этого сочиненiя, а я ссылаюсь въ приведенной цитатѣ на стр. 63 и 77, и кромѣ того, на стр. 54 и 77 моей диссертацiи, указываю на стр. 17 и слѣд. и 37 и слѣд. того же сочиненiя Рюте, которыхъ нѣтъ у Ульрици.

Итакъ какой же результатъ этой очной ставки? Вотъ какой: Ульрици ссылается на *Людвига*, *Фолькмана* и *Фика*, а я ссылаюсь на *Функе*, *Пуркинье*, *Рюте* и *Дельбёфа*, а г. Аксакòвъ имѣетъ смѣлость увѣрять что мое изложенiе есть лишь *сокращенiе того что говоритъ о томъ же предметѣ* Ульрици!

II. Перейдемъ къ анализу *чувствованiя* и *фантазiи*. И здѣсь, естественно, повторяются стереотипныя, необдуманныя обвиненiя г. Аксакóва.

На стр. 22 г. Аксакòвъ говоритъ что приступая къ изученiю фантазiи, я „открылъ соотвѣтственную главу антропологiи Фихте“, и отнесся къ ней „также безцеремонно, какъ и къ предшествовавшему труду Ульрици“.

На стр. 720 до 726 своей статьи профессоръ Юркевичъ отпечаталъ рядомъ указанныя г. Аксакóвымъ мѣста моей диссертацiи и *Антропологiи* Фихте. Ссылаясь на это полное *текстуальное* изобличенiе несправедливыхъ обвиненiй г. Аксакóва, я повторяю здѣсь лишь его результатъ. При анализѣ фантазiи, Фихте ссылается на *Falconer*, *Richerz*, *Tabor*, *Reil.*

Domrich, *Plouquet*, а я напротивъ ссылаюсь на спеціальныя сочиненія *Guislain*, *Marcé*, *Leidesdorf*, *Domrich*, *Descuret*, *Eckenberg*; г. Аксаковъ однако изъ одной общей ссылки на Домриха дѣлаетъ *добросовѣстное* и *компетентное* заключеніе что я всѣ свои ссылки *просто списалъ* съ Фихте. Въ подлинникѣ г. Аксакова на стр. 23 можно читать: *просто списалъ!*

Послѣ моихъ цитатъ, не имѣющихъ съ цитатами Фихте *ничего* общаго кромѣ одного общеизвѣстнаго сочиненія Домриха, находятся на стр. 79 и слѣд. моей диссертаціи нѣкоторыя объяснительныя замѣтки, которыя г. Аксаковъ на стр. 23 благоволилъ назвать „весьма ясно выраженными, хотя ни для кого не новыми“.

Я убѣдился уже давно и читатели наши тоже убѣдились что г. Аксаковъ знаетъ очень много, о чемъ никто кромѣ его не знаетъ, напримѣръ о моемъ отношеніи къ книгамъ Ульрици, Фихте и Жане. Поэтому меня вовсе не удивляетъ что сказанное мною на этихъ страницахъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго для него. Я доволенъ тѣмъ что есть въ моей диссертаціи „замѣтки весьма ясно выраженныя“. Вѣдь ясность была главною цѣлью всей моей обработки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій. Вѣдь я самъ сказалъ на стр. 3 и слѣд.: „Различіе мнѣній по этому вопросу до сихъ поръ еще такъ велико и недоразумѣнія между борющимися сторонами такъ многочисленны что каждый, кто безпристрастно понимаетъ трудности предмета, охотно встрѣтитъ *попытку* внести сюда *ясность* и *точность*, и въ подобномъ стремленіи усмотритъ полезное *подготовленіе* къ окончательному рѣшенію вопроса.“ Итакъ я не хотѣлъ ничего столько, какъ внести въ данный вопросъ *ясность*.

12. Къ очень важнымъ явленіямъ дѣйствія фантазіи на организмъ принадлежатъ такъ-называемыя явленія *стигматизаціи*. На стр. 80 диссертаціи я говорю объ этихъ явленіяхъ такъ: „Правда, эти факты нельзя признать несомнѣнными до такой степени чтобы на нихъ можно было основывать отдѣльныя доказательства самостоятельнаго существованія души; но они заслуживаютъ вниманія какъ матеріалъ весьма важный для критическаго анализа.“ Въ диссертаціи, вкратцѣ, на одной съ половиною страницахъ я указываю и на эти явленія.

По своему обычаю, г. Аксаковъ утверждаетъ „просто-напросто“, на стр. 23 и слѣд. своей брошюры, что все *изложеніе*

этого предмета, какъ и всѣ относящіяся къ нему *ссылки* я *списалъ* съ антропологіи Фихте, и въ концѣ добавляетъ: „Разумѣется все это *списано*, безъ указанія на общій *всѣмъ* этимъ пестрымъ цитатамъ источникъ—Фихте."

Не знаю что̀ сказать въ отвѣтъ на подобнаго рода ложь, и какъ ее поименовать надлежащимъ именемъ! Пусть читатель самъ отыщетъ такое надлежащее имя; я представлю ему лишь факты *честно* и *добросовѣстно*.

Прошу читателя взять диссертацію и посмотрѣть на указанную г. Аксакóвымъ стр. 80. Непосредственно послѣ вышеприведенныхъ словъ о значеніи явленій стигматизаціи, я говорю: „Главнѣйшіе факты, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, собралъ профессоръ Гёрресъ въ своемъ обширномъ сочиненіи о мистицизмѣ." Непосредственно послѣ имени Гёрреса находится у меня *буквальная* ссылка: „Görres, *Christliche Mystik*. 1836. Ч. II. *Geschichte der Stigmatisirten*. См. *тоже* J. H. Fichte, *Anthropologie*, 1856, стр. 479 и слѣд." Есть ли у меня, спрашиваю я, осылка на Фихте, или нѣтъ? Не указываю ли я, какъ нельзя яснѣе, что и Фихте говоритъ о явленіяхъ стигматизаціи? Не ложь ли что я не ссылаюсь на Фихте? Конечно, я не говорилъ что Фихте служилъ мнѣ *источникомъ* для *всѣхъ* моихъ, какъ говоритъ г. Аксакòвъ, *пестрыхъ* цитатъ относительно стигматизаціи; но сказать такъ значило бы сказать грубую ложь, такъ какъ я ссылаюсь на *шесть* спеціальныхъ сочиненій, причемъ Фихте не могъ служить мнѣ источникомъ по той простой причинѣ что онъ объ нихъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ.

Если правду говоритъ г. Аксакòвъ что это *изложеніе* я *списалъ* изъ Фихте, то, кажется, у меня ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть *больше* нежели у Фихте. Между тѣмъ въ моемъ *списанномъ* по г. Аксакóву изъ Фихте *изложеніи* приведено и *больше* фактовъ стигматизаціи и, какъ уже указано, *значительно больше* спеціальныхъ сочиненій заключающихъ въ себѣ описаніе и критику этихъ фактовъ.

Такъ Фихте упоминаетъ лишь о двухъ фактахъ стигматизаціи подмѣченныхъ врачами, то-есть объ Екатеринѣ Эммерихъ и, какъ онъ называетъ, о Ц. Лаззари. Между тѣмъ я упоминаю еще о Маріи де-Мёрль, о которой нѣтъ и помину у Фихте. Кромѣ того, относительно приведенной въ книгѣ Фихте Лаззари, я *исправляю* Фихте, который называетъ ее *C. Lazzari* (во второмъ изданіи, 1860, стр. 469), между тѣмъ

какъ ея полное и настоящее имя *Доминика* Лаззари. Это имя я и привожу на стр. 81. Откуда я *списалъ*, спрашиваю я, и это полное имя Доминика Лаззари и вовсе не приведенную у Фихте Марію де-Мёрль, если не имѣлъ я въ рукахъ болѣе подробныхъ источниковъ чѣмъ Фихте? *Списалъ* ли я изъ Фихте эти исправленія? Наконецъ простое сравненіе моихъ ссылокъ со ссылками Фихте должно было удержать *добросовѣстнаго* критика отъ обвиненій высказанныхъ г. Аксако́вымъ. Фихте ссылается относительно этого предмета лишь *исключительно* на трехъ авторовъ, то-есть на Гёрреса, Дрюфеля и Эннемозера, а я кромѣ того ссылаюсь еще на *шесть* спеціальныхъ сочиненій, о которыхъ Фихте не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Эти сочиненія слѣдующія: „Léon Boré, *Les Stigmatisées du Tyrol ou l'extatique de Kaldern et la Patiente de Capriana. Rélatione traduites de l'italien, de l'allemand et de l'anglais.* 1843. Brierre de Boismont, *Des Hallucinations.* 3 изд. 1862. стр. 314 до 321; Heinroth, *Geschichte und Kritik des Mysticismus.* 1830. Peisse, *La médecine et les médecins.* Ч. I. Chap. 5. *Critique des faits dits impossibles, extraordinaires surnaturels.* Figuier, *Histoire du mer veilleux dans les temps modernes*, 1860; и Perty, *Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur.* 1861.“ При этомъ прошу замѣтить что въ приведенной спеціальной реляціи о стигматизаціи въ Тиролѣ упомянутая *l'extatique de Caldern* есть именно Марія де-Мёрль, о которой Фихте ничего не знаетъ, а *la patiente de Capriana* есть Доминика Лаззари, о которой Фихте не имѣетъ точныхъ извѣстій. Я и ссылаюсь въ своей диссертаціи на эту спеціальную реляцію непосредственно послѣ упоминанія что явленія стигматизаціи *замѣчены врачами* и на Маріи де-Мёрль и Доминикѣ Лаззари. Можетъ ли послѣ того *честный* критикъ сказать что я не имѣлъ въ рукахъ болѣе *спеціальныхъ* и болѣе *точныхъ* источниковъ относительно стигматизаціи чѣмъ Фихте? А какъ назовемъ мы критика, который въ виду *такихъ* данныхъ публично увѣряетъ что мое *изложеніе* и мои *ссылки* относительно стигматизаціи *списаны* изъ книги Фихте?

13. На страницахъ 82 до 92 моей диссертаціи я разбираю явленія *воли*, съ цѣлію рѣшенія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій. Здѣсь я обращаю вниманіе отдѣльно на три главные момента, именно, вопервыхъ на *идеальную законность* воли въ отличіе отъ слѣпой законности физическаго бытія, вовторыхъ на *самостоятельную иниціа-*

тиву и способность избирать цѣли для своихъ дѣйствій, наконецъ втретьихъ на *энергію*, противящуюся часто самымъ сильнымъ физическимъ требованіямъ.

Относительно этой части моей диссертаціи приговоръ моего критика слѣдующій, на стр. 24: „Все вообще, говоритъ г. Аксакòвъ, находящееся въ отдѣлѣ этомъ такъ *не ново* и такъ *общеизвѣстно* что можетъ быть пріискано въ любомъ учебникѣ, и такъ *слабо*, что не заставитъ призадуматься ни одного матеріалиста, и вслѣдствіе (?) того *окончательно безполезно*.“ Вотъ и все что̀ мой *компетентный цѣнитель* сумѣлъ сказать объ этой части; послѣ такого приговора онъ переходитъ прямо къ *послѣднему* отдѣлу моей *диссертаціи-брошюры*. Но что̀ же слѣдуетъ для меня, несчастнаго автора, изъ подобнаго *компетентнаго* приговора? Для меня слѣдуетъ вопервыхъ то положеніе что *все* что̀ для г. Аксакòва *не ново* и *общеизвѣстно* вмѣстѣ съ тѣмъ *такъ слабо* что не заставитъ никого призадуматься и кромѣ того *окончательно безполезно!* Такъ мы наконецъ добрались до того что̀ г. Аксакòвъ называетъ для себя *не новымъ* и *общеизвѣстнымъ!* А вовторыхъ, въ вышеприведенномъ приговорѣ заключается для меня утѣшеніе въ томъ обстоятельствѣ что *все* что̀ я говорю о волѣ, хотя оно и очень *слабо* и *окончательно безполезно*, можетъ-быть однако *пріискано въ любомъ учебникѣ* психологіи. Конечно г. Аксакòвъ на самомъ дѣлѣ *пріискалъ все* это *слабое* и *безполезное* въ *любомъ учебникѣ*, иначе онъ не могъ свидѣтельствовать что оно *можетъ быть* пріискано. Однако несмотря на такое свидѣтельство, я попрошу г. Аксакóва указать *подробно*, *гдѣ* и въ *какомъ* любомъ учебникѣ онъ нашелъ все то что̀ я говорю о волѣ, хотя бы только такое раздѣленіе анализа воли, каково у меня. Прошу покорнѣйше *текстуально* подкрѣпить подобное свидѣтельство. Вѣдь я не могу отпечатать мое изложеніе рядомъ съ изложеніемъ всѣхъ любыхъ учебниковъ чтобы доказать что въ нихъ нельзя *пріискать* моего изложенія. Г. Аксакòву легче будетъ взять *любой учебникъ*, отпечатать его изложеніе рядомъ съ моимъ и этимъ доказать справедливость своего рѣшительнаго приговора.

14. Послѣ указанія на явленія *воли*, мы могли бы перейти отъ взгляда на *психологическій* матеріалъ, необходимый для разработки нашего вопроса, къ обозрѣнію матеріала *физіологическаго*. Но г. Аксакòвъ еще не кончилъ съ матеріаломъ

психологическимъ, а я не хочу мѣшать ему высказать противъ меня все что̀ онъ только знаетъ. Вѣдь ни я и никто другой не мѣшалъ ему высказаться вполнѣ уже и на диспутѣ; только *ему*, вѣроятно, не угодно было подвергаться на глазахъ понимающей публики очень непріятному уличенію, какъ и наоборотъ *вѣроятно* что каждому докторанту очень пріятно имѣть дѣло съ оппонентомъ у котораго голова не отвѣчаетъ за то что̀ говоритъ языкъ. Итакъ чего же теперь хочетъ г. Акако̀въ? Прошу читателя терпѣливо выслушать его возраженія.

Г. Аксако̀въ указываетъ еще на два психологическія сочиненія, находящіяся по его *честнымъ* обвиненіямъ въ тѣсной связи съ моею диссертаціей; одно новое, то-есть книга Жане, *Le cerveau et la pénsee*, и одно намъ уже извѣстное, то-есть *Антропологія* Фихте.

Относительно Жане г. Аксако̀въ утверждаетъ что я *усыпо-вилъ* отъ Жане сравненіе мозга и души съ музыкальнымъ инструментомъ и артистомъ. Профессоръ Юркевичъ на стр. 717 и слѣд. такъ ясно указалъ на всю дѣтскость и нелѣпость подобнаго обвиненія что я болѣе объ этомъ говорить не буду. Укажу только при этомъ случаѣ на новую *добросовѣстность* теперь изучаемаго мною артиста. На стр. 24 этотъ артистъ говоритъ: „Г. Струве передаетъ намъ на 96, 97, 98 и 99 страницахъ первыя сорокъ страницъ книги Жане. Всѣ примѣры, выводы и заключенія, помѣщенныя на четырехъ страничкахъ этихъ, копируетъ онъ изъ книги Жане съ поразительною вѣрностью.“ Во-первыхъ вопросъ: если я это дѣлаю, то дѣлаю ли я все это съ указаніемъ источника или безъ указанія? Г. Аксако̀въ прималчиваетъ объ этомъ, и естественно ожидается отъ читателя отвѣтъ отрицательный, иначе нельзя было бы понять сущности обвиненія. Во-вторыхъ отчего бы мнѣ не привести въ сокращеніи *сорока* страницъ чужой книги, если только я *ссылаюсь* на эту книгу? Обязанъ ли я говорить на *ста* страницахъ о томъ о чемъ другіе уже сказали на сорока страницахъ? Нѣтъ, я не имѣлъ въ виду написать *необходимо* толстую книгу и потому могъ сказать на *четырехъ страничкахъ* то что̀ другой сказалъ на сорока страницахъ, указывая однако на этого послѣдняго автора. Такъ я отчасти и сдѣлалъ, потому что не хотѣлъ оригинальности состоящей въ невѣжествѣ. На стр. 96 моей диссертаціи находится у меня слѣдующая ссылка: „Подробный разборъ этого вопроса объ отно-

шеніи развитія мозга къ развитію психической жизни можно найти въ соч. Поля Жане, *Мозгъ и мысль*, переведенномъ въ *Сборникѣ современныхъ христіанскихъ писателей*, 1868, стр. 11 и слѣд." Могъ ли, спрашиваю я, *мыслящій* читатель подумать что послѣ *такой* ссылки я на *четырехъ страничкахъ* передалъ ему нѣчто такое чего вовсе нѣтъ въ подробномъ разборѣ того же предмета у Жане? Вѣдь объ отношеніи мозга къ психическимъ явленіямъ я не говорю *спеціально*. На стр. 92, во введеніи къ этой главѣ, я сказалъ: „Ко всѣмъ вышеприведеннымъ и, какъ намъ кажется, неопровержимымъ доказательствамъ существованія самостоятельной души, *прибавляетъ* здѣсь *нѣкоторыя* другія доказательства, касающіяся отношеній мозга ко психическимъ явленіямъ." Между тѣмъ книга озаглавленная *Мозгъ и мысль* занимается этимъ вопросомъ *спеціально*, потому я и ссылаюсь на *подробный разборъ* даннаго предмета въ этой книгѣ. Что̀ въ этомъ поразительнаго?

Но при всемъ томъ однѣ уже цитаты указываютъ что я вовсе не держался одного Жане. На стр. 94 и слѣд. находится у меня обширная выписка изъ спеціальной физіологической статьи Фолькмана, которой нѣтъ у Жане, и которую самъ г. Аксако̀въ на стр. 24 называетъ *весьма интересною*, хотя, по его уголовной логикѣ, *неизвѣстно откуда почерпнутою*. Далѣе на стр. 98 я цитую *пять* мѣстъ изъ спеціальнаго сочиненія Marcé *Traité des maladies mentales*, 1862, стр. 168, 169, 292, 330 и 406, которыхъ нѣтъ ни у Жане, и ни въ какомъ-либо другомъ сочиненіи кромѣ подлинника. Наконецъ на стр. 99 я говорю о Рудольфѣ Вагнерѣ и привожу мѣсто изъ Фолькмана. Все это находится въ *моемъ* краткомъ разборѣ отношеній мозга къ мысли, хотя этого нѣтъ у Жане во всей его книгѣ, и тѣмъ не менѣе я ссылаюсь на *подробный* разборъ этого предмета у Жане.

15. Приступимъ наконецъ къ Фихте. На стр. 26 г. Аксако̀въ говоритъ *буквально* слѣдующее: „Г. Струве вспоминаетъ что на письменномъ столѣ его еще лежитъ раскрытая *Антропологія* Фихте, и *желая съ большимъ блескомъ* заключить многоученое свое сочиненіе, *выписываетъ подъ рядъ* съ 415 и 387 страницъ ссылки на Фолькманову статью *Gehirn*, Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, I, 569. Burdach, *Bau und Leben des Gehirns*, 185. Schubert, *Geschichte der Seele*, Fechner, *Zend-Avesta*, III и др. со всѣмъ содержаніемъ относящимся къ этимъ ссылкамъ."

Это послѣднее обвиненіе г. Аксакóва; непосредственно послѣ него онъ высказываетъ свое критическое резюме въ слѣдующихъ словахъ: „Итакъ, всѣ относящіяся къ диссертаціи *познанія* многоуважаемаго доктора почерпнуты не изъ цѣлаго строя цитированныхъ имъ философскихъ, физіологическихъ, медицинскихъ и психіатрическихъ сочиненій, но изъ *двухъ*, много *трехъ* или *четырехъ*, преимущественно популярныхъ трудовъ, какъ видно изъ *подробнаго* нашего *изслѣдованія*."

Мы видѣли что̀ слѣдуетъ изъ *подробнаго текстуальнаго* изслѣдованія и каковъ выходитъ *строй* цитированныхъ мною сочиненій. Изъ всего сказаннаго читатель знаетъ уже хорошо какъ *честно* и *добросовѣстно* обвиненіе г. Аксакóва. Но для полноты мы приступимъ къ *подробному изслѣдованію* и этого послѣдняго обвиненія. Оно относится къ стр. 99 до 102 моей диссертаціи. Прошу посмотрѣть на эти страницы и сравнить ихъ съ приведенными г. Аксакóвымъ страницами 415 и 387 *Антропологіи* Фихте.

Для наглядnаго сравненія я приведу съ *буквальною* точностію ссылки находящіяся на помянутыхъ страницахъ моей диссертаціи рядомъ со ссылками изъ *Антропологіи* Фихте.

Фихте.	*Диссертація.*
Volkmann, Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*. I, 569.	Volkmann, статья *Gehirn* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, часть I, стр. 569.
	Lange, *Geschichte des Materialismus*. 1866, стр. 431.
	Жане, *Мозгъ и мысль*. 1868, стр. 34 и 66.
	Leidesdorf, *Lehrbuch der psychischen Krankheiten*. 1865, стр. 238 и слѣд. до 303, именно 272.
Burdach, *Vom Bau und Leben des Gehirns*. III, 185.	Burdach, *Vom Bau und Leben des Gehirns*. 3й томъ. 1826, стр. 185 и слѣд.
Schubert, *Geschichte der Seele*, zweite Aufl. S. 270—272.	Schubert, *Geschichte der Seele*. 4е изд. 1847.
Fechner, *Zend-Avesta*, III, 181 fg. III, 177 – 182.	Fechner, *Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits. Vom Standpuncte der Naturbetrachtung*. 1851, томъ III и *Elemente der Psychophysik*. 1860, томъ III, стр. 389 и слѣд. *
Steffens, *Caricaturen des Heiligsten*, II, 708.	Gall, *Sur les fonctions du cerveau*. 1822, т. I, стр. 215 и слѣд.

* Это опечатка, должно быть томъ II, стр. 532 и слѣд.

Brierre de Boismont, *Du retour de la raisons chez les aliénés mourants* въ *Gazette des hopitaux*. 1844, и его же *Des Hallucinations*. 3 изд. 1862 г., стр. 370 и слѣд.
Schröder van des Kolk, *Leib und Seele in Wechselbeziehung zu einander*. 1865, стр. 20.

Какой результатъ этой очной ставки? *Выписалъ* ли я хоть *одну* цитату изъ Фихте? Разберемъ *подробно* каждаго автора.

Что̀ касается Фолькмана, то я не списалъ изъ Фихте свою цитату, но напротивъ г. Аксакòвъ списалъ ее слова изъ моей диссертаціи *безъ названія источника!* Откуда г. Аксакòвъ узналъ что цитата Фихте: „Volkmann, Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, I, 569“ относится къ Фолькмановой статьѣ *Gehirn*? Въ *Антропологіи* Фихте мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ ссылки на Вагнера *Handwörterbuch*, но Фихте нигдѣ не указываетъ на заглавіе статей этого сборнаго сочиненія. Въ одномъ только мѣстѣ, на стр. 34, находится у Фихте такая общая замѣтка: „Wir verweisen über alles oben Behauptete auf die beiden ausführlichen Artikel von F. W Volkmann über *Gehirn* und *Nerven-physiologie* im ersten und zweiten Bande von R. Wagners Physiologischen Wörterbuch.“ Изъ этой замѣтки г. Аксакòвъ все еще не могъ узнать что стр. 569 перваго тома этого *Wörterbuch* относится къ статьѣ Фолькмана озаглавленной *Gehirn*. Вѣдь въ одномъ и томъ же томѣ этого физіологическаго словаря могли быть помѣщены и другія статьи Фолькмана. *Gehirn* г. Аксакòвъ *взялъ буквально* не изъ Фихте, но изъ моей диссертаціи, слѣдовательно и я своей цитаты не могъ взять изъ Фихте.

Но у меня есть еще другое доказательство что я имѣлъ въ рукахъ и читалъ приведенную статью Фолькмана. Какъ уже сказано, на стр. 94 и слѣд., говоря объ отношеніи развитія мозга къ психическимъ способностямъ я привелъ въ моей диссертаціи обширную выписку, занимающую всю 95 страницу, изъ помянутой статьи Фолькмана, со ссылкой на стр. 568, то-есть на одну страницу выше сравнительно съ приведенною общею у меня и у Фихте. Объ этой выпискѣ г. Аксакòвъ говоритъ на стр. 24 такъ: „Послѣдній пятый отдѣлъ начинается весьма интересными, хотя неизвѣстно откуда почерпнутыми (разумѣется не изъ подлинника, ибо сіе послѣднее было бы вполнѣ противно основному методу г. Струве) словами знаменитаго физіолога Фолькмана.“

Каковъ *основной методъ* критики г. Аксакóва мы до сихъ поръ досыта видѣли. Но въ отвѣтъ на эту, *разумѣется*, тоже очень *компетентную* и *добросовѣстную* замѣтку, я повторяю высказанное мною въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* настоятельное *требованіе* чтобы г. Аксакòвъ отыскалъ эту *весьма интересную* выписку изъ Фолькмана въ какомъ-нибудь другомъ трудѣ, и отпечаталъ ее, *разумѣется* вѣрно и честно. Иначе, я повторяю, несомнѣнно исполнятся опасенія относительно репутаціи г. Аксакóва, высказанныя въ № 85 этихъ же *Вѣдомостей* авторомъ статьи о его *печальномъ дебютѣ*. Вѣдь я прошу небольшой милости. Подтвердите изобличеніе фактами. Честный писатель не откажетъ мнѣ въ этой просьбѣ. Не правда ли, г. Аксакòвъ?

Перейдемъ теперь къ Бурдаху. Изъ сравненія цитаты Фихте съ моею цитатой видно что я привожу годъ изданія 3го тома его сочиненія о мозгѣ; этого года нѣтъ у Фихте. Откуда я его взялъ? Можетъ-быть я отыскалъ этотъ годъ въ какомъ-нибудь библіографическомъ трудѣ? На это я отвѣчу г. Аксакóву, и каждый знающій дѣло повѣритъ этому, что мнѣ легче зайти въ библіотеку и получить подлинное сочиненіе Бурдаха нежели заняться спеціальными библіографическими изслѣдованіями.

Далѣе, относительно Шуберта, Фихте цитуетъ *второе* изданіе его *Исторіи души*, а я *четвертое*. Взята ли моя цитата изъ Фихте?

Изъ Фехнера Фихте цитуетъ лишь сочиненіе *Zend-Avesta*, и притомъ во всемъ его трудѣ нѣтъ *полнаго* заглавія этой книги, которое однако приведено въ моей диссертаціи. Только на стр. 333 *Антропологіи* Фихте (2е изданіе, 1860) я нахожу заглавіе *Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits*. Но и это все еще не *полное* заглавіе, какое приведено мною. Откуда взялъ я это *полное* заглавіе? Занялся ли я снова библіографическими изслѣдованіями, или взялъ подлинникъ въ руки и прочиталъ эту, уже своимъ заглавіемъ столь любопытную книгу? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, г. Аксакòвъ долженъ признать что ссылку на *Zend-Avesta* Фехнера я не *выписалъ* изъ Фихте. Но кромѣ этой ссылки у меня есть еще *подробная* ссылка и на Фехнера *Психофизику*, которой нѣтъ у Фихте. Наконецъ, *желая съ большимъ блескомъ заключить мое сочиненіе*, я ссылаюсь при разработкѣ тѣхъ же самыхъ что̀ Фихте вопросовъ еще не

только на *популярныя* сочиненія Ланге и Жане, но на очень важныя и совершенно *спеціальныя* сочиненія Лейдесдорфа, Галля, Бріэра де-Буамонъ и Шрёдера фонъ-деръ-Колька, съ *подробнымъ* указаніемъ на соотвѣтственныя страницы этихъ *спеціальныхъ* трудовъ. На весь этотъ очень важный для разбираемыхъ предметовъ *матеріалъ* Фихте не указываетъ ни однимъ словомъ во всемъ своемъ сочиненіи; вмѣсто всего этого *спеціальнаго* матеріала онъ приводитъ только еще мистическое сочиненіе Стефенса *Caricaturen des Heiligsten*. Ну, повторите же еще разъ, г. Аксакóвъ, что я свои ссылки для *большаго блеска выписалъ подрядъ* изъ *Антропологіи* Фихте!

Окончимъ этотъ взглядъ на *психологическій* матеріалъ, необходимый для разработки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій замѣткой о *строѣ* цитированныхъ мною *психіатрическихъ* сочиненій.

Изслѣдованія *психіатрическія* составляютъ очень важный матеріалъ для психологіи, матеріалъ, до сихъ поръ еще недостаточно разработанный психологами. Въ приведенномъ выше № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* я указалъ на благопріятный случай вслѣдствіе котораго я занялся довольно подробнымъ изученіемъ *психіатрическихъ* сочиненій. Этими сочиненіями я воспользовался и въ моей диссертаціи. На стр. 77. 78, 81, 89, 98, 100 и 101 моей диссертаціи приведены многочисленныя *подробныя* ссылки, съ точнымъ обозначеніемъ страницъ, на *спеціальныя психіатрическія* сочиненія извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ психіатровъ, какъ *Marcé*, *Brierre de Boismont*, *Schröder van der Kolk*, *Leidesdorf*.

Я прошу г. Аксакóва или причислить всѣ эти спеціальныя сочиненія къ *строю* цитированныхъ мною трудовъ, или же, если онъ можетъ, отыскать всѣ эти цитаты въ какомъ-нибудь другомъ сочиненіи и подкрѣпить свои указанія текстами. Я обѣщаю симъ г. Аксакóву торжественно бросить навсегда свое перо и не писать болѣе ни слова, ежели онъ укажетъ на какіе-нибудь посторонніе источники, изъ которыхъ я *выписалъ* всѣ эти ссылки. Что сдѣластъ г. Аксакóвъ, когда онъ не будетъ въ состояніи подкрѣпить свои обвиненія *честными* ссылками и *вѣрными* текстами? Увидимъ!

IV.

1. Несмотря на мнѣніе г. Усова что физіологія *не можетъ ни мѣшать, ни помогать принятію души*, мы приступаемъ къ разсмотрѣнію *физіологическаго* матеріала необходимаго для разработки этого вопроса.

Самый главный физіологическій матеріалъ, способствующій разработкѣ всѣхъ вообще психологическихъ вопросовъ, встрѣчаемъ мы въ той части физіологіи которую обыкновенно называютъ *нервологіей*, то-есть въ наукѣ о процессахъ и отправленіяхъ нервной системы, находящихся, безъ всякаго сомнѣнія, въ тѣсной связи съ такъ-называемыми *психическими* явленіями.

Естественно что и физіологическій матеріалъ можетъ быть почерпаемъ или изъ *собственнаго опыта*, или изъ *чужаго свидѣтельства*, то-есть изъ литературы физіологіи. Отъ *психолога* нельзя требовать *собственнаго* физіологическаго матеріала. Физіологія совершенно особая спеціальная наука, имѣющая для психолога лишь характеръ науки *вспомогательной*. Сдѣдовательно, психологія вовсе не дѣлаетъ *самостоятельныхъ, оригинальныхъ* физіологическихъ открытій и опытовъ. Онъ пользуется лишь *готовымъ* матеріаломъ,—*результатами* научныхъ изслѣдованій физіологовъ. Все чего можно требовать отъ психолога въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ чтобъ онъ познакомился съ самыми лучшими источниками физіологическаго знанія, то-есть изучилъ подлинныя сочиненія извѣстнѣйшихъ физіологовъ и ясно и точно понималъ содержаніе этихъ сочиненій.

Въ своей диссертаціи я очень часто ссылаюсь на сочиненія извѣстнѣйшихъ физіологовъ и естествоиспытателей. Рѣшеніе самыхъ главныхъ задачъ моего труда я основываю на физіологическомъ и вообще эмпирическомъ матеріалѣ этихъ сочиненій.

Г. Аксаковъ естественно утверждалъ и все еще утверждаетъ что всѣхъ этихъ спеціальныхъ сочиненій я не читалъ, что все мое знаніе объ нихъ почерпнуто лишь изъ посторонихъ *популярныхъ* источниковъ. Мы имѣли уже слишкомъ много случаевъ уличить всю несправедливость указаній г. Аксакова, и мы не думали бы далѣе разбирать обвиненія подобнаго

критика, еслибы другой, повидимому болѣе серіозный, критикъ не повторялъ тѣ же самыя обвиненія въ одномъ общемъ положеніи. Г. Усовъ на страницѣ 7 своей брошюры говоритъ буквально что я *вовсе незнакомъ лично съ физіологическою литературой*. Не значитъ ли это что всѣхъ приведенныхъ мною физіологическихъ сочиненій я вовсе не читалъ? Не есть ли это сокращеніе въ нѣсколькихъ словахъ брошюры г. Аксакóва, на которую г. Усовъ ссылается какъ на трудъ *разбирающій* мою диссертацію *съ другой точки зрѣнія*. Но убѣдился ли г. Усовъ на сколько *вѣрны* и *добросовѣстны* указанія г. Аксакóва? Далъ ли онъ себѣ *ясный* и *добросовѣстный* отчетъ въ томъ *какая* это *точка зрѣнія* съ которой г. Аксакóвъ *разбираетъ* мою диссертацію? Настоящая статья представляетъ ему довольно богатый матеріалъ для подобнаго рода размышленій. Можетъ-быть г. Усовъ, какъ *честный* критикъ, откажется впередъ отъ ссылокъ на *такую точку зрѣнія* которая свойственна зрѣнію близорукаго. Но до сихъ поръ г. Усовъ объявляетъ себя солидарнымъ именно съ г. Аксакóвымъ.

Всѣ возраженія самого г. Усова, относящіяся къ этому предмету, заключаются лишь въ *трехъ* пунктахъ. Вопервыхъ, въ томъ что онъ указываетъ на будто бы невѣрныя цитаты изъ Лонже и Флуранса, приведенныя мною на основаніи сочиненій Ланге и Жане. Ниже мы увидимъ на сколько эти указанія вѣрны и насколько они доказываютъ личное знакомство ученаго г. Усова съ сочиненіями этихъ знаменитыхъ физіологовъ. Второй пунктъ г. Усова состоитъ въ томъ что въ выпискѣ изъ Фолькмановой статьи *Gehirn* я перевелъ нѣмецкое слово *Klasse* русскимъ словомъ *видъ*. „Ошибка, какъ г. Усовъ самъ говоритъ на стр. 7, въ *сущности* неважная.“ И наконецъ третій пунктъ, по которому г. Усовъ,—вѣроятно только вслѣдствіе своего незнакомства съ указаннымъ мною сочиненіемъ Жане,—утверждаетъ что мнѣ работы Грасіоле *вполнѣ неизвѣстны*.

Даютъ ли, спрашиваю я, эти три пункта г. Усову, если онъ *самостоятельный* критикъ, какое-либо право высказывать публично что я *вовсе незнакомъ лично съ физіологическою литературой*? Г. Усовъ самъ говоритъ о моемъ разборѣ психологическихъ воззрѣній Людвига, и ни однимъ словомъ не доказываетъ чтобъ я былъ незнакомъ *лично* съ этимъ знаменитымъ произведеніемъ *физіологической литературы*. Г. Усовъ знаетъ даже изъ брошюры самого г. Н. П. Аксакóва

что о моихъ ссылкахъ на Funke *Lehrbuch der Physiologie* нѣтъ помину въ другихъ сочиненіяхъ; далѣе онъ знаетъ что мои выписки изъ Фолькмана взяты изъ подлинника и т. д. Все это должно было удержать г. Усова отъ смѣлаго повторенія обвиненій г. Аксакова, все это должно было возбудить въ немъ сомнѣніе въ томъ, заслуживаетъ ли его *господинъ* Н. П. Аксаковъ *довѣрія* со стороны человѣка который предполагается серіознымъ ученымъ. Мы видѣли насколько *честны* и *добросовѣстны* указанія этого господина относительно *психологическаго* матеріала моей диссертаціи, а теперь убѣдимся на сколько г. Усовъ имѣлъ право повторять со словъ его что я *вовсе* незнакомъ *лично* съ физіологическою литературой. Опасаюсь только что этотъ ученый профессоръ зоологіи не будетъ благодарить меня за доказательства моего *личнаго* знакомства съ сочиненіями Лонже и Флуранса.

2. Начнемъ съ Флуранса, о которомъ и ученый г. Усовъ, и проницательный г. Аксаковъ надѣлали столько безполезнаго шуму. Единственная моя цитата изъ сочиненій Флуранса находится на стр. 38 диссертаціи; вотъ она: „Flourens, *De la vie et de l'intelligence*, 1858. T. II, pag. 155, * и *Comptes rendus*, 1851. T. XXXIII, pag. 437, и 1859, T. XLVIII, pag. 1136. См. O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie*. 1860. T. II. Seit 567 и 575."

Относительно этой цитаты, знакомый намъ г. Аксаковъ высказываетъ на стр. 14 три слѣдующія обвиненія, противорѣчащія другъ другу. Вопервыхъ, онъ говоритъ что я, *подобно* Ульрици (въ *Gott und der Mensch*), *начинаю* указаніемъ на *несостоятельность* Флуранса отыскать центръ психическихъ явленій. Вовторыхъ, что я ничего не знаю о Флурансовомъ различіи между жизненными и психическими явленіями, и потому *явно* соединяю оба эти явленія, что̀ даетъ ему поводъ напечатать нѣсколько строкъ изъ Флуранса. И втретьихъ, что первую мою цитату изъ Флурансовой книги *De la vie et de l'intelligence* я взялъ по ошибкѣ изъ *соотвѣтственнаго мѣста* другаго труда Ульрици, то-есть изъ его *Богъ и природа*.

Ученый профессоръ зоологіи ссылается, на стр. 3 своихъ возраженій, на *подробный разборъ* этой цитаты сдѣланный Н. П. Аксаковымъ. Слѣдовательно и г. Усовъ раздѣляетъ обвиненія этого господина Н. П. Аксакова. Но что̀ же слѣдуетъ изъ этихъ обвиненій?

* Это опечатка, должно быть: стр. 85.

Вопервыхъ то что, начиная *подобно* Ульрици указаніемъ на *несостоятельность попытки* Флуранса, я знаю о Флурансѣ по крайней мѣрѣ все то что̀ о немъ говорится въ книгѣ Ульрици. Откуда иначе взялось бы это *подобіе?* Въ указанномъ однако самимъ г. Аксако́вымъ мѣстѣ книги Ульрици *Gott und der Mensch*, очень ясно говорится о различіи дѣлаемомъ Флурансомъ между *жизненными* и *психическими* явленіями. Откуда же, спрашивается, произошло такое чудо что, говоря о попыткахъ Флуранса *подобно* Ульрици, я тѣмъ не менѣе не знаю того что̀ Ульрици говоритъ о Флурансѣ, то-есть не знаю о Флурансовомъ различіи между жизненными и психическими явленіями, какъ это утверждаетъ г. Аксако̀въ въ своемъ второмъ обвиненіи? Существуетъ ли что̀-нибудь болѣе нелѣпое этой безголовой логики г. Аксакова, на *подробный* разборъ котораго ссылается однако дѣйствительный профессоръ г. Усовъ?

Каждый видитъ что въ данномъ случаѣ представляется лишь одна возможность: или я *не* говорю *подобно* Ульрици, или же я знаю что̀ слѣдуетъ о Флурансѣ по крайней мѣрѣ изъ самого Ульрици. Каковъ вашъ выборъ, господа критики? Положимъ что на алтарѣ *истины* вы принесете въ жертву мое *подобіе* съ Ульрици, а будете впередъ стоять за мое *незнаніе* Флуранса. Вѣдь Флурансъ знаменитѣе Ульрици, слѣдовательно, по вашей подспудной логикѣ, мнѣ легче знать объ Ульрици нежели о Флурансѣ. Положимъ что и такъ. Разберемъ же мое незнаніе о Флурансѣ *подробно*. Это ведетъ насъ къ анализу третьяго изъ вышеприведенныхъ обвиненій.

Я цитую и книгу Флуранса, и его статьи въ *Comptes rendus*, и *Физіологію* Функе. Далѣе касательно того же вопроса *о средалищѣ души* находится у меня на той же 38 страницѣ слѣдующая буквальная ссылка: „Относительно вопроса о сѣдалищѣ души въ тѣлѣ, кромѣ вышеприведенныхъ сочиненій, *смотри еще:* G. F. Fechner, *Elemente der Psychophysik*, 1860. T. II, s. 381—426. J. H. Fichte, *Psychologie*. T. I, 1864. S. 35—63 и H. Ulrici, *Gott und Mensch*. T. I, 1866. S. 105—125."

Знаю ли я все то что̀ находится во всѣхъ моихъ *подробныхъ* ссылкахъ на Флуранса и Функе и на этихъ послѣднихъ психологовъ?

Г. Аксако́въ утверждаетъ что моя первая цитата изъ Флуранса *взята* будто изъ Ульрици, только теперь уже не изъ сочиненія *Богъ и человѣкъ*, но *изъ соотвѣтственнаго* мѣста

другой книги Ульрици *Богъ и природа*, гдѣ впрочемъ Ульрици цитуетъ не стр. 155 (должно быть 85), какъ я, но 156 (*Gott und die Natur*, 2е изд. 1866, стр. 260). Но о чемъ же говоритъ Ульрици въ этомъ *соотвѣтственномъ* мѣстѣ? Снова о *жизненной* и *психической* силѣ и о томъ что Флурансъ принимаетъ *особую* жизненную силу? Итакъ, я снова изъ *другой* книги Ульрици узналъ нѣчто о Флурансовомъ витализмѣ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! кричатъ мои критики въ гармоническомъ дуэтѣ, одинъ тоненькимъ дискантомъ, а другой полнымъ басомъ. „Нѣтъ и нѣтъ! Все что̀ знаешь о Флурансѣ, ты *взялъ* изъ Ульрици, но ты о Флурансѣ *ничего* не знаешь.“

Я по характеру своему очень уступчивъ, особенно въ мелочахъ. Потому сдѣлаю уступку дуэту моихъ критиковъ. Положимъ что я *взялъ* изъ Ульрици что̀ только могъ относительно Флуранса и что, къ удовольствію моихъ критиковъ, въ слѣдующія минуты я забылъ обо всемъ этомъ, какъ будто бы я ничего не узналъ о Флурансѣ изъ Ульрици. Пусть же такъ. Но у меня есть много чего нѣтъ у Ульрици, у меня есть ссылки на *Comptes rendus*, на Функе, на Фехнера и Фихте. Откуда я все это *взялъ*? и не знаю ли я снова *ничего* что̀ находится въ этихъ ссылкахъ? Но оставляю шутки въ сторонѣ. Буду говорить серіозно, и потому прежде всего позволяю себѣ спросить моихъ строгихъ критиковъ: повѣрили ли *они* мои ссылки и узнали ли *они* объ ихъ содержаніи?

Ежели какой-нибудь авторъ говоритъ читателю въ ссылкѣ *смотри*, а потомъ ниже повторяетъ *смотри еще*, какъ я дѣлаю на стр 38 диссертаціи, то кажется, по общему обычаю образованнаго литературнаго міра, онъ *обязываетъ* симъ всѣхъ *добросовѣстныхъ* критиковъ отыскать эти ссылки и прочитать ихъ содержаніе.

По моему мнѣнію, ссылки составляютъ нераздѣльную часть каждаго сочиненія. Кто не читаетъ ссылокъ, сдѣланныхъ авторомъ, тотъ не понимаетъ его вполнѣ; тотъ не можетъ позволять себѣ критиковать его, ибо ссылки содержатъ часто подробное развитіе мысли автора, развитіе необходимое для полнаго пониманія его воззрѣній.

Чтобы принудить читателя прочитать и содержаніе этихъ ссылокъ, многіе авторы не ограничиваются однѣми ссылками, но отпечатываютъ всѣ нужныя имъ мѣста изъ чужихъ книгъ. Этотъ методъ очень практическій въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ облегчаетъ читателю непосредственное пониманіе

автора, и вовторыхъ—и это для многихъ авторовъ составляетъ главный мотивъ—при помощи такихъ выписокъ сочиненіе очень легко можетъ быть удвоено или утроено по объему.

Г. Аксакóвъ впадаетъ въ ужасное негодованіе что вся моя диссертація составляетъ лишь, какъ онъ говоритъ, „тоненькую, изъ 101 съ половиною страницъ состоящую брошюрку.“ Но мой любезный молодой литераторъ, уважающій лишь *толстыя* книги, забылъ совершенно что еслибъ я отпечаталъ въ своей диссертаціи всѣ мѣста изъ чужихъ сочиненій, на которыя я ссылаюсь—какъ это дѣлаютъ многіе авторы, то въ такомъ случаѣ уваженіе его къ моей диссертаціи очень легко удвоилось, или утроилось бы.

Но я имѣлъ два повода не печатать въ своей диссертаціи полныхъ выписокъ изъ чужихъ сочиненій. Я не хотѣлъ перерывать собственнаго изложенія предмета введеніемъ чужихъ словъ, требующихъ часто разныхъ полемическихъ и объяснительныхъ замѣтокъ, и вовторыхъ, я писалъ диссертацію съ ученою цѣлію, и при ея сочиненіи имѣлъ въ виду исключительно читателей знающихъ хорошо предметъ о которомъ я говорю и знакомыхъ вслѣдствіе этого съ сочиненіями которыя я привожу. Для *такихъ* читателей не нужны цѣлыя выписки изъ чужихъ сочиненій, для нихъ довольно одинѣхъ ссылокъ; они или знаютъ уже мнѣнія приведенныхъ авторовъ, или безъ всякихъ затрудненій могутъ получить ихъ сочиненія и узнать о содержаніи цитованныхъ мѣстъ.

Я никогда не думалъ что кто-нибудь возьмется за оцѣнку моей диссертаціи не принимая во вниманіе содержанія тѣхъ мѣстъ изъ чужихъ сочиненій на которыя я ссылаюсь какъ на статьи заключающія въ себѣ или необходимый для даннаго вопроса матеріалъ, или даже ближайшее развитіе представляемыхъ мною воззрѣній. Тѣмъ болѣе мнѣ никогда въ голову не приходило что я буду имѣть такихъ критиковъ которые выскажутся публично что я не знаю обо всемъ томъ что̀ составляетъ содержаніе приведенныхъ мною и лишь ими самими нечитанныхъ мѣстъ изъ чужихъ сочиненій!

Я спрашиваю теперь еще разъ, читали ли гг. Аксакóвъ и Усовъ приведенныя мною мѣста изъ сочиненій Функе, Фехнера и Фихте? Я отвѣчаю что нѣтъ, ибо иначе они не говорили бы что я не знаю о томъ что̀ составляетъ содержаніе моихъ

ссылокъ, находящихся *лишь* въ моей диссертаціи. Посмотримъ что̀ говорится въ этихъ мѣстахъ. Начнемъ съ Функе.

Функе въ приведенномъ мною мѣстѣ, стр. 567, второй, томъ его физіологіи, говоритъ слѣдующее: „Eine kleine, wenige Linien umfassende graue Parthie ist es, deren Verletzung rasch den Tod durch plötzlichen Stillstand der *Athembewegungen*, und des Herzens bedingt, während das gesammte Gehirn mit seinen Basalganglien abgetragen werden kann, ohne dass die wesentlichsten Glieder der vegetativen *Lebensprocesse*, Athmung und Herzthätigkeit, unmittelbar alterirt oder gar sistirt werden. *Flourens*, der Entdecker dieser Thatsache, nannte die betreffende in der Spitze des *calamus scriptorius* gelegene Substanz, *noeud vital*, *Lebensknoten*, eine Bezeichnung, welche richtig ist, wenn damit eben *nur* der schnell tödtliche Erfolg der Verletzung dieser Stelle bezeichnet werden soll, welche aber *nicht richtig ist in Flourens Sinne*, welcher *früher* glaubte, dass in dieser Stelle das *Centrum des Lebens des Nervensystems* und somit des thierischen Lebens überhaupt liege: Brown-Sequard hat die Bedeutung jener Stelle und die Ursache des Todes nach ihrer Verletzung *besser* erklärt“ и т. д. А на слѣдующей страницѣ Функе говоритъ: „Flourens selbst hat sich *neuerdings* überzeugt, dass es ein paariges Organ ist, dass ferner der tödtliche Erfolg nur eintritt, wenn beide Seitenhälften desselben verletzt werden.“

Изъ этого видно что я не отъ гг. Усова и Аксако́ва только узналъ о разницѣ физіологическихъ отправленій большаго мозга и о Флурансовомъ *noeud vital*, именно объ различіи которое дѣлаетъ Флурансъ между физическою и психическою силой. Изъ этого видно что я уже изъ Функе узналъ то чего эти господа до сихъ поръ не знаютъ, то-есть что нужно различать *двоякое* ученіе Флуранса о *noeud vital*, первое, по которому онъ считалъ *noeud vital жизненнымъ центромъ всей нервной системы*, и другое, по которому онъ признаетъ что *noeud vital* не составляетъ *одного* центральнаго пункта всей жизни *нервной системы*, но состоитъ изъ двухъ разныхъ частей, и что смерть слѣдуетъ лишь послѣ поврежденія обоихъ частей, вслѣдствіе пріостановки дыханія.

Говоря о *noeud vital* Флуранса, я имѣлъ въ виду его первое ученіе, тѣсно связанное съ его общими взглядами, какъ это видно изъ словъ Функе *in Flourens Sinne*, относящихся къ этому первому ученію, хотя Функе непосред-

ственно послѣ этого указываетъ и на измѣненіе этого ученія самимъ Флурансомъ. По мѣткому выраженію профессора Юркевича, *noeud vital* Флуранса принимается и въ моей диссертаціи вообще въ *нарицательномъ* смыслѣ. Г. Усову знакомо *лишь* одно ученіе Флуранса, по которому *noeud vital*, по выраженію г. Усова, есть только *нервный центръ управляющій дыханіемъ*. Первоначальное же ученіе Флуранса, извѣстное и въ физіологіи, и въ психологіи подъ именемъ *этого* ученаго, *вовсе* неизвѣстно *лично* г. Усову, и вотъ первопачальная причина всего недоразумѣнія въ этомъ отношеніи. Г. Усову, къ сожалѣнію, *вовсе* незнакомо *лично* указанное въ моей диссертаціи и выше отпечатанное мѣсто изъ физіологіи Функе, иначе онъ имѣлъ бы свѣдѣніе объ этихъ двухъ *разныхъ* взглядахъ Флуранса на *noeud vital*.

Не было задачею моей диссертаціи развивать ближе воззрѣнія Флуранса на значеніе *noeud vital* и его отличіе отъ психическихъ отправленій головнаго мозга. Весь этотъ вопросъ относится къ психологической наукѣ о такъ-называемомъ *сѣдалищѣ души*, и потому я въ этомъ отношеніи, держась, какъ слѣдуетъ, *строго* своего предмета, и не желая повторять за другими авторами того что̀ они, по моему мнѣнію, совершенно достаточно разъяснили, ссылаюсь на обширныя изъясненія этого предмета въ спеціальныхъ сочиненіяхъ Фехнера, Фихте и Ульрици.

Фехнеръ говоритъ объ этомъ вопросѣ обширнѣе и основательнѣе всѣхъ другихъ, потому я поставилъ его въ самомъ началѣ, цитуя его *Психофизику*, томъ II, стр. 381 до 426. Прошу не забыть что вслѣдствіе такой ссылки эти 45 страницъ Фехнеровой книги сдѣланы мною необходимою объяснительною частью диссертаціи, въ особенности для такихъ читателей и критиковъ, для которыхъ вопросъ о *сѣдалищѣ души* совершенно новъ какъ *спеціальная* часть *неспеціальной* для нихъ и имъ *лично* вовсе незнакомой науки, психологіи. Отчего мои критики не заглянули къ Фехнеру?

На стр. 400 и слѣд. Фехнеръ развиваетъ обширно понятія о *noeud vital* въ отношеніи къ вопросу о *сѣдалищѣ души*. Тамъ же, на стр. 402, находится выписка *пятнадцати* строкъ подлинныхъ словъ Флуранса. Два первые періода этой выписки совладаютъ съ выпискою словъ Флуранса приведенныхъ г. Аксакóвымъ на стр. 15 его брошюры и сопровождаемыхъ замѣткой что мнѣ эти слова неизвѣстны. Естественно

я вѣдь говорю о Флурансѣ *подобно* Ульрици, не зная вовсе того что̀ говоритъ Ульрици, а говоря что̀-то другое; отчего же мнѣ не ссылаться на тѣ части книги Фехнера гдѣ онъ говоритъ о Флурансѣ, и притомъ однако не знать что̀ говоритъ о немъ Фехнеръ.

Слѣдуя тактикѣ г. Аксако́ва, я долженъ бы сказать что приведенныя имъ на помянутой страницѣ слова Флуранса, онъ *схватилъ* не изъ подлинника, но изъ 402 страницы Фехнеровой *Психофизики* и то *безъ названія источника.* Да, вѣдь эти приведенныя г. Аксако́вымъ слова находятся *буквально* уже у Фехнера. Но на этотъ разъ эта тактика снова какъ-то не достигаетъ цѣли; г. Аксако̀въ не справлялся или съ Фехнеромъ, или съ совѣстью, иначе онъ не приводилъ бы мнѣ какъ новость слова Флуранса, находящіяся во французскомъ подлинникѣ у Фехнера въ тѣхъ именно мѣстахъ на которыя я ссылаюсь въ своей диссертаціи, и кромѣ того не говорилъ бы такихъ вещей которыя показываютъ что онъ вовсе не знакомъ съ психологическими теоріями о *средалищѣ души.* Я спрашиваю *разумнаго* читателя, виноватъ ли я въ томъ что мои любезные, *добросовѣстные* критики не знакомы *лично* съ указаннымъ мною мѣстомъ сочиненія Фехнера, въ которомъ на 45ти страницахъ говорится лишь о томъ *какая* часть нервной системы могла бы служить *средалищемъ души.* Логическая и нравственная *отвѣтственность* за ужасную путаницу, возникшую въ головахъ моихъ критиковъ вслѣдствіе такого незнакомства съ приведенными мною мѣстами психологическихъ сочиненій, падаетъ конечно на самихъ же подобнаго рода критиковъ.

Я не могу здѣсь разбирать обширно всего того что̀ въ отношеніи нашего вопроса говоритъ Фехнеръ о Флурансѣ, Бронъ-Секарѣ, Р. Вагнерѣ, Гербартѣ, Лотце и другихъ. Я прошу моихъ критиковъ сперва прочитать мои ссылки на Фехнера и другихъ психологовъ, ибо изъ нихъ они узнаютъ какое значеніе имѣлъ Флурансовъ *noeud vital* въ психологической наукѣ о *средалищѣ души*, и въ какомъ значеніи я, какъ психологъ, для котораго этотъ вопросъ не новость, указываю на этотъ *жизненный центръ* не одного дыханія, но всей *нервной системы.* *

---

* Послѣ окончанія моей статьи, я получилъ изъ Москвы 1й выпускъ второй серіи полемическихъ упражненій г. Аксако̀ва. Онъ оставляетъ

Равнымъ образомъ здѣсь я не могу развивать моихъ взглядовъ относительно Флурансова различія *витальной* и *психической* силъ, вообще относительно столь пресловутаго, особенно во французской психологіи, спора между *виталистами* и *анимистами*. На 33 стр. моей диссертаціи приведены *три* сочиненія занимающіяся *спеціально* анализомъ этихъ послѣднихъ психологическихъ теорій. Эти сочиненія: Bouillier, *Du principe vital et de l'âme pensante*, 1861; Bauchut, *La vie et ses attributs*, 1862, и Saisset, *L'âme et la vie*, 1864. Извѣстны ли эти сочиненія моимъ господамъ критикамъ? Къ сожалѣнію, я долженъ сказать что оба эти бранчивые господа, въ пылу брани, не замѣтили даже заглавій этихъ сочиненій въ моей диссертаціи, иначе они не толковали бы о разницѣ витализма и анимизма съ горячностью приводящею на мысль

здѣсь совершенно въ сторонѣ всѣ свои прежнія обвиненія и приступаетъ къ другимъ придиркамъ, относящимся болѣе къ самому *содержанію* моей диссертаціи. Главная часть этого выпуска направлена противъ моего положенія что Флурансъ, Лотце и Фикъ „всѣми силами старались доказать сосредоточеніе тѣлеснаго организма, въ особенности нервной системы, въ одномъ пунктѣ". Въ доказательство что эти физіологи сказанное мною дѣлать *не старались*, г. Аксакóвъ приводитъ тѣ мѣста изъ ихъ сочиненій которыя показываютъ что они этого сосредоточенія *не доказали*. Вѣдь и я говорю что они этого *не доказали*, но что они *старались*, да, *всѣми силами* старались доказать такое сосредоточеніе, это показываютъ уже приведенныя самимъ г. Аксакóвымъ слова изъ Лотце (стр. 9 Аксакóва, 1го выпуска), на котораго ссылается Фикъ. Хотя Лотце здѣсь признаетъ что *анатомія пока еще не нашла съдалища души* и впередъ его, вѣроятно, не отыщетъ, однако онъ тутъ же говоритъ что „признать этотъ узелъ вмѣстилищемъ души вынуждаетъ насъ непосредственная *понятность пользы* этого снаряда". Впрочемъ, какъ доказательство что ученіе Лотце всѣ знающіе дѣло понимаютъ такъ какъ я, я привожу здѣсь слова физіолога Вагнера, который занялся *спеціальнымъ* изслѣдованіемъ теоріи Лотце съ физіологической точки зрѣнія въ приведенной въ моей диссертаціи статьѣ: *Die Frage nach dem Sensorium und Motorium commune mit besonderer Rücksicht auf die Streitpunkte zwischen Lotze und Fichte über den Sitz der Seele*, въ *Gottingische Nachrihten*, 1860, № 6, гдѣ, на стр. 52, Вагнеръ говоритъ: „Für Lotze ist die Seele nur eine intensive Substanz von absoluter und einfacher Raumlosigkeit, welche, *einem mathematischen Punkte* vergleichbar, in *einer bestimmten Stelle* des Gehirns, als den Sitz des *Sensorium commune* gedacht werden muss." Это значитъ: „Для Лотце душа есть интенсивная, абсолютно-непространственная субстанція,

скорѣе молодую дѣвочку, разказывающую внимательнымъ слушателямъ вещи неслыханныя, совершенно новыя, чѣмъ спокойнаго и безпристрастнаго критика. Изъ этихъ сочиненій они бы узнали что̀ именно понимаютъ въ настоящее время подъ именемъ *анимизма*, котораго главнымъ представителемъ во Франціи служитъ первый изъ приведенныхъ въ моей диссертаціи авторовъ, то-есть Булье, и противъ котораго выступаетъ послѣдній, то-есть Сессе.

Пожалуй я признаюсь моимъ критикамъ что по моимъ психическимъ убѣжденіямъ я вовсе не *виталистъ*, принимающій вмѣстѣ съ Бартесомъ, Бишa, Флурансомъ, Іоанномъ Мюллеромъ, Рудольфомъ Вагнеромъ, Либихомъ, Шредеромъ-фонъ-деръ-Колькомъ и другими, существованіе *особой* силы жизни, отличной не только отъ физическихъ силъ, но и отъ самосто-

---

которая, будучи похожа на математическую точку, должна быть помѣщена въ *опредѣленномъ* мѣстѣ мозга, мыслимомъ какъ сѣдалище sensorium commune." Наконецъ замѣтимъ что г. Аксаковъ приводитъ лишь стр. 115 сочиненія Лотце *Medicinische Psychologie* и хранитъ въ тайнѣ стр. 118 и 119, гдѣ именно Лотце *всѣми силами* старается отыскать сѣдалище души. Онъ упоминаетъ здѣсь что многіе искали сѣдалища души въ *сѣрой субстанціи полушарій большаго мозга* и продолжаетъ буквально: „*geeigneter* dürften Partien ungefaserter Substanz sein, die sich an Masse freilich viel unbedeutender in den Verbindungstheilen des Gehirns, in dem *pons Varolii* und seinen nächsten Umgebungen befinden, *und bis zu denen man die Ursprünge der meisten Hirnnerven mit hinreichender Sicherheit verfolgt hat.*" Изъ этого видно что Лотце указываетъ на *pons Varolii* какъ на мѣсто которое было бы болѣе пригодно (geeigneter) для *сѣдалища* души нежели сѣрая субстанція полушарій большаго мозга. На слѣдующихъ страницахъ Лотце разбираетъ ближе это мѣсто и устраняетъ разныя возраженія *противъ* принятія его какъ *вѣроятнаго* сѣдалища души, и доходитъ наконецъ на стр. 122 до развитія мысли что душа, какъ *пунктъ*, находится естественно всегда только въ одномъ *пунктѣ* мозга, но что она въ извѣстныхъ границахъ перемѣняетъ свое мѣсто, соотвѣтственно силѣ дѣйствующихъ на нее раздраженій, причемъ, однако, добавляетъ: „doch würde muthmasslich der bleibende Einfluss der übrigen entgegengesetzten Erregungen sie stets nur *kleine Wege* beschreiben lassen". Всѣ эти и подобнаго рода разсужденія Лотце я называю *стараніемъ доказать всѣми силами сосредоточеніе нервной системы въ одномъ пунктѣ*. И такъ называютъ эти стремленія Лотце *всѣ* знающіе дѣло физіологи и психологи, и лишь невѣжество и *подспудныя* цѣли могутъ нападать на такое воззрѣніе.

ятельнаго *психическаго* начала, то-есть отъ *души*. Далѣе я вовсе и не *спиритуалистъ* въ духѣ Картезія, по которому органическая *жизнь* есть простой результатъ химическихъ и физическихъ процессовъ, а только *душа*, какъ мыслящее и сознающее себя существо есть результатъ *особаго* духоваго начала, какъ это учатъ Мэнъ де-Биранъ, Жуффруа, Сессе, Гарнье, отчасти Клодъ-Бернаръ, далѣе Лотце, отчасти и Вирховъ. По моимъ біологическимъ и психологическимъ воззрѣніямъ, мои противники пусть причисляютъ меня къ *анимистамъ*, отождествляющимъ понятія жизни и души, каковы: Пуркинье, Булье, Тиссо, Лемуанъ, далѣе младшій Фихте, Фехнеръ, къ которымъ въ сущности принадлежитъ и Ульрици.

Естественно что здѣсь я опять не могу доказывать обширно теорію *анимизма* въ отличіе отъ *виталисма* и *спиритуализма*. Это отвлекло бы меня слишкомъ далеко отъ моей главной задачи. По этой-то самой причинѣ я не могъ заниматься въ моей диссертаціи этимъ предметомъ, хотя онъ и очень важенъ, и очень интересенъ. Чтобъ однако предъ моими строгими критиками оправдать мою большую погрѣшность, состоящую въ томъ что въ диссертаціи я вездѣ, по словамъ г. Аксакóва, *явно* соединяю психическія явленія съ жизненными явленіями, я бы хотѣлъ сказать слѣдующее:

3. *Анимизмъ* есть психологическое воззрѣніе, по которому *жизнь* и *душа* не выводятся изъ *двухъ* различныхъ началъ, но изъ *одного*, то-есть по которому, какъ я сказалъ выше, жизнь и душа *отождествляются*. Нѣтъ жизни безъ души, и наоборотъ нѣтъ души безъ жизни — вотъ теорія анимизма. Жизнь и душа имѣютъ *одно* общее начало, отличное лишь отъ физическихъ началъ; его характеристическій признакъ есть *самодѣятельность*, *самодвиженіе* (spontanéité). *Матерія* движется лишь вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, внѣшнихъ толчковъ. Напротивъ существа *живыя*, *одушевленныя* движутся не только вслѣдствіе внѣшнихъ толчковъ, но преимущественно вслѣдствіе врожденной имъ *живой* силы. Ежели растенія *живутъ*, ежели они развиваются на основаніи собственной живой силы, то они принадлежатъ тоже къ существамъ *одушевленнымъ*. То же самое нужно сказать о животныхъ. Жизнь растеній, жизнь животныхъ и жизнь человѣка составляютъ только разные роды *одушевленія*; разныя формы *душевныхъ* способностей и явленій.

Противъ такихъ положеній анимизма, *витализмъ* и *спиритуализмъ* выступаютъ съ критическими замѣчаніями что основнымъ характеристическимъ признакомъ душевной жизни служитъ не *самодвиженіе*, но *мысль*, *сознаніе*. Только существу *мыслящему*, владѣющему *сознаніемъ* присуща *душа*, только явленія основанныя на *сознаніи* могутъ быть названы *психическими*.

Въ опроверженіе этихъ возраженій, анимизмъ указываетъ на сотни явленій психической жизни не соединенныхъ однако съ сознаніемъ. Не принимаетъ ли душа огромнаго участія въ *несознательной* жизни человѣка напримѣръ въ разныхъ родахъ *сна*? Не дѣйствуетъ ли *душа* во снѣ и безъ сознанія? Мало ли приводитъ опытная психологія примѣровъ доказывающихъ такое дѣйствіе души и при отсутствіи сознанія? Есть факты доказывающіе что во время сна, то-есть безъ всякаго сознанія, поэты сочиняли стихи, композиторы музыку; даже ученые занимались иногда во снѣ рѣшеніемъ самыхъ сложныхъ задачъ, требующихъ большаго умственнаго труда, напримѣръ задачъ математическихъ. * Кромѣ того, мало ли мы совершаемъ несознательныхъ психическихъ дѣйствій и во время бодрствованія? Мало ли мыслей, чувствованій и побужденій вступаютъ въ наше сознаніе съ совершенно готовымъ, выработаннымъ содержаніемъ, хотя наше сознаніе въ этой выработкѣ не принимало ни малѣйшаго участія? Сколько разнородныхъ мыслей и знаній, чувствованій и стремленій почиваютъ въ несознательной глубинѣ нашей души и вступаютъ въ

---

* Очень любопытные факты подобнаго рода можно найти между прочимъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Burdach, *Die Physiologie als Erfahrungswissenshaft*. 1830. Т. III, стр. 464 и слѣд. Далѣе въ статьѣ приведеннаго выше знаменитаго физіолога Purkinje, *Wachen, Schlaf, Traum und verwandte Zustände* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*. Т. III. Abth. 2, стр. 412 и слѣд. Въ приведенномъ въ моей диссертаціи нѣсколько разъ сочиненіи Gessen, *Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie*, 1855, и въ соотвѣтственныхъ частяхъ антропологіи Фихте. Далѣе въ обширномъ сочиненіи, удостоенномъ преміи французскимъ Институтомъ, приведеннаго выше Albert Lemoine, *Du sommeil au point de vue physiologique et psychologique*, 1855, и наконецъ особенно въ сочиненіи извѣстнаго психіатра Brierre de Boismont, *Des Hallucinations, ou histoire raisonnée des apparitions, des visions, des songes, de l'extase, des rêves, du magnetisme et du somnambulisme*. 3e ed. 1862.

наше сознаніе только по временамъ и только при удобныхъ случаяхъ! Однимъ словомъ, психологія основанная не на отвлеченныхъ теоріяхъ, но на психическихъ *фактахъ* можетъ доказать, на каждомъ шагу, что *душа* и *сознаніе* вовсе не тождественны, что понятіе *души* гораздо шире понятія *сознанія*, что *есть* душа безъ сознанія, хотя *нѣтъ* сознанія безъ души. Сознаніе составляетъ одно изъ явленій души, правда явленіе самое высшее и зрѣлое, но при всемъ томъ душа существуетъ, дѣйствуетъ, развивается, живетъ и безъ сознанія. Психологія животныхъ и вообще сравнительная психологія подтверждаютъ эти положенія новыми богатыми фактами.* Слѣдовательно нѣтъ никакой причины противопоставлять жизнь душѣ и выводить ихъ изъ двухъ совершенно *разныхъ* началъ. Особая сила жизни *виталистовъ* не что иное какъ эта же самая *душа*, только въ своемъ несознательномъ дѣйствіи.

Вотъ вкратцѣ объясненіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ въ диссертаціи я *явно* не различалъ и въ будущемъ различать не стану *витальной* силы отъ *психической*; вотъ причины вслѣдствіе которыхъ первоначальное ученіе Флуранса о *noeud vital* какъ *жизненномъ центрѣ* всей нервной системы приняло для психологіи значеніе центра *психической* жизни.

Если-бы мои критики знали психологію и имѣли какое-нибудь понятіе о вышеломянутомъ *анимизмѣ*, то они не толковали бы о томъ что мнѣ не знакомъ витализмъ Флуранса, но изъ моихъ положеній они сейчасъ бы узнали что я не признаю различія витальной и психической силы. Они могли-если имъ угодно было, заняться критикой *анимизма*, возстать противъ его *началъ*, но всѣ ихъ очень давно извѣстныя заявленія о витализмѣ Флуранса, высказанныя ими какъ какая-нибудь геніальная новость, были совершенно излишни, равнымъ образомъ излишни всѣ ихъ выписки изъ Флуранса, ибо все что они говорятъ и приводятъ о его витализмѣ не направлено ни однимъ словомъ противъ *анимизма*, противъ раздѣляемой мною психической теоріи о тождествѣ *витальной* и *психической* силы.

* Смотри въ этомъ отношеніи особенно сочиненія: Perty, *Ueber das Seelenleben der Thiere. Thatsachen und Betrachtungen.* 1865. C. G. Carus, *Vergleichende Psychologie.* 1866, и соотвѣтственныя части сочиненія Wundt, *Vorlesungen über die Menschen und Thierseele.* 1863.

4. Перейдемъ къ другимъ физіологамъ.

Въ доказательство совершеннаго отсутствія *единства* нервной системы, *одного* центральнаго пункта, на основаніи котораго можно было бы объяснить *физіологически* эмпирико-психологическій фактъ *единства сознанія*, я ссылаюсь на изслѣдованія Пфлюгера, Шиффа, Вагнера и Бронъ-Секара, съ указаніемъ на Функе и Вирхова.

Относительно Пфлюгера г. Аксаковъ, какъ кажется, уличенъ такъ окончательно что уже не нужно объ этомъ болѣе и говорить. Отпечатанныя рядомъ и въ № 85 *Московскихъ Вѣдомостей* и на стр. 732 и слѣд. апрѣльской книжки *Русскаго Вѣстника*, слова изъ книги Ульрици и изъ моей диссертаціи, очевидностью своею разрѣшаютъ вопросъ о литературной добросовѣстности г. Аксакова, который на стр. 15 утверждаетъ что я взялъ изъ Ульрици *до буквальности сложсее обсужсдоніе* теоріи Пфлюгера и *ссылку* на него. Наконецъ напечатанное мною въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* мѣсто изъ стр. 109 моего нѣмецкаго сочиненія *Zur Entstehung der Seele*, 1862, изданнаго ровно за *четыре* года до изданія книги Ульрици, доказываетъ что я высказалъ свое мнѣніе о Пфлюгерѣ четыре года раньше Ульрици. Можно ли очевиднѣе обличить всю *добросовѣстность* господина Н. П. Аксакова, на котораго ссылается профессоръ Усовъ относительно *подробнаго разбора* моей диссертаціи съ *другой точки зрѣнія*.

Я не думаю печатать здѣсь вторично всѣ эти документы оправдывающіе меня отъ литературно-уголовныхъ обвиненій г. Аксакова, и обвиняющіе въ свою очередь его самого. Укажу здѣсь лишь еще на одинъ моментъ доказывающій что мое знаніе о мнѣніяхъ Пфлюгера почерпнуто *исключительно* изъ его подлиннаго сочиненія *Die sensorischen Functionen des Rückenmarks*.

На стр. 39 диссертаціи я указываю на гипотезу Пфлюгера о существованіи *множества душъ* въ нервной системѣ. Объ этой гипотезѣ Ульрици не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Ульрици указываетъ лишь на то что по мнѣнію Пфлюгера „не только головной, но и спинной мозгъ имѣетъ чувственныя отправленія, или какъ онъ (Пфлюгеръ) выражается, кошка, которой перерѣзали спинной мозгъ, получаетъ *двѣ души*“. Это послѣднее приведенное Ульрици выраженіе Пфлюгера, высказанное съ оттѣнкомъ нѣкоторой ироніи, не могло служить для меня достаточнымъ основаніемъ говорить о Пфлю-

геровой гипотезѣ, допускающей *множество* душъ въ нервной системѣ. Вѣдь при сочиненіи моей диссертаціи я вовсе не зналъ что ни г. Аксаковъ, ни г. Усовъ не читаютъ ссылокъ критикуемыхъ ими трудовъ; я долженъ былъ въ то время опасаться что кто-нибудь изъ нихъ случайнымъ образомъ возьметъ въ руки приведенное мною сочиненіе Пфлюгера и найдетъ тамъ вмѣсто гипотезы о *множествѣ душъ* лишь ту *иронію* на гипотезу что перерѣзанная кошка получаетъ *двѣ души*. Нѣтъ, подобному риску я не думалъ подвергаться. Пусть уже г. Аксаковъ подвергаетъ очевидному риску свою литературную репутацію несправедливыми, недобросовѣстными обвиненіями; пусть за нимъ и ученый зоологъ г. Усовъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ свое личное знакомство съ сочиненіями Лонже и Флуранса,—я ничего подобнаго не дѣлалъ и дѣлать не буду. Въ доказательство что я не говорилъ на рискъ о Пфлюгеровой гипотезѣ, приведу здѣсь самыя характеристическія мѣста изъ помянутаго труда Пфлюгера, и притомъ въ подлинникѣ, чтобы не дать г. Усову повода упрекать меня въ неточности перевода. Вѣдь и онъ цѣлыя страницы своей брошюры наполняетъ французскими и нѣмецкими выписками, и притомъ совершенно излишними, потому что онѣ не *доказываютъ* того что̀ онъ желаетъ доказать.

На стр. XII Пфлюгеръ говоритъ: „Bis jetzt wissen wir bereits, dass die *Seele* der niederen Thiere ein theilbares Individuum ist, das mit dem Schnitte in *so viele Individuen* zerfällt als Körperstücke vorhanden sind. Ich werde zeigen, dass die *Theilbarkeit des Sensoriums* nicht allein für die niedersten Thiere, sondern für die *ganze* Thierwelt gilt."

На стр. 33 Пфлюгеръ развиваетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „Da es eine ausgemachte Sache ist, dass das Bewusstsein in den niederen Thieren theilbar ist, dass das *eine* Bewusstsein einer Naide z. B. in so viel *Bewusstseinscentra* zerlegt werden kann, als Stücke aus dem Thiere gebildet werden durch *beliebige* Theilung, so wäre es eben eine grosse Frage, ob das nicht auch bei den höheren Thieren der Fall sein könne, wenn wir es *nicht gerade zu der Analogie halber als ein Wahrscheinliches hinstellen wollen*. Wenn nun dem Rückenmarke sensorische Functionen zukämen, so könnte nach der gegebenen *Analogie* das *eine* Centralbewusstsein eines Thieres durch Durchschneidung des Rückenmarkes in *so viel Bewusstseinscentra* zerlegt werden, als das Centralmark in Stücke zerlegt ist."

Далѣе, на этой же страницѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, Пфлюгеръ говоритъ объ особенномъ *сознаніи* спиннаго мозга, отличномъ отъ *сознанія* головнаго мозга (Rückenmarksbewusstsein и Hirnbewusstsein). Наконецъ на стр. 132 онъ въ одномъ положеніи высказываетъ главный результатъ своихъ изслѣдованій, говоря: „So glaube ich das mir vorgestreckte Ziel erreicht, d. h. nachgewiesen zu haben, dass das *Sensorium* durch das *ganze Cerebrospinalorgan* verbreitet sei.“

Если при этомъ обратимъ вниманіе на многочисленные примѣры, посредствомъ которыхъ Пфлюгеръ доказываетъ что обезглавленныя животныя сохраняютъ какъ способность чувствовать, такъ и способность отвѣчать на раздраженія посредствомъ *свободныхъ* движеній (willkührliche Bewegungen), въ отличіе отъ такъ-называемыхъ рефлексовъ; далѣе, что по Пфлюгеру даже отрѣзанный хвостикъ ящерицы представляетъ всѣ тѣ явленія, чувствованія и движенія какія мы встрѣчаемъ въ хвостикѣ соединенномъ съ остальнымъ тѣломъ (такой хвостикъ, по Пфлюгеру, даже *самостоятельно* отвращается отъ усиливаемаго огня); то кажется я имѣлъ полное основаніе говорить о Пфлюгеровой гипотезѣ, по которой, какъ я на стр. 39 диссертаціи сказалъ, „въ каждомъ нервномъ центрѣ находятся всѣ условія приписываемыя такъ-называемой душѣ, то-есть способность чувствовать и отвѣчать на внѣшнія раздраженія.“

Объ этой-то гипотезѣ Пфлюгера, выраженной у меня съ совершенною вѣрностью, точностью и ясностью, я никакъ не могъ узнать ни изъ Ульрици, ни изъ какого-нибудь посторонняго источника, но исключительно изъ приведеннаго мною въ полномъ заглавіи сочиненія самого Пфлюгера. А ежели г. Аксакóва удивляетъ то обстоятельство что всѣхъ этихъ любопытныхъ вещей изъ Пфлюгера я не описываю подробно для увеличенія объема моей диссертаціи, то я скажу ему что этого я не дѣлалъ, во-первыхъ, потому что не имѣлъ цѣли отвлекать вниманіе читателя отъ моего главнаго предмета приведеніемъ спеціальностей не относящихся непосредственно къ моему предмету, а во-вторыхъ, потому что зналъ хорошо что не только Экартъ, Молешотъ и Людвигъ, но и другіе физіологи, въ особенности Гольцъ (Goltz), возстали очень сильно противъ Пфлюгеровыхъ изслѣдованій. На это я очень ясно указываю въ своей диссертаціи, какъ въ началѣ, такъ и въ

концѣ моихъ замѣчаній о Пфлюгерѣ. Въ началѣ я говорю: „Уже изслѣдованія Пфлюгера возбудили величайшее *сомнѣніе* въ дѣйствительномъ существованіи единства нервной системы.“ Прошу замѣтить, я не говорю что Пфлюгеръ своими изслѣдованіями *доказалъ* что-нибудь, я говорю только что они возбудили *сомнѣніе*. А это и было дѣйствительно. Далѣе, я оканчиваю замѣтку о Пфлюгерѣ слѣдующими словами: „Изслѣдованія Пфлюгера въ новѣйшее время часто были *повторяемы* и побудили къ новымъ, *болѣе точнымъ* наблюденіямъ.“ Не значитъ ли это что я хорошо зналъ что изслѣдованія Пфлюгера признаны физіологами *не довольно вѣрными* и *не достаточно точными*? Наконецъ, непосредственно послѣ этихъ указаній, я говорю: „Для насъ, *въ нашемъ вопросѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія* изслѣдованія И. М. Шиффа и Рудольфа Вагнера.“ Это снова показываетъ что я хорошо зналъ о *другихъ* физіологахъ занимавшихся *повторкой* Пфлюгеровыхъ изслѣдованій, и что изъ числа этихъ физіологовъ я избираю лишь Шиффа и Вагнера, какъ *заслуживающихъ особеннаго вниманія* въ нашемъ вопросѣ. Откуда, спрашиваю я, при такихъ данныхъ, юному философу, знающему все это изъ моей диссертаціи, приходитъ въ голову учить меня и упрекать въ томъ что я, будто бы, „излагаю теорію Пфлюгера какъ стоящую внѣ всякихъ научныхъ сомнѣній“. Признаюсь, я попалъ въ руки *компетентнаго цѣнителя!* И г. Усовъ ссылается на *такой* авторитетъ!

5. На стр. 39й моей диссертаціи, какъ сказано, я указываю на Шиффа и Вагнера какъ на физіологовъ которые *повторили болѣе точными* наблюденіями изслѣдованія Пфлюгера.

О Шиффѣ я говорю такъ: „Шиффъ, подобно Пфлюгеру доказывая независимость отправленій спиннаго мозга отъ головнаго, доходитъ до заключенія что спинной мозгъ самъ по себѣ, независимо отъ головнаго, обладаетъ не только способностью чувствованія, но даже въ нѣкоторой степени способностью сознанія.“ Въ доказательство что таковы дѣйствительно мнѣнія Шиффа, я ссылаюсь на его *Lehrbuch der Physiologie*, т. I, стр. 208, 213 и 229 (это опечатка, должно быть *222*). Вотъ подлинныя мѣста подтверждающія основательность моихъ ссылокъ.

На стр. 208 Шиффъ говоритъ: „Der eben erwähnten Anschauung gegenüber hat sich schon früher eine andere geltend gemacht, welche auch dem *Rückenmarke, unabhängig vom Ge-*

hirn, die Fähigkeit der Empfindung und eines *gewissen Grades von Bewusstsein* zuschreibt, und in der That, wenn man die Bewegungen enthaupteter Amphibien betrachtet, so kann man, wie selbst Grainger, einer der eifrigsten Fürsprecher der Hall'schen Hypothese zugestehen muss, sich des Gedankens nicht erwehren, dass diese Thiere *noch fühlen*, und muss, scheint mir, um diese Vorstellung absolut zu verwerfen, in hohem Grade von der metaphysischen Abstraction der *Untheilbarkeit des Ich* und dem ich möchte sagen hypermetaphysischen Glauben an die Spontaneität der Seelenfunctionen, von der allerdings an enthaupteten Thieren keine Spur ist, eingenommen sein".

На стр. 213 Шиффъ прямо говоритъ: „ich für meinen Theil stehe keinen Augenblick an, mit *Pflüger* und früheren *vorurtheilslosen*, Beobachtern mich *für* das Zustandekommen einer *wahren* Empfindung und für die Möglichkeit des Schmerzgefühles auch in dem vom Hirn *getrennten* Rückenmarke zu erklären", а на послѣдней 222 страницѣ Шиффъ говоритъ и о *памяти* (Gedächtniss) спиннаго мозга.

Обо всѣхъ этихъ мѣстахъ сочиненія Шиффа Ульрици не упоминаетъ ни однимъ словомъ, хотя онъ часто ссылается на Шиффа. Прошу г. Аксакóва причислить впередъ и этотъ, уже третій, очень спеціальный учебникъ физіологіи (первые учебники Функе и Людвига) къ *строю* цитированныхъ мною физіологическихъ трудовъ; а г. Усова я прошу признать что и это важное произведеніе физіологической литературы мнѣ знакомо *лично*.

6. Перейдемъ къ Вагнеру.

На стр. 16, г. Аксакóвъ повторяетъ снова свои обыкновенныя обвиненія. По его словамъ, *изложеніе* теоріи Рудольфа Вагнера и ссылку на его статью въ *Göttingische Nachrichten* я *взялъ* не изъ подлинника, но со стр. 108 книги Ульрици.

Уже прежде указано было на то что Ульрици цитуетъ лишь періодическое изданіе, въ которомъ помянутая статья Вагнера была напечатана, то-есть *Nachrichten von der Universität und der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*, между тѣмъ я, и только я, цитую *полное* заглавіе статьи Вагнера, именно: *Die Frage nach dem Sensorium und Motorium commune mit besonderer Rücksicht auf die Streitpunkte zwischen Lotze und Fichte über den Sitz der Seele* (стр. 31 и 40 диссертаціи).

Откуда *взято* такое подробное заглавіе, если не изъ подлинника? Съ другой стороны, откуда г. Аксакóвъ *взялъ* сокра-

щенное названіе *Göttingische Nachrichten*, которое приводитъ на стр. 16? У Ульрици этого нѣтъ; онъ, какъ мы выше видѣли, цитуетъ полное заглавіе этого изданія, и только я для краткости оставилъ это заглавіе, давъ вмѣсто его подробное заглавіе самой статьи. Слѣдовательно цитату статьи Вагнера г. Аксакóвъ взялъ не изъ Ульрици, на котораго онъ ссылается, но изъ 31 и 40 стр. моей диссертаціи, но *безъ названія источника*. Все это доказываетъ что г. Аксакóвъ по обыкновенію далъ невѣрное пóказаніе, говоря что я *ссылку* на статью Вагнера взялъ изъ Ульрици.

Разберемъ теперь *изложеніе* результатовъ Вагнера. Уже профессоръ Юркевичъ указалъ (стр. 743), что Ульрици говоритъ о Вагнерѣ на трехъ страницахъ, а я лишь на 17 строкахъ, однако при всемъ томъ есть у меня на 17 строкахъ такія вещи которыхъ нѣтъ у Ульрици на трехъ страницахъ.

Такъ главная *суть* моего изложенія состоитъ въ слѣдующихъ словахъ на стр. 40 и слѣд.: „Самъ Вагнеръ *прежде предполагалъ* что въ мозгу возможно найти непарные органы, соединяющіе въ себѣ различные нервные центры; но теперь, вслѣдствіе своихъ новыхъ, преимущественно патологическихъ изслѣдованій, онъ доказываетъ что и самый мозгъ не есть *одинъ центральный органъ нервной* системы, а только *собраніе различныхъ самостоятельныхъ органовъ или центровъ*".

Обо всемъ этомъ нѣтъ и помину въ изложеніи Вагнеровыхъ результатовъ въ книгѣ Ульрици. Ульрици ни однимъ словомъ не указываетъ ни на *прежнее* мнѣніе Вагнера о помянутыхъ мною *непарныхъ органахъ*, ни на то что по мнѣнію Вагнера мозгъ есть только *собраніе различныхъ самостоятельныхъ органовъ или центровъ*. Ульрици не приводитъ Вагнера при разборѣ вопроса о *единствѣ* нервной системы, но ссылается на него лишь говоря о размѣщеніи разныхъ психическихъ способностей въ разныхъ частяхъ мозга. Вслѣдствіе того Ульрици указываетъ лишь на то что Вагнеръ отрицаетъ существованіе пунктуальнаго *Sensorium commune* (требуемаго психологическою теоріей Лотце), что онъ отвергаетъ ограниченіе *сѣдалища* души въ одномъ мозгу или въ одной его точкѣ, и принимаетъ лишь сосредоточеніе двигательныхъ нервовъ въ *Motorium commune*.

Откуда взялъ я, спрашиваю, свѣдѣніе о столь важномъ для вопроса о *единствѣ* нервной системы, *прежнемъ* воззрѣніи

Вагнера на *непарные органы мозга*, далѣе о несостоятельности этого *прежняго* воззрѣнія и о томъ что мозгъ по Вагнеру состоитъ изъ множества органовъ или центровъ? *Честный* читатель признаетъ что всего этого я не могъ взять изъ Ульрици, потому что у него этого нѣтъ. Вотъ мѣста Вагнеровой статьи которыя служили единственнымъ, исключительнымъ источникомъ для всего того что̀ я говорю о Вагнерѣ, и о чемъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ Ульрици.

На стр. 53 и слѣд. Вагнеръ говоритъ: „Alle meine anatomisch-physiologischen Untersuchungen hatten mich auf die Ansicht geführt, dass die psychischen, im Gehirn ablaufenden Thätigkeiten sich schliesslich in ihrer letzten Phase nur auf eine grosse Anzahl *discreter* Punkte, welche in der Rindersubstanz des grossen Gehirns liegen, *nicht auf einen einzelnen Centralpunkt* als Sensorium und Motorium commune zurückführen lassen. In der letzten allgemeinen Betrachtung, welche ich hierüber öffentlich gegeben habe *(Der Kampf um die Seele.* S. 153), fügte ich jedoch jener Annahme den Satz bei: dass an der uns bis jetzt anatomisch und physiologisch (d. h. in ihren feineren Verhältnissen) so gut als ganz unbekannten Basis des Gehirns *unpaarige Organe von grosser Wichtigkeit* liegen können, zu welcher (unter dieser Voraussetzung) die Randzellen der Hemisphären nur vermittelnde Organe sein würden.“

Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мнѣній Вагнеръ указываетъ на причины по которымъ онъ отступилъ отъ этого *прежняго* мнѣнія и доказываетъ противъ Лотце невозможность принятія одной центральной точки для чувственныхъ нервовъ, одного *Sensorium commune*, и продолжаетъ въ цитованномъ мною и самомъ важномъ мѣстѣ своей статьи, на стр. 57 и слѣд., говоря: „Ja ich bekenne, indem ich meine *früheren* Ansichten limitire, dass eine gewisse Summe von Seelen-Erscheinungen erhalten bleibt, wenn man, wie bei Tauben möglich ist, *grosses, kleines und einen Theil des Mittelhirns* entfernt hat und die Thiere am Leben erhält.“ При этомъ случаѣ Вагнеръ въ ссылкѣ говоритъ о Пфлюгерѣ: „Jene strenge Opposition, welche ich *früher* gegen die Pflüger'schen Ansichten aussprach, habe ich *aufgegeben*, ohne dieselben in der von ihm gegebenen Form zu adoptiren.“

Вслѣдъ за симъ Вагнеръ признаетъ что хотя *Sensorium commune* не существуетъ, однако нѣтъ доказательствъ противъ существованія *Motorium commune*, и высказываетъ

наконецъ на стр. 59 свое воззрѣніе (*Grundanschauung*) на *элементарную организацію центральныхъ частей первной системы*, развивая мысль что головной и спинной мозгъ есть *eine massenhafte Anhäufung von Systemen von Punkten und Linien* и т. д.

Вотъ *матеріалъ* для моего краткаго изложенія Вагнеровыхъ изслѣдованій на 17 строкахъ диссертаціи. Безъ *этого* матеріала я не могъ сказать о Вагнерѣ того что сказалъ точно и ясно, ибо, какъ замѣчено, Ульрици обо всемъ томъ не говоритъ. Далѣе, откуда я узналъ о томъ что Вагнеръ *повторялъ* изслѣдованія Пфлюгера, о чемъ Ульрици также не упоминаетъ, если не изъ вышеприведенной замѣтки Вагнера о Пфлюгерѣ? Наконецъ я говорю, на стр. 41 диссертаціи, что и Вагнеръ относительно noeud vital Флуранса доказалъ что онъ не можетъ считаться центральнымъ пунктомъ жизненныхъ отправленій организма, о чемъ Ульрици снова молчитъ,—между тѣмъ я узналъ объ этомъ изъ 55 стр. той же статьи Вагнера, гдѣ онъ объ этомъ говоритъ. * Какая однако *добросовѣстность* при такихъ данныхъ въ моей диссертаціи сказать публично что я и *ссылку* на Вагнера и *изложеніе* его воззрѣній взявъ изъ Ульрици!

7. Послѣднее обвиненіе г. Аксакóва, относительно моего физіологическаго матеріала относится къ Броунъ-Секару.

Я говорю на стр. 41 что касательно *noeud vital* Флуранса Броунъ-Секаръ наравнѣ съ Шиффомъ и Вагнеромъ „убѣдился что поврежденіе его не влечетъ за собою смерти, и поэтому онъ не можетъ быть признанъ за *узелъ жизни*, за центральный пунктъ жизненныхъ отправленій организма.“ Къ этому положенію находится на помянутомъ мѣстѣ моей диссертаціи слѣдующая ссылка: „Brown-Sequard, *Journal de physiologie*. 1858. T. I, p. 217. См. O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie*. 1860. T. I. Seite 56. (Это опечатка, должно быть T. II, стр. 568)“.

Г. Аксакóвъ на стр. 16 говоритъ что эту ссылку на Броунъ-

* Изъ этой же 55 и слѣд. стр. Вагнера, г. Аксакóвъ можетъ узнать какъ тѣсно связаны стремленія Лотце обозначить *сѣдалище* души съ *noeud vital* Флуранса. Вагнеръ разбираетъ здѣсь этотъ *центръ управляющій дыханіемъ* какъ пунктъ въ которомъ Лотце могъ бы усматривать *сѣдалище* души, обозначая ясно *pons Varolii*, какъ мѣсто гдѣ нужно искать это сѣдалище. Естественно что это все непонятныя вещи для людей занимающихся первый разъ этимъ труднымъ вопросомъ о *сѣдалищѣ души*.

Секара *я взялъ* изъ *другаго* сочиненія Ульрици, *Gott und die Natur* (2 изд., стр. 260).

Прошу читателя посмотрѣть еще разъ на мою ссылку. Послѣ указанія на Броунъ-Секара, я тамъ говорю: *смотри* Функе. Это значитъ указываю на свой источникъ, на источникъ *спеціальный*, гдѣ обширно говорится о Броунъ-Секарѣ. А *добросовѣстный* г. Аксаковъ закрываетъ и свои глаза, и глаза своихъ читателей, чтобъ они *не смотрѣли* на спеціальное сочиненіе Функе, и съ неслыханнымъ произволомъ говоритъ что источникомъ моей ссылки на Броунъ-Секара служитъ не спеціальный физіологическій трудъ, но *преимущественно популярное* сочиненіе Ульрици. Вотъ *добросовѣстная* тактика *молчать* о моихъ ясно указанныхъ спеціальныхъ источникахъ, и вмѣсто того указывать на сочиненія *популярныя*! Какъ назвать *подобное* дѣло?

Но имѣлъ ли въ рукахъ г. Аксаковъ физіологію Функе? Положимъ что указанная выше опечатка не дала ему возможности отыскать этого мѣста, но уже при Флурансѣ я цитую томъ II, стр. 567 и 575, физіологіи Функе, гдѣ, какъ мы видѣли, Функе непосредственно послѣ Флуранса говоритъ о Броунъ-Секарѣ. Изъ этого мѣста г. Аксаковъ узналъ бы болѣе объ этомъ послѣднемъ физіологѣ нежели изъ книги Ульрици. Функе приводитъ здѣсь изъ Броунъ-Секара *Thatsachen, welche dem noeud vital seinen übertriebenen Werth nehmen*, и потомъ говоритъ: „Brown-Sequard sucht nachzuweisen, das auch der momental nach Zerstörung des *noeud vital* eintretende Tod nicht directe Folge des Fehlers der zerstörten Parthie als *Heerd der Lebenskraft* ist, sondern Folge einer durch die Verletzung bedingten Reizung benachbarter Parthien и т. д.“ Въ ссылкѣ же помѣщенной на стр. 575 Функе указываетъ на статью Броунъ-Секара *Sur les causes de mort après l'ablation de la partie de la moëlle allongée qui a été nommée point vital* въ *Journal de physiologie*, 1858. T. I, pag. 217.

Итакъ вотъ мой источникъ, на который я очень ясно указываю, говоря: *смотри* Функе. Что эту цитату я взялъ изъ Функе, на котораго я ссылаюсь, а не изъ Ульрици, этому служитъ доказательствомъ и то обстоятельство что Ульрици цитуетъ при *Journal de physiologie* годъ 1857 (2 изд. *Gott und die Natur*. стр. 260), между тѣмъ я цитую по Функе годъ *1858*, а не 1857.

На невѣжественное возраженіе г. Аксакова, что Броунъ-

Секаръ является въ моемъ трудѣ *совершенно излишнимъ*, я не нахожу нужнымъ и отвѣчать послѣ вышеприведенныхъ словъ Функе, доказывающихъ его большое значеніе въ рѣшеніи даннаго вопроса.

Теперь, кажется, я могу кончить дѣло съ моимъ *компетентнымъ* критикомъ господиномъ Аксакóвымъ, хотя онъ въ новомъ произведеніи своемъ, *Barbarus Antibarbaro*, при помощи новыхъ невѣжественныхъ придирокъ, желаетъ вновь обратить на себя вниманіе публики. Произведеніе это онъ называетъ *отвѣтомъ* на мою статью въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей*. Но онъ ни *однимъ* словомъ не *отвѣчаетъ* на эту статью. Онъ выступаетъ только съ новыми придирками основанными или на полномъ незнаніи психологическихъ воззрѣній людей какъ Лотце, какъ мы это видѣли выше, или даже на простыхъ опечаткахъ, какъ напримѣръ опечатка въ цитатѣ изъ Флуранса на стр. 38 моей диссертаціи, гдѣ, какъ уже замѣчено, вмѣсто стр. 155 нужно читать стр. *85*. Это не *отвѣтъ*! Въ приведенной статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* я, какъ тамъ сказано, „*настоятельно требую* отъ г. Аксакóва, чтобъ онъ, подъ страхомъ потери репутаціи *честнаго* человѣка, отыскалъ и цитату о Фолькманѣ и всѣ другія указанныя мною въ этомъ отвѣтѣ, въ какомъ-нибудь, хотя бы уже и непопулярномъ трудѣ.“ Г. Аксакóвъ на это не *отвѣчаетъ*! О чемъ же толковать далѣе! Кто уличенъ въ такомъ дѣлѣ какъ дѣло г. Аксакóва, тотъ не разбираетъ средствъ чтобъ избавить себя отъ неумолимыхъ приговоровъ Немезиды.

Das ist der Fluch der bösen That,
Dass sie fort wirkend Böses muss erzeugen!

говоритъ Шиллеръ. Потому пусть г. Аксакóвъ пишетъ сколько ему угодно новыя полемическія упражненія, пусть онъ, новыми по содержанію, но старыми по своей *добросовѣстности* обвиненіями нападаетъ на мою диссертацію: пусть онъ, уличенный вполнѣ въ *ложности всѣхъ* указаній сдѣланныхъ имъ до сихъ поръ, приступитъ къ новымъ не менѣе ложнымъ, все это не нарушитъ впередъ моего спокойствія. Кто читалъ №№ 85 и 99 *Московскихъ Вѣдомостей*, далѣе кто читалъ статью профессора Юркевича въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, и наконецъ кто читалъ мою настоящую статью, тотъ хорошо знаетъ какое значеніе могутъ имѣть

новыя обвиненія г. Аксакóва. По его собственнымъ словамъ, онъ хочетъ въ слѣдующихъ выпускахъ своихъ дѣтскихъ наладеній „поговорить о томъ что̀ и не снилось нашимъ мудрецамъ“. Это не представляетъ для меня ни малѣйшаго интереса. Я *настоятельно требовалъ*, и весь *честный* литературный міръ, принимающій участіе въ этой полемикѣ, *настоятельно требуетъ* не *новостей* о которыхъ не снилось мудрецамъ, но или *текстуальныхъ* доказательствъ старыхъ обвиненій, или откровеннаго признанія ихъ ложности!

8. Для *полнаго* окончанія обѣщаннаго мною уличенія моихъ господъ критиковъ мнѣ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на нѣкоторыя *доказательства* приведенныя г. Усовымъ въ подкрѣпленіе его положенія что я *вовсе незнакомъ лично* съ литературой физіологіи и, прибавимъ, естественныхъ наукъ.

Первое изъ этихъ доказательствъ относится къ знаменитому Беру. Изъ логики г. Аксакóва, которою въ данномъ случаѣ пользуется и г. Усовъ, слѣдуетъ что чѣмъ Беръ *знаменитѣе*, тѣмъ менѣе я знаю о немъ. На стр. 3 своей брошюры г. Усовъ просто высказываетъ что я *не знакомъ съ трудами Бера даже по наслышкѣ*. Откуда почерпнулъ г. Усовъ подобнаго рода свѣдѣніе? Кто сказалъ ему это *по секрету*? Нѣтъ, у него есть къ этому свое основаніе; оно состоитъ въ томъ что я назвалъ Бера *энтомологомъ*.

Г. Усовъ говоритъ что Беръ не энтомологъ, и что изъ всѣхъ своихъ большихъ и *малыхъ* сочиненій онъ не написалъ ни одного *энтомологическаго*. Я однако привожу на стр. 31 и 92 въ сокращенномъ заглавіи *малое* сочиненіе Бера, котораго полное заглавіе слѣдующее: „Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige? und wie ist diese Auffassung auf die *Entomologie* anzuwenden? Zur Eröffnung der Russischen *entomologischen* Gesellschaft im Mai 1860, gesprochen von Karl Ernst von Baer, ihrem derzeitigen *Präsidenten*.“ Berlin. 1862. Далѣе въ этомъ же *маломъ*, говорящемъ объ энтомологіи *не энтомологическомъ* сочиненіи Бера находятся на стр. 5 слѣдующія слова: „Ueber die Untersuchung der *schädlichen Insecten*, gedenke ich bei einer anderen Gelegenheit einige Bemerkungen zu machen.“ Эти обѣщанныя Беромъ замѣчанія объ *изслѣдованіи* вредныхъ *насѣкомыхъ* были имъ читаны въ *русскомъ энтомологическомъ* Обществѣ и, на сколько намъ извѣстно, въ послѣдствіи напечатаны въ *Трудахъ* этого Общества.

Если знаменитый естествоиспытатель, избранный предсѣдателемъ *энтомологическаго* Общества, занимающійся въ этомъ Обществѣ рѣшеніемъ вопроса какое воззрѣніе на природу нужно примѣнить къ *энтомологіи*, и дѣлающій въ этомъ же Обществѣ замѣчанія объ изслѣдованіи вредныхъ насѣкомыхъ, *не можетъ* быть названъ *энтомологомъ*, то я согласенъ съ г. Усовымъ что за Беромъ этого титула признать нельзя. Я былъ противнаго мнѣнія. Признаюсь, впрочемъ, въ ошибкѣ, замѣчая однако что мнѣ вовсе не прискорбно признаться въ этой ошибкѣ, такъ какъ я никогда не былъ и не буду ни диллетантомъ, ни спеціалистомъ въ энтомологіи. Обѣщаю г. Усову впредь говорить о Берѣ лишь только какъ о знаменитомъ *естествоиспытателѣ* вообще, не упоминая ни однимъ словомъ о разныхъ спеціальныхъ вѣтвяхъ естествознанія которыми онъ занимался. Впередъ я не буду называть его *энтомологомъ*, хотя бы онъ написалъ еще болѣе статей о значеніи *энтомологіи* и о вредныхъ насѣкомыхъ; я не соглашусь на то чтобъ его называли *этнографомъ* или *антропологомъ*, хотя я и читалъ его лекціи объ антропологіи и его очень интересныя статьи, читанныя въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ; далѣе я не буду называть его *эмбріологомъ*, хотя бы мнѣ и нужно было говорить о его изслѣдованіяхъ относительно первоначальнаго развитія организмовъ. Я всегда и вездѣ буду называть Бера *лишь* знаменитымъ *естествоиспытателемъ*, не осмѣливаясь прибавлять *какой* именно онъ естествоиспытатель. Въ концѣ однако кстати замѣтить что и г. Усовъ не указалъ на спеціальную вѣтвь естествознанія которою знаменитый Беръ занимается *исключительно!*

9. Второе не болѣе важное доказательство того что я вовсе незнакомъ лично съ физіологическою литературой, г. Усовъ находитъ въ томъ обстоятельствѣ что въ моей диссертаціи нѣтъ помину о Грасіоле. Если отсутствіе ссылокъ на Грасіоле доказываетъ въ чемъ-либо положеніе г. Усова, то всѣ люди которые жили и писали до изданія сочиненій Грасіоле, не исключая знаменитѣйшихъ физіологовъ, тоже *вовсе* незнакомы были *лично* съ физіологическою литературой. Но однако откуда узналъ г. Усовъ что мнѣ работы Грасіоле, какъ онъ говоритъ, *вполнѣ неизвѣстны?* Сообщилъ ли ему это г. Аксакóвъ *по-секрету?* Лучше было бы г. Усову узнать отъ г. Н. П. Аксакóва что я *явно* соединяю явленія психическія съ

явленіями жизненными, * чѣмъ искать у него свѣдѣній о моемъ знаніи или незнаніи работъ Грасіоле. Впрочемъ я самъ, въ своей диссертаціи, доставилъ г. Усову возможность рѣшить этотъ вопросъ самостоятельно, и притомъ *точно* и *вѣрно*. Но я вижу, и это не единственный случай, что г. Усовъ обращается очень и очень *поверхностно* съ научнымъ матеріаломъ приведеннымъ въ моей диссертаціи. Въ этомъ уже виноватъ не *я*.

Извѣстно ли г. Усову очень любопытное сочиненіе Поля Жане, *Мозгъ и мысль?* Если г. Усовъ не зналъ его до сочиненія своей брошюры, то обязанъ былъ прочитать его при печатаніи своихъ возраженій, ибо я ссылаюсь на это сочиненіе довольно часто, именно на стр. 96, относительно вопроса объ отношеніи развитія мозга къ развитію психической жизни, указывая на то что тамъ *можно найти подробный разборъ этого вопроса*.

Изъ этого-то труда Жане г. Усовъ могъ хорошо узнать на сколько основательно его положеніе что мнѣ работы Грасіоле *вполнѣ* неизвѣстны. Приведенное сочиненіе Жане составляетъ въ русскомъ переводѣ *тоненькую*, лишь 103 съ половиною страницы занимающую *брошюру*. ** Однако въ разныхъ частяхъ этого сочиненія приводится имя Грасіоле не менѣе *тридцати* разъ, часто съ довольно обширными выписками изъ сочиненія Leuret et Gratiolet, *Anatomie comparée du système nerveux chez les animaux et chez l'homme dans ses rapports avec le développement de l'intelligence*. Жане называетъ это сочиненіе le plus riche et le plus complet sur la matière qui nous occupe и основываетъ всѣ свои выводы преимущественно на эмпирическихъ данныхъ почерпнутыхъ изъ *этого* сочиненія. Вслѣдствіе того, изъ моей *подробной* ссылки на Жане,

---

* Во второмъ изданіи своей брошюры, на стр. 13, г. Усовъ говоритъ что я во всей диссертаціи *не заявилъ* того что не раздѣляю жизненной силы отъ психической. Г. Аксаковъ напротивъ, на стр. 14, говоритъ что я *явно соединяю явленія психическія съ явленіями жизненными*.

** Несмотря на эту *тонкость* книги Жане, г. Аксаковъ выражается о ней съ извѣстнымъ уваженіемъ, имѣя въ виду вѣроятно то обстоятельство что она во французскомъ подлинникѣ, находящемся въ рукахъ г. Аксакова, занимаетъ 178 съ половиною страницъ. Впрочемъ и она причисляется этимъ господиномъ къ числу *преимущественно популярныхъ трудовъ*.

г. Усовъ могъ узнать что мнѣ *работа* Грасіоле хорошо извѣстна уже изъ Жане. А если я не ссылаюсь непосредственно на Грасіоле, но только на Жане, въ которомъ говорится обширно о Грасіоле, то это служитъ лишь новымъ доказательствомъ моей педантичной добросовѣстности въ отношеніи цитатъ.

Что же касается мнѣнія г. Усова что вопросъ о параллелизмѣ развитія мозга и психической жизни *можетъ почесться въ настоящее время рѣшеннымъ работами Грасіоле*, то я имѣю основаніе сомнѣваться въ точности и вѣрности подобнаго указанія и болѣе вѣрить словамъ Жане нежели словамъ г. Усова, высказываемымъ часто необдуманно и очень поверхностно. Жане, знающій очень хорошо работы Грасіоле, говоритъ: * „Пока дѣло ограничивается самими *общими* фактами, такую параллельную послѣдовательность нельзя, безъ сомнѣнія, отрицать; но весьма *затруднительно* точно обозначить то обстоятельство которое опредѣляетъ превосходство одного мозга надъ другимъ, разумность одного вида животныхъ надъ разумностью другаго вида.“ Подобное мнѣніе высказалъ уже прежде Фолькманъ въ приведенной мною обширной выпискѣ изъ его статьи *Gehirn*, и потому, со вторичною ссылкой на очень основательное изученіе этого вопроса у Жане, я еще разъ повторяю свое положеніе что „до сихъ поръ еще не опровергнуто утвержденіе сравнительной психологіи о томъ что различная степень психическаго развитія зависитъ *не исключительно отъ разности мозга*, но *и* отъ разности психической организаціи, то-есть организаціи души“ (стр. 96 диссертаціи).

10. Но приступимъ теперь къ послѣднему пункту, который вполнѣ оправдаетъ наше недовѣріе къ точности и основательности указаній г. Усова. Какъ намъ вѣрить словамъ г. Усова относительно Грасіоле, когда мы убѣдились наглядиѣйшимъ образомъ что онъ съ неслыханною диктаторскою рѣшительностью говоритъ что Лонже и Флуранъ не *могли даже думать и предполагать того* что они однако и думали, и предполагали, и даже въ печатномъ словѣ высказали съ ясностью и точностью недопускающею ни малѣйшаго сомнѣнія?

Пусть читатель самъ судитъ. Я обращу его вниманіе лишь на факты.

На стр. 100 моей диссертаціи я говорю о французскихъ

* Жане, *Мозгъ и мысль*, русскій пер., стр. 11.

физіологахъ Лонже и Флурансѣ, но въ томъ и другомъ случаѣ не ссылаюсь на подлинныя сочиненія этихъ авторовъ, но на извѣстныя въ философской литературѣ книги *Geschichte des Materialismus* Ланге и *Le cerveau et la pensée* Жане.

Въ своей брошюрѣ г. Усовъ высказываетъ съ абсолютною рѣшительностью что все то что говорится у меня на стр. 100 о Лонже и Флурансѣ невѣрно, не упомнивая однако ни однимъ словомъ что за эту невѣрность отвѣчаютъ не *я*, но Ланге и Жане, которымъ я *довѣрялъ*. Только вслѣдствіе указанія профессора Юркевича на неприличіе подобнаго рода умалчиванія, г. Усовъ былъ *принужденъ* упомянуть о Ланге и Жане, какъ объ авторахъ на которыхъ я ссылаюсь въ данномъ случаѣ, и признать вслѣдствіе того ихъ солидарность со мною. Теперь г. Усовъ имѣлъ дѣло не только со мной, но и съ этими почтенными и *основательными* авторами. Но все это не ослабляетъ рѣшимости обвиненій г. Усова; онъ повторяетъ что все что̀ я говорю о Лонже и Флурансѣ невѣрно, и говоритъ даже о *невѣрныхъ цитатахъ*. По крайней мѣрѣ я теперь попалъ въ хорошую компанію, въ компанію Ланге и Жане.

Но строгость диктаторскаго суда г. Усова нашла средство отлучить меня отъ этой почтенной и лестной для меня компаніи. Онъ не *хочетъ* имѣть дѣла съ Ланге и Жане: они, по его мнѣнію, не могутъ отвѣчать за то что̀ говорили и писали. Какимъ образомъ? Вѣдь они не мальчики, не поверхностные люди, не люди безумные, они *должны* отвѣчать за то что̀ пишутъ. Нѣтъ, въ глазахъ строгаго диктаторскаго суда г. Усова имъ недостаетъ необходимыхъ условій для того чтобы можно было призвать ихъ къ отвѣтственности за ихъ слова. Какія же это условія? Они не искали степени доктора на диспутѣ въ которомъ принималъ участіе г. Усовъ, одинъ изъ *компетентнѣйшихъ* цѣнителей философскихъ, и именно психо-физіологическихъ трудовъ. Да, это единственная причина по которой ни Ланге, ни Жане не отвѣтчики предъ г. Усовымъ, но только я, и я исключительно. Вотъ диктаторскій приговоръ: Я, Сергѣй Усовъ, профессоръ и т. д. „считаю отвѣтчикомъ г. Струве, а не Ланге и Жане, *ибо* искалъ степени доктора г. Струве, а не Ланге и Жане".

Что̀ дѣлать послѣ такого неумолимаго приговора? Нужно повиноваться! Нужно оказать *смиреніе!* Вѣдь г. Усовъ, по собственнымъ своимъ словамъ, „въ благонамѣренности моей

никогда не сомнѣвался". Хорошо *я* буду отвѣтчикомъ. Но если вы думаете, г. Усовъ, что вамъ легче справиться со мной чѣмъ съ Ланге и Жане, то вы ошиблись, и грубо ошиблись.

На стр. 4 своей брошюры г. Усовъ говоритъ: „На стр. 100 г. Струве говоритъ: извѣстный французскій физіологъ Лонже описываетъ въ своей *Анатоміи и физіологіи нервной системы* два случая, гдѣ при совершенномъ уничтоженіи обѣихъ переднихъ частей мозга не встрѣчалось никакихъ измѣненій психическихъ. *У Лонже этого нѣтъ.* Лонже на стр. 247, 2 тома своего *Traité de Physiologie*, изд. 1850, говоритъ" и т. д. Г. Усовъ приводитъ здѣсь большую выписку изъ Лонже, гдѣ дѣйствительно нѣтъ этихъ *двухъ* случаевъ о которыхъ говорится въ моей диссертаціи. Итакъ что же? Выдумалъ ли Ланге, на котораго я ссылаюсь, эти два случая, о которыхъ онъ еще кромѣ того въ своемъ сочиненіи говоритъ что они *очень хорошо подмѣчены* (sehr gut beobachtet)? Г. Усовъ не взялъ даже въ руки указанное и у Ланге, и въ моей диссертаціи сочиненіе Longet, *Anatomie et physiologie du système nerveux*, не убѣдился находится ли тамъ что-нибудь похожее на то что говоритъ Ланге. Съ чувствомъ своей компетентной *непогрѣшимости*, онъ коротко и лаконически говоритъ: *У Лонже этого нѣтъ.* А если однако это *есть* у Лонже, какое въ такомъ случаѣ мы должны получить понятіе, вопервыхъ, объ *основательности* г. Усова, вовторыхъ, о его *личномъ* знакомствѣ съ физіологическою литературой, и втретьихъ, о его знакомствѣ съ физіологическимъ ученіемъ Лонже? Вотъ матеріалы для рѣшенія этого вопроса.

На стр. 670 и слѣдующихъ перваго тома приведенной въ моей диссертаціи *Анатоміи и физіологіи нервной системы* Лонже находится статья со слѣдующимъ заглавіемъ: *Observations de blessures graves du cerveaux. Perte de substance aux dépens de diverses régions des lobes cérébraux, avec intégrité de l'intelligence.* Въ этой статьѣ описаны шестнадцать случаевъ подобнаго рода опасныхъ поврежденій мозга не имѣвшихъ „никакихъ замѣчательныхъ послѣдствій въ психическомъ отношеніи". *Два* изъ этихъ шестнадцати случаевъ именно *тѣ самые* о которыхъ говорилъ я въ моей диссертаціи, то-есть уничтоженіе обѣихъ переднихъ частей мозга безъ психическихъ послѣдствій. Вотъ подлинныя слова Лонже:

Стр. 674. Наблюденіе VI. „Le 2 août 1822. C. H. âgé de quinze ans fut blessé au front par les éclats d'un canon trop

chargé au quel il mettait le feu. Sa plaie des téguments avait trois pouces et demi de long sur deux et demi de large. La fracture de l'os frontal dépassait d'un pouce en longueur la plaie des téguments. Les *lobes antérieurs du cerveau* (слова эти подчеркнуты и въ самомъ подлинникѣ) s'apercevaient ainsi que leurs battements. On retira plusieurs fragments d'os *fort considérables*: *trente-deux* autres parcelles osseuses, dont plusieurs avaient pénetré dans la dure-mère, furent extraites au moyen des pinces. *En même temps, il sortit plus d'une cuilliere à soupe de substance cérébrale*, et, dans les pansements consécutifs, il en sortit environ *quatre cuilleres à café*. Le 27 octobre suivant, la cicatrice etait complète. *Depuis l'accident, le malade a toujours conservé sa raison.*"

Изъ этого описанія слѣдуетъ что выступившее черезъ большую рану лба мозговое вещество (substance cérébrale) въ количествѣ болѣе одной суповой ложки и четырехъ кофейныхъ ложекъ относится лишь къ обоимъ переднимъ полушаріямъ мозга (*lobes antérieurs du cerveau*), о которыхъ Лонже говоритъ что они были совершенно открыты вслѣдствіе разбитія лобной кости.

Второй случай слѣдующій:

Стр. 679. Наблюденіе XVI. „M. P. H. Bérard a fait voir (*Soc. anat.* séance du 15 mars. 1843), un cas de fracture, avec enfoncement de la paroi antérieure du crâne et *broiement des deux lobules antérieures du cerveau*, surtout dans leur portion qui repose sur les voûtes orbitaires. Aménè à M. Bérard, le blessé, *jouissant de toute sa raison*, put raconter lui-même les détails de son accident. *La sensibilité et les mouvements volontaires etaient conservés.* Toutefois, il semblait y avoir une légère hémiplégie faciale du côté droit. Le malade mourut bientôt dans le comma. Cette *intéressante* observation sera prochainement publiée dans les bulletins de la société anatomique: *nous avons vu nous-même la pièce pathologique.*"

Въ этомъ наблюденіи выраженіе Лонже *broiement des deux lobules antérieurs du cerveaux* не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія что здѣсь идетъ рѣчь о разрушеніи *обѣихъ переднихъ частей мозга.*

Г. Усовъ могъ, если ему угодно было, критиковать и точность, и значеніе, и примѣненіе этихъ двухъ наблюденій Лонже; но не взявъ даже въ руки указанное въ моей диссертаціи сочиненіе Лонже, не задавъ себѣ даже труда отыскать

эти наблюденія, возражать какъ нельзя рѣшительнѣе что *у Лонже этого нѣтъ* и выступать противъ добросовѣстныхъ авторовъ съ обвиненіями въ *невѣрныхъ цитатахъ*, это уже не только *поверхностно*, это *легкомысленно!* Легкомысленно тѣмъ болѣе что подобнаго рода наблюденія хотя и рѣдки, но не единственны, и что кромѣ того теорія, на которую въ данномъ случаѣ ссылается г. Усовъ и по которой большія поврежденія мозга остаются безъ психическихъ послѣдствій только тогда когда одно изъ полушарій мозга остается цѣлымъ, вовсе не принята всѣми физіологами. Какое, мы должны предполагать, у г. Усова *личное* знакомство съ физіологическою литературой, когда онъ въ своихъ *печатныхъ* возраженіяхъ показываетъ что все это было для него до сихъ поръ вовсе неизвѣстно?

Перейдемъ къ Флурансу.

На той же 100 страницѣ диссертаціи я говорю, ссылаясь при этомъ на Жане, что „Флурансъ говоритъ что у животнаго можно отнять порядочную часть мозга, будетъ ли то спереди или сзади, съ боковъ или сверху, и при этомъ оно не потеряетъ однако ни одной изъ своихъ способностей“.

На страницахъ 5 и 6 своей брошюры г. Усовъ приводитъ буквально мои слова и снова съ диктаторскою рѣшительностью прибавляетъ къ этимъ словамъ свое veto. „*Флурансъ этого не говоритъ*,“ кричитъ во всеуслышаніе г. Усовъ, „привожу въ *доказательство* его опыты изъ помянутаго сочиненія Флуранса, стр. 150, 151 и 152,“ и т. д. На этихъ страницахъ помянутаго г. Усовымъ сочиненія *Recherches expérimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux*, Флурансъ дѣйствительно *этого не говоритъ*. Усматривая въ этомъ открытіи новое подтвержденіе своей непогрѣшимости, въ которой впрочемъ г. Усовъ до сихъ поръ, какъ кажется, никогда не сомнѣвался, онъ съ чувствомъ любителя даетъ мнѣ, несчастной жертвѣ его критики, послѣдній ударъ. „Изъ этой длинной и вѣроятно для читателя довольно скучной выписки,“ говоритъ г. Усовъ, „*ясно* что Флурансъ *не могъ даже предполагать* (какъ то думаетъ г. Струве) возможности *безнаказаннаго кромсанія* во всѣхъ направленіяхъ полушарій мозга.“ А въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Г. Струве, незнакомый съ оригинальнымъ сочиненіемъ Флуранса, *все перемѣшалъ*.“

Итакъ борьба наша рѣшена. Какъ нельзя было сомнѣ-

ваться, г. Усовъ остается побѣдителемъ; я разбитъ на голову, уничтоженъ вполнѣ и окончательно. Такъ казалось бы; но къ сожалѣнію, ко мнѣ снова является неожиданно ангелъ-хранитель; я снова *солидарно* соединенъ съ лестною для меня и притомъ могущественною компаніей. Нѣкогда моими солидарными компаньйонами были и Вирховъ, и младшій Фихте, даже Фихте старшій. Шеллингъ и Гегель; послѣ того предъ судомъ г. Усова я явился въ солидарной связи съ Ланге и Жане, а теперь, для отраженія послѣдняго смертельнаго удара г. Усова, я принужденъ указать на мою полную, въ данномъ случаѣ даже *буквальную* солидарность съ знаменитѣйшимъ физіологомъ Флурансомъ. Да, г. Усовъ, я въ данномъ случаѣ такъ солидарно связанъ съ Флурансомъ что вы не можете уничтожить меня иначе какъ уничтоживъ прежде самого Флуранса. Если *я* думалъ о Флурансѣ что-нибудь чего онъ, по вашему мнѣнію, *не могъ даже предполагать*, то и самъ Флурансъ думалъ и нѣсколько разъ высказалъ то чего онъ не могъ даже предполагать, ибо я съ *буквальною* вѣрностью и точностью говорю о Флурансѣ то что онъ самъ говорилъ!

Возьмемъ въ руки упомянутое самимъ г. Усовымъ сочиненіе Флуранса *Récherches expérimentales*; г. Усовъ цитуетъ и страницы 109, и 150, и 200 этого сочиненія, но знакомъ ли онъ *лично* и съ остальными страницами этого сочиненія, приведеннаго въ *доказательство* противъ меня и Жане, хотя бы, напримѣръ, только съ 99ю страницей? На этой 99й страницѣ находятся слѣдующія слова (у меня въ рукахъ изданіе первое этой книги): „On peut retrancher, *soit par devant, soit par derrière, soit par en haut, soit par côté*, une certaine étendue des lobes cérébraux, sans que leurs fonctions soient perdues."

Кажется что эти слова заключаютъ въ себѣ *почти* буквально то же самое что я и Жане говоримъ о Флурансѣ. Но г. Усовъ скажетъ что мои слова не заключаютъ въ себѣ *точнаго* перевода словъ Флуранса,—вѣдь *неточность* въ переводахъ играетъ очень важную роль у г. Усова именно въ тѣхъ случаяхъ когда ему недостаетъ никакихъ другихъ средствъ для оправданія своихъ поверхностныхъ обвиненій. Потому отыщемъ въ сочиненіяхъ Флуранса другое мѣсто которое не допускало бы даже подобнаго предлога. Это мѣсто мы нашли и печатаемъ его рядомъ съ возраженіемъ г. Усова.

Г. Усовъ въ брошюрѣ *По поводу диссертаціи г. Струве.* Москва. 1870. стр. 5 и 6:

На той же 100 стр. диссертаціи г. Струве говорится: „подобно тому говоритъ и Флурансъ что у животнаго можно отнять порядочную часть мозга, будетъ ли то спереди или сзади, съ боковъ или сверху, и при этомъ оно не потеряетъ однакоже ни одной изъ своихъ способностей.“ *Флурансъ этого не говоритъ.* Привожу въ *доказательство* его опыты изъ помянутаго сочиненія Флуранса и т. д.

Flourens въ соч. *De la vie et de l'intelligence.* 2eme édition. Paris. 1858. 1re partie, pag. 53:

On peut enlever, sur un animal, soit par devant, soit par derrière, soit par côtés une portion assez étendue des lobes ou hémisphères cérébraux, sans qu'aucune faculté intellectuelle soit perdue: toute l'intelligence subsiste.

Что вы скажете на это, г. Усовъ? Слова моей диссертаціи заключаютъ въ себѣ буквальный переводъ словъ Флуранса высказанныхъ имъ въ *двухъ* разныхъ сочиненіяхъ. Теперь повторите еще разъ: „*Флурансъ этого не говоритъ!* Флурансъ *не могъ даже предполагать* (какъ то думаетъ г. Струве) возможности безнаказаннаго кромсанія во всѣхъ направленіяхъ полушарій мозга.“ Теперь повторите еще разъ что я, „незнакомый съ оригинальнымъ сочиненіемъ Флуранса, все перемѣшалъ“. Теперь, я надѣюсь, г. Усовъ уже не будетъ оспаривать моей докторской степени и сомнѣваться въ моемъ *личномъ* знакомствѣ съ физіологическою литературой. Теперь безпристрастный читатель уже хорошо оцѣнилъ къ кому нужно отнести все то что было высказано г. Усовымъ обо мнѣ относительно физіологическихъ знаній.

Но меня не оставляетъ въ покоѣ вопросъ, какъ съ человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, профессоромъ, человѣкомъ науки, могла случиться подобнаго рода неисправность. Я думаю что нашелъ отвѣтъ на этотъ вопросъ и позволяю себѣ сообщить его. Г. Усовъ забылъ о существованіи очень важной и разумной латинской пословицы: *verba volant, scripta manent.* На диспутѣ можно сказать очень и очень многое: и все снова улетаетъ. На диспутѣ можно докторанта озадачить разнаго рода болѣе или менѣе мудрыми вопросами; можно требовать чтобъ онъ исправлялъ на мѣстѣ опечатки, чтобы въ сію минуту отвѣчалъ за слова другихъ авторовъ, можно наконецъ сказать что того и другаго нѣтъ у Людвига, нѣтъ у Лонже, нѣтъ у Флуранса, хотя каждый, кто *лично* знакомъ съ ихъ сочиненіями, все это въ нихъ и находитъ. Такія

возраженія на диспутѣ улетаютъ какъ пришли; докторантъ благодаритъ вѣжливо своихъ оппонентовъ за участіе въ диспутѣ, и дѣло кончено. Но напротивъ *scripta manent!* Другое дѣло, когда такія вѣтряныя возраженія, выдуманныя лишь для того чтобы принять какое-нибудь участіе въ диспутѣ, *печатаются*. Другое дѣло, когда такими *печатными* возраженіями, высказанными во имя якобы ученаго авторитета и спеціальныхъ знаній, имѣется въ виду поддержать недобросовѣстныя нападки незрѣлыхъ юношей, сдѣлавшихся орудіемъ какихъ-то *подспудныхъ* силъ. Такое печатное слово не улетаетъ, оно дѣлаетъ сказавшаго *отвѣтчикомъ* за ихъ содержаніе. Отвѣчайте и вы, г. Усовъ, теперь за ваши возраженія!

Или можетъ-быть вамъ это неудобно; можетъ-быть вы убѣдились что не было вовсе надобности вторично начинать диспутъ и переносить его въ печать? Я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе. Не потому что я усталъ, или что опасаюсь непріятныхъ для себя послѣдствій; нѣтъ, у меня еще довольно силъ, и я не имѣю никакого повода опасаться чего-нибудь. Я желалъ бы окончить нашъ диспутъ лишь потому что онъ потерялъ научное и литературное значеніе и принимаетъ какой-то *подспудный* характеръ. И потому, если вамъ угодно кончить его и высказать обычное при подобныхъ случаяхъ *concedo*, я обѣщаю вамъ съ моей стороны смотрѣть на ваши *печатныя* возраженія такъ какъ смотрѣлъ на ваши возраженія изустныя, то-есть какъ на слова не имѣющія *серіознаго* характера, высказанныя съ необдуманною поспѣшностью *по поводу* новыхъ для васъ взглядовъ, не имѣющихъ непосредственной связи съ вашими, полагаю, серіозными научными занятіями.

ГЕНРИХЪ СТРУВЕ.

Варшава.
Май. 1870.

ЧАРЛЗЪ ДИККЕНСЪ

НЕКРОЛОГЪ.

Не одна Англія, не одне страны англійской рѣчи, но и весь образованный міръ понесъ великую утрату въ лицѣ Чарлза Диккенса.

Онъ велъ неутомимо-трудовую жизнь. Постоянное напряженіе умственныхъ силъ причинило приливъ крови къ головѣ, который былъ причиной его предсмертной болѣзни. 8го іюня (нов. ст.) его ударилъ параличъ, а 9го утромъ, въ половинѣ седьмаго, его не стало.

Его здоровье разстроилось за нѣсколько времени предъ симъ; но многіе приписывали это его публичнымъ чтеніямъ, гдѣ онъ съ мастерствомъ великаго художника воспроизводилъ отрывки — и въ нихъ живыя, нетлѣнныя лица — изъ своихъ романовъ, разказовъ, юмористическихъ очерковъ. Думали что волненіе, которое часто предшествуетъ такого рода продукціи, или утомленіе, которое неизбѣжно слѣдуетъ за живымъ, страстнымъ воплощеніемъ вымысла было причиной недуга, и что прекращеніе чтеній и отдыхъ въ уединеніи его Кентской дачи возстановятъ пошатнувшіяся, но бодрыя и мощныя его силы. А что силы его были потрясены, это онъ чувствовалъ съ начала своего новаго романа, „Тайну“ котораго онъ унесъ съ собою въ могилу: онъ жаловался приближеннымъ что мысли его не текли такъ свободно какъ прежде, что новый романъ (для насъ такъ полный жизни и свободнаго творчества) стоилъ ему больше усилій нежели какое бы то ни было

изъ его прежнихъ произведеній. Въ послѣдній разъ онъ выѣхалъ изъ Лондона повидимому здоровый; но въ деревнѣ, въ любимомъ имъ жилищѣ Gads-Hill, скрывшійся недугъ разразился съ неотвратимою силой. Испуганные домашніе, не довѣряя, быть-можетъ, совѣтамъ провинціальнаго врача, который поспѣшилъ на помощь больному, по телеграфу вызвали другаго медика изъ Лондона, который пріѣхалъ вмѣстѣ со старшимъ сыномъ Диккенса, но уже засталъ его въ состояніи безнадежномъ.

Въ завѣщаніи своемъ покойный положительно запретилъ всякую пышность, всякую торжественность погребенія. Но великая слава усопшаго и его заслуги указывали мѣсто гдѣ долженъ былъ покоиться его прахъ: согласно обычаю Англіи, благоговѣйно почитающей память своихъ великихъ писателей, Диккенса надлежало похоронить въ томъ тѣсномъ, но гордомъ славными именами склепѣ, который называется Poets Corner (уголокъ поэтовъ), въ Вестминстерскомъ аббатствѣ; и когда разошлась вѣсть о смерти творца *Копперфильда*, въ обществѣ и печати раздались голоса, которые требовали чтобы прахъ его былъ положенъ въ склепѣ аббатства вмѣстѣ съ прахомъ тѣхъ славныхъ мужей которые сдѣлали англійскую литературу одною изъ первыхъ міра. Когда вскрыли завѣщаніе, то увидали что хотя Диккенсъ не допускалъ никакой торжественности въ своихъ похоронахъ, но не назначалъ мѣста для своей могилы, такъ что тотъ заслуженный имъ почетъ котораго требовала англійская публика и который, съ своей стороны, поспѣшилъ предложить душеприкащикамъ деканъ Вестминстерскаго аббатства, Станлей, не былъ противенъ выраженной волѣ умершаго писателя. Согласно съ этимъ, рано утромъ 2го (14го) іюня тѣло было перевезено изъ Гадсъ-Хилла на одну изъ станцій Лондонско-Дуврской желѣзной дороги, а оттуда на экстренномъ поѣздѣ въ Лондонъ, куда оно прибыло ровно въ 9 часовъ утра. Около $9^1/_2$ похоронныя дроги прибыли въ аббатство.

Воля покойнаго была соблюдена съ самою добросовѣстною точностью. Похороны произошли такъ же тихо какъ еслибы мѣстомъ дѣйствія была маленькая деревенская церковь, а не знаменитый храмъ въ центрѣ города-великана. Прохожіе, которымъ встрѣчались похоронныя дроги, самыя простыя, и кареты провожавшихъ (всего три), конечно не догадывались что мимо ихъ везли останки любимѣйшаго изъ англійскихъ писа-

телей. Могилу вырыли въ теченіе предыдущей ночи, и кромѣ декана и канониковъ аббатства едва ли кто-нибудь изъ соборнаго причта зналъ о предстоявшемъ печальномъ обрядѣ. При богослуженіи были, кромѣ декана, двое старшихъ и трое младшихъ канониковъ, провожатые числомъ четырнадцать человѣкъ, и около того же числа посторонннихъ незнакомыхъ людей, которые случайно присутствовали въ соборѣ,—вотъ и всѣ кто видѣли какъ простой дубовый гробъ былъ опущенъ въ могилу. Надпись на гробѣ простотой своею соотвѣтствуетъ всей обстановкѣ погребенія; она гласитъ:

Charles Dickens, born February 7, 1812; died iune 9, 1870.

(Чарлзъ Диккенсъ, родился 7го февраля 1812 г., умеръ 9го іюня 1870.)

Мѣсто для могилы выбрано деканомъ изъ немногихъ оставшихся незанятыми въ *Уголкѣ Поэтовъ*. Бренные останки Диккенса лежатъ у ногъ Генделя и у головы Шеридана; направо покоится Ричардъ Кумберландъ, налѣво Маколей. Могила близъ подножія статуи Аддисона; бюстъ Такkерея спокойно глядитъ на мѣсто вѣчнаго отдыха своего стараго друга; въ нѣсколькихъ саженяхъ—могилы Самуила Джонсона и Гаррика; еще немного дальше—Шекспира, Мильтона, и сотни другихъ знаменитостей, которые вмѣстѣ съ нынѣ-отшедшимъ повѣствователемъ составляютъ славу Англіи.

Въ передовой статьѣ нумера слѣдующаго дня, 3го (15го) іюня, *Times* прекрасно замѣчаетъ что эти простыя похороны, эта скромная могила безъ памятника, безъ статуи, среди великолѣпнаго готическаго храма, прекрасно рисуютъ личность и жизнь усопшаго писателя. Его окружалъ богатый, разнообразный міръ вызванныхъ имъ къ жизни лицъ, положеній и происшествій, но среди этого міра онъ сохранялъ величайшую простоту чувства, любовь къ простымъ нравамъ, сочувствіе къ простой человѣческой жизни, къ ея цѣлямъ, нуждамъ и потребностямъ, наконецъ скромность личныхъ привычекъ и требованій отъ жизни. Его дарованіе было достаточно велико чтобы питать въ немъ гордость или честолюбіе. Но онъ былъ чуждъ того и другаго, и предпочелъ скромную жизнь литератора.

Эта простота (не только личнаго характера, но и мотивовъ въ его произведеніяхъ) есть одна изъ главныхъ причинъ необыкновенной популярности Диккенса,—качество, въ которомъ онъ между современными ему писателями не имѣлъ солер-

ника. Никто не пользовался тою всенародною любовью, тою всеобщею симпатіей которая была удѣломъ Диккенса. Кромѣ своихъ произведеній, столь популярныхъ во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ странахъ міра, онъ, какъ актеръ-любитель, какъ публичный чтецъ своихъ произведеній, какъ общественный филантропическій дѣятель, такъ часто приходилъ въ соприкосновеніе съ публикой что сдѣлался какъ бы личнымъ знакомцемъ большой массы лондонскихъ жителей. Такъ онъ былъ знакомъ и публикѣ англійской провинціи и Соединенныхъ Штатовъ. Поэтому вдвойнѣ понятно всеобщее чувство горести, съ которымъ по обѣ стороны Атлантическаго океана была встрѣчена вѣсть о его кончинѣ. Она не только поразила читающую публику, какъ могла бы поразить ее вѣсть о кончинѣ всякаго другаго писателя съ рѣдкимъ и яркимъ талантомъ Чарлза Диккенса; но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространила глубокую, искреннюю скорбь, какъ по человѣкѣ близкомъ, въ высшей степени симпатичномъ и любимомъ.

Эта общественная скорбь не могла найти выраженія въ строго-замкнутой похоронной церемоніи, время которой не было почти никому извѣстно, и которая была предписана завѣщаніемъ покойнаго. Чувство лондонской публики жаждало случая гдѣ бы оно могло принести свой долгъ памяти „нашего общаго друга“. И понятно что набожные Англичане желали придать этому выраженію общаго чувства форму церковную, что они сожалѣли о тайнѣ окружавшей погребеніе знаменитаго писателя, а потому съ радостью и живымъ интересомъ узнали о предположенномъ словѣ на смерть Диккенса, которое долженъ былъ произнести деканъ Вестминстерскаго собора на утреннемъ богослуженіи 7го (19го) іюня. Проповѣдь Стэнлея (переведенная цѣликомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, № 132) вполнѣ оправдала ожиданія на нее возложенныя. Она отличается шириною кругозора и отраднымъ соединеніемъ евангельскаго духа съ уваженіемъ къ свободнымъ плодамъ творческой фантазіи. Она далека отъ узкаго клерикальнаго взгляда, столь часто враждующаго со всею свѣтскою литературой, и ищетъ освященія ей въ самомъ Евангеліи.

Чарлзъ Диккенсъ родился въ Портсмутѣ, отецъ его, Джонъ Диккенсъ, былъ чиновникъ флотскаго казначейства. Его служебныя обязанности часто требовали перемѣны мѣста жительства, и такимъ образомъ значитель часть младенческаго

возраста будущій романистъ провелъ въ Плимутѣ, Чатамѣ, Ширнесѣ и другихъ портовыхъ городахъ. По окончаніи войны, въ 1815 году, дѣятельность вѣдомства гдѣ служилъ Диккенсъ-отецъ значительно сократилась, и онъ вышелъ въ отставку. Молодой Диккенсъ выросъ въ той сферѣ, которой онъ потомъ въ образѣ своей жизни и въ духѣ своихъ произведеній остался вѣренъ всю жизнь: въ сферѣ среднихъ классовъ Англіи, которые, въ массѣ своей, составляютъ одинъ изъ столповъ ея величія и могущества. Средства Диккенса-отца были ограничены, и образованіе которое получилъ Чарлзъ было не болѣе какъ обыкновенное среднее образованіе Англичанина, которое во время отрочества Диккенса, въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, стояло конечно ниже чѣмъ теперь. Пріѣхавъ въ Лондонъ юношей съ самыми скромными видами и надеждами, онъ помѣстился въ конторѣ одного повѣреннаго по дѣламъ (attorney) въ качествѣ письмоводителя (clerk), и такимъ образомъ вступилъ на юридическое поприще. Слѣды этого періода его жизни сохранились во многихъ его произведеніяхъ: въ *Запискахъ Пиквикскаго Клуба*, въ *Холодномъ Домѣ*, въ *Большихъ Ожиданіяхъ* и др., не мало характеровъ изъ судебнаго міра. Молодому человѣку не понравился родъ занятій на который его назначилъ отецъ, и онъ вскорѣ перемѣнилъ его и занялся стенографіей, получивъ мѣсто парламентскаго репортера при газетахъ: *The True Son*, *The Mirror of Parliament*, а въ послѣдствіи при *Morning Chronicle*. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе точностью своихъ отчетовъ и быстротой своего письма. Онъ такъ вошелъ въ свою дѣятельность что, по его собственному разказу, на одномъ торжественномъ обѣдѣ, не долго по оставленіи имъ стенографіи, не могъ слышать хорошаго спича безъ того чтобы пальцы его механически не приходили въ движеніе какъ бы для записыванія.

Но не стенографія была конечнымъ призваніемъ молодаго человѣка: въ немъ таились великія силы, богатый родникъ творчества, котораго онъ съ наивною скромностью и не подозрѣвалъ въ себѣ. Въ предисловіи къ одному изъ своихъ раннихъ произведеній, онъ разказываетъ съ какимъ восторгомъ, еще будучи мальчикомъ, глоталъ онъ романы Фильдинга и Смоллета, во всей полнотѣ наслаждаясь приключеніями, смутно чувствуя комизмъ и съ совершенною невинностью не понимая непристойностей которыхъ въ нихъ не мало. Изъ

этого интереснаго автобіографическаго свидѣтельства видно что юмористическій разказъ или повѣсть рано плѣнили воображеніе Диккенса, и потому-то онъ въ первыхъ опытахъ своего пера избралъ эту же форму. Первая книга, разказываетъ далѣе Диккенсъ, которую онъ купилъ, была именно однимъ изъ упомянутыхъ романовъ, и пріобрѣлъ онъ эту книгу въ книжномъ магазинѣ Чалмана и Голла (Chapman & Hall). Въ послѣдствіи онъ счелъ особенно счастливымъ знаменіемъ для своей литературной карьеры что эти же Чапманъ и Голлъ были первые издатели которые обратились къ нему съ предложеніемъ работы. Въ газетѣ *Morning Chronicle* (или вѣрнѣе, въ ея вечернемъ изданіи, озаглавленномъ *Evening Chronicle*), молодой стенографъ впервые покусился на беллетристическіе опыты. Это были легкіе, но полные наблюдательности, задушевности и веселости очерки нравовъ города Лондона, которые въ послѣдствіи, въ 1836 году, вышли отдѣльною книгой подъ заглавіемъ *Sketches by Boz.* (*Очерки*, Боза. Бозъ былъ псевдонимъ Диккенса. Но еще прежде отдѣльнаго выпуска, опыты эти, свѣжестью дарованія и преобладающимъ сатирическимъ содержаніемъ, бичевавшимъ множество злоупотребленій столичной жизни, обратили вниманіе на новый дебютирующій талантъ. Въ это время упомянутые уже Чапманъ и Голлъ издавали рядъ карикатуръ рисованныхъ нѣкіимъ Сеймуромъ, художникомъ нынѣ забытымъ. Издатели предложили Диккенсу скромную работу, писать текстъ къ каждой изъ этихъ карикатуръ, и молодой писатель (это было въ 1836 году, стало-быть ему было 24 года) не только не нашелъ этого предложенія обиднымъ, но скромно замѣтилъ что этотъ родъ сочиненія наиболѣе подходитъ къ его способностямъ. Однако же способности „Боза“ не такъ благопріятствовали писанію на готовую картинку и подчиненію подъ данный образецъ, какъ онъ себѣ льстилъ, и вскорѣ вдохновенныя страницы *Записокъ Пиквикскаго Клуба* (такъ назывался текстъ къ карикатурамъ) совершенно стерли и помрачили произведенія бѣднаго Сеймура, такъ что въ послѣдствіи эти *Записки* вышли съ рисунками знаменитаго карикатуриста Габлота Брауна (Hablot K. Browne), извѣстнаго подъ псевдонимомъ „Phiz“. Эти *Записки* были приняты со всеобщимъ энтузіазмомъ; ихъ читали десятки тысячъ, хотя въ то время читающій кругъ Англіи былъ гораздо тѣснѣе чѣмъ теперь; въ Америкѣ

же половина газетъ, на слѣдующій день послѣ полученія выпусковъ *Пиквика* изъ-за океана, наполняя ими свои столбцы. Въ этихъ *Запискахъ* Диккенсъ представилъ рѣдкій примѣръ молодаго, почти начинающаго писателя съ силой вполнѣ зрѣлою и опредѣлившеюся, съ мощнымъ юморомъ, глубоко проникающимъ въ противорѣчія жизни, и съ вѣрнымъ, чистымъ нравственнымъ чувствомъ. Послѣ *Записокъ Пиквикскаго Клуба*, Диккенсъ вполнѣ посвятилъ себя изящной литературѣ. Онъ принялъ редакцію журнала *Bentley's Miscelany*, и въ этомъ изданіи, съ февраля 1837 года, сталъ выходить романъ *Оливеръ Твистъ*. Здѣсь Диккенсъ вступилъ въ область новую какъ для его пера, такъ и для всей англійской литературы: въ область преступленія, въ міръ воровъ и мошенниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изобразилъ страданія бѣдныхъ дѣтей въ дурно-содержимыхъ пріютахъ. За *Твистомъ* послѣдовалъ романъ *Никласъ Никльби*, съ восхитительнымъ характеромъ г-жи Никльби; потомъ Диккенсъ задумалъ рядъ повѣстей и разказовъ подъ общимъ заглавіемъ: *Master Humphrey's Clock* (Часы господина Гэмфрея); между ними вышли: *Лавка старыхъ рѣдкостей*, *Барнаби-Рэджъ* и нѣсколько болѣе мелкихъ. *Лавка рѣдкостей* замѣчательна трогательнымъ разказомъ о маленькой Нелли, однимъ изъ самыхъ дивныхъ характеровъ въ мірѣ вымысла; *Барнаби-Рэджъ*, повѣсть не менѣе богатая пафосомъ, обильнѣе движеніемъ, такъ какъ предъ читателемъ проходятъ „Гордонскія смуты“ 1780 года. Въ одно время съ *Часами Гэмфрея* вышла біографія знаменитаго клоуна, *Memoirs of Joseph Grimaldi*.

Въ 1842 году Диккенсъ съѣздилъ въ Соединенные Штаты, гдѣ слава его уже была не менѣе громка нежели въ его отечествѣ. Американцы оказали ему самый радушный и даже восторженный пріемъ; но тѣмъ не менѣе ихъ страна произвела на автора *Пиквика* самое невыгодное впечатлѣніе, и онъ не скрывалъ его въ своихъ *Американскихъ Замѣткахъ*. Онъ ѣдко и презрительно осмѣялъ въ этихъ очеркахъ американскіе нравы и воззрѣнія; еще хуже досталось Америкѣ въ романѣ *Мартынъ Чэзльвитъ*, вышедшемъ послѣ *Замѣтокъ*. Оружіе сатиры рѣдко употреблялось съ такимъ успѣхомъ какъ въ этомъ романѣ, и нельзя не признать что именно та часть его которая происходитъ въ Америкѣ производитъ наибольшее впечатлѣніе по неотразимому комизму и неистощимой веселости.

Въ 1845 году, Диккенсъ поѣхалъ въ Италію, и по возвращеніи написалъ свои путевыя впечатлѣнія подъ заглавіемъ *Картинъ изъ Италіи*, которыя стали выходить въ новой газетѣ *Daily News*, основанной въ 1846 году и поступившей подъ главную редакцію Диккенса. Мысль, положенная въ основаніи этой газеты, поддерживать вездѣ и всегда дѣло свободы противъ деспотизма и угнетенія во всѣхъ ихъ видахъ, и этой мысли, замѣчаетъ сама *Daily News* въ своемъ некрологѣ Диккенса, органъ этотъ оставался неизмѣнно вѣренъ до настоящей минуты. Извѣстно что та же *Daily News* въ послѣдствіи была органомъ лорда Росселя, котораго Кавуръ назвалъ „самымъ либеральнымъ министромъ Европы". Что касается до участія Диккенса въ этой газетѣ, то вскорѣ послѣ ея основанія онъ сложилъ съ себя бремя редакціи и воротился къ художественному творчеству, болѣе ему симпатичному. Онъ между тѣмъ успѣлъ создать новый родъ разказовъ, *Рождественскихъ* (Christmas Stories). Разказы эти, назначаемые для подарковъ къ Рождеству, имѣли сюжеты заимствованные изъ обычаевъ празднованія этого великаго дня у Англичанъ, и по идеѣ своей выражали, каждый иначе, утѣшительное, обновленное настроеніе, внутренній свѣтъ и теплоту, среди черствой, бѣдной, злобной, будничной среды, торжество любви и примиренія надъ равнодушіемъ и враждой, идею праздника Рождества Христова, который среди снѣговъ и мрака зимы напоминаетъ намъ о пришествіи новаго свѣта, новой жизни. Первый изъ этихъ разказовъ, *Рождественскій напитокъ*, вышелъ въ 1843 году; второй (*Колокола*) въ 1844; третій (*Кузнечикъ на очагѣ*) въ 1845; четвертый (*Битва жизни*) въ 1846; наконецъ пятый и послѣдній (*Духовидецъ*) въ 1848. Въ томъ же году оконченъ и романъ *Дѣла съ фирмою Домбей и сынъ*; въ слѣдующемъ (1849) начатъ *Давидъ Копперфильдъ*. Характеры маленькаго Поля Домбей и его сестры Флоренсъ были достаточны чтобъ обезпечить громадный успѣхъ перваго сочиненія; второе же обыкновенно считается высшею точкой творчества Диккенса. Личность Давида Копперфильда также относится къ Диккенсу какъ личность Пенденниса къ Теккерею; и не будучи автобіографіей, романъ этотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ много чертъ и намековъ почерпнутыхъ изъ личной жизни автора. Въ *Холодномъ домѣ* (1852—1853) Диккенсъ осмѣялъ медленность и формализмъ верховнаго судилища Англіи (Court of Chancery) и нарисовалъ два характера (Скимпля и Бойторна)

которые многіе считаютъ за карикатурные портреты извѣстныхъ поэтовъ Лей-Гэнта и Севеджъ-Ландора. При этой безостановочной производительности, Диккенсъ еще съ 1850 года началъ издавать журналъ *Слова для домашняго обихода* (Household Words) съ издателями Брадбэри и Ивансомъ, и въ этомъ журналѣ стали выходить его романы и повѣсти. *Слова для домашняго обихода* издавались до 1859 года, когда Диккенсъ разссорился со своими товарищами по изданію, прекратилъ *Household Words*, и вмѣсто этого журнала сталъ издавать другой, *All the Year Round*, помѣщая въ немъ, какъ въ прежнемъ, произведенія своего пера. Въ этихъ двухъ журналахъ одинъ послѣ другаго выходили слѣдующія произведенія: *Крошка Доррить*, *Тяжелыя времена*, *Разказъ о двухъ городахъ*, *Письма некоммерческаго путешественника* и *Большія ожиданія*. Въ 1864 году появился отдѣльными ежемѣсячными выпусками *Нашъ общій другъ*. Послѣ этого романа слѣдуетъ перерывъ нѣсколькихъ лѣтъ, и только 19го (31го) марта нынѣшняго года вышелъ первый выпускъ новаго романа: *Тайна Эдвина Друда*, который остался неоконченнымъ.

Таланты Диккенса не ограничивались литературой. Онъ былъ замѣчательный актеръ, первый актеръ-любитель въ Англіи, и страстные ревнители театра сожалѣли что такія великолѣпныя способности не были посвящены сценѣ. Были такіе цѣнители, которые говорили что еслибы Диккенсъ сдѣлался не писателемъ, а актеромъ, то въ его лицѣ воскресли бы лучшіе дни англійской сцены. Онъ приносилъ и театру ту цѣльную, нераздѣльную энергію, ту чрезвычайную добросовѣстность и неутомимое рвеніе, которое онъ посвящалъ всякому дѣлу за которое брался. Всѣ подробности спектакля, вся техническая часть, всѣ аксессуары занимали и заботили его, и въ случаѣ нужды онъ принимался за простыя ремесленныя работы въ постановкѣ піесъ, гдѣ въ то же время игралъ одну изъ главныхъ ролей. Бывшіе товарищи Диккенса по любительскимъ спектаклямъ помнятъ какъ однажды, въ театрѣ мисъ Келли, Диккенсъ цѣлый день вколачивалъ гвозди. Въ послѣдній періодъ жизни Диккенсъ не игралъ болѣе, но воспользовался своимъ даромъ воплощенія личностей въ тонѣ, голосѣ и декламаціи для другой цѣли: онъ публично читалъ части и отрывки изъ своихъ произведеній, и искусство его чтенія было такъ велико что люди живо представлявшіе себѣ характеры и типы Диккенсовыхъ романовъ, но знавшіе эти

романы только по собственному чтенію, были поражены новизной и внезапностью образовъ, которые совершенно реально, но совершенно въ другомъ видѣ, являлись предъ ними въ исполненіи самого автора. Были и другіе судьи этихъ чтеній, отрицавшіе вѣрность, жизненность въ типахъ которые Диккенсъ вторично создавалъ въ живой декламаціи, и находили что это былъ не настоящій Сомъ Уэллеръ, не настоящая г-жа Гамль. Это могло быть справедливо, могло быть несправедливо, но во всякомъ случаѣ, какое новое свидѣтельство необыкновенной правды и жизненности тѣхъ лицъ которыя Диккенсъ создалъ во множествѣ, съ такою осязательною близостью для насъ, и которые такъ знакомы намъ что изустную передачу ихъ рѣчей мы критикуемъ какъ представленіе дѣйствительно-живущихъ лицъ!

Но эти богатые дары, которыми былъ надѣленъ Диккенсъ, становятся еще драгоцѣннѣе, если мы бросимъ взглядъ на тѣ его качества, которыя не всегда бываютъ у живо-чувствующихъ, художественныхъ натуръ. Онъ былъ столь же дѣятельный и „дѣльный", сколько талантливый или поэтическій человѣкъ. Тотъ же Чарлзъ Диккенсъ, чуткій любитель природы, который посвятилъ ей восторженныя страницы своихъ романовъ и имѣлъ страсть къ деревенскимъ прогулкамъ, на которыхъ онъ утомлялъ своихъ болѣе молодыхъ сообщниковъ быстрымъ шагомъ и дальними переходами,—тотъ же Чарлзъ Диккенсъ былъ безукоризненный и образцовый редакторъ-издатель, всею душою преданный дѣлу своего журнала, руководившій не только общимъ духомъ, но и всѣми частностями его, читавшій каждую статью въ корректурѣ прежде чѣмъ она выходила въ свѣтъ, и оставившій послѣ себя „particulars for next number" (подробности о слѣдующемъ нумерѣ) которыя въ день его смерти внесли надъ редакторскою конторкой, написанные наскоро, не чистымъ почеркомъ. Нѣкоторое время было принято говорить въ литературныхъ кружкахъ что Диккенсъ, давая журналу только свое имя, ничего въ немъ не дѣлалъ; правда, непосредственнымъ редакторомъ (acting editor) былъ прежде Вилсъ (W. H. Wills), а потомъ старшій сынъ Диккенса (также Чарлзъ); но тѣ кто бываютъ за кулисами журналистики знаютъ какой запасъ энергіи и личнаго труда вносилъ Диккенсъ въ свое изданіе. Предъ смертью Чарлзъ Диккенсъ передалъ по завѣщанію свое право собственности

въ журналѣ, также какъ и главное руководство въ изданіи онаго своему старшему сыну.

Та же неутомимая энергія не оставляла его и на поприщѣ общественной дѣятельности: онъ горячо сочувствовалъ и неослабно ратовалъ за всякое дѣло общественной пользы, въ особенности же общественной благотворительности, и такимъ образомъ его положительная практическая забота объ улучшеніи этой стороны въ англійскомъ бытѣ дополняла и оправдывала его сатирическое отрицаніе ея недостатковъ и злоупотребленій, его горячее обличеніе, напримѣръ, состоянія рабочихъ домовъ и школъ, которыя онъ часто осыпалъ горькими и заслуженными сарказмами. Въ самое послѣднее время своей жизни онъ былъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ поборниковъ учрежденія новой дѣтской больницы въ Лондонѣ (East London Hospital for Children), являясь предъ самою смертью тѣмъ же благороднымъ адвокатомъ несчастныхъ и заброшенныхъ дѣтей, какимъ онъ былъ въ *Оливерѣ Твистѣ*, въ *Никласѣ Никльби*, въ *Домбей и Сынѣ*.

Диккенсъ былъ счастливъ тѣмъ что не только сердечное убѣжденіе и сила мысли, но и болѣе легкіе таланты являлись на помощь въ его филантропическомъ призваніи. Извѣстно какую роль играютъ въ общественной жизни Англіи торжественные обѣды. Они не праздныя пиршества, они даются большею частію съ цѣлью оживить какое-нибудь серіозное дѣло, полезное начинаніе, и рѣчи на нихъ произносимыя, которыя столько же привлекаютъ къ этимъ обѣдамъ, сколько и любовь къ общественнымъ удовольствіямъ, нерѣдко содержатъ плодотворныя мысли въ легкой и пріятной формѣ изящнаго общежитія. Такъ выработалось особенное искусство застольнаго краснорѣчія, и въ этомъ искусствѣ Диккенсъ имѣлъ мало равныхъ. Его рѣчи, особенно послѣ-обѣденныя, отличались неотразимымъ, увлекательнымъ юморомъ, и увеличивая общественное обаяніе личности всѣми чтимаго писателя, вмѣстѣ съ тѣмъ служили тѣмъ филантропическимъ цѣлямъ которыя нерѣдко бывали поводомъ подобныхъ торжествъ.

Прибавить ли еще слово о рѣдкихъ личныхъ свойствахъ творца *Пиквика?* Говорить ли о его необыкновенной *надежности* въ дружбѣ, о его всегдашней готовности жертвовать драгоцѣннымъ временемъ для помощи нуждающимся, несмотря на ту строгую точность и размѣренный порядокъ, безъ котораго Диккенсъ никогда не осилилъ бы своей многосто-

ронней дѣятельности? Диккенсъ человѣкъ тотъ же что̀ и Диккенсъ-писатель: одинъ и тотъ же духъ оживлялъ дѣйствія человѣка и подсказывалъ творенія поэта. Вотъ что̀ особенно дорого въ усопшемъ писателѣ.

Мы не можемъ здѣсь входить въ подробный разборъ его многочисленныхъ произведеній; припомнимъ лишь нѣкоторыя свойства его блестящаго и симпатичнаго пера. Диккенсъ, изображая дѣйствительную жизнь, не подыскиваетъ явленій которыми можно было бы раздражить нервы и возбудить желчь читателя; онъ не спекулируетъ на чувство злобы и мести, не подставляетъ читателю объекты, на которые тотъ могъ бы излить накопившійся въ немъ сплинъ или мизантропію; Диккенсъ не прибѣгаетъ къ этимъ, столь любимымъ многими повѣствователями пружинамъ. Его реализмъ есть истинный реализмъ. Онъ бралъ жизнь во всей ея широтѣ; онъ обошелъ богатую и разнообразную область явленій, и если въ своихъ картинахъ онъ преимущественно останавливался на явленіяхъ будничныхъ, на симпатіяхъ и судьбахъ мелкихъ, затертыхъ и забитыхъ людей, на злоупотребленіяхъ силой и превосходствомъ, то онъ всегда дополнялъ картину и изображеніемъ лучшей стороны жизни, и прекрасно согрѣвалъ свои изображенія, наполняя ихъ дивною музыкой глубоко любящаго и горячо вѣрующаго чувства. Онъ былъ исполненъ горячаго и великодушнаго порыва, который съ неудержимою силой влекъ его чувство къ угнетеннымъ и страждущимъ, къ забытымъ труженикамъ человѣчества. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ тою неистощимою веселостью которая соединяетъ рѣзвый смѣхъ съ симпатичнымъ добродушіемъ, и которая прекрасно освѣжала выраженія его серіознаго чувства и мрачныя стороны его картинъ. На всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ яркій и благотворный отблескъ его любящаго, человѣколюбиваго духа, и этотъ мягкій и грѣющій свѣтъ такъ очаровательно озаряетъ сочно-бьющуюся жизнь его столь оригинальныхъ и часто причудливыхъ характеровъ, такъ увлекательно охватываетъ настроеніе читателя, такъ утѣшительно укрѣпляетъ въ немъ вѣру въ лучшія стороны человѣческой природы, что дѣйствіе его романовъ, кромѣ художественной стороны, имѣетъ еще высокое нравственное значеніе. И здѣсь мы встрѣчаемся съ кроткою, теплою и исполненною глубокой правды рѣчью того проповѣдника который взглянулъ на трудъ писателя съ высоты Евангелія. Дѣйствительно, братская любовь проникаетъ собой

разказы и изображенія Диккенса, и если онъ съ карающею ѣдкостью уличалъ и преслѣдовалъ зло тяготѣющее надъ человѣческими дѣлами, то и въ этой бичующей сатирѣ слышенъ только благородный протестъ той же всеобъемлющей любви.

Мы не можемъ лучше заключить эти нѣсколько словъ въ память Диккенса, какъ письмомъ его къ одному изъ его знакомыхъ, который невольною несправедливостью вызвалъ его на искреннюю исповѣдь. Это замѣчательное письмо, вѣроятно одно изъ послѣднихъ писанныхъ Диккенсомъ, служитъ прекраснымъ комментаріемъ къ его творческой и общественной дѣятельности.

„Я бы никогда не подозрѣвалъ, еслибы не ваше письмо, что благоразумный читатель могъ бы увидать намекъ на Св. Писаніе въ одномъ мѣстѣ моей книги, гдѣ я воспроизвелъ ходячую фигуру рѣчи, которая вошла въ ежедневное употребленіе и кстати и некстати говорится безо всякаго отношенія къ первоначальному источнику. Я, право, возмущенъ (I am truly shukled) тѣмъ что какой бы то ни было читатель могъ при этомъ ошибиться. Я всегда въ сочиненіяхъ своихъ стремился выразить благоговѣніе къ жизни и урокамъ Спасителя, потому что я чувствую это благоговѣніе, потому что я письменно изложилъ Его исторію для моихъ дѣтей, которые впрочемъ уже знали ее наизусть, такъ какъ каждому изъ нихъ я повторялъ ее прежде чѣмъ ребенокъ умѣлъ читать и почти съ того времени какъ онъ начиналъ говорить. Но никогда я не кричалъ объ этомъ съ кровель домовъ.“

Вотъ еще слова его написанныя имъ за нѣсколько дней до кончины:

„Я поручаю чтобы на моей гробницѣ мое имя было написано простыми англійскими буквами.... Я умоляю моихъ друзей чтобъ они отнюдь не дѣлали мое имя предметомъ монумента, памятника и чего-либо подобнаго. Мое право на память моей страны я возлагаю на мои печатныя творенія, а воспоминанія моихъ друзей кромѣ того еще на ихъ знакомство со мной.... Я вручаю духъ мой милосердію Божію чрезъ Спасителя Господа нашего Іисуса Христа, и увѣщаю моихъ милыхъ дѣтей стараться руководить себя ученіемъ Новаго Завѣта въ его широкомъ духѣ, не полагая вѣры въ чье-либо узкое толкованіе его буквы.“

НЕЛЮБОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

М А Й.

Стр.

Россія и Польша въ XVIII вѣкѣ. По реляціямъ Венеціанца Д. Дольфина и Генуэзца С. Риваролы. *В. Макушева* 5

Курляндія подъ управленіемъ Екатерины Великой. (1795 годъ.) *А. Мосолова*. 26

Экономическая корреспонденція *Г. де-Молинари* 61

Произведенія иностранныхъ художниковъ въ Петербургѣ. *А. М. Матушинскаго*. 104

Подслудныя силы. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть вторая. Гл. XII—XVIII. *Н. А. Чаева*. 124

Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ. Неизданныя письма его роднымъ, 1827—1829. *М. И. Семевскаго*. 213

Мужъ и жена. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XIV—XX 265

Джонъ Стюартъ Миль о женщинахъ. *П. К. Щебальскаго*. 327

Русская литература:

I. *Богданъ Хмельницкій*. Соч. Николая Костомарова, изд. третье. Спб. 1870. *Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой*. М. И. Костомарова. Спб. 1870. 354

II. *Археологическая топографія Таманскаго полуострова*, К. Герца. Москва. 1870. *П. Щ.* 358

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Булгамптонскій викарій. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. LVI—LXVIII.

Двадцать тысячъ льё подъ водой. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. XIX—XXI.

Тайна Эдвина Друда. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. VII—IX.

І Ю Н Ь.

Гродненскій сеймъ 1793 года. Гл. VIII—X. *Д. И. Иловайскаго* . . 361

Тюрьма и вѣнецъ. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. И. Х. Зедлица. Переводъ *Ѳ. Б. Миллера*. 413

Александръ Бестужевъ на Кавказѣ. 1829—1839. Неизданныя письма его къ матери, сестрамъ и братьямъ. *М. И. Семевскаго* 485

Мужъ и жена. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXI—XXIV 525

Египетскій могильный міръ. Публичное чтеніе Генриха Бругша . . 576

Подслудныя силы. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть вторая. Гл. XIX—XXIV. *Н. А. Чаева*. 593

Рѣшеніе греко-болгарскаго вопроса. *Т. И. Филиппова*. 678

Взглядъ на матеріалы необходимые для разработки вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій. Отвѣтъ гг. С. Усову и Н. Аксакóву. *Г. Е. Струве*. 724

Чарлзъ Диккенсъ. Некрологъ. *Нелюбова*. 809

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Булгамптонскій викарій. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.

Двадцать тысячъ льё подъ водой. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Окончаніе первой части. Часть вторая, гл. I—II.

Тайна Эдвина Друда. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. X—XI.

ВЪ КІЕВѢ,

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

РЕДАКЦІИ

КІЕВСКАГО НАРОДНАГО КАЛЕНДАРЯ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЧТЕНІЕ ИЗЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ И ДѢЯНІЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ, на славянскомъ языкѣ. Цѣна 30 коп.

ЧТЕНІЕ ИЗЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ И ДѢЯНІЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ, на русскомъ языкѣ. Цѣна 15 коп.

ЧТЕНІЕ ИЗЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА, на русскомъ языкѣ. Цѣна 12 коп.

РУССКО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ, составленный по новѣйшей звуковой методѣ, съ рисунками и полнымъ сборникомъ молитвъ. Изданіе второе, значительно дополненное. 128 стр. Одобренъ для употребленія въ первоначальныхъ училищахъ. Ц. въ перепл. 12 коп.

РУССКАЯ АЗБУКА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ. Свидницкаго. Ц. 6 к.

РУССКАЯ АЗБУКА ДЛЯ УЧАЩИХЪ. Цѣна 12 коп.

КНИГА ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ послѣ букваря. Печатана крупнымъ шрифтомъ и приспособлена для употребленія въ первоначальныхъ училищахъ. Часть 1я: молитвы на славянскомъ и русскомъ языкахъ, объясненіе праздниковъ и Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Цѣна 20 коп.

КНИГА ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ. Часть 2я: для упражненія въ чтеніи и для сообщенія первоначальныхъ необходимыхъ свѣдѣній въ Русской Исторіи, Географіи и Естественной Исторіи. 146 статей. Изданіе второе; одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цѣна 20 коп.

ДИДАКТИЧЕСКІЯ ПРАВИЛА. Дистервега. Цѣна 50 коп.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА, Востокова. Цѣна 6 коп.

АРИѲМЕТИКА, Буссе. Цѣна 4 коп.

АРИѲМЕТИКА, Домбровскаго. Цѣна 6 коп.

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Цѣна 20 коп.

ЗАПИСКИ УКРАИНЦА о Польскомъ возстаніи 1861—1864 гг., съ портретами волостныхъ старшинъ, отличившихся во время этого возстанія. Цѣна 30 коп.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА въ Подольской губерніи. Цѣна 12 коп.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ Черниговской губерніи. Цѣна 25 коп.

СЛОВО ОБЪ УЧАСТІИ ВЪ ПОПЕЧЕНІИ О РАНЕНЫХЪ, съ приложеніемъ Устава Общества Попеченія о Раненыхъ. Цѣна 5 коп.

ОПИСАНІЕ С. ОЛЕШИНА. Цѣна 6 коп.

ТРИ СКАЗКИ И ОДНА ПОБАСЕНКА. М. Максимовича. Ц. 6 к.

КІЕВСКАЯ ПЧЕЛКА. Практическія замѣтки о пчеловодствѣ. Цѣна 6 коп.

О СТАРОДАВНИХЪ ЛЮДЯХЪ. Максимовича. Цѣна 6 коп.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ. Въ 4хъ книгахъ, 824 стран. Цѣна 1 руб. Каждая книга отдѣльно по 25 коп.

ДРУГЪ НАРОДА за 1867 годъ (718 стр.). Цѣна 1 руб. За 1868 годъ—1 р. За 1869 г.—1 руб. 20 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ И УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ, а также правила испытанія на должности по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ приложеніемъ списка руководствъ для готовящихся къ испытанію. Цѣна 15 к.

ПРОГРАММЫ КІЕВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА по всѣмъ предметамъ. Ц. 20 к.

КНИГА НАУМА о великомъ Божіемъ мірѣ. Цѣна 10 коп.

СЕЛЬСКІЯ ПОСТРОЙКИ ИЗЪ ГЛИНЫ. Цѣна 5 коп.

ТАБЛИЦА ШЕЛКОВОДСТВА, съ объясненіемъ ухода за шелковичными червями. Цѣна 50 коп.

ТАБЛИЦА ОГОРОДНИЧЕСТВА, хромолитографированная 6ю тонами, съ книжкою объясненія. Цѣна 1 руб.

ТАБЛИЦА ПЧЕЛОВОДСТВА, хромолитографированная 5ю тонами, съ наставленіемъ о разведеніи пчелъ. Цѣна 1 руб.

ПОРТРЕТЪ ГЕТМАНА ЗИНОВІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО, изданный въ пользу сооруженія памятника Хмельницкому. При выпискѣ не менѣе 10ти экземпляровъ цѣна 10 коп., при выпискѣ одного экземпляра—30 коп.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ И ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ. Саковича. Цѣна 40 коп.

НАСТАВЛЕНІЕ О ШЕЛКОВОДСТВѢ. Цѣна 6 коп.

ЗЕМЛЯ И ЧТО НА НЕЙ ЕСТЬ. Цѣна 6 коп.

Цѣны на всѣ поименованныя въ этомъ спискѣ книги назначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ, выписывающимъ этихъ книгъ въ одинъ разъ не менѣе какъ на 10 р., дѣлается уступка 20%. Съ требованіями обращаться въ Кіевъ, въ книжный магазинъ редакціи *Кіевскаго Народнаго Календаря*, при Кіевской 1й гимназіи.

Въ томъ же магазинѣ принимается подписка на газету *Другъ Народа*, которая выходитъ еженедѣльно въ одинъ листъ большаго формата. Годовая цѣна 2 руб., полугодовая 1 руб 20 коп.

5.683.

— Я заставлю васъ выпустить меня.

— А я не выпущу васъ пока не выскажу вамъ моего мнѣнія. Теперь здѣсь такъ пусто что, кажется, даже священнику можно закурить сигару. Вы должны воротиться со мной, Гарри.

— Нѣтъ, я не поѣду.

— Неужели вы хотите сказать что отказываетесь отъ своей силы воли, отъ всѣхъ своихъ обязанностей, отъ всей жизни вслѣдствіе того что обманулись въ женщинѣ. Такъ вотъ оно ваше мужество о которомъ вы такъ много говорили.

— Послѣ всего что̀ я выстрадалъ, я не могу выносить моего дома.

— Вы должны пересилить себя. Вы думаете что если вы страдаете, то имѣете право не платить долговъ?

— Я никому не долженъ ни пенни, а если долженъ, то заплачу хоть завтра.

— Есть долги которые выплачиваются только ежедневнымъ трудомъ. Такой долгъ лежитъ на васъ относительно каждаго человѣка проживающаго на вашей землѣ. Вы думаете что можете отдѣлиться ото всѣхъ, сдѣлать изъ себя посмѣшище, не повредивъ этимъ никому кромѣ себя. Почему мы осуждаемъ самоубійцу?

— Потому что онъ грѣшитъ.

— Потому что онъ трусъ, бросающій свою ношу вмѣсто того чтобы нести ее съ мужествомъ. Онъ бросаетъ свою ношу на дорогу, и ему нѣтъ дѣла кто понесетъ ее за него, или кто пострадаетъ вслѣдствіе того что у него не хватило мужества для борьбы. Развѣ вы не сознаете, что хотя вамъ и тяжело вотъ здѣсь (Фенвикъ ударилъ себя въ грудь), но вы должны такъ управлять своею внутреннею жизнью чтобъ окружающіе васъ не замѣчали вашего горя? Таково мое понятіе о мужествѣ, а я всегда считалъ васъ мущиной.

— Мы добиваемся уваженія общества только пока желаемъ его. Я теперь ничего не желаю. Оно такъ поразило меня что я солгалъ бы еслибы сказалъ что у меня осталось достаточно мужества чтобы вынести это. Я не сдѣлаюсь самоубійцей.

— Надѣюсь что нѣтъ, Гарри.

— Но и не ворочусь домой, а поѣду за границу.

— Кому же вы принесете этимъ пользу?

— Вамъ легко проповѣдовать, Франкъ. Какъ я ни малодушенъ, но я тоже могъ бы проповѣдовать вамъ, еслибы было о чемъ. Проповѣдовать легко, но примѣнять проповѣди къ

жизни невозможно, когда у человѣка нѣтъ силы. Онъ не можетъ ходить когда у него отняты ноги. Переломите птицѣ крыло, и она не полетитъ, какъ бы ей ни хотѣлось улетѣть. Всю силу какая у меня была, она отняла у меня. Я охотно подрался бы съ нимъ еслибы нашелъ возможнымъ.

— Онъ не такъ глупъ чтобы драться съ вами.

— Но я не могу смотрѣть на нее.

— Вы знаете что она уѣхала изъ Булгамптона?

— Это все равно, Франкъ. Тамъ мѣсто которое я готовилъ для нея. Еслибъ я былъ тамъ, вы и ваша жена всегда вспоминали бы объ этомъ. Всѣ въ околоткѣ знаютъ мою исторію. Я не могу постигнуть какъ женщина рѣшилась на такой поступокъ.

— У нея не было дурнаго намѣренія, Гарри.

— Сказать по правдѣ, вспоминая все это, я осуждаю болѣе себя чѣмъ ее. Человѣкъ не долженъ быть такъ глупъ чтобы дѣлать предложеніе во второй разъ. Но мнѣ засѣла въ голову мысль что стыдно сдѣлать предложеніе и не получить согласія. Это же самое и теперь меня мучаетъ. Я не буду никогда ничего добиваться, потому что неудача такъ сильно дѣйствуетъ на меня. Но какъ бы то ни было, въ Вязники я не поѣду.

Послѣднюю фразу онъ сказалъ послѣ небольшой остановки, во время которой викарій придумывалъ какой бы еще доводъ привести своему другу чтобы заставить его воротиться домой.

Джильморъ сказалъ Фенвику что послалъ денегъ своему прикащику съ послѣднею почтой, но сознался что, посылая деньги, написалъ только чтобы было заплачено жалованье людямъ, но другихъ распоряженій не сдѣлалъ. Онъ еще самъ не рѣшилъ ничего. Когда они обходили вокругъ ограды Сентъ-Джемскаго парка, ихъ старая дружба вызвала Джильмора на откровенность, и онъ передалъ другу множество самыхъ безумныхъ плановъ приходившихъ ему въ голову. Болѣе другихъ нравился ему планъ отколотить Вальтера Маррабель до полусмерти. Фенвикъ представилъ ему нѣсколько возраженій. Во-первыхъ, Вальтеръ Маррабель ни въ чемъ не виноватъ противъ него. Во-вторыхъ, Маррабель, по всей вѣроятности, не уступитъ ему въ умѣньи поколотить. Въ-третьихъ, когда дракка кончится, человѣка начавшаго ее посадятъ въ тюрьму, и онъ не будетъ имѣть даже того утѣшенія что общественная симпатія на его сторонѣ.

— Вы не можете обратиться къ общественному снисхожденію, какъ могла бы обратиться женщина.

— Чортъ съ нимъ, съ общественнымъ снисхожденіемъ, воскликнулъ Джильморъ, рѣдко прибѣгавшій къ такимъ энергическимъ выраженіямъ.

Былъ у него еще планъ—напечатать всю исторію. Фенвикъ принужденъ былъ замѣтить ему что человѣкъ въ его положеніи долженъ стараться скрыть такую исторію, а не придавать ее гласности.

— Вы говорите, сказалъ Фенвикъ,—что не можете вынести неудачи, а сами хотите разказать о ней всему свѣту.

Третій планъ былъ еще нелѣпѣе. Онъ напишетъ такое письмо Мери Лоутеръ которое подѣйствуетъ на нее какъ горячія уголья высыпанные на голову. Онъ скажетъ ей что жизнь для него стала невозможна, что она можетъ взять себѣ Вязники и жить въ нихъ.

— Я не сомнѣваюсь что такое письмо разсердитъ ее, сказалъ Фенвикъ.

— А мнѣ какое дѣло что она разсердится?

— Конечно никакого; но всякій кто увидитъ ваше письмо поймѣтъ что оно притворство и утрировка. Я надѣюсь что вы не сдѣлаете ничего подобнаго.

Они провели вмѣстѣ почти весь день. Утромъ Джильморъ, конечно, скрылся бы отъ викарія еслибы могъ, но послѣ того какъ его поймали и заставили выслушать дружескія наставленія, онъ былъ благодаренъ за нѣчто похожее на общество. Фенвику хотѣлось уговорить его воротиться въ Булгамптонъ, или, если это окажется невозможнымъ, заставить его дать кому-нибудь довѣренность на управленіе имѣніемъ. Но онъ медлилъ привести въ исполненіе послѣднее намѣреніе, думая, что если такимъ образомъ признать его эмигрантомъ, то онъ и останется эмигрантомъ, и будетъ еще труднѣе воротить его домой. Потому въ этотъ день онъ не намекнулъ о довѣренности. Вечеромъ они разстались, условившись завтракать вмѣстѣ въ гостиницѣ гдѣ остановился Фенвикъ, и потомъ пойти вмѣстѣ къ утреннему богослуженію, въ одиннадцать часовъ. Во время завтрака и на пути въ церковь Фенвикъ не сказалъ Джильмору ни слова о Булгамптонѣ. Онъ говорилъ о богослуженіи въ различныхъ церквахъ, объ обрядахъ, о воскресномъ покоѣ Лондона и о воскресныхъ занятіяхъ трехъ милліоновъ людей, изъ которыхъ три четверти не ходятъ въ церковь. И о

многомъ другомъ онъ говорилъ, но только не о томъ о чемъ думалъ Джильморъ. Но едва они вышли изъ церкви какъ онъ опять накинулся на него.

— И теперь, Гарри, вы не чувствуете что измѣняете своему долгу?

— Я чувствую что не могу летать, потому что у меня сломано крыло, отвѣчалъ Джильморъ.

Они опять провели весь день вмѣстѣ, но ничего хорошаго изъ этого не вышло. У Джильмора былъ одинъ опредѣленный планъ — уѣхать за границу и объѣхать западъ, востокъ или югъ, все равно. Вязники можно отдать внаймы, если найдется охотникъ взять ихъ, но ему будетъ слишкомъ достаточно дохода съ арендаторовъ.

— Что же касается до того чтобы приносить имъ пользу, сказалъ онъ,—я все равно никогда не приносилъ имъ пользы. Если они не могутъ жить на моей землѣ безъ меня, то они точно также не могли бы жить и при мнѣ.

LXIX. Допросъ.

Мельникъ, уѣзжая изъ своего дома, назвалъ дочь по имени въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ она воротилась домой, и Карри была утѣшена. Но ни одного ласковаго слова не слыхала она отъ отца во время пути въ Салисбери. Онъ почти не говорилъ все утро, а когда по необходимости произносилъ какое-нибудь слово, голосъ его былъ тихъ и печаленъ. Карри знала, какъ знали всѣ въ Булгамптонѣ, что отецъ ея не любитъ говорить, и не ожидала что онъ будетъ говорить съ ней, но тѣмъ не менѣе молчаніе, при страхѣ который она чувствовала въ ожиданіи допроса, дѣйствовало на нее невыносимо тяжело. Еслибъ она смѣла сама дѣлать ему вопросы и получала бы отъ него отвѣты, то она могла бы вынести свое положеніе сравнительно легко.

Въ повѣсткѣ, которую получилъ мельникъ, говорилось что Каролина Бретль должна явиться въ такое-то мѣсто въ Салисбери, въ такой-то часъ, въ среду. Въ назначенное время мельникъ явился съ дочерью въ назначенное мѣсто, успѣвъ уже побывать въ приготовленномъ для нихъ помѣщеніи у мистриссъ Стигсъ. Тогда имъ сказали что въ этотъ день они не нужны, но что на слѣдующее утро, въ половинѣ десятаго, они

должны непремѣнно явиться въ судъ. Помощникъ атторнея, говорившій съ ними, узнавъ что Семъ еще не явился въ Сатисбери, выразился о непослушаніи молодаго человѣка такъ строго что Карри подумала что брату ея угрожаетъ бо́льшая опасность чѣмъ двумъ подсудимымъ. Когда они вышли, она попросила отца послать поскорѣе за Семомъ въ Булгамптонъ.

— Пусть дѣлаетъ какъ знаетъ, сказалъ мельникъ, и это было все что̀ онъ сказалъ.

Въ этотъ вечеръ они удалились въ одну изъ своихъ комнатъ у мистриссъ Стигсъ съ четырехъ часовъ пополудни, и уже не выходили болѣе изъ дому. Трудно вообразить что-нибудь ужаснѣе вечера который они провели. Мельникъ, привыкшій работать усиленно весь день и потомъ отдыхать, не зналъ теперь что̀ съ собой дѣлать. Карри, видя его жалкое положеніе и думая болѣе о немъ чѣмъ о себѣ, предложила ему погулять по городу.

— Какая ты глупая! сказалъ онъ:—время ли тебѣ теперь показываться въ городѣ?

Карри приняла его выговоръ молча и отвернулась чтобы скрыть слезы.

Слѣдующій день былъ еще ужаснѣе, потому что былъ длиннѣе. Ровно въ половинѣ десятаго они явились въ судъ и ждали тамъ до половины одиннадцатаго. Тогда имъ сказали что дѣло ихъ будетъ разбираться на слѣдующій день, въ пятницу, и что они должны явиться непремѣнно въ половинѣ десятаго. Если же Семъ не явится къ тому же времени, то ему сильно достанется. Мельникъ, начинавшій терять уваженіе къ молодому человѣку отъ котораго получалъ эти свѣдѣнія, пробормоталъ что-то о томъ что Семъ всегда правъ.

— А вотъ увидите будетъ ли онъ правъ если не явится завтра въ судъ въ половинѣ десятаго, сказалъ молодой человѣкъ.

— Есть люди у которыхъ языки острѣе зубовъ, отвѣчалъ мельникъ.

Они воротились къ мистриссъ Стигсъ и опять весь день не выходили изъ дому.

Въ пятницу, день въ который дѣйствительно разбиралось дѣло, они опять явились въ судъ въ половинѣ десятаго, и тамъ, какъ мы знаемъ, видѣлъ ихъ мистеръ Фенвикъ, два часа позже, терпѣливо ждавшихъ пока рѣшалось дѣло мяснаго торговца. Въ то время Семъ еще не приходилъ, но въ первомъ часу онъ вошелъ наконецъ въ неудобную комнату гдѣ сидѣла

Карри съ отцомъ. Появленіе его было радостью для бѣдной Карри, потому что она знала что онъ будетъ говорить съ ней и скажетъ ей что̀ дѣлается въ судѣ.

— Вотъ я и пришелъ во̀-время, сказалъ онъ, подходя къ нимъ.

Мельникъ снялъ шляпу, почесалъ голову и проворчалъ что-то. Но въ глазахъ его мелькнула радость когда вошелъ Семъ. Для глазъ старика во всемъ мірѣ не было ничего пріятнѣе образа его младшаго сына. По мнѣнію мельника, Аполлонъ не могъ быть красивѣе, Геркулесъ не могъ быть сильнѣе его Сема. Женственная красота Карри была ему когда-то также дорога, но все это теперь прошло.

— Ну, какъ дѣла? спросилъ мельникъ, намекая на мельницу.

— Катились какъ карета четверней, когда я ушелъ сегодня утромъ.

— А какъ ты добрался сюда?

— На своей парѣ, за которую ничего не заплатилъ; какъ же иначе?

Мельникъ не сказалъ ни слова одобренія, но оглянулъ съ ногъ до головы сына и съ восторгомъ подумалъ что молодой человѣкъ въ это утро успѣлъ поработать на мельницѣ, потомъ прошелъ семнадцать миль и теперь стоитъ предъ нимъ не выказывая ни малѣйшей усталости.

— Что̀ они теперь тамъ дѣлаютъ, Семъ? спросила Карри шепотомъ.

Семъ уже побывалъ въ судѣ и могъ разказать имъ что „самый набольшій изъ всѣхъ говоритъ рѣчь, въ которой разказываетъ всѣмъ какъ было дѣло“.

— А что̀ вы думаете, батюшка?

— Ничего я не думаю.

— Вѣдь они нашли шкатулку-то Тромбула въ саду старухи Борроусъ, въ Пикрофтѣ.

Карри тихо вскрикнула, вспомнивъ о мѣстѣ которое такъ хорошо знала.

— Это навѣрно ихъ дѣло. Теперь ужь имъ не отвертѣться.

— Ихъ, конечно, повѣсятъ, сказалъ мельникъ.

— Что̀ они за ослы, сказалъ Семъ,—куда спрятали шкатулку! Не могли они разломать ее въ щепки!

— Кто споткнется въ большомъ, споткнется и въ маломъ, сказалъ мельникъ.

Часа въ два Сема и Карри вызвали въ судъ, и старику

позволили сопровождать ихъ. Въ ту минуту когда они вошли, допрашивали человѣка который въ то воскресенье рано утромъ видѣлъ Точильщика съ его пріятелемъ въ телѣгѣ, на дорогѣ въ Пикрофтскую общину. Высокій, полный адвокатъ, съ широкимъ лбомъ и сѣрыми глазами, распрашивалъ свидѣтеля о тождествѣ людей въ телѣгѣ, и послѣ каждаго отвѣта оборачивался къ присяжнымъ какъ бы говоря: „Ну, что вы думаете теперь о дѣлѣ, когда въ свидѣтели вамъ привели такого человѣка?“

— Такъ вы готовы дать присягу въ томъ что эти два человѣка на скамьѣ подсудимыхъ тѣ самые которыхъ вы видѣли въ то утро въ телѣгѣ?

Свидѣтель сказалъ что готовъ дать присягу.

— Такъ вы, вѣроятно, знали ихъ прежде?

Свидѣтель объявилъ что до тѣхъ поръ не видалъ ихъ ни разу.

— И вы думаете что присяжные повѣрятъ вамъ, когда отъ этого зависитъ жизнь двоихъ, что по прошествіи года вы можете узнать людей которыхъ видѣли разъ въ жизни и въ такую минуту когда они ѣхали мимо васъ со скоростью восьми или десяти миль въ часъ?

Свидѣтель, который былъ не робкаго десятка, сказалъ что ему нѣтъ никакого дѣла до того что подумаютъ присяжные. Онъ только обязанъ сказать что знаетъ. Судья взглянулъ на дерзкаго свидѣтеля, отозвавшагося такъ неуважительно о присяжныхъ,—взглянулъ на него сквозь очки и покачалъ головой, какъ бы сожалѣя о порочности свидѣтеля и предупреждая его о погибели не только его тѣла, но и души. Полный адвокатъ съ широкимъ лбомъ взглянулъ на присяжныхъ. Справедливо ли повѣсить человѣка на основаніи показаній подобнаго человѣка? Публика въ судѣ выразила очевидное желаніе чтобы самъ свидѣтель былъ повѣшенъ немедленно.

— Вы можете идти, милостивый государь, сказалъ свидѣтелю полный адвокатъ и взглянулъ внушительно на тѣхъ которые слышали, но не поняли что дѣло уже рѣшено, насколько оно зависѣло отъ показаній этого свидѣтеля. Но самъ полный адвокатъ не былъ такъ легковѣренъ. Онъ очень хорошо зналъ что судья, покачавшій такъ печально головой на негодность свидѣтеля, осмѣлившагося выражаться неуважительно о присяжныхъ, перечисляя улики будетъ говорить о тождествѣ подсудимыхъ съ людьми видѣнными въ телѣгѣ какъ

о фактѣ доказанномъ. Успѣхъ полнаго адвоката ограничивался тѣмъ что въ ту минуту въ присутствовавшихъ родилась симпатія къ преступникамъ, которая была слѣдствіемъ неудовольствія на человѣка выразившагося неуважительно о присяжныхъ. Симпатія, подобно электричеству, бѣжитъ такъ скоро что человѣкъ не въ состояніи остановить ее. Если симпатія сообщилась и присяжнымъ, то можетъ-быть одинъ или два изъ нихъ будутъ такъ слабы что сохранятъ ее вопреки долгу. Далѣе этого не простирались надежды адвоката.

Потомъ привели другаго человѣка, который не видалъ ни одного изъ преступниковъ, но видѣлъ телѣгу и лошадь въ Пикрофтской общинѣ и зналъ что телѣга и лошадь въ то время принадлежали Точильщику. Полный адвокатъ распрашивалъ его болѣе о немъ самомъ чѣмъ о его показаніи, и когда свидѣтель принужденъ былъ признаться что самъ пять разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, то адвокатъ былъ даже правъ, взглянувъ внушительно на присяжныхъ и покачавъ головой, какъ бы соболѣзнуя что его ученый другъ, сидѣвшій противъ него, имѣлъ дерзость привести имъ такого свидѣтеля.

Много другихъ людей было допрошено прежде чѣмъ пришла очередь бѣдной Карри; и каждый разъ какъ кто-нибудь выходилъ изъ рукъ полнаго адвоката, кто уничтоженный и смущенный, кто торжествуя, сердце ея замирало. Она боялась минуты когда ее вызовутъ, но тѣмъ не менѣе ей было досадно что ее заставляютъ ждать. Шелъ уже пятый часъ, и уже начали перешептываться что въ этотъ день дѣло не будетъ кончено. Много было хлопотъ и еще болѣе потѣхи со старухой которая была экономкой у Тромбула. Она была глуха. Слѣдствіемъ было открыто что между нею и матерью Точильщика существовала старая дружба, и что она сказала однажды о деньгахъ своего хозяина мистрисъ Борроусъ. Какъ она ни была глуха, но ее заставили признаться въ этомъ. Мистрисъ Борроусъ тоже допрашивали, но она ни въ чемъ не созналась. Она не слыхала ни о деньгахъ, ни о самомъ фермерѣ Тромбулѣ, ни объ убійствѣ, пока объ этомъ не заговорилъ весь свѣтъ, и ничего не знала объ образѣ жизни своего сына. Да, она дала пріютъ молодой женщинѣ по просьбѣ пріятеля своего сына, и молодая женщина платила ей по десяти шиллинговъ въ недѣлю за столъ и помѣщеніе. Молодая женщина была Карри Бретль. Дѣйствительно, сынъ ея и его пріятель бывали въ ея домѣ, но она не помнитъ были ли

они въ то воскресное утро. Старуха Борроусъ была, можетъ-быть, хитрѣе всѣхъ допрошенныхъ свидѣтелей, потому что допрашивавшій ее адвокатъ, какъ ни бился, не могъ узнать отъ нея рѣшительно ничего. Когда же она обратилась съ довольнымъ видомъ къ полному адвокату, онъ сказалъ ей что не имѣетъ ничего спросить ее. „А по мнѣ какъ угодно, сударь,“ отвѣчала она, расправила передникъ и сошла внизъ.

Наконецъ пришла очередь бѣдной Карри. Когда произнесли имя Каролины Бретль, она взглянула на отца умоляющимъ взглядомъ, какъ бы прося его не оставлять ее въ эту страшную минуту пытки. Она держалась за его рукавъ, когда ее почти силой вели къ маленькой ложѣ, куда она должна была взойти. Отецъ шелъ съ ней рядомъ до ступенекъ которыя вели туда, но далѣе онъ, конечно, не могъ сопровождать ее.

— Я буду стоять возлѣ тебя, Карри, сказалъ онъ.

Это было первое утѣшительное слово которое она услыхала отъ него въ этотъ день. Оно придало ей немного бодрости.

— Ваше имя Каролина Бретль? Вы находились тридцать перваго августа у мистрисъ Борроусъ въ Пикрофтской общинѣ? Помните вы воскресенье тридцать перваго августа?

Эти и еще два или три подобные вопроса предложилъ ей молодой адвокатъ самымъ кроткимъ тономъ какой только умѣлъ придать своему голосу.

— Отвѣчайте, миссъ Бретль, и пусть ничто не смущаетъ васъ.

Ничто не должно смущать ее, а глаза всей жестокой толпы устремлены на нее! Ничто не должно смущать ее, а всѣ уши приготовились слушать какъ она, молодая и прекрасная, признается въ своихъ ошибкахъ въ публичной залѣ. Ничто не могло смущать ее, а она охотно умерла бы чтобъ избавиться отъ ожидавшаго ее мученія, потому что она знала что мученіе будетъ. Хотя она была въ первый разъ въ судѣ и никто не говорилъ ей какъ ее будутъ допрашивать, но она знала что ужасный вопросъ будетъ предложенъ. Она была увѣрена что ее заставятъ сказать при всемъ народѣ чѣмъ она была.

Показаніе которое она могла дать было хотя и существенно, но очень коротко. Джонъ Борроусъ и Лаврентій Экоръ были въ Пикрофтской общинѣ въ воскресенье утромъ, и она видѣла ихъ. Когда они пріѣхали, было уже свѣтло, но еще очень рано. Она не замѣтила часа, но ей казалось что было около пяти. Они входили и выходили изъ дома, и позавтракали.

Она встала чтобы помочь приготовить имъ завтракъ. Она не знала спрятали ли они что-нибудь въ саду. Она получила тогда три соверена отъ Экорна, съ которымъ была помолвлена. Съ тѣхъ поръ она не видала ни одного изъ подсудимыхъ. Узнавъ что на Экорна пало подозрѣніе, она рѣшила что между нею и имъ все кончено. Она сообщила все это съ безконечною трудностью и такимъ тихимъ голосомъ что возлѣ нея поставили человѣка чтобъ онъ повторялъ громко ея отвѣты. Наконецъ ее передали полному адвокату.

Она была достаточно долго въ судѣ и настолько умна чтобы понять что этотъ человѣкъ ея недругъ. Хотя она не могла отвѣчать громко на вопросы адвоката обвиняющей стороны, но она знала что онъ ей другъ, что онъ задаетъ ей только необходимые вопросы, на которые она могла отвѣчать не затрудняясь. Но когда ее передали полному адвокату, ея бѣдное сердце упало.

Онъ началъ прямо: „Вы, моя милая, были, кажется, не совсѣмъ скромны?“ Слова были, можетъ-быть, выбраны съ мыслью о пощадѣ, но въ тонѣ голоса, конечно, не было пощады, и было даже что-то насмѣшливое, что оставило въ слушателяхъ впечатлѣніе что вопросъ доставляетъ ему удовольствіе. Она попробовала отвѣтить что-то, и губы ея зашевелились. Человѣкъ служившій ей посредникомъ приложилъ ухо къ ея губамъ; но не услыхавъ никакого звука, покачалъ головой. Полный адвокатъ ждалъ и смотрѣлъ то на нее, то на присутствовавшихъ. „Мнѣ нуженъ отвѣтъ. Я говорю что вы были не совсѣмъ скромны. Вы вѣроятно понимаете что я хочу сказать? Достаточно если вы скажете да или нѣтъ, но мнѣ нуженъ какой-нибудь отвѣтъ.“ Она оглядывалась, надѣясь встрѣтить взглядъ отца, но не видала ничего; все слилось въ ея глазахъ, кромѣ широкаго лица адвоката. „Присяжнымъ нуженъ вашъ отвѣтъ, моя милая,“ настаивалъ онъ.

Тутъ, постепенно усиливаясь, послышались въ судѣ неудержимыя рыданія, сопровождаемыя сердитымъ ворчаніемъ старика, и вся толпа поняла ихъ значеніе. Исторія бѣдной дѣвушки такъ разгласилась по поводу слѣдствія что была извѣстна всѣмъ слушателямъ. Симпатія, которая, какъ мы говорили, не можетъ быть остановлена когда коснется толпы, сообщилась всѣмъ присутствовавшимъ, и въ залѣ не было человѣка который не согласился бы просить чтобы Карри пощадили, если возможно. Одинъ изъ присяжныхъ былъ отецъ нѣсколькихъ

дочерей, и онъ подумалъ что ему не мѣшаетъ высказать такую просьбу.

— Не лишнее ли это? сказалъ добрый присяжный.

Но полный адвокатъ былъ не такой человѣкъ чтобы позволить кому бы то ни было, даже присяжному, учить себя въ судѣ, а быстрое соображеніе тотчасъ же сказало ему что надо перехватить искру симпатіи на ея пути. Ее нельзя было остановить, но можно было обратить въ свою пользу. Присутствовавшіе выказали склонность къ чувствительности, и онъ съ своей стороны долженъ былъ тоже выказать чувствительность. Онъ зналъ что общественное мнѣніе обратилось противъ него, и что его нельзя измѣнить, доказавъ что вопросъ его законный вопросъ; но это можно сдѣлать показавъ какъ чувствительно его собственное сердце.

— Мнѣ самому больно и грустно, сказалъ онъ,—причинять горе кому бы то ни было. Но взгляните на подсудимыхъ, жизнь которыхъ вручена моему попеченію, и знайте что я, адвокатъ ихъ, люблю ихъ, моихъ кліентовъ, какъ отецъ любитъ своихъ дѣтей. Я готовъ пожертвовать собой для нихъ, рискуя подвергнуться строгому осужденію окружающихъ меня. Я обязанъ доказать присяжнымъ что эта молодая дѣвушка вела такую жизнь что ея свидѣтельство противъ подсудимыхъ не имѣетъ силы,—и эту обязанность я исполню, не опасаясь ничьихъ замѣчаній. Я спрашиваю васъ опять, Каролина Бретль, принадлежите ли вы къ числу несчастныхъ, или нѣтъ?

Эта попытка полнаго адвоката была до нѣкоторой степени удачна. Присяжный у котораго были дочери былъ уничтоженъ, и адвокатъ во всякомъ случаѣ далъ отпоръ безмолвному нападенію общественнаго мнѣнія. Стóитъ только возразить, и какъ бы ни было нелѣпо возраженіе, паладеніе отпарировано. Но Карри не дала никакого отвѣта на вопросъ, и смотрѣвшимъ на нее казалось что она едва ли отвѣтитъ когда-нибудь. Она держала руку стоявшаго возлѣ нея человѣка и бросала умоляющіе взгляды на ту сторону гдѣ стояли ея отецъ и братъ. Но старикъ, проворчавъ одинъ разъ, стоялъ безмолвно и неподвижно, облокотившись на палку и устремивъ глаза въ полъ. Семъ сжималъ рукой перила лѣстницы и смѣло смотрѣлъ на адвоката, какъ бы готовясь броситься на него. Полный адвокатъ замѣтилъ все это и понялъ что пощадивъ свидѣтельницу можно выиграть болѣе чѣмъ преслѣдуя ее.

— По моему мнѣнію довольно, сказалъ онъ.—Ваше молчаніе

подтверждаетъ то что я хотѣлъ дать знать присяжнымъ. Вы можете идти.

Посредникъ Карри помогъ ей сойти, передалъ ее отцу и вывелъ ихъ обоихъ изъ залы.

— О батюшка! сказала Карри, когда старикъ усѣлся опять на лавочку. Она стояла предъ нимъ, обнявъ его шею руками.

— Мы пережили это, дитя мое, сказалъ онъ.—Не напоминай объ этомъ.

Она сѣла рядомъ съ нимъ, прижалась къ нему, и такъ они просидѣли молча, пока не воротился Семъ.

Показаніе Сема имѣло дѣйствительно мало значенія. У него были сношенія съ Экорномъ, который познакомилъ его съ Борроусомъ, и со старухой матерью Борроуса. Когда его спросили какого рода были эти сношенія, онъ отвѣчалъ что сношенія были честныя.

— По поводу брака вашей сестры?

— Да, отвѣчалъ Семъ. Потомъ онъ разказалъ что подсудимые приходили къ нему въ Булгамптонъ, что онъ былъ съ ними когда они проходили мимо фермы Тромбула и пригласилъ ихъ въ садъ къ настоятелю, и какъ они встрѣтились тамъ съ мистеромъ Фенвикомъ. Но послѣ этого онъ не видался съ ними и ничего не зналъ о нихъ. Когда онъ разказалъ все это, его передали полному адвокату.

Полный адвокатъ употребилъ всю силу, но не могъ извлечь никакой пользы изъ свидѣтеля. Онъ предложилъ ему вопросъ, отвѣтъ на который доказалъ бы что сестра его вела нечестную жизнь. Но Семъ объявилъ что не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ о сестрѣ. Сестра сказала имъ все что знаетъ, и онъ тоже сказалъ имъ все что знаетъ. Онъ готовъ отвѣчать на какіе угодно вопросы о немъ самомъ, но не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ о сестрѣ. Когда ему замѣтили что будетъ хуже если придется обратиться къ другимъ источникамъ, онъ началъ отвѣчать дерзко.

— Такъ обратитесь къ другимъ источникамъ, сказалъ онъ.

Ему угрожали всевозможными наказаніями, но онъ не обращалъ никакого вниманія на угрозы, и наконецъ его отпустили. Послѣ него дѣло было отложено до слѣдующаго дня.

Хотя было уже поздно, но Бретли въ тотъ же вечеръ воротились домой. На поѣздѣ желѣзной дороги они доѣхали до Булгамптонской станціи, а оттуда дошли пѣшкомъ до мельницы. Это былъ трудный походъ для дѣвушки и для старика,

но все же это было легче чѣмъ провести еще ночь въ домѣ мистрисъ Стигсъ. И потомъ мельникъ не хотѣлъ пробыть лишній часъ вдали отъ своей мельницы. Когда его спросили дойдетъ ли онъ, онъ спокойно засмѣялся. „Отчего же это не дойти? Развѣ я не привыкъ работать каждый день?“

Было десять часовъ когда они пришли на мельницу, и мистрисъ Бретль, не ожидавшая ихъ такъ поздно, была уже въ постели. Но Фанни еще не ложилась и употребила всѣ старанія чтобы развеселить ихъ. Но ничто не могло развеселить стараго Бретля, онъ не способенъ былъ поддаваться нѣжнымъ вліяніямъ. Онъ осуждалъ себя даже за то что позволялъ себѣ свою единственную роскошь, трубку. Онъ ѣлъ много, потому что думалъ что пища нужна рабочему человѣку какъ угли нужны локомотиву, какъ овесъ лошади,—она сырой матеріалъ изъ котораго вырабатывается сила для труда. Но кромѣ пищи и труда, у человѣка нѣтъ никакихъ интересовъ въ жизни. Такова была его жизненная теорія въ послѣдніе годы его жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ добрый человѣкъ и имѣлъ любящее сердце.

Но Карри утѣшилась когда сестра обняла ее. „Они спросили меня о моемъ прошломъ,“ сказала она, „а я подумала что лучше умру, а не скажу имъ ни одного слова,—такъ они и отпустили меня.“ Когда Фанни спросила ее былъ ли отецъ добръ къ ней, она отвѣчала что онъ былъ очень добръ. „Но, Фанни, еслибъ онъ говорилъ, какое это было бы облегченіе! Не правда ли?“

На слѣдующій день вечеромъ въ Булгамптонѣ узнали что Точильщикъ приговоренъ къ смерти, но что Лаврентій Экорнъ оправданъ. Судья въ заключительной рѣчи показалъ что нѣкоторыя доказательства относящіяся къ Точильщику не относятся къ его товарищу, и присяжные охотно воспользовались возможностью спасти человѣка отъ висѣлицы.

LXX. Судьба лудельгамистовъ.

Фенвикъ и Джильморъ завтракали вмѣстѣ въ утро того дня когда первый уѣхалъ изъ Лондона въ Булгамптонъ. Викарій уже убѣдился что нѣтъ никакой возможности заставить друга воротиться домой.

— Я ворочусь черезъ нѣсколько лѣтъ если буду живъ,

сказалъ онъ.—Тогда, можетъ быть, это не будетъ такъ волновать меня; но теперь я не могу жить дома.

Онъ поручилъ Фенвику дѣлать что̀ угодно съ домомъ и садами, и обѣщалъ сдѣлать распоряженія о продажѣ лошадей. Если никто не найметъ помѣстья, то прикащикъ, говорилъ онъ, справится самъ съ хозяйствомъ. Когда Фенвикъ заговорилъ опять о домѣ, онъ опять привелъ въ примѣръ безногаго человѣка „Можетъ-быть и правда что человѣкъ обязанъ идти впередъ, сказалъ онъ,—но если вы отрубите ему ногу, онъ не будетъ въ состояніи идти.“ Фенвикъ наконецъ понялъ что съ нимъ нечего дѣлать и рѣшился уѣхать.

— Могу я передать ей что вы прощаете ее? спросилъ Фенвикъ, когда они ходили взадъ и впередъ по Ватерлооской станціи желѣзной дороги.

— Какое ей дѣло до моего прощенія? сказалъ Джильморъ.

— Вы несправедливы къ ней. Я увѣренъ что ничто не доставитъ ей такого удовольствія какъ такое порученіе.

Джильморъ прошелъ половину платформы прежде чѣмъ отвѣтилъ.

— Мнѣ кажется, лгать не зачѣмъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Я конечно не солгалъ бы.

— Такъ я не могу сказать что прощаю ее. Можетъ ли человѣкъ простить такой поступокъ? Еслибъ я сказалъ что прощаю, вы не повѣрили бы мнѣ. Я постараюсь не встрѣчаться съ ней, и это будетъ для нея лучше моего прощенія.

— Боюсь, что часть вашего гнѣва падаетъ на мою долю, сказалъ викарій.

— Нѣтъ, Франкъ. Вы и жена ваша поступали со мной всегда такъ хорошо какъ только умѣли.

— Мы по крайней мѣрѣ старались такъ поступать.

— И если она обманула меня какъ ни одна женщина никого не обманывала, это не ваша вина. Что же касается до вещей, то скажите вашей женѣ чтобъ она спрятала ихъ, а не то бросила. Жена моего брата, можетъ-быть, возьметъ ихъ когда-нибудь. (Братъ его жилъ въ Индіи, а жену его онъ никогда не видалъ.) Фенвикъ взялъ съ него обѣщаніе писать, и они разстались.

Это было во вторникъ, и Фенвикъ распорядился чтобъ ему выслали лошадь на Булгамптонскую станцію. Онъ уже зналъ объ осужденіи одного человѣка за убійство и объ оправданіи другаго, и мысли его были поглощены этимъ дѣломъ когда

онъ сидѣлъ рядомъ со своимъ кучеромъ. Воротились ли Бретли на мельницу? А что̀ Семъ? Что̀ толкуетъ народъ объ освобожденіи Экорна? Много подобныхъ вопросовъ задавалъ онъ, но слуга его былъ такъ занятъ частною и безконечно болѣе интересною новостью что никакъ не могъ сосредоточить мыслей на судебномъ дѣлѣ. Онъ полагалъ что Бретли воротились; онъ ничего не зналъ о Семѣ: онъ ничего не слыхалъ объ Экорнѣ; но новую часовню собираются ломать.

— Что! воскликнулъ викаріи.—Немедленно?

— Такъ по крайней мѣрѣ говорили, сударь, когда я поѣхалъ за вами. И всѣ они были тамъ, и стояли вокругъ нея. И больше ужь не будутъ служить въ ней, сударь. И барыня стояла у воротъ и смотрѣла на нихъ, когда я выѣхалъ со двора.

Фенвикъ не переставалъ распрашивать, но болѣе ничего не узналъ объ этой поразительной новости. До самаго дома онъ все спрашивалъ, а слуга все увѣрялъ его что ужасное, проклятое, отвратительное красное зданіе будетъ уничтожено и стерто съ лица земли до конца недѣли. Фенвикъ даже не подозрѣвалъ до какой степени всѣ его слуги были преданы господствующей церкви. Они ненавидѣли Пудельгама и методистовъ. Ничто не доставило бы такого удовольствія кучеру какъ порученіе разбить голову старшему сыну Пудельгама, молодому человѣку служившему въ банкирской конторѣ въ Варминстерѣ, но недавно возвращенному домой за его склонность къ ночнымъ кутежамъ, и который, воротившись, принялъ большое участіе въ вопросѣ о часовнѣ. Женская прислуга настоятельской усадьбы смотрѣла съ высоты величія на булгамптонскихъ женщинъ ходившихъ въ часовню, а садовникъ, узнавъ что часовня стоитъ на церковной землѣ, и слѣдовательно подвластна ему, съ трудомъ воздерживался отъ ссоры. Онъ предлагалъ помочь бѣдѣ немедленно, прежде чѣмъ начнутъ ломать часовню, устроивъ навозную яму прямо противъ двери часовни—„и тогда посмотримъ кто осмѣлится прикоснуться къ нашей собственности!“ Но онъ былъ слишкомъ остороженъ чтобы привести въ исполненіе подобную стратегію безъ полномочія главнокомандующаго. „Баринъ ужь слишкомъ церемонится съ ними,“ сказалъ онъ кучеру, негодуя на малодушіе викарія.

Когда Фенвикъ подъѣхалъ къ своимъ воротамъ, тамъ была толпа людей бродившихъ вокругъ часовни. Онъ вышелъ изъ кабріолета и подошелъ къ нимъ. Глаза его упали прежде

всѣхъ на мистера Пудельгама, который стоялъ противъ двери, оборотясь спиной къ зданію. Лицо его выражало безконечное неудовольствіе. Викарій хотѣлъ увѣрить священника что нѣтъ никакой необходимости трогать часовню, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Но прежде чѣмъ онъ могъ заговорить съ нимъ, онъ увидѣлъ строителя изъ Салисбери, который, повидимому, былъ очень занятъ,—Гримса, такъ недавно униженнаго и теперь торжествующаго,—Больта, выборнаго методистовъ,—церковныхъ старостъ своей церкви, двухъ или трехъ фермеровъ и наконецъ самого лорда Сентъ-Джорджа въ сопровожденіи Пакера, агента маркиза. И много другихъ жителей Булгамптона было тамъ, такъ что вокругъ мистера Пудельгама собрался цѣлый митингъ. Фенвикъ, увидавъ лорда Сентъ-Джорджа, тотчасъ же подошелъ къ нему.

— Мой другъ мистеръ Пудельгамъ имѣетъ кажется сегодня честь принимать отборную конгрегацію.

— Боюсь что въ послѣдній разъ на этомъ мѣстѣ, отвѣчалъ лордъ, пожавъ руку викарія.

— Мнѣ очень грустно слышать это, милордъ. Я конечно не имѣю права вмѣшиваться въ ваши дѣйствія, и не могу заставить мистера Пудельгама говорить проповѣди здѣсь, если онъ не хочетъ.

Мистеръ Пудельгамъ подошелъ къ нимъ.

— Я готовъ и хочу исполнять мой долгъ въ той сферѣ жизни въ которую Богу угодно было поставить меня, сказалъ онъ, и было очевидно что этою сферой онъ считаетъ мѣсто противъ воротъ усадьбы настоятеля, гдѣ стояла часовня.

— Я уже сказалъ, продолжалъ викарій,—что не имѣю права вмѣшиваться въ дѣйствія моего сосѣда; но что касается до меня, то нѣтъ никакой необходимости трогать часовню. Мнѣ сначала былъ непріятенъ выборъ мѣста, но теперь это чувство прошло, и мистеръ Пудельгамъ можетъ проповѣдовать къ услажденію своего сердца и, безъ сомнѣнія, къ счастію для своихъ слушателей, нисколько не мѣшая мнѣ.

Услыхавъ это, мистеръ Пудельгамъ снялъ шляпу, поднялъ глаза и сердито нахмурился, какъ бы желая показать что легкомысліе въ которое вдается его соперникъ нисколько не подходитъ къ торжественности случая.

— Мистеръ Фенвикъ, сказалъ лордъ,—мы объ этомъ уже переговорили, и рѣшили что часовню надо сломать, и сломать немедленно. Старшины конгрегаціи раздѣляютъ это мнѣніе.

— Они, вѣроятно, не хотятъ противорѣчить вашему благородному отцу, милордъ, замѣтилъ мистеръ Пудельгамъ.

— И сказать вамъ правду, мистеръ Фенвикъ, продолжалъ лордъ Сентъ-Джорджъ, — вы могли бы нажить себѣ кучу хлопотъ, еслибы мы не сломали часовню. Вы не имѣете права отдавать землю подъ строеніе, и высшія церковныя власти заставили бы васъ сломать непристойное зданіе.

— Непристойное зданіе, милордъ! укорилъ мистеръ Пудельгамъ недостойнаго, по его мнѣнію, сына благороднаго отца.

— Да, на церковной землѣ оно, конечно, непристойное зданіе. Что сказали бы вы, еслибы мистеръ Фенвикъ обратилъ вашу гостиную въ свою ризницу, и вѣшалъ бы свой стихарь въ вашемъ шкафѣ? Словомъ, продолжалъ лордъ Сентъ-Джорджъ, мы всѣ сдѣлали ужасную ошибку, и чѣмъ скорѣе мы ее исправимъ, тѣмъ лучше будетъ для насъ. Отецъ, чувствуя что наша ошибка ввела въ заблужденіе другихъ и была причиной всей этой путаницы, считаетъ долгомъ сломать часовню и перенести ее на первопачально выбранное мѣсто на перекресткѣ. Мы начнемъ немедленно и надѣемся окончить постройку къ Рождеству. А мистеръ Пудельгамъ согласился проповѣдовать до тѣхъ поръ въ старой часовнѣ.

— Почему бы ему не проповѣдовать въ этой часовнѣ пока не будетъ выстроена новая? спросилъ викарій.

— Дорогой мой сэръ, возразилъ лордъ Сентъ-Джорджъ, — вѣдь мы будемъ переносить эту часовню. Еслибы мы были янки, мы сумѣли бы перенести ее не ломая. Но такъ какъ мы Англичане, намъ придется разобрать ее по кирпичамъ. Итакъ, мистеръ Гикбоди, обратился онъ къ салисберійскому строителю, — вы можете приступить къ работѣ. Маркизъ будетъ вамъ очень обязанъ, если вы поспѣшите.

— Будьте покойны, милордъ, отвѣчалъ Гикбоди.—Рабочихъ у насъ много, и приказаніе его свѣтлости будетъ исполнено.

Послѣ сего лордъ Сентъ-Джорджъ и мистеръ Фенвикъ вошли вмѣстѣ въ церковную усадьбу.

— Если все это положительно необходимо.... началъ викарій.

— Положительно необходимо, мистеръ Фенвикъ. Мы сдѣлали ошибку. — Лордъ Сентъ-Джорджъ всегда говорилъ „мы“ о своемъ отцѣ, когда ему приходилось исправлять ошибки своего отца. — Единственное средство выпутаться изъ затрудненія, немедленно исправить ошибку. Перенесеніе часовни

будетъ намъ стоить 900 фунтовъ, и кромѣ того мы признали себя виноватыми. Но это все же лучше вражды.

— Я не сталъ бы враждовать.

— Васъ заставили бы враждовать. Нѣтъ сомнѣнія что часовнѣ не слѣдуетъ стоять здѣсь. А развѣ вы сами не знаете какое дурное вліяніе имѣетъ на приходъ вражда между помѣщикомъ и священникомъ?

— Дѣйствительно очень дурное вліяніе, лордъ Сентъ-Джорджъ.

— Не буду спорить кто изъ насъ правъ и кто виноватъ.

— Еслибы вы сказали что я виноватъ, я сталъ бы защищаться, замѣтилъ викарій.

— Именно. Но если мы забудемъ вражду, то не будетъ надобности ни въ обвиненіи, ни въ защитѣ.

— Лордъ Сентъ-Джорджъ! Какъ долженъ поступить священникъ когда помѣщикъ его прихода пишетъ на него доносы епископу, осуждаетъ его частную жизнь и распускаетъ о немъ сплетни не имѣющія никакого основанія?

— Мистеръ Фенвикъ, такъ-то вы начинаете забывать вражду?

— Мнѣ трудно забыть такое оскорбленіе.

— Отецъ мой однако готовъ забыть и надѣется простить. Во всякомъ спорѣ каждая сторона, конечно, считаетъ себя правою. Если вы согласны, ради прихода, и во имя христіанскаго смиренія и христіанской любви, подать руку примиренія моему отцу, вражда будетъ забыта.

Что могъ сдѣлать Фенвикъ? Онъ ни на минуту не поколебался бы простить маркиза, еслибы маркизъ самъ призналъ себя виноватымъ. Но ему не хотѣлось мириться на равныхъ условіяхъ, и онъ зналъ что условія не будутъ равны. И тѣмъ болѣе было это ему обидно, что онъ понималъ какъ догадливъ и ловокъ сынъ его противника. Ему не нравилось что его обманываютъ. Впрочемъ развѣ не все равно? Развѣ не довольно быть свободнымъ отъ угрызеній совѣсти?

— Если лордъ Тробриджъ согласенъ мириться, я тоже согласенъ, сказалъ онъ.

— Я очень радъ, сказалъ лордъ Сентъ-Джорджъ съ чувствомъ.— Теперь я не войду къ вамъ, потому что я уже и такъ замѣшкался здѣсь, но будьте увѣрены что вы скоро услышите отъ отца примирительное слово.

LXXI. Конецъ исторіи Мери Лоутеръ.

Головная боль сэръ-Грегори,—того рода головная боль подъ вліяніемъ которой онъ простился такъ неободрительно со своимъ племянникомъ и наслѣдникомъ,—была непродолжительна. Она продолжалась дня два или три, въ теченіи которыхъ онъ безпрестанно совѣтовался съ мистрисъ Броунло и имѣлъ разговоръ съ Юдиѳью. Онъ былъ разочарованъ, сердитъ и огорченъ, потому что планъ его, которому онъ предался всѣмъ сердцемъ, не могъ быть исполненъ; но онъ былъ слишкомъ слабъ чтобы предаваться долго надеждѣ или гнѣву. Родной сынъ его умеръ, и этотъ молодой человѣкъ долженъ быть наслѣдникомъ и обладателемъ Донриппеля. Онъ, конечно, могъ бы наказать молодаго человѣка, лишивъ его при своей жизни участія въ обладаніи имѣніемъ, но это не принесло бы ему ни утѣшенія ни пользы. Онъ могъ бы сберечь деньги которыхъ стоилъ бы ему Вальтеръ и отдать Юдиѳи, но такой образъ дѣйствія былъ не по характеру старика. Ему хотѣлось чтобы наслѣдникъ его жилъ въ Донриппелѣ. Онъ съ отвращеніемъ думалъ объ уединеніи и о Донриппелѣ безъ молодаго наслѣдника. Ему безсознательно хотѣлось наполнить, по возможности безъ хлопотъ, пустоту образовавшуюся въ его сердцѣ послѣ смерти сына. Онъ обратился къ мистрисъ Броунло.

Мистрисъ Броунло была положительно того мнѣнія что ему слѣдуетъ взять къ себѣ племянника, а съ нимъ, по необходимости, и Мери Лоутеръ.

— Вы знаете какъ много хорошаго мы слышали о миссъ Лоутеръ, сказала она, — и потомъ она все же не чужая.

— Это правда, сказалъ сэръ-Грегори, охотно уступая.

— И потомъ кто можетъ поручиться что Юдиѳь полюбила бы его? Никогда нельзя угадать какое направленіе примутъ чувства дѣвушки.

Сэръ-Грегори издалъ какой-то звукъ, которымъ намѣренъ былъ выразить несогласіе съ ея мнѣніемъ. Онъ не сомнѣвался что Юдиѳь охотно влюбилась бы въ Вальтера, еслибъ обстоятельства благопріятствовали этому. Мистрисъ Броунло продолжала, не обративъ вниманія на его возраженіе:

— Во всякомъ случаѣ она, бѣдная, будетъ очень страдать

если будетъ думать что любовь ваша къ ней разлучила васъ съ племянникомъ. Право, ей въ такомъ случаѣ нельзя бы было остаться въ Донришелѣ.

Мистрисъ Броунло просила не говорить ничего Юдиѳи, и сэръ-Грегори почти обѣщалъ молчать. Но молчаніе было ему несвойственно. Когда приходила удобная минута сказать то что можно было легко сказать, онъ не могъ побѣдить искушенія.

— Милая моя, сказалъ онъ однажды вечеромъ, когда Юдиѳь стояла возлѣ его кресла, — помнишь ты что я говорилъ тебѣ однажды о твоемъ родственникѣ Вальтерѣ?

— О капитанѣ Маррабель, дядя?

— Да, развѣ онъ тебѣ не родственникъ? Оказывается что онъ женится на другой родственницѣ, Мери Лоутеръ.

— Она ему дѣйствительно родственница, дядя.

— Я знаю только то что я ея никогда не видалъ.

— И я не видала, но я о ней много слышала. Всѣ говорятъ что она очень милая. Я надѣюсь что она будетъ жить здѣсь?

— Не знаю.

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, когда былъ здѣсь.

— Онъ говорилъ тебѣ что женится?

— Нѣтъ, дядя, онъ не говорилъ что женится; но онъ сказалъ мнѣ что... что... Онъ говорилъ мнѣ какъ онъ любитъ Мери Лоутеръ, и много разказывалъ о ней, и я была увѣрена что этимъ кончится.

— Такъ ты уже знаешь что мой планъ насчетъ тебя и Вальтера....

— Не говорите объ этомъ, дядя. Я всегда знала что это невозможно. Вы такъ добры ко мнѣ что я, конечно, не могла возражать вамъ. Но, право, онъ очень любитъ миссъ Лоутеръ, и я надѣюсь что мы тоже полюбимъ ее.

Сэръ-Грегори успокоился, и головная боль его прошла. Былъ у него свой планъ, но не удался. Юдиѳь очень хорошая дѣвушка и всегда будетъ его любимицей. Но Вальтеру надо сказать что онъ можетъ жениться и привести свою жену въ Донришель, и что если онъ захочетъ выйти въ отставку, то семейному адвокату будетъ поручено такъ устроить дѣла для него что онъ замѣнитъ въ Донришелѣ роднаго сына. Будетъ маленькое затрудненіе съ полковникомъ, но полковникъ забралъ уже такъ много изъ своей доли что съ нимъ не трудно будетъ уладить дѣло. На слѣдующее утро мистрисъ Броунло написала сама Вальтеру.

Чрезъ недѣлю послѣ этого Мери Лоутеръ, дожидавшаяся въ Лорингѣ, съ наружнымъ спокойствіемъ и со внутреннимъ безпокойствомъ, дальнѣйшихъ извѣстій отъ своего жениха, получила два письма, одно отъ Вальтера, а другое отъ своей подруги, Жанеты Фенвикъ. Читатель прочтетъ ихъ и также отвѣты Мери на нихъ, и тогда наше повѣствованіе, насколько оно касается любви, надеждъ, заботъ и страданій Мери Лоутеръ, будетъ окончено.

„Булгамптонъ, 1го сентября.

„Дорогая Мери!

„Пишу вамъ только потому что обѣщала писать. Франкъ на прошлой недѣлѣ ѣздилъ въ Лондонъ и не былъ дома въ воскресенье. Онъ нашелъ своего бѣднаго друга въ городѣ и провелъ съ нимъ два или три дня. *Онъ* рѣшилъ покинуть Вязники и уѣхать заграницу, и Франкъ не могъ разубѣдить его. Можетъ-быть это и къ лучшему, но мы лишаемся такого сосѣда какого намъ не найти. Онъ былъ для насъ обоихъ все равно что братъ, и я могу только сказать что, любя его какъ брата, я дѣлала все что могла для его счастія. Но я, конечно, никогда въ другой разъ не примусь за сватовство. Мнѣ хотѣлось соединить возлѣ себя двухъ моихъ лучшихъ друзей.

„Если вы имѣете сказать мнѣ что-нибудь о своемъ счастіи, я узнаю это съ большою радостію. Мое сердце не предубѣждено противъ вашего жениха, но вы, конечно, не можете требовать чтобъ онъ былъ для меня тѣмъ же чѣмъ былъ бы другой. Благослови васъ Богъ.

„Искренно любящій васъ другъ,

„Жанета Фенвикъ.

„P. S. Я должна сказать вамъ объ участи часовни. Они уже ломаютъ ее и переносятъ на другое мѣсто. Они работаютъ такъ скоро что, кажется, мы не успѣемъ оглянуться какъ ея уже не будетъ. Признаюсь, я рада. Что же касается Франка, мнѣ, право, кажется что онъ былъ бы радъ еслибъ она осталась здѣсь. Но это еще не все. Маркизъ обѣщалъ что мы скоро услышимъ отъ него примирительное слово. Интересно знать что это будетъ. Надѣюсь что не миролюбіе побудило его написать письмо епископу и называть Франка невѣрующимъ.“

А вотъ другое письмо:

„1го сентября 186...

„Милая Мери!

„Надѣюсь что это послѣднее письмо которое я пишу вамъ изъ этого гадкаго мѣста, потому что я выхожу въ отставку немедленно. Все рѣшено, и я буду въ Донриплѣ чѣмъ-то въ

родѣ уполномоченнаго помощника моего дяди. Такова моя судьба, и я хочу покориться ей немедленно. Но это еще не все о моей судьбѣ, и не лучшее. Вы будете приняты какъ уполномоченная помѣщица, или, лучше сказать, какъ полновластная помѣщица, потому что вы будете хозяйкой дома. Милая Мери, могу я надѣяться что вы не будете возражать противъ такого повышенія?

„Я получилъ длинное письмо отъ мистрисъ Броунло и вчера ѣздилъ къ дядѣ. Я такъ слѣпилъ что не могъ написать вамъ изъ Донриппеля. Я переслалъ бы вамъ письмо мистрисъ Броунло, но, можетъ-быть, это было бы не совсѣмъ честно. Когда-нибудь вы увидите его. Она говоритъ много хорошаго о васъ, и потомъ объявляетъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ всѣхъ правъ, почестей, заботъ, привилегій и обязанностей хозяйки Донриппеля и передать ихъ вамъ, лишь только вы сдѣлаетесь мистрисъ Маррабель. Она повторила мнѣ это вчера съ нѣкоторою напыщенностію и съ сознаніемъ величія своего самоотверженія. Но я не буду смѣяться надъ ней, потому что знаю что она поступаетъ честно.

„Моя милая, милая Мери, напишите мнѣ поскорѣе хоть строчку и скажите мнѣ согласны ли вы чтобы то, чему суждено быть, сдѣлалось поскорѣе.

„Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

„В. М.“

Мери, конечно, посовѣтовалась съ теткой прежде чѣмъ отвѣтила на второе письмо. О письмѣ отъ мистрисъ Фенвикъ она не сказала ни слова. Зачѣмъ напоминать теткѣ о такомъ печальномъ имени какъ имя мистера Джильмора? Но не думать о немъ она не могла. Въ жизненной борьбѣ, которая представилась ей, она старалась поступать по совѣсти; однако теперь она не была свободна отъ угрызеній совѣсти. Но горе, хотя оно и было, она старалась не выставлять наружу.

— Такъ вы поселитесь немедленно въ Донриппелѣ? сказала миссъ Маррабель.

— Да, вѣроятно.

— Ну, хорошо. Надѣюсь что все идетъ къ лучшему. Конечно, противъ этого нельзя возразить ни слова. Надѣюсь только что сэръ-Грегори не умретъ раньше полковника.

— Вѣдь полковникъ ему отецъ.

— Надѣюсь что не будетъ никакихъ затрудненій. Мнѣ будетъ очень скучно одной, но я должна была ожидать этого.

— Вы будете пріѣзжать къ намъ, тетушка Сарра? Вы будете проводить у насъ столько же времени какъ здѣсь?

— Благодарю тебя, милая. Право, не знаю. Сэръ-Грегори очень добръ, но всякій любитъ свой домъ.

Изъ всего этого Мери поняла что теткѣ хотѣлось распорядиться судьбой своей племянницы по-своему, точно также какъ булгамптонскимъ друзьямъ хотѣлось распорядиться ея судьбой по-своему.

А вотъ отвѣты Мери на два вышеприведенныя письма:

„Лорингъ, 3го сентября 186...

„Милая Жанета!

„Мнѣ очень, очень, очень жаль. Не знаю что̀ я могу сказать. Я всегда старалась поступать по совѣсти. Когда я съ самаго начала сказала мистеру Джильмору что желаніе его не можетъ быть исполнено, я была права. Когда я сама убѣдилась что это невозможно, я была тоже права. Но я, кажется, ошиблась когда рѣшилась поступить по совѣту моихъ друзей. У меня было доброе намѣреніе, но я, конечно, поступила не хорошо, и мнѣ очень, очень жаль. Тѣмъ не менѣе я вамъ очень благодарна за то что вы написали мнѣ о немъ. Я, конечно, интересуюсь его судьбой. Если онъ будетъ писать вамъ, и вы замѣтите по его письмамъ что путешествіе утѣшаетъ его, пожалуста напишите мнѣ.

„Я могу сказать вамъ многое о моемъ счастіи, хотя, признаюсь, меня мучаетъ совѣсть что я счастлива, причинивъ столько горя. Вальтеръ выйдетъ въ отставку и поселится въ Доприппелѣ, и я, конечно, тоже буду жить тамъ послѣ нашей свадьбы которая, мнѣ кажется, будетъ скоро. Я пишу ему сегодня, хотя еще не рѣшила что̀ сказать ему. Сэръ-Грегори согласился и теперь устраиваетъ дѣла, совѣтуется съ адвокатами, и мы будемъ, какъ выражается Вальтеръ, уполномоченными помѣщикомъ и помѣщицей въ Доприппелѣ. Мистрисъ Броунло и Юдиѳь останутся тамъ, но я буду имѣть честь заказывать обѣды и присматривать за экономкой. Конечно, мнѣ будетъ сначала неловко въ такомъ домѣ. Вамъ я признаюсь что мнѣ было бы гораздо пріятнѣе поселиться въ такомъ мѣстѣ гдѣ мы съ Вальтеромъ были бы сами хозяевами, какъ напримѣръ вы послѣ вашей свадьбы. Но я не такъ глупа чтобы роптать. Все устроилось такъ хорошо что я чувствую что не заслуживаю такого счастія. Теперь моимъ главнымъ ожиданіемъ будетъ вашъ первый визитъ въ Доприппель.

„Любящій васъ другъ

„Мери Лоутеръ.“

Другое письмо, о которомъ Мери писала мистрисъ Фенвикъ что еще не знаетъ что̀ сказать, доставило ей болѣе хлопотъ чѣмъ послѣднее.

„Лорингъ, 2го сентября 186...

„Дорогой Вальтеръ!

„Итакъ все рѣшено, и я буду уполномоченною помѣщицей. Я не возражаю. Я готова быть уполномоченною помѣщицей,

пока ты будешь уполномоченнымъ помѣщикомъ. Ради тебя, милый мой, я сердечно радуюсь что дѣло устроилось. Мнѣ кажется, ты будешь счастливѣе сельскимъ жителемъ чѣмъ былъ бы въ военной службѣ, а такъ какъ Доннипель будетъ въ послѣдствіи твоимъ домомъ,—скажу нашимъ домомъ,—то чѣмъ скорѣе мы съ нимъ познакомимся, тѣмъ, можетъ-быть, лучше. Меня, конечно, очень безпокоятъ мистрисъ Броунло и ея дочь, но я не боюсь, и готовлюсь полюбить ихъ.

„Что же касается до твоего неожиданнаго вопроса, я не знаю что отвѣтить на него. Давно ли мы рѣшили что это будетъ, и право надо бы отдохнуть прежде чѣмъ рѣшать когда это будетъ. Но, милый Вальтеръ, я не намѣрена мѣшать твоимъ планамъ. Рѣшай самъ, но рѣшая не забывай что маленькій промежутокъ для чувствъ и шитья всегда пріятенъ слабѣйшей сторонѣ.

„Твоя на вѣки

„М. Л.

„P. S. Впрочемъ, я на все согласна.“

Послѣ такого письма свадьба была отложена, конечно не на долго. Вальтеръ Маррабель далъ промежутокъ для чувствъ и для шитья, но онъ находилъ что ни на то, ни на другое не надо тратить много времени. Недѣли на чувства и еще двухъ недѣль на шитье, думалъ онъ, будетъ совершенно достаточно. Кончилось обоюдною уступкой, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, и свадьба была въ половинѣ октября. Въ такое время года они, вѣроятно, поѣхали въ Италію, но за достовѣрность этого авторъ не ручается. Но онъ увѣренъ что если они ѣздили за границу, то Мери Маррабель ежедневно жила тамъ подъ страхомъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ мистеромъ Джильморомъ. По условію съ баронетомъ, путешествіе ихъ продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что въ первый день Рождества мистрисъ Вальтеръ Маррабель должна была исполнять роль хозяйки за обѣденнымъ столомъ.

Читателю, можетъ-быть, интересно знать какъ устроилось дѣло съ полковникомъ. Дѣйствительно, дѣло это доставило много хлопотъ господамъ Блоку и Корлингу, семейнымъ адвокатамъ. Когда обратились къ полковнику, то онъ на словахъ былъ сладокъ какъ медъ. Онъ готовъ сдѣлать все что угодно для своего милаго сына, говорилъ онъ. Ни одинъ отецъ на землѣ не заботится такъ мало о самомъ себѣ и о своемъ положеніи. Но вѣдь ему нужно же существовать чѣмъ-нибудь. Онъ спрашивалъ господъ Блока и Корлинга чѣмъ ему существовать. Господа Блокъ и Корлингъ объяснили ему очень ясно что его

брату баронету нѣтъ никакого дѣла до его существованія, и что для своего существованія онъ уже отнялъ у сына большое состояніе. Наконецъ онъ продалъ свое первенство за 200 фунтовъ ежегоднаго дохода со дня смерти брата. Онъ просилъ сначала 500, но ему пригрозили, что если сэръ-Грегори умретъ раньше его, сынъ предъявитъ на него искъ въ 20.000 фунтовъ.

Теперь авторъ разстается съ Мери Лоутеръ, съ Лорингомъ и съ Донришелемъ. Онъ опасается что поведеніе его героини заслужило неодобреніе многихъ компетентныхъ судей женскаго характера. Онъ старался изобразить дѣвушку руководившуюся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ чуткою совѣстью, убѣжденіями, готовую въ случаѣ надобности пожертвовать собой, старавшуюся не поступать дурно, но причинившую другимъ много страданія и едва не погубившую себя, поддавшись убѣжденію что ей слѣдуетъ выйти за человѣка котораго она не могла любить.

LXXII. Въ Торноверскомъ замкѣ.

У мистрисъ Фенвикъ было много споровъ съ мужемъ по поводу обѣщанныхъ примирительныхъ извѣстій изъ Торноверскаго замка. Разрушеніе часовни было начато въ ту самую минуту когда лордъ Сентъ-Джорджъ далъ повелѣніе, и производилось подъ надзоромъ Больта, не осмѣлившагося отказаться отъ порученія маркиза. Въ воскресенье она не была уже годна для богослуженія. Въ этотъ день мистеръ Пудельгамъ сказалъ трогательную проповѣдь о храмахъ вообще. „Не все ли равно гдѣ соберется народъ Божій", говорилъ онъ, „если только онъ соберется въ духѣ независимаго сопротивленія властямъ, не Богомъ постановленнымъ? Мѣсто огороженное плетнемъ можетъ служить храмомъ набожному христіанину. Но...." и, не называя именъ, онъ изобразилъ англійскую церковь ядовитымъ деревомъ, губящимъ своимъ ядомъ прекрасные цвѣты распускающіеся у его корней и распространяющіе вокругъ благоуханіе. Говорилъ онъ что-то и о гибели слабой сестры, за которою послѣдовала гибель ея старшаго брата. Все это, конечно, передали викарію, но онъ принялъ это совершенно равнодушно.

— Какъ же иначе? сказалъ онъ.—Если человѣкъ проповѣдуетъ, онъ конечно говоритъ то что̀ думаетъ.

Не долго пришлось ждать примирительныхъ извѣстій, или по крайней мѣрѣ предвѣстниковъ ихъ. Втораго сентября была прислана большая корзина дичи, съ надписью: „мистрисъ Фенвикъ“, написанною собственною рукой маркиза.

— Первѣйшій плодъ, сказалъ викарій, осмотрѣвъ провизію.— Конечно, пріятнѣе получать дичь чѣмъ обвиненія въ безнравственности и безбожіи.

Викарій объявилъ это прямо, но жена не вдругъ согласилась съ нимъ.

— Я съ большимъ удовольствіемъ уложила бы ее опять въ корзину и отослала бы назадъ, сказала она.

— Надѣюсь что ты не сдѣлаешь ничего подобнаго.

— Что за глупая мысль искупить корзиной дичи всѣ оскорбленія и клеветы которыми онъ осыпалъ тебя.

— Эти птицы первыя предвѣстницы мира, сказалъ викарій, что подало опять поводъ къ спору.

Мистеръ Фенвикъ предполагалъ что вторымъ предвѣстникомъ будетъ приглашеніе на октябрьскую охоту на фазановъ. Но не прошелъ сентябрь какъ явился второй предвѣстникъ въ видѣ слѣдующей записки:

„Торноверъ, 20го сентября 186...

„Маркизъ Тробриджъ и леди Софи и Каролина Стоутъ просятъ мистера и мистрисъ Фенвикъ оказать имъ честь, пожаловать въ Торноверъ 6го октября, въ понедѣльникъ, и погостить до одиннадцатаго.“

— Вотъ это дѣйствительно предвѣстникъ, сказала мистрисъ Фенвикъ. — Скажи пожалуста что намъ теперь дѣлать?

Викарій согласился что дѣло принимаетъ дѣйствительно серіозный оборотъ.

— Мы должны или ѣхать и пережить ужасную недѣлю, продолжала мистрисъ Фенвикъ,—или прямо показать имъ что мы не желаемъ имѣть ничего общаго съ ними. Неужели намъ мучить себя потому что онъ маркизъ?

— Не потому что онъ маркизъ.

— Такъ почему же? Не думаю чтобы тебѣ нравился старикъ или чтобы тебѣ хотѣлось чтобъ я сошлась съ леди Софи и Каролиной, или съ этимъ притворнымъ хвастуномъ лордомъ Сентъ-Джорджемъ.

— Въ Сентъ-Джорджѣ я не увѣренъ. Онъ, кажется, можетъ быть всѣмъ для всѣхъ, и изъ него вышелъ бы прекрасный епископъ.

— Ты знаешь что ты ихъ не любишь, и знаешь также что тебѣ будетъ ужасно скучно у нихъ.

— Я всю недѣлю прострѣляю фазановъ.

— Зная въ то же время что леди Софи и Каролина называютъ тебя за это безбожникомъ. Что̀ касается до меня, я обошлась бы и безъ нихъ.

— Не потому что онъ маркизъ, началъ опять викарій, немного погодя.—Я себя знаю и, кажется, могу сказать что это не имѣетъ для меня никакого значенія. И сказать по правдѣ, еслибъ онъ былъ просто маркизъ, и я былъ бы свободенъ поступать какъ мнѣ угодно, я не позволилъ бы опутать себя его сладкоглаголивому сыну. Но для насъ онъ человѣкъ съ большимъ значеніемъ, потому что онъ владѣлецъ земли гдѣ живутъ люди съ которыми мы связаны. Для блага этихъ людей мнѣ необходимо быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и потому, если ты согласна, мы поѣдемъ къ нимъ.

— Неужели на цѣлую недѣлю, Франкъ?

Викарій думалъ что недѣлю благоразумно будетъ сократить на два дня. Мистриссъ Фенвикъ благодарила леди Софи и Каролину за приглашеніе, которымъ они воспользуются,—писала она,—съ величайшимъ удовольствіемъ, пріѣхавъ во вторникъ и пробывъ до пятницы.

— Такъ что я буду стрѣлять только два дня, сказалъ викарій,—что̀ значительно уменьшитъ мое безбожіе.

Въ назначенный день они отправились въ Торноверъ. Бѣдный старый маркизъ ужасно страдалъ два послѣдніе часа предъ ихъ пріѣздомъ. Теперь всему графству было извѣстно что Семъ не виноватъ въ убійствѣ фермера Тромбула, что его знакомство съ убійцами было слѣдствіемъ его желанія пристроить сестру за человѣка котораго онъ не зналъ съ дурной стороны. Въ графствѣ произошла реакція въ пользу Сема, который теперь сдѣлался чуть не героемъ. Зная все это, маркизъ понялъ что обидѣлъ викарія тѣмъ что̀ говорилъ о немъ по поводу убійства. И хотя маркизъ зналъ отъ уважаемыхъ авторитетовъ, а именно отъ своихъ дочерей, которыя въ свою очередь узнали это отъ уважаемыхъ сестеръ примѣрнаго священника, что Фенвикъ „не вѣритъ почти ни во что̀“ и готовъ завести дружбу даже съ язычникомъ, какъ напримѣръ со старикомъ Бретлемъ,—но епископъ стоялъ за Фенвика, а для маркиза, хотя онъ былъ и самодуръ, епископъ былъ епископомъ. Теперь маркизъ зналъ что онъ былъ

неправъ и въ обвиненіяхъ которыя возводилъ на Фенвика по поводу пребыванія Карри въ Салисбери. Онъ слышалъ кое-что объ исторіи дѣвушки, изъ чего могъ понять что ошибся. И потомъ у него на душѣ было дѣло съ часовней, на перенесеніе которой онъ, по совѣту сына, тратилъ теперь 700 фунтовъ. Надо отдать справедливость маркизу—о деньгахъ онъ почти не думалъ. Маркизы, если даже они владѣютъ большими землями, рѣдко вдадѣютъ лишними сотнями. Не было ихъ теперь и у маркиза Тробриджа. Но деньги не безпокоили его такъ какъ сознаніе своей ошибки. Ни при какихъ обстоятельствахъ не слѣдовало строить часовню на томъ мѣстѣ. Онъ зналъ это теперь, и зналъ что надо извиниться: *Noblesse oblige*. Старый лордъ былъ очень глупъ, очень упрямъ и надмененъ, но онъ никогда не дѣлалъ несправедливости когда зналъ что это несправедливость, и ничто на свѣтѣ не заставило бы его сказать сознательную ложь. Здѣсь эпитетъ могъ бы быть легко опущенъ, потому что ложь не есть ложь, когда она говорится безсознательно.

Лордъ Тробриджъ провелъ утро вторника страдая отъ ужасной необходимости извиниться. Онъ еще помнилъ дерзость Фенвика, осмѣлившагося сравнить леди Софи и Каролину съ женщиной, которая.... которая.... Страшно подумать. Его сіятельство не забылъ также какъ Фенвикъ писалъ объ его парадномъ подъѣздѣ точно это былъ подъѣздъ къ какой-нибудь фермѣ. Занозы еще сидѣли въ его собственномъ тѣлѣ, и онъ долженъ былъ сознаться что былъ неправъ.

И онъ сдѣлалъ это съ такою честностью о которой не имѣлъ понятія его умный сынъ. Когда Фенвики пріѣхали, ихъ ввели въ гостиную гдѣ сидѣли леди Софи, Каролина и много гостей уже собравшихся въ замкѣ. Минуты черезъ двѣ вошелъ маркизъ и подалъ руку поволпріѣзжимъ. Еще минуты двѣ побродилъ онъ по комнатѣ, и наконецъ взялъ викарія подъ руку и ввелъ его въ свое святилище.

— Мистеръ Фенвикъ, сказалъ онъ,—я считаю долгомъ высказать вамъ немедленно что я сожалѣю о всемъ случившемся.

— Ничего не значитъ, милордъ.

— Но для меня это значитъ, и если вы выслушаете меня, то я сочту это за такую же милость какую вы мнѣ сдѣлали пріѣхавъ сюда.

Викарій могъ только поклониться и слушать.

— Я сожалѣю, мистеръ Фенвикъ, что писалъ епископу епархіи о вашемъ поведеніи.

Фенвикъ едва удержалъ языкъ когда эти слова были сказаны. Онъ думалъ что маркизъ будетъ говорить о часовнѣ, а за часовню онъ теперь уже не сердился. Но онъ чувствовалъ что чѣмъ менѣе будетъ сказано о письмахъ къ епископу тѣмъ лучше. Онъ однако удержался, и маркизъ продолжалъ.

— До меня дошли сплетни, мистеръ Фенвикъ, и я думалъ что исполняю долгъ.

— Это не повредило мнѣ, милордъ.

— Надѣюсь что нѣтъ. Я повѣрилъ ложнымъ слухамъ и—я извиняюсь.

Милордъ замолчалъ, и викарій поклонился. Фенвикъ едва ли понималъ, какъ глубоко въ эту минуту страдалъ маркизъ.

— Теперь о часовнѣ, продолжалъ маркизъ.

— Это такіе пустяки, милордъ, что не стóитъ и говорить.

— Я ошибся въ принадлежности того мѣста.

— Я былъ бы очень радъ, милордъ, еслибы часовня осталась тамъ.

— Но это невозможно. Церковная земля предназначена для другихъ цѣлей, и хотя мы всѣ дѣйствовали не зная нашихъ правъ, но право все же право. Теперь мнѣ остается сказать что я очень радъ видѣть васъ въ Торноверѣ и что я надѣюсь что удовольствіе это будетъ повторяться.

Кончивъ, онъ ввелъ гостя въ гостиную, и злосчастный для него часъ прошелъ.

Визитъ прошелъ вообще очень благополучно для викарія и для его жены. Одинъ день онъ ходилъ на охоту и былъ встрѣченъ очень любезно торноверскимъ хранителемъ дичи, который однако не получилъ отъ него ничего въ подарокъ. Когда онъ воротился въ домъ, хозяинъ радушно поздравилъ его съ удачною охотой, какъ бы забывъ что онъ священникъ. На другой день онъ ѣздилъ съ лордомъ Сентъ-Джорджемъ осматривать стаи охотничьихъ собакъ, которыя содержались тогда въ Чарликотсѣ, и никто, казалось, не осуждалъ его за то что онъ имѣлъ свое мнѣніе о гончихъ. Удовольствія мистрисъ Фенвикъ были, можетъ-быть, не такъ интересны, но она принимала ихъ охотно. Она осматривала приходскія школы и приходскую церковь, гдѣ фамилія Стоутъ владѣла большою ложей, которая называлась лавкой, но на самомъ дѣлѣ была цѣлая комната, съ каминомъ. Мистрисъ Фенвикъ подумала

что это совсѣмъ не идетъ къ церкви, но такъ какъ леди Стоутъ очень гордилась своимъ мѣстомъ, она промолчала. Такъ прошелъ ихъ визитъ въ Торноверѣ, и они отправились домой.

— Они, кажется, искренно хотѣли помириться, сказалъ онъ.

— Да развѣ не они виноваты? спросила мистрисъ Фенвикъ.

— Все равно кто виноватъ, мы помирились.

LXXIII. Заключеніе.

Намъ нечего разказывать о Булгамптонѣ и его викаріи кромѣ того что касается до дальнѣйшей судьбы семейства Бретлей. Авторъ этихъ страницъ надѣется что,—каково бы ни было мнѣніе читателя о четѣ поселившейся въ Доннилелѣ чтобы тамъ спокойно ждать когда придетъ ея время царствовать,—скромныя личности жившія честнымъ трудомъ на мельницѣ и также тѣ которыхъ безпорядочныя страсти удалили изъ нея, но которыя потомъ воротились въ родной домъ, возбудили въ немъ нѣкоторую симпатію.

Два два послѣ возвращенія мельника съ дочерью и сыномъ, не говорилось почти ничего о прошломъ; ничего по крайней мѣрѣ въ чемъ бы приняли участіе отецъ и сынъ. Двѣ сестры, конечно, переговорили между собой о всѣхъ подробностяхъ пребыванія въ Салисбери, когда оставались вдвоемъ, а мать чуть не пѣла гимны радости о томъ что страшный для ея дочери часъ прошелъ. Но мельникъ не сказалъ ни одного слова, и Семъ былъ почти также молчаливъ.

— Вѣдь теперь все кончено, Семъ? спросила однажды мать съ безпокойствомъ.—Мнѣ кажется что все кончено?

— Только для одного не все кончено, матушка. Несчастный!

— Вѣдь онъ убійца, Семъ.

— Другой вѣдь тоже убійца. Они одинаково виноваты. Если же который изъ нихъ виноватъ болѣе другаго въ убійствѣ старика, такъ это Экорнъ. Я такъ думаю. Но теперь уже все кончено, хотя и не совсѣмъ справедливо. Насколько я понимаю, они никогда не рѣшаютъ справедливо. Еслибъ убійцы спрятали шкатулку возлѣ мельницы, а не въ саду старухи, они повѣсили бы и меня,—непремѣнно! Вы не думайте объ этомъ.

Когда мать старалась возобновить этотъ разговоръ, съ тѣмъ болѣзненнымъ любопытствомъ съ которымъ мы всегда относимся къ тому что едва не погубило насъ, но что уже прошло, Семъ уходилъ отъ нея, говоря что это уже надоѣло ему.

На третій день до нихъ дошла мѣстная газета, гдѣ было напечатано дѣло объ убійствѣ Тромбула. Мельникъ прочелъ его съ большимъ трудомъ съ начала до конца, не пропустивъ ни одного слова. Наконецъ, когда онъ дочелъ до свидѣтельства Сема, онъ всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ возлѣ окна, и сдѣлалъ свое первое и единственное замѣчаніе о дѣлѣ.

— Хорошо было сказано, Семъ. Да, ты мой сынъ, а я все таки скажу—хорошо было сказано.

Онъ положилъ газету и вышелъ изъ комнаты, и видѣвшіе его замѣтили что глаза его были полны слезъ.

Съ этихъ поръ произошла большая перемѣна въ его обращеніи съ Карри. „Здравствуй, Карри,“ говорилъ онъ ей утромъ съ такою любовью какую рѣдко кому выказывалъ; а вечеромъ, когда она подходила проститься къ его столу, онъ подставлялъ ей лобъ для поцѣлуя, какъ дѣлалъ это съ ея старшею честною сестрой, не нуждавшеюся въ его прощеніи. Тѣмъ не менѣе, тѣ которые понимали его—а никто не понималъ его лучше Фанни—знали что онъ никогда, ни на минуту не забывалъ о безчестіи которое Карри навлекла на его семейство. Онъ простилъ грѣхъ, но стыдъ за грѣхъ всегда мучилъ его, и онъ велъ себя какъ человѣкъ съ которымъ случилось такое несчастіе послѣ котораго слѣдуетъ искать уединенія.

Семъ поселился дома, работалъ ежедневно на мельницѣ и нѣсколько недѣль не говорилъ останется ли онъ у отца или уйдетъ. Онъ разказывалъ сестрамъ какъ онъ работалъ въ Дургамѣ, но не говорилъ ни о причинѣ которая побудила его идти на сѣверъ, ни о своихъ планахъ на будущее. Обѣдалъ онъ дома, и отецъ нерѣдко давалъ ему немного денегъ въ видѣ жалованья. Наконецъ однажды вечеромъ, отдыхая послѣ работы, онъ высказалъ свое намѣреніе.

— Батюшка, сказалъ онъ, — я хочу жениться.

Мать и сестры были съ ними и слышали его слова.

— Кого же ты возьмешь за себя, Семъ? спросила мать.

Семъ отвѣчалъ не вдругъ, но Карри тотчасъ же вмѣшалась.

— Агнесу Полъ, матушка, — кого же еще?

— Только ужь не ее, сказалъ мельникъ угрюмо.

— Отчего же не ее, батюшка? Конечно ее, а не другую. Если она не нравится здѣсь, мы уйдемъ подальше и, Богъ дастъ, не пропадемъ.

Противъ Агнесы Полъ нечего было сказать кромѣ того что она была въ домѣ Тромбула въ ночь убійства и нѣкоторое

время была на подозрѣніи у полиціи за то что будто бы передала Сему о шкатулкѣ фермера. О ней тогда, конечно, говорилось много дурнаго, но потомъ все это оказалось неправдой, викарій взялъ ее къ себѣ, и не мало досталось ему отъ лудельгамистовъ за укрывательство ея. Но такъ какъ убѣжденіе въ виновности Сема постепенно прошло, то само собой исчезло основаніе подозрѣвать бѣдную Агнесу въ участіи въ убійствѣ ея покойнаго хозяина. Дня два мельникъ былъ очень мраченъ и не отвѣтилъ ни слова, когда Семъ объявилъ ему что уйдетъ съ мельницы до Рождества, если только Агнесу Полъ не примутъ въ домъ какъ его жену. Но потомъ отецъ уступилъ. „Когда старики сходятъ въ могилу, сказалъ онъ, то молодые конечно дѣлаются хозяевами.“ Мельникъ хорошо сдѣлалъ что уступилъ, потому что Семъ былъ такой человѣкъ который умѣлъ пріобрѣтать деньги когда хотѣлъ.

Карри жила всегда съ нимъ, обреченная своею красотой, какъ ея старшая сестра недостаткомъ красоты, не надѣяться что кто-нибудь придетъ просить ее основать съ нимъ свое собственное жилье.

Нашъ другъ викарій обвѣнчалъ Сема съ его возлюбленною, и до сихъ поръ часто бываетъ на мельницѣ. Онъ иногда дѣлаетъ попытку обратить невѣрующаго старика, который стоитъ теперь на краю могилы, но ему никогда не удавалось заставить старика сознаться что онъ чувствуетъ потребность вѣровать. „Я всегда старался поступать честно,“ сказалъ мельникъ, когда викарій напалъ на него однажды, „и трудился для моей жены и дѣтей. Я не былъ ни пьяницей, ни сплетникомъ, ни лгуномъ. Я былъ строгъ и суровъ, это я самъ знаю, и со мной, можетъ-быть, поступятъ строго и сурово въ той жизни. Противъ этого я не спорю, но теперь мнѣ поздно переламывать себя, мистеръ Фенвикъ.“ Викарій понялъ что смерть, когда она придетъ, не устрашитъ старика.

Мистеръ Джильморъ не возвращался нѣсколько лѣтъ домой, но въ послѣдній разъ когда я получилъ извѣстіе о моихъ булгамптонскихъ друзьяхъ, мнѣ говорили что его ожидаютъ домой.

КОНЕЦЪ.

крылья орѣховаго цвѣта съ багрянымъ оттѣнкомъ по краямъ, голова и задняя часть шеи блѣдно-желтыя, горло изумрудное, брюхо и грудь темно-каштановыя. Надъ ея хвостомъ поднимались двѣ роговидныя и пушистыя нити, продолжавшіяся въ видѣ легкихъ, длинныхъ и удивительно тонкихъ перьевъ, дополнявшихъ общій видъ этой чудесной птицы, которой туземцы дали поэтическое названіе „птицы солнца.“

Мнѣ очень хотѣлось привезти въ Парижъ этотъ прекрасный экземпляръ, и принести его въ даръ Ботаническому саду, гдѣ нѣтъ ни одной живой парадизки.

— Стало-быть онѣ очень рѣдки? спросилъ Канадецъ тономъ охотника, не слишкомъ уважающаго дичь интересную только съ научной точки зрѣнія.

— Очень рѣдки, мой храбрый товарищъ, и сверхъ того ихъ очень трудно поймать живыми. Даже мертвыя онѣ составляютъ предметъ значительной торговли. И потому туземцы придумали поддѣлывать ихъ какъ поддѣлываютъ жемчугъ и бриллианты.

— Какъ! вскричалъ Конселъ: — есть поддѣльныя райскія птицы?

— Да, Конселъ.

— А знаетъ ли господинъ профессоръ способъ производства туземцевъ?

— Какъ нельзя лучше. Парадизки, во время восточнаго муссона, теряютъ великолѣпныя перья, окружающія ихъ хвостъ, которыя натуралисты называютъ *субаларными*. Эти-то перья и собираются поддѣлывателями фальшивыхъ пернатыхъ, и ловко прикрѣпляются къ самкѣ попугая, у которой предварительно выщипываютъ ея собственныя перья. Потомъ они закрашиваютъ швы, покрываютъ птицу лакомъ и отправляютъ произведенія своего страннаго искусства въ европейскіе музеи и разнымъ любителямъ.

— Хорошо! сказалъ Недъ-Ландъ.—Если птица не настоящая, то перья все-таки настоящія, и я не вижу тутъ большаго греха, такъ какъ животное не предназначается въ пищу!

Мое желаніе обладать парадизкой исполнилось, но желанія канадскаго охотника еще не были удовлетворены. Къ счастію, въ два часа пополудни Недъ-Ландъ убилъ великолѣпную лѣсную свинью, называемую туземцами *бари-утангъ*. Животное это пришлось очень кстати и доставило намъ настоящую четвероногую дичь. Недъ-Ландъ очень гордился своимъ славнымъ

выстрѣломъ. Электрическая пуля, коснувшись свиньи, положила ее мертвою на мѣстѣ.

Канадецъ снялъ съ нея кожу и чисто выпотрошилъ, отложивъ заранѣе полдюжины реберъ на жаркое къ ужину. Потомъ охота опять началась. Недъ-Ландъ и Конселю еще предстояло отличиться своими подвигами.

Въ самомъ дѣлѣ, оба друга, обшаривая кустарники, спугнули стадо кенгуру, которые побѣжали припрыгивая на своихъ эластичныхъ лапахъ. Но эти животныя не такъ быстро бѣжали чтобъ электрическая пуля не могла остановить ихъ.

— Ахъ, господинъ профессоръ! вскричалъ Недъ-Ландъ, ярый охотникъ которому жажда добычи вскружила голову;— какая превосходная дичь, особенно если приготовить изъ нея душеное мясо! сколько съѣстныхъ припасовъ для *Кораблика!* Два! три! пять убиты! И когда я только подумаю что мы съѣдимъ все это мясо, а дураки на кораблѣ не получатъ ни крошки!

Я думаю что въ припадкѣ радости Канадецъ перебилъ бы все стадо, еслибы говорилъ поменьше! Но онъ удовольствовался дюжиной этихъ интересныхъ сумчатыхъ животныхъ, составляющихъ первый порядокъ оныхъ, не имѣющій плаценты, какъ сказалъ намъ Консель. Эти животныя были не велики и принадлежали къ виду кенгуру-кроликовъ, обыкновенно живущихъ въ дуплахъ деревьевъ и прыгающихъ чрезвычайно быстро; но несмотря на свою незначительную величину, они доставляютъ самое вкусное мясо.

Мы были очень довольны результатомъ своей охоты. Веселый Недъ предлагалъ вернуться на слѣдующій день на этотъ очаровательный островъ, гдѣ онъ намѣревался истребить всѣхъ четвероногихъ годныхъ для пищи. Но онъ разчитывалъ не думая о томъ что могутъ встрѣтиться препятствія.

Въ шесть часовъ вечера мы возвратились на морской берегъ. Наша лодка стояла на прежнемъ мѣстѣ. *Кораблик*ъ, какъ длинный подводный камень, выставлялся изъ-подъ волнъ въ двухъ миляхъ отъ берега.

Недъ-Ландъ немедленно занялся великимъ дѣломъ приготовленія обѣда; онъ былъ удивительнымъ мастеромъ въ поваренномъ искусствѣ. Вскорѣ атмосфера наполнилась превосходнымъ запахомъ жарившихся на угольяхъ котлетъ изъ бари-утанга!...

Но я замѣчаю что самъ иду по стопамъ Канадца и прихожу

въ восторгѣ отъ жареной свѣжей свинины. Да простятъ мнѣ это, также какъ и я простилъ Недъ-Ланду, и по тѣмъ же причинамъ!

Однимъ словомъ, обѣдъ былъ превосходный. Два вяхиря дополнили этотъ необычный рядъ кушаній. Саговое тѣсто, хлѣбъ съ хлѣбнаго дерева, нѣсколько плодовъ манговаго дерева, полдюжины ананасовъ и перебродившій сокъ кокосовыхъ орѣховъ привели насъ въ веселое расположеніе духа. Я даже думаю что мысли моихъ достойныхъ товарищей не отличались надлежащею ясностью.

— Что̀ еслибы мы не возвращались сегодня вечеромъ на бортъ *Кораблика*! сказалъ Консель.

— А еслибы мы никогда туда не возвращались? прибавилъ Недъ-Ландъ.

Вдругъ въ эту минуту къ нашимъ ногамъ упалъ камень и прервалъ предположенія китолова.

ГЛАВА XXII.

Молнія капитана Немо.

Мы не вставая посмотрѣли по направленію лѣса; моя рука остановилась на полдорогѣ ко рту, рука же Недъ-Ланда оканчивала свою обязанность.

— Камни не падаютъ съ неба, сказалъ Консель, — а если падаютъ, то заслуживаютъ названія аэролитовъ.

Другой камень, тщательно округленный, выбившій изъ рукъ Конселя вкусную ножку вяхиря, придалъ еще болѣе убѣдительности его замѣчанію.

Мы встали всѣ трое, вскинувъ ружья на плеча, и были готовы отвѣчать на всякое нападеніе.

— Не обезьяны ли это? вскричалъ Недъ-Ландъ.

— Почти, отвѣчалъ Консель, — это дикари.

— Къ лодкѣ! сказалъ я, направляясь къ морю.

Дѣйствительно, пора было отступать; десятка два дикарей, вооруженныхъ луками и пращами, появились на опушкѣ маленькаго лѣска, который направо ограничивалъ горизонтъ и лежалъ на разстояніи почти ста шаговъ.

Наша лодка находилась въ десяти саженяхъ отъ насъ.

Дикари приближались не торопясь, но выказывали самыя

враждебныя намѣренія. Камни и стрѣлы сыпались на насъ. Недъ-Ландъ не хотѣлъ оставить свою провизію, несмотря на угрожающую опасность, и подвигался впередъ, впрочемъ довольно быстро, таща свинью одною рукой и кенгуру другою.

Въ двѣ минуты мы достигли плоскаго песчанаго берега. Нагрузить лодку провизіей и оружіемъ, столкнуть ее въ море, взяться за весла,—было дѣломъ одной минуты. Не успѣли мы отъѣхать двухъ кабельтововъ, какъ до ста дикарей, завывая и размахивая руками, вошли по поясъ въ воду. Я смотрѣлъ, не вызоветъ ли ихъ появленіе кого-нибудь на платформу *Кораблика*. Но нѣтъ. Громадное судно, стоявшее въ открытомъ морѣ, было совершенно пусто.

Двадцать минутъ спустя, мы всходили на корабль. Люкъ былъ открытъ. Привязавъ лодку, мы вошли во внутренность *Кораблика*.

Я сошелъ въ залу, откуда слышались аккорды. Тамъ, нагнувшись надъ своимъ органомъ, сидѣлъ капитанъ Немо, погруженный въ музыкальный восторгъ.

— Капитанъ! сказалъ я ему.

Онъ не слышалъ меня.

— Капитанъ! повторилъ я, дотрогиваясь до него рукой.

Онъ вздрогнулъ и обернулся:

— Ахъ! это вы господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ. — Ну, что же, хороша ли была ваша охота, успѣшно ли вы ботанизировали?

— Да, капитанъ, отвѣчалъ я;—но, къ несчастію, мы привели за собой толпу двуногихъ, сосѣдство которыхъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ безопасно для насъ.

— Какихъ двуногихъ?

— Дикарей.

— Дикарей! насмѣшливо отвѣчалъ капитанъ Немо.—И вы удивляетесь, господинъ профессоръ, что ступивъ на землю нашли на ней дикарей? Гдѣ же ихъ нѣтъ? И будто они хуже другихъ, эти люди которыхъ вы называете дикарями?

— Но, капитанъ....

— Что касается до меня, господинъ профессоръ, то я ихъ встрѣчалъ повсюду.

— Но все-таки, отвѣчалъ я,—если вы не желаете видѣть ихъ на кораблѣ, то вамъ лучше принять какія-нибудь предосторожности.

— Успокойтесь, господинъ профессоръ, тутъ не о чемъ такъ безпокоиться.

— Но эти дикари многочисленны.

— Сколько же вы ихъ насчитали?

— По крайней мѣрѣ до сотни.

— Господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ капитанъ, снова опуская руки на клавиши органа,—еслибы всѣ туземцы Папуазіи собрались на этомъ берегу, то и тогда *Кораблику* нечего было бы бояться ихъ нападенія!

Пальцы капитана забѣгали по клавишамъ, и я замѣтилъ что онъ бралъ только черныя косточки, что̀ придавало его мелодіямъ совершенно шотландскій оттѣнокъ. Вскорѣ онъ забылъ о моемъ присутствіи и погрузился въ мечты, изъ которыхъ я болѣе не старался его вывести. Я вышелъ на платформу. Ночь уже наступила, потому что подъ низкими широтами солнце садится очень быстро и безъ сумерекъ. Я едва могъ различать островъ Гвебороаръ. Но многочисленные огни зажженные на морскомъ берегу свидѣтельствовали о томъ что дикари не думали его покидать.

Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ я сидѣлъ тутъ одинъ, то думая о туземцахъ,—которыхъ я впрочемъ не боялся болѣе: непоколебимая увѣренность капитана овладѣвала и мной,—то забывая ихъ чтобы любоваться великолѣпіемъ тропической ночи. Вслѣдъ за созвѣздіями зодіака, которыя должны были черезъ нѣсколько часовъ освѣщать Францію, я мысленно переносился туда. Луна сіяла во глубинѣ неба, окруженная созвѣздіями зенита. Я думалъ что послѣзавтра этотъ вѣрный и любезный спутникъ возвратится опять на то же мѣсто, подниметъ море и сниметъ корабль съ его кораллового ложа. Около полуночи, видя что все спокойно на потемнѣвшихъ волнахъ и на берегу подъ деревьями, я ушелъ въ свою каюту и спокойно заснулъ.

Ночь прошла безъ приключеній. Безъ сомнѣнія, Папуасы были испуганы видомъ чудовища лежащаго въ бухтѣ и не приближались, несмотря на то что доступъ во внутренность судна былъ свободенъ, и подъемная дверь открыта.

Въ шесть часовъ утра, 8го января, я вышелъ на платформу. Поднимались утреннія испаренія. Сквозь разсѣявшійся морской туманъ вскорѣ показался островъ: сначала берега его, потомъ вершины.

Туземцы были тамъ, но гораздо многочисленнѣе чѣмъ

наканунѣ; ихъ было человѣкъ пятьсотъ или шестьсотъ. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь низкимъ отливомъ, приблизились къ *Кораблику* почти на два кабельтова, ступая по коралламъ. Я ихъ ясно различалъ. Это были настоящіе Папуасы, красивое племя, отличающееся атлетическимъ ростомъ, широкимъ и возвышеннымъ лбомъ, толстымъ, но не приплюснутымъ носомъ и бѣлыми зубами. Ихъ пушистые, выкрашенные красною краской волосы рѣзко отдѣлялись отъ цвѣта ихъ кожи, черной и блестящей какъ у Нубійцевъ. Въ мочкахъ ихъ ушей, разрѣзанныхъ и растянутыхъ, висѣли костяныя четки. Вообще всѣ дикари были нагіе. Между ними я замѣтилъ нѣсколько женщинъ, которыя были одѣты въ настоящіе кринолины изъ травы идущіе отъ бедръ до колѣнъ и поддерживаемые поясомъ изъ растительныхъ волоконъ. Нѣкоторые начальники носили на шеѣ украшенія въ видѣ полумѣсяца и ожерелья изъ бѣлыхъ и красныхъ стеклянныхъ бусъ. Всѣ почти были вооружены луками, стрѣлами и щитами, и имѣли на плечахъ что-то похожее на сѣти, гдѣ лежали круглые камни, которые они очень ловко бросали своими пращами.

Одинъ изъ этихъ начальниковъ, стоявшій ближе къ *Кораблику*, внимательно разсматривалъ его. Должно-быть это былъ „мадо“ изъ высшаго класса, потому что онъ драпировался въ циновку изъ банановыхъ листьевъ съ зубцами по краямъ, пестрѣвшую самыми яркими красками.

Я легко могъ убить этого туземца, стоявшаго очень близко, но разчелъ что лучше подождать дѣйствительно враждебныхъ заявленій съ ихъ стороны. При встрѣчѣ Европейцевъ съ дикарями, Европейцамъ слѣдуетъ защищаться отъ нападенія, а не нападать.

Во все время отлива туземцы бродили около *Кораблика*, но не шумѣли. Я слышалъ что они часто повторяли слово „ассаи,“ и по ихъ жестамъ понялъ что они приглашаютъ меня сойти на землю, но счелъ удобнѣе уклониться отъ этого приглашенія.

Итакъ, къ большой досадѣ Недъ-Ланда, ему невозможно было пополнить свой запасъ провизіи, потому что въ этотъ день лодка не покидала корабля. Искусный Канадецъ занимался приготовленіемъ мяса и муки привезенныхъ имъ съ острова. Что же касается дикарей, то они возвратились на берегъ къ 11ти часамъ утра, лишь только начался приливъ и верхушки коралловъ стали исчезать подъ водой. Но я видѣлъ что на берегу число ихъ значительно увеличилось. Вѣроятно,

они пріѣзжали съ сосѣднихъ острововъ, или съ самой Новой Гвинеи. Однакоже я не могъ замѣтить ни одной туземной пироги.

Отъ нечего дѣлать я вздумалъ половить драгой въ этой прекрасной прозрачной водѣ, гдѣ въ изобиліи видѣлись раковины, зоофиты и морскія растенія. Сверхъ того это былъ послѣдній день пребыванія *Кораблика* въ этихъ мѣстахъ, если только, согласно обѣщанію капитана Немо, онъ выйдетъ на другой день въ открытое море.

Я позвалъ Конселя, и онъ принесъ мнѣ маленькую легкую драгу, похожую немного на тѣ которыми ловятъ устрицъ.

— А дикари? спросилъ меня Консель.—Не во гнѣвъ будь сказано господину профессору, они, кажется, вовсе не злы.

— Однакоже они людоѣды, мой милый.

— Можно быть людоѣдомъ и въ то же время честнымъ человѣкомъ, отвѣчалъ Консель, — также какъ обжорой и честнымъ малымъ. Одно не исключаетъ другаго.

— Хорошо, Консель, я согласенъ съ тобой что это честные людоѣды, и что они честно пожираютъ своихъ плѣнниковъ. Но такъ какъ я не хочу быть съѣденнымъ даже честно, то и буду остерегаться, потому что командиръ *Кораблика*, какъ видно, не думаетъ принимать никакихъ предосторожностей. А теперь за работу.

Въ продолженіи двухъ часовъ мы дѣятельно занимались своею ловлей, не находя однако ничего рѣдкаго. Драга наполнялась медвѣжьими ушками, арфами, меланіями и самыми красивыми молотками, какихъ когда-либо случалось мнѣ видалъ. Мы также поймали нѣсколько кубышекъ, жемчужныхъ раковинъ и дюжину маленькихъ черепахъ, которыхъ оставили для корабельнаго стола.

Но въ ту минуту какъ я менѣе всего думалъ объ этомъ, мнѣ попалось въ руки чудесное произведеніе, или, говоря точнѣе, естественная уродливость, очень рѣдко встрѣчаемая. Консель закинулъ драгу и вытащилъ много разныхъ довольно обыкновенныхъ раковинъ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ что я быстро опускаю руку въ сѣть и выхватываю оттуда раковину, испуская крикъ конхиліолога, то-есть самый пронзительный крикъ когда-либо вылетавшій изъ человѣческаго горла.

— Ахъ! Что случилось съ господиномъ профессоромъ? спро-

силъ удивленный Консель. — Не укусилъ ли кто господина профессора?

— Нѣтъ, любезный, но тѣмъ не менѣе я охотно поплатился бы пальцемъ за свою находку.

— Какую находку?

— Эта раковина, сказалъ я, показывая предметъ своего торжества.

— Но это просто oliva purpura, принадлежащая къ роду oliva, группѣ гребенчато-жаберныхъ, къ классу брюхоногихъ, къ отдѣлу моллюсковъ....

— Да, Консель; но вмѣсто того чтобы завертываться справа налѣво, эта oliva завертывается слѣва направо!

— Возможно ли это? вскричалъ Консель.

— Да, мой другъ, это лѣвша!

— Раковина-лѣвша, повторялъ Консель, дрожа отъ волненія.

— Посмотри на ея завитокъ.

— Ахъ! Господинъ профессоръ! можетъ повѣрить, сказалъ Консель, взявъ дрожащими руками драгоцѣнную раковину,— что я никогда не испытывалъ подобнаго волненія!

И было отчего волноваться! Дѣйствительно, по наблюденіямъ натуралистовъ, извѣстно что правая сторона имѣетъ преимущество: это законъ природы. Всѣ свѣтила со своими спутниками въ своемъ движеніи и кругообращеніи направляются справа налѣво. Человѣкъ работаетъ чаще правою рукой чѣмъ лѣвою, слѣдовательно его инструменты и снаряды, лѣстницы, замки, пружины часовъ и т. д. приспособлены для употребленія справа налѣво. Точно также и природа, свивая раковины, постоянно слѣдовала этому закону. Всѣ онѣ завертываются справа, а если иногда и попадаются завитки идущіе слѣва, то любители покупаютъ такія раковины на вѣсъ золота.

Итакъ мы съ Конселемъ погрузились въ созерцаніе нашего сокровища, и я намѣревался обогатить имъ музеумъ, какъ вдругъ камень, некстати брошенный однимъ изъ туземцевъ, разбилъ драгоцѣнный предметъ въ рукахъ Конселя.

У меня вырвался крикъ отчаянія. Консель бросился къ моему ружью и прицѣлился въ дикаря, который размахивалъ своею пращей въ десяти метрахъ отъ него. Я хотѣлъ его остановить, но онъ уже выстрѣлилъ и разбилъ браслетъ изъ амулетовъ, висѣвшій на рукѣ туземца.

— Консель! вскричалъ я.—Консель!

— Ну что же! Развѣ господинъ профессоръ не видитъ что этотъ людоѣдъ первый сдѣлалъ нападеніе?

— Раковина не стóитъ жизни человѣка! сказалъ я ему.

— Ахъ! Бездѣльникъ! вскричалъ Консель:—лучше бы онъ раздробилъ мнѣ плечо!

Консель говорилъ искренно, но я не былъ съ нимъ согласенъ. Между тѣмъ уже за нѣсколько минутъ положеніе измѣнилось, но мы этого не замѣтили. Десятка два пирогъ окружили *Кораблика*. Эти пироги, или выдолбленные древесные стволы, длинныя и узкія, хорошо разчитанныя для плаванія, уравновѣшивались посредствомъ двойнаго бамбуковаго балансира плававшаго на поверхности воды. Они были управляемы искусными полунагими гребцами, и я съ безпокойствомъ слѣдилъ за ихъ приближеніемъ. Очевидно было что эти Папуасы уже имѣли сношеніе съ Европейцами и что имъ были знакомы ихъ корабли. Но что они думали объ этомъ длинномъ стоявшемъ въ бухтѣ желѣзномъ цилиндрѣ безъ мачтъ и трубы? Вѣроятно ничего хорошаго, потому что они сначала держались въ почтительномъ отъ него отдаленіи. Но видя его неподвижность, они становились мало-по-малу смѣлѣе и старались съ нимъ освоиться. Но теперь-то и наступило время помѣшать ихъ приближенію. Наше оружіе, стрѣлявшее безъ шума, не могло произвести сильнаго впечатлѣнія на туземцевъ, которые боятся однихъ громозвучныхъ орудій. Молнія безъ раскатовъ грома не очень испугаетъ человѣка, несмотря на то что вся опасность въ молніи, а не въ ударѣ грома. Въ эту минуту пироги еще приблизились къ *Кораблику*, и тучи стрѣлъ посыпались на его палубу.

— Чортъ возьми! Градъ идетъ! сказалъ Консель:—и можетъ-быть отравленный градъ!

— Надо предупредить капитана Немо, сказалъ я, входя въ подъемную дверь.

Я сошелъ въ залу; тамъ никого не было. Я рѣшился постучать въ дверь которая вела въ комнату капитана.

— Войдите, было мнѣ отвѣтомъ.

Я вошелъ и засталъ капитана Немо погруженнаго въ вычисленія, въ которыхъ не было недостатка въ X и другихъ алгебраическихъ знакахъ.

— Я васъ обезпокоилъ? сказалъ я изъ вѣжливости.

— Дѣйствительно, господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ мнѣ

капитанъ;—но я полагаю что важныя причины заставили васъ придти сюда.

— Очень важныя. Пироги окружили насъ, и чрезъ нѣсколько минутъ мы будемъ осаждены нѣсколькими сотнями дикарей.

— А! спокойно отвѣтилъ капитанъ Немо.—Они приплыли въ своихъ пирогахъ?

— Да, капитанъ.

— Ну что же, господинъ профессоръ, надо запереть подъемную дверь, и только.

— Такъ точно, и я пришелъ вамъ сказать....

— Ничего нѣтъ легче, сказалъ капитанъ Немо.

И прижавъ электрическую луговицу, онъ передалъ свое приказаніе экипажу.

— Вотъ и все сдѣлано, господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько минутъ.—Лодка на мѣстѣ, и подъемная дверь заперта. Я думаю, вы не опасаетесь что эти господа проломятъ стѣны, которыхъ не могли пробить пушечныя ядра вашего фрегата?

— Нѣтъ, капитанъ, но существуетъ еще опасность.

— Какая, господинъ профессоръ?

— Та что завтра въ этотъ же самый часъ надо будетъ открыть подъемныя двери для возобновленія воздуха на *Кораблик*ѣ.

— Конечно, господинъ профессоръ, потому что нашъ корабль дышетъ какъ китообразныя животныя.

— Ну, а если въ это время Папуасы будутъ на платформѣ, то я не понимаю какимъ образомъ вы помѣшаете имъ проникнуть во внутренность судна?

— А вы предполагаете, господинъ профессоръ, что они взойдутъ на платформу?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Ну что же, господинъ профессоръ, пускай взойдутъ. Я не вижу никакой надобности мѣшать имъ. Въ сущности эти Папуасы бѣдняги, и я не желаю чтобы мое посѣщеніе острова Гвебороара стоило жизни хоть одному изъ этихъ несчастныхъ!

Кончивъ этотъ разговоръ, я хотѣлъ удалиться, но капитанъ Немо удержалъ меня и пригласилъ сѣсть рядомъ съ нимъ. Онъ съ любопытствомъ распрашивалъ меня о нашихъ сухопутныхъ экскурсіяхъ, о нашей охотѣ и, казалось, не

понималъ страстнаго желанія Канадца поѣсть мяса. Потомъ разговоръ слегка коснулся различныхъ предметовъ, и хотя капитанъ Немо не сдѣлался откровеннѣе, но все-таки сталъ гораздо любезнѣе.

Между прочимъ разговоръ коснулся положенія *Кораблика*, который стоялъ на мели въ томъ же проливѣ гдѣ Дюмонъ-Дюрвиль едва не погибъ. По поводу этого случая капитанъ сказалъ мнѣ:

— Этотъ Дюмонъ-Дюрвиль былъ однимъ изъ вашихъ великихъ моряковъ, однимъ изъ самыхъ разумныхъ мореплавателей! Это вашъ французскій капитанъ Кукъ. Несчастный ученый! Преодолѣть сплошные льды южнаго полюса, коралловые рифы Океаніи, людоѣдовъ Тихаго океана, и послѣ этого погибнуть жалкимъ образомъ на поѣздѣ желѣзной дороги! Можете ли вы вобразить что̀ долженъ былъ передумать этотъ энергическій человѣкъ, если только онъ могъ размышлять въ послѣднія секунды своей жизни!

Говоря такимъ образомъ, капитанъ Немо казался взволнованнымъ, и это волненіе возвысило его въ моемъ мнѣніи.

Потомъ, съ картой въ рукахъ, мы прослѣдили труды французскаго мереплавателя, его кругосвѣтныя путешествія, его двойную попытку на южномъ полюсѣ, которая повела къ открытію земель Амеліи и Лудовика-Филиппа, и наконецъ его гидрографическіе планы главныхъ острововъ Океаніи.

— То что̀ вашъ Дюрвиль сдѣлалъ на поверхности морей, сказалъ капитанъ Немо, — то сдѣлалъ я въ самомъ океанѣ, но гораздо легче и полнѣе чѣмъ онъ. *Астролябія* и *la Zelée*, постоянно боровшіяся съ ураганами, не могли равняться своими силами съ *Кораблико̀мъ* и съ покойнымъ рабочимъ кабинетомъ, который дѣйствительно неподвиженъ посреди водъ!

— Однакоже, капитанъ, сказалъ я,—между корветами Дюмонъ-Дюрвиля и *Кораблико̀мъ* есть сходство.

— Какое, господинъ профессоръ?

— То что *Кораблико̀ъ* также сталъ на мель какъ и они!

— *Кораблико̀ъ* не стоитъ на мели, господинъ профессоръ, холодно отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо.—Онъ такъ устроенъ что можетъ отдыхать на днѣ морей. И я никогда не предприму трудныхъ работъ и маневровъ къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть Дюрвиль чтобы снять съ мели свои корветы. *Астролябія* и *la Zelée* едва не погибли, но моему *Кораблику* не предстоитъ никакой опасности. Завтра, въ назначенные день

и часъ, морской приливъ приподниметъ его безъ хлопотъ, и онъ опять начнетъ свое плаваніе.

— Капитанъ, сказалъ я,—я не сомнѣваюсь....

— Завтра прибавилъ капитанъ Немо вставая,—завтра въ два часа сорокъ минутъ вечера *Кораблик*ъ поплыветъ и минуетъ безъ малѣйшаго поврежденія Торресовъ проливъ.

Сказавъ эти слова отрывистымъ тономъ, капитанъ Немо слегка поклонился: это значило что онъ прощается со мной, и я ушелъ въ свою комнату.

Тамъ я нашелъ Конселя, желавшаго знать о результатѣ моего свиданія съ капитаномъ.

— Мой другъ, отвѣчалъ я,—когда я высказалъ мнѣніе что его *Кораблику* угрожаютъ дикари Папуазіи, капитанъ отвѣчалъ мнѣ очень насмѣшливо. Я одно только могу сказать тебѣ: довѣрься ему и спи покойно.

— Господинъ профессоръ не нуждается въ моихъ услугахъ?

— Нѣтъ, другъ мой. Что дѣлаетъ Недъ-Ландъ?

— Съ позволенія господина профессора, отвѣчалъ Консель,—другъ Ландъ готовитъ паштетъ изъ кенгуру, который будетъ чудомъ кулинарнаго искусства.

Оставшись одинъ, я легъ, но спалъ довольно дурно. Я слышалъ какъ шумѣли дикари, топая ногами по платформѣ и испуская оглушительные крики. Такъ прошла ночь, а экипажъ по прежнему не выходилъ изъ своего бездѣйствія. Присутствіе дикарей не тревожило его, какъ не тревожатъ солдатъ блиндированной крѣпости муравьи бѣгающіе по ихъ блиндамъ. Я всталъ въ шесть часовъ утра. Подъемная дверь не открывалась. Стало-быть внутри воздухъ не возобновлялся, но резервуары были на всякій случай наполнены и, во-время приведенные въ дѣйствіе, распространили нѣсколько кубическихъ метровъ кислорода въ обѣднѣвшую атмосферу *Кораблика*.

Я работалъ въ своей комнатѣ до полудня, не видавъ ни на одну минуту капитана Немо. На кораблѣ, казалось, не дѣлали никакихъ приготовленій къ отъѣзду.

Подождавъ еще нѣсколько времени, я отправился въ большую залу. Часы показывали половину третьяго. Черезъ десять минутъ морской приливъ долженъ былъ достигнуть своего maximum, и *Кораблик*ъ, если только обѣщаніе капитана Немо не было слишкомъ самонадѣянно, могъ немедленно подняться на воду. Въ противномъ же случаѣ ему придется провести не мало мѣсяцевъ на своемъ коралловомъ ложѣ.

Между тѣмъ въ кузовѣ корабля вскорѣ почувствовалось нѣкоторое содраганіе, какъ будто предвозвѣщавшее скорое освобожденіе. Я слышалъ какъ его обшивка скрипѣла на шероховатой известковой почвѣ коралловаго дна.

Капитанъ Немо вошелъ въ залу въ 35 минутъ третьяго.

— Мы сейчасъ выйдемъ, сказалъ онъ.

— А! воскликнулъ я.

— Я отдалъ приказаніе открыть подъемную дверь.

— А Папуасы?

— Папуасы? отвѣчалъ капитанъ Немо, слегка пожимая плечами.

— Они проникнутъ во внутренность *Кораблика*.

— Какимъ образомъ?

— Чрезъ подъемную дверь которую вы вскорѣ откроете.

— Господинъ Аронаксъ, спокойно отвѣчалъ капитанъ Немо,—не всегда можно войти въ подъемную дверь *Кораблика* даже если она и открыта.

Я посмотрѣлъ на капитана.

— Вы не понимаете? сказалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ.

— Хорошо. Пойдемте, и вы увидите.

Я отправился къ центральной лѣстницѣ. Тамъ Недъ-Ландъ и Консель съ любопытствомъ смотрѣли какъ нѣсколько человѣкъ экипажа отворяли подъемную дверь, между тѣмъ какъ снаружи раздавались яростные крики и ужасные вопли. Дверь откинули на внѣшнюю сторону корабля. Показалось два десятка ужасныхъ лицъ. Но первый изъ туземцевъ, положившій руку на перила лѣстницы, былъ отброшенъ назадъ какою-то невидимою силой и убѣжалъ прочь съ ужасными криками и неистовыми прыжками. Десять товарищей послѣдовали за нимъ, и всѣ десятеро подверглись той же участи.

Консель былъ въ восторгѣ. Недъ-Ландъ, увлеченный своими воинственными наклонностями, бросился на лѣстницу. Но лишь только онъ схватился обѣими руками за перила, какъ въ свою очередь былъ опрокинутъ.

— Тысячу чертей! закричалъ онъ.— Я пораженъ молніей.

Эти слова все мнѣ объяснили. Металлическія перила превратились въ проводникъ электричества, оканчивающійся на самой платформѣ. Кто до него дотрогивался чувствовалъ страшное потрясеніе, и это потрясеніе было бы смертельно, еслибы капитанъ Немо провелъ въ этотъ проводникъ весь

токъ, сила котораго равнялась бы всей силѣ тока его батарей! Дѣйствительно, между нападающими и имъ была, такъ сказать, протянута электрическая сѣть, которую никто не могъ безнаказанно пройти.

Между тѣмъ испуганные и обезумѣвшіе отъ ужаса Папуасы отступали. Мы же, едва удерживаясь отъ смѣха, утѣшали и оттирали Недъ-Ланда, который ругался какъ бѣснующійся. Въ эту минуту *Кораблик*ъ, приподнятый послѣдними струями морскаго прилива, покинулъ свое коралловое ложе, ровно въ сорокъ минутъ — время съ такою точностью назначенное капитаномъ. Винтъ его съ величественною медленностью разсѣкалъ воды. Но мало-по-малу быстрота его увеличилась, и плывя на поверхности океана, онъ цѣлъ и невредимъ миновалъ опасные проходы Торресова пролива.

ГЛАВА XXIII.

A e g r i s o m n i a.

На слѣдующій день, 10го января, *Кораблик*ъ снова началъ свое плаваніе подъ водой; онъ шелъ съ замѣчательною быстротой. Онъ, я полагаю, дѣлалъ по крайней мѣрѣ тридцать пять миль въ часъ. Быстрота его винта была такова что я не могъ ни слѣдить за его поворотами, ни считать ихъ.

Но когда я вспомнилъ что эта чудная сила электричества не только приводитъ въ движеніе, нагрѣваетъ и освѣщаетъ *Кораблик*ъ, но даже защищаетъ отъ внѣшнихъ нападеній, превращая его въ святыню, къ которой ни одинъ непосвященный не можетъ безнаказанно прикоснуться; то моему удивленію не было границъ; и отъ аппарата мысли мои тотчасъ же перенеслись на инженера его создавшаго.

Мы прямо направлялись на западъ, и 11го января обогнули мысъ Вессель, лежащій между 135° долготы и 10° сѣверной широты, и ограничивающій съ востока заливъ Карпантеріи. Подводные рифы, все еще многочисленные, встрѣчались однако гораздо рѣже, и были обозначены на картѣ съ чрезвычайною точностью. *Кораблик*ъ легко обогнулъ буруны Монея, и подводный рифъ Викторіи, лежащій подъ 130° долготы и подъ десятымъ параллельнымъ кругомъ, котораго мы неуклонно держались.

Капитанъ Немо прибылъ 13го января въ Тиморское море въ виду острова того же имени, находящагося подъ 122° долготы. Этотъ островъ, имѣющій тысячу шестьсотъ двадцать пять квадратныхъ миль, управляется раджами. Князья эти называютъ себя сыновьями крокодиловъ, то-есть производятъ себя отъ самой высшей породы, о которой только можетъ мечтать смертный. Рѣки острова изобилуютъ этими чешуйчатыми прародителями, которые служатъ предметомъ особеннаго благоговѣнія. Ихъ защищаютъ, балуютъ, кормятъ, имъ льстятъ, предлагаютъ въ пищу молодыхъ дѣвушекъ, и горе чужеземцу поднявшему руку на этихъ священныхъ ящерицъ.

Но *Кораблику* не пришлось столкнуться съ этими отвратительными животными. Тиморъ показался въ полдень только на одну минуту, когда подшкиперъ опредѣлялъ его положеніе. Также только мелькомъ видѣлъ я маленькій островъ Роттэ, принадлежащій къ той же группѣ, женщины котораго славятся на малайскихъ рынкахъ своею красотой.

Отсюда *Корабликъ*, относительно широты, уклонился къ юго-западу. Судно направилось къ Индійскому океану. Куда же увлекала насъ фантазія капитана Немо? Возвратится ли онъ къ берегамъ Азіи, или приблизится къ берегамъ Европы? Послѣднее предположеніе имѣло мало вѣроятности, такъ какъ *Корабликъ*, казалось, избѣгалъ населенныхъ материковъ. Спустится ли онъ къ югу, или, быть-можетъ, обогнетъ мысъ Доброй Надежды, потомъ мысъ Горнъ и направится къ южному полюсу? Наконецъ, возвратится ли онъ въ Тихій океанъ, гдѣ *Корабликъ* можетъ плавать легко и независимо? Только будущее могло разрѣшить эти вопросы. Миновавъ подводные рифы Картье, Гиберніи, Серингапатама, Скотта, послѣднія усилія твердой стихіи побѣдить жидкую, мы 14го января потеряли изъ виду всѣ земли. Быстрота *Кораблика* значительно сократилась и, причудливый въ своихъ движеніяхъ, онъ то плылъ въ глубинѣ водъ, то на поверхности ихъ.

Въ теченіи этого времени капитанъ Немо дѣлалъ интересные опыты надъ различными температурами моря, въ разныхъ его слояхъ. При обыкновенныхъ условіяхъ эти измѣренія дѣлаются посредствомъ довольно сложныхъ инструментовъ, вѣрность которыхъ до нѣкоторой степени сомнительна, употребляются ли термометрическіе лоты, причемъ стекла очень часто разбиваются отъ давленія воды, или аппараты основанные на различіи сопротивленія металловъ электриче-

скому току. Нѣтъ возможности основательно провѣрить полученные такимъ образомъ результаты. Но капитанъ Немо отправлялся самъ въ глубину моря для изученія температуры, и термометръ его, сообщавшійся съ различными слоями жидкаго элемента, непосредственно и вѣрно опредѣлялъ ему температуру. Итакъ, *Кораблик*ъ, то наполняя свои резервуары, то спускаясь вкось посредствомъ своихъ наклонныхъ плоскостей, послѣдовательно достигалъ глубины трехъ, четырехъ, пяти, семи, девяти и десяти тысячъ метровъ; окончательный же результатъ этихъ опытовъ привелъ къ заключенію что на глубинѣ тысячи метровъ, подъ всѣми широтами, постоянная температура моря четыре съ половиной градуса.

Съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ я за этими опытами. Капитанъ Немо занимался ими съ истинною страстью. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: съ какою цѣлью дѣлаетъ онъ эти наблюденія? Чтобы принести пользу человѣчеству? Это было невѣроятно; потому что труды его не сегодня такъ завтра погибнутъ вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ морѣ! Развѣ онъ предназначалъ мнѣ результаты своихъ опытовъ? Но тогда надо было допустить что моему странному путешествію будетъ конецъ, а этого-то и не предвидѣлось.

Какъ бы то ни было, капитанъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ различныя цифры, точно опредѣляющія плотность воды въ главныхъ моряхъ земнаго шара. Изъ этихъ сообщеній я вывелъ поученіе лично меня касающееся и не имѣвшее въ себѣ ничего научнаго.

Это было утромъ 15го января. Капитанъ Немо, ходившій со мной по платформѣ, спросилъ меня, знаю ли я различную плотность морскихъ водъ. Я отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ что наукѣ недостаетъ точныхъ наблюденій по этому предмету.

— Я дѣлалъ эти наблюденія, сказалъ онъ мнѣ,—и могу ручаться за ихъ точность.

— Хорошо, отвѣчалъ я,—но *Кораблик*ъ совсѣмъ отдѣльный міръ, и тайны его ученыхъ никогда не дойдутъ до земли.

— Вы правы, господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. — Это отдѣльный міръ. Для земли онъ то же что̀ планеты обращающіяся вмѣстѣ съ нею вокругъ солнца. Никогда тамъ не узнаютъ о трудахъ ученыхъ на Сатурнѣ и Юпитерѣ. Но такъ какъ случай связалъ наши

существованія, то я могу сообщить вамъ результаты своихъ наблюденій.

— Я васъ слушаю, капитанъ.

— Вы знаете, господинъ профессоръ, что морская вода плотнѣе прѣсной, но эта плотность не вездѣ одинакова. Дѣйствительно, если мы выразимъ плотность прѣсной воды единицей, то получимъ единицу и двадцать восемь тысячныхъ для водъ Атлантическаго океана, единицу и двадцать шесть тысячныхъ для водъ Тихаго океана и единицу и тридцать тысячныхъ для Средиземнаго моря.

„А!“ подумалъ я, „онъ пускается и въ Средиземное море!“

— Для водъ Іонійскаго моря единицу и восемьнадцать тысячныхъ, а для Адріатическаго моря единицу и двадцать девять тысячныхъ.

Кораблика, очевидно, не избѣгалъ и европейскихъ морей, и я изъ этого заключилъ что онъ привезетъ насъ,—можетъ-быть и скоро,—къ болѣе цивилизованнымъ континентамъ. Я подумалъ что Недъ-Ландъ, весьма естественно, съ большимъ удовольствіемъ услышитъ это извѣстіе.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мы производили различные опыты относившіеся къ степени солености морскихъ водъ на разныхъ глубинахъ, къ ихъ электризаціи, цвѣту, прозрачности, и во всѣхъ этихъ случаяхъ капитанъ Немо выказывалъ такую проницательность, которая равнялась только его благосклонности ко мнѣ. Потомъ я не видалъ его нѣсколько дней и снова былъ совершенно одинокъ на его кораблѣ.

16го января *Кораблик*, казалось, уснулъ на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ. Его электрическіе аппараты не дѣйствовали, винтъ былъ неподвиженъ, и судно предоставлено было на произволъ теченія. Я предполагалъ что экипажъ занимался внутренними поправками, необходимыми при сильныхъ движеніяхъ машины.

Мнѣ и моимъ товарищамъ пришлось быть свидѣтелями одного очень любопытнаго зрѣлища. Ставни въ окнахъ залы были открыты, а такъ какъ маякъ *Кораблика* не освѣщался, то кругомъ царствовала темнота. Небо обѣщавшее грозу и покрытое густыми облаками слабо освѣщало верхніе слои океана.

Я наблюдалъ состояніе моря при этихъ условіяхъ, и самыя большія рыбы казались мнѣ едва замѣтными тѣнями, какъ вдругъ *Кораблик* ярко освѣтился. Сначала я думалъ что опять засвѣтили маякъ, и хотѣлъ объявить какую-то

свѣтомъ электрическимъ свѣтомъ. Но я ошибался, и послѣ кратковременнаго наблюденія понялъ свое заблужденіе.

*Кораблик*ъ плылъ въ слояхъ воды освѣщенной фосфорическимъ свѣтомъ, который казался еще ослѣпительнѣе среди окружавшей его темноты. Онъ происходилъ отъ міріадъ свѣтящихся микроскопическихъ животныхъ, свѣтъ которыхъ увеличивался отъ ихъ прикосновенія къ металлическому корпусу корабля. Тогда, посреди этихъ сіявшихъ слоевъ, я замѣчалъ вспышки, похожія на блескъ расплавленнаго свинца, льющагося изъ пылающаго горна, или на металлическія массы раскаленныя до бѣла, такъ что нѣкоторыя менѣе яркія полосы казались какъ будто въ тѣни, хотя въ этомъ огненномъ пространствѣ никакая тѣнь, повидимому, не должна была появляться. Нѣтъ, это не были равномѣрные, спокойно льющіеся лучи нашего обыкновеннаго освѣщенія! Тутъ была сила и необыкновенное движеніе. Въ этомъ свѣтѣ чувствовалась жизнь.

Дѣйствительно, это было безконечное скопленіе морскихъ инфузорій, а именно Noctiluca miliaris, имѣющихъ видъ шариковъ изъ прозрачнаго студенистаго вещества, снабженныхъ нитеобразнымъ щупальцемъ: въ тридцати кубическихъ сантиметрахъ воды ихъ насчитываютъ до двадцати пяти тысячъ. Свѣтъ ихъ усиливался еще вслѣдствіе особеннаго мерцанія, свойственнаго медузамъ, морскимъ звѣздамъ, ауреліямъ, Pholas datta и другимъ фосфорическимъ зоофитамъ, пропитаннымъ жирными органическими веществами, разлагающимися въ морѣ и, можетъ-быть, даже слизистою жидкостью, выдѣляемою рыбами.

*Кораблик*ъ плылъ нѣсколько часовъ посреди этихъ блестящихъ волнъ, и изумленіе наше еще болѣе увеличилось при видѣ большихъ морскихъ животныхъ, игравшихъ въ нихъ какъ саламандры. Въ этомъ не жгучемъ огнѣ я увидалъ красивыхъ и быстрыхъ дельфиновъ, настоящихъ морскихъ клоуновъ, и istiophor длиной въ три метра, разумныхъ предвѣстниковъ урагана, страшные мечи которыхъ ударялись въ окна залы. Потомъ появились болѣе мелкія рыбы, balistes varius, scomber saltans и сотни другихъ, которыя своими движеніями бороздили свѣтящуюся атмосферу.

Было что-то чарующее въ этомъ ослѣпительномъ зрѣлищѣ. Можетъ-быть какая-нибудь особенность въ атмосферныхъ условіяхъ увеличивала напряженіе этого свѣта? Можетъ-быть

на поверхности океана разразилась гроза? Но на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ *Кораблика* не чувствовалъ ея ярости и тихо покачивался посреди спокойныхъ водъ.

Между тѣмъ мы продолжали свое плаваніе, безпрестанно восхищаясь какимъ-нибудь новымъ чудомъ. Консель наблюдалъ и классифировалъ своихъ зоофитовъ, членистыхъ, моллюсковъ и рыбъ. Дни быстро проходили, и я не считалъ ихъ болѣе. Недъ, по своей привычкѣ, старался разнообразить столъ корабля. Какъ настоящія улитки, мы сидѣли въ своей раковинѣ, и я утверждаю что очень легко сдѣлаться настоящею улиткой.

Жизнь наша текла мирно, естественно, и мы забыли что на поверхности земнаго шара существуетъ иная жизнь, какъ вдругъ одно неожиданное событіе напомнило намъ о странности нашего положенія.

18го января *Кораблика* находился подъ 105° долготы и 15° южной широты. Погода стояла бурная, море волновалось. Дулъ сильный восточный вѣтеръ. Барометръ, понижавшійся нѣсколько дней, предвѣщалъ наступающую борьбу стихій.

Я вышелъ на платформу въ ту минуту, когда подшкиперъ опредѣлялъ часовой уголъ. Я по обыкновенію ждалъ повторенія ежедневной фразы. Но въ этотъ день ее замѣнили другою, не менѣе непонятною. Почти тотчасъ же явился капитанъ Немо съ подзорною трубой въ рукахъ и устремилъ свои взоры на горизонтъ.

Нѣсколько минутъ капитанъ стоялъ неподвижно, не отводя глазъ отъ точки лежавшей въ полѣ его объектива. Потомъ онъ опустилъ трубу и обмѣнялся десяткомъ словъ со своимъ подшкипером. Этотъ, казалось, находился въ сильномъ волненіи, которое онъ тщетно старался побѣдить. Капитанъ Немо лучше владѣлъ собой и не терялъ обычнаго хладнокровія. Сверхъ того онъ, повидимому, дѣлалъ возраженія, которыя подшкиперъ горячо опровергалъ. По крайней мѣрѣ я такъ объяснилъ себѣ ихъ различные жесты.

Что до меня касается, то я усердно смотрѣлъ въ данномъ направленіи и ничего не могъ замѣтить. Небо и вода сливались на горизонтѣ, который былъ совершенно пустъ.

Между тѣмъ капитанъ Немо ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ. Онъ не смотрѣлъ на меня, можетъ-быть, онъ даже не замѣчалъ меня. Шаги его были тверды, но менѣе правильны чѣмъ всегда. Иногда онъ останавливался и, сложивъ на

груди руки, смотрѣлъ на море. Что искалъ онъ въ этомъ необъятномъ пространствѣ? *Кораблика* находился въ это время въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ отъ самаго близкаго берега.

Подшкиперъ взялъ опять трубу и упорно глядѣлъ на горизонтъ, двигаясь изъ стороны въ сторону, топая ногами и представляя своею раздражительностью совершенную противоположность со своимъ начальникомъ.

Но загадка эта должна была необходимо разъясниться, и тѣмъ скорѣе что, по приказанію капитана Немо, двигающая сила машины была увеличена, и винтъ сталъ вращаться съ большею быстротой.

Въ эту минуту подшкиперъ снова привлекъ вниманіе капитана. Тотъ остановился и направилъ свою трубу на указанную точку. Онъ долго наблюдалъ. Сильно заинтересованный, я сошелъ въ залу, взялъ тамъ превосходную зрительную трубку, которую обыкновенно употреблялъ, потомъ, прислонивъ ее къ корпусу маяка, образовавшаго выпуклость на передней части платформы, я приготовился осмотрѣть всю эту часть неба и моря. Но я не успѣлъ еще приложить глаза къ стеклу, какъ инструментъ былъ быстро вырванъ изъ моихъ рукъ.

Я обернулся. Предо мной стоялъ капитанъ Немо, но я его не узналъ. Физіономія его преобразилась. Глаза сверкали мрачнымъ огнемъ, будто прячась подъ нахмуренныя брови. Зубы были полуоткрыты. Его оцѣпенѣвшее тѣло, сжатые кулаки, голова вдавшаяся между плечъ,—все дышало сильною ненавистью. Онъ не двигался. Моя зрительная трубка, выпавшая изъ его рукъ, валялась у его ногъ.

Не я ли былъ невольною причиной его гнѣва? Этотъ непостижимый человѣкъ, можетъ-быть, вообразилъ что я узналъ какую-нибудь тайну, недоступную гостямъ *Кораблика*.

Нѣтъ, не я былъ предметомъ его ненависти; онъ даже не смотрѣлъ на меня, и взоръ его упорно устремился на какую-то недосягаемую точку горизонта.

Наконецъ капитанъ Немо овладѣлъ собой. Его лицо, такъ глубоко взволнованное, приняло свое обычное, спокойное выраженіе. Онъ обратился къ своему подшкиперу съ нѣсколькими иностранными словами, потомъ обернулся ко мнѣ.

— Господинъ Аронаксъ, сказалъ онъ повелительнымъ тономъ,—я требую отъ васъ исполненія одного изъ обязательствъ связывающихъ васъ со мной.

— Въ чемъ дѣло, капитанъ?

— Я долженъ запереть васъ и вашихъ товарищей до тѣхъ поръ пока не найду удобнымъ возвратить вамъ свободу.

— Вы можете распоряжаться какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, смотря на него пристально.—Но могу ли я обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ.

Послѣ этихъ словъ мнѣ оставалось только повиноваться, потому что всякое сопротивленіе было бы безполезно.

Я сошелъ въ каюту занимаемую Недъ-Ландомъ и Конселемъ и сообщилъ имъ о рѣшеніи капитана. Предоставляю читателямъ судить какъ оно было принято Канадцемъ. Но объясняться было некогда. У дверей дожидались четыре человѣка, и они проводили насъ въ ту каюту гдѣ мы провели первую ночь на бортѣ *Кораблика*.

Недъ-Ландъ хотѣлъ протестовать, но вмѣсто всякаго отвѣта за нимъ заперли дверь.

— Господинъ профессоръ объяснитъ мнѣ что̀ это значитъ? спросилъ меня Консель.

Я разказалъ своимъ товарищамъ о всемъ случившемся. Они были также удивлены и поняли не больше моего.

Между тѣмъ я погрузился въ бездну размышленій, но странное безпокойство внушенное мнѣ физіономіей капитана Немо не выходило у меня изъ головы. Я не могъ связать двухъ логичныхъ мыслей и терялся въ самыхъ нелѣпыхъ гипотезахъ. Вдругъ Недъ-Ландъ вывелъ меня изъ этого напряженнаго состоянія слѣдующими словами.

— Ба! Да и завтракъ поданъ.

Дѣйствительно, столъ былъ накрытъ. Очевидно, капитанъ Немо сдѣлалъ это распоряженіе, когда велѣлъ ускорить ходъ *Кораблика*.

— Позволитъ ли мнѣ господинъ профессоръ обратиться къ нему съ совѣтомъ? спросилъ Консель.

— Да, мой другъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ пусть господинъ профессоръ позавтракаетъ. Это будетъ благоразумно: мы не знаемъ что̀ можетъ случиться.

— Ты правъ, Консель.

— Къ несчастію, сказалъ Недъ-Ландъ, — намъ дали только обыкновенную порцію.

— Другъ Недъ, возразилъ Консель, — что̀ сказали бы вы еслибы завтрака вовсе не было?

Этотъ доводъ прервалъ жалобы китолова.

Мы сѣли за столъ. Завтракъ прошелъ довольно тихо. Я ѣлъ мало. Консель изъ благоразумія принуждалъ себя ѣсть больше; что же касается Недъ-Ланда, то онъ не терялъ даромъ времени. Окончивъ завтракъ, мы всѣ размѣстились по разнымъ угламъ.

Въ эту минуту сіяющій шаръ, освѣщавшій каюту, погасъ, и мы остались въ глубокой темнотѣ. Недъ-Ландъ сейчасъ же уснулъ и, что меня еще болѣе удивило, Консель тоже поддался тяжелой дремотѣ. Я спрашивалъ себя что вызвало у него эту крайнюю потребность отдыха, и въ то же время почувствовалъ что моимъ мозгомъ овладѣваетъ непреодолимое оцѣпенѣніе. Несмотря на мои усилія не закрывать глазъ, они закрывались сами собою. Я подвергался мучительной галлюцинаціи. Очевидно, въ наше купанье подмѣшали какое-нибудь усыпляющее вещество. Стало-быть, было недостаточно одной тюрьмы чтобы скрыть отъ насъ намѣренія капитана Немо, еще понадобился сонъ!

Я слышалъ какъ запиралась подъемная дверь. Легкая боковая качка, происходившая отъ морскаго волненія, прекратилась. Покинулъ ли *Кораблик*ъ поверхность океана? Опустился ли онъ въ неподвижные слои водъ?

Я хотѣлъ противиться сну, но это было невозможно. Дыханіе мое стало слабѣе. Я чувствовалъ какъ смертельный холодъ леденилъ мои отяжелѣвшіе, будто парализованные члены. Вѣки, тяжелыя какъ свинецъ, закрылись, и я не могъ ихъ поднять. Болѣзненный сонъ, полный страшныхъ видѣній, охватилъ все мое существо. Потомъ видѣнія исчезли, и я совершенно потерялъ сознаніе.

ГЛАВА XXIV.

Коралловое царство.

Проснувшись на другой день, я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, и, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ что нахожусь въ своей комнатѣ. Безъ сомнѣнія, мои товарищи также не замѣтили какъ ихъ перенесли въ ихъ каюту. Они, очевидно, ничего не знали о происшествіяхъ этой ночи, и только случай могъ въ послѣдствіи открыть намъ эту тайну.

Мнѣ захотѣлось выйти изъ комнаты. Свободенъ я или нѣтъ?

Совершенно свободенъ. Я отворилъ дверь, прошелъ узкимъ проходомъ и вышелъ къ средней лѣстницѣ. Замѣтивъ, что подъемная дверь была открыта. Я вышелъ на платформу. Недъ-Ландъ и Консель дожидались меня тамъ. Я сталъ ихъ распрашивать, но они ничего не знали. Они спали тяжелымъ сномъ, послѣ котораго у нихъ не осталось никакихъ воспоминаній, и были очень удивлены очутившись въ своей каютѣ.

*Кораблик*ъ казался также покойнымъ и таинственнымъ какъ всегда; онъ шелъ на поверхности волнъ умѣреннымъ ходомъ. На немъ, казалось, не произошло никакой перемѣны.

Недъ-Ландъ смотрѣлъ на море своимъ проницательнымъ взоромъ. Оно было пустынно. Канадецъ не видалъ на горизонтѣ ничего новаго, ни паруса, ни земли. Дулъ сильный западный вѣтеръ, и поднятыя имъ большія волны производили очень чувствительную боковую качку.

Возобновивъ свой воздухъ, *Кораблик*ъ держался среднимъ числомъ глубины пятнадцати метровъ, чтобъ имѣть возможность быстро возвращаться на поверхность воды, что, противъ обыкновенія, повторилось нѣсколько разъ въ теченіе этого дня, 19го января. Подшкиперъ выходилъ на платформу, и привычная фраза раздавалась внутри корабля.

Капитанъ Немо не показывался. Изъ людей корабля я видѣлъ только одного невозмутимаго слугу, который прислуживалъ мнѣ со своею обыкновенною молчаливостью и точностью. Часа въ два пополудни я сидѣлъ въ залѣ, занимаясь распредѣленіемъ своихъ замѣтокъ, когда дверь отворилась и показался капитанъ. Я раскланялся съ нимъ; онъ почти непримѣтно отвѣтилъ на мой поклонъ, не говоря ни слова. Я опять принялся за работу, надѣясь что онъ, можетъ-быть, самъ дастъ мнѣ объясненія по поводу происшествій минувшей ночи. Не тутъ-то было. Я посмотрѣлъ на него. Онъ казался утомленнымъ; сонъ не освѣжилъ его покраснѣвшихъ глазъ, а лицо выражало глубокую грусть, неподдѣльное горе. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, садился и вставалъ, наудачу бралъ книгу, сейчасъ же оставлялъ ее, смотрѣлъ на свои инструменты, но не дѣлалъ отмѣтокъ и, казалось, не могъ ни одной минуты оставаться на мѣстѣ.

Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Медикъ вы, господинъ Аронаксъ, или нѣтъ?

Я такъ мало ожидалъ подобнаго вопроса что нѣсколько времени смотрѣлъ на него ничего не отвѣчая.

— Вы докторъ? повторилъ онъ.—Многіе изъ вашихъ товарищей изучали медицину, Грасіоле, Мокенъ-Тондонъ и другіе.

— Дѣйствительно, сказалъ я,—я докторъ и ординаторъ госпиталей. Я практиковалъ нѣсколько лѣтъ до поступленія въ музеумъ.

— Хорошо, господинъ профессоръ.

Очевидно, капитанъ Немо былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ. Но я не понималъ чего онъ отъ меня хочетъ, и ожидалъ новыхъ вопросовъ, рѣшившись отвѣчать смотря по обстоятельствамъ.

— Господинъ Аронаксъ, сказалъ мнѣ капитанъ, — согласитесь ли вы оказать помощь одному изъ моихъ людей?

— У васъ есть больной?

— Да.

— Я готовъ слѣдовать за вами.

— Пойдемте.

Признаюсь, сердце мое сильно билось. Не знаю почему, но мнѣ казалось что болѣзнь этого человѣка изъ экипажа *Кораблика* имѣетъ нѣкоторую связь со вчерашними событіями, и эта тайна занимала меня не менѣе самого больнаго.

Капитанъ Немо привелъ меня къ кормѣ *Кораблика* и ввелъ въ каюту находившуюся возлѣ помѣщенія занимаемаго матросами.

Тамъ на постели лежалъ человѣкъ лѣтъ сорока, энергическое лицо котораго представляло самый чистый англо-саксонскій типъ.

Я наклонился къ нему. Это былъ не только больной, но раненый. Голова его, обвитая окровавленнымъ полотномъ, лежала на двойной подушкѣ. Я снялъ перевязку, и больной, устремивъ на меня свои большіе неподвижные глаза, не произнесъ ни одной жалобы. Рана была ужасна. Черепъ, раздробленный тупымъ орудіемъ, обнажилъ мозгъ, и мозговое вещество потерпѣло сильное поврежденіе. Кровь запеклась въ этой расплывшейся массѣ, которая цвѣтомъ походила на винный отстой. Тутъ было въ одно время и контузія, и сотрясеніе мозга. Больной дышалъ медленно; на лицѣ его замѣчались по временамъ судорожныя движенія мускуловъ. Флегмазія мозга была полная и обусловливала параливованіе чувствъ и движеній. Я пощупалъ пульсъ раненаго; онъ былъ перемежающійся. Оконечности тѣла] уже холодѣли, я] видѣлъ что смерть приближалась и я находилъ возможности отвратить ее. Перевязавъ этого

несчастнаго и поправивъ повязку на его головѣ, я обернулся къ капитану Немо.

— Отъ чего эта рана? спросилъ я его.

— За чѣмъ вамъ знать это? уклончиво отвѣчалъ капитанъ.— Вслѣдствіе сотрясенія *Кораблика*, сломался одинъ изъ рычаговъ машины и ударилъ этого человѣка. Подшкиперъ стоялъ возлѣ него, ну.... онъ бросился впередъ навстрѣчу удару.... Братъ шелъ на смерть за брата, другъ за своего друга, что̀ можетъ быть проще! Это всеобщій законъ на бортѣ *Кораблика!* Но что̀ вы думаете объ его положеніи?

Я не рѣшался отвѣчать.

— Вы можете говорить, сказалъ мнѣ капитанъ. — Онъ не понимаетъ по-французски.

Я въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на раненаго, потомъ отвѣчалъ:

— Онъ умретъ черезъ два часа.

— Ничто не можетъ спасти его?

— Ничто.

Капитанъ Немо сжалъ свои руки, и нѣсколько слезъ выкатилось изъ его глазъ, хотя я не думалъ чтобъ онъ былъ способенъ плакать.

Я смотрѣлъ еще нѣсколько минутъ на умирающаго, въ которомъ жизнь мало-по-малу угасала. Блѣдность его казалась еще сильнѣе отъ электрическаго свѣта лившагося на его смертное ложе. Я смотрѣлъ на его умное лицо, изборожденное преждевременными морщинами, которыя, можетъ-быть, уже давно крайняя бѣдность или несчастіе провели по немъ. Въ послѣднихъ словахъ, срывавшихся съ его губъ, я старался отыскать ключъ къ разгадкѣ его жизни.

— Вы можете идти, господинъ Аронаксъ, сказалъ мнѣ капитанъ Немо.

Я оставилъ капитана въ каютѣ умирающаго и, сильно взволнованный этою сценой, возвратился въ свою комнату. Весь этотъ день меня тревожило какое-то зловѣщее предчувствіе. Я дурно спалъ ночь, и мнѣ казалось что во время моего часто прерывавшагося тревожнаго сна я слышалъ отдаленные вздохи и погребальное пѣніе. Быть-можетъ, это молитва по усопшемъ читалась на непонятномъ мнѣ языкѣ.

На другой день утромъ я вышелъ на палубу. Капитанъ Немо былъ уже тамъ. Увидавъ меня, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ.

— Господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ, — согласны ли вы предпринять сегодня подводную экскурсію?

— Съ моими товарищами? спросилъ я.

— Если они пожелаютъ.

— Мы къ вашимъ услугамъ, капитанъ.

— Такъ потрудитесь надѣть ваши скафандры.

Объ умирающемъ или умершемъ не было и рѣчи. Я отыскалъ Конселя и Недъ-Ланда и передалъ имъ предложеніе капитана Немо. Консель поспѣшилъ принять его, и на этотъ разъ Канадецъ тоже очень охотно согласился слѣдовать за нами.

Было восемь часовъ утра. Въ половинѣ девятаго мы были одѣты для этой новой прогулки и снабжены обоими аппаратами для освѣщенія и дыханія. Двойная дверь отворилась, и мы вышли въ сопровожденіи капитана Немо и двѣнадцати человѣкъ изъ его экипажа и ступили на твердую почву на глубинѣ десяти метровъ гдѣ отдыхалъ *Кораблик*ъ.

Отлогій склонъ велъ къ неровному дну, лежавшему на глубинѣ пятнадцати саженъ. Дно это не имѣло никакого сходства съ тѣмъ по которому мы шли въ первую нашу экскурсію подъ водами Тихаго океана. Тутъ не было ни чистаго песку, ни подводныхъ луговъ, ни морскаго лѣса. Впрочемъ, я тотчасъ узналъ эту чудесную область куда велъ насъ теперь капитанъ Немо. Это было коралловое царство.

Въ отдѣлѣ зоофитовъ, въ классѣ альціонарій, замѣчаютъ отрядъ горгоній, который раздѣляется на три группы: горгоній, изидъ и коралловъ; къ этой-то послѣдней группѣ и принадлежитъ кораллъ, любопытное вещество, которое поочередно причисляли къ царствамъ минеральному, растительному и животному. Это лѣкарство древнихъ и драгоцѣнное украшеніе современниковъ, только въ 1694 году окончательно причислено къ животному царству марсельскимъ уроженцемъ Пейсонелемъ.

Кораллъ есть колонія мелкихъ животныхъ, живущихъ на полипнякѣ каменистаго и хрупкаго свойства. Эти полипы имѣютъ одного прародителя, отъ котораго произошли посредствомъ почкованія, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое собственное отдѣльное бытіе, хотя всѣ непремѣнно участвуютъ въ общей жизни. Это естественный соціализмъ. Мнѣ были извѣстны результаты послѣднихъ изслѣдованій произведенныхъ надъ этими странными зоофитами которые кристалли-

зуются, принимая форму дерева, судя по очень точнымъ наблюденіямъ натуралистовъ, и для меня было какъ нельзя болѣе интересно побывать въ одномъ изъ этихъ окаменѣлыхъ лѣсовъ, которые природа помѣстила на днѣ моря.

Приведя въ дѣйствіе аппараты Румкорфа, мы шли по коралловому слою который еще продолжалъ формироваться, и который современемъ загородитъ эту часть Индійскаго океана. Вдоль дороги тянулись переплетающіеся своими вѣтвями изогнутые кустарники, покрытые небольшими звѣздообразными бѣлыми цвѣтами. Только, въ противоположность земнымъ растеніямъ, всѣ эти маленькія деревца, прикрѣпленныя къ скаламъ, росли сверху внизъ.

Свѣтъ тысячами переливовъ игралъ на древесныхъ вѣтвяхъ яркокраснаго цвѣта. Казалось что эти перепончатыя и цилиндрическія трубочки дрожали отъ волненія воды. Мнѣ захотѣлось нарвать свѣжихъ вѣничковъ украшенныхъ нѣжными щупальцами, изъ коихъ одни только что распустились, другіе едва начинали развертываться, между тѣмъ какъ быстрыя рыбы своими плавательными перьями едва касались ихъ, проносясь мимо какъ стаи птицъ. Но лишь только я протягивалъ руку къ этимъ живымъ цвѣтамъ, къ этимъ чувствительнымъ мимозамъ, въ колоніи тотчасъ поднималась тревога. Бѣлые вѣнчики прятались въ свои красныя чашечки, цвѣты исчезали, и кустарникъ превращался въ груду каменистыхъ холмиковъ.

Здѣсь я случайно увидалъ самые драгоцѣнные экземпляры этихъ зоофитовъ.

Эти кораллы были не хуже тѣхъ которые добываются въ Средиземномъ морѣ, на берегахъ Франціи, Италіи и Варварійскихъ Владѣній. Своимъ яркимъ цвѣтомъ они оправдывали поэтическія названія „кровянаго цвѣта, и кровяной пѣны“, которыя въ торговлѣ даютъ самымъ лучшимъ экземплярамъ. Цѣна коралловъ доходитъ до пятисотъ франковъ за килограммъ, а въ этомъ мѣстѣ жидкіе слои заключали сокровища которыя могли бы обогатить громадную толпу собирателей коралловъ. Это драгоцѣнное вещество часто смѣшивалось съ другими полипняками, образуя вмѣстѣ съ ними плотное и неразрывное цѣлое, называемое massiota, и между ними я увидѣлъ чудные экземпляры розоваго коралла.

Но вскорѣ кустарники сдѣлались чаще, каменныя деревья выше. Предъ нашими глазами открылись настоящія окаме-

нѣлыя рощи, длинные проходы самой фантастической архитектуры.

Капитанъ Немо углубился въ темную галлерею отлогаго ската, по которому мы спустились на глубину ста метровъ. Свѣтъ отъ нашихъ аппаратовъ производилъ по временамъ магическое дѣйствіе, сосредоточиваясь на шероховатыхъ выступахъ этихъ естественныхъ сводовъ и на висѣвшихъ обломкахъ, напоминавшихъ своею формой люстры и искрившихся отъ дѣйствія огня. Между коралловыми кустарниками я замѣтилъ и другихъ не менѣе любопытныхъ полиповъ: тутъ были мелиты, ириды съ суставчатыми развѣтвленіями, потомъ нѣсколько вѣтокъ коралловъ, зеленыхъ и красныхъ, настоящихъ водорослей, покрытыхъ известковыми солями, которыхъ натуралисты послѣ долгихъ споровъ окончательно причислили къ растительному царству. Но, по замѣчанію одного мыслителя, „можетъ-быть тутъ и есть настоящая точка отправленія гдѣ жизнь смутно пробуждается отъ окаменяющаго сна, но еще не можетъ вполнѣ отъ него освободиться“.

Наконецъ, послѣ двухъ-часовой ходьбы, мы достигли почти трехсотъ метровъ глубины, то-есть крайняго предѣла гдѣ начинается образованіе коралловъ. Но тутъ уже не попадались болѣе одинокіе кусты, или скромныя рощи съ низкими стволами; предъ нами разстилался безпредѣльный лѣсъ, величественная минеральная растительность, огромныя окаменѣлыя деревья, соединенныя между собой гирляндами красивыхъ плумарій, этими морскими ліанами всевозможныхъ оттѣнковъ. Мы свободно проходили подъ ихъ высокими вѣтвями терявшимися во мракѣ водъ, между тѣмъ какъ у нашихъ ногъ тубипоры, меандрины, астреи, фунгіи и каріофиліи разстилались цвѣтнымъ ковромъ, усѣяннымъ ослѣпительными блестками.

Какое неописанное зрѣлище! Отчего мы не могли сообщить другъ другу своихъ впечатлѣній! Для чего мы были заключены въ эти металлическія и стеклянныя маски! Почему мы были лишены возможности говорить другъ съ другомъ! Отчего по крайней мѣрѣ мы не могли жить какъ рыбы населяющія эту жидкую стихію или, еще лучше, какъ амфибіи, которыя могутъ безпрепятственно посѣщать двойную область суши и воды? Между тѣмъ капитанъ Немо остановился. Мы съ товарищами послѣдовали его примѣру, и обернувшись, я увидалъ что люди его размѣщаются полукругомъ около своего начальника

Всматриваясь пристальнѣе, я замѣтилъ что четверо изъ нихъ несли на плечахъ что-то продолговатое.

Мы находились по срединѣ большой прогалины, окруженной высокими каменными деревьями подводнаго лѣса. Наши лампы бросали кругомъ мерцающій свѣтъ, чрезмѣрно удлинявшій ложившіяся на землю тѣни. На окружности прогалины царствовала глубокая темнота, и свѣтились только маленькія искры, игравшія на острыхъ краяхъ коралловъ.

Недъ-Ландъ и Консель стояли подлѣ меня. Мы смотрѣли, и вдругъ мнѣ пришло въ голову что намъ придется быть зрителями необыкновенной сцены. Разсматривая почву, я замѣтилъ что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышалась небольшими холмиками, покрытыми известковыми осадками. Насыпи эти были расположены съ правильностью обличавшею работу человѣка.

Посреди лужайки, на пьедесталѣ изъ безпорядочно навалennыхъ скалъ, возвышался коралловый крестъ, протягивавшій свои длинныя руки, которыя, казалось, были сдѣланы изъ окаменѣлой крови. По знаку капитана Немо, одинъ изъ людей подошелъ и въ нѣсколькихъ футахъ отъ креста началъ рыть яму заступомъ, который онъ отвязалъ отъ своего пояса.

Я понялъ все. На этой лужайкѣ было кладбище; эта яма—могила, продолговатый предметъ—тѣло человѣка умершаго ночью. Капитанъ Немо и его матросы хоронили своего товарища въ этомъ общемъ жилищѣ, на днѣ недоступнаго океана.

Нѣтъ! никогда въ жизни не испытывалъ я такого сильнаго волненія! Никогда моимъ мозгомъ не овладѣвало болѣе сильное впечатлѣніе! Мнѣ не хотѣлось вѣрить своимъ глазамъ!

Между тѣмъ могилу продолжали копать, хотя работа шла медленно. Встревоженныя рыбы спѣшили покинуть свое убѣжище. Я слышалъ звукъ желѣза ударявшагося объ известковую почву. По временамъ сыпались искры, когда оно сталкивалось съ какимъ-нибудь кремнемъ лежащимъ на днѣ океана. Яма становилась все длиннѣе и шире и вскорѣ достигла такой глубины что могла вмѣстить тѣло.

Носильщики приблизились. Тѣло завернутое въ бѣлую ткань было опущено въ сырую могилу. Капитанъ Немо, скрестивъ на груди руки, и всѣ друзья умершаго, которыхъ онъ любилъ, преклонили колѣна, какъ бы для молитвы.... Мои товарищи и я — мы тоже набожно склонились.

Могилу засыпали обломками вырытыми изъ почвы, и надъ нею образовалось небольшое возвышеніе.

Когда это было сдѣлано, капитанъ Немо и его люди встали; потомъ, приблизившись къ могилѣ, всѣ снова преклонили колѣна, и въ знакъ послѣдняго прощанія протянули свои руки....

Послѣ этого погребальная процессія направилась обратно къ *Кораблику*, снова проходя подъ сводами лѣса, посреди маленькихъ рощицъ, вдоль коралловыхъ кустовъ, и все поднимаясь кверху.

Наконецъ показались огни на кораблѣ. Ихъ свѣтящійся отблескъ служилъ намъ проводникомъ къ *Кораблику*. Въ часъ мы уже были дома. Переменивъ свое платье, я тотчасъ же вышелъ на платформу, и находясь подъ вліяніемъ тяжелыхъ мыслей, сѣлъ около маяка.

Капитанъ Немо присоединился ко мнѣ. Я всталъ и сказалъ ему:

— Итакъ мое предсказаніе сбылось: этотъ человѣкъ умеръ ночью?

— Да, господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ капитанъ Немо.

— И онъ покоится теперь на коралловомъ кладбищѣ, рядомъ со своими товарищами.

— Да, забытый всѣми исключая насъ! Мы роемъ могилу, а полипы на цѣлую вѣчность ограждаютъ своими постройками послѣднее жилище умершихъ.

И закрывъ послѣпно лицо руками, капитанъ Немо безуспѣшно старался подавить рыданія. Потомъ онъ прибавилъ:

— Тамъ, на нѣсколько сотъ футовъ ниже уровня моря, наше мирное кладбище!

— По крайней мѣрѣ, капитанъ, ваши мертвые спятъ тамъ покойно, недосягаемые для акулъ!

— Да, господинъ Аронаксъ, медленно отвѣчалъ капитанъ Немо, — для акулъ и для людей!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Индійскій океанъ.

Здѣсь начинается вторая часть этого подводнаго путешествія. Первая кончилась трогательною сценой на коралловомъ кладбищѣ, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Жизнь капитана Немо текла здѣсь въ нѣдрахъ безпредѣльнаго моря, и въ самой непроницаемой бездиѣ его онъ даже приготовилъ себѣ и могилу. Тамъ ни одно чудовище океана не потревожитъ послѣдняго сна обитателей *Кораблика*, друзей соединенныхъ между собой на жизнь и смерть. Не потревожатъ и люди! прибавилъ капитанъ Немо.

Вѣчное недовѣріе къ человѣческому обществу, суровое и неумолимое!

Я съ своей стороны не довольствовался болѣе предположеніями удовлетворявшими Конселя. Честный малый видѣлъ въ командирѣ *Кораблика* одного изъ непризнанныхъ ученыхъ, которые, за равнодушіе къ нимъ человѣчества, платятъ ему презрѣніемъ. Онъ видѣлъ въ немъ непонятаго генія, утомленнаго борьбой съ неправдой и ложью, который скрылся отъ нихъ въ недоступную стихію, гдѣ инстинкты его могли удовлетворяться безпрепятственно. По моему же мнѣнію, это предположеніе объясняло только одну сторону характера капитана Немо.

Въ самомъ дѣлѣ, тайна послѣдней ночи, которую мы провели въ тюрьмѣ, нашъ долгій сонъ, предосторожность капитана Немо, насильно вырвавшаго у меня изъ рукъ зрительную трубу, когда я хотѣлъ осмотрѣть горизонтъ, наконецъ смертельная рана человѣка отъ необъяснимаго толчка *Кораблика*,— все это наводило меня на новыя предположенія. Нѣтъ! Капитанъ Немо не ограничивался тѣмъ что избѣгалъ людей! Его страшный аппаратъ служилъ не только для удовлетворенія его наклонности къ свободѣ, но можетъ-быть также и средствомъ къ какому-нибудь ужасному мщенію.

Въ эту минуту все еще темно для меня; въ этомъ мракѣ я

различаю только слабыя искры и долженъ, если можно такъ выразиться, писать подъ диктовку событій.

Однако насъ ничто не связываетъ съ капитаномъ Немо. Онъ знаетъ что убѣжать съ *Кораблика* невозможно. Мы плѣнники, но даже не на честное слово, и насъ не связываетъ съ нимъ никакое обязательство. Мы плѣнники арестованные, и только изъ одной вѣжливости насъ называютъ гостями. Однако Недъ-Ландъ не отказался еще отъ надежды возвратить себѣ свободу. Онъ, безъ сомнѣнія, воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ; разумѣется, я сдѣлаю то же самое. И однакоже я не безъ сожалѣнія унесу съ собой тайны *Кораблика*, въ которыя великодушіе капитана Немо допустило насъ проникнуть! Что̀ долженъ, наконецъ, внушать этотъ человѣкъ, ненависть, или удивленіе? Жертва онъ, или палачъ? Впрочемъ, искренно говоря, я хотѣлъ бы, прежде чѣмъ покину его навсегда, совершить кругосвѣтное подводное путешествіе, начало котораго было такъ блистательно. Мнѣ хотѣлось бы изучить всѣ подводныя чудеса земнаго шара. Мнѣ хотѣлось бы видѣть то чего никто до сихъ поръ не видалъ, и я готовъ заплатить жизнью за эту ненасытную потребность знанія! Что̀ же я открылъ? Ничего, или почти ничего, потому что мы прошли только шесть тысячъ миль въ Тихомъ океанѣ!

Однакоже я хорошо зналъ что *Кораблик*ъ приближается къ обитаемой землѣ, и если представится благопріятный для насъ случай перебраться на нее, то съ моей стороны было бы слишкомъ жестоко жертвовать товарищами моей страсти къ неизвѣстному. Надо будетъ слѣдовать за ними, можетъ-быть, указывать имъ дорогу. Но представится ли еще когда-нибудь подобный случай? Человѣкъ, насильственно лишенный свободы, естественно долженъ страстно желать такого случая, но желанія этого можетъ и не раздѣлять любознательный ученый.

Въ полдень 21го января 1868 года, подшкиперъ опять вышелъ измѣрять высоту солнца. Я тоже поднялся на платформу, закурилъ сигару и сталъ слѣдить за этимъ процессомъ. Я убѣдился что онъ не понималъ по-французски, потому что я нѣсколько разъ высказывалъ вслухъ замѣчанія которыя должны были бы вызвать какое-нибудь невольное проявленіе вниманія съ его стороны, еслибъ онъ ихъ понялъ. но онъ оставался равнодушенъ и нѣмъ.

Въ то время какъ онъ дѣлалъ свои наблюденія съ помощью секстанта, одинъ изъ матросовъ *Кораблика*,—силачъ, сопровож-

давшій насъ въ нашу первую подводную экскурсію на островѣ Креспо,—пришелъ чистить стекла маяка. Тогда я сталъ разсматривать устройство аппарата, сила котораго увеличивалась во сто разъ расположенными какъ на маякахъ чечевицеобразными кольцами, которые удерживали его свѣтъ въ должныхъ границахъ. Электрическая лампа была такъ устроена что сила ея свѣта не могла теряться безполезно. Дѣйствительно, пламя горѣло въ пустомъ пространствѣ, чѣмъ и обусловливались его равномѣрность и напряженіе. Такимъ образомъ сберегались также острые концы графита, между которыми появлялась свѣтящаяся дуга. Сбереженіе это имѣло важное значеніе для капитана Немо, потому что не легко было возобновлять графитъ. Но при такихъ условіяхъ, убыль его была почти незамѣтна.

Когда *Кораблик*ъ приготовился начать свое подводное плаваніе, я возвратился въ залу. Подъемную дверь заперли, и мы направились къ западу.

Итакъ мы плыли по волнамъ Индійскаго океана, по безпредѣльной водной равнинѣ, раскинувшейся на пространствѣ пятисотъ пятидесяти милліоновъ гектаровъ. Вода его такъ прозрачна что, наклоняясь надъ поверхностью ея, чувствуешь головокруженіе. *Кораблик*ъ обыкновенно держался не выше ста и не ниже двухъ сотъ метровъ глубины. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Безъ сомнѣнія, всякому другому на моемъ мѣстѣ, не такъ сильно любящему море, время показалось бы долгимъ и однообразнымъ; но ежедневныя прогулки по платформѣ, гдѣ я укрѣплялся вдыхая животворный воздухъ океана, зрѣлище роскошныхъ водъ которыя я наблюдалъ въ окна залы, чтеніе книгъ изъ библіотеки, приведеніе въ порядокъ мемуаровъ, все это наполняло мои дни и препятствовало мнѣ поддаваться скукѣ и унынію.

Здоровье наше было совершенно удовлетворительно. Столъ корабля дѣйствовалъ на насъ отлично, и что до меня касается, то я очень охотно обошелся бы безъ всякихъ перемѣнъ которыя Недъ-Ландъ, изъ духа противорѣчія, ухищрялся внести въ нашу кухню. Къ тому же, въ этой постоянной температурѣ, нечего было бояться даже насморка. Вдобавокъ на кораблѣ находился большой запасъ полипняка Dendrophylea, извѣстнаго въ Провансѣ подъ названіемъ „морскаго укропа“: расплывающееся тѣло его полиповъ служитъ превосходнымъ средствомъ противъ кашля.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мы встрѣчали большое количество водяныхъ птицъ, а именно, чаекъ и рыболововъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были искусно убиты и, приготовленныя особеннымъ способомъ, доставили намъ блюдо очень вкусной водяной дичи. Между большими хорошо летающими морскими птицами, которыя уносятся на большія разстоянія отъ земли и, утомившись, отдыхаютъ на волнахъ, я увидѣлъ великолѣпныхъ альбатросовъ, отличающихся непріятнымъ крикомъ, похожимъ на ослиное ржанье. Эти птицы принадлежатъ къ семейству длиннокрылыхъ. Представителями семейства веслоногихъ были быстрые фрегаты, очень проворно ловившіе рыбу на поверхности воды, и множество фаэтоновъ; между ними находились фаэтоны алохвостые, величиной съ голубя, черныя крылья которыхъ казались еще красивѣе при бѣлыхъ перьяхъ съ розовымъ отливомъ.

Въ сѣти *Кораблика* попалось нѣсколько различныхъ морскихъ черепахъ, изъ рода кареттъ, съ выпуклою спиной, чешуя которыхъ очень высоко цѣнится. Эти пресмыкающіяся легко ныряютъ, и могутъ долго держаться подъ водою закрывъ мясистый клапанъ, находящійся у наружнаго отверстія ихъ носоваго канала. Мясо этихъ черепахъ было довольно плохо, но яйца доставляли очень вкусное лакомство.

Что же касается рыбъ, то онѣ постоянно возбуждали наше удивленіе, когда мы, открывъ ставни въ окнахъ залы, изучали всѣ тайны ихъ водяной жизни. Тутъ я увидѣлъ многіе виды, которыхъ до этихъ поръ нигдѣ не встрѣчалъ.

Прежде всего назову кузовковъ (Ostracion), рыбъ изъ семейства твердокожихъ, которыя исключительно водятся въ моряхъ Красномъ и Индійскомъ, и также въ той части Океана которая омываетъ берега Америки пересѣкаемые экваторомъ. Эти рыбы, какъ черепахи, броненосцы, ежевики, ракообразныя, покрыты броней, но не кремнистою или известковою, а совершенно костяною. Броня эта имѣетъ или трехгранную, или четырехгранную форму. Между трехгранными, я замѣтилъ нѣкоторыхъ длиной въ полдециметра, отличающихся очень питательнымъ мясомъ; хвостъ у нихъ темный, плавательныя перья желтыя, и я совѣтовалъ бы акклиматизировать ихъ даже въ прѣсныхъ водахъ, къ которымъ многія морскія рыбы очень легко привыкаютъ. Я также назову кузовковъ четыреугольныхъ, на спинѣ которыхъ находятся четыре большіе нароста; кузовковъ кралчатыхъ съ бѣлыми

точками на нижней части тѣла, которые дѣлаются ручными какъ птицы; тригоновъ вооруженныхъ шипами, образовавшимися отъ удлиненія ихъ костяной покрышки, которыхъ за ихъ страшное хрюканье прозвали „морскими свиньями“, потомъ дромадеровъ съ большими горбами въ видѣ конуса, мясо которыхъ жестко и твердо.

Выписываю еще изъ дневника, веденнаго Конселемъ, замѣчанія о нѣкоторыхъ рыбахъ изъ вида четырезубцовъ Tetrodon, обыкновенныхъ въ этихъ моряхъ, о спенглеринахъ съ красною спиной, бѣлою грудью, отличающихся тремя продольными рядами мягкихъ нитей; объ электрическихъ рыбахъ, длиной въ семь дюймовъ, блистающихъ самыми яркими цвѣтами. Потомъ, какъ представителей другихъ родовъ, я назову овоидъ, похожихъ на темно-коричневыя яица, изборожденныя бѣлыми полосками, и безхвостыхъ; діодоновъ, настоящихъ морскихъ дикобразовъ, которые вооружены шипами и могутъ раздуваться на манеръ клубка, усаженнаго щетинами; коньковъ, свойственныхъ всѣмъ океанамъ; летающихъ пегасовъ съ продолговатыми носами, которымъ ихъ грудныя плавательныя перья, очень длинныя и расположенныя въ видѣ крыльевъ, даютъ возможность, если не летать, то по крайней мѣрѣ подыматься на воздухъ; другихъ пегасовъ, съ хвостомъ покрытымъ множествомъ чешуйчатыхъ колецъ; длиночелюстныхъ ринхобделлъ, превосходныхъ рыбъ въ двадцать пять центиметровъ длиной, блиставшихъ самыми пріятными цвѣтами; Calliomora livida, съ шероховатою головой, міріады Blennius saltator съ черными полосками и длинными грудными плавательными перьями, съ удивительною быстротой скользившихъ по поверхности водъ; прелестныхъ парусниковъ, поднимающихъ свои плавательныя перья какъ распущенные паруса, съ помощью которыхъ они двигаются при благопріятномъ вѣтрѣ, великолѣпныхъ куртъ, которыхъ природа украсила цвѣтами: желтымъ, небесно-голубымъ, серебромъ и золотомъ; трихоптеръ, плавательныя перья коихъ состоятъ изъ волоконъ; Cottus, постоянно запачканныхъ тиной и производящихъ нѣкоторый шумъ; триглъ, печень которыхъ считается ядомъ; бодьяновъ, имѣющихъ на глазахъ подвижныя вѣки; наконецъ хельмоновъ носатыхъ, съ длинными и трубчатыми носами, настоящихъ мухоловокъ океана, вооруженныхъ ружьями, о которыхъ не мечтали ни Шассло, ни Ремингтонъ, и убивающихъ насѣкомыхъ ударомъ капли воды.

Въ восемьдесятъ девятомъ родѣ рыбъ, по классификаціи Ласепеда, принадлежащихъ ко второму подклассу костистыхъ, отличающихся присутствіемъ крышки и жаберной перепонки, я замѣтилъ скорпену съ головой покрытою шипами и только съ однимъ спиннымъ, плавательнымъ перомъ; эти животныя или покрыты мелкою чешуей, или совсѣмъ лишены ея, сообразно подроду, къ которому они принадлежатъ. Во второмъ подродѣ мы нашли экземпляры дидактилей, длиной отъ трехъ до четырехъ дециметровъ, съ желтыми полосами, голова которыхъ отличается причудливою формой. Что же касается до перваго подрода, то онъ снабдилъ насъ многими образцами странной рыбы, справедливо названной „морскою жабой", Scorpaena horrida. Это рыба съ большою головой, то изрытая глубокими извилинами, то раздутая выпуклостями, покрытая шипами и усѣянная шишками, съ неправильными и отвратительными рогами; все тѣло ея и хвостъ покрыты мозолистыми наростами, а шипы причиняютъ опасныя раны; она отвратительна и ужасна.

Съ 21го до 23го января *Кораблика* дѣлалъ по двѣсти пятидесяти льё въ сутки, то-есть пятьсотъ сорокъ миль, или по двадцати по двѣ мили въ часъ. Дорогой намъ удавалось наблюдать различныя породы рыбъ, потому что, привлеченныя электрическимъ свѣтомъ нашего корабля, онѣ старались слѣдовать за нами. Но при быстротѣ нашего хода, большинство ихъ скоро отставало. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ нихъ удалось держаться нѣсколько времени около *Кораблика*.

Утромъ 24го, подъ 12° 5′ южной широты и 94° 33′ долготы, мы увидали островъ Килингъ, мадрепоровую возвышенность усѣянную великолѣпными кокосовыми пальмами, которую посѣщали Дарвинъ и капитанъ Фицъ-Рой. *Кораблика* прошелъ вблизи береговъ этого пустыннаго острова. Въ его драги попалось множество экземпляровъ полиповъ и лучистыхъ, а равно и любопытныхъ костеобразныхъ оболочекъ принадлежащихъ отдѣлу моллюсковъ. Нѣсколько драгоцѣнныхъ экземпляровъ изъ рода Delphinula увеличили собой богатства капитана Немо, къ которымъ я прибавилъ еще Astraea punctigera, родъ чужеяднаго полипа, часто прикрѣпляющагося къ раковинамъ. Вскорѣ островъ Килингъ скрылся за горизонтомъ, и мы направили свой путь на сѣверо-западъ къ оконечности Индійскаго полуострова.

— Цивилизованныя страны, [сказалъ мнѣ въ этотъ день

Недъ-Ландъ,—гораздо лучше острововъ Папуазіи, гдѣ встрѣчаешь больше дикарей чѣмъ косуль! Въ этой индійской землѣ, господинъ профессоръ, есть шоссейныя и желѣзныя дороги, англійскіе, французскіе и индусскіе города. Здѣсь не пройдешь пяти миль не встрѣтивъ соотечественника. Что? Не пора ли намъ распроститься съ капитаномъ Немо?

— Нѣтъ, Недъ, нѣтъ, отвѣчалъ я очень рѣшительно.—Пусть будетъ что будетъ, какъ говорите вы, моряки. *Кораблик*ъ приближается къ обитаемымъ материкамъ. Онъ возвращается въ Европу; пусть онъ довезетъ насъ туда. Достигнувъ нашихъ морей, мы посмотримъ что благоразуміе посовѣтуетъ намъ предпринять. Къ тому же я не думаю чтобы капитанъ Немо позволилъ намъ охотиться на Малабарскомъ или Коромандельскомъ берегу, какъ въ лѣсахъ Новой Гвинеи.

— Ну, господинъ профессоръ, а развѣ намъ нельзя обойтись безъ его позволенія?

Я не отвѣчалъ Канадцу, не желая спорить. Въ сущности же мнѣ хотѣлось испытать всѣ случайности судьбы, бросившей меня на бортъ *Кораблика*.

Отъ острова Килинга мы пошли вообще медленнѣе. Въ то же время направленіе *Кораблика* дѣлалось причудливѣе, и онъ часто увлекалъ насъ на большія глубины. Нѣсколько разъ приходилось употреблять наклонныя плоскости, которыя, посредствомъ внутреннихъ рычаговъ, могли располагаться наискось отъ ватерлиніи. Мы такимъ образомъ достигали до двухъ и трехъ километровъ глубины, но ни разу не могли провѣрить самыя большія глубины Индійскаго моря, и зонды въ тринадцать тысячъ метровъ не доставали дна. Что же касается температуры низшихъ слоевъ, то термометръ постоянно показывалъ четыре градуса выше нуля. Я только замѣтилъ что въ верхнихъ слояхъ вода всегда была холоднѣе надъ подводными горами чѣмъ въ открытомъ морѣ.

25го января океанъ былъ совершенно пустыненъ, и *Кораблик*ъ пробылъ цѣлый день на его поверхности, разсѣкая своимъ могучимъ винтомъ волны и разсыпая кругомъ высоко взлетавшія брызги. При подобныхъ условіяхъ, его нельзя было не принять за исполинскаго кита. Я провелъ на платформѣ три четверти этого дня. Я смотрѣлъ на море. Ничего не было видно на горизонтѣ, и только около четырехъ часовъ вечера показался длинный пароходъ, который шелъ контръ-галсомъ на западъ. Его рангоутъ выглянулъ на одну только

минуту; но онъ не могъ замѣтить *Кораблика*, слишкомъ мало поднимавшагося надъ поверхностью воды. Я полагалъ что этотъ пароходъ принадлежитъ обществу Peninsular and Oriental Company, совершающему рейсы между островомъ Цейлономъ и Сиднеемъ, достигая оконечности короля Георга и Мельбурна.

Въ пять часовъ вечера, предъ быстрыми сумерками, соединяющими въ тропическомъ поясѣ день съ ночью, мы съ Конселемъ были очарованы любопытнымъ зрѣлищемъ.

Есть красивенькое животное, встрѣча съ которымъ, по миѳію древнихъ, предвѣщала успѣхъ. Аристотель, Атеней, Плиній, изучили его наклонности и, по поводу его, исчерпывали всю піитику ученыхъ Греціи и Италіи. Они называли его Nautilus и Pompilius. Но новѣйшая наука не утвердила ихъ названій, и этотъ моллюскъ извѣстенъ теперь подъ именемъ аргонавта.

Еслибы кто спросилъ Конселя, то узналъ бы отъ этого добраго малаго что отрядъ моллюсковъ дѣлится на пять классовъ; что первый классъ головоногихъ моллюсковъ, изъ которыхъ одни черепокожные, другіе голые, заключаетъ въ себѣ два семейства: двужаберные и четырежаберные, которые различаются по числу своихъ жабръ; что семейство двужаберныхъ подраздѣляется на три рода: аргонавтовъ, кальмаровъ и каракатицъ, а семейство четырежаберныхъ имѣетъ только одинъ родъ: кораблика. И еслибы послѣ этой номенклатуры чей-нибудь непонятливый умъ смѣшалъ аргонавта, снабженнаго присосками, съ корабликомъ, имѣющимъ простыя щупальцы, то онъ не заслуживалъ бы никакого извиненія. На поверхности океана плыла въ это время стая аргонавтовъ. Мы могли насчитать ихъ нѣсколько сотенъ. Они принадлежали къ виду Argonauta tuberculata, очень обыкновенныхъ въ индійскихъ моряхъ.

Эти граціозные моллюски плавали задомъ, посредствомъ своихъ воронокъ, выгоняя чрезъ нихъ воду. Изъ ихъ восьми щупальцевъ, шесть продолговатыхъ и тонкихъ разстилались по водѣ, тогда какъ остальные два, округленные длиневидно, напрягались отъ дѣйствія вѣтра какъ легкіе паруса. Я отлично видѣлъ ихъ волнистую и спиральную раковину, которую Кювье очень мѣтко сравнилъ съ красивою шлюпкой. Дѣйствительно, какъ настоящая лодка, эта раковина переноситъ выдѣлившее ее животное, и однако животное не прирастаетъ къ ней.

— Аргонавтъ можетъ покинуть свою раковину, сказалъ я Конселю,—но онъ никогда ея не покидаетъ.

— Также поступаетъ и капитанъ Немо, отвѣчалъ разсудительный Конселъ.—И я полагаю что ему было бы лучше назвать свой корабль „Аргонавтомъ".

Цѣлый часъ шелъ *Кораблика* посреди этой стаи моллюсковъ. Потомъ, не знаю, какой-то страхъ внезапно овладѣлъ ими. Будто по сигналу, они разомъ опустили свои паруса; щупальцы согнулись, тѣла сжались, раковины опрокинулись, перемѣняя центръ тяжести, и вся флотилія исчезла въ волнахъ. Все это произошло мгновенно, и никогда корабли какой-нибудь эскадры не маневрировали съ большимъ согласіемъ.

Въ эту минуту вдругъ наступила ночь, и волны, едва поднимаемыя вѣтромъ, спокойно разстилались вокругъ *Кораблика*.

На другой день, 26го января, мы пересѣкли экваторъ на восемьдесятъ второмъ меридіанѣ, и вступили въ сѣверное полушаріе.

Въ этотъ день насъ сопровождала грозная свита акулъ. Страшныя животныя кишатъ въ этихъ моряхъ и дѣлаютъ ихъ очень опасными. Это были Squalus Philippi, съ коричневою спиной и бѣловатымъ брюхомъ, вооруженныя одиннадцатью рядами зубовъ, Squalus argus, на шеѣ которыхъ находится большое черное пятно съ бѣлымъ ободкомъ, похожее на глазъ, и другой видъ—акулы съ круглою мордой усѣянною черными точками. Часто эти сильныя животныя, со свирѣпостью не предвѣщавшею ничего хорошаго, бросались къ окнамъ залы. Недъ-Ландъ былъ внѣ себя. Ему хотѣлось вернуться на поверхность волнъ и пустить острогой въ этихъ чудовищъ. Акулы гладкія, пасть которыхъ выслана зубами расположенными какъ мозаика, и большія тигровыя акулы, длиною въ пять метровъ, вызывали его съ особенною настойчивостью. Но скоро *Кораблика*, увеличивъ быстроту своего хода, легко оставилъ позади себя самыхъ быстрыхъ изъ этихъ акулъ.

27го января, при входѣ въ широкій Бенгальскій заливъ, насъ неоднократно поражало ужасное зрѣлище — трупы плывшіе на поверхности волнъ! То были мертвецы изъ индійскихъ городовъ, уносимые Гангомъ въ открытое море, и которыхъ коршуны, единственные могильщики въ этой странѣ, еще не успѣли пожрать. Но акулы не преминутъ помочь имъ въ ихъ погребальной работѣ.

Около семи часовъ вечера, *Кораблик*ъ, на половину погруженный въ воду, плылъ посреди волнъ молочнаго цвѣта. Океанъ, насколько его можно было видѣть, казался млечнымъ и темъ. Я подумалъ что это явленіе обусловливалось лунным сіяніемъ. Но нѣтъ, новолуніе наступило только два дня тому назадъ, и молодая луна еще терялась за горизонтомъ въ солнечныхъ лучахъ. Все небо, хотя и освѣщенное звѣзднымъ сіяніемъ, казалось чернымъ въ сравненіи съ бѣлизной водъ.

Консель не вѣрилъ своимъ глазамъ и спрашивалъ меня о причинахъ этого страннаго явленія. Къ счастію, я могъ дать ему отвѣтъ

— Это такъ-называемое молочное море, сказалъ я ему, — громное пространство бѣлыхъ водъ, часто видимыхъ у береговъ Амбоины и въ этихъ широтахъ.

— Но, спросилъ Консель,—можетъ ли господинъ профессоръ объяснить мнѣ какая причина производитъ подобное дѣйствіе, потому что эта вода, я думаю, не превратилась же въ молоко?

— Нѣтъ, мой другъ, удивляющая тебя бѣлизна произошла отъ присутствія цѣлыхъ міріадъ инфузорій, въ родѣ маленькихъ свѣтящихся червей, студенистыхъ и безцвѣтныхъ, въ волосъ толщиной, длина которыхъ не превосходитъ одной ляой миллиметра. Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ прилипаютъ другъ къ другу и тянутся такимъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ миль.

— Нѣсколькихъ миль! вскричалъ Консель.

— Да, мой другъ, и не трудись исчислить этихъ инфузорій! Ты никогда этого не достигнешь; если я не ошибаюсь, то нѣкоторымъ мореплавателямъ случалось плыть въ молочныхъ моряхъ на протяженіи болѣе сорока миль.

Не знаю, принялъ ли Консель мой совѣтъ, но онъ, казалось, погрузился въ глубокое размышленіе, безъ сомнѣнія стараясь сосчитать сколько въ сорока квадратныхъ миляхъ содержится пятыхъ миллиметра. Что до меня касается, то я продолжалъ наблюдать это явленіе

*Кораблик*ъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ разсѣкалъ бѣловатыя волны, и я замѣчалъ что онъ безъ шума скользилъ по этой взмыленной водѣ, какъ будто бы плылъ въ водоворотѣ пѣны, иногда образующейся въ бухтахъ между двумя противоположными теченіями.

Около полуночи море вдругъ приняло свой обыкновенный

цвѣтъ, но лозади насъ, до самыхъ краевъ горизонта, небо, отражая бѣлизну волнъ, долго свѣтилось будто озаренное неопредѣленнымъ мерцаніемъ сѣвернаго сіянія.

ГЛАВА II.

Новое предложеніе капитана Немо.

Когда *Кораблик*ъ 28го февраля, въ полдень, всплылъ на поверхность моря, подъ 9° 4′ сѣверной широты; на западѣ, въ восьми миляхъ разстоянія, показалась земля. Сначала я замѣтилъ множество горъ, въ двѣ тысячи футовъ вышины, отличавшихся самыми причудливыми очертаніями. Когда положеніе судна было опредѣлено, я возвратился въ залу, и отыскавъ это мѣсто на картѣ, узналъ что мы находимся около острова Цейлона, этой жемчужины лежащей у южной оконечности Индійскаго полуострова.

Я вошелъ въ библіотеку поискать какой-нибудь книги относящейся къ этому острову, одному изъ самыхъ плодородныхъ на земномъ шарѣ. И точно, я нашелъ книгу Сирра, подъ заглавіемъ: *Ceylan and the Cingalese.* Возвратясь въ залу, я прежде всего отмѣтилъ всѣ цифры касавшіяся величины и положенія Цейлона, которому въ древности расточали такъ много различныхъ названій. Онъ находится между 5° 55′ и 9° 49′ сѣверной широты и между 79° 42′ и 82° 4′ долготы, къ востоку отъ Гринвичскаго меридіана; въ длину онъ имѣетъ двѣсти семьдесятъ пять миль; въ ширину, по большей мѣрѣ, полтораста миль; въ окружности девятьсотъ миль; а поверхность его равняется восьмидесяти тысячамъ четыремъ стамъ сорока восьми милямъ, то-есть величиной нѣсколько уступаетъ Ирландіи.

Въ это время вошелъ капитанъ Немо со своимъ подшкипером.

Капитанъ взглянулъ на карту. Потомъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Островъ Цейлонъ, знаменитый ловлей жемчуга. Не пожелаете ли вы, господинъ Аронаксъ, побывать на этой ловлѣ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, капитанъ.

— Хорошо; это легко сдѣлать. Я отдалъ приказаніе приблизиться къ Манаарскому заливу, куда мы пріѣдемъ ночью.

Капитанъ Немо сказалъ нѣсколько словъ своему подшки-

леру, который тотчасъ же вышелъ. Вскорѣ *Кораблик*ъ опять погрузился въ свою жидкую стихію, и манометръ показывалъ что онъ держался на глубинѣ тридцати футовъ.

Взявъ карту, я отыскивалъ Манаарскій заливъ. Я нашелъ его на девятомъ параллельномъ кругѣ, у сѣверозападнаго берега Цейлона. Онъ образуется продолговатою линіей маленькаго острова Манаара. Чтобы достигнуть его, надо было обойти весь западный берегъ Цейлона.

— Господинъ профессоръ, сказалъ мнѣ капитанъ Немо, — жемчугъ ловятъ въ Бенгальскомъ заливѣ, въ Индійскомъ морѣ, въ моряхъ Китая и Японіи, въ моряхъ Южной Америки, въ Панамскомъ и Калифорнскомъ заливахъ; но только на Цейлонѣ эта ловля достигаетъ самыхъ лучшихъ результатовъ. Мы, правда, прибыли немного рано. Добыватели жемчуга собираются въ Манаарскій заливъ только въ мартѣ мѣсяцѣ, и тогда, въ продолженіи тридцати дней, они на своихъ трехъ стахъ лодкахъ занимаются самымъ прибыльнымъ добываніемъ морскихъ сокровищъ. На каждой лодкѣ десять гребцовъ и десять водолазовъ. Послѣдніе раздѣляются на двѣ группы, которыя поочередно ныряютъ и опускаются на глубину двѣнадцати метровъ съ помощью тяжелаго камня, привязаннаго къ лодкѣ веревкой, который они обхватываютъ ногами.

— Стало-быть, сказалъ я,—этотъ первобытный способъ до сихъ поръ еще не вышелъ изъ употребленія?

— До сихъ поръ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо,— несмотря на то что эта ловля принадлежитъ самому промышленному народу на земномъ шарѣ, Англичанамъ, которымъ она была уступлена по Аміенскому трактату въ 1802 году.

— Однакоже, мнѣ кажется что скафандры подобные вашимъ были бы очень полезны для этой ловли.

— Да, потому что бѣдные водолазы не могутъ долго оставаться подъ водой. Англичанинъ Персеваль, въ своемъ путешествіи на Цейлонъ, говоритъ, правда, объ одномъ Кафрѣ который могъ оставаться въ водѣ пять минутъ, не возвращаясь на поверхность, но по моему мнѣнію этотъ фактъ представляетъ мало вѣроятнаго. Я знаю что нѣкоторые водолазы доходятъ до пятидесяти семи секундъ, а очень искусные до восьмидесяти семи; но такіе встрѣчаются рѣдко, и когда эти несчастные возвращаются на бортъ, то изъ носу и ушей у нихъ течетъ вода съ кровью. Я думаю что водолазы могутъ пробыть подъ водой, среднимъ числомъ, тридцать секундъ, въ

продолженіи которыхъ они торопятся собрать въ маленькую сѣть всѣ отколотыя ими жемчужныя раковины; но вообще водолазы не живутъ долго; у нихъ слабѣетъ зрѣніе; глаза начинаютъ гноиться, тѣло покрывается ранами, и часто они умираютъ на днѣ моря отъ удара.

— Да, сказалъ я, — это жалкое ремесло, служащее только для удовлетворенія различныхъ причудъ моды! Но скажите мнѣ, капитанъ, сколько раковинъ можетъ наловить въ день одна лодка?

— Отъ сорока до пятидесяти тысячъ. Говорятъ даже что въ 1814 году, англійское правительство устроило ловлю собственно для себя, и его водолазы добыли въ двадцать дней семьдесятъ шесть милліоновъ раковинъ.

— По крайней мѣрѣ, спросилъ я,—этимъ водолазамъ платятъ хорошее жалованье?

— Едва ли, господинъ профессоръ. Въ Панамѣ они зарабатываютъ только по одному доллару въ недѣлю. Чаще всего имъ платятъ по одному су за раковину съ жемчужиной, а сколько они ихъ вытащатъ пустыхъ!

— По одному су бѣднымъ людямъ обогащающимъ своихъ хозяевъ! Это ужасно!

— Итакъ, господинъ профессоръ, сказалъ мнѣ капитанъ Немо,—вмѣстѣ со своими товарищами вы посѣтите Манаарскую мель, и если случайно застанемъ тамъ какого-нибудь ранняго водолаза, мы посмотримъ на его работу.

— Это рѣшено, капитанъ.

— Кстати, господинъ Аронаксъ, вы не боитесь акулъ?

— Акулъ? вскричалъ я.

Этотъ вопросъ мнѣ показался, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ.

— Ну что же? спросилъ капитанъ Немо.

— Признаюсь, капитанъ, я еще не вполнѣ освоился съ этою породой рыбъ.

— Мы къ нимъ давно привыкли, возразилъ капитанъ Немо,— и со временемъ вы достигнете того же. Притомъ мы будемъ вооружены, и дорогой намъ, быть-можетъ, удастся поохотиться за акулами. Это интересная охота. Итакъ, до завтра, господинъ профессоръ, и съ ранняго утра.

Проговоривъ это самымъ развязнымъ тономъ, капитанъ Немо вышелъ изъ залы.

Еслибы васъ приглашали охотиться въ швейцарскихъ

горахъ за медвѣдями, вы сказали бы: „Очень хорошо! Завтра мы пойдемъ на медвѣдей.“ Еслибы васъ приглашали идти на льва въ долины Атласа или на тигра въ индійскія джунгли, вы сказали бы: „А! А! кажется мы идемъ на тигра или на льва.“ Но еслибъ вамъ предложили охоту за акулой въ ея природной стихіи, вы, можетъ-быть, попризадумались бы прежде чѣмъ принять это приглашеніе.

Что до меня касается, то я провелъ рукой по лбу, на которомъ выступило нѣсколько капель холоднаго пота.

— Подумаемъ, сказалъ я себѣ,—и не будемъ спѣшить. Охотиться за выдрами въ подводныхъ лѣсахъ, какъ намъ привелось въ лѣсахъ острова Креспо, — это еще куда ни шло. Но рыскать по морскому дну, когда почти увѣренъ что встрѣтишь тамъ акулъ, совсѣмъ иное дѣло! Я хорошо знаю что въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно на Андаманскихъ островахъ, негры не колеблясь нападаютъ на акулу съ кинжаломъ въ одной рукѣ и съ петлей въ другой; но я также хорошо знаю что многіе изъ смѣльчаковъ нападающихъ на страшное животное не возвращаются съ своей охоты! Сверхъ того, я не негръ; да еслибъ я и былъ негромъ, то полагаю что въ подобномъ случаѣ небольшое колебаніе съ моей стороны было бы все-таки понятно.

И вотъ я погрузился въ размышленіе объ акулахъ, думая объ ихъ громадныхъ челюстяхъ, вооруженныхъ нѣсколькими рядами зубовъ, способныхъ разрѣзать человѣка на-двое. Я уже чувствовалъ нѣкоторую боль въ поясницѣ. Къ тому же я никакъ не могъ переварить равнодушія съ которымъ капитанъ Немо сдѣлалъ это прискорбное приглашеніе. Какъ будто дѣло шло о томъ чтобы обойти въ лѣсу какую-нибудь безвредную лисицу!

— Хорошо! думалъ я:—Консель не захочетъ идти, и это избавитъ меня отъ необходимости сопровождать капитана. Что же касается Недъ-Ланда, то, признаюсь, я не такъ увѣренъ былъ въ его благоразуміи. Опасность, какъ бы ни была она велика, всегда имѣла особенную прелесть для его воинственной натуры.

Я опять принялся за книгу Сирра, но не могъ углубиться и машинально перелистывалъ ее. Между строками я видѣлъ страшно открытыя челюсти....

Въ эту минуту вошли Консель и Канадецъ. Они были спокойны и даже веселы. Они не знали что ихъ ожидаетъ.

— Право, господинъ профессоръ, сказалъ Недъ-Ландъ,—вашъ капитанъ Немо, — чтобы чортъ его побралъ! — сдѣлалъ намъ очень любезное предложеніе.

— Ахъ! сказалъ я: — вы знаете....

— Съ позволенія господина профессора, отвѣчалъ Консель,— командиръ *Кораблика* пригласилъ насъ завтра, въ сопровожденіи господина профессора, посѣтить великолѣпныя ловли жемчуга на островѣ Цейлонѣ. Онъ сдѣлалъ это въ изысканныхъ выраженіяхъ и велъ себя настоящимъ джентльменомъ.

— Онъ вамъ больше ничего не сказалъ?

— Ничего, отвѣчалъ Канадецъ,—онъ прибавилъ только что уже говорилъ вамъ объ этой маленькой прогулкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я.—И онъ вамъ не сообщилъ никакихъ подробностей относительно....

— Никакихъ, господинъ натуралистъ.—Вы пойдете съ нами, не правда ли?

— Я.... безъ сомнѣнія! Я вижу что вамъ это нравится, Недъ-Ландъ.

— Да! это очень любопытно, очень любопытно.

— Можетъ-быть опасно! прибавилъ я вкрадчивымъ тономъ.

— Опасно! отвѣчалъ Недъ-Ландъ: — Простая экскурсія на устричную мель!

Очевидно, капитанъ Немо не счелъ нужнымъ пробуждать мысль объ акулахъ въ умѣ моихъ товарищей. Я смотрѣлъ на нихъ испуганными глазами, какъ будто бы у нихъ оторваны были нѣкоторые члены. Долженъ ли я ихъ предупредить? Да, конечно, но я не зналъ какъ за это взяться.

— Господинъ профессоръ, сказалъ мнѣ Консель,—господинъ профессоръ будетъ, можетъ-быть, такъ добръ что сообщитъ намъ какія-нибудь подробности о ловлѣ жемчуга?

— О ловлѣ собственно, спросилъ я,—или о тѣхъ приключеніяхъ которыя....

— О ловлѣ, отвѣчалъ Канадецъ,—прежде чѣмъ отправляться въ дорогу надо имѣть объ ней понятіе.

— Хорошо, садитесь, друзья мои, я вамъ разкажу все что самъ узналъ отъ Англичанина Сирра.

Недъ и Консель сѣли на диванъ, и Канадецъ сейчасъ же спросилъ меня:

— Господинъ профессоръ, что такое жемчужина?

— Мой честный Недъ, отвѣчалъ я,—для поэта жемчужина — морская слеза; для жителей Востока—отвердѣвшая капля росы;

для дамъ — драгоцѣнная вещица продолговатой формы, прозрачнаго блеска, состоящая изъ перламутроваго вещества, которую онѣ носятъ на пальцахъ, шеѣ, или въ ушахъ; для химика—смѣсь фосфорнокислой и углекислой извести съ небольшимъ количествомъ желатина; и наконецъ для натуралиста—жемчужина простое болѣзненное отдѣленіе органа который выдѣляетъ перламутръ у нѣкоторыхъ двустворчатыхъ раковинъ.

— Отдѣлъ моллюсковъ, сказалъ Консель, — классъ безголовыхъ, порядокъ черепокожныхъ.

— Точно такъ, ученый Консель. Но между этими черепокожными Haliotis iris, Turbo, Tridacna, Pinna maritima, однимъ словомъ всѣ отдѣляющія перламутръ, то-есть вещество голубое, синеватое, фіолетовое или бѣлое, выстилающее внутренность ихъ створокъ, способны производить жемчугъ.

— Даже и ракушки? спросилъ Канадецъ.

— Да, ракушки нѣкоторыхъ потоковъ Шотландіи, Вельса, Ирландіи, Саксоніи, Богеміи и Франціи.

— Хорошо! впередъ надо запомнить это, отвѣчалъ Канадецъ.

— Но, возразилъ я,—преимущественно выдѣляетъ жемчугъ жемчужница, драгоцѣнная перловка. Жемчугъ есть отвердѣвшійся перламутръ, принявшій сферическую форму. Онъ или пристаетъ къ скорлупѣ раковины, или прилипаетъ къ складкамъ животнаго. На створкахъ жемчугъ прилѣпленъ, на тѣлѣ же свободенъ. Но у него всегда есть ядро, маленькое твердое тѣло, состоящее или изъ безплоднаго яичка, или изъ песчинки, вокругъ которыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ осаждается перламутровое вещество, послѣдовательно, тонкими и концентрическими слоями.

— Бываетъ ли въ одной раковинѣ по нѣскольку жемчужинъ? спросилъ Консель.

— Да, мой другъ. Встрѣчались раковины заключавшія цѣлое собраніе драгоцѣнностей. Про одну раковину разсказываютъ, но я въ этомъ сомнѣваюсь, что въ ней заключалось не менѣе ста пятидесяти акулъ.

— Сто пятьдесятъ акулъ! вскричалъ Недъ-Ландъ.

— Развѣ я сказалъ „акулъ“? быстро вскричалъ я.—Я хотѣлъ сказать сто пятьдесятъ жемчужинъ. „Акулъ“ не имѣло бы никакого смысла.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Консель.—Но скажетъ ли намъ теперь господинъ профессоръ какимъ способомъ добываютъ этотъ жемчугъ?

— Есть различные способы, и часто, когда жемчугъ присталь къ створкамъ, ловцы отрываютъ его щипцами. Но по обыкновенію, раковины кладутся на плетеныя рогожи, которыми покрываютъ берегъ. Такимъ образомъ онѣ умираютъ на воздухѣ, и по прошествіи десяти дней находятся въ состояніи гніенія. Тогда ихъ кладутъ въ большіе наполненные морскою водой резервуары, потомъ ихъ открываютъ и моютъ. Съ этой минуты начинается двойная работа сортировщиковъ. Сначала они отдѣляютъ перламутровыя пластинки, извѣстныя въ торговлѣ подъ именемъ franche argentée, bâtarde blanche и bâtarde noire, которыя продаются ящиками отъ ста двадцати пяти до ста пятидесяти килограммовъ. Потомъ они вынимаютъ мясо изъ раковины, кипятятъ его и просѣваютъ, чтобъ извлечь изъ него даже самый мелкій жемчугъ.

— Цѣна этого жемчуга измѣняется судя по его величинѣ? спросилъ Консель.

— Не только по величинѣ, отвѣчалъ я,—но также по формѣ, цвѣту и водѣ, то-есть по тому мягкому съ разноцвѣтными переливами блеску, который придаетъ жемчугу такую красоту. Самый лучшій жемчугъ называется perles-vierges, или незапятнанный; онъ образуется отдѣльно въ ткани моллюска, онъ бѣлый, часто непрозрачный, но иногда имѣетъ опаловидную прозрачность, и большею частью бываетъ шаровидной или грушевидной формы. Изъ шаровиднаго жемчуга дѣлаютъ браслеты; изъ грушевиднаго подвѣски, и такъ какъ онъ самый дорогой, то продается поштучно. Другой же жемчугъ, приставшій къ скорлупѣ раковины, болѣе неправильной формы, продается съ вѣсу. Наконецъ маленькій жемчугъ, причисленный къ низшему разряду, называется мелкимъ жемчугомъ; продается также на вѣсъ и служитъ обыкновенно для вышиванья.

— Но разбирать жемчугъ по его величинѣ, должно-быть, очень долгая и трудная работа, сказалъ Канадецъ.

— Нѣтъ, мой другъ. Эта работа производится посредствомъ одиннадцати ситъ, или рѣшетъ съ разнымъ числомъ пробуравленныхъ на нихъ дыръ. Жемчугъ остающійся въ ситѣ, въ которомъ отъ двадцати до восьмидесяти дыръ, принадлежитъ къ первому разряду. Тотъ же который не проходитъ въ рѣшето имѣющее отъ ста до восьмисотъ дыръ, причисляется ко второму разряду. Наконецъ жемчугъ, для котораго употребляютъ сита имѣющія отъ девятисотъ до тысячи дыръ, составляетъ мелкій жемчугъ.

— Очень замысловато, сказалъ Консель,—и я вижу что дѣленіе и классификація жемчуга производится механически. Господинъ профессоръ, не можете ли вы сказать намъ что̀ приносятъ ежегодно эти мели жемчужныхъ раковинъ?

— Судя по книгѣ Сирра, отвѣчалъ я,—жемчужныя ловли на Цейлонѣ ежегодно отдаются на откупъ за три милліона акулъ.

— Франковъ! поправилъ Консель.

— Да, франковъ. Три милліона франковъ! повторилъ я.— Но я думаю что эти ловли уже не приносятъ столько сколько онѣ приносили прежде. То̀ же самое и американскія ловли, которыя въ царствованіе Карла V приносили четыре милліона франковъ; теперь же доходъ съ нихъ уменьшился на двѣ трети. Словомъ, въ общей сложности доходъ отъ разработки жемчуга можно оцѣнить въ девять милліоновъ франковъ.

— Но, спросилъ Консель,—кажется я слышалъ что попадались знаменитыя жемчужины цѣнимыя очень высоко?

— Да, мой другъ. Разказываютъ что Цезарь подарилъ Сервиліи одну жемчужину стоившую на наши деньги сто двадцать тысячъ франковъ.

— Я даже слышалъ, сказалъ Канадецъ,—что въ древности одна дама выпила жемчугъ въ уксусѣ.

— Клеопатра, сказалъ Консель.

— Это, должно-быть, было очень не вкусно, прибавилъ Недъ-Ландъ.

— Отвратительно, другъ Недъ, отвѣчалъ Консель,—но рюмка уксуса, сто́ящая пятьсотъ тысячъ франковъ,—цѣна хорошая.

— Я жалѣю что не женился на этой дамѣ, сказалъ Канадецъ, разводя руками съ угрожающимъ видомъ.

— Недъ-Ландъ супругъ Клеопатры! вскричалъ Консель.

— Но я долженъ былъ жениться, Консель, серіозно отвѣчалъ Канадецъ,—и не моя вина если дѣло не сладилось. Я даже купилъ жемчужное ожерелье для Кэтъ Тендеръ, моей невѣсты, но она, впрочемъ, вышла замужъ за другаго. И что̀ же? это ожерелье стоило мнѣ только полтора доллара, а между тѣмъ, господинъ профессоръ,—не знаю повѣрите ли вы,—жемчугъ изъ котораго оно было сдѣлано не прошелъ бы сквозь сито съ двадцатью отверстіями.

— Мой честный Недъ, отвѣчалъ я смѣясь,—это былъ искусственный жемчугъ, простые стеклянные шарики наполненные эссенціей жемчужной воды.

— Ба! эта эссенція жемчужной воды, отвѣчалъ Канадецъ,— должна дорого сто́ить.

объ этомъ писали мнѣ. И онъ вамъ нравится, и вы ему нравитесь?

— Онъ нравится мнѣ очень, отозвалась Роза.

— Такъ я и говорю, подхватилъ опекунъ, неспособный уловить тонкаго ударенія на глаголѣ.—Прекрасно. И вы переписываетесь?

— Мы пишемъ другъ другу, сказала Роза, надувшись при воспоминаніи о ихъ письменныхъ несогласіяхъ.

— Такъ я и говорю. Прекрасно. Все идетъ хорошо, время дѣлаетъ свое, а на будущее Рождество надо будетъ, ради формы, предупредить примѣрную даму сидящую подъ угловымъ окномъ, которой мы такъ много обязаны, объ отъѣздѣ вашемъ въ теченіи слѣдующаго полугодія. Отношенія ваши, конечно, не исключительно дѣловыя, но все-таки въ нихъ есть и дѣловая сторона, а дѣло всегда остается дѣломъ. Я необыкновенно угловатый человѣкъ, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ, будто это ему только что въ голову пришло. — Я не привыкъ ни къ какимъ церемоніямъ; еслибы кто-нибудь взялся на свадьбѣ исполнить мою должность, я очень былъ бы радъ.

Роза замѣтила, потупивъ глаза, что подставное лицо, вѣроятно, найдется.

— Конечно, конечно, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ. — Вотъ, напримѣръ, хоть здѣшній учитель танцованія. Онъ бы сумѣлъ сдѣлать все это съ подобающею граціозностію. На него пріятно было бы глядѣть и жениху, и священнику, и вамъ самимъ, и всѣмъ присутствующимъ. А я.... Я необыкновенно угловатый человѣкъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, какъ будто наконецъ рѣшился сознаться,—я только надѣлалъ бы неловкостей.

Роза сидѣла неподвижно и молча. Можетъ-быть воображеніе ея не доносилось еще до брачной церемоніи, а останавливалось гдѣ-нибудь на полпути.

— Въ запискѣ значится: „духовная“, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, справляясь съ книжкой, зачеркнувъ слово „свадьба“ и вынувъ изъ кармана бумагу.—Хотя я уже прежде сообщалъ вамъ, другъ мой, содержаніе духовной вашего отца, однако я считаю нужнымъ вручить вамъ засвидѣтельствованную копію съ нея. Мистеръ Эдвинъ также знаетъ содержаніе этой духовной, однако я считаю нужнымъ вручить теперь и для него засвидѣтельствованную копію мистеру Джаспери.

— Отчего же не ему самому? спросила Роза, быстро поднявъ

глаза.—Развѣ вы не можете дать эту копію въ руки самому Эдди.

— Конечно, если вы этого очень желаете, другъ мой. Я назвалъ мистера Джаспера какъ его опекуна.

— Я этого очень желала бы, сказала Роза.—Мнѣ не хочется чтобы мистеръ Джасперъ какимъ бы то ни было образомъ вступался между нами.

— Я полагаю, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ,—что для васъ мужъ естественно долженъ быть всѣмъ. Такъ. Замѣтьте, я говорю: полагаю. Дѣло въ томъ что я чрезвычайно неестественный человѣкъ и не знаю этого по собственному опыту.

Роза поглядѣла на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Я хочу сказать, объяснилъ онъ,—что мнѣ вовсе незнакомы пріемы и ощущенія молодежи. Я былъ единственный сынъ у родителей уже старыхъ и, думаю почти что самъ я родился старымъ. Желаніе ваше относительно другой удостовѣренной копіи будетъ исполнено. О наслѣдствѣ вашемъ вамъ, я думаю, все извѣстно. Оно представляетъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ годоваго дохода. Сбереженія нѣсколькихъ лѣтъ и нѣкоторыя другія статьи дохода, всѣ записанныя какъ слѣдуетъ, съ подобающими удостовѣреніями, составятъ сумму тысячи въ полторы фунтовъ слишкомъ, которую вы получите единовременно. Мнѣ разрѣшено выдать вамъ изъ этой суммы на приданое и приготовленія къ свадьбѣ. Все сказано.

— Скажите мнѣ пожалуста, заговорила Роза, мило нахмуривъ брови,—справедливо ли я разсуждаю? Я понимаю слова ваши гораздо лучше чѣмъ дѣловыя бумаги. Папенька и отецъ Эдди сдѣлали другъ съ другомъ условіе, какъ близкіе, надежные друзья, чтобъ и мы были, въ свою очередь, близкими и надежными друзьями?

— Совершенно вѣрно.

— Для нашего обоюднаго блага и счастія?

— Именно такъ.

— Чтобы мы были другъ другу еще дороже чѣмъ были они?

— Именно.

— Мы съ Эдди не обязаны неустойкой, въ случаѣ если....

— Не волнуйтесь, мой другъ. Въ томъ случаѣ, о которомъ вы даже подумать не можете безъ слезъ, въ томъ случаѣ если бы вы не сочетались бракомъ, не положено никакой неустойки ни съ той, ни съ другой стороны. Вы бы тогда остались подъ моею опекой до совершеннолѣтняго возраста. Больше

ничему бы вы не подверглись. Но и это, быть-можетъ, достаточно тяжело.

— А Эдди?

— Онъ, достигнувъ совершеннолѣтія, вступилъ бы во владѣніе капиталомъ оставшимся послѣ отца, съ процентами, если таковые причитаются, точно также какъ теперь.

Роза, со смущеннымъ лицомъ, нахмуривъ брови, кусала край своей засвидѣтельствованной копіи, склонивъ головку на сторону, потупивъ глаза и задумчиво поглаживая полъ ногою.

— Словомъ, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ, — этотъ бракъ не болѣе какъ желаніе, чувство, дружеское предположеніе, выраженное съ нѣжностію обѣими сторонами. Нѣтъ сомнѣнія въ искреннемъ желаніи чтобъ оно осуществилось благополучно. Еще дѣтьми вы оба привыкли къ этой мысли, и благополучное осуществленіе ея приближается. Но могло быть иначе. Я съ тѣмъ, отчасти, и пріѣхалъ сюда сегодня чтобы сказать вамъ, какъ считаю своею обязанностію, что молодой человѣкъ и молодая дѣвушка могутъ быть обручены не иначе какъ съ ихъ собственнаго согласія, если они сами этого желаютъ и убѣждены (можетъ-быть ошибочно, но съ этимъ ужь нечего дѣлать) что будутъ счастливы другъ съ другомъ. Можно ли напримѣръ предположить, что еслибы одинъ изъ вашихъ родителей былъ живъ теперь и сомнѣвался бы въ этомъ, онъ не оставилъ бы свое желаніе въ виду измѣнившихся съ годами обстоятельствъ? Невозможно, безразсудно, нелѣпо!

Мистеръ Грюгьюсъ произнесъ все это будто читалъ по книжкѣ, или будто повторялъ затверженный урокъ. На лицѣ и въ движеніяхъ его не было ни слѣда теплоты.

— Теперь, добавилъ онъ, зачеркивая карандашомъ слово „духовная“,—я исполнилъ обязанность, конечно формальную, но все-таки обязанность.

Въ запискѣ значится: „желанія“. Мой другъ, нѣтъ ли у васъ какого-нибудь желанія, исполненію котораго я могъ бы содѣйствовать?

Роза покачала головой почти жалобно, будто не рѣшалась на что-то и не находила помощи въ которой нуждалась.

— Не дадите ли вы мнѣ какихъ-нибудь инструкцій относительно вашихъ дѣлъ?

— Мнѣ бы хотѣлось, если вы позволите, переговорить сначала съ Эдди, отвѣчала Роза, расправляя складку платья.

— Конечно, конечно! отозвался мистеръ Грюгьюсъ. — Вы должны во всемъ соглашаться другъ съ другомъ. Не ожидаютъ ли въ скоромъ времени молодаго джентльмена?

— Онъ только сегодня утромъ уѣхалъ. Онъ пріѣдетъ опять на Рождество.

— Прекрасно. Вы съ нимъ тогда переговорите объ всемъ подробно; потомъ напишите мнѣ, и я исполню дѣловыя обязательства мои относительно примѣрной дамы сидящей подъ угловымъ окномъ. Они возрастутъ къ тому времени.—Опять онъ зачеркнулъ карандашомъ слово.—Въ запискѣ значится: „проститься“. Да. Теперь я прощусь съ вами, другъ мой.

— Можно ли будетъ, сказала Роза вставая, когда онъ неловко вскочилъ со стула,— можно ли будетъ попросить васъ пріѣхать ко мнѣ на Рождествѣ, еслибы надо было о чемъ-нибудь особенномъ поговорить съ вами?

— Конечно, конечно! отвѣчалъ онъ, повидимому, если только можно употребить это слово о человѣкѣ въ лицѣ котораго не видно было ни свѣта, ни тѣни, польщенный такимъ вопросомъ.—Какъ необыкновенно угловатый человѣкъ, я не прихожусь къ общественному кругу, и поэтому на Рождество мнѣ предстоитъ только съѣсть тетерева подъ соусомъ наединѣ съ необыкновенно угловатымъ конторщикомъ, дарованнымъ мнѣ судьбою, котораго (то-есть тетерева) отецъ его, норфолькскій фермеръ, присылаетъ мнѣ въ подаркѣ изъ Норвича. Мнѣ очень лестно будетъ если вамъ захочется видѣть меня, другъ мой. Такъ рѣдко случается людямъ желать меня видѣть что это имѣло бы для меня прелесть новизны.

За готовность съ которою онъ согласился, Роза положила ему руки на плечи, стала на цыпочки и тотчасъ же поцѣловала его.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ мистеръ Грюгьюсъ. — Благодарю васъ, другъ мой. Мнѣ почти столько же лестно, сколько пріятно. Миссъ Твинкельтонъ, я весьма доволенъ разговоромъ съ нашею питомицей и теперь избавлю васъ отъ моего стѣснительнаго присутствія.

— Не называйте, отозвалась миссъ Твинкельтонъ, любезно вставая,— не называйте присутствіе ваше стѣснительнымъ. Я никакъ не могу допустить подобнаго выраженія.

— Благодарю васъ, сударыня. Я читалъ въ газетахъ, ска-

залъ мистеръ Грюгьюсъ, слегка замѣшавшись,—что когда знатный посѣтитель (не то чтобъ я считалъ себя знатнымъ; сохрани Богъ!) является въ школу (не то чтобъ я считалъ заведеніе ваше школой; сохрани Богъ!), воспитанницамъ по его желанію дѣлается праздникъ, или какое-нибудь снисхожденіе. Такъ какъ теперь уже скоро вечеръ, дѣвицы ничего бы почти не выиграли освободившись отъ уроковъ. Но если какая-нибудь изъ нихъ заслужила ваше неудовольствіе, позвольте мнѣ просить васъ....

— Мистеръ Грюгьюсъ, мистеръ Грюгьюсъ! воскликнула миссъ Твинкельтонъ, съ привычною шутливостью грозя ему пальцемъ. — О, вы, господа, господа! не грѣшно ли вамъ такъ прижимать насъ, бѣдныхъ воспитательницъ. Но все равно. Въ настоящее время миссъ Фердинандъ подъ наказаніемъ, пойдите къ ней, Роза, моя милая, и скажите что я прощаю ей изъ уваженія къ заступничеству вашего опекуна.

Миссъ Твинкельтонъ присѣла съ такимъ искусствомъ которое невольно заставляло дивиться чудеснымъ способностямъ ея ногъ, и торжественно поднялась на три аршина позади того мѣста, на которомъ стояла прежде.

Считая своею обязанностью повидаться съ мистеромъ Джаспероиъ предъ отъѣздомъ изъ Клойстергама, мистеръ Грюгьюсъ пошелъ въ надворотный домъ и взобрался по крутой его лѣстницѣ. Но дверь мистера Джаспера была заперта, и увидѣвъ на ней ярлычекъ съ надписью „въ соборъ“, мистеръ Грюгьюсъ вспомнилъ что теперь время службы. Онъ опять спустился по лѣстницѣ, прошелъ черезъ паркъ, и остановился у большой западной двери собора, которая была отворена, чтобъ дать доступъ теплому воздуху кратковременныхъ сумерекъ.

— Здѣсь словно глядишь въ жерло времени, сказалъ про себя мистеръ Грюгьюсъ, заглянувъ въ эту дверь.

Глухой вздохъ поднялся отъ гробницъ и сводовъ, темныя тѣни сгущались въ углахъ; пары вставали отъ позеленѣвшихъ каменныхъ плитъ; краски расписныхъ оконъ начинали меркнуть. На хорахъ, вокругъ чернѣющаго органа, тускло видпѣлись бѣлыя одежды, и по временамъ, то повышаясь, то понижаясь, раздавался невнятно слабый голосъ; снаружи на волѣ рѣка, зеленыя пастбища, темныя поля, туманныя долины и горы рдѣли на заходящемъ солнцѣ, а далекія окна вѣтряныхъ мельницъ и фермъ сіяли кованымъ золотомъ. Въ соборѣ все

сѣрѣло, меркло, покрывалось могильнымъ мракомъ, и однообразный слабый напѣвъ дрожалъ, какъ голосъ умирающаго, пока не загремѣлъ органъ и хоръ и не потопилъ его въ морѣ звуковъ. Потомъ море стихло, опять послышался умирающій голосъ, снова море взыграло, потрясая крышу, и своды, и стѣны, и наконецъ все смолкло.

Мистеръ Грюгьюсъ между тѣмъ подошелъ къ лѣстницѣ ведущей на хоры и встрѣтился съ уходящими причетниками.

— Не случилось ли чего-нибудь? Не посылали ли за вами? обратился къ нему нѣсколько поспѣшно Джасперъ.

— Ничего не случилось. Я самъ пріѣхалъ. Я былъ у моей хорошенькой питомицы и теперь собираюсь домой.

— Вы нашли ее здоровою?

— Цвѣтущею. Я пріѣзжалъ сказать ей что̀ значитъ въ сущности ломолвка дѣтей умершими отцами.

— А что̀ она значитъ, по-вашему?

Мистеръ Грюгьюсъ замѣтилъ блѣдность губъ предлагавшихъ этотъ вопросъ и приписалъ ее холодной сырости собора.

— Я сказалъ ей только что подобная ломолвка не можетъ считаться обязательною, если встрѣтятся серіозныя препятствія, какъ напримѣръ, если помянутыя стороны не будутъ чувствовать любви другъ къ другу и желанія исполнить предположеніе отцовъ.

— Позвольте спросить, имѣли ли вы какую-нибудь особенную причину сказать ей это?

Мистеръ Грюгьюсъ отвѣтилъ нѣсколько рѣзко.

— Причиною было желаніе исполнить мою обязанность. Больше ничего. Послушайте, мистеръ Джасперъ, прибавилъ онъ.—Я знаю какъ вы любите своего племянника, какъ легко обижаетесь вы за него. Увѣряю васъ что я не думалъ сомнѣваться въ немъ или питать къ нему неуваженіе.

Джасперъ, идя подлѣ него, пожалъ ему руку.

— Не могу сказать вамъ какъ слова ваши меня радуютъ.

Мистеръ Грюгьюсъ снялъ шляпу, погладилъ себѣ голову, кивнулъ одобрительно и опять надѣлъ шляпу.

— Пари держу, сказалъ Джасперъ,—что она не обнаружила ни малѣйшаго желанія освободиться отъ Эдвина.—Губы его все еще были такъ бѣлы что онъ, сознавая это, кусалъ ихъ пока говорилъ.

— И выграете пари, отозвался мистеръ Грюгьюсъ. — Надо, конечно, допустить нѣкоторую дѣвичью стыдливость

въ бѣдной молодой спроткѣ. Я этихъ вещей не знаю. Какъ вы думаете?

— Безъ сомнѣнія.

— Очень радъ что вы такого мнѣнія, подхватилъ мистеръ Грюгьюсъ, все время старавшійся подойти какъ-нибудь къ выполненію даннаго Розѣ обѣщанія.—Видите ли, ей хочется самой переговорить и условиться обо всемъ съ Эдвиномъ Друдомъ. Она не желаетъ чтобы мы вмѣшивались, понимаете ли?

Джасперъ положилъ себѣ руку на грудь и сказалъ не совсѣмъ внятно: „то-есть, чтобъ я вмѣшивался".

Мистеръ Грюгьюсъ положилъ себѣ руку на грудь и сказалъ:

— Мы оба. Пусть они переговорятъ другъ съ другомъ, когда мистеръ Друдъ пріѣдетъ на Рождество, а потомъ появимся мы съ вами и окончательно покончимъ все дѣло.

— Такъ вы обѣщали ей пріѣхать на Рождество? отозвался Джасперъ.—Понимаю. Вы совершенно справедливо замѣтили сейчасъ что я очень люблю племянника и легче оскорблюсь за него, счастливца, чѣмъ за себя самого. Но, какъ вы говорите, слѣдуетъ уважать желанія невѣсты, и мнѣ должно сообразоваться съ вами. Я согласенъ. Я такъ понимаю что въ Рождество они сами примутъ всѣ надлежащія мѣры для совершенія бракосочетанія въ маѣ, а затѣмъ намъ останется только формально сложить съ себя званіе опекуновъ въ день рожденія Эдвина.

— Такъ и я смотрю на это дѣло, согласился мистеръ Грюгьюсъ, ложимая руку Джасперу.—Да благословитъ ихъ Богъ.

— Да хранитъ ихъ Богъ! воскликнулъ Джасперъ.

— Я сказалъ: да благословитъ ихъ, замѣтилъ мистеръ Грюгьюсъ, оглянувшись черезъ плечо.

— А я говорю: да хранитъ ихъ Богъ, повторилъ Джасперъ.— Развѣ не одно и то же?

ГЛАВА X.

Дорога расчищается.

Часто было замѣчено что женщины обладаютъ удивительной способностью угадывать характеры людей, способностью повидимому врожденною и инстинктивною, ибо женщина не опирается на послѣдовательное разсужденіе, не можетъ дать

отчета сама себѣ и произноситъ приговоръ свой съ полною увѣренностью, наперекоръ всѣмъ возраженіямъ мущинъ. Но не такъ часто было замѣчено что способность эта, подверженная заблужденію какъ все человѣческое, не допускаетъ сознанія въ своемъ заблужденіи, и что разъ произнеся приговоръ, который потомъ оказывается ошибочнымъ, она отстаиваетъ его со всѣмъ упорствомъ предразсудка. Самое ожиданіе противорѣчія и опроверженія въ девяти случаяхъ изъ десяти придаетъ женскому сужденію запальчивость свойственную показаніямъ пристрастнаго свидѣтеля: такъ горячо прекрасный судья вступается за свое рѣшеніе.

— Какъ вы думаете, милая матушка, сказалъ однажды младшій капошкъ своей матери, когда она сидѣла за шитьемъ въ его маленькомъ кабинетѣ, — не слишкомъ ли ужь вы строги къ Невилю?

— Нѣтъ, не думаю, Септимъ.

— Поразсудимъ-ка немножко, матушка.

— Я готова разсуждать съ тобою, Септимъ. Я, надѣюсь, всегда доступна разсужденію. Въ чертѣ старушки замѣтно было нѣкоторое сотрясеніе, какъ будто она внутренно прибавляла: „Желала бы я знать, какое разсужденіе въ силахъ измѣнить мое мнѣніе!“

— Прекрасно, матушка! сказалъ кроткій сынъ.—Лучше всего всегда руководствоваться разсужденіемъ.

— Полагаю, отозвалась старушка, очевидно расположенная не уступать никакимъ доводамъ разсудка.

— Итакъ мистеръ Невиль въ тотъ несчастный день забылся вслѣдствіе нанесеннаго ему оскорбленія.

— И вина, добавила старушка.

— Допускаю дѣйствіе вина. Но, я думаю, оба юноши были одинаково нетрезвы.

— А я этого не думаю, сказала старушка.

— Почему же, матушка?

— Потому что не думаю, повторила старушка. — Впрочемъ, я готова разсуждать съ тобой.

— Я не вижу, милая матушка, какъ намъ разсуждать, если вы рѣшаете дѣло такъ безусловно.

— Вини мистера Невиля, а не меня, сказала старушка съ важною строгостью.

— За что же винить мистера Невиля?

— За то, сказала мистрисъ Криспаркль, пуская въ ходъ общіе принципы,—что онъ пришелъ домой пьяный, и причи-

нилъ великій стыдъ нашему дому, и обнаружилъ великое неуваженіе къ нашему семейству.

— Этого нельзя отрицать, матушка. Но онъ вѣдь и теперь весьма сожалѣетъ объ этомъ.

— Еслибы не учтивая внимательность мистера Джаспера, который на другой день подошелъ ко мнѣ въ церкви въ полномъ облаченіи и спросилъ меня не слишкомъ ли я испугалась и была встревожена ночью, я, кажется, ничего и не знала бы объ этомъ позорномъ происшествіи, сказала старушка.

— Признаюсь, матушка, я бы, кажется, скрылъ это отъ васъ, еслибы было можно, хотя и не рѣшилъ еще окончательно какъ поступить. Я шелъ слѣдомъ за Джаспером чтобы посовѣтоваться съ нимъ и обсудить, не лучше ли во всѣхъ отношеніяхъ не дѣлать огласки, когда увидѣлъ что онъ говоритъ съ вами. Тогда было уже поздно.

— Дѣйствительно поздно, Септимъ. Онъ, говоря со мною, блѣднѣлъ какъ полотно при одной мысли о томъ что случилось наканунѣ на его квартирѣ.

— Будьте увѣрены, матушка, что еслибъ я и скрылъ это дѣло отъ васъ, то единственно ради вашего спокойствія и для блага молодыхъ людей, въ искреннемъ убѣжденіи что такъ велитъ и долгъ моего званія, и совѣсть.

Старушка тотчасъ же перешла черезъ комнату и поцѣловала его, говоря:

— Въ этомъ я совершенно увѣрена, Септимъ.

— Но дѣло это огласилось по всему городу, сказалъ мистеръ Криспаркль, потирая ухо, пока мать опять усаживалась и принималась за работу. — Помѣшать толкамъ было уже не въ моей власти.

— Я тогда же сказала, Септимъ, начала опять старушка,— что я дурнаго мнѣнія о мистерѣ Невилѣ, и теперь повторяю что я о немъ дурнаго мнѣнія. Я тогда сказала и теперь говорю что желаю чтобы мистеръ Невиль исправился, но весьма сомнѣваюсь въ этомъ. Тутъ чепецъ опять пришелъ въ сильное сотрясеніе.

— Жаль мнѣ что вы такъ говорите, матушка.

— Жаль и мнѣ, другъ мой, прервала старушка, прилежно работая, — да что же дѣлать?

— Нельзя отрицать, продолжалъ младшій каноникъ, — что мистеръ Невиль чрезвычайно способенъ и старателенъ, и мнѣ кажется что онъ привязанъ ко мнѣ.

— Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ нѣтъ особенной заслуги, быстро вступилась старушка. — Если онъ хвастается привязанностью къ тебѣ, такъ это тоже не дѣлаетъ ему чести въ моихъ глазахъ.

— Онъ не думаетъ хвастаться, милая матушка.

— Можетъ-быть, отозвалась старушка, — въ такомъ случаѣ нечего, мнѣ кажется, и толковать объ этомъ.

Не было раздраженія во взглядѣ какимъ мистеръ Криспаркль глядѣлъ на сидящую за работой китайскую куколку, но взглядъ этотъ какъ будто говорилъ что съ этою китайскою куколкой разсуждать безполезно.

— Подумай еще, Селтимъ, что̀ былъ бы онъ безъ сестры. Ты знаешь какое вліяніе имѣетъ она на него, ты знаешь что онъ перечитываетъ съ нею все что̀ читаетъ съ тобою. Выдѣли изъ своей похвалы часть принадлежащую ей по праву, и много ли останется на его долю?

При этихъ словахъ мистеръ Криспаркль погрузился въ раздумье. Разныя обстоятельства приходили ему на умъ. Онъ вспоминалъ какъ часто видалъ онъ брата и сестру въ серіозной бесѣдѣ за одной изъ его старыхъ школьныхъ книгъ; то въ холодное утро, послѣ освѣжительной прогулки ко Клойстергамскому ручью, то въ туманный вечеръ, когда взбирался онъ на свою любимую монастырскую развалину, проходили они мимо него по берегу рѣки, въ которой начинали уже отражаться огни города, усиливая мрачность ландшафта. Онъ думалъ о томъ какъ мало-по-малу сознавалъ что, обучая одного, обучаетъ обоихъ, какъ нечувствительно приспособилъ свое преподаваніе къ обоимъ умамъ: и къ тому съ которымъ ежедневно находился въ сношеніи, и къ тому на который дѣйствовалъ только чрезъ посредство перваго. Онъ думалъ о слухѣ, дошедшемъ до него изъ Женскаго Монастыря, что Елена, которую онъ сначала считалъ такою гордою и непреклонною, кротко покоряется молодой невѣстѣ и учится у ней. Онъ думалъ о странномъ союзѣ этихъ двухъ дѣвушекъ, съ виду такъ непохожихъ другъ на друга. Онъ думалъ, быть-можетъ, болѣе всего о томъ какъ всѣ эти отношенія, возникшія лишь нѣсколько недѣль тому назадъ, стали такъ скоро необходимымъ элементомъ его существованія?

Какъ всякій разъ когда достопочтенный Селтимъ впадалъ въ раздумье, матери казалось что онъ нуждается въ подкрѣпленіи, такъ и теперь цвѣтущая старушка послѣшила въ буфетъ

достать подкрѣпленіе въ видѣ рюмки констанцскаго вина и домашняго сухаря. Удивительный былъ этотъ буфетъ, достойный Клойстергама и уголка младшихъ канониковъ. Надъ нимъ портретъ Генделя въ длинномъ парикѣ глядѣлъ на подходящаго съ замысловатымъ выраженіемъ, какъ будто сознавалъ высокое значеніе буфета и намѣревался излить всю заключенную въ немъ гармонію въ одной превосходной фугѣ.

Это не былъ обыкновенный буфетъ съ простою дверью на петляхъ, отворяющеюся сразу и сразу открывающею для глазъ все что̀ хранится внутри: у этого рѣдкостнаго буфета двѣ подвижныя дверки, подъемная и опускная, замыкались замко́мъ посерединѣ. Когда верхняя опускалась, прикрывая нижнюю, какъ непроницаемую тайну, глазу представлялись широкія полки уставленныя горшечками пикулей, банками варенья, жестяными кружками, коробками пряностей и пріятно-разноцвѣтною посудой съ привозными лакомствами. Каждый благодушный обитатель этого вмѣстилища посылъ имя свое на лицѣ. Пикули въ темнокоричневомъ мундирѣ гордо возвѣщали печатными буквами кто они: орѣхи, лукъ, капуста, смѣсь или другіе члены благороднаго семейства. Варенье, менѣе мужественнаго характера, докладывало женскимъ почеркомъ, словно нѣжнымъ шепотомъ что тутъ смородина, абрикосы, сливы, яблоки, персики. Когда скрывались всѣ эти прелести и поднималась нижняя дверка, являлись апельсины и при нихъ большая сахарница въ японскомъ вкусѣ, для умѣренія ѣдкости еще незрѣлыхъ фруктовъ. Тутъ же лежали домашніе сухари, почтенный кусокъ сладкаго пирога и нѣжные бисквиты, какъ бы ожидающіе сладкаго вина и лоцѣлуя. Въ самомъ низу жестяной погребецъ заключалъ въ себѣ сладкое вино и ликеры; изъ него исходило благоуханіе померанца, лимона и миндаля. Казалось, жужжаніе соборныхъ колоколовъ и органа, цѣлые вѣка носившееся въ этомъ чудномъ буфетѣ подобно рою пчелъ, обратило все хранящееся въ немъ въ сладостный медъ, и всякій кто погружался въ его глубину выносилъ на лицѣ такое сладкое выраженіе, будто обсахарился.

Достопочтенный Септимъ одинаково безпрекословно обращался и къ этому чудному буфету и къ зловонному чулану съ медицинскими травами, также находившемуся въ вѣдѣніи китайской пастушки. Какіе необычайные пастои мяты, малины, саго, тмина, бузины, липоваго цвѣта принималъ въ себя его желудокъ! Какъ увертывалъ онъ ловязками съ суше-

ными листьями цвѣтущее и довольное лицо свое, если мать подозрѣвала у него зубную боль. Какія ботаническія подушки бодро прикладывалъ къ щекѣ или ко лбу, если старушка усматривала у него какой-нибудь едва замѣтный прыщикъ. Чуланъ низкій, узкій, съ выбѣленными стѣнами, помѣщался въ верху на лѣстницѣ. Тамъ пучки сушеныхъ травъ висѣли съ потолка на ржавыхъ крючкахъ, лежали на полкахъ рядомъ со зловѣщими бутылями. Въ это чистилище приводился достопочтенный Септимъ, какъ овца ведомая на закланіе, покорно глоталъ все что̀ ни давали ему, лишь бы успокоить и потѣшить старушку, и затѣмъ уходилъ, надѣясь на цѣлебную силу Клойстергамскаго ручья и здраваго духа также твердо, какъ леди Макбетъ была увѣрена въ безсиліи всѣхъ морей земнаго шара.

Въ настоящемъ случаѣ добродушный младшій каноникъ выпилъ безпрекословно рюмку констанцскаго вина, и подкрѣпленный такимъ образомъ, къ удовольствію матери, принялся за ежедневныя занятія. Въ обычномъ теченіи своемъ они довели его до вечерни и сумерекъ. Такъ какъ въ соборѣ было очень холодно, онъ послѣ службы быстрымъ шагомъ отправился къ своей любимой развалинѣ, на которую намѣревался взбѣжать безъ передышки,

Онъ взбѣжалъ мастерски и даже не запыхавшись, остановился на верху и сталъ глядѣть на рѣку. По близости моря, въ Клойстергамскую рѣчку часто заносится морская трава. Послѣдній приливъ принесъ ея особенно много. Это обстоятельство, и мутность воды, и тревожное ныряніе крикливыхъ чаекъ, и красный свѣтъ со стороны моря за черпѣющими барками, предвѣщали бурную ночь. Мистеръ Криспаркль въ умѣ своемъ противупоставлялъ шумное, бурливое море тихому пристанищу въ уголкѣ младшихъ канониковъ, когда Елена и Невиль Ландлесъ прошли внизу мимо него. Онъ думалъ о нихъ цѣлый день и тотчасъ же сошелъ внизъ поговорить съ ними обоими. Спускъ былъ крутъ въ полусвѣтѣ для неопытнаго ходока, но младшій каноникъ былъ ходокъ опытный, и немногіе спустились бы съ крутизны такъ скоро какъ онъ.

— Ненастный вечеръ, миссъ Ландлесъ. Не слишкомъ ли вамъ холодно гулять сегодня съ братомъ? Особенно теперь, по захожденіи солнца, когда вѣтеръ дуетъ съ моря?

Еленѣ казалось что не слишкомъ холодно. Это ихъ любимая прогулка. Здѣсь очень уединенно.

— Дѣйствительно очень уединенно, — согласился мистеръ Криспаркль, пользуясь случаемъ и идя съ ними рядомъ.—Здѣсь удобнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь переговорить, какъ мнѣ хочется, не опасаясь что намъ помѣшаютъ. Мистеръ Невиль, я полагаю, вы сообщаете вашей сестрѣ все что происходитъ между нами?

— Все.

— Итакъ сестра ваша знаетъ что я неоднократно убѣждалъ васъ попросить какъ-нибудь извиненія въ несчастномъ происшествіи случившемся въ день вашего пріѣзда сюда.

Говоря эти слова, онъ глядѣлъ на сестру, а не на брата, поэтому сестра, а не братъ, отвѣчала:

— Да.

— Я называю этотъ случай несчастнымъ, началъ опять мистеръ Криспаркль,—потому что онъ произвелъ невыгодное для мистера Невиля впечатлѣніе. Его считаютъ юношей неукротимаго права, вспыльчивымъ до свирѣпости, и вслѣдствіе этого избѣгаютъ.

— Я это знаю, сказала Елена, бросая на брата взглядъ исполненный гордаго сочувствія, въ которомъ выражалось глубокое сознаніе оказываемой ему несправедливости.—Слова ваши подтверждаются намеками которые я слышу каждый день.

— Итакъ, продолжалъ мистеръ Криспаркль тономъ кроткаго и твердаго убѣжденія,—не слѣдуетъ ли пожалѣть объ этомъ и постараться поправить дѣло? Невиль еще недавно въ Клойстергамѣ, и я не сомнѣваюсь что предубѣжденіе противъ него разсѣется со временемъ, когда его лучше узнаютъ. Но не гораздо ли благоразумнѣе сдѣлать что можно съ своей стороны чѣмъ полагаться на невѣрное время? Этого требуетъ не одно благоразуміе, а также и справедливость, ибо нѣтъ сомнѣнія что Невиль былъ неправъ.

— Его вывели изъ терпѣнія, замѣтила Елена.

— Онъ первый началъ, замѣтилъ мистеръ Криспаркль.

Они шли молча, пока Елена, глядя въ лицо младшему каноннку, не сказала почти съ упрекомъ:

— О, мистеръ Криспаркль, неужели вы хотите чтобы Невиль бросился къ ногамъ мистера Друда или мистера Джаспера, который каждый день позоритъ его. Вы не можете въ душѣ хотѣть этого. Вы бы сами не сдѣлали этого на его мѣстѣ.

— Я говорилъ мистеру Криспарклю, Елена, сказалъ Невиль, съ почтительнымъ взглядомъ на наставника, — что еслибъ я

могъ сдѣлать это отъ души, я бы сдѣлалъ. Но я не могу, а притворство мнѣ нестерпимо. Ты забываешь, однако, что говорить о томъ что̀ сдѣлалъ бы мистеръ Криспаркль на моемъ мѣстѣ, значитъ считать его способнымъ поступить такъ какъ я.

— Я прошу извиненія, сказала Елена.

— Видите ли, началъ снова мистеръ Криспаркль, опять пользуясь случаемъ, хотя съ большою осторожностью и деликатностью,—вы оба внутренно сознаетесь что Невиль не правъ, Такъ зачѣмъ же останавливаться на полдорогѣ и не сознаться въ этомъ открыто?

— Развѣ не разница, спросила Елена, слегка дрожащимъ голосомъ, — преклониться предъ умомъ благороднымъ, или предъ низкимъ и пошлымъ?

Не успѣлъ младшій каноникъ найти возраженія противъ этого тонкаго различія, какъ Невиль вступился:

— Помоги мнѣ оправдаться предъ мистеромъ Криспаркемъ, Елена. Помоги мнѣ убѣдить его, что если я сдѣлаю первый шагъ, то это будетъ съ моей стороны комедія и притворство. Для этого надо измѣниться природѣ моей, а она не измѣнилась. Я чувствую невыносимую обиду, повторенную съ намѣреніемъ, и я золъ. Правду сказать, припоминая тотъ вечеръ, я и теперь также золъ какъ былъ тогда.

— Невиль, замѣтилъ мистеръ Криспаркль серіозно, — вы опять сдѣлали рукой это движеніе котораго я такъ не люблю.

— Извините, невольно. Я признался что золъ до сихъ поръ.

— А я признаюсь что ожидалъ отъ васъ лучшаго.

— Жалѣю что не выполнилъ вашихъ ожиданій, но было бы еще гораздо хуже обманывать васъ, а я васъ обманулъ бы нагло, еслибы притворился что вы смягчили меня въ этомъ отношеніи. Можетъ-быть со временемъ вашему могущественному вліянію удастся сладить даже съ такимъ воспитанникомъ какъ я, но время это еще не настало, при всей борьбѣ моей съ самимъ собою. Не такъ ли Елена?

Слѣдя темными глазами за впечатлѣніемъ, производимымъ его словами на лицѣ мистера Криспаркля, она отвѣчала каноніку, а не ему: „Это такъ“. Затѣмъ, послѣ короткаго молчанія, въ отвѣтъ на едва замѣтный вопросительный взглядъ брата, она едва замѣтно кивнула головой, и онъ продолжалъ:

— Я еще никогда не рѣшался сказать вамъ то что̀ слѣдовало бы сказать откровенно въ первый разъ какъ вы заго-

ворили со мной объ этомъ. Сказать это не легко. Меня удерживало опасеніе показаться смѣшнымъ. Опасеніе это до сихъ поръ весьма сильно на меня дѣйствуетъ, и еслибы не сестра, оно удержало бы меня, можетъ-быть, и теперь отъ откровеннаго признанія. Мнѣ нравится миссъ Бадъ до такой степени что я не могу видѣть высокомѣрнаго или равнодушнаго обращенія съ нею. Еслибы Друдъ и не оскорбилъ меня лично, я оскорбился бы за нее.

Мистеръ Криспаркль, въ крайнемъ изумленіи, поглядѣлъ на Елену и прочелъ на лицѣ ея полное подтвержденіе словъ брата вмѣстѣ съ просьбой о совѣтѣ.

— Молодая дѣвица о которой вы говорите, мистеръ Невиль, какъ вамъ извѣстно, скоро должна выйти замужъ, сказалъ мистеръ Криспаркль серіозно.—Поэтому чувство ваше, если оно такое какъ вы, повидимому, намекаете, въ высшей степени неумѣстно. Сверхъ того неслыханное дѣло брать на себя роль защитника молодой дѣвицы противъ ея жениха. Да вы только разъ и видѣли ихъ вмѣстѣ. Эта молодая дѣвица стала другомъ вашей сестры, и я удивляюсь что сестра ваша, ради ея, не удержала васъ отъ этой безразсудной и преступной мечты.

— Она пыталась, но напрасно. Будетъ ли онъ мужемъ ея, или нѣтъ, этотъ человѣкъ не способенъ на то чувство какое я питаю къ прелестной дѣвушкѣ, съ которою онъ обращается какъ съ куклой. Я утверждаю что онъ не способенъ на такое чувство, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ недостоинъ ея. Я утверждаю что она приносится въ жертву, будучи назначена принадлежать ему. Я люблю ее, и презираю, ненавижу его.

Эти слова были сказаны съ такимъ жаромъ, съ такимъ порывистымъ жестомъ что сестра перешла къ нему и проговорила, ухвативъ его за руку:

— Невиль! Невиль!

Приведенный такимъ образомъ въ себя, онъ тотчасъ же понялъ что позабылъ сдержанность, которою старался прикрыть свою страстную натуру, и закрылъ лицо руками въ раскаяніи или смущеніи.

Мистеръ Криспаркль, внимательно слѣдя за нимъ и въ то же время обдумывая какъ дѣйствовать, шелъ нѣсколько шаговъ молча. Затѣмъ онъ заговорилъ:

— Мистеръ Невиль, мистеръ Невиль! Съ глубокимъ прискорбіемъ вижу я въ васъ новые признаки характера столь же

мрачнаго, суроваго и свирѣпаго какъ наступающая теперь ночь. Признаки эти слишкомъ важны чтобъ я могъ отнестись къ обнаруженному вами чувству какъ къ увлеченію не стоящему серіознаго вниманія. Я отношусь къ нему съ весьма серіознымъ вниманіемъ и говорю съ вами весьма серіозно. Эта вражда между вами и молодымъ Друдомъ не должна продолжаться. Я не могу допустить чтобъ она продолжалась, зная что̀ узналъ отъ васъ теперь, когда вы, къ тому же, живете въ моемъ домѣ. Какъ бы вы, въ безумномъ и злобномъ ослѣпленіи своемъ, не представляли себѣ его характеръ, это характеръ прямой и добрый. Я это знаю. Слушайте же что̀ я вамъ скажу. По размышленіи и по доводамъ вашей сестры, я согласенъ допустить что, для примиренія съ Друдомъ, вы имѣете право требовать чтобъ и онъ сдѣлалъ шагъ съ своей стороны. Я вамъ обѣщаю что онъ сдѣлаетъ первый шагъ. Затѣмъ вы дадите мнѣ честное слово христіанина и благороднаго человѣка что, вражда эта съ вашей стороны будетъ кончена навсегда. Что̀ будетъ у васъ на сердцѣ, когда вы протянете ему руку, будетъ извѣстно одному только Сердцевѣдцу; но не хорошо для васъ, если въ эту минуту вы не будете искренни. Довольно объ этомъ. Теперь считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о вашемъ увлеченіи. На сколько я понимаю, вы открыли мнѣ его какъ тайну, и оно никому неизвѣстно кромѣ васъ самихъ и вашей сестры. Такъ ли я понимаю?

Елена отвѣтила тихимъ голосомъ:

— Никто не знаетъ этого, кромѣ насъ троихъ.

— И молодая подруга ваша не знаетъ?

— Клянусь вамъ, нѣтъ.

— Такъ поклянитесь же и вы, мистеръ Невиль, что это останется тайной, и что всѣ старанія ваши будутъ направлены весьма серіозно къ тому чтобъ искоренить въ себѣ это чувство. Не скажу вамъ что оно пройдетъ скоро; не скажу вамъ что это лишь минутная вспышка; не скажу вамъ что подобные порывы возникаютъ и стихаютъ въ горячихъ, молодыхъ сердцахъ ежечасно; не буду стараться поколебать ваше убѣжденіе что этому чувству нѣтъ подобнаго, что оно останется въ васъ долго, что для побѣды надъ нимъ потребуется много силы. Тѣмъ дороже будетъ мнѣ ваше обѣщаніе, если вы дадите его искренно.

Юноша раза два пытался заговорить, но не могъ.

— Я оставлю васъ съ сестрой, которую вамъ пора отвести домой, сказалъ мистеръ Криспаркль.—Вы найдете меня одного въ моей комнатѣ.

— Пожалуста не уходите отъ насъ, умоляла Елена.—Еще одну минуту.

— Я не попросилъ бы у васъ еще одной минуты, сказалъ Невиль, проводя рукой по лицу, — еслибы вы не были такъ терпѣливы, такъ деликатны со мной, такъ истинно добры. О, зачѣмъ не было у меня въ дѣтствѣ такого руководителя!

— Слѣдуй теперь за руководителемъ своимъ, Невиль, сказала Елена, — онъ ведетъ тебя къ небу.

Въ голосѣ ея было что-то такое что захватывало духъ младшему канонику, иначе онъ возсталъ бы противъ произносимой ему чрезмѣрной хвалы. Онъ только приложилъ палецъ къ губамъ и поглядѣлъ на ея брата.

— Сказать что я даю требуемое обѣщаніе, мистеръ Криспаркль, и даю отъ души, ничего не значитъ, проговорилъ Невиль въ сильномъ волненіи. — Прошу васъ простить мнѣ неприличный порывъ который я позволилъ себѣ.

— Не у меня просите прощенія, Невиль. Вы знаете кому принадлежитъ право прощать. Миссъ Елена, вы съ братомъ близнецы. Вы родились съ одинаковыми наклонностями и провели первые годы въ одинаковыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. То что вы побѣдили въ себѣ, не можете ли вы побѣдить въ немъ? Вы видите пропасть предъ нимъ, — кто кромѣ васъ удержитъ его отъ паденія?

— Кто кромѣ васъ, мистеръ Криспаркль? отвѣчала Елена.— Что мое вліяніе и мой слабый умъ въ сравненіи съ вашимъ?

— Вы обладаете мудростью любви, возразилъ младшій каноникъ,—а это, помните, высшая мудрость какая извѣстна на землѣ. Что до меня.... Но чѣмъ меньше будемъ мы говорить о моихъ, весьма обыкновенныхъ, свойствахъ, тѣмъ лучше. Доброй ночи.

Она взяла руку которую онъ протянулъ ей, и съ благодарностью и глубокою почтительностью поднесла ее къ губамъ.

— Полноте, сказалъ тихо младшій каноникъ,—я награжденъ съ избыткомъ. — И онъ ушелъ.

Идя назадъ въ темнотѣ къ соборной оградѣ, онъ старался придумать какъ бы лучше достигнуть того что онъ поставилъ себѣ цѣлью, и чего непремѣнно надо было добиться тѣмъ или другимъ способомъ.

— Меня, вѣроятно, попросятъ вѣнчать ихъ, думалъ онъ. — Хорошо бы еслибъ они обвѣнчались и уѣхали. Но время не терпитъ.

Онъ размышлялъ не написать ли Друду, или не переговорить ли съ Джасперомъ. Сознаніе что онъ любимъ всѣмъ причтомъ склоняло его къ послѣднему образу дѣйствій, и когда въ самую минуту колебанія показался предъ нимъ освѣщенный надворотный домъ, онъ рѣшился окончательно.

— Надо ковать желѣзо пока горячо, сказалъ онъ себѣ.—Я сейчасъ же зайду къ нему.

Джасперъ спалъ, лежа на кушеткѣ предъ каминомъ, когда, взойдя на крутую лѣстницу, постучавшись и не получивъ отвѣта, мистеръ Криспаркль тихонько отворилъ дверь и заглянулъ въ комнату. Долго потомъ вспоминалъ онъ какъ Джасперъ вскочилъ словно безумный и воскликнулъ въ полусонномъ бреду:

— Что случилось? Кто тутъ!

— Это я, Джасперъ. Извините что потревожилъ васъ.

Въ горящихъ глазахъ Джаспера пробудилось сознаніе, онъ отодвинулъ кресло чтобы дать дорогу гостю.

— Я бредилъ во снѣ, и очень радъ что вы меня вывели изъ нездоровой послѣобѣденной дремоты, не говоря уже о томъ что мнѣ всегда пріятно васъ видѣть.

— Благодарю васъ, отозвался мистеръ Криспаркль, усаживаясь въ подвинутое ему кресло.—Не знаю, будетъ ли предметъ разговора, который я собираюсь начать, также пріятенъ вамъ какъ мое посѣщеніе. Но я проповѣдникъ мира, и цѣль моя обезпечить миръ. Словомъ, Джасперъ, я желаю помирить этихъ двухъ юношей.

Весьма озадаченное выраженіе проступило на лицѣ Джаспера, и весьма озадачивающее также, ибо оно ровно ничего не говорило мистеру Криспарклю.

— Какъ? освѣдомился Джасперъ послѣ молчанія тихимъ, медленнымъ голосомъ.

— Какъ! За этимъ-то я и пришелъ къ вамъ. Я хочу просить васъ оказать мнѣ большое одолженіе: подѣйствовать на вашего племянника, какъ я уже дѣйствовалъ на Невиля, чтобъ онъ написалъ вамъ короткую записочку со свойственною ему живостью, и сказалъ бы что готовъ протянуть руку на примиреніе. Я знаю какой онъ добрый малый и какое вліяніе вы

имѣете на него. Не думая защищать мистера Невиля, нельзя однако не сознаться что онъ былъ задѣтъ за живое.

Джасперъ обратилъ смущенное лицо свое къ огню. Мистеръ Крисларкль, продолжая наблюдать за нимъ, началъ еще болѣе сбиваться съ толку, ибо лицо это выражало какъ будто то чего въ сущности быть не могло, какой-то тщательный внутренній разчетъ.

— Я знаю, вы нерасположены къ мистеру Невилю.... началъ было младшій каноникъ.

Джасперъ прервалъ его.

— Вы правы. Я дѣйствительно нерасположенъ къ нему.

— Конечно, и я не оспариваю прискорбную вспыльчивость его нрава, хотя надѣюсь что намъ удастся сладить съ нею. Но я взялъ съ него торжественное обѣщаніе относительно обращенія его на будущее время съ вашимъ племянникомъ, если вы возьмете на себя трудъ вступиться въ это дѣло. И я увѣренъ что онъ свое слово сдержитъ.

— На васъ во всемъ можно положиться, мистеръ Крисларкль. Увѣрены ли вы въ самомъ дѣлѣ что можете отвѣчать за него?

— Увѣренъ.

Озадаченное выраженіе исчезло.

— Въ такомъ случаѣ вы избавляете меня отъ тяжкаго опасенія, сказалъ Джасперъ.—Я это устрою.

Мистеръ Крисларкль, въ высшей степени обрадованный быстротой и полнотой успѣха, изъявилъ свою признательность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ.

— Я это устрою, повторилъ Джасперъ, — хотя бы для того чтобъ имѣть возможность противупоставить ваше ручательство моимъ неопредѣленнымъ и ни на чемъ не основанымъ опасеніямъ. Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ который, можетъ-быть, разсмѣшитъ васъ: ведете ли вы дневникъ?

— Записываю какую-нибудь строчку въ день, не болѣе.

— И для моей однообразной жизни было бы достаточно одной строчки въ день, сказалъ Джасперъ, вынимая изъ шкатулки книгу,—но мой дневникъ вмѣстѣ и дневникъ Неда. Вы будете смѣяться надъ слѣдующею замѣткой. Не нужно говорить когда она сдѣлана.

„За полночь. Послѣ того что̀ я сейчасъ видѣлъ, меня преслѣдуютъ болѣзненныя опасенія чего-то ужаснаго для моего милаго мальчика. Напрасно я борюсь съ ними, разсуждаю съ

собой. Всѣ усилія мои ни къ чему не ведутъ. Дьявольская горячность этого Невиля Ландлеса, сила его въ бѣшенствѣ, изступленное стремленіе уничтожить предметъ его гнѣва, приводятъ меня въ ужасъ. Это впечатлѣніе такъ сильно что я два раза уже входилъ въ комнату Неда посмотрѣть, не лежитъ ли онъ убитый въ крови."

— А вотъ еще другая замѣтка, вписанная на слѣдующее утро.

„Недъ уѣхалъ; легкомысленъ и веселъ какъ всегда. Онъ засмѣялся, когда я сталъ предостерегать его, и отвѣчалъ что онъ „не хуже Невиля Ландлеса". „Въ томъ-то и бѣда что ты лучше его", сказалъ я. Онъ продолжалъ смѣяться. Я однако провожалъ его сколько могъ и весьма неохотно разстался съ нимъ. Я не въ силахъ отдѣлаться отъ этихъ мрачныхъ неопредѣленныхъ предчувствій какого-то бѣдствія; если только можно назвать предчувствіями опасенія основанныя на потрясающихъ фактахъ."

— Не разъ, продолжалъ Джасперъ, перелистывая книгу,— владалъ я въ подобное настроеніе. Но теперь вы дали мнѣ ручательство; я занесу его сюда какъ противоядіе противъ черныхъ мыслей.

— Такое противоядіе, отозвался мистеръ Криспаркль,—которое, надѣюсь, побудитъ васъ предать пламени черныя мысли. Мнѣ бы не слѣдовало вступать съ вами въ споръ сегодня, когда вы такъ любезно изъявили готовность исполнить мое желаніе, но не могу не сказать вамъ, Джасперъ, что привязанность къ племяннику довела васъ здѣсь до преувеличенія и крайности.

— Вы свидѣтель, отвѣчалъ Джасперъ,—въ какомъ настроеніи сѣлъ я въ тотъ вечеръ писать. Помните, вы замѣтили мнѣ что я употребляю слишкомъ сильныя выраженія? Такихъ выраженій нѣтъ въ моемъ дневникѣ.

— Ну, попробуйте противоядіе, сказалъ мистеръ Криспаркль, — и дай Богъ чтобъ оно побудило васъ взглянуть на дѣло не такъ мрачно. Теперь мы не станемъ спорить. Я долженъ благодарить васъ и благодарю отъ души.

— Вы увидите, сказалъ Джасперъ, прощаясь съ нимъ,—что я не на половину сдѣлаю то что̀ обѣщалъ вамъ. Я постараюсь чтобы Недъ, рѣшившись уступить, уступилъ вполнѣ.

На третій день послѣ этого разговора Джасперъ зашелъ къ мистеру Криспарклю и принесъ слѣдующее письмо.

„Дорогой Джакъ!

„Я тронутъ вашимъ описаніемъ свиданія съ мистеромъ Криспаркленъ, котораго глубоко уважаю. Сознаюсь прямо что я въ тотъ вечеръ забылся столько же сколько мистеръ Лендлесъ, и искренно желаю чтобъ это дѣло прошло и все уладилось какъ слѣдуетъ.

„Вотъ что, старый товарищъ: позовите мистера Ландлеса обѣдать подъ Рождество (доброе дѣло надо дѣлать въ добрый день), пусть никого не будетъ кромѣ насъ троихъ. Тутъ мы пожмемъ другъ другу руки, и все будетъ кончено.

„Остаюсь, дорогой Джакъ, вашъ искренно любящій племянникъ.

„Эдвинъ Друдъ.“

„PS. Передайте любовь мою Кисинькѣ въ слѣдующій урокъ музыки.“

— Такъ вы ожидаете мистера Невиля? спросилъ мистеръ Криспаркль.

— Я разчитываю что онъ придетъ, отвѣчалъ Джасперъ.

ГЛАВА XI.

Портретъ и кольцо.

Позади самой древней части Голборна въ Лондонѣ, гдѣ нѣкоторые столѣтніе дома еще стоятъ, глядя на улицу и какъ бы тоскуя по рѣчкѣ Борнѣ, давнымъ-давно высохшей, есть уголокъ состоящій изъ двухъ неправильныхъ четвероугольниковъ, называемый Степль-Инъ. Это одинъ изъ тѣхъ уголковъ, проникнувъ въ которые пѣшеходъ думаетъ что онъ заткнулъ себѣ ватой уши и подложилъ бархатъ подъ салоги; одинъ изъ тѣхъ уголковъ гдѣ нѣсколько заколченныхъ воробьевъ чирикаютъ на закопченныхъ деревьяхъ, словно говорятъ: „давай играть въ деревню“, и гдѣ нѣсколько футовъ зелени, да нѣсколько футовъ песку помогаютъ этому усилію ихъ скуднаго воображенія. Этотъ уголокъ носитъ сверхъ того характеръ юридическій: тутъ есть зала, по серединѣ которой повѣшенъ фонарь, съ какою цѣлью и на чей счетъ, намъ неизвѣстно. Въ тѣ дни когда Клойстергамъ тревожился тѣмъ что гдѣ-то далеко существуетъ желѣзная дорога, угрожающая будто бы благосостоянію Британцевъ (удивительное дѣло что этими желѣзными дорогами то смущаются, то гордятся, смотря по обстоятельствамъ), въ тѣ дни не было по сосѣдству

высокихъ зданій которыя бы загораживали Стелль-Инъ. Заходящее солнце бросало на него яркіе лучи, и юго-западный вѣтеръ свободно доносился до него.

Но ни вѣтеръ, ни солнце не проникали въ Стелль-Инъ подъ вечеръ одного декабрьскаго дня, и туманъ обдавалъ его со всѣхъ сторонъ, и тускло мерцали свѣчи въ окнахъ занятыхъ въ то время квартиръ, особенно въ окнахъ одной квартиры въ угловомъ домѣ, надъ уродливымъ подъѣздомъ котораго начертена была черными буквами по бѣлому фону загадочная надпись:

Р.
І. Т.
1747.

Въ этой квартирѣ, не ломая себѣ головы надъ значеніемъ этихъ буквъ, сидѣлъ мистеръ Грюгьюсъ и писалъ у камина.

Кто могъ бы рѣшить, глядя на мистера Грюгьюса, зналъ ли онъ когда-либо честолюбіе и разочарованіе? Онъ воспитанъ былъ для адвокатуры и занимался хожденіемъ по дѣламъ. Но съ адвокатурой ему жилось такъ дурно что они, наконецъ, разошлись по обоюдному согласію, если могутъ разойтись тѣ кто въ сущности никогда не сходились.

Нѣтъ, неблагосклонна была адвокатура къ мистеру Грюгьюсу; онъ ухаживалъ за ней тщетно, и они разошлись. Но вдругъ какой-то благопріятный вѣтеръ принесъ ему неизвѣстно откуда третейскій судъ. Онъ повелъ дѣло отлично, заслужилъ всеобщее одобреніе неутомимостью съ которою старался отыскать и возстановить правду, и затѣмъ уже менѣе загадочный вѣтеръ принесъ ему довольно выгодную частную довѣренность. Теперь онъ управляетъ двумя богатыми имѣніями и передаетъ судебныя дѣла по нимъ, на значительныя суммы, фирмѣ адвокатовъ помѣщающейся въ нижнемъ этажѣ дома гдѣ онъ живетъ. Честолюбіе угасло въ немъ, если только когда-нибудь горѣло, и онъ мирно усѣлся подъ сухою смоковницей Р. І. Т., насадившаго ее въ 1747 году.

Множество счетовъ и конторскихъ книгъ, груды писемъ, нѣсколько желѣзныхъ сундуковъ наполняли комнату мистера Грюгьюса. Но нельзя сказать чтобы комната эта была загромождена: такъ аккуратно, въ такомъ порядкѣ было все размѣщено въ ней. Еслибы мистеру Грюгьюсу пришло на умъ что въ случаѣ скоропостижной смерти онъ можетъ оставить одинъ

фактъ неразъясненнымъ, одну цифру подъ сомнѣніемъ, онъ умеръ бы на мѣстѣ. Полнѣйшая добросовѣстность въ исполненіи ввѣреннаго ему дѣла была господствующею чертой этого человѣка. Бываютъ качества болѣе блестящія, болѣе привлекательныя, но нѣтъ болѣе благороднаго.

Въ комнатѣ мистера Грюгьюса не замѣтно было роскоши. Удобства ея ограничивались теплымъ, сухимъ воздухомъ и уютнымъ, хотя старымъ каминомъ. Жизнь въ этой комнатѣ сосредоточивалась около камина, покойнаго кресла да старомоднаго круглаго стола, который послѣ дневныхъ занятій придвигался къ огню изъ угла, гдѣ обыкновенно стоялъ поднятый, какъ блестящій щитъ изъ краснаго дерева. Позади этого стола, когда онъ стоялъ въ такомъ оборонительномъ положеніи находился буфетъ, большею частію вмѣщавшій въ себѣ нѣкоторые пріятные для человѣка напитки. Была еще другая комната, для конторщика. Спальня мистера Грюгьюса помѣщалась на другой сторонѣ общей лѣстницы, и еще снималъ онъ внизу подъ лѣстницей погребъ, не оставшійся пустымъ. Триста дней въ году по меньшей мѣрѣ онъ переходилъ черезъ улицу въ гостиницу Фортиваль обѣдать, а потомъ переходилъ обратно пользоваться удобствами домашняго очага подъ сѣнью таинственной надписи P. I. T., пока не настанетъ снова утро, а съ нимъ и пора дневной работы.

Какъ мистеръ Грюгьюсъ сидѣлъ и писалъ у камина въ этотъ вечеръ, такъ и конторщикъ мистера Грюгьюса сидѣлъ и писалъ у своего камина. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, блѣдный, темноволосый, съ одутловатымъ лицомъ, съ большими темными глазами совершенно лишенными блеска и недовольнымъ выраженіемъ, существо таинственное, обладающее какою-то странною властью надъ мистеромъ Грюгьюсомъ. Словно вызванный какою-нибудь магическою формулой, забытый потомъ, когда нужно было снова изгнать его, онъ неотступно находился при хозяинѣ, хотя спокойствіе мистера Грюгьюса очевидно выиграло бы отъ его удаленія. Мрачный человѣкъ со всклоченными волосами, какъ будто выросшій подъ тѣнью смертоноснаго дерева Явы, внесшаго столько небылицъ въ область ботаники, и при всемъ томъ мистеръ Грюгьюсъ оказывалъ ему непонятную внимательность.

— Ну что Бодзардъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, поднимая

голову и прибирая бумаги, когда вошелъ конторщикъ,—что̀ Богъ даетъ кромѣ тумана?

— Мистера Друда, сказалъ Бодзардъ.

— Что̀ же объ немъ новаго?

— Онъ заходилъ.

— Вы бы ввели его.

— Я и ввожу, сказалъ Бодзардъ.

Посѣтитель вошелъ.

— Ахъ, Боже мой! сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, выглядывая изъ-за двухъ свѣчей своихъ.—Я думалъ, вы только оставили карточку и ушли; какъ поживаете, мистеръ Эдвинъ! Да вы задыхаетесь.

— Это отъ тумана, отвѣчалъ Эдвинъ,—у меня глаза слезятся отъ него, какъ отъ кайенскаго перца.

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такъ силенъ? Снимите пожалуста пальто и шарфъ; счастье что у меня хорошій огонь. Мистеръ Бодзардъ обо мнѣ позаботился.

— И не думалъ, отозвался Бодзардъ въ дверяхъ.

— А! такъ значитъ я самъ позаботился о себѣ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Садитесь же пожалуста на мое кресло. Нѣтъ, прошу васъ! Вы продрогли, садитесь сюда непремѣнно.

Эдвинъ сѣлъ въ покойное кресло у камина, и туманъ принесенный имъ, и туманъ приставшій къ его верхней одеждѣ, былъ скоро поглощенъ жаднымъ огнемъ.

— Я располагаюсь здѣсь будто намѣренъ остаться, сказалъ Эдвинъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ мистеръ Грюгьюсъ,—извините что я васъ прерываю, останьтесь у меня. Туманъ можетъ разсѣяться часа черезъ два; мы достанемъ обѣдъ изъ гостиницы здѣсь рядомъ. Лучше употреблять кайенскій перецъ внутрь чѣмъ снаружи. Оставайтесь пожалуста обѣдать.

— Вы очень добры, сказалъ Эдвинъ, оглядываясь кругомъ, будто̀ привлеченный новизной и оригинальностью обстановки.

— Никакой тутъ нѣтъ доброты, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Вы напротивъ очень добры что соглашаетесь отобѣдать съ холостякомъ чѣмъ Богъ послалъ. Я приглашу, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и мигая, будто ему только что пришла въ голову блестящая мысль,—я приглашу Бодзарда; а то онъ пожалуй будетъ недоволенъ. Бодзардъ!

Бодзардъ появился.

— Обѣдайте сейчасъ же съ мистеромъ Друдомъ и со мною!

— Если приказываютъ, то конечно буду обѣдать, отозвался конторщикъ мрачно.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ мистеръ Грюгьюсъ, — вамъ не приказываютъ, васъ приглашаютъ.

— Благодарю васъ, сказалъ Бодзардъ,—въ такомъ случаѣ мнѣ все равно.

— Такъ это рѣшено. И вы потрудитесь, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ, — дойти до гостиницы Фортиваль и сказать чтобы прислали столовое бѣлье и посуду. На обѣдъ мы спросимъ самаго крѣпкаго бульйона какой окажется, да соусъ, который получше, да баранины, да гуся или тетерева, или какое тамъ у нихъ есть жаркое, словомъ, что̀ найдется на картѣ.

Эти роскошныя распоряженія мистеръ Грюгьюсъ произнесъ своимъ обычнымъ тономъ, будто читалъ списокъ или повторялъ урокъ, или говорилъ заученное наизусть. Бодзардъ, придвинувъ круглый столъ, отправился исполнять полученное приказаніе.

— Я, видите ли, немножко церемонился, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ по уходѣ конторщика, понизивъ голосъ,—отправить его на фуражировку. Онъ могъ бы быть не доволенъ.

— Онъ, какъ видно, дѣлаетъ что̀ ему угодно, замѣтилъ Эдвинъ.

— Что̀ ему угодно, повторилъ Грюгьюсъ,—о нѣтъ, какъ можно! Вы его не знаете. Еслибъ онъ дѣлалъ что̀ ему угодно, онъ не былъ бы здѣсь.

Гдѣ жь былъ бы онъ, подумалъ Эдвинъ, но только подумалъ, ибо мистеръ Грюгьюсъ сталъ у огня прислонившись къ камину, подобравъ полы и видимо готовясь къ дружеской бесѣдѣ.

— Хотя я и не имѣю дара пророчества, я однакожъ угадываю что вы зашли ко мнѣ съ намѣреніемъ увѣдомить меня что идете туда гдѣ васъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ и спросить нѣтъ ли какихъ-нибудь порученій къ моей прелестной питомицѣ; а можетъ-быть и для того чтобы побудить меня къ болѣе скорымъ дѣйствіямъ; не такъ ли, мистеръ Эдвинъ?

— Я зашелъ предъ отъѣздомъ изъ простой учтивости.

— Изъ учтивости, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ,—а не изъ нетерпѣнія?

— Что̀ вы хотите сказать?

Мистеръ Грюгьюсъ хотѣлъ сказать любезную колкость, хотя

намѣреніе это ничѣмъ наружно не проявлялось, и черезчуръ близко придвинулся къ огню, какъ будто съ цѣлью вжечь эту колкость въ себя, какъ тонкіе рисунки вжигаютъ въ тонкій металлъ. Но игривость его мгновенно разлетѣлась предъ спокойнымъ лицомъ посѣтителя; остался только нестерпимый жаръ огня. Онъ дрогнулъ и отодвинулся.

Я недавно былъ тамъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, приводя въ порядокъ свою одежду,—вотъ на что я намекалъ, говоря что васъ тамъ ожидаютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да, я зналъ что Кисинька меня ждетъ.

— Вы тамъ держите кошку? спросилъ мистеръ Грюгьюсъ.

Эдвинъ слегка покраснѣлъ и объяснилъ:

— Я называю Розу Кисинькой.

— Вотъ какъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, гладя себѣ волосы,—это очень мило. Эдвинъ поглядѣлъ на него, не зная, дѣйствительно ли не нравится ему это прозвище. Но на лицѣ мистера Грюгьюса ничего нельзя было видѣть, какъ на стѣнѣ.

— Ласкательное имя, объяснилъ еще разъ Эдвинъ.

— Гмъ, произнесъ мистеръ Грюгьюсъ, кивая головой, но такимъ неопредѣленнымъ тономъ не то сочувствія, не то порицанія, что гость сильно смутился.

— Не говорила ли вамъ К.... Роза, началъ Эдвинъ, оправившись.

— Кроза? переспросилъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Я хотѣлъ сказать Кисинька и спохватился; не говорила ли она вамъ о Ландлесахъ?

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Что такое Ландлесы? имѣніе? дача? ферма?

— Братъ съ сестрой. Сестра въ Женскомъ Монастырѣ и очень подружилась съ К....

— Крозой? договорилъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Она поразительно красивая дѣвушка; я думалъ что вамъ ее описывали или, можетъ-быть, представили.

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Но вотъ Бодзардъ.

Бодзардъ вернулся въ сопровожденіи двухъ слугъ, неподвижнаго и порхающаго, и они втроемъ принесли столько туману что огонь затрещалъ. Порхающій слуга, притащившій все на своихъ плечахъ, разостлалъ скатерть съ изумительною быстротой и ловкостью; а неподвижный слуга, ничего не принесшій, придирался къ нему. Порхающій слуга вытеръ принесенныя рюмки, а неподвижный слуга осмотрѣлъ ихъ. Затѣмъ порхаю-

щій слуга полетѣлъ черезъ улицу за бульономъ и прилетѣлъ назадъ, и опять полетѣлъ за соусомъ, и опять вернулся, и полетѣлъ еще разъ за бараниной и жаркимъ, и мчался еще нѣсколько разъ за разными предметами, которыя, какъ оказалось, неподвижный слуга всѣ позабылъ захватить. Но какъ быстро ни носился порхающій слуга, при возвращеніи неподвижный слуга постоянно укорялъ его тѣмъ что онъ запыхался и вноситъ въ комнату туманъ. Въ концѣ обѣда, когда порхающій слуга уже порядочно выбился изъ силъ, неподвижный слуга величественно прибралъ скатерть, поглядѣлъ со строгостью, чтобы не сказать съ негодованіемъ, на порхающаго, поставилъ на столъ чистыя рюмки, бросилъ прощальный взглядъ на мистера Грюгьюса, какъ будто говоря: „запечатлѣйте въ умѣ своемъ что награда принадлежитъ мнѣ, а этотъ рабъ не стóитъ вниманія,“ и удалился изъ комнаты, толкая порхающаго предъ собою. Картинка, напоминающая лордовъ Департамента Многоглаголанія, поучительная миніатюра, достойная висѣть въ національной галлереѣ. Какъ туманъ послужилъ ближайшимъ поводомъ къ этому роскошному обѣду, такъ онъ же и составлялъ его главную приправу. Слышать какъ люди на улицѣ чихали, сморкались, капляли, стучали ногами о мостовую, увеличивало пріятность удобствъ какими пользовались обѣдающіе. Кричать несчастному порхающему слугѣ чтобъ онъ плотнѣе закрывалъ дверь, когда онъ неуспѣлъ еще отворить ее, придавало яствамъ особый вкусъ. Замѣтимъ здѣсь въ скобкахъ что нога этого юноши, съ удивительною ловкостью отворявшая и затворявшая дверь, всегда появлялась нѣсколькими секундами раньше его самого и видѣлась нѣсколько секундъ послѣ того какъ онъ выходилъ, какъ нога Макбета крадущагося на убійство Дункана. Хозяинъ сходилъ въ погребъ и принесъ бутылки краснаго, блѣдно-желтоватаго и золотистаго вина, которое созрѣло давно въ странахъ не знающихъ тумановъ и съ тѣхъ поръ покоилось въ темнотѣ. Шипя и играя послѣ долгой дремоты, оно толкало пробку, помогая штопору, какъ узникъ помогаетъ бунтовщикамъ разбить двери тюрьмы его, и весело лилось въ рюмки. Если Р. І. Т. пивалъ въ свое время такое вино, то онъ несомнѣнно былъ также порядочно веселъ.

Наружно не было замѣтно никакого дѣйствія этихъ искрометныхъ винъ на мистера Грюгьюса. Лицо его нисколько не оживлялось и не свѣтлѣло, какъ будто онъ не пилъ ихъ, а

только даромъ лилъ ихъ на свою табачную фигуру. Пріемы его тоже не измѣнялись. Но при всей неподвижности своей, онъ внимательно слѣдилъ за Эдвиномъ, и когда въ концѣ обѣда усадилъ его снова въ свое покойное кресло, въ которое Эдвинъ погрузился, слегка ломаясь, мистеръ Грюгьюсъ, придвигаясь также къ огню и гладя себя рукою по волосамъ и лицу, глядѣлъ сквозь пальцы на своего гостя.

— Бодзардъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, вдругъ обращаясь къ нему.

— Я слушаю, отозвался Бодзардъ, который дѣлалъ свое дѣло, ѣлъ и пилъ, словно отбывалъ работу, большею частію молча.

— Пью за ваше здоровье, Бодзардъ! Мистеръ Эдвинъ, пожелаемъ успѣха Бодзарду.

— Успѣха Бодзарду! отозвался Эдвинъ съ безпричиннымъ восторгомъ, прибавляя мысленно: „только въ чемъ?“

— И пусть.... продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Я не въ правѣ говорить опредѣленно. Пусть.... Я до такой степени лишенъ дара слова что навѣрное не выпутаюсь. Пусть же.... Слѣдовало бы выразить это изящно, но во мнѣ нѣтъ изящества. Пусть.... Заноза смущенія — вотъ все чего я добьюсь. Пусть выйдетъ она наконецъ.

Мистеръ Бодзардъ съ мрачною улыбкой провелъ рукою по взъерошеннымъ волосамъ, будто тамъ кроется заноза. Потомъ заложилъ руку за жилетъ, будто она тамъ, и наконецъ опустилъ руку въ карманъ. За всѣми движеніями его внимательно слѣдилъ Эдвинъ, словно ожидалъ появленія занозы. Но она не появилась, и мистеръ Бодзардъ сказалъ только:

— Я слѣжу за вами и благодарю васъ.

— Я намѣренъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, постукивая одною рукой стаканомъ по столу, а другою прикрывая лицо и наклонившись къ Эдвину,—я намѣренъ предложить здоровье моей питомицы. Но я прежде предложилъ здоровье Боздарда, а то онъ могъ бы быть недоволенъ.

Это было сказано съ замысловатымъ кивкомъ, насколько лицо и движеніе мистера Грюгьюса могли выражать замысловатость. Эдвинъ въ отвѣтъ также кивнулъ, не имѣя въ сущности ни малѣйшаго понятія что̀ хочетъ онъ этимъ дать почувствовать.

— А теперь, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ,—выпьемъ стаканъ за здоровье прелестной, очаровательной миссъ Розы, Боздардъ. Здоровье очаровательной миссъ Розы!

— Я слушаю васъ, сказалъ Боздардъ, — и пью.

— Я также, сказалъ Эдвинъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ мистеръ Грюгьюсъ, прерывая молчаніе, естественно послѣдовавшее, хотя и трудно объяснить почему такое молчаніе всегда неизбѣжно слѣдуетъ за совершеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ обрядовъ общественной жизни, не наводящихъ сами по себѣ на раздумье.—Я необыкновенно угловатый человѣкъ, и однако воображаю себѣ, если только позволительно употребить это слово мнѣ, не обладающему ни малѣйшею долей воображенія, что могъ бы сегодня обрисовать настроеніе истинно-влюбленнаго человѣка.

— Мы готовы васъ слушать, сказалъ Боздардъ,—и оцѣнить вашу картину.

— Мистеръ Эдвинъ исправитъ ее, если она будетъ невѣрна, началъ опять мистеръ Грюгьюсъ, — и вставитъ нѣкоторыя черты изъ дѣйствительной жизни. Безъ сомнѣнія, невѣрности будетъ много и въ живыхъ чертахъ будетъ недостатокъ, ибо я родился старикомъ и незнакомъ съ нѣжными чувствами. Итакъ я полагаю что умъ истинно-влюбленнаго наполненъ предметомъ любви его. Полагаю что ея возлюбленное имя драгоцѣнно ему, что онъ не можетъ слышать и произносить его безъ волненія и чтитъ его какъ святыню. Если влюбленный обозначаетъ предметъ любви своей какимъ-нибудь нѣжнымъ названіемъ, то онъ хранитъ это названіе для нея одной и не ввѣряетъ посторонникъ ушамъ. Разглашать предъ посторонникъ это названіе, въ которомъ онъ изливаетъ чувство свое наединѣ со своею возлюбленною, было бы холодностью, безчувственностью, чуть не предательствомъ.

Удивительно было видѣть какъ мистеръ Грюгьюсъ, сидя прямо, словно аршинъ проглотилъ, и опершись руками на колѣни, монотонно и отрывисто произносилъ эту рѣчь, какъ какой-нибудь школьникъ съ отличною памятью произноситъ затверженный катехизисъ. Никакого чувства не выражалось на лицѣ его, только изрѣдка появлялась на носу едва замѣтная морщинка.

— Мнѣ представляется далѣе, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ, — справедливо ли, нѣтъ ли—рѣшите вы, мистеръ Эдвинъ, что истинно-влюбленнаго постоянно влечетъ къ предмету его любви, что онъ не находитъ удовольствія въ другомъ обществѣ и всюду ищетъ ея. Еслибъ я сказалъ что онъ ищетъ ее какъ птица ищетъ гнѣзда, я сдѣлалъ бы изъ себя дурака, ибо

это граничило бы съ тѣмъ что я считаю поэзіей, а я постоянно стараюсь держаться какъ можно дальше отъ поэзіи. Сверхъ того я вовсе незнакомъ съ нравами птицъ, исключая тѣхъ которыя живутъ въ Стелль-Инѣ; а эти птицы вьютъ гнѣзда подъ крышами, въ трубахъ, на заборахъ, не созданныхъ для нихъ благотворною рукой природы. Поэтому я рѣшительно отказываюсь отъ упоминанія о гнѣздѣ. Но мнѣ однако представляется что истинно-влюбленный не можетъ существовать отдѣльно отъ предмета своей любви, что онъ живетъ въ одно и то же время и двойною, и половинною жизнью. Если я выражаюсь неясно, то это происходитъ или отъ того что, не имѣя дара слова, не могу выразить мои мысли, или отъ того что, не имѣя мысли, нечего мнѣ выражать. А это послѣднее, по крайнему моему убѣжденію, несправедливо.

Эдвинъ краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно при нѣкоторыхъ чертахъ рисуемой картины. Теперь онъ глядѣлъ въ огонь и кусалъ себѣ губы.

— Умозрѣнія угловатаго человѣка, началъ снова мистеръ Грюгьюсъ, продолжая сидѣть и говорить точь-въ-точь какъ прежде,—по всей вѣроятности ошибочны.—Но мнѣ представляется,—ошибаюсь я или нѣтъ, рѣшать опять-таки вамъ, мистеръ Эдвинъ, — что не можетъ быть холодности, утомленія, сомнѣнія, равнодушія, колебанія въ истинно-влюбленномъ. Скажите, похожа ли сколько-нибудь на дѣло рисуемая мною картина?

Точно такіе отрывисто какъ говорилъ все время, обратился онъ съ этимъ вопросомъ къ Эдвину и остановился въ ту минуту когда можно было думать что онъ въ самомъ пылу рѣчи.

— Если вы предоставляете судить мнѣ, отозвался, запинаясь, Эдвинъ.

— Да, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ,—я предоставляю судить вамъ, какъ человѣку компетентному.

— Въ такомъ случаѣ я сказалъ бы, началъ опять Эдвинъ въ смущеніи, — что картина эта вообще вѣрна; только едва ли вы не слишкомъ ужъ строги къ несчастному влюбленному.

— Вѣроятно, согласился мистеръ Грюгьюсъ,—весьма вѣроятно. Я отъ природы человѣкъ жесткій.

— Можно не выказывать чувства, сказалъ Эдвинъ,—можно....

Тутъ онъ замялся, такъ долго отыскивая окончаніе фразы

что мистеръ Грюгьюсъ, къ усугубленію его смущенія, внезапно воскликнулъ:

— Конечно, можно.

Послѣ этого всѣ сидѣли молча. Мистеръ Бодзардъ молчалъ, потому что задремалъ.

— Однако отвѣтственность весьма велика, сказалъ наконецъ мистеръ Грюгьюсъ, глядя на огонь.

Эдвинъ кивнулъ въ знакъ согласія, также глядя на огонь.

— Надо быть увѣреннымъ въ своей искренности, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.

Эдвинъ опять сталъ кусать губы, не сводя взгляда съ огня.

— Не надо играть сокровищемъ которымъ обладаешь. Горе тому кто это забудетъ! сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.

Хотя онъ говорилъ все это отрывочно, все тѣмъ же тономъ школьника повторяющаго затверженныя пословицы, было однако что-то мечтательное въ угрожающемъ жестѣ который онъ сдѣлалъ обратившись къ камину, и потомъ опять погрузился въ молчаніе. Но не надолго. Сидя прямо по-прежнему, онъ вдругъ ударилъ рукой по колѣну, словно пробуждаясь отъ раздумья, и воскликнулъ:

— Надо кончить эту бутылку, мистеръ Эдвинъ! Позвольте налить вамъ; я налью также и Бодзарду, хотя онъ и спитъ, а то онъ, пожалуй, будетъ недоволенъ.

Онъ налилъ обоимъ, налилъ и себѣ; выпилъ стаканъ и опрокинулъ его на столъ, будто поймалъ какое-нибудь насѣкомое.

— А теперь, мистеръ Эдвинъ, началъ онъ, вытирая платкомъ губы и руки, — поговоримъ о дѣлѣ. Вы получили отъ меня на дняхъ удостовѣренную копію съ завѣщанія отца миссъ Розы. Вы знали содержаніе его и прежде, но я счелъ нужнымъ доставить вамъ эту копію. Я послалъ бы ее мистеру Джаспер у, но миссъ Роза желала чтобъ она была вручена вамъ лично; вы получили ее?

— Получилъ.

— Слѣдовало увѣдомить меня о полученіи, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ; — дѣло всегда остается дѣломъ; вы не увѣдомили.

— Я отчасти и пришелъ съ тѣмъ чтобы васъ увѣдомить.

— Это не дѣловое увѣдомленіе, отозвался мистеръ Грюгьюсъ,—но все равно. Въ документѣ этомъ вы, вѣроятно, замѣтили нѣсколько словъ о ввѣренной мнѣ на сохраненіе вещи, которую предоставлено мнѣ передать вамъ когда сочту нужнымъ.

— Да, замѣтилъ.

— Мистеръ Эдвинъ! Мнѣ сейчасъ пришло на умъ, какъ я глядѣлъ на огонь, что теперь самое лучшее время исполнить это порученіе. Позвольте мнѣ попросить вашего вниманія на нѣсколько минутъ.

Онъ вынулъ изъ кармана связку ключей, выбралъ одинъ изъ нихъ и затѣмъ, со свѣчой въ рукахъ, пошелъ къ маленькой конторкѣ, отперъ ее, подавилъ пружину отворявшую потайной ящикъ, и вынулъ изъ него футляръ, въ какихъ обыкновенно хранятся письма. Съ этимъ футляромъ въ рукахъ онъ вернулся къ своему креслу. Когда поднялъ онъ его чтобы показать молодому человѣку, рука его дрожала.

— Мистеръ Эдвинъ! Эта роза изъ брилліянтовъ и рубиновъ, въ изящной золотой оправѣ, кольцо принадлежавшее матери миссъ Розы. Оно снято было съ ея мертвой руки при мнѣ, съ такимъ отчаяннымъ горемъ какого, надѣюсь, никогда уже болѣе не видать. Какой ни жестокій я человѣкъ, этого и я бы не въ силахъ вынести. Смотрите, какъ камни эти блестятъ! А глаза, которые были гораздо свѣтлѣе и такъ часто глядѣли на нихъ весело и гордо, давно истлѣли въ прахѣ. Еслибъ у меня было воображеніе, а его у меня конечно нѣтъ, мнѣ представилось бы, пожалуй, что въ неизмѣнной красотѣ этихъ камней есть что-то жестокое.

Онъ закрылъ футляръ.

— Это кольцо было дано молодой женщинѣ, которая утонула такою молодою, въ самомъ началѣ ея прекрасной и счастливой семейной жизни, мужемъ ея, когда они впервые дали слово другъ другу. Онъ и снялъ его съ ея безчувственной руки, и онъ же, чувствуя приближеніе смерти, вручилъ его мнѣ, съ тѣмъ чтобъ я, когда вы и миссъ Роза достигнете совершеннолѣтія, отдалъ его вамъ для передачи ей, если обрученіе ваше состоится. Въ противномъ же случаѣ кольцо должно остаться у меня.

Нѣкоторое смущеніе замѣтно было на лицѣ молодаго человѣка, нѣкоторая нерѣшительность въ движеніи его руки, когда мистеръ Грюгьюсъ, глядя ему прямо въ глаза, подалъ ему кольцо.

— Надѣвъ кольцо это на палецъ вашей невѣсты, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, — вы запечатлѣете обѣтъ строгой вѣрности живымъ и мертвымъ. Вы ѣдете къ ней сдѣлать послѣд-

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1870 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1870 г стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **тринадцать рублей пятьдесятъ коп.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **пятнадцать рублей.**

Желающіе могутъ подписываться также и на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., а съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 к.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію—17 р.; въ Данію и Францію—18 р. 50 к. въ Англію, Грецію, Испанію, Португалію и Швецію—20 р. въ Италію и Папскія владѣнія—22 руб. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи [illegible] на [illegible]кій Вѣстникъ не при[illegible]

Иногородные адресуются исклю[illegible] Р. С. СКАГО ВѢСТНИ[illegible]

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ [illegible]ТИ въ [illegible]0 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ [illegible]М[illegible]Т на 1870 годъ, съ казенными объявленіями и [illegible]ъ [illegible]рибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на дом[illegible]1 [illegible]сяцевъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставк[illegible]а д[illegible] въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.